

*Посвящается
200-летию со дня рождения
ученого-востоковеда Доржи Банзарова
и 90-летию БГПИ — БГУ*

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
DORZHI BANZAROV BURYAT STATE UNIVERSITY

GOVERNMENT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

KAZAN FEDERAL UNIVERSITY
INSTITUTE OF INTERNATIONAL RELATIONS

INSTITUTE FOR MONGOLIAN, BUDDHIST AND TIBETAN STUDIES
OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RAS

BANZAROV READINGS

*Proceedings of International Scientific Conference, Dedicated
to the 200th anniversary of D. Banzarov and 90th anniversary BSPI-BSU
(Ulan-Ude, March 30–31, 2022)*

IN TWO PARTS

Part I

Ulan-Ude
Buryat State University Publishing Department
2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ, ТИБЕТОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

БАНЗАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы международной научной конференции, посвященной
200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ — БГУ
(Улан-Удэ, 30–31 марта 2022 г.)*

В ДВУХ ЧАСТЯХ

Часть 1

Улан-Удэ
Издательство Бурятского государственного университета
2022

УДК 94:39(=512.3)+37(082)

ББК 63.3:63.5(=64)+74я 431

Б 23

Утверждено к печати редакционно-издательским советом БГУ
протокол № 2 от 9 марта 2022 г.

Рецензенты

Л. Б. Жабаета, д-р ист. наук, профессор

Восточно-Сибирский госуниверситет технологий и управления (Россия, Улан-Удэ)

Т. И. Юсупова, д-р ист. наук, вед. науч. сотр.

Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

А. В. Дамдинов, и. о. ректора БГУ им. Д. Банзарова, канд. ист. наук (председатель);
В. В. Номогоева, и. о. проректора по НИР БГУ им. Д. Банзарова, д-р ист. наук (научный редактор);
О. Н. Полянская, канд. ист. наук, доцент (ответственный редактор);
С. Ж. Дугарова, д-р ист. наук, доцент; **Н. С. Байкалов**, канд. ист. наук, доцент;
Н. Ж. Дагбаева, д-р пед. наук, профессор; **В. А. Родионов**, д-р полит. наук, доцент;
Э. В. Семенова, канд. филол. наук, доцент; **Д. Ш. Харанутова**, д-р филол. наук, доцент;
М. Г. Цыренова, канд. пед. наук, доцент

Сборник размещен в системе РИНЦ на платформе
научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Б 23 **Банзаровские чтения**: материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ — БГУ. В 2 ч. Ч. I / научный редактор В. В. Номогоева; ответственный редактор О. Н. Полянская. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2022. — 356 с. ISBN 978-5-9793-1708-3 ISBN 978-5-9793-1709-0 (часть 1)

В первой части сборника представлены исследования учебных и академических учреждений России, Монголии, Польши, Казахстана. Статьи посвящены биографии и научному наследию Д. Банзарова, актуальным вопросам научного монголоведения, истории и культуры монгольских народов, российско(советско)-монгольских отношений. Публикации отражают этапы развития образования и основные тенденции современных педагогических исследований.

Материалы предназначены для исследователей, преподавателей, студентов и всех интересующихся вопросами, представленными в сборнике.

Banzarov Readings: Proceedings of International Scientific Conference, Dedicated to the 200th anniversary of D. Banzarov and 90th anniversary BSPI-BSU. In 2 parts. P. I / Science Editor V. V. Nomogoeva / Responsible Editor O. N. Polyanskaya. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2022. — 356 p. ISBN 978-5-9793-1708-3 ISBN 978-5-9793-1709-0 (part I)

Volume I of the collection represents academic studies performed at educational and academic institutions of Russia, Mongolia, Poland, and Kazakhstan. The scholarly papers are devoted to the biography and scientific heritage of D. Banzarov, as well as current issues of Mongolian studies, history and culture of the Mongolian peoples, Russian (Soviet)-Mongolian relations. The proceedings reflect the stages of education development and the main trends of modern pedagogical research.

The collection is intended for researchers, teachers, students and anyone interested in the presented issues.

УДК 94:39(=512.3)+37(082)
ББК 63.3:63.5(=64)+74я 431

ISBN 978-5-9793-1709-0

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2022

Уважаемые участники конференции!

2022 год — юбилейный в истории нашего вуза. Исполняется 90 лет со дня создания Бурятского государственного педагогического института — Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (БГПИ — БГУ) и 200 лет со дня рождения ученого-востоковеда, монголоведа Доржи Банзарова (1822–1855), чье имя носит университет и в честь которого названа конференция — «Банзаровские чтения».

В Бурятии чтут память о выдающемся ученом, представителе бурятского народа Д. Банзарове. История БГПИ — БГУ неразрывно связана с его именем. В марте 1947 г. постановлением Совета Министров Бурят-Монгольской АССР Бурятскому государственному педагогическому институту было присвоено имя ученого Доржи Банзарова. В 1957 г. перед зданием института был установлен памятник работы скульптора А. И. Тимина. При поддержке руководства Бурятского государственного университета, по инициативе научной общественности Республики Бурятия в декабре 2018 г. Бурятскому государственному университету было возвращено имя Доржи Банзарова, утраченное при реорганизации института в университет. 24 октября 2020 г. в Казани состоялось открытие мемориальной доски бурятскому ученому. Доска установлена на стене одного из корпусов Казанского федерального университета, где более 170 лет назад учился Доржи Банзаров. В Казанском университете с 1842 по 1846 г. проходило его становление под влиянием авторитетных ученых России первой половины XIX в., определился круг его научных интересов. Учитель Д. Банзарова О. М. Ковалевский видел в нем того человека, который должен был посвятить себя изучению религиозных верований монголов, по возможности заняться познанием буддизма. Главную роль О. М. Ковалевский отводил Д. Банзарову в изучении шаманизма, предложив ему тему «Черная вера», или шаманство у монголов». В 1848 г. Д. Банзарову удалось плодотворно поработать с фондами Публичной библиотеки и Азиатского музея Академии наук в Санкт-Петербурге. Он был избран членом-корреспондентом Императорского русского археологического общества. За короткий период творческой деятельности Д. Банзарову удалось добиться существенных результатов в исследованиях историко-этнографического и лингвисти-

ческого плана. Им сделан определенно важный вклад в становление научного монголоведения России.

Направления работы международной научной конференции «Банзаровские чтения» охватывают широкий спектр вопросов, во многом отражающий направления научной деятельности Д. Банзарова.

Рад приветствовать участников конференции из признанных центров монголоведения России: Санкт-Петербурга, Казани, Иркутска, с которыми связаны определенные этапы жизни и научной деятельности Д. Банзарова; коллег из российских университетов и академических институтов, зарубежных участников из Монголии, Китая, Франции, Польши, Казахстана, Кыргызстана. Поздравляю со знаменательными датами в истории науки и образования России, желаю конференции «Банзаровские чтения» плодотворной работы!

*А. В. Дамдинов, и. о. ректора
Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова*

I. ДОРЖИ БАНЗАРОВ: БИОГРАФИЯ, НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ, ПАМЯТЬ

УДК 001(091)(571.54)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-7-10

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО ИМ. Д. БАНЗАРОВА И СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ БУРЯТИИ

© **Тулохонов Арнольд Кириллович**
академик РАН, научный руководитель
aktulohonov@binm.ru

© **Иванова Сембрика Нимаевна**
доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник
sambrika@binm.ru

Байкальский институт природопользования СО РАН
Россия, Улан-Удэ

Анализируется деятельность Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова. Рассмотрены вопросы становления академической науки Бурятии в разные годы, научные направления. Бурят-Монгольское научное общество им. Д. Банзарова рассматривается как начало академических исследований естественного профиля в Бурятии, которое за сравнительно небольшой срок существования провело огромную исследовательскую работу по краеведению и изучению природы, социально-экономических условий жизни населения Бурятии.

Ключевые слова: Бурят-Монгольское научное общество им. Д. Банзарова, становление академической науки в Бурятии.

BURYAT-MONGOLIAN SCIENTIFIC SOCIETY AFTER D. BANZAROV AND CONTEMPORARY ACADEMIC SCIENCE DEVELOPMENT IN BURYATIA

Arnold K. Tulokhonov
Academician of the Russian Academy of Sciences

Sembrika N. Ivanova
Dr. Sci. (Sociol.), A/Prof., Senior Research Fellow
Scientific Supervisor of the Baikal Institute of Nature Management SB RAS
Russia, Ulan-Ude

The article makes the review of the Buryat-Mongolian Scientific Society named after D. Banzarov, its activities. The issues for developing the academic science in Buryatia for a certain period, as well as scientific directions are considered. The Buryat-Mongolian Scientific Society named after D. Banzarov is considered to be the beginning of academic research in natural sciences in Buryatia, which, in a relatively short period of existence, has carried out great research work on local history and the nature study, socio-economic conditions of life in Buryatia.

Keywords: Buryat-Mongolian Scientific Society named after D. Banzarov, academic science development in Buryatia.

Традиционно принято считать, что образование в 1922 г. Бурятского ученого комитета (Буручкома) положило начало развитию научных исследований по изучению национальной культуры, языка, литературы и истории. При этом основная цель Ученого комитета

заклучалась во всемерном содействии «культурному развитию бурят-монгольской трудовой массы и распространению среди этой массы идей социалистической культуры путем реализации бурят-монгольского языка в области просвещения» [Базаров и др., 2021]. В определенной степени такой гуманитарный и национальный крен объясняется тем, что в его первоначальный состав входили только представители коренной национальности, усилиями которых начинала формироваться государственность бурятской нации. Ученый комитет объявлялся «высшим ученым учреждением Бурятии, объединяющим все научные и культурные силы бурят-монголов для выполнения научно-теоретических работ в деле проведения в жизнь всех культурно-просветительных задач бурят-монгольского народа» [Бурят-Монгольский, 2017, с. 5].

К сожалению, в такой постановке учредительных документов выпали проблемы развития естественных наук. Между тем один из основателей Буручкома Ц. Жамцарано, выступая на учредительной конференции, утверждал, что «этот комитет будет тем ядром, которое в дальнейшем, быть может, разовьется в Бурятскую академию наук» [Там же]. Однако эта мысль воплотилась в жизнь только многими десятилетиями позже. Тем не менее ориентация Буручкома преимущественно на гуманитарные исследования определила необходимость развития в Бурятии и естественнонаучных исследований. Поэтому руководство республики 21 декабря 1923 г. создает комиссию во главе с М. И. Амагаевым по организации национального Бурят-Монгольского научного общества и научного института [Бурятияеведение, 1925]. Первое организационное собрание общества состоялось 19 апреля 1924 г., был принят его устав, намечен план работ и избрано правление, а также обществу было присвоено имя первого бурятского ученого Д. Банзарова.

В состав правления общества вошли руководители республики, видные представители интеллигенции. Председателем был избран М. И. Амагаев, членами — Б. Б. Барадин, Ч. Б. Базарон, Л. И. Воскобойников, В. П. Гирченко, М. Н. Ербанов, Н. Н. Козьмин, Н. Н. Лесков, А. И. Оширов, А. И. Трубачев, Н. Ф. Черноморченко, кандидатами — Данилов, Малков и Неупокоев.

В составе общества было организовано 3 секции: физико-географическая, историко-этнологическая и экономическая. В первый год существования проведено 8 общих собраний с докладами: О происхождении бурятского народа (Н. Н. Козьмин), Рыболовство на Байкале (К. Н. Пантелеев), Современная Монголия (М. И. Амагаев).

При всей сложности социально-экономических условий 20-х гг. прошлого века, связанных с распадом Дальневосточной республики и организацией Бурят-Монгольской автономии, в это время уже существовал Бурят-Монгольский ученый комитет со штатом 12 человек, Бурят-Монгольский краевой музей со штатом 4 человека, Музей народного образования — 5 человек. Издавались журналы «Бурятияеведение» и «Жизнь Бурятии».

При обилии исторических материалов, раскрывающих деятельность Буручкома, у нас не так много сведений о работе Б.-М. научного общества. Поэтому его основная работа отражена в специальных бюллетенях «Бурятияеведение», первый номер которого вышел в 1925 г. в Верхнеудинске.

Обращает внимание, что во всех номерах этого бюллетеня особое внимание уделяется развитию краеведения. Во вступительной статье первого номера «Задачи и формы краеведческой работы» Н. Козьмин пишет: «Основная задача краеведения — это опереть государственно-хозяйственное строительство на такое основательное знакомство со страной, которое исключало бы кабинетный, теоретический, не соответствующий местной жизни, местным условиям и интересам подход». Для организации на местах краеведческой работы при обществе было создано организационное бюро, которое содействовало созданию краеведческих ячеек на местах.

В каждом из номеров бюллетеня публикуются отчеты о деятельности Бурят-Монгольского научного общества за определенные периоды. К 1928 г. в обществе состояло 323 действительных члена и 36 членов-соревнователей. В почетные члены общества были избраны выдающиеся ученые: академики А. П. Карпинский — президент Академии наук СССР, С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, Н. Я. Марр, профессор А. А. Ярилов, Н. Н. Козьмин.

В состав правления научного общества входило все руководство республики, а председателем правления был избран М. Н. Ербанов — председатель ЦИК и СНК республики, а его заместителями — Б. Б. Барадин (председатель Буручкома), М. М. Сахьянова (секретарь ОК ВКП(б)), А. Д. Данилов (нарком просвещения), Н. Н. Козьмин (заместитель председателя Госплана), М. И. Помус (секретарь Госплана), Г. Ц. Цыбиков (ученый секретарь Буручкома). В 1927 г. председателем общества избран И. А. Ильин (председатель Госплана), а после его отъезда в Москву — И. В. Ченкиров (секретарь БурЦИК и СНК, нарком финансов).

За сравнительно небольшой срок существования, с 1923 по 1930 г. Б.-М. научное общество провело огромную исследовательскую работу по краеведению и изучению природы, социально-экономических условий жизни населения Бурятии. Состоялись экспедиции по изучению Еравнинских озер (Е. С. Соллертинский), оз. Котокель (К. Н. Пантелеев), по исследованию бадана (В. Н. Сердитых), по изучению быта семейских (А. М. Попов), по изучению чумы (А. М. Скородумов), по исследованию археологических памятников (В. В. Попов). Результаты этих экспедиций обсуждались на общих собраниях и заседаниях секций, публиковались в журналах «Бурятиеведение» и «Жизнь Бурятии», в отдельных монографиях.

На 1 октября 1925 г., на 3-м году деятельности общества, в нем числилось 60 действительных членов и избрано 102 новых члена. За 1925 г. проведено 10 общих собраний, на которых заслушано 14 докладов.

В 1928 г. проведено 16 общих собраний, на которых заслушано 18 научных докладов. Кроме того, дополнительно на заседаниях секций с сообщениями выступило 11 сотрудников. Всего опубликовано 75 научных работ. В сферу деятельности общества входила и благотворительность, в рамках которой оказана помощь вдове члена общества Н. К. Казаринова.

В научных работах членов Б.-М. научного общества рассматривался широкий круг самых разнообразных теоретических и прикладных задач, проблемы фундаментальной науки. Среди них следует отметить:

Соллертинский Е. С. Об изучении производительных сил Бурятии.

Жинкин В. Н. О кровяном и расово-биохимическом индексе у восточных бурят, Вопросы курортного строительства в Бурятии.

Данилов А. Д. О первом сибирском краевом научно-исследовательском съезде и юбилее Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества.

Помус М. И. Пути сельского хозяйства Бурятии и индустриализация.

Соллертинский Е. С. О движении материков и теория Вегенера.

Казаринов Н. К. О сибирской советской энциклопедии.

Трудно представить, что в те далекие годы становления Бурят-Монгольской республики обсуждались самые актуальные проблемы жизни республики и фундаментальные научные проблемы. Нарком просвещения А. Д. Данилов принимал участие в работе съезда географического общества в Иркутске. В Госплане республики работал выдающийся советский географ М. И. Помус — автор многих трудов и учебников по географии Советского Союза, Е. С. Соллертинский изучал проблемы тектоники плит задолго до официального признания их основоположниками советской геологии.

Об уровне этих исследований можно судить и по тому, что в январе 1928 г. руководство Бурят-Монгольского научного общества выступило с докладом о научно-исследовательских работах в Бурятии на особом комитете Академии наук СССР по исследованию союзных и автономных республик. К сожалению, по каким-то причинам общество в 1930 г. было упразднено, а все фонды переданы вновь созданному Государственному институту культуры, который, «в отличие от Буручкома, должен заниматься, главным образом, научно-исследовательской работой» [Базаров, 2021].

Новому институту была поставлена главная задача — плановое изучение Буреспублики, ее естественных богатств, народного хозяйства и гуманитарных наук. В этих целях в институте был создан сектор производительных сил, правда каких-либо сведений о деятельности этого сектора в архивах обнаружить не удалось. Более того, руководством республики в 1936 г. Государственный институт культуры был реорганизован в Бурят-Монгольский государственный институт языка, литературы и истории (ГИЯЛИ), который занимался в основном общественными и гуманитарными науками. И только в годы войны в нем создается сектор экономики, а в 1944 г. постановлением СНК БМАССР этот институт преобразуется в Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры и экономики.

К сожалению, в ноябре 1949 г. по постановлению Совета министров БМАССР сектор экономики вновь был упразднен, а единственный научный институт реорганизован в новый Бурят-Монгольский институт культуры (БМНИИК) в составе трех секторов: истории, языка и письменности, литературы и фольклора, с научной библиотекой и рукописным отделом.

В этом составе он существовал до создания в 1958 г. Бурят-Монгольского комплексного научно-исследовательского института, в котором появились первые академические научные лаборатории естественнонаучного профиля; началось становление Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР с 2 первыми институтами: Бурятский институт общественных наук и Бурятским институтом естественных наук, ставшими впоследствии родоначальником всех других институтов Бурятского научного центра, существовавшего до начала реформы РАН в составе Геологического института, Института общей и экспериментальной биологии, Байкальского института природопользования и Института физических проблем и материаловедения.

И если принять организацию Бурятского ученого комитета как предшественника ныне существующего Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, то по тем же основаниям справедливо считать началом организации академических исследований естественного профиля создание Бурят-Монгольского научного общества и в 2023 г. вместе со столетием Республики Бурятия отметить вековой юбилей академической науки республики. И еще раз оценить заслуги первых руководителей Бурят-Монголии в организации государственной системы научных исследований природы и общества.

Литература

1. Базаров Б. В., Ванчикова Ц. П., Плеханова А. М., Чимитдоржиева Г. Н. От Ученого комитета к академическому институту: к 100-летию юбилею Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 3(43). С. 127–132.
2. Бурят-Монгольский ученый комитет (1922–1929) / авт.-сост. Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева, О. С. Ринчинова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 19–24; ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Д.118. Л.67-70об.

УДК 01(510)

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-11-15

**КАТАЛОГ МАНЬЧЖУРСКИХ КНИГ АЗИАТСКОГО МУЗЕЯ,
СОСТАВЛЕННЫЙ ДОРЖИ БАНЗАРОВЫМ**

© **Пан Татьяна Александровна**

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,

заместитель директора по научной работе,

Институт восточных рукописей РАН

Россия, г. Санкт-Петербург

ptatiana@inbox.ru

Коллекция Института восточных рукописей основана на фондах Азиатского музея — старейшего востоковедного академического центра России. Долгое время составлялись единые каталоги книг на дальневосточных языках. Первый отдельный каталог маньчжурских книг из коллекции Азиатского музея был составлен Доржи Банзаровым в 1848 г. Задачей составителя было выделение маньчжурских книг из общего каталога книг М. И. Броссе. Составленный Доржи Банзаровым за полгода каталог был в том же году опубликован в Бюллетене Академии наук. Рукопись этого каталога хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН. В ней к каталогу маньчжурских книг, состоящему из 126 номеров описания, прилагается краткий список калмыцких текстов из коллекции Азиатского музея. Ценность каталога Доржи Банзарова заключается в том, что он впервые выделил и описал маньчжурские книги из общего дальневосточного фонда, дав им полное маньчжурское название в транслитерации и оригинальной письменности. Каталог зафиксировал состояние маньчжурской коллекции Азиатского музея на 1848 г.

Ключевые слова: маньчжурские книги, Азиатский музей, Доржи Банзаров, Броссе, каталог, Институт восточных рукописей, Архив востоковедов.

MANCHU BOOKS CATALOGUE COMPILED BY DORZHI BANZAROV
IN ASIATIC MUSEUM

Tatiana A. Pang

Cand. Sci. (Hist.)

Leading Researcher, Deputy Director for Academic Affairs at the IOM RAS

Institute of Oriental Manuscripts RAS

Saint-Petersburg, Russia

The manuscript collection of the Institute of Oriental manuscripts RAS is based on the collection of the Asiatic Museum — the eldest Russian academic institution. For a long time, the Far-Eastern books were listed together in one catalogue. Only in 1848 the first separate catalogue of Manchu books of the Asiatic Museum was compiled by Dorzhi Banzarov. His aim was to select all Manchu titles from the already known catalogue by M.I. Brosset. Dorzhi Banzarov compiled the catalogue in half-a-year, and the catalogue was immediately published in the «Bulletin de la Classe historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg». Today the manuscript of the Catalogue is kept in the Archives of the Orientalists of the IOM RAS. The Manchu books and manuscripts are described under 126 entry numbers. The Manuscript Catalogue by Dorzhi Banzarov gives titles in their original Manchu script and transliteration. It is a major source for the history of Manchu studies and has fixed the state of the Manchu collection of the Asiatic Museum in 1848. In addition to this Catalogue, the manuscript has a title-list of the Kalmyk books in the collection of the Asiatic museum.

Keywords: Manchu books, Asiatic Museum, Dorzhi Banzarov, Brosset, catalogue, Institute of Oriental manuscripts, Archive of the Orientalists.

Установление российско-китайских отношений в начале XVIII в., при Петре I способствовало появлению в Петербурге книг и рукописей на китайском и маньчжурском язы-

ках из империи Цин. Они закупались торговыми и дипломатическими посольствами для Библиотеки Императорской Академии наук, основанной в 1724–1725 гг. В 1818 г. в результате реорганизации Академического музея (Кунсткамеры) был создан Азиатский музей Императорской Академии наук, в который из библиотеки были переданы книги, в т. ч. на дальневосточных языках. К этому времени учеными уже периодически создавались каталоги китайских и маньчжурских книг, что было связано с пополнением фондов и необходимостью их описания [Пан, 2006, с. 15–18]. В 1840 г. М. И. Броссе составил первый и наиболее полный каталог дальневосточных книг собственно Азиатского музея под названием «Catalogue des livres et manuscrits Chinois, Mandchous, polyglottes, Japonnais et Coréen, de la bibliothèque du Musée Asiatique, de l'Académie Impériale des Sciences, rédigé par M. Brosset, 1840» [Петербургский филиал Архива АН. Фонд 789, оп. 1, ед. хр. 6]. Этот каталог не был опубликован и существует только в рукописи, состоящей из 179 листов: листы 1–165 — китайские и маньчжурские книги, 166–180 — японские и корейские. Китайские и маньчжурские книги и рукописи учтены под 919 номерами описания, включающими дубликаты и отдельные тетради одних и тех же произведений. Каталог написан на французском языке, все названия книг даны во французской транскрипции.

С увеличением восточных коллекций в Азиатский музей приглашались востоковеды различных специальностей и началось составление каталогов книг по отдельным восточным языкам. Именно в это время, в 1847 г., в Петербург приехал Доржи Банзаров, который благодаря дружбе с учеными-востоковедами В. В. Григорьевым¹ и П. С. Савельевым² быстро вошел в академические круги столицы. Как пишет первый библиограф Доржи Банзарова Г.Н. Потанин, «по представлению академиков Шегрена³, Дорна⁴ и Бетлингга⁵ историко-филологическое отделение Академии наук поручило Доржи Банзарову: <...> 2) пересмотреть и приготовить к печати каталог манджурским⁶ сочинениям Азиатского музея, составленного г-ном Броссе» [Потанин, 1891, с. XVII]. Фактически задачей Д. Банзарова было выделение из уже имеющегося каталога М.И. Броссе ксилографов и рукописей на маньчжурском языке. Через полгода работы им был представлен первый отдельный каталог книг на маньчжурском языке «Каталог книгам и рукописям на манджурском языке, находящимся в Азиатском музее императорской Академии наук, составленный Д. Банзаровым». Этот каталог был опубликован в 1848 г. в академическом издании «Bulletin de la Classe historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg» (Т. V, № 6, с. 1–7) и переиздан в 1955 г. [Доржи Банзаров, 1955, с. 112–124].

В Архиве востоковедов ИВР РАН сохранилась рукопись этого каталога [ф. 152, оп. 2, № 10] в твердом переплете (35,5 x 22,5 см), с черной этикеткой, на которой золотыми буквами выбито название «Каталог книгам и рукописям на маньчжурском языке, нахо-

¹ Григорьев Василий Васильевич (1816–1881) — русский историк-востоковед, специалист по Передней и Средней Азии, профессор Санкт-Петербургского университета.

² Савельев Павел Степанович (1814–1859) — русский востоковед-арабист, археолог, нумизмат, один из основателей Российского археологического общества.

³ Шегрен Андрей Михайлович (швед. Andreas Johan Sjögren, фин. Anders Johan Sjögren) (1794–1855) — российский филолог и этнограф, академик Петербургской АН (1831), исследователь истории, археологии, этнографии, языков финского и кавказских народов.

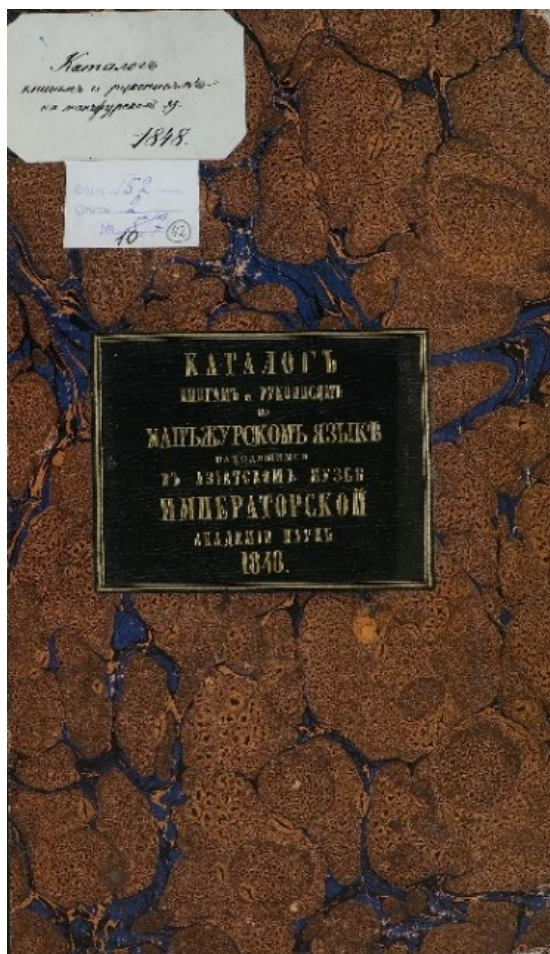
⁴ Дорн Борис Андреевич (нем. Johannes Albrecht Bernhard Dorn; 1805–1881) — российский ученый-востоковед, академик императорской Академии наук, директор Азиатского музея.

⁵ Бетлинг Оттон Николаевич (Otto von Böhtlingk) (1815–1904) — ученый, индолог, санскритолог, академик, тайный советник.

⁶ Довольно длительное время слово *маньчжурский* записывалось по-разному, и даже в названии каталога в рукописи и издании использованы разные написания этого слова: *манджурский*, *маньчжурский*. В тексте статьи даются написания оригиналов.

дящимся в Азиатском музее Императорской Академии наук. 1848». Каталог был представлен научному сообществу 31 марта 1848 г., о чем свидетельствует надпись на французском языке черными чернилами сверху на титульном листе рукописи: *Présenté le 31 Mars 1848*. На титульном листе название каталога написано от руки, черными чернилами, под названием стоят две печати: 1) круглая красная печать Азиатского музея, 2) круглая синяя печать Отдела рукописей Института востоковедения АН СССР.

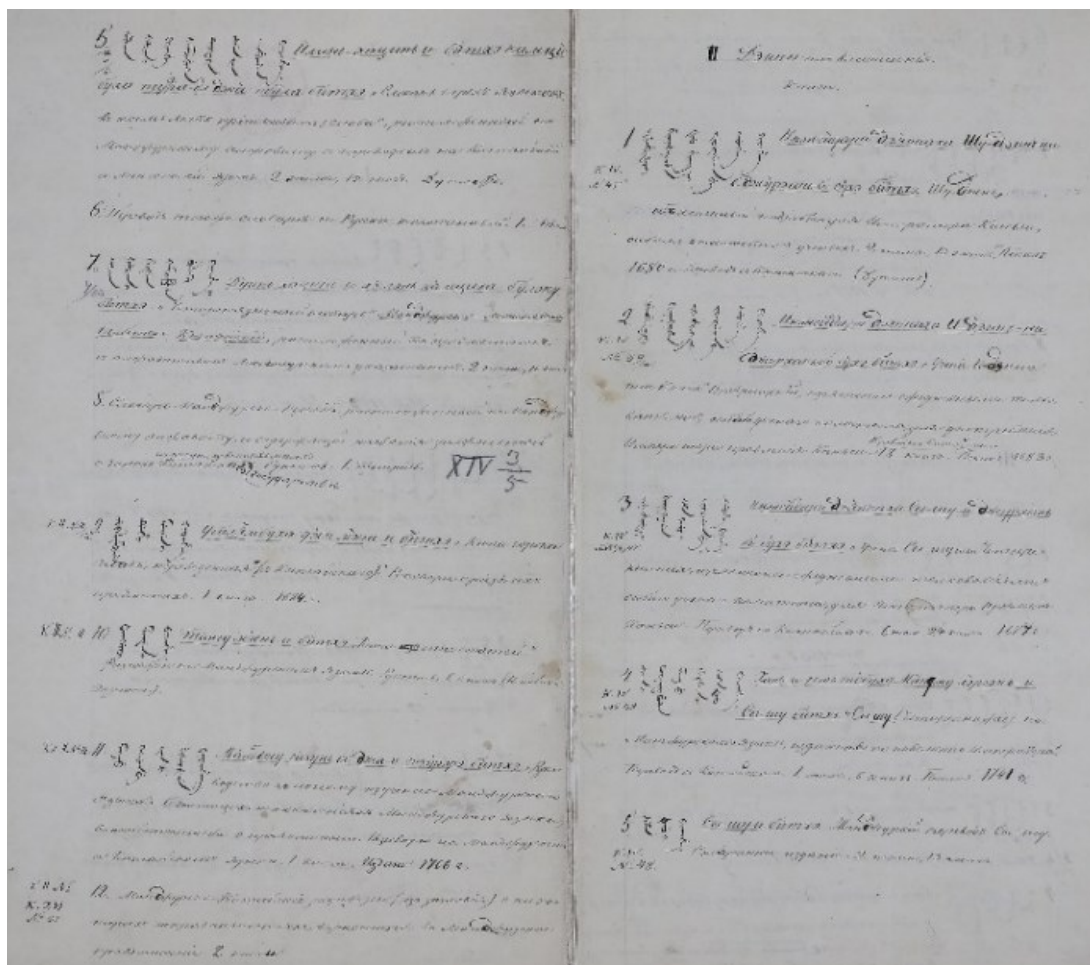
Рукопись состоит из 19 больших переплетенных листов (35 x 22 см), между 16 и 19 листами вплетены три чистых листа.

Обложка рукописи каталога, составленного Доржи Банзаровым.

©Архив востоковедов ИВР РАН

Каталог маньчжурских книг находится на листах 2а–11б. Доржи Банзаров описал 67 произведений и сборников, которые расположил по 126 номерам описания, отразив в них дубликаты произведений. Все рукописи и ксилографы разделены автором каталога в тематическом порядке по 12 рубрикам: 1. Языкознание. 2. Дзины, или классические книги. 3. Философия и нравственность. 4. География. 5. История. 6. Законодательство. 7. Религия буддийская. 8. Религия христианская. 9. Военное искусство. 10. Медицина. 11. Словесность (историко-романтические предания; романы и вымышленные рассказы). 12. Смесь.

Страницы рукописи каталога, составленного Доржи Банзаровым.
©Архив востоковедов ИВР РАН

Разделение на рубрики было заимствовано Доржи Базаровым из каталога М. И. Броссе, в котором было 18 рубрик, дополнительно включающих полиглоты, карты и книги на японском и корейском языках. В каталоге Броссе книги отмечены только по китайским названиям во французской транскрипции, с указанием языка произведения (китайского или маньчжурского). Некоторые издания давались описательно, например в разделе «Словари» (classe I. Dictionaire) под № 31 Броссе пишет: *Dictionaire d'anciens terms mandchou avec leur explication*. Этот же словарь у Доржи Банзарова описан под № 2 в разделе «Языкознание»: «Ярдзянь-и кооли-чи туциемо туцибухэ фо маньджу гисунь-и битхэ. — Словарь старинных слов и выражений маньчжурских, с толкованием на новом языке. 11 книг без переплета» [Доржи Банзаров, 1955, с. 112]. При этом в рукописи кроме транслитерации каждой книге дано и маньчжурское оригинальное написание названия. Более того, в рукописи указан номер по каталогу Броссе, что значительно облегчает поиск издания во французском каталоге. Любопытно, что на л. 4 рукописи Банзарова есть сноска: «Сочинения, при которых не вставлено старых номеров, не были еще внесены в старый каталог». Это фактически указание на новые поступления в Азиатский музей, появившиеся в библиотеке в 1840–1848 гг. В издании каталога Банзарова ссылки на каталог Броссе отсутствуют.

Описания книг в каталоге Доржи Банзаровым даны по строгой схеме: оригинальное маньчжурское название, его русская транслитерация, перевод на русский язык, пояснение, количество книг, год и место издания. Например, «Инэнгидари дзяннаха И-дзин-ни джурхань-бо сухэ битхэ — «Учение И-дзина, или Книга превращений, изъясненное ежедневными толкованиями» особого ученого комитета для употребления императора правления Кань-си. Перевод с китайского, 18 книг. Пекин, 1683 г.» [Доржи Банзаров, 1955, с. 113]. Особенно подробно Доржи Банзаров расписывает буддийскую литературу, указывая русский перевод названий каждой буддийской сутры [Доржи Банзаров, 1955, с. 119–120]. У Броссе под № 20 в разряде «Religions de la Chine» (Религии Китая) эти сутры описаны все вместе как «Praires lamaiques en mandchou, traduite par ordre de Kian-long».

Следует сказать несколько слов о транслитерации, которую использовал Доржи Банзаров. В то время, когда составлялся каталог, еще не существовало устоявшейся русской транслитерации маньчжурских слов¹, поэтому Банзаров использовал свой вариант транслитерации, иногда неточный. Так, например, слово *дэхи* (сорок) он записывает как *дэси*; *тачихянь* (учение) как *тацисьянь*; *яргянь* (действительный) как *ярдзянь*; *фэ* (старый) как *фо*; *бэ* (показатель винительного падежа) как *бо* и т. п. При этом все названия произведений в маньчжурской графике в рукописи написаны правильно.

Рукопись, хранящаяся в Архиве востоковедов ИВР РАН под картонным переплетом имеет не только рукописный каталог Доржи Банзарова, но и четыре листа оттисков печатного каталога (лл. 16–19, каждый лист оттиска проклеен с чистым листом).

Третьей частью этой рукописи является составленный Доржи Банзаровым «Каталог калмыцких рукописей, находящихся в музее Императорской Академии наук» (лл. 126–156). Он состоит из 76 названий текстов, относящихся к молитвам духам-хранителям, лечению больных, астрологии, о покаянии в грехах, о перерождениях существ и т. д. Этот небольшой каталог никогда не был опубликован.

Несмотря на то, что составленный Доржи Банзаровым каталог маньчжурских книг, хранящихся в Азиатском музее, был опубликован в Бюллетене Императорской Академии наук в 1848 г., он не был востребован хранителями библиотеки. Рабочим каталогом дальневосточного фонда долгое время оставался каталог Броссе. В 1926–1927 гг. в Азиатском музее была проведена перерегистрация книг, поэтому в нем около каждого номера описания появилась печать ревизии с указанием о наличии книги целиком или частично.

Тем не менее следует сказать, что «Каталог книгам и рукописям на маньчжурском языке, находящимся в Азиатском музее Императорской Академии наук, составленный Д. Банзаровым», является уникальным свидетельством состояния маньчжурского фонда Азиатского музея на 1848 г. Это первое научное описание книг на маньчжурском языке с указанием их титула в транслитерации и оригинальном написании. Работа была проделана Доржи Банзаровым в довольно короткий срок, за полгода он описал не только маньчжурскую, но и калмыцкую коллекцию Азиатского музея, что было высоко отмечено академической общественностью Санкт-Петербурга.

Литература

1. Доржи Банзаров. Собрание сочинений. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.
2. Пан Т. А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.
3. Потанин Г. Н. Очерк жизни и деятельности Доржи Банзарова. «Черная вера, или шаманство у монголов и другие статьи Доржи Банзарова» / под ред. Г. Н. Потанина. СПб.: Тип. Импер. АН, 1891.

¹ Только с изданием «Полного маньчжурско-русского словаря» И. И. Захарова в 1875 г. закрепилось единообразная русская транскрипция маньчжурских слов.

УДК 94 (5) (093)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-16-19

**ДОРЖИ БАНЗАРОВ И УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В КАЗАНИ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)**

© **Валеев Рамиль Миргасимович**
доктор исторических наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Россия, г. Казань
valeev200655@mail.ru

© **Валеева Роза Закариевна**
кандидат педагогических наук, доцент,
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова
rozazv@mail.ru

В докладе представлены историко-научные события из истории казанского университетского востоковедения, основные этапы и направления формирования и развития образования и науки о Востоке в первой половине XIX в. Прослеживается взаимодействие и взаимовлияние основных востоковедческих учебно-исследовательских центров Казани первой половины XIX в. Выявлены роль и значение казанского центра отечественного и мирового востоковедения в формировании плеяды российских национальных ученых и просветителей. Среди известных имен российских востоковедов-монголоведов особое место занимает Доржи Банзаров, выдающийся представитель бурятского народа, а также Галсан Никитуев и Галсан Гомбоев. Основное внимание уделено краткому обзору архивных материалов Государственного архива Республики Татарстан, посвященных их жизни и деятельности в Казани и Казанском университете.

Ключевые слова: Россия, Восток, Центральная Азия, центры востоковедения в России, востоковедение в Казанском университете, востоковеды, Доржи Банзаров.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 20-09-00385а) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

**DORZHI BANZAROV AND UNIVERSITY ORIENTAL STUDIES IN KAZAN
(FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)**

Ramil M. Valeev
Dr. Sci. (Hist.), Prof.,
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russia
valeev200655@mail.ru

Roza Z. Valeeva
Cand. Sci. (Ped.), A/Prof.,
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
Kazan, Russia
rozazv@mail.ru

The authors present the history of university oriental studies, main stages and directions in the development of education and science in the field of oriental studies in the first half of the XIX century. It can be seen that there is an interaction and mutual influence of basic oriental educational and research centres of Kazan in the first half of the XIX century. The role and significance of Kazan centre for the Russian and world oriental studies have been revealed. Dorzhi Banzarov, an outstanding representa-

tive of the Buryat people, as well as Galsan Nikituyev and Galsan Gomboev occupy a special place among the famous names of Russian orientalist-mongolists. The main attention is paid to a brief review of archival materials from the State Archive of the Republic of Tatarstan devoted to their life and activities in Kazan and Kazan University.

Keywords: Russia, Orient, Central Asia, Oriental Studies, Centers of Oriental Studies in Russia, Oriental Studies at Kazan University, Orientalists, Dorzhi Banzarov.

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-09-00385a) and in accordance with the Strategic Academic Leadership Program of the Kazan (Volga Region) Federal University.

В истории и культуре народов Волго-Уральского историко-культурного пространства и России в целом Казанский университет и его научные школы сыграли исключительную роль. Период с конца XVIII по начало XX в. в России и Европе был ознаменован успешным развитием науки о Востоке. Когорта выдающихся отечественных ученых-востоковедов, представителей многих народов России, обеспечила мировой уровень комплексных филологических, исторических, археологических, этнографических исследований в академических и университетских центрах Отечества.

Востоковедение стало важной образовательной, научной и просветительской дисциплиной и направлением, начиная с истоков создания университетского сообщества в Казани. Преподаватели и профессора «восточного разряда» императорского Казанского университета в первой половине XIX в. знакомили общество с историей и культурой народов зарубежного Востока и востока имперского государства, углубляли осмысление феномена культурного наследия древней и современной Азии [Бартольд, 1977; Валеев, 1998; Валеев, 2019; История отечественного востоковедения, 1990; История отечественного востоковедения, 1997; Куликова, 1993].

Формирование и развитие востоковедения были обусловлены геополитическими, военно-стратегическими, военно-административными, социокультурными и гуманистическими задачами Российской империи в регионах русского (Поволжье, Кавказ, Центральная Азия, Сибирь, Дальний Восток) и зарубежного Востока.

В первой половине XIX в. в Казанском университетском центре ориенталистики сформировалась плеяда российских востоковедов-монголоведов — Г. Никитуйев (род. около 1808–?), Г. Гомбоев (1822–1863), Д. Банзаров (ок. 1822–1855), К. Ф. Голстунский (1831–1899), В. П. Васильев (1818–1900), А. А. Бобровников (1821–1865), заложивших классические научные и просветительские традиции исследования истории и культуры народов Центральной и Восточной Азии.

Широко известно такое уникальное педагогическое и просветительское событие в истории и культуре народов Сибири начала 30-х гг. XIX в., как подготовка и открытие в сентябре 1833 г. в Троицкосавске русско-монгольской войсковой школы для детей бурятских старшин. Оно имело важное значение для Казанского университета и формирования светской бурятской национальной научной элиты. Учебное заведение создавалось с той целью, «чтобы детям старшин четырех бурятских полков доставить средства к нравственному их образованию и к приобретению познаний, необходимых по их званию и назначению» [ГАРТ. Ф. 92. Оп. 71. Д. 2237. Л. 305, 313]. Исключительную роль в этих событиях сыграл профессор и монголовед О. М. Ковалевский [Биография и научное наследие..., 2020]. Он составил «Положение для вновь учреждающейся по Высочайшему повелению в Троицкосавске войсковой 4 бурятских полков школы». Ученый содействовал приезду в Казань в 1835 г. четверых лучших выпускников школы: Доржи Банзарова, Гырыла Будаева, Доржи Буянтуева и Цогто Чимитова — и принятию их в начале 1836 г. в 1-ю Казанскую гимназию, а также дальнейшему продолжению учебы Д. Банзарова на

восточном разряде университета. Востоковед подчеркивал, что выпускники школы сыграют свою роль в практическом освоении монгольского языка гимназистами 1-й Казанской гимназии и студентами университета, а также акцентировал внимание на значимости формирования в бурятском этническом сообществе первых европейски образованных его представителей. Различные материалы раскрывают также положительную роль в организации приезда бурятских детей в Казань попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина, написавшего обращение на имя министра народного просвещения С. С. Уварова о направлении в Казанский университет для продолжения обучения способных к наукам выпускников русско-монгольской войсковой школы.

Ввиду особого просветительского значения упомянутых событий и их гуманистической направленности, в перспективе представляется важным подготовить и опубликовать разнообразные материалы Государственного архива Республики Татарстан и других российских архивных центров (Государственного архива Республики Бурятия и др.), посвященные приезду в Казань в 1835 г. воспитанников войсковой школы в сопровождении Галсана Никитуева, ламы Бултомурского дацана, и их учебе и жизнедеятельности в казанский период. Так, например, сохранились свидетельства выпускников об окончании русско-монгольской войсковой школы. В свидетельстве Доржи Банзарова указано, что он «ученик третьего класса, сын отставного пятидесятника Банзара Боргонова, 14 лет, в школу поступил 23 сентября 1833 г., где обучался чтению и письму по-русски и по-монгольски, российской и монгольской грамматике... арифметике первой и второй части и российскому землеописанию... слушал закон «ламской веры» и упражнялся в воинской «экзерциции» и др. В свидетельстве, выданном ламе Галсану Никитуеву, отмечено, что он обучался монгольской и тибетской грамоте и чистописанию, свободно переводил с тибетского на монгольский, читал русские печатные книги, приобрел достаточные сведения по тибетской медицине и астрономии, «имел способность к своей религии», а также приводятся другие важные факты [ГАРТ. Ф. 92. Оп. 71. Д. 4340].

Оригинальный пласт архивных материалов связан с педагогической и научной деятельностью в Казанском университете Галсана Никитуева и Галсана Гомбоева. Галсан Никитуев под руководством профессора О. М. Ковалевского готовил тибетско-монгольско-калмыцкий словарь, который включал «около тридцати тысяч слов» «на отдельных листах». Историко-научный и исследовательский интерес представляют материалы архива, посвященные научной командировке Г. Никитуева в Астрахань в 1839 г. с целью пополнения тибетско-монгольско-калмыцкого словаря калмыцкими словами и выражениями. По словам О. М. Ковалевского, «...составление тибетско-монгольско-калмыцкого словаря... принесет несомненную пользу и самому сочинителю, и студентам нашего университета, которые, изучая монгольский язык, желают познакомиться и с тибетским, столь богатым религиозными и историческими творениями... издание подобного словаря будет полезно и для ориенталистов» [ГАРТ. Ф. 92. Оп. 71. Д. 4960].

В архиве представлен пласт материалов, связанный с поиском в 1840–1842 гг. новой кандидатуры ламы, знающего монгольский и тибетский языки, в связи с планируемым отъездом Галсана Никитуева и рекомендацией Бандида-хамбо-ламы забайкальских дацанов Данжин-Чойвандоржи Иши-Жамсуева, гецула-ламы Кулуннорского дацана Галсана Гомбоева, которые дополняются фондами Государственного архива Республики Бурятия. В апреле 1842 г. Галсан Гомбоев был отправлен в Казань. В июне, по прибытии в город, он был утвержден в должности «надзирателя» 1-й Казанской гимназии [ГАРТ. Ф. 87. Д. 1844].

В целом перспективными направлениями исследований остаются подготовка и публикация комплексного архивного материала, посвященного учебе в 1-й Казанской гимназии и университете, а также казанскому и петербургскому периодам жизни Доржи Банзарова.

Среди документов следует выделить свидетельство от 24 июня 1842 г. об окончании гимназии Д. Банзаровым, о награждении его отца денежной премией в размере 142 руб. серебром для поощрения «похвальных усилий за образование сына» и огромный пласт не введенных в полном объеме в научный оборот архивных сведений и фактов о биографии и наследии замечательного сына бурятского народа и выдающегося востоковеда и просветителя Доржи Банзарова.

Источники и литература

1. ГАРТ — Государственный архив Республики Татарстан.
2. Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Сочинения. Т. IX: Работы по истории востоковедения. М., 1977.
3. Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2020.
4. Валеев Р. М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. — 20-е гг. XX в.). Казань, 1998.
5. Валеев Р. М. Ориенталистика в Казанском университете (1807 — 20-е гг. XX в.). Lambert, 2019.
6. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990.
7. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997.
8. Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. 1917 г.). СПб., 1993.

УДК 81-114

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-20-23

**НАУЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ДОРЖИ БАНЗАРОВА В ЯЗЫКОЗНАНИИ —
ПРЕДПОСЫЛКА СОВРЕМЕННЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**© **Раднаева Любовь Дашинимаевна**

доктор филологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

radnaeva.ljubov@gmail.com

Показано формирование лингвистического образования и эрудиции Доржи Банзарова, его научные интересы в области языкознания, влияние трудов, мыслей, заметок, публицистических записей ученого на современные лингвистические исследования, в частности на теоретические и экспериментально-фонетические исследования.

Ключевые слова: языкознание, научные интересы, лингвистическое образование, фонологические критерии, фонетика, фонемы, современные исследования.

**SCIENTIFIC INTERESTS OF DORZHI BANZAROV IN LINGUISTICS —
A BACKGROUND OF MODERN PHONETIC RESEARCH***Ljubov D. Radnaeva*

Dr. Sci., A/Prof.,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

radnaeva.ljubov@gmail.com

The article is devoted to the formation of linguistic education and erudition of Dorzhi Banzarov, his scientific interests in the field of linguistics, the influence of works, thoughts, notes, journalistic notes of the scientist on modern linguistic research, in particular, theoretical and experimental phonetic research.

Keywords: linguistics, scientific interests, linguistic education, phonological criteria, phonetics, phonemes, modern research.

Доржи Банзаров (1822–1855), первый бурятский ученый, лингвист, историк, этнограф, переводчик, востоковед, прожил короткую, но яркую, интересную, насыщенную событиями и научными поисками жизнь. Его лингвистическое образование берет истоки в Атамано-Николаевском училище и Троицкосавской русско-монгольской войсковой школе. Талантливый ученик продолжил учебу в Казанской мужской гимназии и Императорском Казанском университете — центре научной мысли и просвещения Российской империи. В гимназические и университетские годы Доржи Банзаров изучал восточные языки: монгольский, калмыцкий, маньчжурский, турецкий, татарский и санскрит. Свободно читал и переводил рукописи на европейских языках: английском, немецком, русском, французском и латыни. В Казани в течение 16–17 лет Доржи Банзаров, находясь в гуще научных событий и открытий в области востоковедения, в окружении своих соратников, выдающихся учителей и профессоров О. М. Ковалевского (1801–1878), А. А. Бобровникова (1822–1865), О. П. Войцеховского (1793–1850) и др., написал и перевел ряд известных работ, отражающих широкие научные интересы ученого в разных областях языкознания, истории, географии, источниковедения, эпиграфики [Банзаров, 1997].

Задолго до создания восточного факультета СПбГУ (1854) в период короткого пребывания Доржи Банзарова в Санкт-Петербурге (1847 г.) он активно сотрудничал с ориента-

листами, выпускниками Санкт-Петербургского университета В. В. Григорьевым (1816–1881), автором «Истории монголов», и П. С. Савельевым (1814–1859), автором работ по арабистике и археологии Азии, а также с И. Я. Шмидтом (1779–1847), автором «Истории восточных монголов» и «Монгольской грамматики», и И. Я. Бичуриным (1777–1847), известным востоковедом-синологом.

Доржи Банзаров во многом предвосхитил современные лингвистические исследования в области общей фонетики, в частности теории письма, графики и орфографии, документирования, транслитерации и транскрибирования речи, активно разрабатываемые в лингвистике XX–XXI вв. Так, ученый интересовался дешифровкой текстов *пайцз* у монголов дочи́нгисовой эпохи, представив в своих статьях варианты транслитерации их содержания и перевода, а также охарактеризовал два рода *пайцз* как знаки отличия и документы. Доржи Банзаров занимался анализом надписи на каменной стеле *Исунке* (Есунке) и первым из монголоведов предложил перевод памятника уйгуро-монгольской письменности «Чингисов камень». «Рассуждения Доржи Банзарова по поводу слова *mongke*, написанные 100 лет назад, перекликаются с объяснениями Н. Н. Поппе (1897–1991), В. Л. Котвича (1872–1944)» [Раднаев, 2012, с. 289]. Изучая в университете маньчжурский язык, Доржи Банзаров в 1846 г. задокументировал (говоря современным языком) лексику изучаемого языка в сравнении с русскими и монгольскими словами в «Маньчжурско-русско-монгольском словаре» [Банзаров, 1846], рукопись которого «принадлежит библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского университета» [Румянцев, 1955].

Известно, что Доржи Банзаров как носитель бурятского, калмыцкого и монгольского языков оказал неоценимую помощь в написании «Граматики монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова [1849]. В ней, в частности, автор грамматики обращает внимание на соотношение письменной формы языка и устной речи. Единицы описания устной звуковой формы языка с одной стороны, и письменной — с другой автор представляет как «грамматику книжно-разговорного монгольского языка» [Там же, 1849, с. 6]. Определение звукового состава языков, соотношение звука и буквы, слогообразование и словообразование монгольских языков, волновавшие молодого ученого Доржи Банзарова и его современников, нашло продолжение в трудах Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), основателя Казанской и Петербургской лингвистических школ, разработавшего теорию фонемы и фонетических чередований и положившего начало экспериментальной фонетике и математическим методам в лингвистике. Фонологическая теория позволила внести ясность в определение статуса единицы *фонемы* по отношению к монгольской группе языков и выработать лингвистические критерии ее определения.

В качестве примера автор настоящей статьи рассматривает критерии определения фонологического статуса *гласных и согласных* фонем на примере одного из монгольских языков — бурятского. Состав и фонологическая система по-разному представлены в работах лингвистов [Бураев, 1959; Золхоев, 1980; Раднаев, 1989; Будаев, 1998]. На основе принципов Санкт-Петербургской фонологической школы [Зиндер, 1979; Касевич, 1983, Щерба, 1983] автор провела акустико-перцептивное исследование и экспериментально определила 18 гласных и 27 согласных фонем бурятского языка, впервые установив при этом для них следующие знаки *фонематической* транскрипции на основе Международного фонетического алфавита: гласные /i/, /i:/, /ĩ:/, /e/, /e:/, /œɛ/, /ɛ:/, /a/, /a:/, /ɔ/, /ɔ:/, /ə:/, /ʊ/, /u:/, /ui/, /u/, /u:/, /ui/); согласные /p/, /pʲ/, /t/, /tʲ/, /b/, /bʲ/, /d/, /dʲ/, /g/, /gʲ/, /m/, /mʲ/, /n/, /nʲ/, /ŋ/, /s/, /z/, /ʃ/, /ʒ/, /x/, /xʲ/, /h/, /l/, /lʲ/, /r/, /rʲ/, /j/ [Раднаева, 2003].

Правила транскрибирования комбинаторно-позиционного варьирования фонем в речи отражены в *фонетической* (аллофонной) транскрипции. Краткие гласные фонемы /a/, /ɔ/,

/e/ в непервых слогах слова реализуются в позиционно-комбинаторных аллофонах [ɮ], [ɛ], [ə], например, *шара* /ʃɑɣɮ/ ‘желтый’, *томо* [tɔmɛ] ‘большой’, *нэгэтэй* [neɣətɛ:] ‘однолетний’.

Фонетическая реализация фонемы /g/ обусловлена сингармоническим рядом. В условиях твердого сингармонического ряда, в позиции абсолютного начала слова перед гласными /ɑ/, /ɑ:/, /ɔ/, /ɔ:/, /u/, /u:/, /ui/, /сее/, /ε:/ фонема /g/ реализуется в качестве смычного, увулярного, твердого, звонкого, шумного аллофона [ɢ] *гар* [ɢɑɣ] ‘рука’, *ганса* [ɢɑnsɮ]. В интервокальном положении между гласными фонемами: /ɑ/, /ɑ:/, /ɔ/, /ɔ:/, /u/, /u:/, /ui/, /сее/, /ε:/ фонема /g/ реализуется как щелевой, увулярный, шумный, твердый аллофон, который в фонетической транскрипции обозначается знаком [ɣ] *байгаали* [be:ɣɑ:li] ‘природа’.

В условиях мягкого сингармонического ряда, т. е. в позиции перед гласными фонемами /e/, /e:/, /ɵ/, /u/, /u:/, /ui/ фонема /g/ реализуется в качестве смычного, заднеязычного, шумного, твердого аллофона [g] *гэр* [gɛɣ] ‘дом’, *гут* [gut] (*част.*). В интервокальном положении между гласными фонемами /e/, /e:/, /ɵ/, /u/, /u:/, /ui/ фонема /g/ реализуется как щелевой, заднеязычный, шумный, твердый аллофон, который в фонетической транскрипции обозначается знаком [ɣ̣] *үгэнүүд* [uɣ̣ɛnu:t] ‘слова’, *нэрэгүй* [neɣɛɣui] ‘без имени’.

Таким образом, фонема /g/ реализуется в речи в четырех комбинаторно-позиционных аллофонах [g], [ɣ̣], [ɢ], [ɣ], которые отражаются на письме одной буквой <г>. Фонема /x/ реализуется в аллофонах /x/ и [χ] в соответствующих сингармонических рядах *хара* [χɑɣɮ] ‘черный’, *хэлэн* [χɛlɛŋ] ‘язык’.

Современники Доржи Банзарова и его предшественники, осознавая акустическую комбинаторно-позиционную вариативность гласных и согласных, предпринимали попытки отразить их аллофонное варьирование на письме, документируя тексты в письменных памятниках и трудах, расшифровка которых до сих пор остается предметом дискуссий. Знаки фонематической и фонетической (аллофонной) транскрипции являются современным и достоверным инструментом для анализа текстов с целью разрешения некоторых филологических вопросов.

Лингвистические интересы Доржи Банзарова, упомянутые выше, и многие другие взгляды ученого освещены в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Научные взгляды Доржи Банзарова важны с точки зрения теоретического представления филологических единиц языка и фонетического (акустического и перцептивного) описания реализаций фонем в процессе речевой деятельности.

Литература

1. Банзаров Д. Собрание сочинений / отв. ред. Д. Б. Улымжиев, предисл. В. Ц. Найдакова; РАН, Сиб. отд-ние, Бурят. ин-т обществ. наук. 2-е, доп. изд. Улан-Удэ: РИО БНЦ СО РАН, 1997. 240 с.
2. Банзаров Д. Маньчжурско-русско-монгольский словарь. Рукопись. 1846.
3. Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Типогр. Казанского ун-та, 1849. 403 с.
4. Будаев Ц. Б. Буряад хэлэн: абяануудые, өгэнө өдые өзэлгэ. Улан-Удэ, 1998. 82 с.
5. Бураев И. Д. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959. 194 с.
6. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.
7. Золжоев В. И. Фонология и морфонология агглютинативных языков. Новосибирск, 1980. 144 с.

8. Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. 295 с.
9. Раднаев В. Э. Монгольское языкознание в России в I половине XIX в.: проблемы наследия. (Т. 1. Ч. 1). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 392 с.
10. Раднаева Л. Д. Звуковая форма современного бурятского языка (теоретические и практические аспекты качественного и количественного анализа): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 450 с.
11. Раднаева Л. Д. Критерии определения фонологического статуса фонем и состав фонем // Университетский научный журнал. СПб., 2016. № 18. С. 189–193.
12. Раднаев Э. Р. Буряад хэлэнэй фонэтикэ. Улан-Удэ, 1989. 86 с.
13. Румянцев Г. Н. Примечания // Д. Банзаров. Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
14. Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л.: Наука, 1983. 169 с.

УДК: 256(517.3)

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-24-30

**АНАЛИЗ ПРОНИКНОВЕНИЯ ПРАКТИК ШАМАНИЗМА
В БУДДИЙСКИЕ ВЕРОВАНИЯ МОНГОЛОВ В РАБОТЕ ДОРЖИ БАНЗАРОВА
«ЧЕРНАЯ МАГИЯ, ИЛИ ШАМАНСТВО У МОНГОЛОВ»**

© **Крайнова Любовь Николаевна**

кандидат исторических наук, преподаватель,

Иркутский техникум экономики и права

Россия, г. Иркутск

krainovalyubov_75@mail.ru

Данная статья посвящена известной работе бурятского ученого Доржи Банзарова «Черная магия, Или шаманство у монголов». Шаманизм имел большое значение как одна из форм мировоззрений и образа жизни у монголов до принятия буддизма. Но с проникновением буддизма шаманизм был запрещен к исповедованию, однако не искоренен окончательно, т. к. многие его традиции оказались заимствованы буддизмом и закрепились в виде обрядов и поклонений. Эта практика приспособления шаманизма к буддизму хорошо проанализирована в работе Доржи Банзарова.

Ключевые слова: Доржи Банзаров, шаманизм, буддизм, ламаизм, Монголия, монголы.

ANALYSIS OF SHAMANISM ENTRY INTO BUDDHIST BELIEFS
OF THE MONGOLS IN THE WORK "DARK MAGIC OR SHAMANISM IN THE MONGOLS"
BY DORZHI BANZAROV

Liubov N. Krainova

Cand. Sci. (Hist.), Lecturer,

Irkutsk College of Economics and Law

Russia, Irkutsk

krainovalyubov_75@mail.ru

This article is devoted to the well-known work «Black magic or Shamanism among the Mongols» by the Buryat scientist Dorzhi Banzarov. Shamanism was of great importance as one of the forms of worldviews and way of life among the Mongols before the adoption of Buddhism. With the penetration of Buddhism Shamanism was forbidden to practice, but it was not completely eradicated, since many of its traditions were borrowed by Buddhism and consolidated in the form of rituals and worship. This practice of adapting Shamanism to Buddhism is well analyzed in the work of Dorzhi Banzarov.

Keywords: Dorzhi Banzarov, Shamanism, Buddhism, Lamaism, Mongolia, Mongols.

Наследие Доржи Банзарова, первого бурятского ученого, не утрачивает своей актуальности спустя более полутора столетий. Его труды до сих пор являются первоисточником по многим вопросам изучения истории, религии, этнографии.

Его работа «Черная магия, Или шаманство у монголов», написанная в 1846 г. на получение ученой степени кандидата наук, вызвала интерес в научном исследовательском мире и привлекла внимание ученых-ориенталистов. В 1891 г. А. М. Потанин в своей статье, посвященной данной работе, указал, что данное сочинение, посвященное сибирскому шаманству, является одним из лучших [Потанин, 1891, с. 13]. Оно и до сих пор не утратило своей актуальности и привлекает внимание исследователей, занимающихся проблемами истории шаманизма и традиций монголов. Д. Банзаров один из первых доказал, что шаманизм возник и развивался самостоятельно, «(...) а не произошел от буддизма или Зороастрова» [Потанин, 1891, с. 13], как предполагали на тот момент многие ученые. Ис-

следование работы Д. Банзарова дает нам возможность проследить процесс проникновения некоторых традиций шаманизма в буддизм, их адаптации в нем и последующего применения шаманских практик в буддизме. Такая трансформация старых традиционных верований в новую религию являлась довольно распространенной практикой при укреплении мировых религий на новых территориях.

Сам по себе шаманизм является широко распространенной практикой у народов Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, народов Северной, Центральной и Южной Америки. Это одна из самых древних первобытных религий, выполняющих функцию формирования мировоззрения и морально-нравственных ценностей, обобщения опыта предков и его сохранения в культовых и обрядовых традициях и мифологии шаманизма.

Доржи Банзаров в своей работе дает не только описание шаманских практик, он исследует топонимику происхождения многих слов, их заимствования в разных языках и трансформацию, указывает на многие ошибки исследователей, которые поверхностно и на свое усмотрение объясняют неверно многие значения шаманства, объясняет истоки заимствования шаманских практик монголов в буддизме. «Нет нужды, говорит Банзаров, отыскивать так далеко начало шаманства, стараться выводить его из религиозных систем, вовсе ему чуждых» [Потанин, 1891, с. 13]. Д. Банзаров развивает и доказывает мысль о том, что шаманизм, являясь первобытной религией, рождается из поклонения силам природы, из наблюдений за ней. Он объясняет закономерность между наблюдениями за природой, духом человеческим, их взаимодействием и самостоятельным возникновением у народа религиозного поклонения в виде шаманизма. «Банзаров не пытается поддержать свое положение опровержением мнений тех ученых, которые в шаманстве видели отголоски более сложных религиозных систем Азии, он ограничился только тем, что обратился к здравому смыслу читателя, — зачем искать влияние китайских, индийских или иранских, когда дело может быть объяснено проще, самодеятельностью монгольского народа? До тех пор пока не будет доказано научным образом, что шаманский обряд и верования шаманистов есть обрывки китайской или иранской религии, мнение Банзарова будет единственным, которое можно допустить. Сибирское шаманство отнюдь не новее китайского, хотя о нем и нет таких древних летописных указаний, как о китайском» [Потанин, 1891, с. 14].

Работа Доржи Банзарова стала одним из крупных исследований шаманизма монгольских народов. До него большое внимание в исследованиях ученых Сибири и Дальнего Востока уделялось именно буддизму, как мировой религии, господствующей на данной территории. «... вера, которую исповедовали монголы до принятия буддизма, не обращала на себя внимания ученых» [Банзаров, 1891, с. 1]. Данную тему долго обходили вниманием ученые еще и потому, что, по мнению самого Доржи Банзарова, «сами монголы, из преданности к буддизму, питают отвращение к старинным своим поверьям и не почитают их достойными внимания грамотного человека» [Банзаров, 1891, с. 2].

С другой стороны, шаманские практики, заимствованные буддизмом, так глубоко проникли в него, что уже во времена самого Доржи Банзарова сложно было их вычленивать и отделить от буддизма. Народ, по мнению, Д. Банзарова, не смог отвыкнуть от практики своих старинных традиций, и буддийские миссионеры не истребляли шаманские понятия и обряды, а заимствовали их и интегрировали в свои религиозные практики, приспособив под буддизм. Со временем многие шаманские традиции перешли в буддизм и с некоторыми изменениями широко распространились. Именно такие заимствования помогли сохранить многие фольклорные и традиционные особенности, существовавшие с древних времен и распространенные среди монгольских народов, что и позволило их описать и изучить исследователям середины XIX в. «Ламы собрали молитвы, уцелевшие в устах народа, прибавили к ним новые, более сообразные с новой религией, и опять распро-

странили их между народом. Этому-то обстоятельству мы обязаны тем, что некоторые остатки древней монгольской мифологии дошли до нас на письме» [Банзаров, 1891, с. 4].

Как объясняет сам Доржи Банзаров, монголы, приняв буддизм, стали называть шаманизм «Черною верою», то есть грубою, непросвещенною, как бы в противоположность буддизму, которая называется желтою верою» [Там же].

Кроме всего прочего, буддизм был защищен со стороны государства, которое принимало меры по искоренению шаманизма принятием законов. Законы и установления «Цааджин бичиг» (Монгольское уложение, 1627–1694) в ряде статей определяли положение буддизма в стране, быт монастырей и правила поведения лам, контроль за которыми возлагался на Палату внешних сношений. Статьи «Великого уложения» защищали, в первую очередь, интересы буддийского духовенства. Они предусматривали суровое наказание для тех, кто препятствовал распространению ламаизма [Восемнадцать степных законов: эл. ресурс]. Особое внимание в законах уделялось преследованию шаманизма: «По случаю смерти человека не убивать лошадей, не втыкать шестов со знаками, у бродов рек и на горных перевалах не возводить культовые сооружения и не привязывать к ним разные ленты и лоскутки. Увидевший нарушителя должен получить пять *одо* [Монгольское уложение: эл. ресурс].

Для исследователей второй половины XIX в. уже четко было определено, что шаманизм — одна из древнейших первобытных религий, тогда как до середины XIX в., многие ученые находились в заблуждении, утверждая, что шаманизм берет свою практику из буддизма. Банзаров же в своей работе последовательно опровергает данное заблуждение, доказывая его первородность из поклонения силам природы: «Ближайшее знакомство с предметами показывает, что так называемая шаманская религия, по крайней мере у монголов, не могла произойти от буддизма или другой какой-нибудь веры, что она сама собою могла возникнуть в народе и состоять не в одних суевериях и обрядах, основанных только на шарлатанстве шаманов. Черная вера монголов произошла из того же источника, из которого образовались многие древние системы; нынешний мир — природа, внутренний мир — дух человека и явления того и другого — вот что стало источником черной веры» [Банзаров, 1891, с. 5].

«Инстинктивная восприимчивость склоняет человека к боготворению природы, то подобное же неясное предчувствие поселяет в нем понятие о бессмертии души, о содействии или противодействии каких-то невидимых существ в делах его. Под влиянием этой идеи фантазия народа изобретает второстепенных богов и производит почитание душ усопших. И как черная вера не представляет ничего разительного с брахманизмом или буддизмом (...), то заключаем, что она возникла в народе под влиянием природы и деятельности духа» [Там же].

Доржи Банзаров в своей работе рассматривает заимствования буддизмом многих традиционных практик шаманства, распространенных у монголов задолго до прихода буддизма на данную территорию. Одна из самых распространенных традиций, которая очень любима и повторяема без всякого сакрального смысла у современных туристов, — это возведение обо. Многие ошибочно думают, что это буддийская традиция, однако истоки ее лежат в шаманизме, что очень хорошо прослеживается на территориях, населенных бурятами в Иркутской области, которые, не приняв буддизм, сохранили традиции шаманизма.

Доржи Банзаров подробно описывает не только практику культа обо в шаманизме, но и его последовательное заимствование буддизмом. По дневникам исследователей Монголии мы знаем, что почитания и поклонения удостоивалось все, что считалось значимым для монгола в поле его зрения. Глубоким поклонением пользовались реки и горы, многие

из которых почитались особо. Места поклонения найти и определить в степи было очень просто, там устанавливались обо — особые сооружения в виде пирамиды из камней.

«Сооружение обо и жертвоприношения при них делались в старину довольно просто. Шаман объявлял, что духи, покровители околота, избрали местом своего пребывания такой-то холм или гору. На этом месте делали небольшую насыпь из земли и камней с некоторыми обрядами, и обо было готово. Это были некоторого рода храмы, где жители приносили свои жертвы богам своей страны. Обо делали большею частью при дорогах для того, чтобы всякий проезжающий мог положить на него какую-нибудь вещь, например: волосы из гривы коня, как жертву богу, пребывающему в обо, чтобы снискать его покровительство в предстоящем путешествии. В известное время года жители делали при обо торжественное жертвоприношение» [Банзаров, 1891, с. 5].

Обо является довольно распространенной формой среди бурят-монгольского населения. Об этом свидетельствуют исследования известных русских ученых-ориенталистов: «Взобравшись на первый перевал, мы нашли здесь устроенное из груды камней обо, почти сплошь увешанное лоскутками разноцветных материй и заброшенное палочками, древесными ветками, кусочками аргала и тому подобными приношениями проезжающих. Наш старик бурят, как человек уже облагороженный религиозный, не ограничился ни одним из таких приношений: он имел при себе целую связку клочков с изображением хий мори (специальные флажки для буддийских обрядов), которые и закладывал он под камешки как этого, так и встречавшихся нам впоследствии обонов» [Позднеев, 1893, с. 11].

Само по себе обо не было бессмысленным нагромождением камней и не могло располагаться где и как попало. Обо устанавливалось в соответствии с определенными правилами: «Место для обо выбирается приятное по своему положению, величественное, возвышенное, гористое, обильное травами и водою. На избранном возвышении отмеряется круг известной величины; тут из земли и камней делают насыпь, в которую кладут вещи: панцирь, шлем, оружия и платья, всякие кушанья, посуду, шелковые ткани и лекарственные вещества; по бокам должны быть также разного рода украшения; на насыпь сажают деревья или ставят изображение птицы Гаруды; или, согласно с древними обычаями, втыкают в нее лук, стрелы, копье и меч. Обо должно состоять из многих таких слоев, и в каждом слое свои принадлежности и украшения: изображения множества зверей, птиц; камни и листья, с надписанными на них молитвами. Вокруг большой насыпи делаются еще двенадцать малых, так что все тринадцать обо представляют весь мир, как его изображают буддисты, т. е. средняя насыпь соответствует горе Сумэру, а прочие малые — 12-ти дивипам или частям мира» [Банзаров, 1891, с. 19–20].

В своем исследовании Доржи Банзаров говорит о том, что буддизм подверг значительным изменениям культ обо, однако не смог искоренить жертвоприношения, связанные с ним.

Вот как он об этом пишет в своей работе: «Распространение новых религиозных понятий не могло уничтожить жертвоприношений при обо, ибо это был род народных праздников, о которых жители сожалели бы больше всего. Лучше казалось дать обо некоторое буддийское значение, нежели допустить, чтобы народ оставался при шаманских обрядах. Вследствие такого расчета лама Ваджрада Мэргэн Диянчи составил две книжки: «Обряды и молитвы, читаемые при обо» и «О сооружении обо». Сочинитель говорит, что есть одна старинная монгольская рукопись об обо, но что она уже не понятна для буддистов, и потому решился он составить новый обрядник на основании этой рукописи (...) Хотя составление таких книг, говорит автор, само по себе не только постыдно (ибо время их уже прошло), даже неприятно для мудрых; однако невозможно противиться желающим устраивать обо и пр.» Автор ничего не говорит о том, с какими обрядами сопряжен был

этот обычай в древности, только замечает мимоходом, что он существует с древнейших времен» [Банзаров, 1891, с. 18–19].

Доржи Банзаров пишет, что традиции шаманских жертвоприношений животных буддизмом были постепенно искоренены и не использовались. При освещении и поклонении обо читались молитвы, кровавые же жертвоприношения были заменены овощами и фруктами, молоком, сыром и другими молочными традициями: «при шаманах над обо приносятся были кровавые жертвы: (...) жертвоприношения, кои состоят в побиении безвредных быков, баранов и козлов, под видом жертв, но собственно лишь для пирования и насыщения народа. Что касается до освящения обо и обрядов, совершаемых при этом случае (уже в буддизме), то они происходят со всеми принадлежностями буддийского богослужения. Обрядники приписывают читать так много молитв и приносить столь разнообразных жертвы, что описать их трудно. Кровавые жертвы запрещены, и вместо них употребляются плоды, молоко, вино, сыр и т. п. С молитвами и жертвами велено обращаться не к одним местным божествам, (...) т. е. богам обо, но ко всем гениям — всех стран, чем-либо важных для буддистов (...). Во время службы при обо делают рашиян, т. е. святую воду, которой окропляют стада» [Банзаров, 1891, с. 20].

Кроме культа обо в буддизме хорошо прослеживаются сохраненные традиции шаманизма в виде почитания гор и рек: «Общие священные горы и реки монголов суть та, которым воздаются почести не одним каким-нибудь поколением, но всеми монгольскими племенами. Почтение к этим горам и рекам возникло в древнейшие времена и поддерживается воспоминаниями народа. Хотя племя монголов размножилось и расселилось по пространству нынешней Монголии, все-таки оно не могло забыть священные места своего первобытного отечества. Таким образом, почитание известных гор и рек сохранилось у поколений, даже далеко отшедших от них, и сделалось общим для всех монголов» [Банзаров, 1891, с. 21].

Также Доржи Банзаров указывает на то, что священными почитались реки у шаманистов бурят-монгольского населения. К ним он относит Селенгу, Онон, Керулен и другие «...которые неизвестны географически» [Там же], большинство из мест поклонений впоследствии стали буддийскими традиционными местами поклонения и основания монастырей.

Еще один из мощных символов шаманизма — огонь, который монголы наделяли силой, способной очищать от всего негативного, считая покровителем дома, а место, где разводился очаг, — священным. Если в жилище отсутствовал огонь, то оно не могло быть достойно для проживания человека, так как само по себе разведение огня уже считалось очищением и освящением жилища. «Почитая огонь источником и символом чистоты, монголы оказывали к нему большое уважение и старались держать его в чистоте; они не бросали в него вещества, от которых происходит дурной запах или которые ослабляют его силу и блеск; почитали грехом лить на него воду, плевать и т. д. И жертвы, огню приносимые, должны усиливать пламя, как-то: вино, масло, жир. Кроме того, огню оказывали такое же почтение, как изображениям других божеств» [Там же, с. 23–24].

Почитание огня как одного из сильных и обязательных для мировоззрения монголов символов также было заимствовано буддизмом в Монголии. Жертвы ему приносились как каждый день в связи с началом нового дела, так и практиковались большие почитания раз в год. Однако до самого Доржи Банзарова уже не дошли сведения о шаманских традициях, поэтому предположения он делает исходя из практики заимствования буддизмом шаманских традиций и обрядов: «Но мы не знаем, как они происходили по шаманскому закону, потому что нигде нет описания этого. Рукопись под заглавием «Книга жертвоприношений богу огня» (упомянутая выше) содержит описание нового обряда, составленного буддистами; в ней такая смесь старого с новым, шаманского с буддий-

ским, что из нее трудно составить себе понятие о древнем обряде жертвоприношения огню» [Банзаров, 1891, с. 24]. К сожалению, потеря первоисточника была всегда наиболее острой и актуальной проблемой исследователей. Не обошла она и Доржи Банзарова, о чем он и пишет.

Говоря о заимствовании буддизмом традиций и практик шаманизма, активно распространяемых цинскими властями на территории Монголии, мы должны упомянуть еще об одной особенности. Это ламы-шаманы, которые существовали при каждом буддийском дацане.

Обязательно в каждом монастыре находились ламы-ученые. К ним относились: ноймун-лама, эмчи, цзурухайчи, цзурачи, биликту, тойны.

Ноймун лама, или чойчжин, должен был заниматься изучением и толкованием догматов веры, знать и указывать все подробности богослужений. «Кроме того он изучает магические тарни и таким образом приобретает силу: а) произносит заклинания на злых духов, б) совершает молитвы и обряды, при посредстве которых низводится на землю или отгоняется идущий уже дождь, в) определяется место возрождения душ умерших людей» [Позднеев, 1993, с. 161].

Здесь необходимо пояснить один очень важный момент. Дело в том, что чойчжинов было два вида: ноймун-лама и сангасак. И если ноймун выполнял все вышеуказанные обязанности и всегда находился в монастыре, то чойчжин-сангасак представлял собою нечто среднее между буддийскими магами и шаманами. Сангасаки были причислены к монастырям, но в них не проживали. Как поясняет Позднеев, «они принимают ламские обеты, тем не менее некоторые из них живут с женами, и это не только не почитается предосудительным, но даже законным; разумеется, что уже одно это обстоятельство должно убеждать нас, что чойчжины-сангасаки, в понятиях монголов, представляют собою нечто отличительное от обыкновенных лам» [Позднеев, 1993, с. 161–162].

Наличие жен у чойчжинов-сангасаков при целибате лам в буддизме можно объяснить только тем, что, по верованиям шаманистов, дар шамана передается только прямым родственникам следующего поколения и только по гендерному признаку.

Несмотря на заимствование практик шаманизма в буддизме, тем не менее культ шаманов имел очень сильное влияние на территории бурят. Существуют свидетельства того, что ламы активно противостояли шаманам.

«В 1820 г. агинские ламы и нойоны пригласили в Агинский дацан монгольского хорчит-гэгэна, который в течение нескольких дней проводил молебствие ван для обращения шаманистов в ламаистскую веру. За это время ему пожертвовали 1000 лошадей, 2000 коров. На 20 верблюдах он отправил домой дорогие вещевые жертвования, сам же отправился к селенгинским бурятам, но был задержан русскими властями и выслан в Монголию через Кяхту [Ламаизм в Бурятии, 1983, с. 67–68].

Для того чтобы подытожить все вышесказанное, достаточно привести цитату самого Доржи Банзарова, ее содержание полностью подтверждает все что было проанализировано: «Было время, когда шаманство властвовало над всеми народами, обитавшими от Волги до восточного океана, от северных пределов Тибета и берегов Сейхуна (Амударья) до полуночных стран (приполярья). Но религии, возникшие в южных странах Азии, начали его теснить уже рано. Первою из них был буддизм. Индийские проповедники задолго до христианской эры перешли Гималаи и распространились по берегам Оксуса, в нынешнем Восточном Туркестане и Китае. В последней из сих стран буддизм как бы покорила характеру жителей и оставался внутри Великой страны, не выступая к пределам Гоби. Буддизм введен был в степи впервые более официально Тобо-ханом из династии Туго, под конец VI в. Таким образом, шаманство стало ослабевать в западных частях Монголии, куда еще раньше проникло и христианство, если верить византийцам. Туго

усилили ойхоры, которые также содействовали успеху буддизма, утвердившегося около того же времени в Тибете, откуда он нанес решительный удар по шаманству [Банзаров, 1891, с. 44].

Литература

1. Банзаров Д. Черная вера, или шаманство у монголов. Черная вера, или шаманство у монголов и другие статьи Доржи Банзарова. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1891. 168 с.
2. Восемнадцать степных законов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/18_stepnych_zakonov/vved.phtml?id=4422.
3. Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века: структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова [и др.]. Новосибирск: Наука, 1983. 227 с.
4. Монгольское уложение [Электронный ресурс] : Предисловие. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Mong_ulozenie/pred.phtml?id=4426
5. Позднеев А. Монголия и монголы. Результаты поездки, исполненной в Монголию в 1892–1893 гг. Т. 1 Дневник и маршрут 1892 г. СПб.: Издание Императорского русского географического общества, 1896. 697 с.
6. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 496 с.
7. Потанин Г. Н. Очерк жизни и деятельности Дорджи Банзарова. Черная вера, Или шаманство у монголов, и другие статьи Доржи Банзарова. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1891. 168 с.

УДК 821.512.31-12
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-31-34

ОБРАЗ ДОРЖИ БАНЗАРОВА В БУРЯТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© Булгутова Ирина Владимировна

доктор филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
irabulgutova@mail.ru

В статье дается обзорный анализ фольклорных и литературных текстов, в которых раскрывается образ первого бурятского ученого Д. Банзарова. Выявлены особенности интерпретации биографических фактов, идейно-художественной трактовки образа. Раскрывается роль образа ученого в формировании национального самосознания. На основе анализа произведений различных жанров раскрывается символическое значение образа ученого, который становится олицетворением лучших устремлений бурятского народа. В миропонимании бурятского народа знания и образование мыслятся как ценностные категории.

Ключевые слова: художественный образ, интерпретация, национальная идея, национальная проблематика.

IMAGE OF DORZHI BANZAROV IN BURYAT LITERATURE

Irina V. Bulgutova

Dr. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
irabulgutova@mail.ru

The article provides an overview analysis of folklore and literary texts, which reveals the image of the first Buryat scientist D. Banzarov. The interpretation of biographical facts, its features, ideological and artistic interpretation of his image have been revealed. The role of this image of a scientist in developing national self-consciousness has been presented. The analysis of different works of various genres reveals the symbolic meaning to the image of a scientist, which becomes the personification of the best aspirations of the Buryat people. In the worldview of the Buryat people knowledge and education are considered to be values.

Keywords: artistic image, interpretation, national idea, national problems.

Имя первого бурятского ученого Доржи Банзарова осталось не только в истории научной мысли как имя исследователя-ориенталиста, в памяти бурятского народа оно зафиксировалось как имя одного из выдающихся его сыновей, внесших заметный вклад в формирование национального самосознания. Не случайно в устном народном творчестве и художественной литературе бурят было создано много произведений, посвященных Доржи Банзарову.

В трехтомном собрании бурятских песен С. П. Балдаева записаны четыре песни, две из них — в Иркутской губернии (в них отражено имя ученого как Ринчин-Доржи), другие — на малой родине ученого, в среде сартуулов). Песня Доржи Банзарова, записанная в 1911 г. от жителя Аларского хушууна Шотхана Дарханова, звучит как непосредственный отклик на гибель ученого. Как во многих исторических песнях бурят, она написана от лица самого героя: «Сагаан сагаан дэгэлээ / Найжаруулжа үмдэхэээ болибоби / Баабайн хүбүүн Ринчин-Доржо / Тэхэрижэ ерэхэээ болибоби» [Балдаев, 1961, с. 67]. — (Не носить мне больше свой белый дэгэл. Отцовский сын Ринчин-Доржи, Не вернись я больше назад). В песне, записанной от учителя Иркутской гимназии Филиппа Павловича Ин-

кинжинова в 1909 г., также звучит мотив сожаления: «Түмэн хонгор адуунда / Томо морин хонгор лэ / Танай эсэгын түрүү болохоео / Ринчин-Доржо болибоби». [Балдаев, 1961, с. 67]. (В табунах из десятка тысяч коней есть могучий конь. Передовым быть у отца я, Ринчин-Доржи, перестаю). Образный ряд этих песен передает интонацию плача; сожаление и оплакивание скрыты в подтексте.

В песне, записанной в 1942 г. в с. Гэгээтуй Джидинского района от Д. Бадмажапова, также переживаются и осознаются трагические обстоятельства ранней гибели Д. Банзарова. «Арбан хоер хаанай хэлые / Ухаанаар шудалсан Доржи хөө, / Россин засагын хардалгаар / Өөрынгөө харлуулсан Доржи хөө» [Балдаев, 1965, с. 70] (Язык двенадцати государств постигал умом своим Доржи. По навету российских властей / Погубил себя Доржи). Структура четырех строф одинакова: в первой говорится о знании языков, во второй — о больших способностях ученого, в третьей — о давлении со стороны властей (хардалга — злостная клевета), в последней же строке звучат обстоятельства гибели. В этой народной песне озвучена версия гибели по злостному навету властей: «хаанай засагай хардалгаар хардуулажа нүгшэсэн» [Балдаев, 1965, с. 70] (умер оклеветанный по навету царской власти), сами же обстоятельства описаны так: «өөрынгөө харлуулсан» (себя погубил), «бээе хорлуулсан» (отравил себя), «зүрхөө хорлуулсан» (сердце свое отравил).

В песне, записанной в 1933 г. в Олзоне Иволгинского района от Мунко Раднаева, осознается роль Доржи Банзарова как учителя: «Бата ехэ эрдэмтэй / Банзарай Доржи багшадаа хөө, / Бадаран хүжэсэн сургаальнь / Бултын сурахые хишэсэ хөө» [Балдаев, 1965, с. 70] (Обладающий обширными познаниями, учитель наш Доржи Банзаров, распространяющееся его учение / будем стремиться изучать все).

В дореволюционной литературе бурят есть стихотворение о Доржи Банзарове, построенное в форме обращения к нему. Оно имеет все черты авторского произведения: так, роль Доржи Банзарова осознается в контексте национальной идеи: «Эжэл түрэл зонойнгоо / Эрдэм нураха шадалынь / Эрдэмтэнэй газарта / Эгээл түрүүн мэдүүлэлэйш, Өөдэлхэ бэлгыень / Эгээл түрүүн зохоолойш!» [Халхарова, Будаева, 2016, с. 21] (Способности к науке своего родного народа показал самым первым в среде ученых. Самым первым обозначил символ высокого пути). Есть предположение, что автором данного стихотворения является Базар Барадин (1878–1937). «Б. Барадиной 1910-аад онуудта бэшээн зохоолнуудтань Доржо Банзаров тухай шүлэг оролсоно гэхэдэ болоно. <...> Гэбэшье энэ шүлэг энэ ном соо оруулагдаагүй, тон лаб шийдхэгдэтэрынь орхихо гэжэ бодогдоо» [Дугарнимаев, 1999, с. 234] (Можно утверждать, что к числу произведений, написанных Б. Барадиным в 1910-е годы, относится стихотворение о Доржи Банзарове. <...> Тем не менее это стихотворение не включается в данную книгу, решено было его оставить до точной атрибуции).

Обращение к образу Доржи Банзарова в бурятской литературе происходит в разные периоды. Закономерно обращение к нему в периоды активизации национального самосознания, таким временем становятся 50–60-е годы XX в. По мнению исследователя, истоки этого процесса прослеживаются еще ранее: «Вопреки всем запретам официальной эстетики и политическим препонам национальная идея властно напомнила о себе в годы Великой Отечественной войны. <...> Чтобы победить, Сталину пришлось прибегнуть к ее помощи, поддержать в советских народах чувство родной земли, родины, патриотизма» [Алиева, 1996, с. 71].

Так, в процессе становления и развития бурятского романа последовательно прослеживается постановка национальной проблематики. Это происходит в общем контексте развития национальных литератур: «... С середины 50-х годов национальная идея пробуждает интерес к родной (этнической) — досоветской и внесоветской, то есть внеидео-

логической — истории, к народному бытию, образу мышления и жизни. Это происходит во всех без исключения литературах народов СССР, начавших тяготеть к определению собственного самобытного лица, своего незаемного характера» [Алиева, 1996, с. 72]. В эти годы происходит обращение Ч. Цыдендамбаева к образу первого бурятского ученого: им написаны повесть «Чернильница Банзарова» (1945), историко-биографический роман-диалогия «Доржи, сын Банзара» (1952) и «Вдали от родных степей» (1957–1958). В романе «Доржи, сын Банзара» показана широкая картина народной жизни, и это не случайно: в авторской концепции Доржи Банзаров — сын своего народа, сама среда народной жизни полна талантливых и одаренных людей, таких как сказитель Борхонок. «Первый бурятский ученый воплотил в себе творческую одаренность народа, его стремление к добру и красоте, к справедливости, его мужество, трудолюбие и любознательность. Упорный труд и природная одаренность помогли Доржи Банзарову пройти путь к вершинам современной ему науки» отмечает исследователь творчества Ч. Цыдендамбаева [Халхарова, 2010, с. 14]. В диалогии Ч. Цыдендамбаева создан целостный художественный образ Доржи Банзарова, в первой книге он показан в детские годы, во второй изображаются годы учебы в Казанском университете, прослеживается становление личности, создается характер.

Большое место образ Доржи Банзарова занимает в творчестве Н. Дамдинова, им написаны поэма «Доржи Банзаров тухай дуун» (Песня о Доржи Банзарове) (1967–1969), историческая драма «Доржи Банзаров» (1969, ред. 1971) и повесть «Кандидат императорского Казанского университета» (1990–1997). В поэме воссоздается мир бурятских обычаев и традиций, будущий ученый показан в кругу своей семьи. В исторической драме Дамдинова раскрывается период службы чиновником особых поручений в Иркутске, показаны события, предшествовавшие гибели героя от отравления. Повесть же Н. Дамдинова «Кандидат императорского Казанского университета» имеет в основе авторскую концепцию, так, в эпиграфах реализуется идея удачливости Д. Банзарова, сумевшего пройти нелегкий путь. В повести перемежается документально-историческое исследование с художественным повествованием, в центре внимания — годы учебы. Показан упорный, пылкий характер юного исследователя. Повесть начинается и завершается описанием одного из свершений Д. Банзарова, который сумел расшифровать надпись на так называемом Чингисовом камне.

Три части стихотворения Д. Улзытуева «Доржо Банзаров»: В Кяхте», «На пути к вершине», «Последний путь» — охватывают значительную часть биографии ученого, в них прослеживаются вехи его жизненного пути. Автор осознает, что канцелярская служба для истинного ученого не имеет смысла. Сожаление о преждевременной гибели славного сына бурятского народа отсылает к народным песням о Доржи Банзарове.

Намжил Нимбуев в своем стихотворении «Доржи Банзаров» обращается к петербургскому периоду жизни исследователя, когда было подано прошение и были надежды продолжить путь на научном поприще. «Под складкой эпикантуса в зрачках / светился строгий европейский ум и древнего кочевника тоска...» [Нимбуев, 2003, с. 83]. В нимбуевском стихотворении предстает трагическое осознание судьбы Д. Банзарова — судьбы первопроходца: «...но одиноко ранней птицей быть, / подхваченную песню не услышать» [Нимбуев, 2003, с. 83].

В стихотворении Б. Дугарова «У памятника Доржи Банзарову» образ первого бурятского ученого — олицетворение вечности, которой противопоставляется стихия текущей жизни — возлияние и беседа поэтов. «Доржи Банзаров, погруженный в думы, / Глядит сквозь городскую тишину. / Он, неподвластный уличному шуму, / Настроен на седую старину. / Ему по сердцу лики Тэмуджина / и вольница планиды кочевой. / Степи великой смутные картины / Вновь оживают в мгле полуночной» [Дугаров, 2015, с. 150].

В книге, составленной из фольклорных источников Санджэ-Сурун (Галиной Раднаевой), «Время, изменившее мир» опубликованы устные рассказы джидинцев — земляков Доржи Банзарова, это сведения о родословной, о предках ученого и потомках по роду, народные песни.

Таким образом, жизнь и наследие первого бурятского ученого Д.Банзарова нашли широкое отражение в устном народном творчестве и художественной литературе. О Доржи Банзарове написаны произведения самых различных жанров: песни, стихотворения-посвящения, повести, романы, поэма, драма, ряд лирических произведений. Образ Доржи Банзарова осознается как образ масштабной личности, раскрывающей лучшие устремления своего народа к знаниям и просвещению. Он предстает в национальной культуре как символ подлинной реализации способностей человека и пример служения науке.

Литература

1. Алиева С. У. Национальная идея и эстетика социалистического реализма // Нация. Личность. Литература. Вып. 1. М.: Наследие, 1996. С. 67–81.
2. Балдаев С. П. Бурятские народные песни (дореволюционные). Т. 1. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1961. 289 с.
3. Балдаев С. П. Бурятские народные песни. Буряад арадай дуунууд (урданай дуунууд) Т. 2. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1965. 244 с.
4. Дугар-Нимаев Ц.-А. Базар Барадиной зохоолнууд тухай // Базар Барадин шэлэгдэмэл зохоолнууд. Улаан-Үдэ: БНЦ СО РАН, 1998. С. 234–235.
5. Дугаров Б. С. Степная лира. СПб.: Свое издательство, 2015. 304 с.
6. Нимбуев Н. Стреленные молнии. М.: Галерея «Ханхалаев», 2003. 308 с.
7. Санджэ-Сурун (Раднаева Г. Ж.) Время, изменившее мир. Дэлхэе хубилгаһан саг. Т. 2. Улан-Удэ: Новапринт, 2013. 616 с.
8. Улзытуев Д. Гуурһанай гурбан нюуса. Улан-Удэ, 2006. 36 с.
9. Халхарова Л. Ц. Национальная картина мира в прозе Ч. Цыдендамбаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 159 с.
10. Халхарова Л. Ц., Будаева Т. Б. Буряад литература. 10-дахи класста үзэхэ хрестомати: Хоер хубитай. 1-дэхи хуби. Улаан-Үдэ: Бэлиг түб, 2016. 200 х.

УДК 882:0
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-35-38

**ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА
«ДОРЖИ, СЫН БАНЗАРА» Ч. ЦЫДЕНДАМБАЕВА**

© **Серебрякова Зоя Александровна**

доктор филологических наук, и. о. профессора,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры и искусств
Россия, г. Улан-Удэ
serebryakovaza@mail.ru

В статье рассматривается начальный период формирования личности выдающегося востоковеда Д. Банзарова, детству которого посвящен роман «Доржи, сын Банзара» Ч. Цыдендамбаева. Увлекательным источником впечатлений для мальчика выступает фольклор, многое он познает в семье, в том числе научившись монгольской грамоте у дяди Хэшэгтэ, в беседах с земляками, наблюдая за улусной жизнью, в общении с русским другом Сашей. Глазами ребенка, умеющего видеть самое существенное, убедительно воспроизводится картина улусной жизни.

Ключевые слова: мировоззрение, детство, народное искусство, семья, общение, роман, герой, образ, писатель.

**DEVELOPMENT OF THE MAIN CHARACTER WORLDVIEW
IN THE NOVEL «DORZHI, BANZAR'S SON» BY CH. TSYDENDAMBAEV**

Zoya A. Serebryakova

Dr. Sci. (Phil.), A/Prof.,
East-Siberian State Institute of Culture
Ulan-Ude, Russia
serebryakovaza@mail.ru

The article considers the early period in personality development of an outstanding Russian orientalist D. Banzarov, whose childhood is described in the novel «Dorzhi, Banzar's Son» by Ch. Tsyden-dambaev. Folklore became a fascinating source of inspiration for the boy. He discovers many things with his family, including studying Mongolian script with his uncle Kheshegte. Also Dorzhi discovers the world talking with countrymen, observing the life of his ulus (rural settlement), communicating with Russian boy Sasha. The picture of the ulus' life is persuasively reproduced through the eyes of a child able to see the essential.

Keywords: worldview, childhood, folk art, family, communication, novel, character, image, writer.

Детство — особый период в развитии личности, когда складывается ядро характера, самосознание, жизненные принципы, волевые и коммуникативные качества, проявляются задатки и способности. Этот отрезок биографии Д. Банзарова выбрал для своего романа «Доржи, сын Банзара» (1952) Ч. Цыдендамбаев. Проследим, какие источники, по мнению писателя, повлияли на формирование его мировоззрения. В целом он сумел создать впечатляющий образ живого, активного, любознательного мальчика, растущего на фоне колоритно описанной жизни родного улуса Ичетуй.

Не останавливаясь на нелегком пути произведения к читателю, обусловленном идеологическим диктатом, можно констатировать, что в итоге роман был заслуженно оценен литературоведами, отметившими, что автор «сумел создать своего рода энциклопедию бурятской жизни середины прошлого столетия, обильно насыщенную этнографическими и бытовыми подробностями, воссоздающими условия жизни маленького Доржи» [История, 1997, с. 28–29].

С самого начала привлекается внимание к такому увлекательному источнику впечатлений, как фольклор. Для всех, особенно для детей, приезд улигершина Борхонока — праздник, тем более для одаренного богатым воображением Доржи.

Характеристики Борхоноком улигеров как разгоняющих грусть, очищающих душу, зажигающих огонь смелости, дающих людям силу, сопровождаются эмоциональной авторской ремаркой: «Эти слова мудрого старика, как золотые зерна, запали в душу маленького Доржи» [Цыдендамбаев, 1969, с.9].

Повествование буквально пронизано фольклорными мотивами, и хотя они есть и в романах Ж. Тумунова и Х. Намсараева, именно автора дилогии о Д. Банзарове по праву можно назвать первопроходцем в освоении этой темы, даже пострадавшим за нежелательное в начале 1950-х гг. описание «старинь». «Именно за счет обращения к народной мудрости, народным традициям, обычаям, обрядам, то есть к глубинным истокам, основам народной жизни происходил процесс углубления и укрепления связей литературы с жизнью народа», — писал В. Ц. Найдаков [1996, с. 72], и это можно полностью отнести к анализируемому произведению.

Однако само по себе обращение к народному искусству не обеспечивает подлинной художественности. Как полагает С. С. Имixelова [2020, с. 5], «апеллировать к творческому наследию народа художнику достаточно просто, но вместе с тем и сложно, потому что в сложившуюся, формировавшуюся веками кристально чистую систему труднее внести что-то личное, оригинальное». Талант и мастерство автора помогли ему органично вплести фольклорные мотивы в повествование, показать ценность произведений, гений народа и чуткость маленького героя, погружающегося в яркий мир образов, приносящих ему эстетическое наслаждение, развивающих его интеллект, широкий круг способностей и личность в целом. Слушая прекрасную песню Жалмы, Доржи пытается постичь природу ее творческого воображения: «...почему Жалма поет о Балдане с такой радостью и вместе с грустью? О каких рысаках Балдана она поет? Разве были когда-нибудь кони у Балдана? Почему Жалма поет о том, чего нет и не может быть? ...

Много, очень много на свете непонятого» [Цыдендамбаев, 1969, с. 180–181].

В качестве важного источника познания для главного героя показана семья, где он впитывает опыт степной цивилизации, познает обыденность бытия, учится понимать людей, усваивает умения и навыки. «Привлечение детей к труду начиналось у бурят довольно рано. Это обуславливалось не только нормами народной педагогики, но и хозяйственными потребностями... мальчик приобщался к различным мужским ремеслам... а в 14 лет он становился уже самостоятельным работником» [Басаева, 1991, с. 87–88]. Вместе с братьями и ровесниками мальчик целыми днями пасет овец, успевая при этом пообщаться и порой поиграть, выполняет другую посильную работу по хозяйству, мастерит для себя игрушки и т. п.

Поскольку отца дети видят редко из-за его казачьей службы, их воспитывает мать Цоли, любящая их, работающая, обладающая житейской мудростью. Доржи отвечает ей любовью: с ее появлением в юрте словно бы теплеет. У их семейного очага вечерами собираются соседки, ведя за бесконечными делами беседу, исполняя и даже сочиняя песни, и это открывает для Доржи и сокровища народного творчества, и некоторые стороны улушной жизни, о которых он прежде не задумывался.

С семьей связан образ дяди главного героя, искусного мастера Хэшэгтэ, много повидавшего, хорошего рассказчика, человека, имеющего свою позицию и умеющего ее отстаивать, которому довелось встретиться с декабристами и составить о них собственное мнение, отличное от мнения казачьего пятидесятника, считающего всех ссыльных преступниками, знатока монгольской грамоты, книжника, любителя знаний. Он преподает племянникам первые уроки монгольской грамоты, и Доржи, более терпеливый и стара-

тельный, чем братья, делает первые успехи и остается его единственным подопечным. Дядя поддерживает Доржи добрым словом: «Скакунa видно с жеребенка, а человека — с ребенка». Хэшэгтэ подает родителям главного героя мысль о его учебе в войсковом училище в Кяхте.

Большое впечатление на Доржи произвело знакомство с искусством народных чеканщиков, ювелиров Бадлы и собственного родственника Хэшэгтэ, долгим кропотливым трудом превращавших простые серебряные пластинки в узоры. По выражению Г. Д. Гачева [1995, с. 42], «узор, орнамент... есть народная мысль о ритме мироздания». Хэшэгтэ также олицетворяет живущее в народе уважение к учению, интеллектуальным ценностям. «Стремление к знаниям, пытливый ум закономерно формируются в атмосфере народной жизни, где интеллект и образование мыслятся как высшие ценности человеческой жизни» [Халхарова, 2007, с. 10]. То же самое можно сказать и о главном герое романа.

Среди вечерних гостей матери он видит батрачек Жалму и Дулсан, слышит их сетования на полную горя и несправедливости беспросветную жизнь: «Да, так, видно, всю молодость и проходим за чужим скотом. Под старость даже сломанного веретена не будет своего» [Цыдендамбаев, 1969, с. 9]. Это заставляет его внимательнее наблюдать за жизнью улуса. О многом узнает он и из общения со своими взрослыми друзьями: смелым, открытым Еши Жамсуевым, многодетным Эрдэмтэ, потерявшим отца подростком Затагарханом, оказавшимся фактически главой семьи. Благодаря Еши мальчик становится победителем любимого народом состязания — скачек на лошади Жамсуева, к которой хозяин относится в соответствии с традициями: «У всех кочевников Азии конь пользовался большой любовью, к нему относились как к близкому другу, называя *«эрдэни»* — драгоценность. Коня лелеяли и холили. Запрещалось ругать, бить лошадей, особенно по голове, наступать на удила» [Бабуева, 2001, с. 126].

Мальчик обнаруживает, что обычно молчаливый Ухинхэн умеет проникновенно говорить о красоте родных мест, рассказывает о встрече с Н. А. Бестужевым, объяснившим ему причины извечной бедности большинства бурят, советовавшим им быть дружнее и сплоченнее. Близкие друзья Доржи неустанно трудятся, но не могут выбраться из бедности. Их преследуют тяжелые болезни, они по вине богачей получают увечья и т. д. За короткое время уходят из жизни три хорошо знакомых центральному герою людей. Здесь проявляется ранее отмеченная нами гипертрофированность классовых моментов и излишняя поляризация персонажей по классовому принципу [Серебрякова, 2008, с. 65]. Этим принципом соцреалистического канона писатель должен был руководствоваться. Тем не менее ему удалось главное: убедительное воспроизведение действительности «ясными глазами ребенка», умеющего «видеть самые первичные «почему» и тем самым задумываться над коренными вещами» [Гачев, 1988, с. 15].

Границы мира главного героя раздвигаются благодаря знакомству с представителями русского народа, русской культурой и особенно дружбе с Сашей, сыном кузнеца, приехавшего с Волги: «Очень хорошо, что они с Сашей повстречались летом, когда самые короткие ночи. Уснешь вечером... — опять солнце, опять с утра до вечера можно играть... Как хорошо, что он ...подружился с Сашей, учится говорить по-русски!» [Цыдендамбаев, 1969, с. 176, 181].

Таким образом, в качестве основных факторов формирования мировоззрения главного героя романа «Доржи, сын Банзара» выступают народное творчество, семья, общение с земляками, разные стороны жизни улуса и дружба с Сашей.

Литература

1. Бабуева В. Д. Мир традиций бурят. Улан-Удэ: Улзы, 2001. 144 с.
2. Басаева К. Д. Брак и семья у бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.

-
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-психо-логос. М.: Советский писатель, 1995. 480 с.
 4. Гачев Г. Д. Чингиз Айтматов (в свете мировой культуры). Фрунзе: Адабият, 1988. 488 с.
 5. Имixelова С. С. Мозаика национальной жизни: о литературном процессе в Бурятии (2010-е годы). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. 216 с.
 6. История бурятской литературы. Т. III. Современная бурятская литература (1956–1995). Улан-Удэ: РИО Бурятского научного центра СО РАН, 1997. 298 с.
 7. Найдаков В.Ц. Становление, развитие и распад бурятской советской литературы (1917–1995 гг.). Улан-Удэ: Бурят. ин-т обществ. наук, 1996. 106 с.
 8. Серебрякова З. А. Национальный характер в бурятском историческом романе. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2008. 103 с.
 9. Халхарова Л. Ц. Проза Ч. Цыдендамбаева: специфика создания национальной картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2007. 25 с.
 10. Цыдендамбаев Ч. Доржи, сын Банзара / авториз. пер. с бурят. Мих. Степанова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 421 с.

УДК 947.084.24 (617.3)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-39-43

**Д. БАНЗАРОВ (1822–1855) И А. БОБРОВНИКОВ (1822–1865):
ОБЩНОСТЬ НАУЧНЫХ СУДЕБ МОНГОЛОВЕДОВ И СОРАТНИКОВ.
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНЫХ**

© Полянская Оксана Николаевна

кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
polgrab@mail.ru

Статья отражает историю становления научного монголоведения в России, у истоков которого стояли и ученые-буряты Д. Банзаров, Г. Гомбоев, А. Бобровников. Пройдя школы подготовки специалистов по Востоку в стенах Казанского университета под руководством ведущих монголоведов О. М. Ковалевского и А.В. Попова, они стали авторитетными исследователями в области буддийской философии, этнографии и монгольского языкознания. Через призму биографий Д. Банзарова, А. Бобровникова автор публикации показывает сложность и многогранность направлений в развитии российской научной школы монголоведения, ее многонациональную составляющую. Кроме того, в статье подчеркивается, что наряду с академическими и университетскими центрами востоковедения значимую роль в исследованиях истории и культуры монгольских народов сыграли синодальные учебные учреждения, в частности Иркутская духовная семинария и Казанская духовная академия, из стен которых вышел монголовед А. А. Бобровников. Автор статьи отмечает, что развитие монголоведения в Казанской духовной академии проходило под влиянием профессуры Казанского университета. А. А. Бобровников и Д. Банзаров являются учениками О. М. Ковалевского. К сожалению, следует констатировать превалирующее значение практической направленности востоковедения в России, что в целом обусловило преждевременный закат научной деятельности молодых ученых из бурят Д. Банзарова и А. Бобровникова.

Ключевые слова: научная школа монголоведения в России; Казанский университет, Д. Банзаров, А. Бобровников, О. М. Ковалевский.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-59-44008 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии»).

D. BANZAROV (1822–1855) AND A. BOBROVNIKOV (1822–1865): COMMON
SCIENTIFIC DESTINIES OF MONGOLIAN SCHOLARS AND ASSOCIATES.
TO THE 200TH ANNIVERSARY OF THE SCIENTISTS

Oksana N. Polyanskaya
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
PolGrab@mail.ru

The article reflects the history of developing Mongolian studies in Russia. Buryat scientists D. Banzarov, G. Gomboev, A. Bobrovnikov were the founders of these studies. They finished the schools for training specialists in the field of Oriental studies at Kazan University under the guidance of the leading Mongolists O. M. Kovalevsky and A.V. Popov, and became authoritative researchers in the field of Buddhist philosophy, ethnography and Mongolian linguistics. Through the prism of the biographies of D. Banzarov and A. Bobrovnikov, the article shows the complex and versatile directions in the development of the Russian scientific school of Mongolian studies, its multinational component. In addition, the article emphasises that, along with the academic and university centres of Oriental studies, a significant role in the study of the history and culture of the Mongolian peoples was played by synodal

educational institutions, in particular the Irkutsk Theological Seminary and the Kazan Theological Academy, which is represented by the Mongol scholar A. A. Bobrovnikov. The author of the article notes that the development of Mongolian studies at Kazan Theological Academy took place under the influence of the professors of Kazan University. A. A. Bobrovnikov and D. Banzarov are the students of O. M. Kovalevsky. Unfortunately, one should state the prevailing importance of the practical orientation of Oriental studies in Russia, which in general led to the premature decline of the scientific activity of young scientists D. Banzarov and A. Bobrovnikov.

Keywords: scientific school of Mongolian studies in Russia; Kazan University, D. Banzarov, A. Bobrovnikov, O. M. Kovalevsky.

This work was supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-59-44008 «World and Russian Mongolian Studies: National Schools, Concepts, Personalities»).

2022 год — юбилейный в биографиях монголоведов Доржи Банзарова и Алексея Александровича Бобровникова, стоявших у истоков научного монголоведения в России, достигших огромных результатов в научных исследованиях, в подготовке учебных пособий и словарей, необходимых для становления профессиональных специалистов-востоковедов. «Теперь почти никто, кроме немногих ориенталистов, ничего не знает о Банзарове. Между тем, таких фактов, как активное участие инородца в русском умственном движении, русская жизнь знает немного, а в жизни бурятского племени этот пример — единственный. В сороковых годах XIX в. Банзаров становится в ряды ученых-ориенталистов ...» [Ученый-бурят, 1892, с. 2]. Это высказывание актуально сегодня, широкому кругу о Д. Банзарове и А. Бобровникове известны лишь отрывочные сведения обобщенного характера. А тем временем это выдающиеся ученые своего времени, их признали современники в научных кругах России XIX в.

Доржи Банзаров происходил из бурят Селенгинского ведомства, «из поколения урянхай, пользовавшегося», по словам ориенталиста П. С. Савельева (1814–1859), «почетом по всей степи». В 10 лет, в 1832 г., Доржи отдал в Троицкосавскую русско-монгольскую школу. В 1834 г. у него появилась возможность продолжить образование. В России было обращено особое внимание на преподавание восточных языков в Первой гимназии Казани с той целью, чтобы приготовить переводчиков для службы при наших миссиях на Востоке и при правительственных учреждениях в инородческих областях, а также чтобы содействовать образованию татар, бурят и других инородцев. Тайша селенгинских бурятских родов, узнав об этом, прислал прошение, в котором, указывая на необходимость для степных дум инородцев с основательными знаниями русского языка, ходатайствовал о принятии в одну из казанских гимназий нескольких малолетних бурят. Этот факт подтверждает практическую направленность становления востоковедения в России. В числе мальчиков-инородцев, предназначенных тайшой в будущие писари степной думы, находился и Доржи Банзаров. В 1835 г. он был принят в Казанскую гимназию и только он один выдержал разлуку с домом. По воспоминаниям впоследствии известного сиолога и академика Василия Павловича Васильева (1818–1900), а в годы поступления мальчиков в Казанскую гимназию он был еще студентом Казанского университета (поступил в 1834 г.), «Доржи учился на «отлично», наряду с лучшими учениками из русских. Он казался всех моложе, был сухошав, но крепкого телосложения». Из других мальчиков В. П. Васильев выделял еще Цокто Чимитова: «более симпатичный», чем другие, «и не уступавший Банзарову в учении», он умер, не выдержав смены жительства. Проучившись 6 лет в Казанской гимназии, Д. Банзаров был зачислен в 1842 г. в Казанский университет, тоже ввиду его исключительных способностей и ходатайства профессора университета Осипа Михайловича Ковалевского (1801–1878). Д. Банзаров принадлежал к казачьему сословию, что было основательным препятствием для поступления в университет и в

дальнейшем для продолжения научной деятельности. О поступлении юного монгола-буддиста в университет, как о замечательном явлении, министр народного просвещения граф С. С. Уваров довел до сведения императора Николая Павловича, и отец Банзарова за успехи своего сына был удостоен Высочайшего внимания и награжден премией — 142 рубля серебром «в поощрение похвальных усилий за образование сына» от Министерства народного просвещения [НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4240. Л. 133. Документ от 3 июля 1842 г.].

Став студентом одного из ведущих университетов страны — Казанского университета, в котором интенсивно развивалось востоковедное направление, Доржи Банзаров прилагает максимум усилий, чтобы совершенствовать себя в восточных и европейских языках, изучать историю монголов, курс лекций по которой разработал и читал Осип Михайлович Ковалевский только студентам восточного разряда Казанского университета [Полянская, 2001, с. 81]. Под руководством этого ведущего монголоведа России и Европы XIX в. Доржи Банзаров начал заниматься научной работой. Одной из первых работ стал перевод с французского языка на монгольский «Странствия китайского буддиста IV века по имени Фа Сян» [Улымжиев, 1994, с. 56]. Осип Михайлович определил и основное направление его научной деятельности — изучение шаманизма, т. к., по мнению монголоведа, главное в понимании народа, его мировоззрения, помыслов — необходимость знать основы религии, которую он исповедует [Полянская, 2019]. Кто как не природный бурят мог с этим справиться блестяще, результат этого сотрудничества — работа Д. Банзарова «Черная вера», Или шаманство у монголов», которую он представил по окончании университета в 1846 г., получив диплом кандидата наук, а его диссертация, как лучшая, была опубликована в «Ученых записках» Казанского Императорского университета.

В университетские годы у Доржи Банзарова были друзья и соратники по монголоведению — буряты Алексей Бобровников и Галсан Гомбоев, волею судеб оказавшиеся в Казани в 1842 г., в год, когда Доржи Банзаров закончил гимназию и поступил в университет. Галсан Гомбоев сменил в должности воспитателя и учителя практических занятий по монгольскому языку у студентов Галсана Никитуева (сопровождал и обучал первых мальчиков бурят в Казани, среди которых и был Д. Банзаров, в 1334 г.), который вынужден был вернуться на родину в Забайкалье. Галсан Гомбоев и Алексей Бобровников заняли одну из важных ниш в истории становления научного монголоведения и также заслуживают особого внимания и изучения их научного наследия [Ильминский, 1865; Полянская, 2019; Улымжиев, 1994; Шаракшинова, 1988].

Доржи Банзаров и Алексей Бобровников встретились раньше, чем приехал Г. Гомбоев, они находились отчасти в равных возможностях для получения образования. Д. Банзаров становится студентом после окончания гимназии, а Алексей Бобровников приехал в Казань в 1842 г. из Иркутска после окончания (с отличием) духовной семинарии и поступил в Казанскую духовную академию. Иркутская семинария сыграла важную роль в подготовке миссионеров со знанием монгольского языка. Среди преподавателей семинарии следует выделить Александра Матвеевича Орлова (1816–1889) — автора «Грамматики маньчжурского языка (СПб., 1873) и «Грамматики монголо-бурятского разговорного языка» (Казань, 1878). Он был учителем Алексея Бобровникова в Иркутске [Полянская, 2015]. Родители Алексея были бурятами, принявшими православие, поэтому Алексей хорошо знал монгольский язык, а под влиянием своего учителя стал интересоваться разнообразием говоров бурятского языка и различиями письменного и книжного монгольского языка [Там же]. Одновременно с обучением в духовной академии в Казани Алексей посещал занятия в университете, вместе с Д. Банзаровым слушал лекции О. М. Ковалевского, учился и у других выдающихся востоковедов, которые работали в то время в Казанском университете [Полянская, 2015, 2019]. А. Бобровников, несмотря на свою духовно-

миссионерскую деятельность, становится автором основополагающих работ в области монгольского языкознания, в первую очередь «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» (Казань, 1849), ставшей «классической грамматической основой в монголоведении» [Раднаев, 2012, с. 101] и удостоенной Демидовской премии, которая присуждалась Петербургской академией наук в 1832–1865 гг. за опубликованные труды по науке, технике, искусству.

Алексей Александрович Бобровников является одним из первых исследователей калмыцкого эпоса «Джангар», за работу над которым был избран членом-корреспондентом одного из ведущих научных обществ России — Императорского русского археологического общества. Доржи Банзаров также был членом-корреспондентом этого общества, что безусловно означало признание их научных заслуг. Банзаров и Бобровников помогали друг другу в работе над переводами, в подборе и анализе материалов для грамматики Бобровникова, а Банзаров помогал своему другу «раскрывать законы родного языка» [НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1175. Л. 15–17].

Связующим звеном между ними был их учитель профессор О. М. Ковалевский, во многом определивший направление научной работы, в большей степени связанной с религиозным наследием монгольских народов; если Д. Банзаров по настоянию О. М. Ковалевского стал изучать шаманизм, то А. Бобровников углубился в суть буддийской философии. Не случайно тема выпускной работы, выбранная им по завершении обучения в духовной академии, называлась «О христианской любви и буддийском самоутверждении как нравственных началах той и другой религии» [НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 676. Л. 3–3 об.]. Ценность работы заключалась не только в анализе находений соответствий и различий, но и в том, что автор вводил новые источники по изучению нравственного вопроса религии, «изучал индийскую философию по тибетским источникам, переводя их на монгольский язык» [Ильминский, 1865].

Рука об руку шли по научной и педагогической стезе Д. Банзаров и А. Бобровников умело сочетая исследовательскую и педагогическую деятельность. Д. Банзаров после окончания университета был определен учителем истории в одну из гимназий Казани [Ученый-бурят, 1892, с. 3], Алексей Бобровников преподавал монгольский язык в духовной академии, а также математику, язык, историю и религию монголов на миссионерских курсах при академии. Однако реалии жизни кардинальным образом изменили судьбу талантливых молодых людей. Д. Банзарову не удалось решить вопрос об исключении из казачьего сословия, даже при поддержке представителей российской науки, хлопотавших за него; но тем не менее она повлияла на то, что его все же назначили чиновником особых поручений при сибирском генерал-губернаторе, а не направили служить на границу. В 1849 г. Д. Банзаров уехал в Сибирь, сначала к себе на родину, в долину р. Джиды, повидаться с родными, которых не видел долгие годы, затем по поручению администрации губернатора проживал в Чите и Кяхте и только спустя 2 года после возвращения из Казани переселился в Иркутск [Там же, с. 4]. Его научная и педагогическая деятельность была сведена к нулю, а в феврале 1855 г. Д. Банзарова не стало. 2 марта состоялись его похороны, где обряд погребения совершил Хамбо-лама, который был случайно в Иркутске по делам... [Там же].

Спустя десять лет, 8 марта 1865 г., ушел из жизни друг Д. Банзарова Алексей Бобровников, произошло это в г. Оренбурге, куда он был переведен в ведомство Оренбургской пограничной комиссии на должность попечителя оренбургских пограничных киргизов. Судьбы ученых оказались печально схожи, они не смогли в полной мере проявить себя как ученые-исследователи, хотя имели огромный потенциал, солидную базу знаний, понимание направления научной работы. При поддержке и благоприятных условиях, если бы их создало российское общество и государство, и Д. Банзаров и А. Бобровников могли бы

пополнить ряды лучших ориенталистов России и Европы, но ученых по призванию определили в чиновники, и к этому они не были подготовлены. Трудно не согласиться с рассуждением автора публикации¹ в журнале «Русская жизнь» за 1892 г. [Ученый бурят, 1892, с. 5] о значимости и судьбе Д. Банзарова: «А ведь не лишний он был! По нашим тесным связям с Востоком у нас не может быть лишних ориенталистов», тем более еще в середине XIX в., когда востоковедение переживал этап становления, у истоков которого находились монголоведы Д. Банзаров и А. Бобровников.

Источники и литература

1. НАРТ — Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10, 92.
2. Ильминский Н. И. Воспоминания об Алексее Александровиче Бобровникове // Ученые записки Казанского университета. 1865. Т. 1. С. 435.
3. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4-х т. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. Т. 4. 558 с.
4. Полянская О. Н. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX века). Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001. 140 с.
5. Полянская О. Н. Преподаватели синодальных учебных заведений России у истоков научного монголоведения: А. А. Бобровников (1822–1865) // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2015. № 3(43). С. 126–133.
6. Полянская О.Н. Монголоведение в России первой половины XIX в.: О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. 321 с.
7. Раднаев В. Э. Монгольское языкознание в России в I половине XIX в.: проблемы наследия. Т. 1. Ч. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 392 с.
8. Улымжиев Д. Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1994. 108 с.
9. Ученый бурят // Восточное обозрение. 1892. № 47. С. 2–5.
10. Шаракшинова Н. О. Монголовед Алексей Бобровников // Байкал. 1988. № 3. С. 131–136.

¹ Статья под названием «Ученый бурят» была напечатана в ежедневной газете Санкт-Петербурга «Русская жизнь», которая выходила с 1890 по 1895 г. Указаны только инициалы автора — А. О. Это псевдоним редактора, публициста и критика Ашешова Николая Петровича (1866–1923). Он печатался под разными псевдонимами: 1) А., 2) А.О., 3) Ал. О., 4) Ож. Ал., 5) Ожигов и др. [Масанов, 1960, с. 46]. Его статья «Ученый бурят» была перепечатана в газете «Восточное обозрение» за 1892 г. № 47. С. 2–5). «Восточное обозрение» издавалось сначала в Петербурге (с 1882 по 1888 г.), а с 1888 г. — в Иркутске, где с 1891 г. издателем стал публицист, критик, писатель, ученый, исследователь Центральной Азии Н.М. Ядринцев. Сотрудниками «Восточного обозрения» были авторитетные ученые-востоковеды: В. П. Васильев, И. П. Минаев, В. В. Радлов, М. В. Певцов, Г. Н. Потанин и др. URL: http://irkipedia.ru/content/yadrincev_nikolay_mihaylovich (дата обращения: 11.02.2022).

УДК: 93(092)(571.54)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-44-47

**МОНГОЛОВЕД ГАЛСАН ГОМБОЕВ — СОВРЕМЕННОК
ДОРЖИ БАНЗАРОВА**

© **Мададаева Галина Ивановна**
независимый исследователь
Россия, г. Улан-Удэ
badma4777@gmail.com

Статья посвящена одному из известных ученых, стоявших у истоков научного монголоведения в России, — Галсану Гомбоеву. Галсан Гомбоев совмещал деятельность исследователя монгольских летописей, переводчика, преподавателя монгольского языка в Казанской гимназии, Казанской духовной академии и Казанском, Петербургском университетах, т. е. был сотрудником ведущих центров востоковедения не только России, но и Европы. Огромное влияние на его становление как ученого оказали ведущие монголоеды О. М. Ковалевский, А. В. Попов из Казанского университета, а также П. Л. Шиллинг, возглавивший экспедицию в 1830–1832 гг. в Восточную Сибирь. Постоянным помощником во время экспедиционной работы был Г. Гомбоев, о чем пишет автор данной публикации, подтверждая этот факт малоизвестными архивными документами из Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, часть из которых публикуется впервые и существенно дополняет биографию ученого. Галсан Гомбоев принадлежит к плеяде первых ученых из бурят, получивших европейское образование в университетах Казани и Санкт-Петербурга, сыгравших существенную роль в изучении монгольских народов. Современниками Галсана Гомбоева являются буряты Доржи Банзаров и Алексей Бобровников, чьи научные, творческие судьбы пересеклись в Казани. Они были тесно друг с другом связаны и сотрудничали на поприще монголоведения.

Ключевые слова: научное монголоведение, Доржи Банзаров, Галсан Гомбоев, экспедиция Шиллинга, Гусиноозерский дацан.

MONGOL SCHOLAR GALSAN GOMBOEV —
A CONTEMPORARY OF DORZHI BANZAROV

Galina I. Madadaeva
Independent researcher
Ulan-Ude, Russia
badma4777@gmail.com

The article is devoted to Galsan Gomboev, one of the famous scientists who was at the origin of scientific Mongolian studies in Russia. Galsan Gomboev combined the activities of a researcher of the Mongolian chronicles, a translator, a teacher of the Mongolian language at Kazan gymnasium. Also, he taught at Kazan Theological Academy and Kazan and St. Petersburg Universities. This proves that Galsan Gomboev was an employee of the leading centres of Oriental studies not only in Russia, but also in Europe. The leading Mongolian scholars O.M. Kovalevsky, A.V. Popov from Kazan University, as well as P.L. Shilling, who led an expedition to Eastern Siberia in 1830–1832, had a great influence on his development as a scientist. G. Gomboev was a permanent assistant during the expedition. The article reviews this information, confirming the facts with little-known archival documents from the Centre for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the IMBT SB RAS. Some of these documents are published for the first time and significantly supplement the biography of the scientist. Galsan Gomboev is one of the first Buryat scientists who got European education at the universities of Kazan and St. Petersburg and played a significant part in studying the Mongolian peoples. Galsan Gomboev's contemporaries were Dorzhi Banzarov and Alexey Bobrovnikov, whose scientific and creative ways crossed in Kazan. They were closely connected with each other and collaborated in the field of Mongolian studies.

Keywords: scientific Mongolian studies, Dorzhi Banzarov, Galsan Gomboev, Schilling expedition, Gusinoozersk Datsan.

2022 год — год 200-летия со дня рождения первого бурятского ученого Доржи Банзарова (1822–1855). Наша работа о его современнике — Галсане Гомбоеве (1818–1863), который некоторое время был воспитателем Доржи Банзарова в Казанской гимназии. В июне 1842 г. Д. Банзаров окончил гимназию с золотой медалью и поступил в Казанский университет, однако их знакомство перешло в многолетнюю дружбу и научное сотрудничество [Полянская, 2019, с. 144–159]. Вместе с ним в Казанской гимназии обучались также Цогто Чимитов, Гытып Будаев, Доржи Буянтуев. Наставником у них сначала был лама Г. Никитуев [Там же, с. 138]. Впервые инородцы были приняты в гимназию в Казани, сыгравшую важную роль в становлении востоковедения в России в целом и в Казани как ведущем востоковедном центре, плодотворная деятельность которой стала фундаментом для основания университета, в котором востоковедение заняло приоритетное место [Там же, с. 138–139]. Д. Банзаров показал усердие в учебе и отличные знания по предметам учебной программы. Из дела о Д. Банзарове: *Копия* «Свидетельство. Предъявитель Дорджи Банзаров от роду 21 год обучался в Казанской гимназии с 25 января 1836 г. Был поведения отличным и в преподаваемых предметах оказал успехи. Закону божьему, священной и церковной истории не обучался. Русской грамматике, словесности и логике отличные. Математике хорошие, физике не обучался, истории отличные, географии и статистике отличные, в языках: латынь отличные, французский, английский отличные. В рисовании, черчении, чистописании хорошие. Августа 14 дня 1842 года. Почетный попечитель, директор» [Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. ОАФ. Д. 358. Л. 6]. В ноябре 1841 г. решился вопрос об отправке в Казань Галсана Гомбоева, комплектного ламы Гусиноозерского дацана вместо Никитуева, который по требованию отца должен был уехать домой [Улымжиев, 1993].

Галсан Гомбоев родился в 1818 г. вблизи Селенгинска. Некоторые ученые указывают 1822 год. А. С. Шофман в своей статье приводит документ Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), формулярный список Гомбоева, по которому в 1841 г. ему 23 года. Шофман дает выдержки о службе в дацане: «10 мая 1829 г. был посвящен в хувараки, назначен писарем хамбы в 1834 г. в мае м-це, посвящен в гэцул ламу 10 февраля 1834 г.; в июле м-це 1836 г. сделан оспенным учеником, в 1837 г. сделан унзатом, в 1840 г. — биликту ламой, в 1841 г. включен в число комплектных лам, умел читать и писать по-монгольски и по-тибетски, часть российской (грамоты) знает» [Шофман, 1994, с. 39].

Гомбоев прибыл в Казань и 5 июня 1842 г. утвержден надзирателем при воспитанниках Казанской гимназии. В обязанность надзирателя входили воспитательная работа и занятия со студентами. Гомбоев вел практические уроки с теми, кто изучал монгольский и тибетский языки. Научным консультантом Гомбоева был О. М. Ковалевский, известный монголовед, ординарный профессор Казанского университета [Биография, 2020].

Как пишет Шофман, с 1842 по 1856 г. Галсан Гомбоев работал в Казани. В середине 50-х гг. восточный разряд в Казанском университете был переведен в Петербург. По приглашению руководства Санкт-Петербургского университета в 1856 г. Гомбоев переехал в Петербург, в 1859 г. утвержден лектором монгольских языков. Вскоре, как и Банзаров, был избран членом-корреспондентом Императорского Русского археологического общества.

К сожалению, документов о Г. Гомбоеве сохранилось мало. Среди немногочисленных архивов, содержащих сведения о Г. Гомбоеве, особый интерес представляет дело засагламы Г. Гомбоева в архивном фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН. Оно интересно не только для биографии Г. Гомбоева, но и для освещения деятельности его сподвижника в изучении

монгольских народов, государственного деятеля барона П. Л. Шиллинга, его пребывания на территории Бурятии. П. Л. Шиллинг сыграл определенно важную роль в становлении ученых-монголоведов, и не только Г. Гомбоева, который был помощником у него в экспедиции, но и в том, что он существенным образом оказал материальную, духовную поддержку А. В. Попову, который в начале 1830-х гг. также находился среди забайкальских бурят в составе экспедиции О. М. Ковалевского [Полянская, 2015, 219–228]. В задачи экспедиции П. Л. Шиллинга 1830–1832 гг. по Забайкальскому краю входило изучение состояния и перспектив русско-китайской торговли, сбор историко-этнографических материалов о жизни бурят и монголов, составление положения о буддистах.

В состав экспедиции вошел (уже на месте) и Галсан Гомбоев, хотя ему было тогда только 12 лет. Гомбоев светского образования не имел, но умел читать и писать по-монгольски и по-тибетски, знал русскую грамоту. Это, возможно, привлекло Шиллинга, прибывшего в Бурятию в 1830 г. О работе Гомбоева в экспедиции свидетельствует аттестат из архивного дела: *«Служащий в Гусиноозерском дацане при Бандидо Хамбо данир и засак Галсан Гомбоев в сентябре месяце прошлого 1830 года до сего числа неотлучно находился при мне, вел себя честно и добропорядочно и все поручения, мною на него возлагаемые, исправлял с всею ревностью и усердием, в уверение чего дан сей аттестат за подписанием моим с приложением герба моего печати. Иркутск. Январь 22 дня 1832 года. Его Императорского величества Всемилостивейшего Государя моего действительный статский советник орденов святого Равноапостольного князя Владимира 3-й степени, святой Анны 2-й степени с алмазами, кавалер, имеющий серебряную медаль за 1814 год за взятие Парижа, барон Шиллинг фон Канштатд»* [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Д. 399. Л. 2].

В этом же деле есть документы, существенно дополняющие биографические сведения и о Г. Гомбоеве, и о П. Л. Шиллинге. Первым документом можно привести обращение Пандито Хамбо ширетуя Данзана Гаван Иши-Замсуева в Троицкосавское пограничное правление. *«В Троицкосавское пограничное правление 29 марта 1831 года N. 115. Его превосходительство господин статский советник и кавалер Павел Львович по случаю забирая им о всех существующих по обеим сторонам Байкала равно с Иркутского округа в братских родах, кумирнях и при оных служащих комплектных и некомплектных ламах и хуvaraках сведения приказать изволил: Как известно ему, что из расположенной в Нерчинском крае пятисотенной казачей братской команды есть ламы и хуvaraки, но каких они порою..... званий, чинов, имен, прозваний, лет, и при каких кумирнях отправляют богослужения, о том неизвестно; для чего и требовать чтоб я и о сих ламах и спрося чрез кого следует именные списки, доставить оные в незамедлительном времени его превосходительству. К скорейшему выполнению сего повеления, я не находя других ближайших средств, как только обратиться с сим к троцкосавскому пограничному правлению и подчиннице прошу к ускорению изъясненной потребности, не благоугодно ли будет властью своею, кому следует приказать сочинить о всех имеющих в означенной пятисотенной команде хуvaraков именной список с показанием против каждого. От главного Забайкальских кумирен ламы бандидо хамбы ширетуя Данзана Гаван Иши-замсуева»* [ЦВРК ИМБТ СО РАН ОАФ. Д. 399. Л. 52].

Из следующего письма видно, что Г. Гомбоев был одним из помощников и поручения П. Шиллинга передавались через него, он до экспедиции служил в дацане, хорошо знал предметы религиозного культа и все тонкости ламской жизни:

«Ваше превосходительство, Высокомилостивый государь Павел Львович!

В соответствии со изволения вашего превосходительства изъясненную мне через засак ламы Гомбоева вся принадлежащая к гыленскому облачению одежда употребляемая во время отправления по закону нашему служения удостоиваюсь к Вашему пре-

восходителству при сем поднести: и есть ли оныя заслуживать будут внимания, то покорнейше прошу принятием ..., сия именуются одна намжур, одна хагой, одна даншан, одна иринга, одна гиран, одна дынва, одна шисар, одна натун и одна баншу и состоять вся оныя только из девяти вещей, во что каждая из них стоит ценою прилагаю при сем особый реестр равно и сочиненный на 1832 год месяцеслов при сем Вашему превосходительству при сем же поднести честь имею. Впрочем с глубочайшим моим высокопочтением и равномерною преданностью смею назваться Вашего превосходительству высокомилоостивого государя покорным слугою. Главный лама бандидо хамба Иши-замсуев 30 ноября 1831 год» [ЦВРК ИМБТ СО РАН ОАФ. Д. 399. Л.53, 53 об.]

Аттестат, выданный Шиллингом, говорит о работоспособности и усердии Г. Гомбоева, в архивном деле есть еще один документ, который также подтверждает это, за заслуги в экспедиции Г. Гомбоев представлен к награде:

«Иркутское ... губернское Управление 28 августа 1841 г. 3066. Иркутск. Господину Помощнику Бандиды Хамбы Данир биликту Галсану Гомбоеву.

Государь Император, по засвидетельствованию моему и ходатайству Господина Генерал Губернатора Восточной Сибири, об усердной службе Вашей, и по поручении комитета гг. министров, во второй день апреля сего года Всемилостивейше пожаловать Вас с изволения золотой на Александровской ленте медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее. Состоящий в должности гражданского губернатора начальник отделения Лохвицкий» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Д. 399. Л. 1]

Галсан Гомбоев умер 11 июля 1863 г. в Петербурге. Он входит в плеяду первых бурятских ученых XIX в. Его труды, как и труды его современника и соратника Д. Банзарова, известны в научном мире востоковедов.

Литература

1. Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская; отв. и науч. ред Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань, 2020. 440 с.: ил.
2. Полянская О. Н. Монголоведение в России первой половины XIX в.: О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. 321 с.
3. Полянская О. Н. Монголоведение в университетах России. А. В. Попов (1808–1865): судьба и научное наследие // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академия ВЭГУ). 2015. № 5(79). С. 219–228.
4. Улымжиев Д. Б. Бурятский ученый-востоковед Галсан Гомбоев (1818–1863): к 175-летию со дня рождения. Улан-Удэ, 1993. 34 с.
5. Шофман А.С. Галсан Гомбоев (1818–1863) // Выдающиеся бурятские деятели XVII — начала XX в. Вып. 1. Улан-Удэ, 1994. С. 39–45.

II. ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ: УЧЕННЫЕ, ЭКСПЕДИЦИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ

УДК: 93 (035) (517.3)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-48-51

СОВРЕМЕННОЕ МИРОВОЕ И РОССИЙСКОЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

© Кузьмин Юрий Васильевич
доктор исторических наук, профессор,
Байкальский государственный университет
Россия, г. Иркутск
Kuzminuv@yandex.ru

Представлена характеристика основных тенденций развития современного мирового и российского монголоведения. Обозначены современные проблемы и тенденции развития мирового монголоведения. Определены сильные и слабые стороны развития современного монголоведения.

Ключевые слова: мировое монголоведение, историография, источниковедение, национальные школы, проблемы, задачи современного монголоведения.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-59-44008 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии»).

CONTEMPORARY WORLD AND RUSSIAN MONGOLISTICS: MAIN TRENDS AND CHALLENGES

Yuri V. Kuzmin
Dr. Sci. (Hist.), Prof.
Baikal State University
Irkutsk, Russia
Kuzminuv@yandex.ru

The main current trends in the development of World and Russian Mongolistics are presented in the paper. Modern problems and trends in the development of Mongol studies in the world are outlined. The strengths and weaknesses of the development of modern Mongolian studies are identified.

Keywords: World Mongol studies, historiography, source studies, national schools, problems, tasks of modern Mongol studies.

The study was supported by the RFBR grant (project No. 20-59-44008 "World and Russian Mongolian studies: national schools, concepts, personalities").

Современное мировое и российское монголоведение переживает период успешного развития. Благоприятная международная ситуация, связанная с разрушением мировой системы на два противоположных лагеря, упрощение международных контактов и визового режима для целого ряда стран облегчили поездки монголоведов в Монголию на международные конференции и форумы, в археологические и этнологические экспедиции. Монголоведы западных стран, США, Австралии, Японии, Южной Кореи стали свободно и регулярно приезжать и изучать Монголию, монгольский язык и монгольскую культуру, кочевую цивилизацию. Расширилось число стран, где стали изучать монголь-

ский язык и литературу, монгольскую культуру и живопись, историю Монголии, ее экономику, социологию, философию, духовное наследие.

Успешное проведение международных конгрессов монголоведов, расширение числа участников международных научных конференций в Монголии свидетельствуют о глубоком и стабильном интересе ученых многих стран мира к истории, культуре и экономике Монголии, основательному исследованию роли кочевой цивилизации в мировой истории. Повышение роли современной Монголии в мировой геополитике, проведение независимой внешней политики, рост ее роли в современной мировой экономике и экспорт значительных минеральных ресурсов страны на мировой рынок повышают значимость Монголии среди стран мира. Превращение Китая в мирового экономического лидера, расширение экономического сотрудничества в треугольнике Китай — Монголия — Россия повышают значимость в мире современной Монголии.

В различных центрах мирового монголоведения (Улан-Батор, Токио, Сеул, Москва, Санкт-Петербург, Улан-Удэ, Пекин, Варшава, Будапешт, Париж, Берлин, Вашингтон и др.) периодически проходят международные конференции, посвященные проблемам монголоведения и сложным вопросам истории, экономики, культуры, науки и образования Монголии. Особенно значительное место в западном монголоведении и в исследовании занимают проблемы духовной культуры монгольского общества: буддизма, шаманизма, буддийской церкви, тенгрианства, монгольского языка и литературы.

Анализ мировой и российской историографии, изучение исследовательской деятельности национальных школ и научных центров мирового монголоведения позволяют сделать некоторые предварительные заключения.

1. В научных школах современного мирового монголоведения происходит смена поколений. Уходят из жизни или творческой деятельности известные монголоведы, классики науки, получившие мировое признание в современном мировом монголоведении. К сожалению, научная смена готовится и формируется, но пока она не дотягивает до уровня их научных предшественников. Когда-то это произойдет, и все станет на свои места, но пока существует некоторая дисгармония научных национальных школ в развитии монголоведения. Проблемами монголоведения и смежных сфер науки (история науки, буддология, шаманизм и др.) все чаще занимается исследователи, не владеющие монгольским языком и историей Монголии, что также ослабляет общий уровень научной мысли.

2. Мировое монголоведение в XX в. по мере специализации науки разделилось на отдельные направления: монгольская филология, история, археология, этнология, культурология, что, по нашему мнению, совершенно закономерно для углубления научных исследований. К сожалению, этот разрыв продолжает увеличиваться, что становится уже необратимым явлением. Единая научная дисциплина начала XX в. все более превращается в группу научных направлений, не связанных или мало связанных друг с другом. В России последними монголоведами-энциклопедистами были А. М. Позднеев, Б. Я. Владимирцов, В. Л. Котвич, В. В. Бартольд, Ц. Жамцарано.

Современная специализация монголоведения: филологическая, археологическая, этнологическая, историческая, геополитическая, экономическая — привела к «разрыву» этих областей, мало связанных между собой, слабо взаимодействующих и не влияющих на общее развитие мирового монголоведения. Представляется, что на определенном этапе своего развития мировое монголоведение должно интегрироваться и выйти на новый, качественно более высокий уровень научного исследования монгольской цивилизации и культуры.

3. В мировом монголоведении или рядом с ним работают и участвуют в международных конференциях и конгрессах все больше ученых, которые не являются монголоведами в прямом смысле этого слова: они не получали специального востоковедного или монголоведного образования, не знают монгольского языка и монгольской письменности, сла-

бо ориентируются в историографии мирового монголоведения. Существует в мире целая группа так называемых научных туристов, которые участвуют во многих научных мероприятиях, не являясь специалистами в данной области. С одной стороны, это хорошо и создает массовость, которой любят отчитываться чиновники от науки; с другой стороны, бывают редкие исключения, когда не востоковед в чистом виде становится известным и популярным ученым в сфере востоковедения. Яркий пример — Лев Николаевич Гумилев, автор популярных трудов по истории хунну, древних тюрков, монгольской империи, который разработал самостоятельную концепцию об этногенезе Земли и национальных культур. Она не была принята этнической наукой, но получила широкое признание части историков, этнографов, политологов и особенно широкой общественности, которая жаждала ответа на сложные вопросы истории империй кочевников. Даже работы известных ученых, посвященных данной теме, оказались в «тени» известного Л. Н. Гумилева. Сегодня шумиха утихла, и только ученики Л. Н. Гумилева продолжают изучать научное наследие российского ученого, имеющего восточные корни. Некоторую известность ученому принесла и причастность к родителям, известным поэтам России.

4. Все меньше современных монголоведов обращается к изучению известных и неизвестных монгольских летописей, хроник и документальных источников. С одной стороны, монголоведами мира проделана колоссальная работа по введению в научный оборот и глубокому анализу уникальных исторических источников, таких как «Сокровенное сказание», «Алтан Тобчи», «Шара туджи», «Белая история» и другие уникальные исторические источники. Современная историческая наука в Монголии вводит в научный оборот все исторические источники, связанные с историей Монголии. Монгольское источниковедение — наиболее развиваемая сфера современного мирового монголоведения. Со временем она позволит выйти на новый уровень изучения кочевой цивилизации Монголии. истории Монголии в мировой истории и мировой науке.

С другой стороны, для работы с подобными историческими и литературными источниками Монголии необходима высокая научная эрудиция, необходимо быть историком, источниковедом, историографом, специалистом в области палеографии, исторической хронологии. Среднее и молодое поколение пока не готово к такой серьезной работе. Можно только отметить, что в этой области продолжает успешно работать доктор филологических наук, профессор А. Д. Цендина, получившая блестящее образование на восточном факультете ЛГУ и являющаяся, как известно, дочерью выдающегося монгольского ученого Ц. Дамдинсурэна. На сегодняшний день это единственный ученый, который вводит в научный оборот новые источники, редактирует и переиздает старые источники с серьезной редактурой. С оригинальными источниками работает доктор исторических наук, профессор Т. Д. Скрынникова, которая много лет плодотворно занимается историей Монгольской империи. Целая плеяда российских археологов (Н. Н. Крадин, П. Б. Коновалов, А. В. Харинский, С. В. Данилов, Б. Б. Дашибалов и др.) на основе археологических источников Монголии исследуют древнюю историю Монголии хуннского, тюркского, уйгурского этапов и периода Монгольской империи.

5. Общей закономерностью современной гуманитарной науки является ослабление интереса к теоретическим и методологическим проблемам востоковедения и монголоведения. Научные дискуссии по теории кочевого общества, особенностям земельных отношений на Востоке, структуре кочевого общества и др., которыми ранее славилась советская научная школа, ушли в прошлое. Погоня за публикациями рейтингового характера в журналах ВАК и СКОПУС снижает общий уровень научных исследований и превращает их в формальные научные показатели. Упала научная значимость монографических исследований, которые имеют меньшее значение для отчетов научных проектов и отдельных исследователей.

6. Целый ряд научных разделов исторического монголоведения находятся вне внимания современного монголоведения: история Монголии в новое время, русско-монгольские отношения в XVII–XVIII вв., которые требуют знания китайского, маньчжурского и русского языков, сложных для изучения древних текстов. Только в последние годы постепенно начинает возобновляться интерес к данной сфере исторической науки, о чем убедительно свидетельствуют работы академика С. Чулууна, Хишигжаргал, Г. И. Слесарчук, Л. Ш. Чимитдоржиевой. Институт востоковедения РАН завершил 4-томное издание исторических документов по истории XVII в., также изданы многотомные сборники документов «Русско-китайские отношения XVII–XIX вв.», которые создают прочную источниковую базу для дальнейших исследований. Опубликованы оригинальные сибирские летописи, в которых имеется новый материал по истории монголо-русских связей. Научными сотрудниками ИМБТ переведен и опубликован оригинальный источник — «Правдивые записки» (2021 г.) — ценный материал по истории монголов в Маньчжурской империи.

7. Своеобразная и противоречивая ситуация сложилась в монголоведении России. Серьезно усилились позиции регионального монголоведения и ослабла роль центров. Центром российского монголоведения стал Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, в котором работает значительный коллектив ученых-монголоведов, занимающих сегодня лидирующие позиции в российском монголоведении. Наличие серьезных исторических источников на восточных языках, географическая и этническая общность монгольского и бурятского народов позволяют иметь серьезные научные результаты и перспективы. Восточный институт Бурятского университета готовит профессиональные кадры современных востоковедов, а также специалисты продолжают получать монголоведное образование и высокую квалификацию в Москве и Санкт-Петербурге (ИСАА и кафедра монголо-тибетской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского университета).

8. Монгольские историки продолжают вводить в научный оборот значительное число исторических, литературных и документальных памятников. Начатая серия «Духовное наследие монголов» в 20 томах — это новый шаг в изучении выдающихся памятников Монголии, их качественном введении в научный оборот. Опубликованы первые тома этой серии. Издана серия фотоматериалов, связанных с историей Монголии и монголов, во всем мире собираются фото- и архивные документы. Крупную роль в сборе, анализе и публикации исторических материалов играет известный ученый, доктор исторических наук, академик, директор Музея Чингисхана, генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведов С. Чулуун, большой ценитель и любитель монгольской книги.

9. Назрела объективная необходимость подготовки и издания объемного и полного исследования национальных школ монголоведения в различных странах мира и подготовки многотомного издания «История и современное состояние мирового монголоведения», а также полного биобиблиографического справочника «Монголоведы мира. XVIII–XXI вв.». Публикации подобного рода имеются в историографии, но они носят неполный характер и требуют серьезного дополнения и уточнения. Подготовлен к печати сборник «Российские исследователи Монголии XIX — начала XXI в. Биобиблиографический справочник», который включает биографии более 500 ученых.

В целом мировое и российское монголоведение переживает благоприятный период своего развития, связанный с творческой свободой ученых, открытостью международного сотрудничества, многообразием методик и методологий научных исследований. Происходит накопление исторических источников, восстановление творческого наследия забытых и репрессированных монголоведов, развивается международное сотрудничество, которое приведет к более высокому уровню научной мысли.

УДК 94(517)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-52-54

НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В МОНГОЛЬСКИХ ЭКСПЕДИЦИЯХ Г. И. РАМСТЕДТА

© Загребин Алексей Егорович

доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Россия, г. Москва
zagreb72@izh.com

Финский лингвист и этнограф Густав Йон Рамстедт (1873–1950) совершил при поддержке Финно-Угорского общества несколько экспедиций к разным группам монголов в 1898–1912 гг. Собирая монгольский фольклор, исследуя древние письменные памятники и наскальные изображения, Г. И. Рамстедт был включен в сложные внутри- и внешнеполитические процессы, сопровождавшие создание независимой Монголии. Оставаясь ученым, он хотел быть полезным своим монгольским друзьям, стремящимся к развитию науки и образования во вновь образованном государстве.

Ключевые слова: Г. И. Рамстедт, экспедиции в Монголию, финно-угорское общество, урало-алтайские исследования.

SCIENTIFIC AND POLITICAL DISCOURSE IN MONGOLIAN EXPEDITIONS OF G. I. RAMSTEDT

Aleksei E. Zagrebin

Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Research Fellow
Institute of Oriental Studies of RAS
Moscow, Russia
zagreb72@izh.com

The Finnish linguist and ethnographer Gustaf John Ramstedt (1873–1950), with the support of the Finno-Ugric Society, made several expeditions to different groups of Mongols in 1898–1912. Collecting Mongolian folklore, exploring ancient written manuscripts and rock carvings, G. J. Ramstedt was involved in the complex domestic and foreign policy processes that accompanied the creation of independent Mongolia. Remaining a scientist, he wanted to be useful to his Mongolian friends who were striving for the development of science and education in the newly formed state.

Keywords: G. J. Ramstedt, Mongol's expedition, Finno-Ugric Society, Ural-Altay researching.

Сведения о далекой, таинственной алтайской прародине финнов получили довольно широкий резонанс в Финляндии в связи с публикациями писателя и фольклориста З. Топелиуса, чьи книги способствовали появлению национальной идентичности [Лескинен, 2010]. В свою очередь, патриотическая беллетристика опиралась на героику путешествий профессора финского языка и литературы М. А. Кастрена, указавшего на перспективы изучения урало-алтайского родства в полевых реалиях Центральной Азии [Aalto, 1971, p. 27–29]. В археологическом отношении исследование юга Сибири и сопредельных территорий инициировал профессор И. Р. Аспелин, видевший своей задачей вещественное подтверждение идеи об алтайском местонахождении прародины «финнов и угров» [Салминен, 2007, с. 102]. Организационно и финансово научные поездки финнов на Восток поддерживало Финно-угорское общество, созданное в 1883 г. энтузиастами, лидером которых был профессор санскрита и финляндский сенатор О. Доннер [Ramstedt, 1938]. Памятники «рунического письма», найденные в 1889 г. на р. Орхон в Монголии, обратили многих востоковедов к попыткам дешифровки текстов, встречавшихся на каменных руинах древних культур от Минусинска до Урги [Donner, 1896]. Постепенно стало ясно, что вряд ли можно прямо связывать енисейские, алтайские и монгольские памятники с про-

блемой локализации финно-угорской прародины. Тем не менее был сделан большой шаг вперед в прояснении ранней истории обширного региона, сыгравшего важную роль в этногенезе многих народов Евразии.

Только одного понимания было недостаточно, чтобы финские ученые могли проникнуть в область схождения политико-экономических интересов Китая, России, Англии и Японии. Плюс напряженными были взаимоотношения Российской империи и финляндской автономии по теме разграничения властных полномочий [Полвинен, 1997]. Но когда возникает множество препятствий, находятя люди, способные видеть в глухой стене скрытые «окна возможностей».

В марте 1906 г. начальник Главного управления Генерального штаба Российской империи пригласил полковника К. Г. Маннергейма, известного тем, что, будучи на фронте, он организовал и руководил разведчиками из местных хунхузов. Результатом встречи стало назначение к выполнению особого задания [Предварительный отчет, 1909]. Офицеру-финляндцу следовало пройти курсы топографии и фотографии, затем в Ташкенте, сформировав отряд, выдвинуться в качестве ученого-путешественника на соединение с французской экспедицией П. Пеллио. Отдельные наставления он получил от О. Доннера, указывавшего, что К. Г. Маннергейму надлежит обратить внимание на розыск манускриптов на восточных языках [Halén, 1999, p. 109]. Самостоятельным его решением стала поездка к немногочисленной группе шира, или желтых югуров (уйгуров), часть из которых говорила на диалекте монгольского языка [Mannerheim, 1911]. «Монгольские наблюдения» были эпизодом экспедиции, но Маннергейму и двум казакам, очевидно, стоило почти два года идти по горным тропам, чтобы выйти к западной кромке пустыни Гоби.

Параллельно с обсуждением научной программы К. Г. Маннергейма О. Доннер продвигал в финно-угорском обществе параллельный план изучения Монголии. В 1898 г. им было предложено направить к монгольским народам несколько молодых ученых для проведения полевых исследований. Одним из них был ученик профессора Э. Н. Сетяля, Г. И. Рамстедт, которому предлагалось следующие три года провести в поездках по Забайкалью и Внешней Монголии [Porpe, 1951, p. 315–316]. Быстро освоившийся в кочевой среде и алтайском языкознании, он стал не только специалистом в халха-монгольской филологии, но и успешно вел работу с калмыками и ойратами, собирая материал на пространствах от низовьев Волги и Ставрополя до Синьцзяна.

Завоевав уважение местных жителей, вплоть до их уверенности, что в прошлой жизни он был монголом, финский лингвист посетил немало сакральных мест, запрещенных для показа иностранцам, а в Урге ему выдали паспорт с указанием такого рода деятельности как «...дело поиска знаний» [Урангуа, 2017, с. 331]. Проезжая огромные расстояния, он нашел монголов даже на российско-афганском пограничье, записав здесь осенью 1903 г. ценные фольклорные материалы [Ramstedt, 1906]. Добрые отношения у него сложились с ведущими исследователями центральноазиатских древностей — В. В. Радловым, Г. Н. Потаниным, В. Томсеном, А. Д. Рудневым, А. Доржиевым, Ц. Жамсарано.

Второе путешествие Г. И. Рамстедта в Монголию было более кратким, но не менее насыщенным знакомствами и открытиями [Рамстедт, 1912]. С мая по декабрь 1909 г. он с финским археологом С. Пялси искал и копировал надписи на древних памятниках, пользуясь расположением Ханддорж вана — одного из влиятельных монгольских князей [Pälsi, 1982]. В той поездке он познакомился с уроженцем Внутренней Монголии Хайсангуном, активным сторонником идеи создания объединенного монгольского государства. Пройдет три года, и они встретятся в Санкт-Петербурге, куда Ханддорж-ван, Хайсангун и да-лама Цэрэнчимэд придут с тайной миссией, в надежде заручиться поддержкой России в борьбе за освобождение монголов от власти династии Цинь [Halén, 1998, p. 168–169]. Выступая в качестве переводчика, а по сути переговорщика с монгольской стороны, Рамстедт пережил несколько напряженных летних дней, чтобы в декабре 1911 г. узнать из газет, что северомонгольские князья объявили об отделении своих земель от Китая.

Весной 1912 г. Г. И. Рамstedт с магистром А. Сотавалта едет в Ургу. Вновь наряду с научными занятиями он будет вовлечен в переговоры молодой монгольской бюрократии с российским консульством, южномонгольскими князьями и Палт-ваном — торгутским правителем монгольского Алтая и даже получит предложение возглавить образовательное ведомство в независимом монгольском государстве. Но — обязательства перед наукой будут сильнее, и даже при напряженных военно-политических событиях он изучает древнеуйгурские памятники и пишет ряд работ о монголо-тюркских контактах [Ramstedt, 1913].

Тем летом Г. И. Рамstedт завершит личные поездки в Монголию, хотя будет неоднократно возвращаться к полевым собраниям и впечатлениям, готовя научные труды, будучи профессором алтайского языкознания Хельсинкского университета, вице-президентом, а затем президентом Финно-угорского общества [Ramstedt, 1978]. Равно он обращался к полученному политическому опыту, который пригодится в 1919–1929 гг. на посту *chargé d'affaires* т. е. поверенного в делах (посла) Финляндии в Японии и странах Юго-Восточной Азии.

Литература

1. Лескинен М. В. Путешествие по родной земле: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в описаниях З. Топелиуса // *Одиссей: человек в истории*. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 295–323.
2. Салминен Т. Финские археологи в России и Сибири в 1870–1935 годы // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2007. № 1. С. 100–110.
3. Полвинен Т. Держава и окраина. Н. И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии, 1898–1904 гг. СПб.: Европейский дом, 1997. 318 с.
4. Предварительный отчет о поездке, предпринятой по Высочайшему повелению через китайский Туркестан в северные провинции Китая, в г. Пекин в 1906–1908 гг., полковника барона Маннергейма // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Вып. 58. СПб.: Изд. Главного управления Генерального штаба, 1909. 173 с.
5. Рамstedт Г. И. Как был найден «Селенгинский камень» // *Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского русского географического общества*. 1912. Т. 15. Вып. 1. С. 34–49.
6. Урангуа Х. Ж. Значение творчества Рамstedта в истории Монголии // *Восьмые востоковедные чтения БГУ*. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 328–342.
7. Aalto P. *Oriental Studies in Finland 1828–1918*. Helsinki: SSF, 1971. 174 p.
8. Donner Otto. *Linguiste*. Published by Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1896.
9. Halén H. Biliktu Bakshi The Knowledgeable Teacher. G. J. Ramstedt's Career as a Scholar // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 229. Helsinki: SUS, 1998. 388 s.
10. Halén H. Baron Mannerheim's hunt for ancient Central Asian manuscripts // *Studia Orientalia*. 1999. Vol. 87. P. 109–116.
11. Mannerheim C. G. E. A Visit to the Sarö and Shera Yögurs // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1911. Vol. 27. P. 1–72.
12. Poppe N. Obituary: Gustav John Ramstedt 1973–1950 // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. № 1/2. P. 315–322.
13. Pälsi S. Reisebericht von Sakari Pälsi // *Memoria saecularis Sakari Pälsi: Aufzeichnungen von einer Forschungsreise nach der nördlichen Mongolei im Jahre 1909 nebst Bibliographien* / Bearb. und hrsg. H. Hallen // *Travaux ethnographiques de la Société Finno-Ougrienne*. 1982. Vol. 10. S. 48–95.
14. Ramstedt G. J. *Mogholica: Beiträge zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afghanistan* // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1906. Vol. 23. S. 1–20.
15. Ramstedt G. J. *Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei* // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1913. Vol. 30. S. 1–63.
16. Ramstedt G. J. *Otto Donner ja Keski-Aasian kielitieteellinen tutkiminen* // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1938. Vol. 49. P. 17–22.
17. Ramstedt G. J. *Seven Journeys Eastward, 1898–1912: Among the Cheremis, Kalmyks, Mongols and in Turkestan and to Afghanistan*. Bloomington, 1978. 277 p.

УДК 930.1

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-55-57

**РАБОТА МОНГОЛИСТА В. А. КАЗАКЕВИЧА
В АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ / ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН (1929–1937)**

© Носов Дмитрий Алексеевич

dnosov@mail.ru

© Яхонтова Наталия Сергеевна

nyakhontova@mail.ru

Институт восточных рукописей РАН

Россия, г. Санкт-Петербург

Рассматриваются основные направления работы монголоведа В. А. Казакевича в качестве сотрудника Азиатского музея / Института востоковедения АН СССР с 1929 по 1937 г. На основе архивных данных восстановлены наименования исследовательских тем и условия их реализации. Наибольшее внимание ученый уделял историческим исследованиям — он готовил к изданию историографические памятники, занимался археологическими изысканиями, обучал молодые кадры монголоведов-историков. Одновременно с этим В. А. Казакевич принимал участие в магистральных лексикологических и фольклористических исследованиях, проводимых монгольским кабинетом института.

Ключевые слова: Азиатский музей, Институт востоковедения, В. А. Казакевич, монголоведение, история.

**MONGOLIST VLADIMIR A. KAZAKEVICH AND HIS RESEARCH
IN THE ASIATIC MUSEUM / INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
OF THE SOVIET ACADEMY OF SCIENCES (1929–1937)**

Dmitrii A. Nosov

dnosov@mail.ru

Natalia S. Yakhontova

nyakhontova@mail.ru

Institute of Oriental Manuscripts RAS

Russia, St. Petersburg

The report reveals the main research fields of the Mongolist Vladimir A. Kazakevich, who served as an employee of the Asiatic Museum / Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences from 1929 to 1937. Based on archival data, the names of research topics and the conditions for their implementation are restored. The scientist paid the greatest attention to historical research — he prepared historiographic monuments for publication, was engaged in archaeological research, and trained would-be Mongolian historians. At the same time, V.A. Kazakevich took part in the main lexicological and folklore studies conducted by the Mongolian Department of the Institute.

Keywords: Asiatic Museum, Institute of Oriental Studies, Vladimir A. Kazakevich, Mongolian studies, history.

Владимир Александрович Казакевич (1896–1937) занимался монголоведными исследованиями всего 16 лет, включая годы студенчества. За это время он проявил себя как географ, историк, археолог, лингвист, фольклорист, этнограф, культурный антрополог, собиратель и хранитель музейных коллекций. Перечень работ, в которых рассматриваются те или иные аспекты его научной деятельности, едва ли не больше, чем список публи-

каций самого автора. Но, к сожалению, комплексное исследование наследия ученого отсутствует [Мазурина, 2019, с. 268].

С 1921 по 1926 г. В.А. Казакевич был студентом, а затем аспирантом Ленинградского восточного института (далее ЛВИ). В рамках обучения выезжал на 2 года в Монголию, где в качестве члена Ученого комитета МНР совершил 5 комплексных исследовательских экспедиций в различные районы страны [Иориш, 1972, с. 218]. Итогом командировки стали 3 объемных и 2 кратких отчета, копии которых хранятся в архивах России, Монголии и Польши, а также 2 статьи для служебного периодического издания «Бюллетень Полпредства СССР в Монголии», опубликованные в 1925 г.

Окончив аспирантуру ЛВИ в 1926 г., В. А. Казакевич остается в институте преподавателем, одновременно занимаясь научной работой. В 1927 г. начинается его сотрудничество с Академией наук СССР — Монгольская комиссия АН командировывает его на 4 месяца в Монголию. Итогом поездки стала небольшая брошюра, опубликованная в 1930 г. [Казакевич, 1930]. Это была последняя поездка исследователя в изучаемую страну.

В марте 1929 г. В.А. Казакевич был принят на ставку научного сотрудника II разряда в Азиатский музей (далее АМ) (в 1930 г. преобразован в Институт востоковедения (далее ИВ) АН), где и проработал до своего ареста 30 августа 1937 г. [Люди и судьбы, 2003, с. 188]. В 1931–1933 гг. исследователь являлся научным сотрудником I разряда Сибирского отдела Русского музея (ныне Российский этнографический музей), занимаясь вместе с Н. Н. Поппе исследованием бурятского шаманизма [Митин, Решетов, 2004, с. 111]. С 1935 г. заведовал Монгольской секцией сектора востока Государственного Эрмитажа. Но институт всегда являлся его основным местом работы.

Одним из первых заданий нового сотрудника было наблюдение за изготовлением фанерных переплетов с ремнями для монгольских рукописей АМ (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 141. Л. 11), а также техническая работа по их описанию. Первой научно-исследовательской темой ученого, которую мы встречаем в отчетных документах с 1930 г., стала так называемая «История Радлова» (Там же. Д. 187. Л. 2). До 1933 г. данное название носил список монгольского исторического сочинения «Erten-ü mongyol-un qad-un ündüsün-ü yeke sig-a tuyuji ogusiba», более широко известный как «Шара туджи». Он был привезен В.В. Радловым из Орхонской экспедиции 1891 г. и передан в музей. Исследователи монгольских исторических сочинений называют его списком А [Цендина, 2017, с. 11–12]. Памятник хранится в рукописной коллекции ИВР РАН под шифром Mong. В 173 [Сазыкин, 1988, № 443, с. 112].

Список А, как и список В, также хранящийся в Монгольской коллекции ИВР РАН — Mong. F 264 [Сазыкин, 1986, № 444, с. 112], являются неполными. Лишь в 1933 г. Ц. Ж. Жамцарано обнаружил третий список — С в рукописном собрании Ленинградского университета (ныне СПбГУ) (СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 367. Л. 65), хранящийся под шифром Mong. С 33 [Uspensky, 1999, № 155, с. 245]. На основании списка А Ц. Ж. Жамцарано восполнил недостающие листы [Цендина, 2017, с. 11] и восстановил название сочинения. Соответственно, тема исследования В. А. Казакевича с 1934 г. меняет формулировку с учетом новых сведений — «Перевод свода монгольской летописи «Шара-туджи» (СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 419. Л. 3). В ходе подготовки работы возникает неожиданная сложность с использованием в работе третьего списка (из ЛГУ). Об этом писал заведующий Монгольским кабинетом ИВ Н. Н. Поппе директору института: «В библиотеке ЛГУ чрезвычайно неохотно выдают рукописи в другие научные учреждения» и просил привлечь к решению проблемы президиум АН (Там же. Д. 367. Л. 65). Однако известно, что на 1 июня 1936 г. В. А. Казакевич так и не получил доступ к списку С (Там же. Д. 472. Л. 44).

Нам неизвестно, удалось ли В. А. Казакевичу сличить список С со списками А и В, но работа по подготовке к изданию критического текста и перевода летописи «Шара туджи» продолжалась и была завершена в декабре 1936 г. А в 1935 г. «Шара туджи» стала темой

его диссертации на соискание степени доктора наук (СПбФ АРАН. Ф. 152, оп. 1а, д. 396. Л. 2). Защита была запланирована на 1937 г. (Там же. д. 419. Л. 82). По указанию самого исследователя, «в сильной степени нарушили ... ход подготовки ... докторской диссертации ... и ряд других работ» (СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 276. Л. 49), в первую очередь — обязанности ученого секретаря Монгольского кабинета ИВ, которые он исполнял с 1932 по 1935 г.

Среди «других работ» необходимо назвать подготовку к изданию бурятской хроники Шираб-Нимбо Хобитуева (СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 246. Л. 13), законченную в 1935 г., ряд тем по экономической истории Монголии новейшего времени, а также археологические исследования Монголии и Восточной Сибири. В. А. Казакевич принимал участие в руководстве диссертационными работами аспирантов-историков Мэргэн-гуна Гомбожаба (Там же. Д. 419. Л. 7) и Л. С. Пучковского (Там же. Д. 396. Л. 75). С 1930 г. он включился и в основные коллективные работы Монгольского кабинета: издание трудов Саган-Сэцэна, памятников фольклора монгольских народов (Там же. Д. 187. Л. 4), подготовку монгольско-русского словаря, разработку нового латинизированного алфавита.

Занимался ученый переводами не только исторических сочинений, но и повестей о «хождении в ад». Как следует из списка публикаций, составленного самим исследователем, им был подготовлен и сдан в издательство «Атеист» перевод «Чойджид дагинийн туджи» (СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 276. Л. 55). Интересно, что эта работа никак не отражена в отчетных документах ИВ АН СССР.

Значительное внимание В. А. Казакевич уделял экспедиционной деятельности. Хотя его последняя поездка в Монголию состоялась в 1927 г., исследователь за время работы в ИВ АН 3 раза посетил Восточную Сибирь. В 1932 г. совместно с другим сотрудником ИВ, тибетологом А. И. Востриковым он совершил выезд в Агинский аймак Восточно-Сибирского края (ныне Агинский район Забайкальского края). Одним из его итогов стало пополнение рукописного собрания ИВ 132 единицами рукописей и ксилографов, вошедших в коллекцию *Mongolica Nova* [Сазыкин, 1986, с. 15].

30 августа 1937 г. В. А. Казакевич был арестован, а 20 декабря того же года расстрелян [Люди и судьбы, 2003, с. 188], и его имя на долгие годы было вычеркнуто из истории монголоведения в России.

Литература

1. Желтая история (Шара туджи) / пер. с монг., транслитерация, введ. и коммент. А. Д. Цендиной. М.: Наука, Восточная литература, 2017 (ППВ. СXLVII). 406 с.
2. Иориш И. И. Монголоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 209–234.
3. Казакевич В. А. I. Намогильные статуи в Дариганге. II. Поездка в Даригангу. Л., 1930. 64 с.
4. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / подг. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.
5. Мазурина В. Н. Деятельность ученого и собирателя В. А. Казакевича по изучению истории и археологии Монголии // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX века / отв. ред. М. М. Шахнович, Е. А. Терюкова. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, ун-та, 2019. С. 268–275.
6. Митин В. В., Решетов А. М. Исследователь Монголии Владимир Александрович Казакевич (1896–1937) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 21 / под ред. Н. Н. Дьякова. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, ун-та, 2004. С. 105–127.
7. Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 508 с.
8. Uspensky V. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Compiled by V. L. Uspensky with assistance from O. Inoue. Edited and Foreword by T. Nakami. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. XV, 530 pp.

УДК 811.512.31 + 929
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-58-62

**БУРЯТСКИЙ СЛОВАРНЫЙ МАТЕРИАЛ
В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА**

© **Бондарь Лариса Дмитриевна**
кандидат исторических наук,
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
Россия, г. Санкт-Петербург
L007@list.ru

© **Сизова Алла Алексеевна**
Институт восточных рукописей РАН
Россия, г. Санкт-Петербург
al.la.sizova@yandex.ru

Представлена работа первого ученого-исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта (1685–1735) по сбору словарного материала во время его восьмилетнего путешествия. Даны основные сведения о характере представления словарного материала, о методике его сбора. Дана характеристика бурятского словарного материала, представляющего собой как самостоятельные словники, так и разрозненные записи словарного характера. По сути словники Д. Г. Мессершмидта являются первыми бурятскими словарями, зафиксированными европейскими путешественниками, которые, однако, долгие годы оставались неизвестными исследователям и только сейчас начинают вводиться в научный оборот.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, лингвистические исследования, словарный материал, монгольские языки, бурятский словник.

**BURYAT LEXIS IN THE TRAVEL JOURNAL
OF D. G. MESSERSCHMIDT**

Larisa D. Bondar
Cand. Sci. (Hist.)
St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia
L007@list.ru

Alla A. Sizova
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia
al.la.sizova@yandex.ru

The work of the first researcher of Siberia D. G. Messerschmidt (1685–1735) on the collection of vocabulary material during his eight-year journey is presented. Basic information is given about the methodology of the vocabulary material presentation and their collection. The characteristics of the Buryat lexis, which is presented in both dictionaries and lexis, are given. In fact, D.G. Messerschmidt's glossaries are the first Buryat dictionaries, recorded by European travellers, which, however, remained unknown to researchers for many years and only now are beginning to be introduced into scientific circulation.

Keywords: D.G. Messerschmidt, linguistic research, vocabulary material, Mongolian languages, Buryat glossary.

Первый ученый-исследователь Сибири немецкий путешественник Д. Г. Мессершмидт (Daniel Gottlieb Messerschmidt, 1685–1735) был направлен в научное путешествие по при-

казу императора Петра I и с первых дней своего пребывания стал заниматься сбором информации о местном населении, включая сведения о языках тех народов, с которыми он сталкивался на протяжении своего путешествия.

Как показало изучение документов фонда Д. Г. Мессершмидта (№ 98), хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), все свои записи путешественник изначально делал в черновом варианте на разрозненных листах, а затем оформлял их в чистовом виде [Бондарь, 2021]. Словники приобретали чистовой вид, главным образом, в путевом дневнике Д. Г. Мессершмидта, который сохранился в виде 5 объемных тетрадей, переплетенных в телячью кожу [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1–5]. Большая часть записанных в дневнике словников вошла в берлинское издание дневников, осуществленное в 1960–1970-х гг. в ГДР [Messerschmidt, 1962–1977]. К сожалению, опубликованные словники часто не сохраняют авторскую графику, искажая способ фиксации полученной лексики; к тому же некоторые словники не вошли в берлинское издание, потому при изучении материала необходима работа с оригинальным документом.

Вместе с тем в фонде есть образец самостоятельной рукописи, представляющей собой подборку словарного материала. Это тетрадка, названная Д. Г. Мессершмидтом «*Vocabularium polyglotton Tattaricum*» («Многоязычный татарский словарь») [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35]. К этой тетрадке в архивном деле приложены черновые листы, подтверждающие то, что и эта подборка составлялась на основе первоначальных рабочих записей [Там же. Л. 25–28]. Так, словник на л. 28 перечеркнут, поскольку был переписан начисто в эту тетрадку (л. 22–22об.). Черновик же, как и в ряде других случаев, был сохранен, очевидно, для последующих уточнений. Есть веские основания предполагать, что был записан, как минимум, еще один словник — калмыцкий [Бондарь, 2022], который сегодня нигде не обнаруживается.

Собранный словарный материал представлен также в другой форме. В соответствии с традицией своего времени (прежде всего — зоологической) Д. Г. Мессершмидт, описывая биологический вид, перечислял его названия на всех известных ему языках. Распространенными в научной литературе языками кроме классических были также английский и немецкий. Д. Г. Мессершмидт, продолжая традицию предшественников, включил сюда, как абсолютное новшество для своего времени, русские названия и названия на тех неизвестных Европе сибирских и восточных языках, с которыми он познакомился во время своего путешествия. Эту методику впоследствии взял на вооружение научный воспреемник Д. Г. Мессершмидта Петр Симон Паллас (Peter Simon Pallas, 1741–1811), путешествовавший через полвека теми же сибирскими маршрутами. Такие подборки видовых названий встречаются в нескольких документах: в двух перечнях птиц, встретившихся путешественнику на его пути и изученных им [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 58–65об.; 66–81], и в обширной рукописи, включившей подробнейшие описания встреченных им орнитологических видов, — «*Ornithologicon*» [Там же. Д. 8–16], а также в перечнях видов всех трех царств природы (минералов, растений и животных), которые составляют основную часть рукописи Д. Г. Мессершмидта, подведшей итог его восьмилетнего путешествия — «*Sibiria Perlustrata*» [Там же. Д. 22].

Словарный материал, собранный на протяжении сибирского путешествия (1 марта 1721 — 27 марта 1727 г.), зафиксирован в путевом дневнике (кроме утраченной части дневника — с начала 1727 г.). Объемы записанных словников с течением времени увеличивались. Кроме того, менялся и их характер. Первоначальные записи содержат достаточно случайный набор лексики, которую удавалось получить у местного населения; со временем же словники приобретают характер тематических номенклатур, отражая работу по целенаправленному собиранию лексики интересовавшей путешественника семантики

[Бондарь, Поникаровская, 2021]. Особое внимание ученый уделял зоологической номенклатуре, второй по значению следует отметить ботаническую.

Опираясь на многочисленные упоминания в дневнике, можно получить представление о методике сбора материала для таких номенклатур. Очевидно, что получить у местного населения название каких-либо объектов в отсутствие переводчика, знавшего этот язык, путешественник мог лишь в том случае, если он мог указать информанту на интересующий его объект. Это легко можно было сделать в отношении предметов обихода, частей тела, деталей окружающего пейзажа, домашних животных, продуктов и т. д. Однако наиболее обширные словники являются зоологическими (прежде всего орнитологическими) номенклатурами. В этом случае, как рассказывает в дневнике сам Д. Г. Мессершмидт, на помощь путешественнику приходили чучела птиц, коллекция которых росла во время путешествия и которые он мог предъявить своим информантам [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 247]. В других случаях ученый получал нужные ему названия при помощи иллюстрированных научных книг [Там же. Д. 3. Л. 43 об.]. Также мы знаем, что, столкнувшись со случаями получения недостоверной информации (причины которых могли быть самыми разными), Д. Г. Мессершмидт практиковал проверку полученных данных через повторный опрос других респондентов [Там же. Д. 2. Л. 158–158 об., 162, 291]. В итоге в дневнике было записано около пяти десятков словников различного объема.

Словники, записанные в дневнике, организованы в целом по одному и тому же принципу: полученная лексика передана в латинской транскрипции с простановкой акцентуации — если не во всех, то в подавляющем большинстве случаев. Для каждого слова предлагается эквивалент на латинском и немецком языке: либо на обоих языках сразу, либо на одном из них; в ряде случаев имеется русский эквивалент, записанный латиницей или кириллицей.

С бурятами в местах их проживания Д. Г. Мессершмидт впервые встретился в декабре 1723 г., когда двигался из Верхоленска в Иркутск и по пути имел возможность посетить несколько мест, где проживали буряты. 8 декабря 1723 г. в стойбище на р. Анга он записал 49 слов. Сначала шли числительные, что являлось отличительной чертой методики Д. Г. Мессершмидта, безусловно основанной на рекомендациях Готфрида Вильгельма Лейбница (Gottfried Wilhelm von Leibniz; 1646–1716) об использовании этого лексического материала в качестве основы сравнительного анализа языков. Эту методику путешественник освоил еще в Тобольске при первых обращениях к языковым исследованиям в сотрудничестве с представителями знаменитой лютеранской школы Курта Фридриха Врееха (Curt Friedrich von Wreech; 1650–1757), сплотившей вокруг себя интеллектуальные круги шведских офицеров, находившихся в русском плену после Полтавской битвы [Черказьянова, 2001].

С 13 декабря 1723 г. Д. Г. Мессершмидт работал над формированием бурятского словника, делая записи три дня подряд: 13 декабря в стойбище *Omochón* было записано 63 слова (преимущественно зоологическая номенклатура), 14 декабря в бурятских юртах (*Burathische-Bulgáhum*) в шести верстах от Егорова зимовья (*Jegógowa Simobhia*) — 29 слов, 15 декабря в юртах на левом берегу р. Куда, на месте впадения в нее реки, называемой Д. Г. Мессершмидтом *Artaeh*, — 45 слов [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 288об. — 291об.]. Именно для этих словников сохранялись предварительные черновые записи, позволяющие зафиксировать процесс доработки языкового материала при перенесении его из рабочих заметок в дневник [Bondar, Ćivtaev, 2020, с. 26–31; Бондарь, 2021, с. 204–211].

Именно тогда стало заметно расширение лингвистических интересов ученого: в бурятском словнике отсутствует явный перевес зоологической лексики, кроме того, Д. Г. Мессершмидт сумел увидеть родство бурятского и калмыцкого языков: «Что каса-

ется их (бурят. — Л. Б., А. С.) языка, то он подобен калмыцкому, хотя, кажется, не такой чистый» [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 284]. Позже, в 1724 г., находя параллели между бурятским и другими монгольскими (прежде всего халха-монгольским) языками, Мессершмидт начинает при записи слов в некоторых случаях пользоваться термином «монголо-бурятский» (Mongalo-Burjatis) [Сизова, 2021а, с. 335].

Четыре слова были записаны в Иркутске (26 января и 28 февраля 1724 г.), а новая встреча с бурятским языком состоялась после завершения зимовки в Иркутске и переезда Д. Г. Мессершмидта в Удинск. Отдельные слова появляются в записях, сделанных в пути (январь–март 1724 г.), а в Удинске 8 апреля 1724 г. был записан небольшой словник из 17 слов [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 89об.].

Следует отметить, что в отношении одиночных бурятских соответствий, появляющихся в дневнике, не всегда можно быть уверенным, что они были получены в день записи (или в ближайшие дни). Такого рода одиночные записи появляются при описании отдельных видов в соответствии с отмеченной выше традицией, которой Д. Г. Мессершмидт строго придерживался в том числе в дневнике: давать при описании вида его наименование на различных языках. Имеются примеры, когда среди наименований видов, записанных в дневнике, появляется название на языке, с носителями которого путешественник встретился значительно раньше и не должен был встретиться в то время, когда делалась дневниковая запись. Такие названия переносились, очевидно, из рабочих записей, которые были у путешественника с собой. Так, например, 24 октября 1723 г. Д. Г. Мессершмидт указал калмыцкое соответствие для слова «белка», тогда как с калмыцким языком у него была возможность познакомиться только весной 1722 г. [Сизова, 2021а, с. 333–334].

Очевидно, именно так следует трактовать многочисленные примеры появления бурятских названий при описании биологических видов (в значительной степени орнитологических) на протяжении 1724 и 1725 гг. В статье А. А. Сизовой отмечено около 60 таких примеров [Сизова, 2021а, с. 334–335]. Повторы в записях в разные дни тех же самых наименований также могут служить свидетельством несинхронной записи лексики.

Кроме того, на полях дневника записаны два монгольских словника средствами старомонгольской графики (с латинской транскрипцией слов и эквивалентами на латинском и немецком языках), которую Д. Г. Мессершмидт стал изучать волею судеб в октябре 1724 г. Тогда же был записан первый словник, включивший в себя 223 слова и словосочетания [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. Л. 266–280]. В марте–апреле 1725 г. путешественник записал второй словник объемом в 446 словарных статей [Там же. Д. 4. Л. 65–88об.], среди которых — большая часть исправленных и упорядоченных единиц первого словника. Особенность второго словника состоит в том, что существенный вклад в его составление внесли, по всей видимости, информанты-буряты, так что и он может служить источником по бурятскому языку начала XVIII в. [Сизова, 2021b].

В сравнении с другими языками, объем бурятского материала не очень велик, однако это были первые бурятские словники, записанные европейским путешественником в аутентичной языковой среде. К сожалению, судьба научного наследия Д. Г. Мессершмидта сложилась трагически: после завершения экспедиции все записи были у путешественника изъяты; ему самому было запрещено обнародовать этот материал, не сделали этого и другие ученые [Тункина, Савинов, 2017, с. 47–66]. Богатейшие сведения, в том числе словарные, оставались неизвестны ученым на протяжении веков и лишь в последние десятилетия начинают вводиться в научный оборот.

Источники и литература

1. СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

2. Бондарь Л. Д. Рабочие зарисовки Д. Г. Мессершмидта как исторический источник // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. С. 199–213.
3. Бондарь Л. Д. Лингвистические исследования в научной экспедиции в Сибирь (1719–1727): Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Страленберг // Вестник Новосибирского государственного университета. Т. 21. Серия «История, филология». 2022. № 8: История (в печати).
4. Бондарь Л. Д., Поникаровская М. В. Зоолог или лингвист? Работа Д. Г. Мессершмидта с зоологической лексикой // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. С. 275–290.
5. Сизова А. А. Сведения о монгольских языках в дневниках Д. Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021а. С. 330–342.
6. Сизова А. А. Бурятская и иноязычная лексика в монгольском словнике Д. Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) : сб. статей / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021б. С. 343–351.
7. Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис, 2017.
8. Черказьянова И. В. Школа пленных шведов в Тобольске: Опыт культурных контактов Германии и России // Немцы в России: российско-германский диалог / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Дм. Буланин, 2001. С. 155–168.
9. Bondar L., Čivtaev Yu. Über einige kartographische Zeichnungen D. G. Messerschmidts // Aus Sibirien — 2019: научно-информационный сборник / гл. ред. А. П. Ярков. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2020. С. 24–31.
10. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727 / hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. Bd. 1–5. Berlin: Akademie-Verlag, 1962–1977.

УДК: 82-4 (438)

**«СИБИРСКИЕ ОЧЕРКИ» В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЮБИМОГО ПИСАТЕЛЯ
ПОКОЛЕНИЯ АДАМА ШИМАНСКОГО
(ПО ДОКУМЕНТАМ ЛИЧНОГО ФОНДА АРХИВА ПАН)**

© **Иоанна Арванити**

доктор гуманитарных наук, хранитель,
Архив Польской академии наук
Польша, г. Варшава
joanna.arvaniti@wp.pl

Адам Шимански (1852–1916) — политический деятель, этнограф, прозаик, публицист, материалы которого находятся в Архиве ПАН. В 1878 г. был арестован за подпольную деятельность и приговорен к бессрочному поселению в Якутии. В 1882 г. был переведен в Киренск на Лене, потом в Балаганск на Ангаре. В 1885 г. ему было разрешено перевестись в Костромскую губернию. В 1895 г. вернулся в Польшу. Занимался этнографией и географией Центральной Азии и Восточной Сибири. Якутии посвятил неоконченную и неизданную монографию «Якутская земля и ее жители». Опубликовал ряд статей в русских, польских и немецких журналах. Отражение сибирской проблематики видим в переведенных на несколько языков двухтомных, изданных впервые в Санкт-Петербурге уже в 1887–1890 гг. **Очерках**, называемых любимой книгой поколения, и в других произведениях.

Ключевые слова: Адам Шиманский, заговор, Якутия, патриотизм, очерки, Сибирь, земля, изгнание, ссылка.

**«SIBERIAN ESSAYS» IN THE WORKS OF ADAM SHIMANSKY,
FAVOURITE WRITER OF THE GENERATION
(ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE PAS ARCHIVE PERSONAL FOUNDATION)**

Joanna Arvaniti

PhD in Humanities, Curator
Polish Academy of Sciences Archives in Warsaw
Warsaw, Poland
joanna.arvaniti@wp.pl

Adam Szymański (1852–1916) was a political activist, ethnographer, prose writer, journalist, whose legacy can be found in the Archives of the Polish Academy of Sciences. In 1878 he was arrested for participating in conspiracy and sentenced to indefinite settlement in Yakutia. In 1882 he was transferred to Kirensk by the Lena river, then to Bałagansk by the Angara river. In 1885 he was allowed to settle in the Kostroma province. In 1895 he permanently returned to Poland. He dealt with ethnography and geography of Central Asia and Eastern Siberia. He devoted an unfinished and unpublished monography Yakutian Land and its inhabitants to Yakutia. He published a number of articles in Russian, Polish and German magazines. A reflection of the Siberian issues can be found in translated into several languages two tomes of Sketches, as well as other works. The Sketches were published for the first time in St. Petersburg in 1887–1890 and are called the beloved book of the generation.

Keywords: Adam Szymański, conspiracy, Yakutia, patriotism, drafts, Siberia, exile, relegation, land.

Адам Шиманский (псевдоним Адам Лях) — писатель, публицист, юрист, участник заговора, ссыльный, родился 16 июля 1852 г. в Грушневе в регионе Подлясье в Польше, на левом берегу р. Буг (Константиновский уезд). Его родители происходили из обедневшей дворянской семьи, поддерживающей патриотические традиции еще со времен Барской конфедерации. Он был первым сыном Яна Шиманского (умершего в 1864 г.), бывшего семинариста в Янове-Подляском, исключенного из семинарии якобы за свободомыслие

(от того времени у него осталась богатая домашняя библиотека, которой восхищался его сын Адам). Ян, повстанец в 1863 г., почти все свои сбережения отдал для Польского восстания, помогал также раненым и прячущимся повстанцам. Потом стал кассиром в имении Яна Шидловского. Матерью Адама была Юзефа, в девичестве Ремишевская (умерла в 1872 г.). У Адама был брат Владислав (1864–1923), предприниматель в нефтяной промышленности, директор сообщества по торговле, промышленности и сельскому хозяйству во Львове, а также сестра, проживающая постоянно в городе Седльце.

Сначала Адам учился дома (отец хотел, чтобы сын в будущем стал честным ремесленником), потом в начальной школе францисканцев-реформаторов в Венгруве, которую он окончил в 1863 г., и в гимназии в Седльце. В детстве был свидетелем повстанческой борьбы, казней повстанцев, репрессий после восстания, русификации образования в регионе Подлясье. Это произвело большое впечатление на молодого, чувствительного человека и сформировало его позднейшую патриотическую и моральную установку. Еще как ученик он дебютировал отчетом о докладе «О позиции женщины в отношении общества» («Gazeta Polska» — «Газета Польска»). Он высоко ценил роль женщин в воспитании и формировании молодежи. Кроме публицистики он также подрабатывал как репетитор, чтобы получить средства на жизнь и дальнейшую науку. В 1877 г. окончил юридический факультет в Императорском Варшавском университете, получив диплом кандидата юридических наук, на основании диссертации о правах женщин в прошлом в Польше. Фрагменты диссертации он включил в обширную статью о роли женщин в обществе под заглавием «Защита пострадавшего прошлого» («Tygodnik Powszechny» — «Тыгодник Повшехны»). В Варшавском университете он познакомился с Конрадом Прушинским — писателем, деятелем, издателем, который только что вернулся из ссылки. Шиманский действовал в основанном Прушинским тайном библиотечном сообществе (сбор польских книг, посещение мест национальной памяти, издание и распространение патриотических листовок). В этот период он публиковал также статьи в духе позитивизма в журналах «Opiekun Domowy» — «Опекун Домовы», «Dziennik Poznański» — «Дзенник Познански», «Wiek» — «Век», «Tygodnik Powszechny» — «Тыгодник Повшехны». Писал статьи об общественном целомудрии, просвещении, домашнем воспитании и правах женщин, преступности, правах работников, развитии промышленности, уважении традиций и моральных ценностях.

Он был назначен комиссаром аннексированной Россией территории Польши в Национальном правительстве, созданном в Вене в 1877 г. Его миссия включала создание тайной организации, временно противодействующей восстанию, но готовой присоединиться к нему после вступления Австрии в войну с Россией. Тогда Шиманский написал во Львове Призыв к народу, в котором указывал на независимость как цель создаваемой тайной организации. В Варшаве вместе с Яном Людвиком Поплавским, публицистом, политиком и одним из главных основоположников народно-демократической идеологии, сформировал очередную организацию, насчитывающую — несмотря на старания привлечь возможно большее число членов — лишь человек тридцать. Полицейские власти обратили внимание на деятельность этого «невменяемого фантазера» и «безбожника» из-за анонимной брошюры «Na jaw» — «Наружу», подтверждающей существование в Варшаве нелегальных организаций и разоблачение ксендза Зыгмунта Голяна, консервативного католического публициста. 31 марта 1878 г. в варшавской квартире Шиманского на улице Новолипки д. 6 в районе Муранув полиция провела обыск и нашла зашифрованные списки членов нелегальной организации, печати и обращения. Шиманского арестовали и заключили в Х павильоне Варшавской цитадели. После 13 месяцев следствия, во время которого он признал свою «вину», но не раскрыл никаких фамилий, в феврале 1879 г. был приговорен к ссылке в самое далекое место Восточной Сибири. Только в апреле (или даже в

начале мая) отправился, провожаемый друзьями, в ссылку из Варшавы по железной дороге, через любимое Седльце, в Москву («Как люди могут здесь жить», — писал после ночи в «ужасной, страшной» тюрьме); дальше через Нижний Новгород, Казань, Пермь, Томск и Красноярск в июне добрался до Иркутска и оттуда около трех тысяч верст проехал верхом и лодкой по реке Лене (пережил ужасную грозу на реке), чтобы добраться до Якутска, который тогда считался самым тяжелым местом ссылки. Почти с самого начала жуткого путешествия тяжело болел пневмонией и еле выжил благодаря еврейскому врачу Фридбергу, который, по желанию самого пациента, поставил ему банки с кровопусканием, и польскому тюремному врачу Пласковецкому. Чистый воздух и очаровательные сибирские пейзажи исцелили молодого «преступника». Он жил под надзором полиции в доме польских ссыльных. Первые поляки приехали в Якутск с казачьими партизанами. Те, которых до сих пор там помнят, — это ссыльные после Польского восстания и революционеры конца XIX в. Очередные волны поляков появились уже в XX в. после Рижского договора 1921 г. и 17 сентября 1939 г. Когда в 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете Якутии, основными книгами стали там работы Вацлава Серошевского, Эдуарда Пекарского и Адама Шиманского. Восстановление якутского языка возможно сегодня лишь благодаря 12-томному Словарю якутского языка Эдуарда Пекарского — польского исследователя Сибири, лингвиста, сибиряка, автора «Образцов народной литературы якутов», члена Академии наук СССР (с 1927 г.), а также словарям Адама Шиманского. Религиозная система шаманизм отражена в монографии Серошевского, писателя, путешественника, исследователя, этнографа Сибири и польского патриота, под заглавием «12 lat w kraju Jakutów» — «12 лет в стране якутов». К полякам относятся здесь с уважением. Поляк — это ученый. Кроме того, все еще существует память об общем захватчике. «На родине поляки не имеют понятия, что для якута означает Польша — говорит Валентина Шиманская (совпадение фамилий случайное), популяризатор польской культуры в Сибири, председатель общества поляков «Дом польский», председатель Полонии. Они, якуты, знают, откуда взялось название Горы Черского. Поляк это кто-то умный, кто-то лучше»¹. В Якутске находится памятник польским политссыльным. Шиманский проводил здесь научные географические и этнографические исследования якутов. Он также давал частные уроки и работал помощником слесаря. У губернатора Восточной Сибири Г.Ф. Черняева безуспешно пытался получить разрешение на ведение торговли и получение займа. В 1880 г. познакомился с прибывшей в половине октября 1879 г. и помещенной в тюрьму в Якутске 28-летней Надеждой Смецкой (1851–1918), дочерью умершего уже тогда Николая Смецкого, генерала, директора Константиновского межевого института в Москве, и Ольги в девичестве Грибановой, бывшей студенткой политехникума в Цюрихе, активисткой организации «Земля и воля». Смецкая была поймана во время побега из Иркутска, где отбывала тюремный срок за участие в народнических организациях. Как юрист по образованию, Шиманский писал для нее апелляции в Сенат в Санкт-Петербурге по вопросу улучшения условий в камере и освобождения от одного года тюрьмы. Ходатайства были удовлетворены. 16 июня 1880 г. с согласия властей губернии Шиманский женился на Надежде Смецкой в якутской церкви Иоана Предтечи. Брак ссыльных вызвал изумление и разногласия. Ходят слухи, что до брака Шиманский вел разгульный образ жизни, и Надежда хотела спасти перспективного писателя, талант которого уже тогда заметила, от алкоголизма. О совместном побеге из тюрьмы без решеток мечтали оба, но инициатором была Надежда. Шансы для побега стали реальны-

¹ Валентина Шиманская на самом деле не знает хорошо польского языка. Ее родители были вывезены из Каменец-Подольского в 1936 г., ее бабушка родилась в Гданске и, собственно, она научила Валентину молиться по-польски.

ми, когда в Якутск прибыл корабль полярной экспедиции шведского путешественника. Наследие Адама Шиманского в Архиве ПАН включает отличного качества карту от 1879 г. с маршрутом профессора Адольфа Норденшельда вокруг северных берегов Азии на пароходе «Вега» в 1878 г. Добавлю, что в том же наследии имеется также вторая хорошо сохранный карта конца XIX в., представляющая Забайкальскую область¹.

Попытка побега Шиманских была расстроена. Шиманский продолжал географические и этнографические исследования Восточной Сибири; собирал материалы для словаря якутского языка и никогда не изданной работы «Ziemia jakucka i jej mieszkańcy» — «Якутская земля и ее жители», бесценная рукопись которой находится в коллекции Архива ПАН. Материалы Адама Шиманского были приобретены для Архива ПАН в 1954 г. Предварительные работы над приведением материалов в порядок были осуществлены уже в 1954 г. и окончательно организованы в 1956 г. В Архиве ПАН материалы Адама Шиманского имеют номер III–24. Они были опубликованы в номере 9 издания «Biuletyn Archiwum Polskiej Akademii Nauk» — «Бюллетень Архива Польской академии наук» в 1966 г. Материалы Шиманского разделены на три группы: I. Научная работа «Ziemia jakucka i jej mieszkańcy» — «Якутская земля и ее жители»; II. Рабочие материалы; III. Материалы третьих лиц. Научная работа «Ziemia jakucka i jej mieszkańcy» — «Якутская земля и ее жители» состоит из 15 тетрадей: вступление, история завоевания якутской земли (30 листов); дополнение к вступлению (16 листов); Горы (29 листов), влюйские, березовые, витимские, надолневские верхоянские, Харанлах, Кулар, оленекско-ленские), общие замечания о горах, общие географические замечания, краткий исторический очерк геологических исследований, Яблоновый хребет; флора (6 листов); происхождение якутов, община якутов с современными жителями Халхи (7 листов); Реки (3 тетради, 68 листов); страна и население, староякутские и новоякутские земли (51 лист); климат (7 листов); озера, средства транспорта, способы передвижения, ярмарки, торговля, тракты (28 листов); якуты (2 тетради, 59 листов); поляки в Сибири (12 листов); библиография на польском и русском языках (83 листа). Каждая тетрадь — отдельное целое. Как следует из вступления, автор учитывал то, что не все тетради попадут в руки читателей. Он писал: «Разделяю работу на части, каждая из которых отдельно будет составлять одно целое» (j. 1, k. 2). Сочинение написано собственноручно, чернилами, на гладкой бумаге без линовки, на польском языке. Почерк довольно разборчив. Состояние материалов группы I хорошее. Группа II содержит шесть элементов. Это чаще всего недатированные словарики якутского языка и языков родственных народов (наименования рек, гор, местностей и якутской пищи), а также записки, выписки из литературы, две упомянутые выше карты и вырезки из газет про якутскую землю из 1882 и 1893 гг. Группа III содержит три элемента. Это статья «Витим» Станислава Висковского на 8 листах, размещенная в журнале «Сибирь» № 50 за 1882 г., переписанная и, вероятно, переведенная Адамом Шиманским, с его примечаниями на полях; рукопись около 1885 г. на русском языке Адама Ястржембского «Восстание поляков на кругобайкальской дороге в 1866 г.» (14 листов) и рукопись на русском двух неизвестных авторов не определенного года «Очерки Верхоянского округа»².

Тем временем по решению губернатора Г. Ф. Черняева 14 августа 1882 г. Шиманские покинули Якутск и 7 сентября прибыли в Киренск на р. Лене. В 1884 г. их опять направили в Иркутск, а в августе того года переселили в Балаганск на р. Ангаре. Одной из причин столь частых переездов была непригодность ссыльного к климатическим услови-

¹ Материалы Адама Шиманского, АРАН, III-24.

² Honorata Obuchowska-Pysiowa, Materiały Adama Szymańskiego, “Biuletyn Archiwum Polskiej Akademii Nauk”, 1966, № 9, с. 82–87.

ям. В марте 1885 г. Шиманский получил разрешение на пребывание в европейской части России и в июне поселился с семьей в Стрелице (Костромская губерния), в большом, красивом имении Смецких. Благодаря семье жены, у него было хорошее материальное положение, обеспечивающее ему возможность творческой работы и благополучную жизнь. Летом, благодаря ходатайству тещи, жены генерала, Ольги Смецкой, Адам Шиманский получил разрешение на краткий визит в Варшаву и Седльце, где навестил сестру Цецилию и вспомнил дорогие времена детства. Счастье пребывания в Польше было, однако, нарушено. Один из авторов писал: «И вот в той любимой, идеализированной в изгнании Варшаве узнававшие его люди бежали от него, как от зачумленного: одни боялись позора, другие боялись, что Адам Шиманский сбежал из Сибири и тем более опасен. Это произвело на него ужасное, потрясшее его впечатление. В Варшаве он начал писать рассказ «*Srul z Lubartowa*» — «Сруль из Любартува», который закончил после возвращения в Стрелицу и опубликовал в Санкт-петербургской газете «*Kraj*» — «Край», львовской газете «*Gazeta Narodowa*» — «Газета Народова» и в варшавском журнале «*Wiek*» — «Век». С 1886 до половины 1887 г. жил с семьей в Харькове и все это время находился под надзором полиции. Там практиковал как адвокат. Поощренный горячим принятием рассказа «*Srul z Lubartowa*», написал очередные произведения: «*Pan Jędrzej Krawczykowski*», «*Maciej Mazur*», «*Stolarz Kowalski*», «*Przewoźnik*». Рассказы Шиманского с общим рассказчиком, собранные в томе «*Szkice*» — «Очерки», нашли признание критиков и читателей. В июне 1887 г. Шиманский поселился в Санкт-Петербурге, который «ненавидел от всей души». «Потом даже привык к этому дьявольскому городу, но он всегда его ужасал»¹. Там он становится членом Императорского Русского географического общества, в знак признания его литературных заслуг.

В 1889 г. Шиманский купил на аукционе усадьбу Отрада в Калужской губернии, где жил с семьей и занимался земледелием. Сначала ему помогала жена, пока ей позволяло здоровье. Сельским хозяйством увлекался давно, думал об этом уже в Сибири. Поощренный успехом сборника «*Szkice*», объявил в 1890 г. в Санкт-Петербурге, что выйдет второй том. Книга содержала рассказ «*Dwie modlitwy*» — «Две молитвы» и повесть «*Hanusia*» — «Хануся». В Отраде написал еще рассказ на похожую тему «*Pan Antoni*» — «Пан Антони». В связи с болезнью жены (она страдала манией преследования) в 1893 г. уехал с ней в Варшаву, потом они посетили Краков и путешествовали по Европе (Австрия, Швейцария, Бельгия, Германия). Из-за ухудшающегося состояния здоровья жены Шиманскому пришлось положить ее в психиатрическую больницу, из которой она вышла только в 1901 г. С того года Шиманские жили раздельно. Надежда умерла в Москве 3 мая 1918 г. в одиночестве. После смерти царя Александра III в 1894 г. Шиманский получил право вернуться в Царство Польское, однако в связи с состоянием жены остался в Петербурге и только раз в год приезжал в Варшаву и Краков. Осенью 1900 г. отдыхал в Закопане в пансионе «*Лилиана*», где написал рассказ «*Uroczysta wigilia*» — «Горжественный сочельник» и сказку для сына «*Z jakuckiego Olimpu*» — «С якутского Олимпа». Читал здесь доклады, которые всегда вызывали интерес и внимание. В июне 1903 г. поселился один в Кракове, развил педагогическую деятельность и как сторонник просвещения народа опубликовал документ «*Odezwa w sprawie reformy wychowania i nauczania*» — «Обращение по вопросу реформы воспитания и обучения». Основал общество по реформированию воспитания и обучения, издавал связанный с ним ежеквартальный журнал «*Reforma Szkolna*» — «Реформа школьна». Собрал крупнейшую в Польше личную коллекцию педагогических книг. Шиманский поддерживал отношения с Адамом Асныком,

¹ Bohdan Burdziej, *Inny świat ludzkiej nadziei. Szkice Adama Szymańskiego na tle literatury zsytkowej*, Торунь 1991, с. 30.

Каролем Эстрайхером, Адамом Гжимала-Седлецким, Брониславом Пилсудским, Яном Каспровичем, Юзефом Котарбинским, Марианом Здзеховским, Тадеушем Мициньским, художником Яцеком Мальчевским, одним из главных представителей символизма XIX–XX вв. «Ходили вдвоем по городу [Кракову] и вели длинные, сердечные, доверительные разговоры о делах Польши»¹. В 1914 г. уехал на лечение в Друскининкай, поскольку состояние его здоровья резко ухудшилось (ревматизм, нервное расстройство, туберкулез, протеинурия), затем переселился в Москву. Там после продолжающейся неделю болезни умер 6 апреля 1916 г. в присутствии сына и доктора Тадеуша Климовича. Был похоронен 8 апреля на Лефортовском кладбище (сегодня Введенское кладбище) после службы в церкви Святых Петра и Павла. Его могилу нашли много лет спустя (долгое время говорилось, что надгробие Шиманского не сохранилось), благодаря усилиям Марины Рутковской и представителей польских властей в Москве. В День поминовения усопших могила Шиманского была торжественно освящена. Шиманский когда-то сказал: «Грусть — основная черта моей души»². Это правда, большая грусть сопровождала его всю жизнь. Он писал: «Покажите мне ваши боли и радости, — говорит мудрость всех народов, — и покажете мне свои души». Его сын Ян (1881–1953), с 1918 г. общественный деятель, чиновник по борьбе с алкоголизмом при Министерстве общественного здравоохранения, издатель журнала «Walka z Alkoholizmem» — «Борьба с алкоголизмом», унаследовал огромную педагогическую библиотеку, которую он перенес после смерти отца в Варшаву, где она полностью сгорела во время Варшавского восстания 1944 г. Как интересный факт добавим, что мотивы из книги «Szkice» использовал Болеслав Прус, составляя сибирскую биографию Станислава Вокульского в романе «Lalka» — «Кукла». Книга «Szkice» была переведена на много языков: английский, французский, немецкий, шведский, итальянский, чешский, словацкий, русский, венгерский и эсперанто. Сын издал «Szkice» в 1916 г. в Москве после смерти отца. Писатель Юзеф Котарбински запомнил его «симпатичную и достойную фигуру. Высокий, с благородным лицом, легко покрытым морщинами, с большой, седоватой бородой, говорил всегда тихо, мягко, не делал из себя мученика»³. Следует добавить, что Адам Шиманский был одним из героев популярной выставки, подготовленной Архивом Польской академии наук «Польские исследователи Сибири», которая с 2008 г. показывается в Польше, Европе и Азии, а в 2017 г. была расширена и модифицирована и в дальнейшем пользуется большим интересом, главным образом в Сибири. На поле, посвященном любимому писателю поколения, мы показали уникальные материалы из наследия Адама Шиманского, хранимые в Архиве Польской академии наук.

Литература

1. Joanna Arvaniti. Adam Szymański // *Polscy badacze Syberii*. Варшава, 2008. С. 40–43.
2. Bohdan Burdziej. Adam Szymański // *Polski słownik biograficzny*, т. L/I, z. 204. Варшава; Краков, 2014. С. 130–133.
3. Bohdan Burdziej. Inny świat ludzkiej nadziei. Szkice Adama Szymańskiego na tle literatury zsyłkowej. Торунь, 1991. С. 247.
4. Hanna Maria Małgowska. Adam Szymański a rosyjscy epicy wygnania. Ольштын, 1989. С. 103.
5. Honorata Obuchowska-Pysiowa. Materiały Adama Szymańskiego // *Biuletyn Archiwum Polskiej Akademii Nauk*. 1966. № 9. С. 82–87.
6. Adam Szymański. *Szkice*. Краков, 1998. С. 371.

¹ Bohdan Burdziej, *Inny świat ludzkiej nadziei. Szkice Adama Szymańskiego na tle literatury zsyłkowej*, Торунь, 1991. С. 32.

² Там же, с. 37.

³ Adam Szymański, *Szkice*, Краков, 1998. С. 10.

УДК: 930.25 (438)

**РОССИЯ — НАША ЛЮБОВЬ.
ЛИЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ СИБИРИ
ВИКТОРИИ И РЭНЭ СЛИВОВСКИХ В АРХИВЕ ПАН**

© **Ходковска Анита**

заместитель директора, магистр библиотековедения и научной информации,
Архив Польской академии наук
Варшава, Польша
Anita.Chodkowska@archiwum.pan.pl

Архив Польской академии наук собирает и хранит архивные материалы, в т. ч. частные коллекции ученых. Основную информацию о материалах содержат опубликованные справочники и интернет-платформа SZUKAJWARCHIWACH. Частный архив Виктории и Рене Сливовских — историков России и русской литературы, приобретенный в 2014–2019 гг., — это ценное дополнение наших ресурсов. Материалы сейчас приводятся в порядок и вводятся в реестр, но мы уже можем представить первые сведения о содержании архива. Мы рады, что скоро они смогут стать основой новых научных работ.

Ключевые слова: наследие, сбор, история России, русская литература, Архив ПАН, классификация наследия, Виктория Сливовская, Рене Сливовский.

RUSSIA IS OUR LOVE.
PERSONAL DOCUMENTS IN THE PAS ARCHIVE OF WICTORIA AND RENE ŚLIWOWSKI,
SIBERIAN HISTORY RESEARCHERS

Anita Chodkowska
Vice Director,
Polish Academy of Sciences Archive in Warsaw
Warsaw, Poland

The Archives of Polish Academy of Sciences collects and stores archival materials, including private archives of scientists. The private archive of Wiktoria and Rene Śliwowski — historians of Russia and Russian literature, obtained in 2014-2019, is a valuable addition to our resources.

Keywords: heritage, archival materials, acquisition, history of Russia, Russian literature, PAS Archive in Warsaw, organizing archival materials, Wiktoria Śliwowska, Rene Śliwowski.

Архив Польской академии наук (ПАН) собирает и хранит архивные материалы, созданные властями и подразделениями академии, а также частные материалы ученых, являющиеся результатом их деятельности в разных областях науки. Основная информация о имеющихся материалах опубликована в справочниках по ресурсам, последний из которых содержал данные по 1998 г.¹ Приобретения, полученные с 1999 по 2012 г., указаны в специальном издании бюллетеня². С того времени полную информацию о ресурсах можно найти на сайте SZUKAJWARCHIWACH, где Архив ПАН имеет номер 302.

Архивные ресурсы разделены на 3 группы, в соответствии с видом хранимых там материалов. В первом отделе находятся материалы сообществ и научных институтов, не связанных с Польской академией наук, второй отдел содержит документы, созданные властями, научными учреждениями и организационными подразделениями ПАН, в третьем отделе хранится наследие ученых, людей культуры, политиков и общественных деятелей. Материалы пополняются моделями, фотографиями и картами, собранными и храни-

¹ Przewodnik po zasobie Archiwum PAN. Варшава, 1999.

² Biuletyn Archiwum PAN. Варшава, 2013. № 54.

мыми в других отделах. В конце 2021 г. в ресурсах архива было 587 объектов наследия и 172 фрагментарных объекта наследия, определяемых нами как мелкие.

Материалы для III отдела Архива ПАН приобретаются благодаря непосредственному, добровольному контакту с дарителями. Наиболее многочисленны документы, передаваемые наследниками артистов, иногда ими самими. Получаются также завещания, объекты из учреждений, с которыми был связан исследователь, а также приобретения в виде покупок и депозитов. За последние 10 лет состояние ресурсов архива увеличилось на более чем 446 погонных метров материалов личного происхождения¹.

Профессор Виктория Сливовская² была одним из немногих лиц, которые решили самостоятельно позаботиться о сохранении своего научного наследия. Архив принимал ее материалы с 2014 по 2019 г., передаваемые в нескольких партиях, общим размером около 2,30 погонных метров. Их дополняют якутские сапоги и головная повязка³, которые профессор Сливовская получила в подарок. Временный список материалов насчитывает 101 элемент.

Виктория Сливовская родилась 26 июня 1931 г. в Варшаве, в еврейской семье антиквара Юзефа Левина-Лаского (Вацлава Завадзкого) и Сары Лаской, в девичестве Фрышман, учительницы и начинающей исследовательницы. С первых дней жизни ее окружали любимые отцом книги. Во время Второй мировой войны семья нашлась на территории Варшавского гетто. Там начальным образованием девочки и других детей по соседству занялась мать. 31 августа 1942 г. рухнул мир детства Виктории. На ее глазах немецкие солдаты застрелили мать и подстрелили отца. Родственники вывезли девочку за пределы гетто, в арийскую часть города, и разместили в дружественном доме под фамилией Залэнская. До конца войны она еще несколько раз меняла место проживания. В оккупированной Варшаве Виктория окончила основную школу и начала учебу в первом классе гимназии в рамках подпольного образования. Как сама написала много лет спустя, «я училась не очень хорошо, особенно не любила латынь, по которой, кажется, у меня была переэкзаменовка»⁴. Долгое время и Варшавское восстание она прожила в доме Ядвиги Сверчинской, которой в 1999 г. было присвоено почетное звание «Праведника народов мира» Яд Вашем. О ней также заботился отец, который прятался в другой части города. После окончания войны Виктория Сливовская некоторое время пребывала в еврейском детском доме в Кракове. Среднюю школу имени Болеслава Лимановского окончила уже в Варшаве, сразу после получения аттестата зрелости в 1949 г. уехала в Ленинград, хотя не знала еще русского языка. В Государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена она познакомилась со студентом того же института Рене Сливовским, который родился 2 февраля 1930 г. в Фирмини во Франции, в семье польских эмигрантов. Они поженились уже в 1950 г. Как писала сама Виктория, «первый поцелуй 1 мая 1950 г., свадьба 7 октября того же года в Ленинграде»⁵. Они оба были очень молоды, почти одного возраста, учились в одном вузе, интересовались похожими вещами, только военный опыт был у них другой. По возвращении в Варшаву молодожены начали работу на кафедре русского языка Варшавского университета (УВ). В следующем году Виктория поступила в аспирантуру Института истории ПАН, где под руководством профессора Стефана Кеневиша защитила диссертацию, посвященную русским фурьеристам, т. н. петрашевцам (1960 г.), а Рене сменил работу и стал сотрудником кафедры русской литературы УВ. Его диссертация была посвящена юношескому творчеству А. П. Чехова, и с этим

¹ Состояние в конце 2021 г.

² Виктория Сливовская умерла 27 декабря 2021 г., Рене Сливовский умер 23 июня 2015 г.

³ Протокол передачи 8 декабря 2014 г., Материалы Виктории и Рене Сливовских, № III-477.

⁴ Материалы Виктории и Рене Сливовских, № III-477.

⁵ Там же.

драматургом он связал свое творчество на следующие 50 лет. С 1984 г. Рене работал директором Института русской филологии и одновременно начальником Отдела русской и советской литературы УВ.

Свою дальнейшую работу Виктория Сливовская посвятила польско-русским отношениям и истории России, особенно эпохе правления Николая I. Участвовала в разработке и редактировании источников для истории Польского январского восстания. Эта огромная публикация, состоявшая из 25 томов, была результатом работы почти 80 польских и российских историков и архивистов¹. Обилие и уникальность материалов были следствием, между прочим, открытия российских архивов благодаря хрущевской оттепели. Опыт, приобретенный в этой работе, пригодился во время редакции новой серии источников «Polskie ruchy społeczno-polityczne i życie literackie. 1832–1855. Studia i materiały» — «Польские общественные и политические движения и литературная жизнь. 1832–1855. Исследования и материалы»², подготовленной вместе с Владимиром Дьяковым. Ее диссертация, защищенная с целью получения звания хабилитированного доктора — польского эквивалента кандидата наук под заглавием «W kręgu poprzedników Hercena» — «В кругу предшественников Герцена»³, посвящена первым русским эмигрантам. Звание экстраординарного профессора она получила в 1985 г., а ординарного профессора — в 1994 г. Своими авторитетами в научной работе она считала профессора Стефана Кеневи́ча и профессора Юлиана Григорьевича Оксмана, у которого дома имела возможность познакомиться со многими русскими исследователями и писателями.

Рене Сливовский хабилитировался на основании работы, посвященной истории русской драматургии XIX в. под заглавием «Od Turgeniewa do Czechowa» — «От Тургенева до Чехова»⁴. Экстраординарным профессором стал в 1981 г., в 1988 г. получил звание ординарного профессора. Кроме преподавательской работы он также занимался переводом и литературной критикой. Переводил на польский прозу Андрея Платонова, Валерия Брюсова, Федора Сологуба, а также современных советских писателей, таких как Виктор Конецкий, Иракий Андроников, Михаил Зощенко. Постепенно основной областью его деятельности стала история русской драматургии XIX в.

Виктория Сливовская много лет занималась также изучением жизни ссыльных поляков XIX в. Она руководила группой, которая составляла и модернизировала базу данных о польских ссыльных, попавших в Сибирь как каторжники и поселенцы. В 1998 г. опубликовала биографический словарь «Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku» — «Польские ссыльные в Российской империи в первой половине XIX века», включающий около 3 тысяч биографических очерков.

Она много лет активно участвовала в работе Сибирской комиссии (с 1994 г.), которая сейчас носит название Комиссии по изучению истории Сибири при Комитете истории науки и техники ПАН⁵.

Виктория Сливовская тщательно разобрала архивные материалы перед тем, как передала их в архив. Особенно позаботилась о входящей корреспонденции, которая была уложена в пакеты и подписана фамилией отправителя. Другие материалы она также пересмотрела и предварительно описала. Таким образом, был создан приемо-сдаточный перечень, представляющий краткую информацию о содержании наследия. Сейчас эти материалы подвергаются упорядочению и инвентаризации.

¹ Опубликованные за 1961–1986 гг.

² Печать: Варшава, 1978.

³ Печать: Варшава, 1971.

⁴ Печать: Варшава, 1970.

⁵ Эугениуш Небельских, Збигнев Вуйцик. Jubileusz profesor Wiktorii Śliwowskiej, «Wrocławskie Studia Wschodnie». 2008. №12. С. 367–369.

В Архиве ПАН частные архивные материалы организуются согласно документу «Wytyczne opracowania spuścizn archiwalnych po uczonych» — «Руководство по разработке архивного наследия ученых»¹. Он предусматривает разделение материалов на 7 основных групп и в их рамках — на подгруппы. Приемо-сдаточный перечень позволяет уже установить, что наследие Виктории Сливовской или собственно Виктории и Рене Сливовских содержит материалы, принадлежащие всем группам. Особенно много места в наследии занимают научные работы, статьи и материалы, используемые при их создании обоими супругами. В одном из выступлений Виктория Сливовская сказала, что они с мужем работали вместе, за одним столом: она занимала одну половину, он вторую, не мешая друг другу. Она упомянула также, что редактировали друг другу тексты, обменивались ими и совместно подписывали, независимо от вклада. Сливовские вместе опубликовали свыше 300 статей, посвященных «общественным и культурным вопросам, связанным с историей Российской империи»². В их частном архиве находятся материалы для совместных книг: «Aleksander Hercen» — «Александр Герцен»³ и «Andrzej Płatonow» — «Андрей Платонов»⁴. Есть также фрагменты и материалы для научных разработок, посвященных ссыльным полякам, их мемуарам и молитвенникам, в т. ч. фрагменты книги «Ucieczki z Sybiru» — «Побеги из Сибири»⁵ Виктории Сливовской, а также для изучения истории польско-русских отношений — предмета интересов Рене. Важной частью наследия являются материалы для очередной совместной работы, на этот раз воспоминаний под заглавием «Rosja — nasza miłość» — «Россия — наша любовь», кроме того, фрагменты книги об отце Виктории под заглавием «Pan Puchatek. Rzecz o Waławie Józefie Zawadzkiem» — «Господин Пух. Дело о Вацлаве Юзефе Завадзком»⁶ и его личные документы, почетные дипломы за многолетнюю библиофильскую и издательскую деятельность, прощания и некрологи⁷.

Другую большую группу материалов составляют рецензии переводов русских книг, издаваемых в Польше. Эрудиция и знания Сливовских были для читателя источником указаний по выбору ценных книг. Среди материалов можно найти записки и выписки из вильнюсских, львовских, иркутских и омских архивов, где супруги вели научные исследования.

В группе материалов, относящихся к их деятельности, размещены письма, указывающие на активное участие Виктории Сливовской в закупке для Института истории ПАН созданной профессором Эугениушем Козловским⁸ картотеки, включающей биографические очерки польских повстанцев в ссылке, а затем в ее разработке и публикации. Группа материалов, связанных с деятельностью, включает также редакторские и издательские документы, в том числе относящиеся к первоисточникам, связанным с историей польского Январского восстания. Корреспонденция содержит также сведения о деятельности в Центре польско-русского диалога и согласия.

Виктория Сливовская передала тоже мелкие биографические материалы о ней самой и ее муже. Там есть автобиографии, номинации и назначения, а также ее воспоминания.

¹ Печать: Варшава, 1990.

² Материалы Виктории и Рене Сливовских, № III-477.

³ Печать: Варшава, 1973.

⁴ Печать: Варшава, 1983.

⁵ Печать: Варшава, 2005.

⁶ Печать: Варшава, 2006.

⁷ Материалы Виктории и Рене Сливовских, № III-477.

⁸ Эугениуш Козловский (1925–1995), историк, научный сотрудник Военного исторического института. — www.wikipedia.org/wiki/Eugeniusz_Kozlowski (дата обращения: 08.02.2022).

Большую часть переданного наследия составляет корреспонденция. Как было упомянуто выше, перед передачей она была тщательно упорядочена и описана. Сливовские поддерживали постоянные отношения с многочисленной группой русских общественных деятелей и писателей, таких как Юлиан Осман, Владимир Дьяков, Виталий Семин, Булат Окуджава, Андрей Гришунин, Петр Зайончковский и многие другие. Аккуратная обработка корреспонденции, составление списка всех отправителей и подробная датировка писем позволят правильно определить ценность коллекции.

Наследие дополняют публикации, связанные со Сливовскими, представляющие сферу их научных интересов.

Это второе в Архиве ПАН наследие, посвященное истории России, после наследия Людвика Базылева. Мы очень горды тем, что скоро сможем представить его читателям.

Литература

1. Материалы Виктории и Рене Сливовских, № III-477.
2. www.wikipedia.org/wiki/Eugeniusz_Kozłowski дата обращения 8.02.2022.
3. «Biuletyn Archiwum PAN». Варшава, 2013. № 54.
4. Niebelski E., Wójcik Z. J. Jubileusz profesor Wiktorii Śliwowskiej, «Wrocławskie Studia Wschodnie». 2008. № 12. С. 367–369.
5. Przewodnik po zasobie Archiwum PAN. Варшава, 1999.
6. Сливовские В. и Р., Rosja, nasza miłość. Варшава, 2005.
7. «Wytyczne opracowania spuścizn archiwalnych po uczonych». Варшава, 1990.

УДК 930

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-74-78

**ДАРЫ А. А. ЛУШНИКОВА, Г. М. ОСОКИНА И Н. Н. ШУЛЫНГИНА
В СОБРАНИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ (КУНСТКАМЕРА) РАН**© **Иванов Дмитрий Владимирович**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН
Россия, г. Санкт-Петербург
dmitivanov@gmail.com

Пополнению монгольских коллекций Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН на рубеже XIX–XX вв. способствовали в том числе и дары частных собирателей, среди которых видное место занимают кяхтинские купцы. Особенно необходимо отметить роль купцов в формировании в Музее антропологии и этнографии собрания, показывающего мистерию Цам у монгольских народов.

Ключевые слова: Монгольские коллекции МАЭ РАН, кяхтинские купцы, мистерия Цам.

A. A. LUSHNIKOV, G. M. OSOKIN AND N. N. SHULYNGIN GIFTS
TO ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY MUSEUM COLLECTION
(KUNSTKAMERA) RAS

Dmitrii V. Ivanov

Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher

The Peter The Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS

Russia, St.-Petersburg

dmitivanov@gmail.com

The article represents the data Kyakhta merchants contributed to the formation of Mongolian collections of The Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS at the turn of the 19th and 20th centuries, especially in the formation of collections dedicated to the Tsam mystery among the Mongolian peoples

Keywords: Mongolian collections MAE RAS, Kyakhta merchants, the tsam mystery.

В конце XIX — начале XX в. формирование коллекций Музея антропологии и этнографии осуществлялось преимущественно благодаря научным экспедициям, но важную роль в пополнении музейного собрания играли дары частных собирателей. Среди меценатов-дарителей видное место занимают кяхтинские потомственные граждане, отпрыски известных купеческих фамилий Георгий Михайлович Осокин и Александр Алексеевич Лушников.

Александр Алексеевич Лушников (1870–1944), сын купца-миллионера Алексея Михайловича и Клавдии Христофоровны (Кандинской) Лушниковых, был художником, учился в Академии художеств в Петербурге, а затем в Париже у Фернана Кормона. В 1898 г. он подал заявление на имя директора этнографического музея Академии наук В. В. Радлова с просьбой выдать ему открытый лист, чтобы: «<...> совершить поездку по Монголии предстоящим летом для художественной цели, то есть собрать материал для предполагаемой (в тексте неразборчиво. — Д. И.) картины, который будет заключаться в фотографических снимках, рисунках, а также в обстановочных вещах» (Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФА РАН). Ф. 142. Оп. 1. Д. 1918. Ед. хр. 51. Л. 48)¹. Надо отметить, что Лушников, будучи художником, планиро-

¹ Мы благодарны Е. Б. Толмачевой за информацию об этом архивном документе.

вал создать именно картину о Монголии, воспроизвести в фотографиях и зарисовках цельный образ страны, дополненный этнографическими предметами. Поэтому если у предшественников мы видим монгольские пейзажи либо постановочные одиночные и групповые портреты, то Лушников начал снимать жанровые сцены, в прямом смысле этого слова работая на улице. Отсюда и худшее, чем у профессиональных фотографов¹, качество работ, которое, правда, полностью компенсируется живостью снимков, богатством и разнообразием сюжетов.

Передавая свою коллекцию в Музей антропологии и этнографии, А. А. Лушников дополнил ее списком фотографий с некоторыми примечаниями, находящимся сейчас в Отделе учета МАЭ (Список фотографий с некоторыми примечаниями. Отдел учета МАЭ РАН. Л. 2. 19 об.). Из этих примечаний мы знаем, что работал он с братом. Ранее мы предполагали, что это был Алексей Алексеевич Лушников [Иванов, 2016, с.125]. Сейчас более вероятным соавтором Александра Алексеевича представляется другой брат, активный деятель Троицкосавско-Кяхтинского отделения ИРГО и фотограф-любитель Иннокентий Алексеевич Лушников. Отпечатки из коллекции Лушникова, хранящейся в Музее антропологии и этнографии, можно разделить на несколько больших групп:

1. Пейзажные фотографии, снятые по дороге.

2. Виды Урги. Особенно много братья Лушниковы снимали на ургинском базаре, хотя это было сопряжено с определенными трудностями. «Нам с братом не совсем легко было приучить номадов к фотографии. В особенности бабы и девки при первом появлении нас на базаре положительно бежали, и нам с большим трудом приходилось ловить их в аппарат и поэтому, например, большинство групп снято спинами» (Список фотографий с некоторыми примечаниями. Отдел учета МАЭ РАН. Л. 1. 17). На одном из отпечатков Урги хорошо видны штабеля дров, возвышающиеся над стенами (рис. 1). Из публикации А. М. Позднеева «Города Северной Монголии» мы знаем о небольшой хитрости, которой пользовались монголы: «<...> чтобы еще труднее было перелезть через заборы, богатые пристраивают к ним внутри двора навесы, а на верху этих навесов, складывают дрова» [Позднеев, 1880, с. 32]. Довольно подробно Лушниковы отсняли жизнь Ургинского Маймачена (рис. 2 а, б).

Рис. 1. Виды Урги

¹ Н. А. Чарушина, И. Ф. Федорова.

а

б

Рис. 2. Жизнь ургинского Маймачена

3. Отдельную большую группу составляют фотографии, сделанные во время наадама. А. А. Лушников отмечал: «<...> так как в первых (числах. — Д. И.) августа 1899 г. на ур-тоне Кхуй происходило громадное торжество „Долонь Хошунь” (Семь Княжеств) и со всех сторон съезжались в праздничных нарядах дикие номады на грандиозные скачки лошадей. Ехали и погулять, и поторговать, и пококетничать...» (Список фотографий с некоторыми примечаниями. Отдел учета МАЭ РАН. Л. 17). К этой группе фотографий относятся «В ожидании скачек», «Наездники», «Палатка и трон Богдо-гэгэна»¹ (рис. 3, 4, 5).

3. Виды Удангинского тракта

4. Фотографии кяхтинцев²

5. Цам в Гусиноозерском дацане

¹ Самого Богдо-гэгэна Лушниковым сфотографировать не удалось.

² Фотографии кяхтинцев являются постановочными и датированы, как и виды Удунгинского тракта, 1895 г.

Пытаясь составить комплексную картину Монголии, А.А. Лушников дополнил свои фотографии собранием масок мистерии Цам, привезенным из Урги¹.

Особое место среди собирателей Музея антропологии и этнографии занимает кяхтинский купец Георгий Михайлович Осокин (1862?–1914). В монгольском собрании МАЭ насчитывается 12 предметных коллекций, собранных Георгием Михайловичем на рубеже XIX–XX вв. [Сулова, 1987, с. 167]². Г. М. Осокин проводил самостоятельные этнографические исследования и в 1906 г. опубликовал книгу «На границе Монголии» [Осокин, 1906].

Среди многочисленных экспонатов, подаренных Г. М. Осокиным, отметим «Рисунок дацана, храма, созданный художником-бурятом»³ (рис. 6), маски мистерии Цам, деревянные фигурки персонажей мистерии Цам, привезенные им из Урги. 9 ноября 1897 г. в Кяхте состоялось открытие первого в Сибири стеаринового завода Г. М. Осокина и Ко. Сырье для свечного заводика поставляла из Монголии чайная фирма Н. Н. Шулынгина, подарившего в 1903 г. Музею антропологии и этнографии небольшую коллекцию предметов культа — обложки тибетских книг с текстом, написанным золотом по черному фону, а также картину работы неизвестного монгольского художника с изображением мистерии Цам в Урге перед дворцом Хутухты (рис. 7).

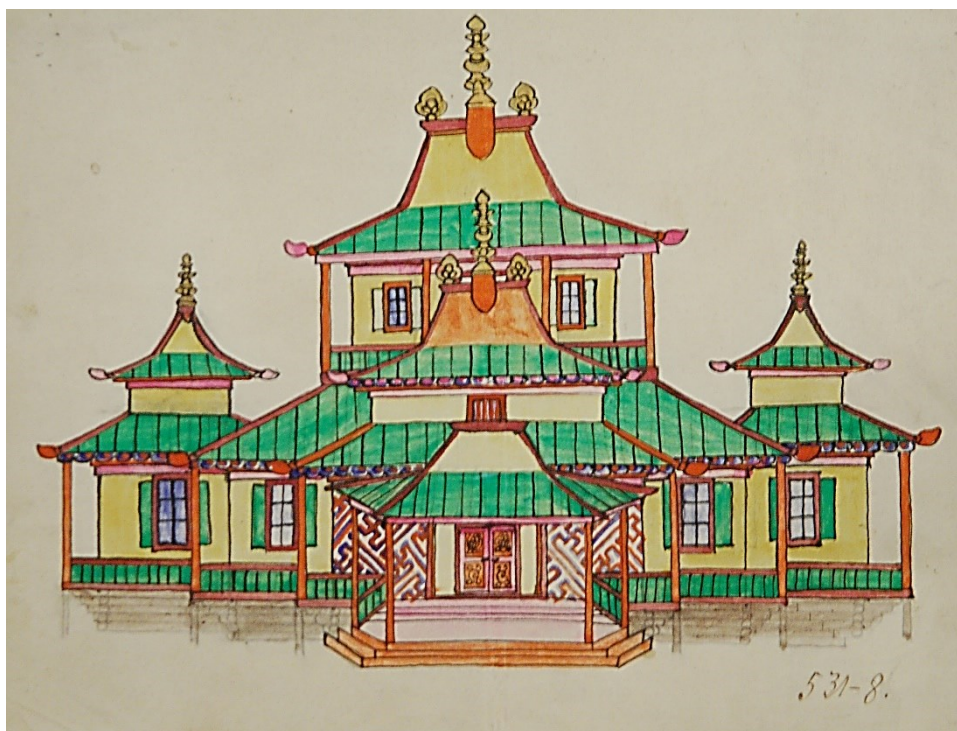

Рис. 6. Дацан, храм, созданный художником-бурятом

¹ Коллекции № 542 и 591.

² Это только по монгольскому фонду, без учета бурятских, тувинских, уйгурских и других коллекций, собранных Г. М. Осокиным. Всего по книге поступлений МАЭ мы насчитали 25 различных коллекций, полученных от Георгия Михайловича (Книга поступлений МАЭ, 1–2412).

³ Изображение деревянного Цонгольского дацана, в котором в 1895 г. Г. М. Осокин «<...> изучал подробно при помощи местных лам религиозную сторону и значение различных ламайских обрядов».

Рис. 7. Работа неизвестного монгольского художника с изображением мистерии Цам в Урге перед дворцом Хутухты

Дары кяхтинских купцов значительно пополнили фонды Музея антропологии и этнографии на рубеже XIX–XX вв. Многие из подаренных ими экспонатов выставляются в постоянной экспозиции «Монголия». Особенно отметим, что мистерия Цам в МАЭ представлена преимущественно предметами, привезенными из Монголии кяхтинскими купцами.

Литература

1. Иванов Д. В. Фотографии И. Ф. Федорова и А. А. Лушников в коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН // Фотография в музее: сб. докладов конференции. СПб., 2016. С.124–125.
2. Осокин Г. М. На границе Монголии. СПб., 1906.
3. Позднеев А. М. Города Северной Монголии. СПб., 1880.
4. Сулова И. В. Каталог коллекций по разделу «Монголы» // Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ: сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XLI. Л., 1987. С.167–170.

УДК 930.25:069.5 (=512.36)+(=512.31)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-79-85

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ФОРМИРОВАНИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА МОНГОЛОВ И БУРЯТ

© **Цыбиктаров Александр Дондопович**

доктор исторических наук, профессор
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
a.d.tsibiktarov@gmail.com

© **Диймажавын Эрдэнэбаатар**

доктор/Ph.D, профессор,
Улан-Баторский государственный университет
Монголия, г. Улаанбаатар
ediimaajav@gmail.com

Авторы вносят изменения в определение времени начала формирования антропологических особенностей центральноазиатской расы континентальных монголоидов, к которым относятся монголы и буряты. Антропологи начало этого процесса датировали хуннским временем, рубежом эр. Авторы обосновывают новую датировку — эпоха поздней бронзы, конец II — начало I тыс. до н. э. Основанием для внесения изменений стали: 1) новые датировки формирования культуры плиточных могил и культуры херексуров в середине II тыс. до н. э.; 2) выявленные авторами статьи крупномасштабные миграции населения обеих культур на территории друг друга в конце II—I тыс. до н. э.; 3) установленные факты этнических контактов носителей обеих культур. Они вызвали появление европеоидной примеси в антропологическом типе монголоидного населения культуры плиточных могил и монголоидной примеси в антропологическом типе населения культуры херексуров; 4) датировка этих процессов обосновывается радиоуглеродными датами из памятников обеих культур на контактной территории, а также датой фазы аридизации климата в степях Монголии, которая вызвала миграции носителей культуры плиточных могил и культуры херексуров.

Ключевые слова: палеоантропология, центральноазиатская раса, культура плиточных могил, культура херексуров, эпоха поздней бронзы, миграционные процессы, этнические контакты, метисация.

ARCHAEOLOGICAL SOURCES ABOUT FORMING THE ANTHROPOLOGICAL TYPE OF THE MONGOLS AND BURYATS

Aleksandr D. Tsybiktarov

D.Sc. (Hist.), Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
a.d.tsibiktarov@gmail.com

Dyimajavyn Erdenebaatar

Doctor/Ph.D., Prof.,
Ulaanbaatar State University
Ulaanbaatar, Mongolia
ediimaajav@gmail.com

The authors in the article amend the starting period definition in developing anthropological features of the Central Asian race of continental Mongoloids, which include the Mongolians and Buryats. Anthropologists have dated the beginning of this process to the Xiongnu time, the turn of the eras. In the article, the authors substantiate a new dating — the Late Bronze Age, the end of the 2nd — the begin-

ning of the 1st millennium BC. The reasons for making the changes included: 1. New dates for the formation of the culture of slab graves and the culture of the Kherekurs in the middle of the 2nd millennium BC. 2. The large-scale migrations of the population of both cultures on the territory of each other at the end of the 2nd — 1st millennium BC identified by the authors of the article. 3. Established facts of ethnic contacts between the bearers of both cultures. They caused the appearance of a European admixture in the anthropological type of the Mongoloid population of the slab grave culture and a Mongoloid admixture in the anthropological type of the population of the Kherekurs culture. 4. The dating of these processes is substantiated by radiocarbon dates from the sites of both cultures in the contact area, as well as the date of the climate aridization phase in the steppes of Mongolia, which caused the migration of carriers of the culture of slab graves and the Kherekurs culture.

Keywords: paleoanthropology, Central Asian race, slab grave culture, Kherekurs culture, Late Bronze Age, migration processes, ethnic contacts, miscegenation.

Одним из важных источников для изучения проблемы происхождения любого народа являются антропологические материалы. В антропологическом отношении монголы и буряты относятся к центральноазиатской расе малого порядка внутри большой монголоидной расы. Внутри нее она отличается от других расовых групп наличием заметно выраженной европеоидной примеси. Кроме бурят и монголов в состав центральноазиатской расы входят калмыки, тувинцы, южные алтайцы и якуты [Гохман, 1980, с. 6–8]. Границы их расселения сопряжены с внутренними глубинными районами Азии, которые характеризуются резко континентальным климатом [Алексеев, 1974а,б, с. 87]. В русской и советской географической науке они были названы Центральной Азией, с чем, собственно, и связано происхождение названия антропологического типа указанных этносов.

В 1970-е гг. В. П. Алексеев на основании палеоантропологических материалов из раскопок с территории расселения представителей центральноазиатской расы пришел к выводу о степных районах Забайкалья, Центральной и Восточной Монголии как наиболее вероятной области ее формирования [Алексеев, 1974а, с. 88, 195]. Вопрос о времени сложения указанной расы вследствие недостаточности палеоантропологических материалов, демонстрирующих этапы ее сложения, по существу остался открытым [Там же, с. 87–88, 193–194].

К началу 1980-х гг. источниковая база по рассматриваемой проблеме пополнилась в результате интенсивных археологических исследований в Туве, а также в Прибайкалье, Забайкалье и Монголии. Следует особо отметить находки первых черепов эпохи бронзы с Тувы. Указанные обстоятельства позволили И. И. Гохману использовать ареальный метод в их анализе с учетом датировки материалов от неолита до средневековой эпохи. Он позволил ученому сделать вывод о том, что на протяжении эпохи бронзы и скифского времени в Туве, на западе современного расселения носителей центральноазиатской расы, преобладало европеоидное население, а на востоке, в Забайкалье — монголоидное. Данная ситуация, по мнению И. И. Гохмана, в целом сохранялась до средневековой эпохи [Гохман, 1980, с. 31]. Вместе с тем он обратил внимание на появление монголоидной примеси у населения Тувы в скифское время и ее значительное возрастание в последующую хунно-сяньбийскую эпоху [Там же, с. 32]. Относительно Забайкалья ученый отметил, что там «монголоидный комплекс признаков максимально выражен в ранние периоды: группы неолита и бронзы¹ располагаются в зоне современных байкальских черепов или близко к ним» [Там же]. Исходя из неоднородности антропологического состава населения в зоне формирования центральноазиатской расы на протяжении почти трех тысячелетий и сходства его в последние четыре-пять столетий, И. И. Гохман сформули-

¹ И. И. Гохман относил культуру плиточных могил к эпохе поздней бронзы, но ее датировку определял временем зарождения и развития скифских и сакской культур раннего железного века, т. е. VIII/VII–III вв. до н.э. [1980, с. 22].

ровал предположение о том, что «ведущим фактором расообразования центральноазиатской расы была метисация. Однако характер, направление и интенсивность этого процесса были разными в географически отдаленных областях и в разные исторические периоды» [Гохман, 1980, с. 32–33]. Данное заключение исследователь сопроводил графиком изменений в модуле профилированности лица и перенося по эпохам от неолита до современности. У населения Забайкалья они развивались в направлении появления небольшой европеоидной примеси, а у населения Тувы — более интенсивными процессами уменьшения европеоидного компонента в регионе и, наоборот, возрастания монголоидности. В итоге они завершились почти полным поглощением первоначально мощного массива европеоидов монголоидами. Но конечный результат этих разнонаправленных процессов был сходен и завершился формированием центральноазиатского комплекса. Процессы смешения групп населения разной расовой принадлежности в зоне размещения современных народов, характеризующихся особенностями центральноазиатской расы, в результате образования и распада племенных союзов привели в конечном итоге к расовой гомогенности населения на этой территории [Там же, с. 33, рис. 5]. Вместе с тем ученый отметил, что существенным недостатком его гипотезы являлось отсутствие палеоантропологических материалов из Центральной Монголии [Там же, с. 34]. Они появились к середине 1980-х гг. и были введены в научный оборот Д. Тумэн. По ее сведениям, черепа из плиточных могил Центральной Монголии характеризовались особенностями центральноазиатской расы, а черепа из плиточных могил Восточной Монголии — особенностями байкальского антропологического типа [Тумэн, 1985, с. 7–8, 15–16]. Таким образом новые появившиеся источники подтвердили гипотезу И. И. Гохмана. Д. Тумэн высказалась за возможность удревнения этого процесса до бронзового и раннего железного веков, связывая его со временем существования культуры плиточных могил [Она же, 1985, с. 8–9; Она же, 1992, с. 58–59]. Однако она затруднилась более точно, чем эпихально, датировать начало данного процесса вследствие отсутствия датирующих вещей в плиточных могилах с антропологическими материалами [Она же, 1985, с. 9].

В 1987 г. В. П. Алексеев, И. И. Гохман и Д. Тумэн при обобщении всех накопившихся материалов по палеоантропологии Центральной Азии каменного, бронзового и раннего железного веков высказались и по рассматриваемой проблеме. Они пришли к выводу, что начало активного смешения монголоидных и европеоидных групп относится к хуннскому времени, «когда разные локальные племенные группы населения, столетиями приуроченные к определенным местам обитания, будучи втянутыми в орбиту влияния гуннского племенного союза, пришли в движение ... Это означает начало интенсивного смешения, постепенного уменьшения контрастности и формирование, при явном преобладании монголоидного населения, смешанной по происхождению, но монголоидной по облику расы» [Алексеев и др., 1987, с. 237].

Подводя итоги исследованиям антропологов, можно сделать выводы о том, что регион формирования центральноазиатской расы они определили в границах степных районов Монголии и Забайкалья, а начало сложения отнесли к хуннскому времени.

Антропологи, решая вопрос о времени начала формирования центральноазиатской расы, во многом опираются на результаты археологических определений начала этнических контактов между населением археологических культур степей Монголии и Южного Забайкалья, характеризующимся разной расовой принадлежностью. Носителями монголоидного типа (байкальской расы) в указанных областях являлось население Прибайкалья, Забайкалья и Восточной Монголии эпохи неолита и энеолита. С ним своим происхождением был связан антропологический тип населения культуры плиточных могил, которую в 1920 — середине 1980-х гг. датировали скифским временем, VII–III вв. до н. э. Этот же период времени в Западной Монголии и Туве был связан с археологической культурой,

имевшей разные названия — уюкская, чандманьская, в другом случае — с двумя культурами: алды-бельской раннескифского времени (VII–VI вв. до н. э.) и саглынской (V–III вв. до н. э.), а также памятниками монгун-тайгинского типа, датировка которых была не вполне понятна. Однако в 1980–2000-е гг. в датировке этих археологических памятников и культур (культуры плиточных могил, культуры херексуров, курганов с безынвентарным обрядом захоронения) произошли существенные изменения. Авторами данной статьи было установлено, что время формирования культуры плиточных могил относится к середине II тыс. до н. э. [Цыбиктаров, 1989, с. 11–17; 2003, с. 25–28; Эрдэнэбаатар, 1997, с. 14, 22; 2002, с. 64–66, 145]. Этим же временем определялось начало сложения культуры херексуров [Цыбиктаров, 2003, с. 25–28; 2013]. По херексурам и комплексам с оленными камнями, связанными с ними, из Центральной и Западной Монголии была получена большая серия радиоуглеродных дат. По херексурам они легли в пределах XVII–VII вв. до н. э. [Эрдэнэбаатар, 1997, с. 18–19; 2002, с. 134; Takahama Shu, 2010, с. 127; Баярсайхан, 2017, зураг 1, 4 на с. 320, 322), а по комплексам с оленными камнями — в границах XIV–VII вв. до н. э. [Takahama Shu, 2010, с. 127; Баярсайхан, 2017, с. 206, 210, зураг 2, 3 на с. 321, 322].

Таким образом новые датировки культур плиточных могил и херексуров могли внести существенные корректировки в определение времени начала сложения центральноазиатской расы в сторону их углубления до эпохи бронзы. Однако одной только синхронизации времени обитания монголоидного населения культуры плиточных могил и европеоидных носителей культуры херексуров для этого недостаточно. Необходимо было установить непосредственные контакты между их носителями и показать их сосуществование в пределах монголо-забайкальских степей, сопровождавшееся установлением прямых этнических контактов между ними.

В 1980–2000-х гг. раскопки плиточных могил и херексуров в Южной Бурятии выявили серию случаев перекрытия оград херексуров кладками плиточных могил и фактов обоюдного осквернения и ограбления погребений на могильниках Старая Капчеранка I, Тэмэ-хад II, Баин-Улан II в местности Бурдуны на границе Бурятии и Монголии недалеко от г. Кяхта, могильниках Шара-хад и Булык в долине р. Кударинка, притока Чикоя в Кяхтинском районе Бурятии. В то же время на могильнике Тэмэ-хад II кладка жертвенника культуры херексуров перекрыла кладки двух плиточных могил. Таким образом результаты раскопок не оставляли сомнения в том, что на обширных пространствах Центральной Монголии, Юго-Западного Забайкалья и прилегающих к ним районов Восточной Монголии и Восточного Забайкалья (Красночикийский район Забайкальского края) население обеих культур сосуществовало и проживало в непосредственном соседстве.

Картографирование показало, что контактная зона населения обеих степных культур, образовавшаяся в результате миграции европеоидов из Западной Монголии на восток, охватила значительную территорию Центральной Монголии, Юго-Западного Забайкалья и прилегающих к ним районов Восточной Монголии и Восточного Забайкалья. Она протянулась с востока на запад почти на 1300 км, а с севера на юг — около 600 км. Это свидетельствует не о локальной, а массовой миграции европеоидов культуры херексуров на территорию культуры плиточных могил.

Причиной продвижения носителей культуры херексуров явилось давление избытка населения на производительные силы и аридизация климата в регионе Центральной Азии в конце II тыс. до н. э. [Цыбиктаров, 2012, с. 284–287; 2013]. Информация из раскопок памятников обеих культур, факты использования оленных камней в качестве строительного материала при сооружении плиточных могил, почти тотальная оскверненность и ограбленность погребений этих культур показали, что группы населения культур плиточных могил и херексуров не просто сосуществовали в пределах контактной зоны, а всту-

пали в отношения, которые со временем изменялись и приобретали разный характер. Выделилось три этапа их взаимоотношений: I. Враждебного противостояния; II. Мирного сосуществования; III. Этнического смешения [Цыбиктаров, 2013].

I этап враждебного противостояния был обусловлен непримиримостью хозяйственных интересов населения обеих культур. Основой хозяйства и тех и других являлось кочевое и полукочевое скотоводство. Приток населения с одинаковым типом экономики вызвал резкое обострение отношений из-за пастбищных угодий между автохтонным населением и пришельцами. Мигрантам необходимо было добиться выпаса скота на пастбищах местного населения, с чем оно не могло согласиться в условиях аридизации климата, сопровождавшейся падением продуктивности угодий. По этим причинам на этом этапе, видимо, происходили многочисленные военные столкновения, что археологически отразилось в осквернении могил и жертвенников с обеих сторон. Такие факты были зафиксированы раскопками на указанных выше памятниках. Они не оставляют сомнения в напряженном, немирном характере взаимоотношений между носителями обеих культур (см. более подробно: [Цыбиктаров, 2013, с. 361–364]). Об этом же свидетельствует использование 155 оленных камней, т. е. более 30 % от их общего количества, зафиксированных на начало 1980-х гг.¹ в более чем 40 плиточных могилах Монголии и Бурятии в качестве строительного материала. При этом в некоторых случаях оленные стелы дополнительно разбивались на куски, устанавливались в перевернутом положении. Тем самым выказывалось явно пренебрежительное отношение к ним как культовым стелам пришлого населения (см. более подробно: [Цыбиктаров, 2013, с. 364–367]).

На II этапе взаимоотношения постепенно нормализовались, установились отношения мирного сосуществования населения обеих культур разной расовой принадлежности. Это отразилось в материалах раскопок на могильниках Улзыт III и VI в долине р. Чикой на границе с Монголией. На Улзыте VI кладки двух плиточных могил были аккуратно пристроены к круглой ограде херексура без ее разрушения. Внутри насыпи с южной стороны от погребальной камеры камни были выбраны в результате более поздней попытки ограбления, в результате чего они здесь отсутствовали. Но ограбление произвели не плиточники. Будучи современниками строителей херексура, они знали местонахождение погребения, поэтому при совершении ограбления или осквернения не могли ошибиться.

На могильнике Улзыт III череп из херексура по мнению И.И. Гохмана (устное сообщение), характеризовался монголоидными чертами людей из плиточных могил, однако был похоронен по обряду захоронения пришельцев. Это указывает на установление не только мирных отношений между пришлым и местным населением, но и этнических связей между ними. В обряде захоронения автохтонного населения фиксируется безынвентарный вариант, происхождение которого связано, вероятно, с контактами плиточников с населением культуры херексуров [Цыбиктаров, 1998, с. 80–81, 83–84]. Указанные факты можно объяснить только нормализацией отношений и установлением прочных культурных и этнических связей (см. более подробно о II этапе: [Цыбиктаров, 2013, с. 367–369]).

На III этапе [Там же, с. 369–371] сложившиеся отношения со временем вели к процессу этнического смешения. Косвенно об этом говорят материалы раскопок указанного выше херексура с могильника Улзыт III. Однако прямую информацию о непосредственном этническом смешении содержат палеоантропологические материалы с территории Монголии. Это уже указанные выше черепа из плиточных могил с контактной зоны населения обеих культур в пределах Убурхангайского и Архангайского аймаков Монголии, характеризующиеся особенностями центральноазиатской расы [Тумэн, 1985, с. 7–8, 15–

¹ Подсчеты произведены по материалам монографии В. В. Волкова (1981) и статьи А. П. Окладникова (1980).

16], т. е. имеющие европеоидную примесь. Подобная же ситуация, но обратного характера имела место на могильнике Худжиртэ в Центральной Монголии. Череп из херексура имел европеоидные особенности при некоторой монголоидной примеси [Гохман, Влчек, 1991, с. 53–54].

Анализ вещественных находок и результаты радиоуглеродного анализа из плиточных могил и херексуров в южной Бурятии позволили датировать происходившие этнокультурные процессы концом II — началом I тыс. до н. э. Радиоуглеродные даты по Баин-Улану II и Старой Капчеранке I, полученные в радиоуглеродной лаборатории Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, зав. лабораторией Г. И. Зайцева) уложились в пределах XIII (3330±120 л.т.н.) — IX (2890±70 л.т.н.) вв. до н. э. Большинство из них легли достаточно плотно в пределах XI–IX вв. до н. э., т. е. позднебронзового времени. Лишь одна дата по плиточной могиле № 4 из Баин-Улана II уходит в начало VII в. до н. э., но с учетом допуска в 200 лет она может оказаться в начале IX в. до н. э.

В Юго-Западном Забайкалье и Центральной Монголии со временем, постепенно население культуры херексуров было, вероятно, ассимилировано плиточниками. Об этом говорит отсутствие среди раскопанных херексуров памятников, которые содержали бы материалы скифского времени. В то же время в Восточном Забайкалье, Восточной Монголии и в восточной части Гоби, где отсутствуют херексуры, антропологический тип плиточников, вероятно, по-прежнему характеризовался особенностями байкальской расы. Черепа из плиточных могил Восточной Монголии относятся к байкальскому типу и подтверждают это [Тумэн, 1985, с. 7–8, 15–16; 1992, с. 59]. Близкая ситуация обратного характера с поправкой в сторону европеоидности имела место в то время в Западной Монголии. Черепа из безынвентарных погребений монгун-тайгинского типа из Убусунурского и Кобдоского аймаков были европеоидными при некоторой монголоидной примеси [Алексеев, 1974; Тумэн, 1985, с. 7–8, 15–16].

Таким образом новые археологические данные свидетельствуют о том, что активные этнические контакты монголоидного и европеоидного населения в степях Монголии и Забайкалья — зоне формирования центральноазиатской расы, имели место задолго до хуннской эпохи, еще в конце II — начале I тыс. до н. э. Это позволяет удревить время начала сложения центральноазиатской расы континентальных монголоидов, к которым относятся монголы и буряты, почти на тысячу лет. Процесс формирования центральноазиатской расы продолжился, как показали антропологи, в скифское [Мамонова, 1979, 1980, 1986; Тумэн, 1985, с. 9], хуннское время и в эпоху средневековья [Алексеев, 1974а, б; Гохман, 1980; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987; Тумэн, 1985, 1992].

Литература

1. Алексеев В. П. География человеческих рас. М.: Мысль, 1974а. 351 с.
2. Алексеев В. П. Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974б. С. 370–390.
3. Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. С. 208–241.
4. Баярсайхан Ж. Монголын умард нутгийн буган хошоод. Улаанбаатар: Интерпресс ХХК-д хэвлэв, 2017. 323 с.
5. Волков В. В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 254 с.
6. Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 36. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. С. 5–34.
7. Гохман И. И., Влчек Э. Э. Древнее погребение из Худжиртэ (Центральная Монголия) // Сборник МАЭ. Т. XLIV. СПб.: Наука, Петерб. отд-ние, 1991. С. 48–54.

8. Мамонова Н. Н. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III Международный конгресс монголоведов. Т. III. Улаанбаатар, 1979. С. 204–210.
9. Мамонова Н. Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 36. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. С. 60–74.
10. Мамонова Н. Н. Скифы Западной Монголии по данным палеоантропологии // Скифская эпоха Алтая: тез. докл. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1986. С. 83–85.
11. Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 20 с.
12. Тумэн Д. Антропология современного населения МНР: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 1992. 62 с.
13. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.
14. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 288 с.
15. Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II — первая половина I тыс. до н. э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003. 49 с.
16. Цыбиктаров А. Д. Древние миграции в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа: причины и последствия // Монгол болон Байгал нуур орчмын Сибирийн эртний соел. Олон улсын эрдэм шинжилгээний 3-р хурлын илтгэлийн эмхтгэл. Тэргун дэвтэр. Удаанбаатар, МУИС-ийн Хэвлэх уйлдвэр, 2012. С. 283–292.
17. Цыбиктаров А. Д. Этапы взаимоотношений населения культуры плиточных могил и культуры херексуров в Центральной Азии в «эпоху великого переселения народов» бронзового века // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Междунар. науч. конф. Чита, 13–19 сентября 2013 г. Чита: Экспресс-издательство, 2013. С. 360–373.
18. Баярсайхан Ж. Монголын умард нутгийн буган хошоод. Улаанбаатар, 2017.
19. Takahama S. Research of Ulaan Uushig I (Uushigiin Ovor) in Mongolia and newly acquired 14C data // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. Вып. 1. С. 126–131.
20. Эрдэнэбаатар Д. Памятники бронзового и раннего железного веков бассейна р. Селенги: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улаанбаатар, 1997. 23 с.
21. Эрдэнэбаатар Д. Монгол нутгийн дорволжин булш, хиригсуурийн соел. Улаанбаатар: Соёмбо принтингинг, 2002. 275 с.

УДК 94 (519)

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-86-88

**«ЗАПИСКИ О МОНГОЛИИ» ЯО МИНХУЭЯ КАК ИСТОЧНИК
КИТАЙСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЭПОХИ ЦИН О МОНГОЛИИ**

© Карпенко Елена Васильевна

кандидат исторических наук,
Сибирский федеральный университет
Россия, г. Красноярск
sinaeva@mail.ru

В статье представлены результаты анализа работы «Записки о Монголии» цинского исследователя Яо Минхуэя. Вышедший в начале XX в. обобщающий труд «Записки о Монголии» является ярким примером представлений китайцев эпохи Цин о Монголии — части Внешнего Китая Цинской империи. «Записки о Монголии» содержат описание различных сторон жизни монголов — от природных условий Монголии до бытовых привычек и религиозных верований местного населения. Приведены общие выводы об образе монголов, сложившемся у китайцев периода правления поздних цин.

Ключевые слова: Монголия, Цинская империя, кочевники, монголо-китайские отношения, «другой».

**«NOTES ON MONGOLIA» BY YAO MINHUI AS A SOURCE
OF CHINESE REPRESENTATIONS OF THE QING PERIOD OF MONGOLIA***Elena V. Karpenko*

Cand. Sci. (Hist.),
Siberian Federation University
Krasnoyarsk, Russia
sinaeva@mail.ru

The article presents the results of the analysis of the «Note on Mongolia» by the Qing researcher Yao Minhui. The work «Notes on Mongolia» published at the beginning of the twentieth century, is a vivid example of the ideas of the Chinese of the Qing period about Mongolia — part of the Qing Empire. «Notes on Mongolia» contains a description of various aspects of the life of the Mongols, from the geographical conditions of Mongolia to everyday habits and religious beliefs of the local population. The article presents general conclusions about the image of the Mongols that developed among the Chinese during the reign of the late Qing.

Keywords: Mongolia, Qing Empire, nomads, Mongol-Chinese relations, «Other».

Многообразие методологических подходов в современной исторической науке позволяет исследователю детально изучить различные аспекты межкультурной коммуникации, понять механизмы взаимодействия народов в историко-культурном пространстве. В рамках теории межкультурной коммуникации становится возможным изучение взаимодействия разных культур, взаимного восприятия друг друга, исследование процесса формирования стереотипов друг друга, что значительно обогащает исторические исследования. В настоящее время в исторических исследованиях заметное место стали занимать методы анализа межкультурной коммуникации, в т. ч. имагологический подход. В основе имагологического подхода лежит изучение образа «чужого» как совокупности истинных и ложных представлений, стереотипов и предубеждений, существующих в общественном сознании, относительно жизни других народов [Поляков, Полякова, 2013, с. 7].

Данная работа посвящена анализу китайских представлений периода правления поздних цин о Монголии и монголах. В качестве источника анализа китайских стереотипов выступает обобщающий труд цинского исследователя Яо Минхуэя «Записки о Монго-

лии» (姚明辉 «蒙古志»). Работа предназначена для широкого круга читателей Поднебесной, поэтому в ней отражены традиционные установки ханьцев в отношении Монголии, китайские стереотипы о монголах, их культуре, привычках и мотивах деятельности.

Яо Минхуэй — известный автор работ по истории, культуре и географии Цинской империи. В 33-й год правления императора Гуансюй (1907 г.) вышли его «Записки о Монголии», представляющие собой общее описание Монголии и монголов: географические и природно-климатические условия, особенности социально-экономической жизни кочевников, религиозных верований и пр. В понятие «Монголия» Яо Минхуэй включает северные территории Цинской империи за Великой Китайской стеной: современные МНР и область Внутренней Монголии КНР, район Тувы РФ, упоминает монголов Цинхая. Больших различий между населением разных районов автор не делает, выделяя только некоторые особенности хозяйственной жизни монголов определенных районов. Таким образом, в Цинской империи представление о Монголии включало довольно широкие географические рамки и упрощенные этнические стереотипы.

Работа включает три части. Первая описывает географическое положение региона, природно-климатические условия, различные географические объекты (горы, реки, пустыни). Вторая часть посвящена административно-территориальному делению и особенностям управления Монголией. Наибольший интерес в рамках нашего исследования представляет третья часть работы, в которой описываются следующие аспекты жизни монголов: религия, образование, военное дело, торговля, природные ресурсы и хозяйство, транспортная сеть, телеграф, статистика и пр. Яо Минхуэй всех монголов определяет как последователей ламаизма, указывая на их изначальную «нерелигиозность». Согласно автору, ламаизм пришел в Монголию в период правления в Китае династии Мин (1368–1644 гг.) [Минхуэй, 1907, с. 265]. Что касается вопросов, связанных с образованием, то Яо Минхуэй выделил всего одну страницу на описание образования в Монголии. Он не описывает существовавшие в Монголии три типа образования, ограничиваясь лишь утверждением, что развитию умственных способностей и образованию там не уделяют внимания. Яо Минхуэй полагает, что низкий интерес к образованию у монголов связан с кочевым образом жизни: повседневные заботы не требуют наличия глубоких знаний. Вся жизнь монгола проходит бок о бок со скотом: «Раньше всякий муж, женщина, старик, ребенок — все проводили свою жизнь рядом со скотом, росли со скотом. Детей учиться не отправляли... Так уж сложилось. Такова традиция древних степей» [Там же, с. 277]. Кочевой образ жизни, предполагает автор, диктует правила: возвращать человека — то же, что иметь дикую птицу рядом (упорхнет и не увидишь), возвращать скот — всегда иметь ресурсы, топливо. Поэтому монгол растет без образования, руководствуясь простой житейской мудростью кочевника. Учеников в Монголии крайне мало («Так же мало как утром звезд на небе» [Там же]): дети простых людей не получают образования, так как трудятся в поте лица, дети монгольских князей и чиновничества не испытывают особого желания «грызть гранит науки», высоких и благородных стремлений относительно будущей службы также не имеют. Отдельно автор выделяет монахов буддийских монастырей, которые, как правило, и занимают места в аппарате управления: «чиновничество представлено не детьми князей, а образованными людьми» [Там же]. Большое внимание автор уделяет наличию собственной письменности у монголов.

Яо Минхуэй описывает торговлю в Монголии, опираясь на статистические данные: он приводит перечень товаров, которые ввозят китайские торговцы в регион. Важным выводом автора является утверждение о том, что Монголия — огромное пространство для русско-китайской торговли и отношений. Указывая на кочевой образ жизни монголов, Яо Минхуэй определяет сезонный характер торговли: с осени и до начала весны — самый оживленный период [Там же, с. 301].

Ключевой идеей автора «Записок о Монголии» становится утверждение о кочевом образе жизни монголов как первопричине всех мотивов деятельности местного населения. Практически каждый пункт Яо Минхуэй начинается со слов «Монгольский народ — народ скотоводов-кочевников». Скот для монгола — больше чем просто ресурс. Скот — главное богатство. При встрече там первым делом спрашивают, в порядке ли семья и скот [Там же, с. 306]. В разных районах Монголии богатство определяется разными типами скота. В Халхе много верблюдов, в Чахаре — лошадей, в Алашане — овец, у цинхайских монголов много коров. Наиболее ценными считаются верблюды, затем — лошади, коровы и овцы соответственно. Этими особенностями определяются также и виды деятельности монголов разных районов. Общей чертой хозяйственной жизни монголов Яо Минхуэй называет утилитарный характер монгольского хозяйства. Автор восхищается тем, как монголы поставили скот на службу своему благополучию: они получают молоко, мясо, шерсть. Кроме того, одежду монголы носят из кожи, и даже кости животных идут в дело: из них изготавливают разную утварь [Там же, с. 307]. О полезных ископаемых автор пишет весьма скупно, кратко перечисляя их наличие и подчеркивая, что цинское правительство ограничивает их добычу [Там же, с. 310].

Таким образом, в представлениях китайцев периода правления поздних цин Монголия — регион, населенный кочевым народом, скотоводами. Монголы относительно монолитны в представлениях автора «Записок о Монголии», отличаются некоторыми особенностями ведения хозяйства, связанными с разными географическими и природно-климатическими условиями. Вся жизнь монгола подчинена природным циклам ухода за скотом. Скот — главное богатство монгола и главный источник существования. Скот и продукты скотоводства идут на экспорт, скотоводство определяет быт монгола, его мировоззрение. Именно кочевой образ жизни Яо Минхуэй ставит в основу описаний монголов и Монголии. В целом «Записки о Монголии» репрезентуют монголов как представителей иной культуры, негативной окраски в суждениях автора нет. Отсутствует сравнение с ханьцами или каким-то другим народом. Особенности образа жизни и мышления автор нейтрально характеризует как «традиции древних степей». Таким образом, образ монгола в Цинской империи — это образ «другого» без оттенка вражеского настроения и антагонизма.

Литература

1. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2013. 162 с.
2. Минхуэй Яо. Записки о Монголии. Чэнвэнь чубаньшэ, 1907. 344 с. (Yao Minghui. Mengguzhi. Chengwen chubanshe, 1907. 344 p. / 姚明辉. «蒙古志», 成文出版社, 光绪三十三年).

УДК: 294.3:069.5

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-89-92

**САДХАНА ВАДЖРАБХАЙРАВЫ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА**

© **Елихина Юлия Игоревна**

кандидат исторических наук,
Государственный эрмитаж
Россия, г. Санкт-Петербург
julia-elikhina@yandex.ru

Собрание Государственного Эрмитажа насчитывает более 60 рукописных и ксилографических сочинений на тибетском языке. Эти тексты не были изучены и введены в научный оборот, они бытовали в Бурятии и Туве в конце XIX — начале XX вв. В статье автор описывает и приводит перевод тибетской рукописи садханы, посвященной Ямантаке Ваджрабхайраве. Этот текст является краткой садханой и происходит из Тувы. В нем приводится подробное описание одиночного Ямантаки, что является весьма важным для изучения буддийской иконографии.

Ключевые слова: тибетский буддизм, садхана, рукопись, Ямантака Ваджрабхайрава, Тува, иконография.

VAJRABHAIRAVA SADHANA FROM THE STATE HERMITAGE COLLECTION

Yulia I. Elikhina

Cand. Sci. (Hist.),
State Hermitage
St. Petersburg, Russia
julia-elikhina@yandex.ru

The collection of the State Hermitage includes more than 60 texts in Tibetan. These texts were not studied and introduced into scientific circulation. The author gives the translation of the Tibetan manuscript, a sadhana dedicated to Yamantaka Vajrabhairava.

Keywords: Tibetan Buddhism, sadhana, manuscript, Yamantaka Vajrabhairava, Tuva, iconography.

В коллекции Государственного Эрмитажа представлено более 60 текстов на тибетском языке. Они происходят из Бурятии и Тувы. Один из этих текстов посвящен одиночному Ямантаке Ваджрабхайраве (размер: 29 x 7,3 см., инв. № КО-1075). Он поступил в 1981 г. из Тувинской экспедиции под руководством Г. А. Леонова, тогдашнего хранителя тибетской коллекции. Подобные тексты переводили на русский язык, но интересно, что все они отличаются по содержанию [Ело Ринпоче, 2010, с. 55–74; Тексты..., 2016, с. 313–334]. Этот текст является краткой садханой.

Садхана Ваджрабхайравы представляет собой рукопись на тибетском языке, состоящую из 5 листов, тип потхи. Она написана черной тушью на старой русской фабричной бумаге желтоватого цвета конца XIX — начала XX в. На каждом листе на полях слева имеется тибетская пагинация. На одной стороне листа — 5 строк. На листе 5а — 7 строк, на листе 5б — текста нет. На листе 1а название — 1 строка. Слева и справа от названия по одной красной печати с санскритским слогом «ом». Такая же печать на листе 5б. Крупными буквами записан основной текст, мелкими — пояснения по выполнению ритуала.

Стр. 1а: Садхана одиночного героя Ваджрабхайравы под названием «Разрушающая многие препятствия».

Стр. 1б: Поклоняюсь Ваджрабхайраве! Объяснение краткой садханы, подобное наивысшему наставлению устрашающего гневным царским телом полностью победоносного одиночного Манджугоши, для обращения в Ваджрабхайраву внешнего, тайного и внутреннего.

В этой садхане рассматривается одиночный герой Шри Ваджрабхайрава, одноликий и двурукий. Сначала медитация на четыре безмерных добродетели¹, защищающая все помыслы; когда будете бесстрастны (продолжайте). ОМ СВА БХА ВА пустотой очиститься.

Из природы пустоты и всего прочего (возникает) буйвол, пребывающий в мандале солнца и лотоса, очень гневный, находящийся наверху. В моем сознании из слога ХУМ (появляется) ваджра черного цвета с девятью концами очень острыми.

Стр. 2а: из слога ХУМ, появившегося в центре, (возникает) отличительная особенность, затем появляется свет. Все живые существа во главе с Ваджрабхайравой располагаются по порядку. Таким образом, собранные здесь в ваджре все полностью исчезают (расплавляются). Я (становлюсь) великим Шри Ваджрабхайравой с телом естественного сине-черного цвета, с одним ликом, двумя руками, обладающим ликом очень гневного буйвола, имеющим два острых рога, с тремя глазами подобными огню страшной калпы², гневным взглядом смотрящим; с лицом с широко раскрытым ртом, ярко пылающим, с четырьмя оскаленными острыми клыками; способным поглотить три мира, говорящим ХА ХА, звуки, (подобные)

Стр. 2б: катящемуся дереву. Волосы на голове светло-желтые вверх поднимаются; брови, и ресницы, и борода, и волосы в это время огнем пылают; голова украшена пятью человеческими черепами³; (Ваджрабхайравой) имеющим ожерелье из пятидесяти голов трупов, (с которых) капает кровь; держащим в правой руке сверху нож (карттрика), в левой — снизу капалу, наполненную кровью; изображается божество обвитым черной змеей, украшенным кругом и серьгами из человеческих костей и прочими костяными украшениями; с большим животом, обнаженный, с красным половым органом, поднятым вверх; обладающий блеском тысячи солнц.

Стр. 3а: Объятый пламенем мудрости, в центре стоящий в позе с согнутой правой ногой и вытянутой левой; из макушки появляется белый (слог) ОМ; в горле красный А; в сердце синий ХУМ; испустив из моего сердечного ХУМ лучи света, я приглашаю из мест пребывания Джнянасаттв и подобных, пребывающих в медитации. Представляю своим телом и сущностью ясный свет учения, разрушая самбхогакаю, вижу гневного Манджушри, проявляющего сверхъестественные силы. Приглашаю его прийти из местопребывания. ОМ ЯМАНТАКА Е ХЪЯ ХИ ДЗА ХУМ БАМ ХО дважды и исчезнет. Снова из сердца

Стр. 3б: (со слогом) ХУМ исходит свет. Приглашаю Абхишекасаттв. Приглашаю для того, чтобы вы даровали мне абхишеку (своим) появлением. Сказав, пригласил, когда (божества) спустились. Они потоком эликсира мудрости абхишеку даровали. Акшобхья становится украшением (моей) головы. ОМ А ХУМ Три раза благословите подношения, сделанные им. После ОМ ЯМАНТАКА СА ПА РИ ВА РА А ГХАМ ШАПТА ПРА ТИ ЦЦХА ХУМ СВА ХА ОМ ЯМАНТАКА ХУМ ПХАТ ОМ А ХУМ сказав, внешние и внутренние подношения поднесите. Высшей форме, сказав, одну шлоку прочитайте, за-

¹ Четыре безмерных добродетели: 1 — сострадание; 2 — доброта; 3 — духовная радость; 4 — бесстрашие.

² Калпа или кальпа — единица измерения времени в индуизме и буддизме. Кальпа представляет собой хаос, который в буддийском космогоническом мифе густеет от ветра, высушивается огнем, смачивается дождем и превращается в землю.

³ Mi mgo skam lnga — здесь изображение божества.

тем произнесите мантру. В «держателе четки» Шри Ваджрабхайраве растворяюсь и становлюсь

Стр. 4а: в облике (Ваджрабхайравы) с четками из окровавленных человеческих голов. Когда медитируете: ОМ ЯМАРАДЖА ОМ ХРИ ШИТХА ОМ ЯМАНТАКА ПАДМА сказав, много раз повторите стослоговую мантру. Когда хотите поднести торму, благословите торму подобно внутренним подношениям и соберите ОМ А ХУМ. Суть тормы в мудрости и нектар мудрости, свободный от скверны, станет огромным океаном. ОМ А ХУМ Когда три раза прочитаете мантру, испустив из моего сердечного (слога) ХУМ лучи света, я приглашаю из мест пребывания с небес Будду, одиночного героя Шри Ваджрабхайраву, Джнянасаттв. КА МА ЛА Е СТВАМ

Стр. 4б: Приглашенные из пустоты, появляются Будда, Ваджрабхайрава. ОМ ЯМАНТАКА КХА КХА КХА ХИ КХА ХИ КОГДА ТРИ РАЗА Сказав три раза, торму поднесите. А ГХАМ Прочие подношения и внутренние подношения поднесите. Пять раз таким образом призывайте. Ваджрабхайраву с окружением этой тормой угостил. Йогины, учителя, ученики, все окружение все препятствия удалив, создали соответствующие условия. Сказав, помолитесь, когда (приготовите) подношения. Нектар мудрости предметов и подношений, свободных от скверны, стал великим океаном. ЯМАНТАКА А ГХАМ затем ШАПТА подношения и внутренние подношения сделайте. Высшей форме и прочее одну шлоку прочитайте. Это счастье чистой святой добродетели

Стр. 5а: и прочее благословите, помолитесь, стослоговую мантру произнесите. Как бы то ни мое сознание... и прочее произнесите, помолитесь. Будда Ваджрабхайрава мне и всем живым существам помолится о даровании говорить правду в соответствии с высшими (обетами). Читайте нараспев со смыслом и молитесь — основа всего. В этой форме говорите и прочее. ОМ СУ ПРА ТИ ШАТХА БАДЗРА Е СВА ХА сказав, пребывайте в уверенности, исчезнут ОМ БАДЗРА МУ Е Джнянасаттвы подобным образом в места пребывания возвратились, принявшие обеты сами в пустоте растворились. молитесь об (их) возвращении, говорите; высшая форма... Да будет благоприятствование Ваджрабхайравы! Все исполните, наставлениями украситесь. Краткая садхана одиночного героя Ваджрабхайравы под названием «Разрушающая многие препятствия», многие монахи¹ украшались постижением услышанного (из этой садханы) и 10 прославленных исполненных смысла комментариев Далай-ламы божествам-хранителям, святого, жившего ранее, Зая Пандита Лувсан Принлай соединил. Это (сочинение) еще распространял второй учитель Ринпоче Даржин, в разных местах в течение долгого времени пусть распространяется.

Этот текст является широко распространенным требником. Он имеет много сокращений. Нам известны варианты этого текста в полном объеме на монгольском языке. Существует и его полная версия в тибетском варианте, но в коллекции Эрмитажа она не представлена [Uspensky, 1999, p. 383, № 671]. В рукописях встречаются разночтения в сравнении с основным сочинением.

В этом тексте, в отличие от переводов Ело Ринпоче и Тенгона, приведено пространное описание одиночного Ямантаки Ваджрабхайравы. Кроме того, в тексте отсутствует описание наиболее привычной формы Ямантаки с девятью ликами, 34 руками и 16 ногами, имеющееся в других переводах.

Таким образом, при изучении иконографии этот текст является весьма важным, т. к. описание Ваджрабхайравы, приведенное в тексте помогает выделить образ из одиночного Ямантаки и не перепутать его с формой тайного Ямы или Гухьясадхана Дхармараджи (тиб. chos rgyal gsang sgrub ba). В этой форме Яма имеет голову буйвола, стоит в позе

¹ зд. tshul gnas должно быть tshul la gnas pa.

пратьялидха на буйволе, его атрибутами служат карттрика и капала. Иконография этих двух божеств практически идентична, но Яма попирает буйвола.

Оба они имеют бычью голову, атрибуты карттрику и капалу, одинаковые украшения. В том случае, если бы подставки были утрачены, то определить божество не представлялось бы возможным.

В заключение можно отметить, что текст особенно интересен как тувинский обрядник, т. к. тувинских текстов, как и буддийских образов, сохранилось весьма ограниченное количество.

Литература

1. Ело Ринпоче. Краткий комментарий к практике одиночного героя Шри Ваджрабхайравы / Ело Ринпоче. Улан-Удэ: Изд-во Ринпоче Багша, 2010. 76 с.
2. Тексты для ежедневных практик / сост., пер. и комм. Тенгон. М: Издание Дрепунг Гоманг центра, 2016. 744 с.
3. Uspensky V. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library / Compiled by V. L. Uspensky with assistance from O. Inoue. Edited and Foreword by T. Nakami. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. XV. P. 383. № 671.

УДК 930.1

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-93-96

**БУРЯТОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА КАЗАКЕВИЧА (1896–1937)**

© Носов Дмитрий Алексеевич
Институт восточных рукописей РАН
Россия, г. Санкт-Петербург
dnosov@mail.ru

Представлена предварительная характеристика деятельности В. А. Казакевича в районах проживания одного из монгольских народов — бурят. Ему удалось принять участие в работе четырех экспедиций — одной на территории Монголии и трех — в Восточно-Сибирском крае — от Балаганского района до Агинского аймака. Основной задачей экспедиций были археологические изыскания с целью развития историографических исследований региона. Им были собраны обширные коллекции памятников материальной культуры и пополнено собрание рукописей и ксилографов на старомонгольском письме, хранящееся в ИВР РАН.

Ключевые слова: Бурятия, В. А. Казакевич, Институт восточных рукописей, монголоведение, история.

BURYAT STUDIES BY VLADIMIR A. KAZAKEVICH (1896–1937)

Dmitrii A. Nosov
Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russia
dnosov@mail.ru

The report presents a preliminary description of the activities by Vladimir A. Kazakevich in the areas of residence of the Buryats. He managed to take part in four expeditions — one on the territory of Mongolia and three — in East Siberia — from the Balagan region to the Aginsk aimag. The main aim of the expeditions was to provide archaeological research. During his activities in East Siberia he collected lots of manuscripts and woodblock printed books in the old Mongolian script, now stored at the IOM RAS.

Keywords: Buryatia, Institute of Oriental Manuscripts, Vladimir A. Kazakevich, Mongolian studies, history.

О короткой, но яркой научной жизни Владимира Александровича Казакевича (1896–1937) исследователи писали не раз. Еще Елена Марковна Даревская (1919–2010) охарактеризовала его как автора ряда «интересных работ о Монголии» [Бурдуков, 1969, с. 406]. Особенный интерес к деятельности ученого возник после публикации журналисткой Инессой Ивановной Ломакиной (1930–2007) монографии о Джа-ламе Дамбиджалцане (1860–1923) — одном из активных участников национально-освободительного движения в Монголии 1910-х — 1920-х гг. Она подготовила небольшую научную статью, содержащую некоторые сведения о наследии и жизненном пути исследователя [Ломакина, 1993, 1994].

И. И. Ломакина основывалась на материалах петербургских архивов, а двум иркутским монголоведам — Владимиру Вячеславовичу Свинину (1936 — 2012) и Ю. В. Кузьмину удалось ознакомиться с наследием В. А. Казакевича, хранящимся в собрании современного Института истории и этнологии АН Монголии (г. Улан-Батор), о чем в 2000 г. ими была подготовлена брошюра [Кузьмин, Свинин, 2000]. Это издание быстро стало библиографической редкостью и не попало в поле зрения биографов В. А. Казакевича —

В. В. Митина и А. М. Решетова (1932–2009), подготовивших наиболее полное на сегодняшний день описание жизненного и творческого пути исследователя [Митин, Решетов, 2004]. Несмотря на то что реконструкция научного наследия В. А. Казакевича продолжается три десятилетия, комплексное исследование его вклада в науку отсутствует [Мазурин, 2019, с. 268]. Ниже я постараюсь дать предварительную характеристику деятельности В. А. Казакевича в районах проживания одного из монгольских народов — бурят.

Согласно составленной В. В. Митиным и А. М. Решетовым биографии, знакомство В. А. Казакевича с бурятским и калмыцким языками произошло во второй половине 1925 г. Вместе с другими студентами-монголоведами Ленинградского института живых восточных языков он начал изучать их под руководством Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931) [Митин, Решетов, 2004, с. 109]. В действительности первая полноценная встреча молодого исследователя с бурятами произошла на полгода ранее при весьма интересных обстоятельствах.

Находясь с 1923 г. на двухлетней стажировке в Монголии, В. А. Казакевич состоял сотрудником Ученого комитета МНР. В этом качестве он принял участие в работе пяти экспедиций [Иориш, 1972, с. 218]. Последняя из них проходила с 20 мая по 13 июля 1925 г. в районах рек Керулен и Халхин-гол. Целью ее было выделение территорий для проживания бурят, иммигрировавших из царской и советской России [АВ ИВР РАН. Ф. 63. Оп. 1. Д. 1]. Помимо обширного отчета исследователем была подготовлена специальная статья для Бюллетеня Полпредства СССР в Монголии, посвященная итогам этой экспедиции и, в частности, положению бурят на северо-востоке МНР [Там же. Д. 7].

Поступив на работу в Азиатский музей (с 1930 г. — Институт востоковедения (далее ИВ) АН СССР) в 1929 г., В. А. Казакевич начинает тесно взаимодействовать с другим выдающимся монголоведом — Николаем Николаевичем Поппе (1897–1991). С 1931 по 1933 г. исследователи работают вместе (В. А. Казакевич — в ранге научного сотрудника I разряда) в Сибирском отделе Русского музея (ныне Российский этнографический музей). Основной темой их изысканий стал бурятский шаманизм [Митин, Решетов, 2004, с. 111].

С 1932 г. Н. Н. Поппе, возглавивший Монгольский кабинет ИВ, подключает В. А. Казакевича к одному из основных направлений работы своего подразделения — изданию бурятских исторических хроник. Итогом трехлетней работы стала публикация летописи Шираб-Нимбо Хобитуева [Летописи..., 1935].

В том же 1932 году В. А. Казакевич отправляется в свою первую экспедицию к местам проживания бурят России — в Агинский аймак Восточно-Сибирского края (ныне Агинский бурятский округ Забайкальского края РФ). Вместе с тибетологом Андреем Ивановичем Востриковым (1902–1937) они в течение двух месяцев проводят экономические исследования, изучая состояние колхозов региона. Одновременно специалистам удалось значительно пополнить рукописную коллекцию ИВ АН [Казакевич, 1935, с. 263]. От А. И. Вострикова поступили в Монгольский фонд 6 рукописей, один пекинский и два бурятских ксилографа, а от В. А. Казакевича — 132 единицы хранения, в основном — бурятские и пекинские ксилографы [Сазыкин, 1988, с. 15].

Отдельно следует упомянуть 4 образца бурятской рукописной агитационной литературы, приобретенных В. А. Казакевичем, предположительно, в 1932 г. в Агинском аймаке. Один из них выполнен полностью на латинизированном бурятском письме, а три других — на старомонгольском.

На латинизированном письме составлена стенгазета под заглавием «Kubsikal» («Революция»). Дата ее подготовки — 20 июня 1932 г. Две другие стенгазеты (стар.-монг.: qanayin sonin) датированы апрелем 1932 г. и носят названия «Ulayan Gabᠰayauiᠰuud» («Красные ударники») и «Ydaarnig». Жанровая принадлежность четвертого памятника обозна-

чена как «настенный журнал» (стар.-монг.: qana-yin sedgöl). Он был подготовлен 1 июля 1932 г. в Точкинском сомоне Агинского аймака [АВ ИВР РАН. Ф. 63. Оп. 1. Д. 25].

Следующая поездка В. А. Казакевича в регион проживания бурят состоялась через 2 года. Летом и осенью 1934 г. В. А. Казакевич проехал значительную часть Восточно-Сибирского края. Он посетил Иркутск, Улан-Удэ, Кяхту, Читу и другие места [Казакевич, 1935, с. 259]. В ходе данной экспедиции были обследованы музеи и архивы региона, а также сделан ряд археологических открытий. В итоговой публикации ученый старался привлечь внимание руководства науки Советского Союза к проблемам сохранения материальной и духовной культуры народов края, стремительно угасавшей под влиянием новых экономических условий.

Через 2 года В. А. Казакевич был командирован в Балаганский и Кабанский районы Бурят-Монгольской АССР (ныне — Балаганский район Иркутской области и Кабанский район Республики Бурятия РФ). Экспедиция 1936 г. осуществлялась на деньги Государственного Эрмитажа с историко-археологическими целями [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 472. Л. 56]. На 1937 г. В. А. Казакевич запланировал еще одну экспедицию в Восточную Сибирь сроком на 4 месяца [Там же. Д. 532. Л. 2об.], но 30 августа 1937 г. состоялся его арест, а 20 декабря ученый был расстрелян [Люди и судьбы, 2003, с. 188].

Источники и литература

1. АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН.
2. СПбф АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
3. Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии: Воспоминания. Письма / предисл. И. Я. Златкина; коммент. Е. М. Даревской. М.: Наука, 1969. 419 с.
4. Иориш И. И. Монголоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 209–234.
5. Казакевич В. А. Современное состояние исторических памятников в Восточно-Сибирском крае // Исторический сборник. М.; Л., 1935. № 4. С. 259–268.
6. Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. Монгольские дневники В. А. Казакевича // Иркутские монголоеды за «круглым столом». Информационный бюллетень. № 7. Иркутск, 2000. С. 3–10.
7. Летописи хоринских бурят. Вып. 2: Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева / изд. текста В. А. Казакевича. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1935. 125 с.
8. Ломакина И. И. В. А. Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе // Mongolica-III. Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX в. СПб.: Фарн, 1994. С. 35–37.
9. Ломакина И. И. Голова Джа-ламы. Улан-Удэ; СПб: Агентством Экоарт, 1993. 222 с.
10. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / подг. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.
11. Мазурина В. Н. Деятельность ученого и собирателя В. А. Казакевича по изучению истории и археологии Монголии // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX века / отв. ред. М. М. Шахнович, Е. А. Терюкова. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2019. С. 268–275.
12. Митин В. В., Решетов А. М. Исследователь Монголии Владимир Александрович Казакевич (1896–1937) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 21 / под ред. Н. Н. Дьякова. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2004. С. 105–127.
13. Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 508 с.

УДК: 001:94(517.3)

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-96-99

**ИАКИНФ БИЧУРИН И НАЧАЛО ПРЕПОДАВАНИЯ
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В Г. КЯХТА**© **Ветлужская Лидия Леонидовна**

кандидат исторических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

vetluzhskayall@bsu.ru

Одним из крупнейших центров изучения китайского языка в Дальневосточном федеральном округе Российской Федерации является Бурятский государственный университет, где ведется подготовка студентов и аспирантов, для которых китайский язык является либо профильным, либо инструментом профессиональной деятельности. Один из основоположников русского китаеведения Никита Яковлевич Бичурин (о. Иакинф) (1777–1853) два периода своей жизни жил и работал в г. Кяхта, на территории современной Бурятии. Именно здесь он приступил к преподаванию китайского языка в учебном заведении, что было первым случаем такой практики в истории России (1830–1835). Первый опыт преподавания китайского языка в учебном заведении, специфика и методика преподавания, заложенные Иакинфом Бичуриным, находятся в фокусе исследования настоящей статьи.

Ключевые слова: китайский язык, Иакинф Бичурин, преподавание китайского языка.

IAKINF BICHURIN AND BEGINNING OF TEACHING CHINESE IN KYAKHTA

Lidia L. Vetluzhskaya

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

One of the largest centres for Chinese language studying in the Far Eastern Federal District of the Russian Federation is the Buryat State University, which trains undergraduate and graduate students for whom the Chinese language is either their major or a tool for their professional activities. One of the founders of Russian Sinology Nikita Yakovlevich Bichurin (Fr. Iakinf) (1777–1853) lived and worked in Buryatia for two periods of his life. It was here that he embarked on teaching Chinese at an educational institution, which was a first case of such practice in Russia (1830–1835).

Keywords: Chinese language, Iakinf Bichurin, Chinese language teaching.

Один из основателей российской синологии Никита Яковлевич Бичурин (о. Иакинф) является и одним из основоположников изучения Китая. В течение двух периодов своей жизни он жил и работал в г. Кяхта, где впервые в России заложил основы преподавания китайского языка в учебном заведении. Целью настоящей статьи является изучение первого опыта преподавания китайского языка в учебном заведении, специфика и методика преподавания, заложенные Иакинфом Бичуриным.

Знакомство с г. Кяхта началось для Н. Я. Бичурина еще на пути в Китай. О. Иакинф во главе Православной духовной миссии прибыл в Китай из Кяхты 10 января 1808 г. Миссия работала в Пекине в течение 13 лет, до 1821 г. Члены миссии занимались изучением китайского, маньчжурского, монгольского и тибетского языков, а также истории, географии, философии, религии, местных обычаев, традиций, литературы, законодательства, медицины, торговли, военного дела и т. д. Первоочередной задачей миссионеры ставили изучение китайского языка, что было неперенным и первым условием для исследования всех сфер общественной жизни Китая. Особенно преуспел на поприще овладения китай-

ским языком глава миссии Иакинф Бичурин. Овладев основами китайской грамоты, о. Иакинф принялся за переводы на китайский язык христианских богослужебных книг. Однако вскоре он оставил переводческий труд на благо православной церкви и перешел к научным занятиям: переводил и изучал китайские сочинения по истории, географии и философии Китая. К концу 13-летнего пребывания в цинской столице им были переведены целый ряд фундаментальных трудов: сводная история Китая «Цзы чжи тунцзянь ганму» (资治通鉴) китайского историка Сыма Гуана («Летопись Китайской империи, разделенная на три части: летопись древнюю, среднюю и новейшую»), географическое описание Цинской империи различные сочинения о Монголии, Тибете и Восточном Туркестане. Однако все эти труды, потребовавшие огромного напряжения сил, впоследствии не были оценены его духовным начальством, что отразилось на его карьере духовного лица. В результате вместо награды за неустанный труд о. Иакинф был сослан в Валаамский монастырь простым монахом (Хохлов, 1991).

По возвращении в Россию из Китая монах Иакинф связал жизнь с богатейшим в XIX в. российским городом Кяхтой на границе с современной Монголией. Именно через Кяхту шел знаменитый Чайный путь из Китая в Европу, и в этом небольшом городе проживали богатейшие купцы Российской империи XIX в., которые помимо торговли занимались благотворительностью, в т. ч. поддерживали образование. Так, в 1876 г. было основано Алексеевское реальное училище, ставшее первым мужским учебным заведением в Забайкалье. В училище принимали бесплатно желающих из всех сословий, умеющих читать и писать по-русски и владеющих начальными правилами арифметики.

Однако Иакинфу Яковлевичу Бичурину принадлежит инициатива создания в Кяхте специального китаеведческого учебного заведения. В Кяхте в первый период своего пребывания Иакинф Бичурин провел около двух лет (1830–1832 гг.), именно тогда и началась его деятельность по обучению китайскому языку. Он не только инициировал создание училища китайского языка, но и содержал его первое время на свои средства, подготовил документы для его официального учреждения, разработал организационно-методическую литературу и учебные пособия для обучаемых. В период становления училища Никита Яковлевич проводил почти все занятия лично, причем делал это совершенно безвозмездно [Григорьев, 2012, с. 68].

Программа обучения в кяхтинском училище была рассчитана на 4 года и предусматривала обучение купцов и коммерческих переводчиков, способных объясняться и владеющих основами письменно-книжного языка. В течение первого года обучения учащиеся изучали грамматику на основе сопоставления с русским языком. На второй год к дальнейшему изучению грамматики добавлялась разговорная речь на торговую тематику (с учетом специфики региона). Третий год — практика разговорной речи, начальный курс перевода. Четвертый год — совершенствование разговорной речи, чтение книг и письменный перевод текстов (Тихвинский, 1977).

Кяхтинское училище китайского языка официально было признано царским правительством лишь после двухлетней его деятельности. Преподавание языка по системе Иакинфа Бичурина в Кяхте продолжалось до 1863 г., т. е. вплоть до конца существования училища [Григорьев, 2012, с. 68]. С установлением дипломатических отношений между Россией и Китаем появилась возможность изучать китайский язык непосредственно в Пекине.

Иакинф Бичурин проработал в Кяхте до 1837 г. В отчете в Азиатский департамент Министерства иностранных дел о своей работе в кяхтинском училище он сообщил, что занимался подготовкой и написанием учебных материалов, чтобы снабдить училище нужными учебными пособиями: практика устной речи с учетом национально-региональной специфики, словарь экспортных и импортных товаров кяхтинского торго-

дополнение второй части грамматики китайского языка, перевод на русский язык словаря из 4 частей. В Кяхте Иакинф закончил перевод «Истории Тибета и Хухунара» (книга была издана в 2 частях в 1833 г.) и Манжурско-монгольско-китайский словарь «Сань хэ бянь лань», перевод которого не найден. С 1831 г. почти 18 месяцев он преподавал в созданной по его инициативе Кяхтинской школе китайского языка. Там он закончил свою известную «Китайскую грамматику» [Емельянов, 2015, с. 162–163]. Среди перечисленных работ, выполненных Бичуриным в Кяхте, особое место занимает как раз грамматика китайского языка, сыгравшая большую роль в развитии русского китаеведения. В то время она служила практически единственным пособием по изучению китайского языка не только в кяхтинском училище. По ней в течение длительного времени велось преподавание в высшей школе: на восточных факультетах Казанского и Петербургского университетов.

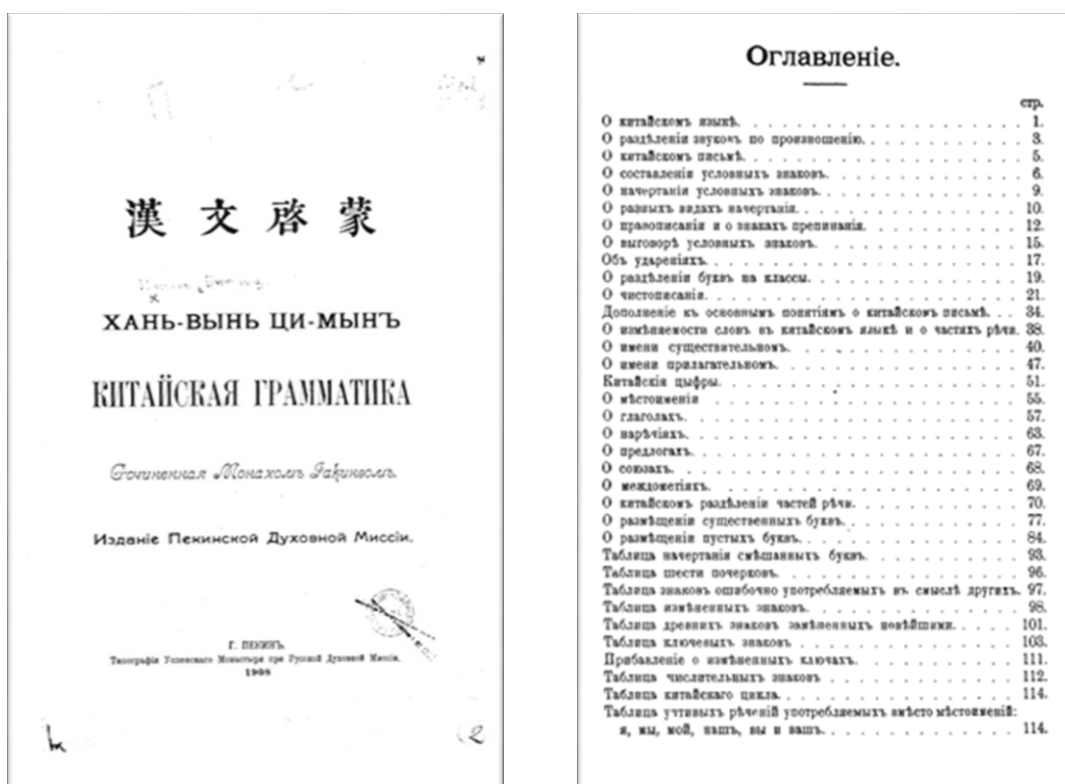

Рис. 1. Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом.
Пекин: издание Пекинской духовной миссии, 1908

В переработанном виде «Грамматика китайского языка» была опубликована в 1838 г. (Тихвинский, 1977). История издания китайской грамматики была непростой. Книга вышла в свет в 1838 г., но ее издание велось еще с 1828 г. Из-за типографских и корректорских сложностей сильно увеличились расходы, в результате вместо запланированных 600 было выпущено только 360 экземпляров. Метод издания был литографический, воспроизводивший изящную рукопись Иакинфа Бичурина, который был прекрасным каллиграфом и в русском, и в китайском письме. После всех издательских сложностей китайская грамматика, наконец, получила высокие оценки в научном сообществе России и в прессе.

17 апреля 1839 г. ее автор был удостоен почетной научной Демидовской премии. Долгое время труд Бичурина оставался единственной в России грамматикой китайского языка, которая использовалась для обучения еще в начале XX в. и была переиздана в 1908 г. уже типографским способом.

Что касается содержания китайской грамматики, то выделим следующие ключевые положения: 1) в предисловии представлено описание работ европейцев по грамматике китайского языка и дается их критическая оценка; 2) отдельная глава посвящена каллиграфии; 3) описывая разделение слов по частям речи, автор обращает особое внимание на возможность китайских слов выступать в функции разных частей речи; 4) было выделено 9 частей речи, среди которых присутствует такая свойственная исключительно китайскому языку категория, как «дополнительные слова», маркирующие отношения между знаменательными словами; 5) выражение грамматического значения связывается с синтаксической позицией знаменательного слова и наличием специальных служебных слов (Кирюхина, 2020, с. 82–83).

В заключение необходимо отметить выдающийся, неоценимый вклад одного из первых китаеведов России в преподавание китайского языка. Именно им была заложена методическая база, обеспечившая российское китаеведение притоком новых выпускников, получивших востоковедное образование в стенах российских вузов.

Литература

1. Григорьев В. С. Педагогическая деятельность академика-синолога Н. Я. Бичурина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12–3(26). С. 65–68
2. Емельянов Б. В. Первая Демидовская премия русского синолога Н. Я. Бичурина // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 158–167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-demidovskaya-premiya-russkogo-sinologa-n-ya-bichurina>
3. Тихвинский С. Л., Пескова Г. Н. Бичурин (о. Иакинф) — выдающийся китаевед. URL: [http://www.cap.ru/chuvashia/nasledie/vidayuschiesya-zemlyaki/bichurin-\(o-iakinf\)-vidayuschij-sya-kitaevd](http://www.cap.ru/chuvashia/nasledie/vidayuschiesya-zemlyaki/bichurin-(o-iakinf)-vidayuschij-sya-kitaevd)
4. Кирюхина Л. В. Китайская грамматика Н. Я. Бичурина: ретроспективный взгляд // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3(5). С. 74–86.
5. Мясников В. С. Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 1. С. 115–121; № 2. С. 131–138.
6. Хохлов А. Н. Н. Я. Бичурин и его труды по монголоведению // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1991. Вып. 4. С. 50–61. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s086919080000617-5-1-gu-363/>

УДК 378.6
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-100-103

**ДОСТИЖЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ
В ИЗУЧЕНИИ КОЛЛЕКЦИИ МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
П. К. КОЗЛОВА НА ВЫСТАВКЕ ГАИМК. 1927 г.**

© **Медведева Мария Владимировна**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт истории материальной культуры РАН
Россия, г. Санкт-Петербург
marriyam@mail.ru

В 1927 г. в Академии истории материальной культуры проходила юбилейная выставка научных достижений учреждения за годы его существования. Важной частью экспозиции стала демонстрация результатов реставрации и изучения археологической коллекции из раскопок Монголо-тибетской экспедиции под руководством П. К. Козлова на базе Института археологической технологии, осуществлявшейся в рамках российско-монгольского научного сотрудничества. Архивные документы ИИМК РАН позволяют более точно охарактеризовать вклад российских специалистов в сохранение археологического наследия Монголии во 2-й половине 1920-х гг.

Ключевые слова: Государственная академия истории материальной культуры, Ноин-Ула, Институт археологической технологии, археология, архивные документы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005.

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGICAL TECHNOLOGY AND ITS ACHIEVEMENTS
IN STUDYING THE COLLECTION OF MONGOL-TIBETAN EXPEDITION
BY P. K. KOZLOV AT SAHMC EXHIBITION IN 1927

Maria V. Medvedeva

Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher,
Institute for the History of Material Culture RAS
St. Petersburg, Russia
marriyam@mail.ru

An exhibition of scientific achievements was held at the Academy for the History of Material Culture in 1927. The exhibition demonstrated the results of the restoration and study of the archaeological collection from the excavations of the Mongolian-Tibetan Expedition led by P.K. Kozlov at the Institute of Archaeological Technology, which took place as a part of Russian-Mongolian scientific cooperation. The archival documents of IHMC RAS provide a more detailed overview of the Russian contribution to the preservation of Mongolian archaeological heritage in the 1920s.

Keywords: State Academy for the History of Material Culture, Noin-Ula, Institute of Archaeological Technology, archaeology, archival documents.

The study was carried out with the financial support of RFBR and MOKNSM as part of a research project № 20-59-44005

Одним из важных этапов в истории российско-монгольского научного сотрудничества стали раскопки ноин-улинских курганов эпохи хунну, проведенные Монголо-тибетской экспедицией под руководством известного русского путешественника П. К. Козлова в 1924–1925 гг., и последующее изучение сделанных находок [Юсупова, 2006, с. 32–62;

2010, 2011; 2018, с. 39–94]. Во 2-й половине 1920-х гг. особую роль в судьбе коллекции сыграла деятельность Академии истории материальной культуры, на базе которой реставрировались, исследовались, готовились к изданию и к передаче в музейные хранилища уникальные археологические предметы [Сутягина, 2020; Медведева, 2021]. Консервация и изучение добытых вещей естественно-научными методами велись в Институте археологической технологии (ИАТ), входившем в состав академии. Институт не просто занимался реставрацией древностей, а являлся авторитетным научным учреждением, перед которым стояли важнейшие задачи изучения технологии объектов археологии [Платонова, 2018]. Возглавивший работы художник и реставратор М. В. Фармаковский в объяснительной записке к смете на очистку и консервацию монгольской коллекции П. К. Козлова сообщал: «Только при детальном технологическом обследовании всего материала выяснилось, до какой степени необычайно сложна эта задача консервации» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924 г. Д. 227. Л. 1].

По условиям соглашения между Ученым комитетом Монголии и Монголо-тибетской экспедицией часть археологического материала из раскопок ноин-улинского могильника должна была вернуться в скором времени обратно [Сутягина, 2020, с. 337; Юсупова, 2010, с. 49], поэтому изучение богатейших коллекций требовалось вести весьма интенсивно. В течение 1925–1927 гг. в лабораториях ИАТ была произведена очистка древних тканей, металла, керамики, лаковой живописи; сделан «полный анализ группы шелковых тканей с применением впервые в мировой науке новых методов исследования археологических материалов», детально изучена керамика, определены «металл, дерево, кость, камень», «остатки растений, животных, меха» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927 г. Д. 85. Л. 70]. В работе с тканями применялись технологический анализ для установления «природы волокна с микрофотографиями в длину и поперечном сечении; эластичности; способов переплетения; плотности; техники» и «выявления рисунка; характера окраски», химический анализ и фотоаналитический анализ для определения «сравнительной сохранности», «истинной цветности» с помощью «поднятия тональности»¹; а в исследовании керамики — химический анализ «(состав массы, обжиг), технологический (формовка), микроскопический» [Там же. Оп. 1. 1926. Д. 43. Л. 132]. Всего анализу подверглось 170 предметов из ткани, около тысячи фрагментов керамики, 20 вещей из металла, 200 образцов костей, 11 предметов из дерева и других органических остатков и 6 — из камня [Там же]. Весь назначенный к отправке в Монголию в 1927 г. материал смонтировали в специально сконструированные для этого институтом рамы и коробки. Позднее из Монгольского ученого комитета поступил отзыв, что «все вещи прибыли без малейших повреждений и выставлены в Первом музее Монголии» [Там же. 1927. Д. 85. Л. 70].

Все перечисленные исследования были проделаны на самом высоком для того времени технологическом и научном уровне и стали весомым вкладом в научное сотрудничество между российскими и монгольскими учеными, поскольку часть отреставрированных в России вещей пополнила музейные коллекции Монголии. Причем российские исследователи со второй партией предметов, передаваемых в Улан-Батор в 1927 г., предоставили подробную инструкцию к распаковке перевозимых артефактов и к их дальнейшему хранению [Там же. Оп. 1. 1926 г. Д. 43. Л. 132].

Результаты проведенных в 1925–1927 гг. работ широко демонстрировались на выставке ГАИМК, приуроченной к 10-летию Октябрьской революции. Она состоялась в помещениях Мраморного дворца, где тогда располагалась Академия истории материальной культуры. Небольшие отчетные выставки учреждения традиционно проводились ежегод-

¹ По результатам работ планировалось многотомное издание, однако вышел только один том, посвященный анализу тканей [Технологическое изучение тканей..., 1932].

но осенью, но выставка 1927 г. имела особое значение и подготовка велась особенно тщательно. На ней планировалось представить основные задачи и показать самые выдающиеся достижения академии с момента создания (1919 г.). Реставрация, консервация и всесторонний научный анализ ноин-улинской коллекции, несомненно, вошли в этот список. Выставка открылась 8 ноября 1927 г. и заняла девять залов, «из которых в семи были объединены материалы, доставленные экспедициями и научными командировками, один зал отведен был исследованиям, не связанным с экспедиционной работой, и материалам вспомогательных учреждений академии (склад изданий, склад древностей, библиотека, архив и фотографический отдел)» [Девель, 1929, с. 217].

Работы Института археологической технологии, среди которых важное место занимали исследования ноин-улинской коллекции, выделили в особый зал¹. Сотрудники разряда металлов ИАТ представили образцы очищенной коллекции бронзовых предметов, подготовленных и смонтированных для дальнейшей пересылки в Улан-Батор, в Монголию [Фармаковский, 1929, с. 246]. Часть экспозиции была посвящена изучению керамики, в т. ч. и монгольской. «Пагубный» результат промывки археологических тканей, сделанной до поступления ноин-улинских материалов в академию, и «ткани, прошедшие правильную очистку в парах различных растворителей» уже в ИАТ, демонстрировались в двух витринах рядом для сравнения [Фармаковский, 1929, с. 253]. М. В. Фармаковским была сконструирована особая рама для обеспечения максимальной сохранности очищенной древней ткани в процессе ее дальнейшего изучения. Она позволяла хранить фрагменты ткани любого размера без складывания, рассматривать и передвигать ткань внутри рамы без открывания и попадания пыли, прикосновения рук и другого вредного воздействия. Все работы проводились на основе комплекса древних тканей из раскопок Монголо-тибетской экспедиции. Приемы монтажа тканей и рамы были показаны на выставке [Там же], так же как и все типы анализов, производимых с ними после очистки. Особое внимание уделялось фотоаналитическому методу изучения тканей Ноин-Улы, позволившему реконструировать их первоначальный цвет. В качестве примера реставрационной работы, произведенной над фрагментами китайской живописи, на выставке демонстрировалась находка из Монголии, смонтированная для отправки в Улан-Батор, с подробной фотофиксацией этапов реставрации [Там же, с. 261]. В заключительной части экспозиции были представлены фотографии основных моментов работы с коллекцией из раскопок П. К. Козлова².

Выставка работала ежедневно в течение ноября 1927 г. и один раз в неделю в декабре — по средам вечером. Всего выставку посетило 1250 человек [Девель, 1929, с. 235]. С экспозицией ознакомилась и монгольская делегация, специально прибывшая на октябрьские торжества. В ее состав входили представители коммунистической партии, союза молодежи и несколько передовиков. Кроме того, монгольская делегация осмотрела и саму ноин-улинскую коллекцию, хранившуюся в тот момент в ГАИМК на складе древностей [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927 г. Д. 119. Л. 29].

Выставка 1927 г. показала значительные успехи, достигнутые ИАТ в деле реставрации и изучения ноин-улинской коллекции на первом этапе, и в каком-то смысле обеспечила продолжение финансирования дорогостоящих исследований. Сотрудники ИАТ использовали последние изобретения реставрационных мировых технологий и разрабатывали собственные новые методики на базе исследований монгольской коллекции. Уже тогда они заложили основы современных методов технологических и реставрационных исследова-

¹ Выставка достижений ИАТ размещалась в кабинете Великого князя Константина Николаевича (Ср.: [Фармаковский, 1929, с. 241, рис. 1 и Длужневская, 2010, с. 8, ил. 3]).

² В научном архиве ИИМК РАН сохранилась значительная коллекция фотодокументов, сделанных для демонстрации результатов исследований ИАТ на выставке 1927 г.

ний археологического текстиля, металла, керамики и других материалов, надолго опередив свое время. Колоссальный объем произведенных работ, накопленный комплекс архивных документов по изучению и реставрации археологической коллекции Монголо-тибетской экспедиции П. К. Козлова заслуживают отдельного пристального рассмотрения. К сожалению, большая их часть до сих пор остается неизданной.

Источники и литература

1. РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН.
2. Девель Т. М. Выставка результатов работ Академии истории материальной культуры за 1919–1927 гг. // Сообщения ГАИМК. П. Л.: Издание ГАИМК, 1929. С. 217–239.
3. Длужневская Г. В. Фотографии из Мраморного дворца: собрание великих князей генерал-адмирала Константина Николаевича и Августейшего президента академии наук Константина Константиновича // Фотография. Изображение. Документ. 2010. Вып. 1 (1). С. 4–14.
4. Медведева М. В. Академия истории материальной культуры и издание ноин-улинской коллекции. 1920-е гг. // Археология евразийских степей. 2021. № 5. С. 123–130.
5. Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. Ч. 1 — Ткани / ИГАИМК. Т. XI. Вып. 7–9 / ред. А. А. Воскресенский, Н. П. Тихонов. Л.: ГАИМК, 1932. 106 с.
6. Платонова Н. И. Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 285–293.
7. Сутягина Н. А. Основные направления исследования археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг. // Археологические вести. 2020. Вып. 30. С. 330–342.
8. Фармаковский М. В. Выставка результатов работ Института археологической технологии за 1920–1927 гг. // Сообщения ГАИМК. П. Л.: Издание ГАИМК, 1929. С. 240–264.
9. Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб.: Нестор-История, 2006. 280 с.
10. Юсупова Т. И. Случайности и закономерности в археологических открытиях: Монголо-тибетская экспедиция П. К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 4. С. 26–67.
11. Юсупова Т. И. История не совсем обычного археологического открытия // Н. В. Полосьмак, Е. С. Богданов, Д. Цэвээндорж. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. С. 9–51.
12. Юсупова Т. И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018. 312 с.

III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 353.(571.5)(091)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-104-107

УПРАВЛЕНИЕ НАРОДАМИ СИБИРИ В ПЕРИОД КРИЗИСА ИМПЕРИИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗАКОНА И ПРАКТИКИ

© **Дамешек Лев Михайлович**
доктор исторических наук, профессор
levdameshek@gmail.com

© **Дамешек Ирина Львовна**
доктор исторических наук, профессор
dameshek@rambler.ru

© **Соснерж Кристина Александровна**
ассистент преподавателя
ksosnerzh@gmail.com

Иркутский государственный университет
Россия, Иркутск

На основе ранее неиспользованных делопроизводственных источников императорских архивов рассматриваются проекты высокопоставленных чиновников МВД по реформированию системы управления народами Сибири в конце XIX в., отмены Устава об управлении инородцев 1822 г. М. М. Сперанского как способа насаждения «русскости» среди коренного населения региона, связь этих предложений с осуществлением идеи создания «единой и неделимой России». Приводится социальный портрет авторов проектов, этапы служебной карьеры, отношение к ним имперской и региональной администрации.

Ключевые слова: позднеимперская Россия, Сибирь, инородцы, неизвестные проекты административных преобразований, И. И. Крафт.

GOVERNING THE PEOPLES OF SIBERIA DURING THE CRISIS OF THE EMPIRE: REPRESENTATION OF LAW AND PRACTICE

Lev M. Dameshek
Dr. Sci. (Hist.), Prof.
levdameshek@gmail.com

Irina L. Dameshek
Dr. Sci. (Hist.), Prof.
dameshek@rambler.ru

Kristina A. Sosnerzh
Teaching Assistant
ksosnerzh@gmail.com

Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

The article considers the officials' projects of the Ministry of Internal Affairs concerning the reform of the management system of the indigenous peoples of Siberia at the end of the 19 century, as a way of spreading «Russianness» among the indigenous population. Moreover, the article reveals the connection of these proposals with creating and implementing the «united and indivisible Russia» idea.

Keywords: Late Imperial Russia, Siberia, indigenous peoples, unknown projects of administrative transformations, I. I. Kraft.

На протяжении 300-летней истории досоветской Сибири менялись официальные названия народов края и правительственные подходы к организации управления аборигенами. Если в XVII–XVIII вв. прослеживаются патерналистские подходы, то в первой половине XIX в., в связи с сибирскими реформами М. М. Сперанского 1822 г. и началом проведения политики имперского регионализма, в административную практику входит деление инородцев на категории оседлых, кочевых и бродячих, каждой из которых были присущи свои особенности управления. Дальнейшее развитие правительственной программы в отношении коренного населения региона находилось в неразрывной связи со стремлением властей распространить на Сибирь положения реформы 1861 г. и подчинить народы Сибири действию законодательства о крестьянах. Логическим завершением этой тенденции стало принятие в 1898 г. закона о крестьянских и инородческих начальниках Сибири.

Введение института крестьянских начальников означало полное подчинение органов самоуправления аборигенов этим чиновникам, но не упраздняло деление аборигенов на разряды. Поэтому Государственный совет в 1896 г. охарактеризовал поразрядную систему как «выдающееся несовершенство» законодательства о народах Сибири, требующее немедленного упразднения (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. 4.1. 1896 г. Л. 134об.). Практическим результатом этого решения явилось возложение на Министерство внутренних дел обязанности по разработке проекта административной реформы. Составление законопроекта министр И. Л. Горемыкин поручил делопроизводителю земского отдела И. И. Крафту. Выходец из семьи ссыльного немецкого дворянина, к моменту получения настоящего поручения Крафт прошел солидную бюрократическую школу. Особый вес чиновнику придавало хорошее знание бурятского языка, который он изучил за годы проживания среди бурят Забайкалья. Именно поэтому забайкальский губернатор Я. Ф. Барабаш в 1888 г. назначил Крафта своим советником по инородческим вопросам. Спустя год, в 1889 г., самого Барабаша перевели губернатором в Тургайскую область Степного генерал-губернаторства. В новом губернском правлении надворный советник Крафт получил должность, аналогичную прежней. Находясь на этой должности, И. И. Крафт выучил киргизский язык, окончил вольнослушателем археологический институт, редактировал «Тургайскую газету», стал печататься в трудах Оренбургского отдела Русского географического общества. Спустя 10 лет по рекомендации все того же Барабаша Крафт был переведен на службу в столицу, в Министерство внутренних дел, где поначалу занял должность старшего помощника делопроизводителя земского отдела, а затем стал служить начальником инородческого отдела министерства. Впоследствии, с 1906 г., он служил советником министра по особым поручениям, а в 1907 г. был направлен губернатором в Якутскую область. Проект Крафта почти неизвестен исследователям. В начале записки Крафт указывает на усиление колонизации Сибири, в результате чего «инородцы» изменили пастушеский образ жизни, стали больше заниматься земледелием и постепенно перешли к оседлости. Однако управление аборигенами в Сибири, отмечает Крафт, по-прежнему основывается на дореформенных порядках (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1. 1896. Л. 184–184об.). Между тем, по мнению чиновника, «законы об инородцах настолько устарели, что задерживают естественный процесс» их обрусения и не обеспечивают экономических интересов государства. Необходимость новых преобразований

Крафт видит и в потребности согласовать действующие узаконения с изданными в последнее время законами о крестьянских начальниках, поземельном устройстве и др. Крафт далее переходит к рассмотрению предложений сибирской губернской администрации. Он отмечает, что они сводятся к «применению паллиативных (временных. — *Авт.*) мер, которые... не способны внести коренные улучшения в управление... организованное по закону 1822 г.».

Реформа Сперанского, по мысли Крафта, отличалась «неполнотой еще в момент издания, а теперь совершенно устарела». Таким образом, Крафт приходит к заключению, что управление «инородцами» в сибирских губерниях нуждается в радикальном изменении. Задачу будущей реформы он видит, во-первых, в «приближении» управления аборигенами к системе управления русскими крестьянам и подчинении тех и других «ведению» крестьянских начальников; во-вторых, в создании «благоприятных» условий для ускорения естественного процесса перехода кочевых инородцев к оседлости» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1. 1896. 1. Л. 187–188]. Исходя из отмеченных целей и задач реформы, Крафт составил «Правила об управлении инородцами в местностях, на которые распространяется действие временного положения о крестьянских начальниках». Эти правила были наиболее полным правительственным законопроектом со времени принятия Устава об управлении инородцев.

Правила Крафта окончательно сводили на нет привилегии неслужилой родовой знати. Спустя 75 лет после принятия устава М. М. Сперанского, Министерство внутренних дел устами Крафта гораздо категоричнее заявило о необходимости опоры не на феодально-родовую знать, а на обуржуазившуюся верхушку «инородческого» общества.

Крафт начал с административного устройства. Такой подход явился следствием убеждения автора законопроекта и высших правительственных чиновников в том, что именно неудобство управления повлекло за собой «накопление... значительных податных недоимок» [ЦГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1. 1896 г. Л. 186] и других негативных явлений, побудивших правительство взяться за разработку реформы. Свою позицию в отношении административного устройства коренных жителей Крафт формулирует исходя из стремления подчинить аборигенов «ведению крестьянских установлений». Этому посвящена первая глава проекта. Аборигены должны были находиться в ведении «главного губернского начальника, уездных властей и крестьянских начальников на одинаковых с прочими сельскими обывателями основаниях». В своих основных положениях эта часть документа полностью соответствовала духу и букве закона 1898 г. о крестьянских начальниках, лишь дополняя и конкретизируя его. Поселения оседлых жителей по аналогии с крестьянами предлагалось разделить на волости и сельские общества. Сельское общество должно было состоять из одного или нескольких селений, имеющих совместное землепользование. Из нескольких сельских обществ предлагалось образовать волость. Автор нового проекта, в отличие от М. М. Сперанского, отрицал родовую организацию аборигенов, предлагая узаконить перечисление отдельных членов и целых сельских обществ из одной волости в другую. У оседлых аборигенов должностным лицам рекомендовалось присвоить те же «наименования», что и должностным лицам крестьянского самоуправления. Время пребывания на должности выборного лица ограничивалось тремя годами. На должность волостного старшины или сельского старосты можно было избрать каждого инородца, «не подвергавшегося по суду взысканиям, превышающим семидневный арест, не находящегося под следствием и судом и имеющего от роду не менее 25 лет». В тех волостях, в которых наряду с православными аборигенами проживали и язычники, предлагалось кроме волостного старшины избирать еще и «помощника его, причем волостной старшина должен быть из числа православных инородцев». Сельские старосты подлежали избранию на сельских сходах простым большинством голосов с последующим обяза-

тельным утверждением в должности крестьянским начальником. Функции волостного старшины носили в основном административно-полицейский характер [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. II, 1896 г. Л. 190–191]. На сельского старосту возлагались созыв сельских сходов, сбор податей и повинностей и др. За «усердную службу» предусматривалось награждение должностных лиц традиционными почетными кафтанами и деньгами.

Следующий раздел проекта Крафта посвящался управлению кочевыми аборигенами. Оно во многих случаях строилось по аналогии с оседлыми жителями. «Кочевое население разделяется на волости, а сии последние на улусы... состоящие из групп, связанных между собой общностью земельного пользования на зимниках, весенниках и летниках». Земельные угодья кочевников автор проекта делил на традиционные зимники, весенники и летники, состоящие в бессрочном общественном владении. Земельные споры внутри общин должны были рассматриваться старостами, а споры между различными общинами — на волостном съезде. Крестьянским начальникам предполагалось поручить рассмотрение поземельных споров между волостями кочевников [Там же. Ч.1. 1896 г. Л. 191–193об.].

Статья 69 предоставляла каждому кочевнику права на отведенно ему участке возводить сельскохозяйственные постройки. Рассмотренный проект об управлении аборигенами отразил общий взгляд правительства на народы Сибири, их место и роль в составе Российской империи конца XIX — начала XX в. В перспективе автор проекта не возражал видеть народы Сибири совершенно обруселыми.

Источники и литература

1. РГИА — Российский государственный исторический архив.
2. ЦГИА — Центральный государственный исторический архив.
3. Дамешек Л. М., Мамкина Н. Н. Сибирь в системе имперского законодательства XVIII — начала XX в. Чита: Изд-во Заб. гос. ун-та, 2021. С. 226–251.

УДК 93(=512.31)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-108-113

**К ИСТОРИИ СТРЕМЛЕНИЯ БУРЯТ К МОНГОЛЬСКИМ КОРНЯМ:
С БЛАГОСЛОВЕНИЯ БОГДО ХАНА. БАНДИДА ХАМБА-ЛАМА ДАШИДОРЖ
ПОЗДРАВЛЯЕТ БОГДО-ХАНА**

© **Оохной Батсайхан**

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт международных исследований АН Монголии
Монголия, г. Улан-Батор
bagi112005@yahoo.com

В статье рассказано о взаимоотношениях между Богдо Джебцундамба-хутагтой VIII, лидером монгольского буддизма, с бурятскими деятелями, а именно о поздравлении духовного лидера восточносибирских буддистов Бандида Хамба-ламы Дашидоржи Богдо-гэгэна с восшествием на престол Монголии от имени всех бурят и сибирских буддистов в декабре 1912 г. и о награждении его орденом драгоценности Вачира-ханом Монголии Богдо Джебцундамба-хутагтой.

Ключевые слова: Богдо-гэгэн, Богдо-хан, Хамба Итгэлт, Бандида Дашидорж, Бурятия, буддизм, независимость Монголии.

TO THE HISTORY OF THE BURYATS STRIVING TO THE MONGOLIAN ROOTS:
WITH THE BLESSING OF BOGDO KHAN.
BANDIDA KHAMBA LAMA DASHIDORJ CONGRATULATES BOGDO KHAN

Batsaikhan Ookhnoi

Dr. Sci. (Hist.),
Institute of International Studies, Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia
bagi112005@yahoo.com

The article reviews the relationship between the 8th Bogdo Jebtsundamba, the Spiritual Leader of Mongolia and the people of Buryatia, particularly, the events connected with Bandida Khamba lama, who congratulated The Bogdo on the Emperor of Mongolia appointment on behalf of all Buryats and Siberian Buddhists and the fact that Bogdo Jebtsundamba khutuktu rewarded him with Erdeny Ochir award.

Keywords: Bogdo-gegen, Bogdo khan, Khamba Itgelt, Bandida DashiDorzhi, Buryatia, Buddhism, Independence of Mongolia.

Взаимоотношения Богдо-гэгэна и бурят. В начале XX в. многие монголы, буряты, внутренние монголы и халх-монголы восхищались Богдо VIII, что «он вождь милосердного спасения и любви к животным как к единой семье, видящий насквозь прошлое, настоящее и будущее». Вера сильнее любого приказа или кнута в любое жестокое время. С такой верой монголы обращались и относились к Богдо-гэгэну.

С конца XIX в. политика Российской империи в отношении бурят ужесточилась и достигла пика в 1902–1904 гг. На территории Бурятии поселились русские и украинцы, они ужесточили административный контроль, русифицировали всех [Рупен, 2000, с. 12]. Именно в это время, в середине XIX в., изменилась маньчжуро-цинская политика по отношению к монголам. Американский ученый Р.Рупен отмечал, что «главной причиной возникновения монгольского национального движения в XX веке стало изменение терпеливого отношения России и маньчжур к их подданным монголам» [Рупен, 2000, с. 12].

Морозов [Московская торговая, 1912, с. 109], участник московской экспедиции в Монголию в начале XX в., отмечал, что «встретил 9 июня кяхтинского бурятского купца,

ехавшего в Хурээ для поклонения Богду», и писал: «Русские и буряты даже в большей степени, чем монголы, считают священным долгом отправиться в Хурээ и поклониться Живому Богу этого мира» [Московская торговая..., 1912, с. 101].

Российское консульство в Хурээ 22 сентября 1890 г. направило в свое министерство иностранных дел послание, где было написано, что «буряты рассматривают Богда наравне с Живым Богом» [ГАИО. Ф. 25. Оп. 12. Ед. хр. 552. К. 1109. С. 24]. Автор послания Я. Шишмарев, генеральный консул Российской империи, почти 50 лет своей жизни проживший в Монголии, говорят, был монгольского происхождения [Даревская, 1994, с. 24].

Думаю, что все это было признанием ценных качеств бурятского народа как нации.

20 июня 1895 г. Богдо Джебцундамба посетил монастырь Эрдэнэ Зуу и вскоре поселился в монастыре Амарбаясгалант. Саин-нойон и Засагт-хан несли ответственность за расходы, связанные с посещением монастыря Эрдэнэ Зуу, а ваны Тушит-хана и Сэцэн-хана отвечали за все приготовления к монастырю Амарбаясгалант. Даже дорогу к резиденции Богдо отремонтировали, а кое-где проложили новые дороги. Известный бурятский ученый Г. Ц. Цыби-ков, посетивший Монголию в 1895 г., записал в своем дневнике, что даже подготовили специальные места для проживания и ночлега [Цыби-ков, 1991, с. 112].

По его словам, Богдо-гэгэн посетил монастырь Эрдэнэ Зуу 20 июня 1895 г. По слухам о посещении Богдо-гэгэна, в Эрдэнэзуу собралось почти 5 тысяч паломников. Тысячи палаток были установлены возле монастыря Зуу, где собрались великие монахи и простолудины во главе с Нар Ванчин-Гэгэном, Дилова Гэгэном и Лама Гэгэном. Рассказывали, что Богдо-гэгэн посетил Желтый дворец монастыря Эрдэнэ Зуу и благословил паломников, а в честь посещения Богдо-гэгэна там организовали скачки.

Цыби-ков записал в своем дневнике, что 5 июля 1904 г. 7 человек, в том числе Цэвэн Джамсранов, приехали из Бурятии поклониться Богдо-гэгэну. По словам Дж. Цэвена, в этот день на поклонение Богдо собралось около 200 паломников, в том числе южные и восточные монголы, буряты и жители Запада. Отмечал, что Гэгэн вышел из своего дворца с царицей и двумя ее детьми и благословил их [Жуковская, 2011].

И. Морозов, русский путешественник, писал в своем путевом очерке: «Слава Богдо-гэгэна, ставшего Живым Богом, как Далай-лама в Тибете, велика и в Монголии. Не все знают о китайском императоре, но каждый монгол, даже дети, которые связывали силу Будды, могущество императора с репутацией Богдо-гэгэна, знали его. На поклонение Богдо-гэгэну поодиночке, всей семьей приезжают знатные нойоны и простые монголы со всех степей, гор и пустынь Монголии, монахи местных монастырей, люди всех национальностей с буддистской верой» [Московская торговая..., 1912, с. 108].

Мы можем найти множество таких источников, которые описаны бурятскими известными деятелями науки, культуры и других сфер, где живо рисуются взаимоотношения бурят-монголов и Богдо-гэгэна.

Было много бурят, которые помогали в качестве переводчиков монгольской делегации, которая по указу Богдо-гэгэна отправилась за помощью в Российскую империю летом 1911 г. Например, Густав Джон Рамстед, финский монгольский лингвист и дипломат, писал о монгольской делегации в Санкт-Петербурге: «В гостинице на Невском проспекте в Санкт-Петербурге.... монгольские нойоны послали за бараниной бурятского переводчика, поставили ее на тарелку посреди гостиничного номера, ели, пили, разговаривали» [<http://pomnipro.ru/memorypage1495/biography>].

12 августа 1911 г. монгольская делегация встретила с хамбой Агваном Доржиевым¹, прибывшим накануне в Петербург [АВРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 644. С. 175].

Капитан Макушек, присутствовавший на встрече по их просьбе, в своем отчете отметил, что с 21:00 до полуночи между монгольской делегацией и хамбой шел теплый разговор. По словам Макушека, во время встречи у монгольской делегации сложилось четкое представление о том, как будет выглядеть будущее монгольское царство. Написано, что Монголия, которая объединится под предводительством Богдо-гэгэна, будет страной внутри государства, а в отношениях с Россией должна быть как нынешняя Бухара [Там же].

После возвращения делегатов из России Временное правительство, образовавшееся в Хурээ, поспешило выйти из-под господства маньчжуро-цинской династии и восстановить свою государственность и независимость. В первую очередь нужно было изгнать маньчжурского амбана из Хурээ, а затем провозгласить независимость Монголии. Поэтому 1 декабря 1911 г. Временное правительство издало декларацию [Сандаг, 1971, с. 319], в которой объявлялось об окончании многолетнего маньчжурского владычества в Монголии и провозглашалась независимость монголов, был поднят флаг с соёмбом [Сандаг, 1971, с. 252].

Атаман Семенов² находился в Хурээ во время национальной революции 1911 г. в Монголии. «Я участвовал в написании истории страны Чингисхана», — писал он и отмечал: Я остановился в 6-й роте хороо, которая охраняла наше консульство в Хурээ. В столицу Монголии я прибыл в начале октября месяца 1911 г. С европейской точки зрения, Урга, конечно, мало походила на столицу, но этот город является действительным центром сосредоточения видных представителей монгольской теократии, возглавляемой Богдо-Хутухтой. Время пребывания в Урге дало мне, с детства знающему монгольский язык, возможность близко сойтись с наиболее видными представителями монгольского общества, руководившего политической жизнью страны. Намсарай-гун (вероятно, Гомбосурэн. — О. Б.), кандидат на пост военного министра Монголии, изучал у меня современное военное дело. В то же время при содействии г. Норбо я перевел на монгольский язык наш устав строевой казачьей службы. Урга кипела в водовороте политических страстей и новых устремлений» [Атаман Семенов..., 2002, с. 18–21].

Далее он пишет о том, что 11 декабря 1911 г. произошло историческое событие — отделение Халхи от маньчжуро-цинской династии и провозглашение независимой Монголии. Это историческое событие провозглашения независимости Монголии ознаменовало свержение Сандо-амбана и призыв временного правительства Хурээ.

Ценным и интересным дополнением мемуаров Семенова является раздел о том, как он принимал участие в этом историческом событии. Он писал: «По распоряжению нашего консула я со взводом казаков взял на себя охрану амбана — китайского резидента в Урге, дворец которого подвергался опасности быть разграбленным возбужденной монгольской толпой. Доставив перепуганного амбана в наше консульство, я не ограничил этим свое вмешательство в развертывание событий и, видя, что наличие вооруженного китайского гарнизона в Курени раздражает толпу и вызывает ее на эксцессы, со своим взводом казаков, уже по собственной инициативе, разоружил китайских солдат, которые, сняв форму, превратившись в мирных жителей, рассосались в толпе без каких-либо дальнейших неприятностей. После этого, получив сведения о назревавшем нападении на Дайцинский

¹ Агван Лувсан Доржиев (1854–1938) — Хамбо-лама Бурятии, наставник Далай-ламы XIII и его уполномоченный представитель в России.

² Георгий Михайлович Семенов (1890–1946) был организатором и руководителем «белого» движения вокруг Байкала. Опубликованы мемуары, которые он написал в Маньчжурии.

банк в Маймачене, я со взводом отправился туда и, заняв его, предотвратил, таким образом, неминуемый грабеж и расправу со служащими банка.

Мое военное начальство, которому я донес о своих действиях, одобрило мою инициативу, и через несколько дней я получил телеграфную благодарность штаба округа за действие восстановлению порядка и спокойствия в Урге. Но наш консул нашел, что мое вмешательство в дела монголов может послужить поводом для обвинения нас в нарушении нейтралитета, и по настоянию Министерства иностранных дел я получил предписание в 48 часов покинуть Ургу» [Семенов, 2002, с. 18–21].

«19 ноября отделение Хурээ Цинского банка было закрыто, а все его сотрудники находились под административным контролем России», — сообщила тогдашняя китайская газета Гуанхуа дзибао [Гуанхуа Цзибао, 17 декабря 1911 г.], из чего следует, что дополнения Семенова соответствуют действительности.

Кроме атамана Семенова в то время в российском консульстве в Хурээ было несколько бурят, в том числе переводчик.

В 1911 г. монголы освободились от маньчжурского государства Цин и провозгласили восстановление независимости, что и стало началом новой эпохи в истории монголов. Восхождение VIII Богдо Джебцундамба-хутухты на ханский престол стало символом создания независимого государства монгольской нации и выражением доверия и уважения к нему большого числа монголов.

С возведением Богдо Жавзандамба-хутухты на львиный престол императора Монголии ему дали титул «Многими возведенного», дали государству титул монгол и летоисчисление, Их-Хурэ переименовали в столицу Нийслэл-Хурэ, и, таким образом, началась новая история возрожденной Монголии на Азиатском континенте в начале XX в. [Батсайхан, 2014, с. 566].

Поздравительное письмо Бандида Хамба-ламы Дашидоржа Богд-хану.

29 декабря 1911 г., с участием представителей всего монгольского народа было широко отпраздновано всенародное провозглашение восстановления государства и его независимости. Эта государственная церемония была символом единства, независимости и государственности монгольского народа. Поэтому по распоряжению Богдо-хана особое внимание уделялось участию в государственной церемонии всех монгольских племен, в т. ч. внутренних, внешних монголов и бурят.

Поэтому в декабре 1912 г. от имени всех бурят и сибирских буддистов духовный лидер восточносибирских буддистов Бандида Хамба-лама Дашидорж тепло поздравил Богдо-гэгэна с восшествием на престол Монголии [ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 71. С. 1–3]. 29 декабря 1912 г. Итгелт-хамба-лама Дашидорж через военного губернатора Забайкальской области Чиликова направил письмо генерал-губернатору Иркутска с просьбой о разрешении. В письме от 2 января 1913 г. иркутский генерал-губернатор егермейстер Князев ответил, что возражений не имеет [Там же. С. 2]. Поздравительное письмо Итгелт Хамба-ламы Дашидоржа выглядит следующим образом.

ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО, ВЕЛИКИЙ БОГДО-ХАН

Я, Бандида Хамбо-лама Дашидорж, Высочайшим указом назначенный духовным главою буддистов в Восточной Сибири великого Российского государства, считаю своим нравственным долгом принести ВАШЕМУ СВЯТЕЙШЕСТВУ от себя лично и от имени всех бурят и других жителей Сибири, исповедующих религию Св. Будды и искони почитающих ВАС, как истинного перерожденца божественного Ундур Гэгэна и святого покровителя церкви, искреннее поздравление по случаю благополучного и желанного избавления родственных нам как по крови, так и по религии монголов от многовекового, тяжелого китайского ига, объявления независимости и

восшествия ВАШЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА на высокий престол Верховного Повелителя страны монголов и сердечное пожелание, чтобы ВСЕВЫШНИЙ ТВОРЕЦ продлил дни ВАШЕЙ драгоценной жизни на многие лета и благословил народ ВАШ на дальнейшее преуспеяние, дабы вновь возродившееся Монгольское ханство, пользующееся любезным и мудрым покровительством одного из величайших и могущественных властелинов мира, БОГАТЫРЯ нашего, БЕЛОГО ЦАРЯ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, мирно развивалось и процветало.

Декабрь 1912 года, Гусино Озерский дацан,
Бандида Хамбо Ламайского духовенства в Восточной Сибири: Итигэсов
[ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 71. С. 1–3].

Хан Монголии Богдо Джебцундамба Хутагт, получив поздравительное письмо от представителя Бандида Хамбо лама Дашидоржа, наградил его высшей государственной наградой Монголии — орденом Драгоценности Вачира, также были награждены посланники. Приводим указ хана Монголии от 1913 г. о награждении лидера бурятских буддистов Бандида Хамбо-ламы орденом драгоценности Вачира:

«Лама Джабзандамба, правитель Монголии, сочетающий религии и государства, сияющий солнцем хан:

Назначенный по указу великого русского богатыря Цагаан-хана Бандида Хамба-лама, глава буддийского Шагжамуна в странах Восточной Сибири, интересуясь благополучием всех монголов и бурят, верующих буддизм, я искренне рад, что вы, развивая корни и религию буддизма, через посланника отправили мне письмо-грамоту по поводу возведения моей персоны Ханом Монголии.

Слыша, как Лидер Бандид-хамба поклоняется шакъямун буддизму, и соблюдая его обычаи и традиции через всех вас распространить проповедческую творческую религию, с точки зрения бесконечности, на благо всех существ, создавая много причин совместности без причины противоречий, снова и снова расцветали великая сила, добро и возраст, каждая встреча добродетелей как новолуние, идеально существовать со спокойствием и счастьем в сочетании с радостью, а также молиться на трех главных сокровищах чтобы меч вашего господина героя Белого царя был острым, государство сильным и люди проживали в мире, сообщаю что уважаемому Бандид-хамбу присваиваю и награждаю званием уважающий религию и высший орден драгоценности Вачира I степени, Ширээт цоржу Шагжидуу привилегии хамба и орден драгоценности Вачира второй степени, Цоржу Нямбуу привилегии цоржа и орден драгоценности вачира третьей степени, Гомбожаву шапку ранга князя и орден драгоценности Вачира второй степени, Гавжу Пэлжээ привилегии хувилгаана. Написано в монастыре Эрдэм Итгэмжит третий год Многими возведенного, средний месяц лета» [Монгольский национальный архив].

Это официальные документы, подтверждающие взаимоотношения главы государства и религии Монголии Джебцундамба Хутагта и Итгелта Хамба Ишдоржа Бурятии, должны быть отмечены в истории Монголии и во взаимоотношениях Монголии и России.

Иван Коростовец, полномочный представитель правительства Российской империи, прибывший в это время в монгольскую столицу для переговоров, писал: «Насколько нам известно, духовное влияние Богда распространилось за пределы Монголии на кыргызов, калмыков Астрахани и бурят Забайкалья. Из монастыря озера Галуут близ Селенги прибыли представители Бандиды Хамбо-ламы, религиозного лидера российских бурят, и вручили праздничное поздравление Хамбы Хутагту. Он поздравил Хутагту с освобождением от китайского (маньчжурского) гнета и пожелал возрожденной Монгольской империи процветания при поддержке Великого Белого царя» [Коростовец, 2004, с. 312].

Заключение. Таким образом, при Богдо-хане многие буряты принимали участие в делах Монголии, имеющей такое же происхождение и религию. На этот раз хотелось бы подчеркнуть событие, как бурятский народ отнесся к Богдо-гэгэну и от имени буддийских бурят Хамбо-лама Дашидорж поздравил с обретением независимости Монголии и назначением Богдо Джебцундамба ханом. Несмотря на то, что эти народы были изолированы в течение сотен лет и существовали отдельно, от имени бурятского народа поздравили «монголов одной крови и религии» с их успешным освобождением от столетних невзгод и провозглашением независимости, и это было особенным событием.

Источники и литература

1. АВРИ — Архив внешней политики Российской империи.
2. ГАИО — Государственный архив Иркутской области.
3. Монгольский национальный архив.
4. Атаман Семенов о себе. Воспоминания, мысли и выводы. Мемуары. М.: Изд-во АСТ, 2002. С. 381.
5. Батсайхан О. Последний император Монголии Богдо Джебцундамба VIII: жизнь и легенды. УБ.: Соембо, 2014. 690 с.
6. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. Очерк русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994. 398 с.
7. Жуковская Н. Л. Полевые дневники исследователя как источник по изучению буддизма в Бурятии и Монголии // Память мира: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 ноября 2010 г.). М., 2011. С. 36–47.
8. Коростовец И. Я. От Чингис-хана до Советской республики / отв. ред. О. Батсайхан; ред. Б. В. Базаров, В. Ц. Ганжууров. УБ.: Эмгэнт, 2004. 560 с.
9. Московская торговая экспедиция в Монголию 1912 года. М.: Типография П. П. Рябушинского, 1912. 424 л.
10. Рупен Р. Монголы XX в. УБ.: Монсудар, 2000. 455 с.
11. Сандаг Ш. Внешние политические отношения Монголии. УБ.: УХГ, 1971. 331 с.
12. Цыбиков Г. Ц. О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии // Избранные труды. Т. 2. Новосибирск: Наука, 1991. 256 с.
13. Гуанхуа Цзибао. 17 декабря 1911 г.
14. URL: <http://pomnipro.ru/memorypage1495/biography>

УДК 821.512.31
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-114-120

**ЧЕЛОВЕК В ЛОКУСЕ ПРОСТРАНСТВА ОЗЕРА БАЙКАЛ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА РОМАНА К. БАЛКОВА
«БАЙКАЛ — МОРЕ СВЯЩЕННОЕ»)**

© **Егодурова Виктория Макаровна**

доктор филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
egodurova@mail.ru

Статья рассказывает, как К. Балков сумел передать в своем произведении тревогу и боль за судьбу Байкала и за будущее во взаимоотношениях человека и природы. Выявлено, что писатель использовал разнообразные возможности языка для выражения основной мысли романа: олицетворение природы, повторы, многосоюзие, эпитеты и др. Анализ показывает, что содержание произведения во многом публицистично, роман обращен к людям с призывом задуматься о своем отношении к природе, к Байкалу, ко всему окружающему его пространству и защите, сохранению сокровищницы человечества.

Ключевые слова: Байкал, локус, пространство, человек, природа, олицетворение, море, священный, велик, загадочен.

**HUMAN IN THE SPACE LOCUS OF LAKE BAIKAL
(BASED ON THE LANGUAGE OF K. BALKOV'S NOVEL «BAIKAL — THE SACRED SEA»)**

Victoria M. Egodurova
Dr. Sci. (Phil.), A.Prof.
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
egodurova52@mail.ru

The article is devoted to the way K. Balkov in his work managed to convey anxiety and pain for the fate of Baikal and for the future in the relationship between man and nature. It was revealed that the writer used various language means to express the main idea of the novel: the personification of nature, repetitions, multi-union, epithets, etc. The analysis shows that the content of the work is largely journalistic, the novel is addressed to people with a call to think about their attitude to nature, to Baikal, to all the surrounding space and protection, preservation of the treasury of mankind.

Keywords: Baikal, locus, space, man, nature, personification, sea, sacred, great, mysterious.

Природа в творчестве русских писателей и поэтов занимает одно из главных мест. В произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева воспеваются красота природы, дается описание прекрасных пейзажей, восхищение красотой природы, ее величием.

Описание картин природы в произведениях неразрывно с жизнью героев, их настроением и внутренними переживаниями. Пейзажи авторов наполнены не только красочным, реалистичным описанием, но и несут в себе психологическую и эмоциональную нагрузку. С помощью описаний природы, писатели открывают внутреннюю суть своих героев. Природа выступает фоном для изображения тех или иных событий, настроений персонажей; вовлекается в сюжет произведения для эмоционального и эстетического воздействия на читателя.

Так, например, И. С. Тургенев преклонялся перед величием и неукоснительностью законов природы. Он отмечал независимость действия законов природы от чело-

веческих стремлений, планов, амбиций. Все во власти природы, независимо от желаний, согласия или несогласия человека. Природа выступает как нечто вечное, непоколебимое, в противовес человеческому смертному существованию. Писатель пытался увидеть общее между природой и человеком, но молчание природы не давало ответа; он лишь наблюдал, как она сложна и таинственна в проявлениях часто враждебных человеку сил и бессилие человека перед силой природы.

В творчестве писателей XX в., таких как Чингиз Айтматов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев и др., все чаще звучит призыв спасти природу от техногенных катастроф, их произведения заставляют задуматься читателей над тем, к чему может привести неразумное, потребительское отношение к природе. Властное и бездумное вторжение человека в природу губительно в первую очередь для самого человека. Сквозной проходит в их произведениях мысль о том, что человек и природа едины, нельзя разрушать эту связь, варварски истребляя природу, мы губим свою душу.

Проблема взаимоотношений человека и природы ставится и в творчестве Кима Балкова. Особенно остро она звучит в его романе «Байкал — море священное» (вышел в 1989 г. в журнале «Сибирские огни», а в 1990 г. в издательстве «Современник»), исторической основой которого является строительство Кругобайкальской железной дороги. Толчком к появлению романа стала тревога за судьбу оз. Байкал и его окружающее пространство, спокойствие которого было потревожено шумом, грохотом машин, техники, появлением огромного количества разных людей, приехавших на строительство железной дороги.

Обращение писателей к проблеме взаимоотношений человека с природой, связанной с тревогой за сохранение окружающей человека среды, с целью привлечения внимания к ней общества актуально. Современная лингвистика активно исследует вопросы вовлечения в текст описаний природы и деятельности человека. По мнению Т. Ф. Гостевой, «словесно-художественный пейзаж является предметом изучения большого количества работ в литературоведении и лингвистике. Однако нельзя назвать тему исчерпанной» [Гостева, 2007, с. 3].

Исследованию концепта «Байкал» в лингвокультурологическом аспекте посвящена диссертация Е. С. Жигачевой «Концепт «Байкал» в региональной лингвокультуре» [Жигачева, 2015]. Целью данного исследования является комплексное лингвокультурное и когнитивно-дискурсивное изучение концепта «Байкал», его структурных и языковых средств объективации. Одна из задач работы — выявление языковых средств объективации компонентов концепта в региональной концептосфере. Анализируя синтактику художественного концепта в произведении, Е. С. Жигачева выделяет многочисленные сочетания лексемы Байкал с прилагательными, глаголами, предложно-падежными формами существительных, свидетельствующими о широте синтагматических связей лексемы. Множество атрибутивных конструкций употребляются для выражения эмоций и поэтики реалий окружающей действительности.

Основная цель нашего исследования — проанализировать, как писатель сумел передать в произведении тревогу и боль за судьбу Байкала, чтобы пробудить в человеке такую же боль, какую испытывает он сам, видя, как уничтожается природа.

Трактовка термина «локус» дается в работах П. Гольдина (2012, с. 67), В. Ю. Прокофьевой (2005, с. 90), Т. В. Субботиной (2011, с. 112). Каждый из авторов называет определенные признаки, важные для характеристики термина. Локус — «это такое пространство, которое субъект (персонаж текста) может лично прочувствовать или представить, «физически» ощутить. Локус — то место, где происходят локальные события, разворачивается „местная“ жизнь» [Гольдин, 2012, с. 67]. Локус — это «набор пространственных образов, которые мыслятся как закрытые / внутренние по отношению к человеку, куль-

турно значимые для него и социально освоенные...», для локуса важен признак «тождественности существующему в реальной действительности объекту» [Прокофьева, 2005, с. 90]. В локусе художественного текста «пространство, включенное в культурный текст, имеющее привязку к конкретному месту, не бесконечное, то есть имеющее физические размеры и границы» (курсив наш) [Субботина, 2011, с. 112].

В названии романа содержится имя собственное главного героя — Байкал и определяющая его характеристика, отражающая отношение народа к нему — «море священное». В таком названии заложен тезис, который автор раскрывает в содержании произведения через характеристику озера и окружающей среды, отношения его к людям; образы героев, их поведение в локусе пространства озера.

Следует заметить, что главным героем романа является не человек, а озеро, уважительно называемое морем. Автор ставит перед собой сложную задачу — представить образ озера Байкал так, чтобы произведение вызвало интерес и сопереживание у читателя, тронуло его душу и привело к активным действиям по его защите.

В локус рассматриваемого нами пространства входит озеро Байкал и окружающая его природная среда: животные, тайга, рыбы, птицы. Они выступают и главным героем романа и фоном, на котором разворачиваются события и происходят различные ситуации с героями. Озеро Байкал и окружающую его среду автор представляет как одушевленные существа, которые на равных взаимодействуют с людьми. Действия людей в локусе пространства Байкал отражаются в нем, как в зеркале, и высвечивают, раскрывают их положительные и отрицательные качества. И все пространство либо помогает, защищает, либо наказывает человека.

Изображая природу, автор опирается на свои представления и переживания, ценности, сложившиеся в его собственной картине мира, в его языковом сознании, в т. ч. в результате изучения материалов о Байкале. Автор выбирает и по-особому komponует языковые средства в соответствии с собственным мировосприятием.

Культурную значимость локуса пространства озера Байкал для всего человечества К. Н. Балков выражает следующим высказыванием: «Не русское море, не бурятское, не чье-то еще. Вселенское» [Балков, 1989, с. 257].

По мнению автора, когда человек находится в согласии и гармонии с природой, он находит умиротворение: «... я, случалось, находил успокоение, это когда мое сердце работало в согласии со всем остальным миром... И так продолжалось бы долго, может, до последнего дня моего, если бы не появились люди в тайге и не начали строить грохочущую дорогу и не растеклись по лесным падам, как злые языки пламени. Я видел, как тайга сделалась испуганной и зверь начал уходить, и птицы уходить из наших мест. И большое мне стало, и горько» (с. 130).

Тайга и таежный человек жили в согласии до тех пор, пока не пришли злые люди, которых автор сравнивает с языками пламени, и стали уничтожать окружающую природу, причинять боль земле, которую он считает матерью всех людей. Земля страдает, но не может ничего сказать. Автор пишет о тайге как о живом существе, что она испугана, звери и птицы стали уходить. Чувства боли, горечи, испытываемые автором, передаются читателю и вызывают сопереживание.

Раскрывая идею романа, заключенного в выражении «море священное», вызывающее почтение, преклонение, представляющее ценность для человечества, К. Балков характеризует Байкал различными языковыми средствами. Так, например, используются лексические повторы в следующих конструкциях:

1. *«Велик Байкал и загадочен, неподсуден людскому мнению, сам по себе, щедр ли на ласку, суров ли... И попробуй скажи, отец ли батюшка, грозен ли старец, равнодушный ли людскому горю?»* (с. 3);

2. *«Велик Байкал и загадочен, вдруг да и выблеснет живым посверком малая рыбка голомянка, возьмешь в руки и подивиться-то не успеешь на нее, прозрачную, а уж нет ее — растаяла... так и мысль твоя на этом берегу, неохватная вроде бы, дерзкая, людям на удивление, а как глянешь вдаль да увидишь ярые волны, которые с каждой минутой делаясь все круче и суровее, надвигаются на тебя, разом придет робость, и уж не скажешь, о чем была твоя мысль, разбитая на мелкие осколки, потеряется вдруг, и не соберешь ее, не ухватишь...»* (с. 6);

3. *«Велик Байкал и загадочен, крепко хранит свою тайну и никому не поведает про нее, даже лучшему из людей, а все ж умеет ценить силу духа, отвагу и милостив к тем, кто обладает всем этим, как милостив и к меньшим братьям рода человеческого. Сказывают, зверь-подранок, едва передвигая ноги, случается, и придет темной ночью к синему урезу и будет долго стоять, забредя по самое горло в студеную воду. А потом придет еще и еще... И в конце концов заживут раны на его теле и духом окрепнет»* (с. 8);

4. *«Велик Байкал и загадочен, и у каждого народа, соприкоснувшегося с ним, отношение к нему свое, особенное. Ровно и спокойно отношение к нему русских людей... В любую пору уважительно отношение к Байкалу жителей просторных, из края в край степных раздолий — бурят»* (с. 10).

В выражении «Велик Байкал и загадочен» заключается главная мысль автора о величии и могуществе Байкала. Повтор фразы усиливает смысл, и добавляя новые фрагменты к этой фразе, автор каждый раз раскрывает суть мысли, характеризуя Байкал с разных сторон.

Величие Байкала, как отмечает автор, состоит в самом факте его существования, «он сам по себе». Он может выражать свое отношение к людям: быть щедрым или суровым, но сам он «неподсуден людскому мнению». Он умеет ценить силу духа, отвагу и милостив к тем, кто обладает всем этим, он милостив и к животным, зверям, способен помогать и заживлять раны. Эти качества великого озера представляются человеку загадочными. Мысли человека, казавшиеся ему неохватными, на берегу Байкала не кажутся таковыми, разбиваются на мелкие осколки, и человек испытывает робость.

В романе повествуется одна из легенд о Байкале, в которой отражается вера людей в его загадочные, магические свойства. Протопоп Аввакум, принявший страдания за веру и изгнанный в Сибирь, подойдя к Байкалу, с почтением обратился к нему: *«Знать, велика твоя сила, море сибирское!»* (с. 9). *«Вот тогда и содеялось дивное, о чем говорят кто с удивлением, а кто с растерянностью: звеня, упали железа с измученных рук неистового, и там, куда упали, забурилась вода, запенилась, а скоро и сребротелые рыбки, выметнувшись, рассыпались...»* (с. 9).

Вера в силу и справедливость Байкала по отношению к людям породила легенду о том, что озеро наградило протопопа за муки и его горячую веру в свою правоту освобождением от оков. Включение в произведение этой легенды оказывает на читателей огромное эмоциональное воздействие, выражение «содеялось дивное» выражает высокую степень изумления способностью Байкала творить чудеса. Люди верят, что к праведным, святым природа милостива, к нечистым и злонамеренным беспощадна.

Так, например, персонаж по имени Большой Иван, заключенный, державший в страхе окружающих его людей, приехав на строительство в тайгу, потерял власть над людьми. Люди перестали его бояться, объясняя это тем, что тайга их уравнила и теперь никто не собирается ему подчиняться. Природа уравнила всех. Иван не поверил, что силы природы способны отобрать его власть над людьми, и решил отомстить тайге. Сначала он сжег избушку, в которой спали мужики, затем пошел в лес и стал сжигать все вокруг, обращаясь к тайге: *«Что скажешь? Лихо ль тебе? Лихо ли?»* Тайга же не могла ему ответить,

безответная тишина лишь распалила Ивана. Обезумев, он выбежал к Байкалу, где его и застрелили солдаты.

Байкал предстает в романе неким живым образом с особой духовной энергией, которая взаимодействует с миром человека. Он оберегает людей, которые живут на его берегу и ощущают его живое дыхание. Это такие герои романа, как Сафьян, Мария, Мефодий Игнатьевич, Марьяна, Бальжийпин, старуха и другие. В восприятии русского человека Байкал предстает в образе батюшки, кормильца: «Повеселел рыбак: **«Спасибо, кормилец, батюшка!»**» (с. 3). Отношение к Байкалу жителей просторных степных раздолий — **бурят** почтительное, уважительное, как к умудренному годами **старцу**.

Байкал своим настроением, поведением может сообщать людям о радостных или печальных событиях. Так, например, Байкал выражает свое отношение к смерти старухи и сообщает о случившемся: *«Юрту увидели издали ... за нею ... начиналось ... море. **Было море неподвижное, глазам больно глядеть на его неохватность. Что-то предупреждающе–холодное почудилось Бальжийпину в морской неохватности, словно бы не во льдах земная, теплом и светом осиянная бездна, а прикрыта саваном...** Бальжийпин поглядел на Сафьяна, и в глазах у него заметил то же беспокойство, заныло на сердце, вон и Байкал нынче в тревоге, и эта тревога не бестелесна, живая и горячая, тотчас и войдет в душу... Старуха лежала на земляном полу, подвернув под себя левую руку, а другую отбросив далеко в сторону, едва ли не к самому положу»* (с. 257).

Байкал выражает тревогу, предупреждая людей своим состоянием неподвижности, холодности о смерти старухи, он скорбит. Но Байкал иногда и карает, предстывая в облике грозного, свирепого существа. Он становится беспощадным, его действия способны нести гибель многим людям, как случилось во время провала на Байкале, или случаются страшные пожары на берегах озера, или свирепствуют волны, в которых находят погибель жадные и алчные люди.

В романе описываются события, когда случился провал: *«Тогда **зашевелилась земля у Байкала, волны вспенились, покатали одна на другую, сильные, сломали берег, вся степь Саганская, на сотню верст, ушла под воду, а вместе с нею и русские села и бурятские улусы...** Годы спустя, с опаскою подходя к месту, где случился провал и где все еще неуспокоенно плещется вода, говорили люди, будто-де в ту ночь оттого и **разгневался Байкал-батюшка, что жители подлесья мало-помалу начали забывать об уважительном отношении к нему**»* (с. 11).

Байкал и окружающее его пространство К. Балков наделяет человеческими качествами. Он одушевляет, олицетворяет все живые существа: животных, рыб, тайгу. Такое изображение животных и всей природы требует от человека гуманного человеческого отношения к ним.

В романе есть легенда о тюлене, заговорившем с человеком, который хотел его убить. Тюлень предупреждает человека о смерти от своих детей: *«**Тюлень поднял морду, поглядел на юношу, сказал: не убивай меня. Я поведаю тебе твою тайну. Юноша удивился: он не знал языка зверей, а понял, о чем сказал тюлень. Помедлил и опустил лук**»* (с. 23).

Нерпа наделяется чувствами, свойственными человеку. Она страдает от того, что человек убил ее детеныша: *«Через неделю Сафьян на том же месте снова увидел нерпу, услышал стон ее, остановился много ближе, так что разглядел **глаза нерпы. Мукою налитые глаза горячею**»* (с. 104). К. Балков дает такое описание живой природы, что в его представлении животные испытывают чувства, которые свойственны человеку. Они еще и способны совершать определенные действия, обращенные к человеку, чтобы вызвать ответные чувства, эмоции и действия со стороны человека.

Завершает произведение К. Балков мыслями о том, что Байкал как любое живое существо, несмотря на силу и мощь, нуждается в защите человека. Стоя на берегу, он раз-

мышляет: «И я так думаю и с болью смотрю на байкальские волны, и уж не кажутся они **могучими**, все **одолевающими**, а **слабыми**, и пожалеть-то их не грех, чудится, всяк может обидеть, рассекая острой ли хребтиной мотобота, гниющей ли мякотью топляка, **словом ли злым**» (с. 319).

Переживания за судьбу священного озера автор выражает, используя многосоюзие: «Отвеку приходят люди к байкальским берегам, не с любовью, нет, с трепетом, как если бы это было святое место. Глядят на волны **и** дивуются, **и** не посмеет никто поднять руку на эту неземную красоту. Но долго ли будет жить в их сердцах, во благо им самим трепет?.. А что, если настанет день, **и** все переменится, **и** человек поменяет свою сущность **и** сделается холодным **и** безбоязным?.. Что тогда?.. Даже **и** теперь, имея в душе страх, человек вдруг да **и** выкинет несусветное, от ненависти **и** отчаяния, **и** тогда загорит тайга вокруг Байкала, **и** станут волны красными, кроваво-красными...» (с. 257). Вначале автор пишет о настоящем, когда люди «от веку» испытывают трепет перед Байкалом. Но автор выражает тревогу за будущее (усиление тревоги передается частотным употреблением союза **и**), ведь уже сейчас человек начинает совершать «несусветное» по отношению к Байкалу. Нарастание тревоги автора за будущие взаимоотношения человека и природы выражается многосоюзием.

Автор обращается к читателям с эмоциональным посылом, в котором выражает тревогу за самого человека будущего, чтобы люди задумались. Пожелание писателя — сохранить в человеке способность слышать, чувствовать земную боль. К. Балков использует такое синтаксическое средство, как **анафора** (прием повтора) для выражения своего отношения к тому, что он наблюдает: «**Не осиротеем ли**, **не растеряем ли** и **вовсе то малое, теплое и нежное, что еще имеем в душе, не зачерствеем ли** сердцем, **не закаменеет ли** в недобром упрямстве, **освободясь в своих деяниях от необходимости оглядываться на того, кто сделался живым укором, пришедшим из глубины веков, не застудим ли** и **вовсе слабую совесть, ежечасно неся гибель сущему на земле, не сделаемся ли** уже при жизни глухими к земной боли истуканами посреди белых негреющих дней?» (с. 319).

Следующий пример **анафоры**: «**Я** хочу верить, что этого не случится. **Я** очень хочу верить. **Я** стою и смотрю на байкальские волны, а потом медленно иду в тихую вечернюю неоглядь. А море все плещется, большое, грустное... священное» (с. 319).

Примеров употребления анафоры, т. е. одних и тех же слов и конструкций в одном или соседних предложениях свидетельствует о стремлении писателя передать силу тревоги за будущее взаимоотношений человека и природы. От имени повествователя К. Балков передает обращение ко всему человечеству о том, чтобы они не становились равнодушны к «земной боли».

Наблюдения над языковыми средствами воплощения авторской идеи в произведении показывают, что писатель использовал разнообразные возможности языка. Это олицетворение природы, повторы, многосоюзие, эпитеты и др. Роман чрезвычайно насыщен эмоционально. Содержание произведения во многом публицистично, роман обращен к людям с призывом задуматься о своем отношении к природе, к Байкалу, ко всему окружающему его пространству и защите, сохранению сокровищницы человечества.

Литература

1. Балков К. Н. Байкал — море священное: Роман. М.: Современник, 1989. 319 с.
2. Гольдин П. З. Топонимика, локус и топос малых улиц в парадигме семиотики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 11(25): в 2 ч. Ч. II. С. 66–69.
3. Гостева Т. Ф. Лингвостилистические особенности и текстообразующий потенциал пейзажных описаний в американской прозе XIX–XXI вв. Барнаул, 2007. 247 с.

-
4. Грязнова О. В. Художественная аксиология К. Балкова в произведениях о Байкале // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 10. Улан-Удэ, 2010. С. 32–35.
 5. Жигачева Е. С. Концепт Байкал в региональной лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2015. 24 с.
 6. Прокофьева В. Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топусы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87–94.
 7. Субботина Т. В. Локус, топус, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». Вып. 57. 2011. № 24(239). С. 111–113.

УДК 373.2.036

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-121-124

ТРАДИЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ ДЕТСТВА КАК ФАКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ

© Лопсонова Зинаида Баторовна

кандидат педагогических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

Lopsonova@mail.ru

Рассматривается проблема детства как этнокультурного феномена. Автор анализирует особенности этнокультуры детства, ее ценности, нормы, практики на примере традиционной культуры бурят. Рассмотрены специфика и механизмы процессов социализации и инкультурации на этапе детства, факторы, определяющие механизмы этнической социализации: образ жизни, семейно-родовые обряды, ритуалы, система воспитания. Обозначена система традиционных ценностей воспитания у бурят, определяющих поведенческие модели, осмысление своего «я» в системе социальных отношений.

Ключевые слова: культура детства, феномен детства, традиция, этнокультура, этническая социализация, инкультурация, детская субкультура, традиционная культура.

ETHNIC CULTURE OF CHILDHOOD: ITS TRADITIONS AS A FACTOR FOR KIDS ETHNIC SOCIALIZATION

Zinaida B. Lopsonova

Cand. Sci. (Ped.), A/Prof.,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

Lopsonova@mail.ru

The article is devoted to the problem of childhood as an ethno-cultural phenomenon. The author analyses the features of the ethnic culture of childhood, its values, norms, practices on the example of the traditional culture of the Buryats. The article considers the specifics and mechanisms of the processes of socialization and inculturation at the stage of childhood, the factors that determine the mechanisms of ethnic socialization: lifestyle, family and tribal rites, rituals, and the system of education.

Keywords: culture of childhood, the phenomenon of childhood, tradition, ethnoculture, ethnic socialization, inculturation, children's subculture, traditional culture.

Анализ современной научной литературы свидетельствует о том, что в последнее время значительно возрос интерес к проблеме детства. В современной педагогике, психологии, социологии детство рассматривается как сложный многомерный феномен, который обусловлен социально-культурными факторами. Детство представляет собой особое состояние социума, которое предполагает неразделенность его с обществом во всех его социальных связях [Фельдштейн, 2013].

С позиций педагогической антропологии детство определяют, как самоценный период человеческой жизни, значимый тем, что происходит с ребенком сейчас, а не тем, что этот период есть процесс подготовки к следующему этапу развития. Идея ценностного отношения к миру детства принадлежит известному педагогу-гуманисту Я. Корчаку [2005], который призывал взрослых уважать право ребенка быть тем, что он есть, обратить внимание на неординарность ребенка, на загадочный его внутренний мир, особенности его мировосприятия. В концепции детства Ш. А. Амонашвили каждый ребенок рождается со своей миссией, — это значит, что каждый ребенок есть неповторимость и наделен от

природы особым, неповторимым сочетанием возможностей, способностей. Общество должно создать условия для того, чтобы раскрыть эти индивидуальные способности, чтобы ребенок смог выполнить эту возложенную на него миссию, которая направлена на созидание [Амонашвили, 1995].

Представители культурно-исторической психологии Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин отмечали, что огромная потенциальная сила детства заключается в овладении ребенком человеческой культурой [Выготский, 1996]. Проводником ребенка в мир культуры является взрослый, который знакомит его с духовными и практическими сторонами человеческих взаимоотношений. Присвоение основ культуры происходит в различных видах детской деятельности: предметной, игровой, познавательной, общении и др., которые ответственны по содержанию и форме. Социальная среда, культурный опыт человечества, которым активно овладевает ребенок, выступают не условием, а источником его психического развития.

Специфику детства как автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим языком, структурой, функциями, традициями, выделяет И. С. Кон [1988]. Действительно, детям важно, чтобы взрослые не вмешивались во внутреннее секретное пространство их бытия, где они придумывают свои нормы и правила, получают первые социальные пробы, учатся выстраивать модели поведения, соподчинять свои мотивы, разрешать проблемы, сосуществовать в детском сообществе. Механизмом или формой существования автономности детского мира является детская субкультура, компонентами которой являются: традиционные народные игры, детский фольклор (считалки, дразнилки, страшилки, загадки и др.); детский правовой кодекс; детский юмор; детское словотворчество и др.

Мир детства — это особый мир, имеющий свои закономерности, свои взаимоотношения, свое пространство. На наш взгляд, именно в пространстве детства складывается культура детства, со своими нормами, ценностями, практиками. Детство имеет свою протяженность в пространстве и времени культуры, поэтому понятие детства можно только в контексте той или иной культуры, в которой оно протекает. С этой точки зрения представляет интерес рассмотрение особенностей детства как этнокультурного феномена. Пространство этнокультуры детства — это родной материнский язык, народные детские игры, фольклор, праздники, традиции, которые в совокупности влияют на процесс формирования этнической идентичности личности.

Традиционная культура этносов выстраивала систему воспитания детей, сопровождая процесс социализации ребенка семейно-бытовыми обрядами, возрастными инициациями. Одновременно с процессом социализации осуществляется процесс вхождения ребенка в культуру своего народа, который был обозначен американским культурантропологом М. Херсковиц термином «инкультурация». По мнению Т. Г. Стефаненко [2007], в процессе инкультурации, индивид осваивает присущие культуре миропонимание и поведение, в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с членами данной культуры и отличие от членов других культур. Первый этап процесса инкультурации начинается в детстве, т. е. с момента рождения, приобретения ребенком первых жизненных навыков и освоения речи.

В отличие от социализации понятие «инкультурация» подразумевает обучение человека традициям и нормам поведения в конкретной культуре. Рассмотрим традиции этнокультуры детства у бурят и особенности процесса этнической социализации детей. Остановимся на ценностях воспитания и социализации детей в традиционной культуре бурят.

В системе социальных связей и отношений бурят, важное значение имело знание своей родословной — «удха», что означает корни, истоки происхождения рода. Существовала традиция приобщения детей к знанию своей родословной по восходящей и нисходя-

щей линии, т. е. ребенок начинал отсчет с себя, переходя к отцу, затем к деду, прадеду и так до седьмого колена. Считалось, что после седьмого колена отношения родства прерываются и люди становятся друг другу чужими. Во время семейных праздников, взрослые устраивали испытания для маленьких детей на знание родословной, а детям немало важно было получить одобрение и похвалу с их стороны. Все эти действия способствовали процессу осмысления ребенком места своего «я» и неразрывности связи в системе родоплеменной структуры общества.

Важным социализирующим фактором народного воспитания в культуре кочевников является игра. В современной классификации детских игр традиционные народные игры, идущие от исторически сложившихся традиций этноса, выделены в отдельный класс игр, которые могут возникать по инициативе взрослых или старших детей. Одной из культивируемых игр детей скотоводов была игра «шагай наадан» («бабки»), с бараньими альчиками. Существует множество вариантов игры, в которую играли в юрте как взрослые, так и дети долгими зимними вечерами. Содержание игры знакомит детей с пятью видами домашнего скота: верблюд, коза, баран, корова, лошадь. В силу образа жизни дети кочевников были ближе к домашним животным, поэтому они всегда являлись предметом их игр. В процессе игры дети постигали их обрядовый смысл, подражали трудовой деятельности взрослых. У мальчиков были популярны игры с арканом для поимки лошадей, где при помощи длинной веревки с петлей на конце они упражнялись в навыке накинуть ее на пень или воткнутый в землю колышек. Изображали охоту на дикого зверя, используя самодельные лук и стрелы, в качестве мишени использовали ствол дерева или столб. Девочки в своих играх имитировали домашнюю работу, отображали процесс приготовления пищи, кормление и уход за детьми. Следует отметить, что традиционные народные игры являлись механизмом социального научения детей в группе сверстников и под влиянием старших, тем самым подготавливая их к будущей коллективной трудовой деятельности в кочевом обществе.

Народные методы и приемы воспитания также являются неотъемлемой частью этнокультуры детства. В традициях бурятской народной педагогики основная цель программы воспитания в семье заключалась в достижении физической зрелости и самостоятельности индивида «хулыень дуруодэ, гарыень ганзагада» («ногами может достать стремя лошади, руками дотянуться до торока»). В культуре воспитания детей большое место занимает традиция почитания старших в семье, с детства детей приучают обращаться к своим родителям на «вы», в дни празднования Сагаалгана, белого месяца по лунному буддийскому календарю, в первую очередь дети поздравляют старшее поколение своего рода. Почтительное отношение к старшим было также закреплено в ритуале приветствия гостя «золгохо», где старший кладет руки сверху, передавая свой опыт и мудрость молодым. Заметим, что традиция почитания старших формировала определенный стереотип поведения ребенка не только внутри этнической группы, но и по отношению к чужим этническим общностям.

В одной из работ мы рассматривали возрастную периодизацию, принятую в традиционной культуре бурят, где отмечается, что детство имеет свои стадии развития или этапы социализации, которые сопровождались возрастными обрядово-ритуальными действиями: «Улгьдэ оруулха» — «класть в колыбель ребенка»; «Милаангууд» — достижение ребенком возраста одного года; «Имянаречение» и др. [Лопсонова, Маншеев, 2020]. Заметим, что древний обычай «милаангууд» символизировал посвящение ребенка в члены родового общества, широко отмечался в кругу семейно-родового клана, а родственники в меру своих возможностей дарили ребенку ягненка, бычка, жеребенка и др. Были выработаны специальные обряды защиты детства, особенно в период младенчества и раннего детства, так как в то время наблюдалась высокая детская смертность. Этап детства у мон-

голязычных народов, по сравнению с европейской культурой, был короче, это связано с ранним вовлечением ребенка в трудовую деятельность коллектива т. к. это обеспечивало жизнедеятельность общины в суровых природно-климатических условиях Сибири. Возрастные инициации позволяли ребенку осуществить переход из одной стадии развития в другую и также являлись механизмом социализации.

Таким образом, в условиях семейного воспитания ребенок приобщается к этническим ценностям через участие в различных этнокультурных практиках: бытовых, обрядовых, религиозных, праздничных, игровых, постепенно овладевая культурными средствами, которые проходят через его индивидуальное сознание. Механизмы действия ценностей еще не понятны ребенку, но постепенно он накапливает опыт исполнения социальных ролей, а параллельно идет процесс освоения ребенком миропонимания и поведения, которые присущи носителям данной культуры. Специфической особенностью традиционной культуры бурят является то, что воспитанием детей занимались не только родители, но и вся общность. Результатом процесса инкультурации является человек, компетентный в культуре (языке, ценностях, ритуалах и др.). Монгольский культурный мир в течение многих веков разрабатывал ценности воспитания, методы и средства социализации, которые обеспечивали процесс освоения ребенком культуры своего народа.

Литература

1. Амонашвили Ш. А. Размышления о гуманной педагогике. М.: ИД Шалвы Амонашвили, 1995. 496 с.
2. Выготский Л. С. Психология развития как феномен культуры / под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Институт практической психологии; Воронеж: Модэк, 1996. 516 с.
3. Кон И. С. Ребенок и общество: (Историко-этнографическая перспектива). М.: Наука, 1988. 332 с.
4. Корчак Я. Как любить ребенка. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 380 с.
5. Лопсонова З. Б., Маншеев Д. М. Специфика социализации детей в традиционной культуре бурят // Science for Education Today. 2020. Т. 10. № 4. С. 202–216.
6. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2007. 368 с.
7. Фельдштейн Д. И. Мир детства в современном мире. М.: Изд-во МПСУ; Воронеж: МОДЭК. 2013. 336 с.

УДК 37: 243(571.54)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-125-133

ЛАМАИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В БУРЯТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

© **Лыгденова Валентина Базаровна**

кандидат педагогических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
lygdenova60@mail.ru

Статья посвящена развитию образования в Бурятии во второй половине XIX — начале XX в., влиянию на этот процесс распространившейся религии в форме ламаизма. При ламаистских дацанах открывались школы, которые в значительной степени повлияли на развитие образования и культуры бурятского народа. В статье дана краткая характеристика дацанских школ, описаны содержание, формы и методы обучения. Автор опирается на архивный документ, находящийся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге, — Рапорт министру внутренних дел от управляющего Отделением Департамента духовных дел действительного статского советника Ивана Платоникова «О бытовых условиях бурятского населения Иркутской губернии и Забайкальской области», в особенности на его раздел «Религиозное образование и воспитание бурятского юношества». Материал позволяет реальнее представить процесс обучения и воспитания в бурятских дацанах рассматриваемого периода и сделать вывод о том, что дацанские школы со своей специфической организацией, способами, методами обучения и огромным контингентом учащихся сыграли большую роль в распространении грамотности среди бурят, способствовали их духовному развитию, благотворно повлияли на их общий уровень культуры и образованности.

Ключевые слова: ламаизм, дацан, дацанские школы, лама, хуварак, факультет, метод обучения.

LAMAISM AND ITS INFLUENCE ON EDUCATION DEVELOPMENT IN BURYATIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURIES

Valentina B. Lygdenova

Cand. Sci. (Ped.), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
lygdenova60@mail.ru

The article is devoted to the development of education in Buryatia in the second half of the XIX — early XX centuries, the influence of the widespread religion in the form of Lamaism on this process. There were schools founded by Lamaist datsans that greatly influenced the development of education and culture of the Buryat people. The article gives a brief description of datsan schools, describes the content, forms, and methods of teaching. The author relies on an archival document located in the Russian State Historical Archive in St. Petersburg, a report to the Minister of Internal Affairs from the head of the Department of Spiritual Affairs of the Acting State Councilor Ivan Platonikov «On the living conditions of the Buryat population in the Irkutsk province and the Zabaikalsky region», especially on its section «Religious education and upbringing of the Buryat youth». The material allows to imagine more realistically the process of education and upbringing in Buryat datsans of the reviewed period and to conclude that datsan schools with their specific organisation, ways, methods of teaching and a huge number of students played a big role on the literacy among Buryats, contributed to their spiritual development, beneficially influenced their overall level of culture and education.

Keywords: Lamaism, dastan, datsan schools, lama, huvarak (the student of datsan school), faculty, teaching method.

Особенностью Бурятии является прохождение границы культур Центральной Азии, Китая и России с условным делением ее на восток и запад. Пребывание бурят с XVII в. в едином Русском государстве, целенаправленное воздействие царского правительства и православной церкви оказало сильнейшее воздействие на образ жизни, уровень культуры и мышления бурятского народа. Но тем не менее ядро бурятской культуры оставалось чисто восточным. В этом решающую роль сыграл распространившийся в XVIII в. на территории Бурятии буддизм в форме ламаизма.

«...На западе разгорался свет новой цивилизации с огромными завоеваниями в области техники, науки, теоретической мысли. Но не он первый бросил свои лучи в степи Халхи и Южной Сибири. Со своеобразным светильником, взятым из буддийского храма, явился первый в эти степи лама — и лама тибетский. Он принес пищу для алкавшей мысли кочевника в священных книгах Тибета, заключавших и религиозные, и философские, и научные трактаты» [Козьмин, 1923, с. 37]. «Ламы составили ту туземную интеллигенцию, которой не хватало бурятам и без которой народ обречен на бесконечное рабство. Ибо, только выделив из себя, своего рода мыслящий аппарат, народ может осмыслить свое положение, свои интересы и задачи и организовать для самозащиты» [Там же, 1923, с. 38]. Ламы, составлявшие весьма крупную прослойку в бурятском обществе, являясь носителями и проповедниками нравственных начал в обществе, владели старомонгольским языком, тибетским, санскритом, многие знали астрологию, философию, медицинские трактаты. Например, ламы Гусиноозерского дацана были удостоены золотых и серебряных медалей за помощь, оказанную ученым, в частности профессору Петербургского университета А. М. Поздневу, при переводе знаменитого медицинского трактата «Чжуд-ши».

Часть бурятской интеллигенции начала XX в., такие как Ц. Жамцарано, Б. Барадин и другие видели в ламаизме фундамент, на котором должно было быть построено здание бурят-монгольской национальной культуры. С распространением в Бурятии ламаизма при дацанах стали открываться конфессиональные школы. Просвещение — не случайный результат влияния религии, оно неизбежный ее спутник, хотя этим еще не предопределяется высота его уровня. Для сравнения: когда Владимир вводил на Руси христианство, то вместе с переменной веры более всего заботился о превращении своего народа в просвещенную, культурную и блестящую нацию по подобию Византии. Как только произошло крещение киевлян, Владимир немедленно «послав, нача поимати у нарочитые чади дети и даяти нача на учење книжное», то есть задался целью дать настоящее образование детям высшего сословия.

В условиях малочисленности светских школ дацанские школы Бурятии способствовали приобретению грамотности на монгольском языке, получению ответа на духовные запросы из чтения книг и бесед с учеными ламами, многие из которых заслуженно пользовались популярностью как переводчики, издатели ценных книг и защитники национальных интересов. Бурятские школьные дацаны строились по традиции того тибетского или монгольского монастыря, где обучался настоятель дацана, например, ламы многих селенгинских дацанов учились в Урге, многие анинские, ацагатские закаменские, янганские ламы ездили учиться в Тибет, агинские чаще бывали в Лавране.

Большой интерес для нашей темы представляет архивный документ — «рапорт министру внутренних дел от управляющего отделением Департамента духовных дел действительного статского советника Ивана Платоникова «О бытовых условиях бурятского населения Иркутской губернии и Забайкальской области», особенно его раздел «Религиозное образование и воспитание бурятского юношества» [РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 782]. В документе говорится, что образовательная и воспитательная функции деятельности лам не регулируются и не предусмотрены действующими узаконениями. По Положению о ла-

майском духовенстве 1853 г. могла быть учреждена для всех сибирских ламаитов одна конфессиональная школа при Гусиноозерском дацане на 35 учащихся. О других школах в законе не упоминается. До последнего времени и самими ламами, и гражданским местным начальством отрицалось существование других школ, кроме Гусиноозерской. Между тем в действительности при большинстве дацанов проживает по несколько сот душ молодых людей в возрасте от 8 до 30 лет, которые под непосредственным руководством дацанских лам занимаются изучением ламайских религиозных наук. В конце XIX в. их общее число в дацанах Забайкалья достигало 6–7 тысяч, тогда как в «6 имеющихся правительственных училищах училось не более 150 человек» [Андреев, 1964, с. 27].

И. Платоников писал: «Необходимо обратить внимание на то, что дело религиозного обучения бурят имеет в дацанах свою определенную организацию, с обязательным, правильным посещением учениками отведенного для занятий помещения со строгим надзором за успехами учащихся и даже с присуждением ученых степеней, что нельзя не признать существования школ, хотя и своеобразного типа. Бандидо Хамбо-лама Иролтуев в своей докладной записке, поданной совещанию по делам ламайским, проходившему в Иркутске в сентябре 1909 года привел следующие основания для их устройства: “Будда Шакъямуни говаривал своим ученикам: нельзя, не зная смысла моего учения, прибегать по влечению под сень моей церкви. Нужно ее испытать так же, как испытывают золото, чтоб отличить его от поддельного. Исполнение этого завета нашей религии невозможно без обучения и открытия школ. Отдавая детей в обучение, буряты желают, чтобы дети их не только заучили слова молитвы, но и знали, когда и как читать ее, как нужно относиться к богу, царю, начальствующим лицам, родителям и вообще старшим себя. Они желают, чтобы их дети, придя в дацан, усвоили себе понятие о добре и зле, грехе и добродетели, приобрели навык к хорошим обычаям и доброму поведению, научились любить и помогать страждущему, имели возможность распознавать истинного наставника, совершать жизненный путь свой под его руководством. Наконец, они желают, чтобы дети их научились в дацанах монгольской и тибетской грамоте, на коих написаны наши священные книги”».

Для привезенного ученика избирается родителями лама-учитель, в келью которого и поселается новоприбывший. Избранный учитель по правилам религии не может уклониться от принятия к себе в обучение ученика, пришедшего к нему за наставлениями. Они должны принять и воспитать, не требуя за это вознаграждения.

Первый тип монастырей имеет по своему назначению образовательно-школьный характер и носит название шадда. Второй тип имеет своим назначением школу созерцания и называется дубда. Все бурятские монастыри относятся к типу монастырей-школ шадда и больше половины их имеют школы цанид. Первая цанитская школа была открыта в Цугольском дацане в Забайкальской области в 1845 г. Монастыри шадда имеют два вида или, вернее, две переходные ступени: 1) монастыри без факультетов и 2) монастыри с одним или несколькими факультетами. Первый вид монастырей представляет начальную ступень монастыря шадда, долженствующего открыть со временем какой-нибудь факультет. Занятия в подобных монастырях заключаются в ежедневных молитвенных собраниях — «цок» и в обучении молодежи начальной грамоте и правилам религии. Обучение начинается с монгольской и тибетской азбуки, затем переходят к чтению и письму на этих языках. Когда ученик приобретает достаточный навык в чтении, начинается изучение молитв. Каждую молитву лама читает сам со своим учеником, следя за правильностью его произношения, а затем дает выучить ее наизусть. Первоначально идет механическое заучивание, а потом начинаются упражнения в переводе их с тибетского языка на монгольский. Одновременно ведется наставление и посильное упражнение в правилах нравственности. Наряду с этими упражнениями ребенок ежедневно посещает

дацан для участия в хуралах (молебнах) и приобретенные знания относительно чтения молитв проверяют практикой. Здесь он присматривается к тому, как нужно читать молитву, когда нужно сидеть, стоять, кланяться, читать, распростершись ниц по земле, когда недостаточно одного чтения молитв, а необходимо трубить в раковину, трубы большую и малую, ударять в барабан и т. д.

Богослужение в дацанах ведется по выработанным правилам, за выполнением коих строго следит гобгуй. Этот порядок приучает ученика к самой точной дисциплине и повиновению. Точное усвоение изложенного, главным образом в практическом применении, составляет предмет начальной школы, как бы подготовительный. Полный курс такого начального учения для обыкновенных, не отличающихся особенными способностями мальчиков, проходит в течение 4–5 лет. Что касается учеников, оказавшихся способными к прохождению курса ламайских наук, то прежде всего, в случае желания их принять на себя духовный сан (если таковой не был принят ими в доме родителей), над ними совершается этот обряд, по предварительному выполнению всех требуемых условий, испрошения согласия родителей, подлежащих властей и лица посвящающего. Посвящающий, согласно требованию книги Винай, собирает о нем точные справки и, если он отвечает всем требованиям, совершает обряд посвящения, сначала в степень бандия, затем в остальные, с принятием необходимых обетов. Окончив курс учения такой начальной или подготовительной школы и достигнув к этому времени 14 лет, ученик, если желает, может продолжать свое образование в одной из существующих в дацане школ (факультетов).

Монастыри с факультетами могут иметь один или несколько факультетов: цанит, жудба, дуйнкор, жедор, ламрим и мамба-дацан — или все эти факультеты. В рапорте И.Платоникова приводится «список вероисповедных ламаистских школ, существующих ныне при дацанах Забайкальской области» (полный список приводится в приложении 1, где отмечается, что школ цанит было 19, жудба — 5, мамба — 5, дуйнкор — 7, дзурхай (жедор) — 2. Наиболее важным по образовательному значению считается факультет цанит, имеющий задачу критического изучения религии и философии буддизма. Ввиду этого в большинстве случаев вначале открывается факультет цанит, затем жудба и другие. Вся система буддизма представлена в двух основных направлениях: реалики и символики, сутры и тантры. Система реалистического направления изучается на факультете цанит-дацан, а система символического направления — на факультете акпа-дацан.

Обучение в школах Платоников описывает следующим образом: «Хуварак ежедневно является к ламе-учителю в назначенные часы, где под его руководством проходит урок за уроком весь курс. По каждому уроку учитель сообщает ученику надлежащие объяснения и проверяет точное усвоение им заданного, все обучение ведется учителем с таким старанием, какое возможно встретить по отношению к этому делу только со стороны монаха-ламы, отрешившегося от мира и беззаветно отдавшегося идее служения благу всех живых существ.

Выходя в летнее время за пределы дацанского поселка или проезжая по дороге в окрестностях его, вы невольно должны будете обратить внимание на расположенные вдали от дороги, на соседних горах или в степи по две вместе неподвижные фигуры, по несколько часов просиживающих, поджавши под себя ноги, друг перед другом. Всматриваясь внимательно, вы увидите, что корпус одной из них окутан красной накидкой, а другая одета в коричневый халат. Люди, близко знакомые с бытом бурятских дацанов, объяснят вам, что фигуры эти — лама-учитель и его ученик. Нет сомнения, что нельзя лучше постигнуть душою величие творца мира, как находясь в непосредственном соприкосновении с его творением. И действительно, трудно найти человека, который обладал бы столь твердыми и устойчивыми взглядами на жизнь, как питомец, прошедший курс дацанской школы.

Но это лишь одна сторона обучения в дацанской школе. Для укрепления в памяти пройденного, а главным образом для самостоятельной переработки его в сознании ученики в определенные часы собираются ежедневно в сумэ той школы, курс которой проходят, и здесь в присутствии учителей и учеников вновь отвечают тот же урок, только с тем отличием, что здесь применяется состязательный метод при посредстве диспутов. Порядок диспутов следующий: по звуку ударов в медный таз (харанга) ученики и учителя собираются в подлежащее сумэ, одевают на себя богослужебные одежды — мантию и шапку с гребнем и, заняв каждый свое место, приступают к совершению богослужения под управлением левбона (первенствующего в хурале)... По прочтении хором установленных молитв, все присутствующие издают громкий протяжный крик и, вскакивая со своих мест, рассаживаются отдельными группами по классам. Старший класс держится около среднего главного прохода в сумэ, а младшие располагаются в боковых проходах. В каждом классе один или два желающих держат диспут, встав со своих мест, садятся на особое, приготовленное для них место, вблизи северной стены подле бурханов. Затем ученики, намеревающиеся предлагать вопросы, также встают со своих мест, снимают с себя мантии, оставляют их на месте и подходят к диспутантам. Став перед ними прямо и размахивая из одной стороны в другую держащими шапки руками, произносят краткие вступительные речи о предметах предстоящих диспутов, затем, положив шапки на левое плечо, предлагают свои вопросы, ударяя вместе с тем ладонями правой руки левую, после чего разводят руками в стороны, опуская левую руку вниз, а правую поднимают вверх. Указанные действия в их понятии таинственно обозначают: крик перед началом и удар в ладонь после постановки вопроса — одушевление и страстность, с которыми спрашивающие относятся к диспуту, опускание левой ладони после удара в ладони — закрытие дверей ада для новых перерождений существ, а поднятие вверх правой руки — возведение существ в места лучших перерождений.

Символизация телесных движений, жестов и выкриков имеет тот смысл, что всякое действие человека должно быть сознательным. Сознательное, бдительное отношение человека ко всем действиям имеет воспитывающее значение, и этим, главным образом, определяется благородство и высокая природа человека, в отличие от животного. Умение владеть собою, действовать всегда сознательно, является одним из основных условий достижения состояния Будды.

На поставленные вопросы отвечающие должны дать точные ответы. Если они на вопрос не отвечают, то вопросы эти ставятся непременно с сопровождением ударов в ладони второй и третий раз, после чего, если не последует ответа, спрашивающий касается правой рукой правого плеча отвечающего, что должно означать победу. Если спрашивающий признает ответ неточным..., то между двумя сторонами может возникнуть спор...» Далее Платоников описывает пример: «В Ацагатском дацане мне довелось быть свидетелем в высшей степени горячего диспута между двумя учениками, из которых один — спрашивающий был родом из калмыков Астраханской губернии, а другой — местный бурят. С горящими огнем глазами стороны в экзальтации произносили один после другого длинные, красивые с внешней стороны, плавные и страстные речи, увлекавшие в спор даже посторонних слушателей, которые сами начинали задавать вопросы... Диспут угрожал принять бурный характер, но возникшее недоразумение было улажено вмешательством гебгуя». Окончание занятий сопровождается чтением соответствующих гимнов, пожеланий.

Предметами диспутов могли быть самые разнообразные вопросы по содержанию пройденного материала. Но с каждым днем объем этих вопросов все более расширялся, так что оканчивающие последний класс школы обязаны подвергнуться диспуту в объеме всего курса. Вечерними занятиями являются так называемые «жоржун», то есть громкие

чтения наизусть учащихся младших классов до 1-го класса теории срединности, включительно, из толковательных учебников. Учащиеся при наступлении вечера высыпают на улицу и, расхаживая у ворот своих домов, читают заученные наизусть тексты из учебников. В это время главный надзиратель монастыря делает обход всех чтецов. Отсутствующих подвергают наказанию, а неправильно читающим делают соответствующие замечания. В общем школьный режим весьма строг и весь год проходит в интенсивной работе учащихся. Нет таких больших каникул, как в светских школах и нет регулярных недельных отдыхов. Что касается неучебных периодов, то нельзя представлять их как время отдыха. Неучебные периоды также заняты теми или иными работами учебного характера. Главными занятиями в эти периоды являются занятия на дому. Учащиеся группами ходят по утрам к избранным учителям для проверки своих знаний из пройденного и для ведения объяснительных бесед. Но тем не менее в неучебных периодах существуют известные промежутки времени, в течение которых учащиеся пользуются отдыхом и свободой для своих личных дел и для выездов к родным.

При всей строгости школьного режима от всей школьной жизни учащихся веет духом непринужденности и увлечения занятиями. Эта жизнь не лишена также разнообразия. Есть такие моменты, когда учащиеся пользуются различными развлечениями и дозволенными играми, выходами в поле и т. д. В результате подобной школьной жизни значительный процент учащихся получает известную умственную дисциплину, развитие рассудочной стороны ума. Ежедневная практика в диалектических упражнениях, в свободной обстановке, со сверстниками перед глазами наставников и важных особ располагает к бодрости духа, в корне уничтожает застенчивость и приучает к смелости, доходящей иногда до дерзости.

Метод цанит-дацана следует назвать мнемоническо-диалектическим. Все основные учебники и важнейшие места толковательных учебников усваиваются наизусть. Повседневные школьные занятия происходят путем диспута по правилам диалектики. Нет письменных работ, объяснительных чтений и другого рода школьных занятий, за исключением уличных и домашних чтений и занятий с учителем. Диалектический метод в цанит-дацане несколько отличается от сократического метода вольных бесед-диалогов, так как диспуты и беседы проходят по строгим формулам диалектики.

Если реалистическое направление следует считать общей для всех последователей частью учения, то символическое направление является специальной, только для посвященных, частью учения. Основное различие между реаликой и символикой буддизма заключается в том, что путь по реалике начинается с постепенного осуществления «основы», ведущей к «цели» или состоянию Будды, т. е. с осуществления внешних условий просветления (вступления в монашество, исполнения шести парамит совершенствования, четырех деяний на пользу существ и т. д.). Тогда как путь по символике начинается прямо с осуществления «цели». Человек, идущий по пути символики, должен принять божественные обеты, и отныне он должен представлять себя как Будду, и все его помыслы и действия должны быть как бы помыслами и действиями самого Будды. Поэтому эта теория считается чрезвычайно трудной и доступной лишь для исключительных натур. Но человек, идущий по пути реалики, достигает состояния Будды в течение только многих мировых периодов — «кальп», а человек, идущий по пути символики, может достичь идеала в течение одной человеческой жизни. Поэтому их школы отличаются большей строгостью монашеского режима, туда поступают исключительно окончившие школы-цанит и люди, преданные подвижнической жизни. Курс символики, в отличие от курса цанит, проходят по объяснительно-толковательному методу и обучающиеся пребывают в этих школах дополнительных 10 лет.

В Бурятии эти школы по идее своей подвижны и переходили из одного дацана в другой. Впрочем, из числа пяти существовавших в Забайкалье школ этого типа вполне удовлетворяла этим требованиям только одна, предназначенная служить удовлетворению религиозных нужд верослужилого персонала совместно четырех дацанов: Эгитуевского, Чицановского, Анинского и Ацагатского. В каждом из этих дацанов по очереди школа проводит около трех месяцев в году, причем передвижения учеников со всем их несложным имуществом совершались по дацанам пешком» [РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 782].

Довольно распространенным был факультет медицины — манба-дацан. Тибетская медицина является прямой преемницей индийской медицины, история которой уходит в глубокую древность, ранее появления Будды. Начиная с IX в. тибетцы перевели на свой язык важнейшие медицинские сочинения Индии, и появились многие выдающиеся медики-тибетцы. Перерабатывая индийскую медицину для своей родины, они ничего нового, своего не создали, зато сумели сделать ее более доступной и популярной, благодаря чему тибетская медицина получила широкое распространение среди монголов и бурят и стала могущественным проводником ламаизма среди многих народностей Центральной Азии.

Основным руководством ее считается известная книга «Чжуд-ши» — «Четыре книги медицины». Эта книга изучается в манба-дацане в течение четырех лет. Учащиеся манба-дацана в летнее время отправляются в ботанические экскурсии для собирания лекарственных растений, для практики определения их под руководством опытных лам-учителей. Также в курс обучения входит знакомство с анатомией человека, изучение родов болезней, виды, свойства и действия медикаментов и способы их приготовления. Выдержавшие состязательный экзамен в объеме полного курса получают степень «манрамба», но окончание курса этой школы не дает богословского образования. Подробное изучение богословия представляется почти невозможным, поэтому при посвящении в ламы от медиков требуется знание только простого богословия (упрощенного) — ламрим. Но гражданские власти Сибири отрицательно смотрели на распространение тибетской медицины и всячески препятствовали ей.

Следующий вид ламайских конфессиональных школ составляют школы астрономо-астрологические. Б. Барадин отмечает, что в программу этого факультета (символики Дуйнкор) входит изучение грамматики санскрита и индийской астрономии. Специалистами-астрономами факультета ежегодно выпускались календари лунного летоисчисления, более выдающиеся из них предсказывали лунные и солнечные затмения, несмотря на то, что астрономические их вычисления основаны на построениях геоцентрической теории древнеиндийской и китайской астрономии, приближающейся к птолемеевской системе [Барадин, 1992].

В рапорте Платоникова говорится, что бурятские ламы весьма неохотно объясняют интересующимся жизнью этих школ их ближайшее и действительное назначение, кратко и неопределенно объясняя, что ламы в них обучаются «вычислять порядок движения планет и время затмения солнца и луны». Вполне очевидно, что указанные чисто научные цели при убогости постановки преподавания, конечно, недостижимы для этих школ и не могут служить основанием тысячелетнего их существования у ламаитов. Между тем питомцы этих школ, носящие название «зурхайчи», составляют самую деятельную часть служебного персонала. При 32 дацанах Забайкалья насчитывается до 8 таких школ, т. е. на каждые 4 дацана по одной школе, поэтому нельзя не признать, что школы эти имеют важное значение, служа удовлетворению каких-либо насущных потребностей быта местного населения.

Развитие сети дацанов и богословских школ, проникновение религиозных обрядов и обычаев в повседневный быт бурятского населения создали необходимость снабжения духовенства и верующих предметами культа и богословской литературой. Эти потребно-

сти не могли полностью погашаться ввозом дорогостоящей литературы и культовых предметов из Монголии, Тибета и Китая, как это было раньше. В связи с этим в дацанах и улусах Бурятии развивается книгопечатание, иконопись, культовое зодчество, специализированная обработка металла, дерева, шитье, вышивка и т. д.

К концу XIX в., ко времени наибольшей активности бурятского духовенства, понятие «грамотный человек» уже начало терять однозначный смысл — «человек, получивший монастырское образование». Появилась целая плеяда европейски образованных представителей бурятского народа, которые вместе с образованными духовными лицами составили ядро бурятской интеллигенции. Владение русским языком, образование, получаемое во все увеличивающихся школах светского типа, открывало, по сравнению с дацанскими школами, больше перспектив для дальнейшей жизни, более широкие горизонты знания и становилось все более предпочтительным.

Итак, ламаизм, имея хорошо развитый культ и глубокое философское учение, имея богато обставленные дацаны и при них школьное обучение не только богословию, но и другим предметам, монгольскому и другим языкам, разным прикладным навыкам, привлекал внимание молодого поколения. Дацан, по существу до второй половины XIX в., являлся почти единственным очагом просвещения бурятского народа. Дацанские школы со своей специфической организацией, способами и методами обучения и огромным контингентом учащихся сыграли большую роль в распространении грамотности среди бурят, способствовали их духовному развитию, благотворно повлияли на общий уровень их культуры и образованности. Из числа выпускников дацанских школ вышли замечательные представители бурятской интеллигенции, писатели, художники, педагоги, ученые и политические деятели.

Невозможно быть человеком «без всех тех знаний, о которых молчит наука, в которых немо государство, которых не знает искусство и которые озаряют нашу жизнь, осмысливают наше лицо в религии..., в единении нашем с тьмью веков и далью народов. Не свещ — но освещен, ограничен в делах — но бесконечен в предметах помышления, момент, преходящий на земле — но не имеющий конца в будущем веке, — вот человек религиозный...» [Розанов, 1990, с. 144–145]. Может, такими виделись учителям дацанских школ их ученики?..

Источники и литература

1. РГИА — Российский государственный исторический архив.
2. Андреев В. И. История бурятской школы (1804–1962). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 567 с.
3. Барадин Б. Буддийские монастыри // Ориент. Вып. 1: Буддизм и Россия. 1992.
4. Козьмин Н. Н. Туземная интеллигенция Сибири // Сибирская живая старина. Иркутск, 1923. № 1. С. 32–40.
5. Розанов В. В. Сумерки просвещения / сост. и автор очерка В. Н. Щербаков. М.: Педагогика, 1990. 624 с.

Список вероисповедных ламайских школ,
существующих при дацанах Забайкальской области

Название дацана	Название школ				
	Чойра	Чжуд	Мамба	Астрол. зурхай	Астрон. дуйнхор
Селенгинский уезд					
Гусиноозерский	1	1	1	1	1
Цонгольский	1	1			1
Чжидинский	1	1			1
Янгажинский	1				1
Гыгетуевский	1	1			1
Иройский					1
Сартольский				1	
Бултумурский					1
Боргалтайский	1				1
Болакский	1				
Читинский уезд					
Цугалинский	1		1		
Агинский	1	1	1		1
Зугалайский					1
Акшинский уезд					
Токчинский			1		
Бырцуевский	1				
Верхнеудинский уезд					
Эгитуйский	1				
Чицановский	1				
Анинский	1	1	1		
Ацагатский	1				
Ходонский	1				
Тунгогалтаевский	1				
Хокюртаевский	1				
Цулгинский	1				
Баргузинский уезд					
Баргузинский	1				
ИТОГО	19	5	5	2	7

УДК 069.295
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-134-137

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© **Кокоулин Владислав Геннадьевич**
доктор исторических наук,
Сибирский университет потребительской кооперации,
Научно-исторический журнал «Сибирский архив»
Россия, г. Новосибирск
kwladislaw@yandex.ru

В статье анализируется проблема сохранения культуры (художественной культуры, языка и религии) сибирских татар в условиях глобализации, информатизации, интеграции и урбанизации. Автор выявляет факторы, которые ведут к сокращению сферы распространения культуры сибирских татар. Отмечается влияние нескольких факторов, влияющих на этот процесс: воздействие русской культуры (особенно языка), культуры татар Поволжья (которые являются, по сути, другим народом по отношению к сибирским татарам), политики исторической памяти и отсутствие государственности или автономии в настоящее время. Автор приходит к выводу, что сохранение культуры сибирских татар в этих условиях является проблематичным.

Ключевые слова: сибирские татары, культура, глобализация, историческая память, культурно-историческое наследие.

SIBERIAN TATAR CULTURAL HERITAGE PRESERVATION IN THE CONTEXT OF GLOBALISATION

Vladislav G. Kokoulin
Dr. Sci. (Hist.),
Siberian University of Consumer Cooperation,
Scientific and Historical Journal «Siberian Archive»
Novosibirsk, Russia
kwladislaw@yandex.ru

The article analyzes the problem of preserving the culture (artistic culture, language and religion) of the Siberian Tatars in the conditions of globalization, informatization, integration and urbanization. The author identifies the factors that lead to the reduction in the sphere of dissemination of the culture of the Siberian Tatars. The influence of several factors influencing this process is noted: the impact of Russian culture (especially the language), the culture of the Volga Tatars (who are essentially a different people in relation to the Siberian Tatars), the politics of historical memory and the lack of statehood or autonomy at the present time. The author concludes that preserving the culture of the Siberian Tatars in these conditions is problematic.

Keywords: Siberian Tatars, culture, globalization, historical memory, cultural and historical heritage.

Сохранение культурного наследия различных народов, проживающих на территории Сибири с древних времен, стало актуальной проблемой в условиях ускоряющейся интеграции, информатизации и глобализации. Хорошо известно, что история, культура и язык являются основными факторами сохранения национальной идентичности.

Народы Сибири в настоящее время можно разделить на две группы — те, у которых есть государственность или национально-территориальная автономия (якуты, буряты, хакасы, алтайцы, тувинцы, ханты, манси, ненцы, чукчи), и те народы, у которых такой государственности нет (подавляющее большинство народов Сибири). Если в первом случае имеются достаточно широкие возможности (в т. ч. и материальные) для сохранения

самобытной культуры народа, то во втором случае эти возможности ограничены рамками национально-культурной автономии.

Но даже в этих условиях сохранение культурного наследия сибирских татар представляет определенные сложности, связанные с тем, что они испытали сильное влияние не только русского народа, но и татар Поволжья. До середины XX в. считалось, что сибирских татар как отдельного народа не существует, что они являются восточной группой татар Поволжья, а их язык также не является самостоятельным, а представляет собой восточный диалект (или, точнее, восточные диалекты) татарского языка. Однако благодаря огромной работе, проделанной исследователями традиционной культуры сибирских татар, удалось выяснить их этническую историю [Валеев, 1996; Соболев, 2008; Маслюженко, 2008].

В настоящее время в Сибири проживает около 500 тыс. татар. Из них 180 тыс. — сибирские татары, а остальные прибыли из Поволжья и Приуралья, в основном это казанские татары, мишари, кряшены, астраханских и крымских татар немного. Часть поволжско-приуральских татар в Сибири относят себя к себертатарлар — сибирским татарам, потому что они давно смешались с коренными сибирскими татарами, другие ощущают себя сибиряками (как и русские в Сибири).

В общем виде этногенез сибирских татар представляется следующим образом: они образовались из смешения угорских, самодийских, тюркских и отчасти монгольских племен и народностей. Однако основное ядро сибирских татар составляют тюркские племена.

Если говорить о Томском приобье, то сперва сюда еще в гуннское время передвинулось с юга население самодийское (селькупское), но уже испытывавшее сильное влияние кочевников-тюрков. В дальнейшем происходило постепенное продвижение тюркских групп и их частичное смешение с уже тюркизированным местным самодийским населением. Так, в IX–X вв. на территорию Томского приобья продвигаются кимаки. Монгольская культура начала проникать в Томское приобье в XI–XII вв. Это была киданьская культура, смешанная с телескими и кыргызскими элементами. Тюркские элементы проникали двумя путями: из Минусинской котловины и с Алтая и Средней Азии.

После монгольских походов XIII в. территория сибирских татар входила в Ордынское государство, образованное ханом Батыем. В первой половине XV в. из-за междоусобиц прекратила свое существование Белая Орда.

Тюменско-гуринские татары, с которыми связано одно из государственных образований сибирских татар — Тюменское ханство, к началу XVI в. занимали территорию в районе Туры, Тобола и Исети. Они стали ядром населения Сибирского ханства XVI в., которое занимало территорию от низовьев Иртыша до Уральских гор и среднего течения Оби. Столицей Сибирского ханства был город Искер (Кашлык). В 1563 г. власть в Сибирском ханстве захватил Кучум, убив местных татарских князей. При нем ханство состояло из мелких улусов во главе с беками и мурзами. Однако централизация власти была слабой. Все это приводило к возникновению новых надплеменных этнических общностей. В итоге в XIV–XVI вв. сложились основные группы сибирских татар.

Язык сибирских татар — это самостоятельный тюркский язык, наиболее древний из современных тюркских языков, поскольку в нем зафиксированы формы, не встречающиеся даже в древнеорхонских памятниках, и фиксируется старая общеалтайская лексика. Однако поскольку литературным языком является язык казанских татар, то язык сибирских татар все больше сближается с современным татарским языком. Очень много слов проникло из монгольского языка, а через бухарцев — из арабо-иранской общности.

Сибирские татары состоят из трех этнических групп: томских, барабинских и тоболо-иртышских татар, которые также делятся на более мелкие группы. Так, томские татары состоят из калмаков, эуштинцев и чатов.

Томские татары в XVI в. не входили в состав Сибирского ханства, находились в зависимости от енисейских кыргызов и платили им дань. Чаты жили по соседству с барабинцами в бассейне верхней Оми, верховий Каргата, Чулыма и в бассейне р. Чаус (приток Оби). После того как в Сибирь пришли русские, чаты передвинулись в обширные районы Приобья. Здесь они построили Мурзинский и Чатский городки.

В 1598 г. у места впадения р. Ирмень в Обь после сражения русского отряда воеводы Андрея Воейкова с отрядом хана Кучума последний потерпел поражение. Чаты, возглавляемые мурзами, приняли русское подданство и стали платить ясак сначала в Тару, а затем в Томск. Но большая часть чатов записались в служилые люди, т. к. они ясак не платили. Согласно переписным данным, в XVII в. численность чатов составляла около 400 чел., к концу XIX в. она достигла 1 200 чел. (согласно Всеобщей переписи населения Российской империи).

На территории современного Новосибирска в районе р. Каменка располагалось поселение чатских татар — Чертово городище, в настоящее время этот археологический памятник в основном утрачен.

В 1939 г. в Искитимском районе на берегу р. Бердь было найдено поселение чатских татар XV–XVII вв. Было собрано около 270 предметов (керамика, костяные заготовки наконечников стрел, каменные точила), которые в настоящее время хранятся в Новосибирском краеведческом музее. В 1953 г. городище было обследовано археологом Михаилом Грязновым, а сейчас находится на дне Обского водохранилища.

В настоящее время существуют чатские села Юрт-Ора, Юрт-Акбалык и Черный мыс Кольванского района. Чатские татары основали село Ояш в Болотнинском районе и поселение на территории современного Тогучина.

Основными видами занятий сибирских татар было земледелие и скотоводство. В зоне лесов и на севере лесостепи значительную роль играли рыболовство и охота. В XIX в. земледелие значительно усилило свои позиции, а кочевое и полукочевое скотоводство утратило свое значение. В связи с бурным экономическим развитием Южной Сибири, строительством Сибирской железной дороги и ростом городов в хозяйстве сибирских татар происходили дальнейшие изменения. Они занялись промыслами: извозно-ямщицким, лесодровяным, сенозаготовительным и др. В селениях сибирских татар появились небольшие мастерские. Часть сибирских татар занялась торговлей: продавали продукты сельского хозяйства, охоты, рыболовства, деревянные изделия, кожи, войлок и т. п. Татарские купцы привозили и продавали посуду, чай, фрукты, пряности, хлопчатобумажные ткани. Роль скотоводства также возросла: помимо лошадей и КРС разводили коз и овец, продавали шкуры, конский волос, овечью шерсть. Из птицы разводили гусей, кур, уток и индеек. Занимались пчеловодством. Для чатских татар прибыльным оказалось рыболовство: мороженую рыбу продавали в Томске и Кольвани.

Таким образом, сибирских татар, если обратиться к их этногенезу, следует считать самостоятельным народом, который если и подвергся сильному влиянию татар Поволжья и частично смешался с ними, тем не менее сохраняет не только свою культуру, но и свой язык (правда, сохранность его у разных групп сибирских татар различна: лучше всего сохранили сибирскотатарский язык тоболо-иртышские татары, хуже — барабинские и практически утратили — томские).

На сохранение культуры сибирских татар повлиял и такой фактор, как официальная политика исторической памяти. История Сибири начиналась с похода Ермака, а все, что происходило до этой истории, относилось либо к археологии, либо к этнографии. Достаточно, например, посмотреть на академическую «Историю Сибири» в 5 томах. Хотя у сибирских татар до прихода Ермака была не только своя государственность (сибирские ханства), но и своя письменность и религия. Но об этом предпочли «забыть».

В настоящее время сохранением культуры сибирских татар занимаются по сути группы энтузиастов в Тобольске, Тюмени, Омске и Новосибирске. В Тобольске реализован масштабный проект «Искер», в Омской области — «Усадьба сибирского татарина» и в Новосибирской области — «Усадьба чатского татарина». Что касается деятельности национально-культурных автономий, то они в основном заняты сохранением и пропагандой музыкальной и танцевальной культуры сибирских татар. Перспективы изучения сибирскотатарского языка в школах неутешительны. Религиозный фактор также не играет решающей роли в сохранении национальной идентичности, поскольку ислам является религией наднациональной. Поэтому, вполне возможно, если сегодня не предпринять дополнительных усилий для сохранения сибирскотатарской культуры во всем ее многообразии, то она через несколько десятилетий станет «этнографической стариной» под влиянием процессов глобализации, информатизации, интеграции и урбанизации.

Литература

1. Валеев Ф. Т., Томилов Н. А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996.
2. Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века. Курган, 2008.
3. Соболев В. И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск, 2008.

УДК 94 (518)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-138-140

О РОЛИ ДАУРСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ МЭРСЭ И ФУМИНТАЯ В СОЗДАНИИ НАРОДНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

© **Цыбенев Базар Догсонович**

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, г. Улан-Удэ
bazar75@mail.ru

Статья посвящена изучению вклада даурских революционеров Мэрсэ и Фуминтая в дело создания Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ). Как показывают архивные материалы, именно они одними из первых вступили в непосредственное взаимодействие с монгольскими и советскими руководителями, сотрудниками Коминтерна. Вопрос о создании НРПВМ рассматривался еще в 1923 г., о чем свидетельствуют беседы даурских деятелей с полномочным представителем СССР в Китае Л.М. Караханом. В 1923–1924 гг. Мэрсэ и Фуминтай проводили работу по объединению разрозненных общественно-политических организаций Внутренней Монголии.

Ключевые слова: Внутренняя Монголия, НРПВМ, Мэрсэ, Фуминтай, Л. М. Карахан, Коминтерн.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства». № 121031000241-1).

ROLE OF DAUR LEADERS MERSE AND FUMINTAI IN CREATING THE PEOPLE'S REVOLUTIONARY PARTY OF INNER MONGOLIA

Bazar D. Tsybenov

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof., Senior Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russia
bazar75@mail.ru

The article is devoted to the study of the role of the Daurian revolutionaries Merse and Fumingtai in creating the People's Revolutionary Party of Inner Mongolia (PRPIM). The author analysed their criminal cases in the Central Archive of the Federal Security Service. Plenipotentiary representative of the USSR in China L. M. Karakhan spoke in 1923 with Merse and Fumingtai about creating a political party in Inner Mongolia. Merse and Fumingtai worked to unite the disparate social and political organizations of Inner Mongolia in 1923–1924.

Keywords: Inner Mongolia, Inner Mongolia People's Party, Merse, Fumingtai, L. M. Karakhan, Communist International.

The article was prepared within the State order (project “Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states”, No. 121031000241-1).

Создание Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ; монг. Дотоод Монголын Ардын Хувьсгалт Нам), учредительный съезд которой состоялся 27 (12 — по старому стилю) октября 1925 г. в г. Калгане (монг. Чуулалт-Хаалган; кит. Чжанцзякоу), явилось важным событием в общественно-политической жизни Внутренней Монголии. Активное участие в работе съезда приняли более 10 человек из числа даурской революционной молодежи [Краткая история, 1989, с. 172]. В уголовном деле по

обвинению Мэрсэ (год производства 1933-й) есть сведения о том, что он приехал в Калган до начала съезда и провел подготовительную работу [Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ). Д. Р-34587. Л. 6]. Всего на съезде присутствовало более 50 чел., включая видных функционеров Внутренней Монголии. В их числе были Бай Юньти (Сэрэндонров), Алтаночир, Мурунга, Мандалту, Бао Юечин (Сайнбаяр), Уланху. По данным советских историков, «I съезд Народно-революционной партии Внутренней Монголии выдвинул перед партией и аратами следующие задачи: а) добиваться административно-территориальной автономии Внутренней Монголии; б) ликвидировать феодальный строй; в) тесно увязать национально-освободительное движение Внутренней Монголии с национально-революционным движением Китая» [Дылыков, 1953, с. 34]. Были приняты решения о программе развития народно-демократической революции, создании революционной армии, ликвидации влияния религиозной иерархии, обращении к социалистическому пути [Краткая история, 1989, с. 172].

Председателем НРПВМ был избран Сэрэндонров, секретарем — Мэрсэ. Членами ЦК партии стали Алтаночир, Фуминтай, Мурунга, Сайнбаяр, Мандалту. В ноябре 1925 г. членом ЦК НРПВМ стал Алта, летом 1926 г. — Гобол Эрхимбату (даур), весной 1927 г. — Дэчин. В качестве иностранных советников НРПВМ в 1925–1927 гг. можно назвать Буяннэмэха (др. имя Цэцэнбилигу) и Насанбату из МНР, А.И. Оширова из Бурят-Монгольской АССР в составе РСФСР [Исун, 2012, с. 168-169; Atwood, 2003, с. 490]. В «Краткой истории даурского народа» по поводу участия даурских деятелей в первом съезде НРПВМ справедливо отмечено: «С этого времени революционная интеллигенция даурского народа вступила в национально-освободительное движение Внутренней Монголии вместе с революционной прослойкой монгольского общества» [Краткая история, 1989, с. 172].

Официальная китайская версия создания НРПВМ связывает ее с политикой китайских коммунистов. Так, в новейшей истории дауров отмечается, что созданию НРПВМ предшествовала подготовительная работа со стороны КПК. В 1925 г. компартия Китая утвердила документ под названием «Проект резолюции по монгольскому вопросу». В нем говорилось, что «...КПК считает необходимым согласовать национально-освободительное движение монголов с освободительным движением всего Китая ... будет соответствовать, если создать революционную партию народа Внутренней Монголии ... со стороны монгольского народа это национальная и государственная ответственность» [Краткая история, 1989, с. 171]. С другой стороны, есть данные, указывающие на более раннее начало подготовительных работ по созданию партии. Как позже, в 1938 г., отмечал Фуминтай, в 1923 г. [вероятно, осенью. — *Авт.*] он и Мэрсэ как организаторы НРПВМ [в тексте ВМНРП. — *Авт.*] встречались с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 32]. Очевидно, в 1923 г. этими и другими политическими деятелями обсуждалось создание НРПВМ. Мэрсэ с Фуминтаем, знакомым с бурятскими и к тому времени с монгольскими и советскими деятелями, было поручено этим заняться. Общее руководство по вопросам организации НРПВМ на первых порах, вероятно, находилось в руках Л.М. Карахана. В свою очередь, он руководствовался инструкциями из СССР. Работа по созданию партии была успешной. С конца 1923 по конец 1924 г. Мэрсэ и Фуминтаю удалось объединить следующие организации: молодежную организацию Хулун-Буира, в руководстве которой они сами находились; Чжиримскую организацию учащихся (руководитель Сайнбаяр); Ордосскую организацию крестьян «Дугуйлан» (руководитель Ванданнима); монголов-членов Гоминдана в Пекине (Бай Юньти; Алтан-Очир, учившийся в Японии; Мандалту, работавший в Монголо-тибетском комитете в Пекине; Энхэ-Бато, член ЦК Гоминдана, член китайского парламента — Мурунга). Из этих лиц в декабре 1924 г. был создан временный центральный комитет НРПВМ, в который входили все

вышеуказанные лица [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 32]. Как показывают архивные данные, временный ЦК НРПВМ (т. е. официально еще не созданной партии. — *Авт.*), вероятно, достаточно активно функционировал до октября 1925 г. Так, родной брат Фуминтая — Хуалинтай, три года обучавшийся в японском университете Васэда, в 1925 г. приехал в Пекин и через ЦК партии обратился к Бай Юньти, чтобы его приняли в партию. В июле 1925 г. Хуалинтай был принят в партию без всяких формальностей и рекомендаций. В августе — сентябре 1925 г. ЦК партии командировал Хуалинтай вместе с Бай Юньти в г. Улан-Батор в качестве делегатов на IV съезд МНРП. После окончания съезда Хуалинтай был оставлен в Монголии в качестве временного представителя НРПВМ, где пробыл до декабря 1925 г. В декабре 1925 г. он по распоряжению Фуминтая был направлен в Хулун-Буир для проведения партийной работы [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 10].

Официальное создание НРПВМ в 1925 г. явилось началом нового этапа революционной борьбы во Внутренней Монголии. В том же году была создана центральная партийная школа, где стали готовить революционные кадры. Многие представители передовой молодежи направлялись на учебу в МНР и СССР. Например, только в 1926 г. на учебу в Улан-Батор было направлено около 200 чел. [Жамсран, 1996, с. 51–52]. Как показывают архивные данные, летом 1926 г. сотрудником Коминтерна А. И. Ошировым решался также вопрос об отправке 15 курсантов из Внутренней Монголии в национальную кавалерийскую школу и партийную школу в г. Верхнеудинск [Российский архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 514. Оп. 2. Д. 4. Л. 93]. В 1925 г. под руководством члена ЦК НРПВМ Мурунги была создана Народная армия Внутренней Монголии (НАВМ), сразу вступившая в борьбу за освобождение монгольских территорий. После поражения китайского милитариста Фэн Юйсяна от объединенных сил У Пэйфу и Чжан Цзолина НАВМ также отступила в аймаки Уланцав и Их-Зуу [Жамсран, 1996, с. 52]. Мэрсэ в этот период выехал в Улан-Батор, у него был насыщенный график работы.

Как показывают материалы уголовных дел Мэрсэ и Фуминтая, история создания НРПВМ, включая деятельность полпреда СССР в Китае Л. М. Карахана и создание временного ЦК партии в декабре 1924 г., имеет непосредственное отношение к Советскому Союзу. Харизматичные лидеры — выходцы из Хулун-Буира, имеющие хорошее китайское образование и прекрасно осведомленные об обстановке в СССР и Монголии, стояли у истоков партии, наряду с революционерами из числа южных монголов. Их знакомство с бурятскими и монгольскими политическими деятелями, сотрудниками Коминтерна в 1918–1925 гг. сыграло определяющую роль в стремительном выходе на арену общественно-политической жизни Внутренней Монголии.

Источники и литература

1. ЦАФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности.
2. РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.
3. Дылыков С. Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 133 с.
4. Жамсран Л., Эрдэнэбаяр У., Алтанцэцэг Н. Монголы Китая. Улаанбаатар: Сухбаатар хэвлэлийн компани, 1996. 182 с. (на монг. яз.).
5. Исун. Даурский этнос. Шэньян: Народное изд-во провинции Ляонин, 2012. 201 с. (на кит. яз.).
6. Краткая история даурского народа / под общ. ред. Мэн Чжидуна. Хух-Хот: Народное изд-во Внутренней Монголии, 1989. 300 с. (на старомонг. письм.)
7. Atwood C. P. Young Mongols and vigilantes in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911–1931. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. 1168 p.

УДК: 78.01

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-141-147

ДУХОВНОСТЬ И СОВРЕМЕННАЯ МАССОВАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

© **Ыразаков Дамир Абдикалилович**

преподаватель,
Ошский государственный университет
Кыргызская Республика, г. Ош
e.sharipova_kg@mail.ru

© **Тиленбаева Гульнара Эргешовна**

старший преподаватель,
Кыргызско-Узбекский международный университет имени Б. Сыдыкова
Кыргызская Республика, г. Ош

© **Камбарова Нурзада Нуралиевна**

аспирант,
Ошский государственный университет
Кыргызская Республика, г. Ош

Музыка во всех ее разнообразных проявлениях, по сути, является для кыргызского народа особой формой коллективной его памяти, в течение многих веков объединявшей множество его поколений. Она была и остается важнейшим условием и средством формирования национального характера, осознания специфики и самобытности народа. Народная музыка наряду с иными жанрами и видами фольклора отражает многие стороны жизненного уклада — от утилитарно-бытовых до самых высоких — духовных. В ней в той или иной форме выражены как древние, так и современные представления, идеи, взгляды людей об окружающей их социальной и природной действительности, их верования и надежды, эмоциональный мир и др. В традиционном народном музыкальном творчестве нашел свое отражение многовековой и трудный путь развития, в процессе которого складывались богатые жанровые и стилистические формы и традиции, которые, в свою очередь, являются историко-культурной почвой для дальнейшей эволюции национальной музыки и духовности.

Ключевые слова: музыка, народная музыка, традиция, духовность, творчество, культура, ценность, вселенная, бытие, гармония.

SPIRITUALITY AND MODERN MASS MUSICAL CULTURE

Damir A. Yrazakov

Teacher,
Osh State University
Osh, Kyrgyz Republic
e.sharipova_kg@mail.ru

Gulnara E. Tilenbayeva

Senior Lecturer,
Kyrgyz-Uzbek International University named after B. Sydykov
Kyrgyz Republic, Osh

Nurzada N. Kambarova

Chief Specialist,
Osh State University
Kyrgyz Republic, 723500 Osh, st. Lenina 80

For the Kyrgyz people music in all its various manifestations is a special form of their collective memory, which has united generations for many centuries. It was and remains the most important condition and means of forming a national character, understanding the specifics and identity of the people. Folk music, along with other genres and types of folklore, reflects many aspects of the way of life — from utilitarian and everyday to the highest — spiritual. It expresses in one form or another both ancient and modern ideas, ideas, views of people about the social and natural reality surrounding them, their beliefs and hopes, the emotional world, etc. The centuries-old and a difficult path of development, during which rich genre and stylistic forms and traditions were formed, which, in turn, are the historical and cultural ground for the further evolution of national music and spirituality.

Keywords: music, folk music, tradition, spirituality, creativity, culture, value, universe, being, harmony.

Происходящие в настоящее время в Кыргызстане радикальные трансформации в экономической и политической сферах затронули и достаточно глубоко преобразовали не только материальную, но и духовную сторону жизни кыргызского народа, огромной частью которой является традиционная народная музыка. Последняя, с учетом специфики развития кыргызского народа, является одной из наиболее существенных частей духовной сферы кыргызов. Корни кыргызской традиционной музыкальной культуры уходят вглубь веков, где поэтические и музыкальные традиции, однажды возникнув, трансформировались длительное время под воздействием различных внутренних и внешних факторов, однако не утратили своей сути, выразившейся в идейно-художественной специфике. Эти традиции, взятые в совокупности, со временем сформировали специфическую этническую музыкальную культуру, одной из основных составляющих которой является такой музыкально-поэтический жанр, как эпический. Именно у кыргызского народа значение эпоса, в силу отсутствия у кыргызов на протяжении тысячелетий письменной культуры, письменной формы фиксации истории, собственной судьбы, сложно переоценить. Эпос у кыргызского народа является, по существу, энциклопедией, в которой в музыкально-поэтической форме изложена сложная и противоречивая история народа, его как бытовая, так и высокая духовная культура. Кроме того, эпос, как и народная музыкальная культура в целом, является важнейшим средством духовного самовыражения народа. Однажды возникнув, эпос эволюционировал вместе с народом в течение множества веков, естественным образом пополняя свое содержание и постоянно совершенствуя форму, во многом благодаря исконным свойствам языка и народной речи. Одним из важнейших факторов развития и совершенствования эпического жанра была потребность людей в художественно оформленной подаче информации, имеющей отношение к событиям прошлого, реальной истории, т. е. потребность в эстетическом наслаждении, в содержательном досуге.

Актуальность темы исследования значительно возрастает в связи с тем, что в прошедшем XX и в текущем XXI в. такой феномен, как массовая культура, принял глобальные масштабы и его влияние становится все более значительным. Массовая культура постепенно поглощает высокую и народную культуру. Кыргызстан, как, практически, и все постсоветское пространство, в настоящее время вовлечен в глобальное киберпространство, которое в определенной мере и с некоторыми оговорками можно охарактеризовать как глобальное культурное пространство. На данный момент значительную и преобладающую часть этого пространства составляет западная культура. Причем она не только заметно превосходит другие культуры по общему объему, но и определяет основные тенденции развития мировой культуры, в т. ч. музыкальной. Основной из этих тенденций уже на протяжении нескольких десятилетий является процесс массовизации культуры, который характеризуется как положительными, так и отрицательными чертами и последствиями. Что касается кыргызской музыкальной культуры, то в настоящее время в ней существует два потока, две тенденции, одна из которых определяется, главным образом,

западной массовой культурой, а другая — произрастает и продолжает свое существование и развитие на прочном фундаменте народной музыкальной культуры и традиции, которые уходят своими корнями вглубь истории, насчитывающей многие века. Эта культура и традиция не были прерваны в советский период истории, несмотря на то, что именно в этот период массовая культура стала интенсивно проникать в национальную кыргызскую культуру. С распадом СССР и обретением Кыргызстаном политического суверенитета угроза поглощения кыргызской традиционной культуры массовой не только не исчезла, но только усилилась в связи с информационной революцией, произошедшей во второй половине XX века и продолжающейся в настоящее время.

Музыка — это не только мир звуков, она представляет собой достаточно сложное и многогранное явление, в котором определенным образом отражаются и преломляются различные идеи и эмоции, благодаря чему она наделена способностью оказывать мощное и глубокое воздействие на человека, формировать его душу, внутренний мир. Будучи одной из форм и видов искусства, она способна решать целый спектр задач и функций, присущих ей, а именно ценностные, морально-этические, эстетические, педагогические и другие, которые вместе образуют духовную сферу музыки.

На музыкальной культуре, помимо прочего, зиждется также решение важной социально-психологической задачи, заключающейся в формировании мироощущения и мировоззрения человека, его отношения к социальной и природной реальности. В зависимости от конкретных обстоятельств, а вернее, всей их совокупности, и от того, каким общественным группам, слоям и классам служит музыкальное искусство, какие тенденции в получают в нем преобладание, оно, как показывает богатый исторический опыт, может быть мощным и воспитательным, развивающим и гармонизирующим средством во взаимодействии личности с миром и в отношении с самим собой, либо, наоборот, деструктивной силой, подавляющей в человеке духовное начало, стремление к высокому, идеальному. Музыка тем или иным образом участвует в воспитательном процессе, причем затрагивая не только эстетические и художественные грани личности, но и общегуманитарные и интеллектуальные ее стороны. Тем не менее современные глобальные музыкальные тенденции и ситуации, подверженные значительному воздействию массовой музыкальной культуры, характеризуются тем, что не только неэффективно используются позитивные возможности музыки в воспитательных целях, но и, напротив, задействованы негативные черты музыки, проявляющиеся в упрощении человеческого духа. Речь в данном случае речь идет о глобальной тенденции упрощения музыки, когда, в силу коммерциализации музыки, в музыкальном искусстве «отмирают» такие важные функции, как нравственное воспитание личности и воспитание ее чувств, восприятия, закладка основ и развитие способности и стремления улавливать в музыке смыслы, присущие ей, воспринимать ее красоту, если она присутствует, и т. д.

Очевидно, что духовная сущность и смысл музыки — независимо от того, что понимается под ними, — определяются и реализуются через функции музыки. С другой стороны, духовный аспект музыки шире, чем ее функции, и не могут быть сведены исключительно к ее функциям, хотя и реализуются через них. Музыка, как и искусство в целом, играет важную роль в жизни людей. Хорошо известна мысль Ф. Ницше: «Без музыки жизнь была бы ошибкой» [1997, с. 561]. Очевидно, что без музыки жизнь как каждого отдельного человека, так и человечества в целом была бы значительно обеднена. А бедность, как и богатство, внутреннее содержание жизни, имеет непосредственное отношение к духовности.

Под духовностью в самом широком смысле слова принято понимать всю совокупность проявлений духа в реальности и человеке. В таких гуманитарных дисциплинах, как философия, социология и культурология, под духовностью обычно подразумевают те

нравственно-этические силы и начала, которые объединяют общество и предстают в виде определенных моральных ценностей и традиций, сосредоточенных, как правило, в религиозных системах, мировоззрении и опыте, а кроме того, в художественных образах искусства. Следует обратить внимание на то, что духовность, если оценивать ее на субъектном уровне, является признаком и критерием зрелости личности, которая вышла за рамки собственных узких интересов и недолговечных и изменчивых ценностей. Следует также отметить, что во многих современных работах и концепциях, главным образом западных исследователей, подчеркиваются несовпадение, определенные, подчас существенные различия между духовностью и религиозностью. Так, по мнению известной современной британской специалистки в новых религиозных движениях — А. Баркер, духовность различна с религиозностью, в частности, тем, что источником религиозности выступает внешний мир, представленный в форме предписаний и традиций, в то время как источником духовности выступает внутренний опыт человека [Степанова, 2011, с. 129]. В данной статье речь идет о внерелигиозной духовности.

Что касается музыкальной культуры, являющейся одной из разновидностей духовной культуры, то она, если рассматривать ее с ценностной точки зрения, характеризуется деятельностью, направленной на создание музыкально-художественных ценностей. Музыка представляет собой универсальный язык, т. е. в той или иной мере понятный всем, и часто весьма выразительный и обращенный как сознанию, так и душе человека.

В течение многих веков, из поколения в поколение различного рода произведения искусства в специфической художественной форме передают сведения о предшествующем мире людей с их радостями и горестями, надеждами и идеалами, представлениями о добре и зле и т. д. Такую способность искусства принято определять как познавательную функцию, которая применительно к музыкальному искусству обладает определенной спецификой, к тому же малоисследованной. Данный факт, как считает С. М. Науменко, обусловлен тем, что музыка представляет собой символическое искусство, которое имеет весьма малое отношение к непосредственной изобразительности, визуальному восприятию. Она способна выражать, в первую очередь, внутренний мир и эмоциональное состояние человека, его нравственно-эстетический опыт и переживания, фантазии, порывы, мечты и т. д. По этой причине восприятие и истолкование музыки всегда субъективны и абстрактны, однако не всегда и обязательно произвольны. Границы и характер восприятия музыки определяют логические закономерности, собственные самой музыке, но также культурой и уровнем восприятия человека [Науменко, 1982].

Очевидно, что музыка в силу того, что она является определенной формой звука, непосредственно обращена к слуху человека, и последний, улавливая эти звуки, испытывает определенную эмоциональную реакцию. Однако дело далеко не ограничивается эмоциональным воздействием музыки. Диапазон такого воздействия, охватывая как духовный, так и телесный мир человека, выходит за рамки эмоционального. Данное обстоятельство, свойство музыки приводит к тому, что формирование музыкальной культуры общества целесообразно осуществлять в контексте и направлении гармонического и наиболее полного, разнообразного развития личности. Учитывая данный факт, общество должно исходить из того, что всесторонне и гармонично развитое общество есть не что иное, как совокупность всесторонне развитых индивидов, личностей.

На определенное воспитательное воздействие музыки обратили внимание еще в Древнем Китае, о чем свидетельствуют, в частности, суждения, зафиксированные в древнекитайской священной книге «Шу-Кинг», которая в классическом виде содержит 305 народных песен и стихотворений различных жанров, созданных в XI–VI вв. до н. э. и отражающих многообразные явления духовной и социальной жизни. В этой книге обращается

внимание на непосредственную связь между типом музыкального произведения и типом поведения личности [Шендрик, 2005, с. 7].

В обыденном, повседневном, привычном и широко распространенном понимании музыка оценивается как вид искусства, достаточно близкий к другим видам искусства. При этом часто обращается внимание на ее коммуникативную, социальные и иные функции, в то время как на стыке психолого-воспитательных проблем во внимание берется, в первую очередь, преобразующая способность, свойство музыки, ее духовно-формирующая роль. К сфере же философии музыки принято относить такие проблемы, как музыка и внутренний мир человека, сущность, природа музыки, ее бытие, особенности ее содержания и формы, способы и формы существования. В пределах философской трактовки, понимания музыки принято выделять мировоззренческую, эстетическую и этическую ее функции и, соответственно, ценность. Для научного понимания и истолкования музыки традиционен взгляд на нее как на общественный феномен [Клюев, 2004, с. 170]. Существует также нетрадиционный подход к музыке, который можно найти в ряде классических трудов, относящихся к европейской философской и эстетической мысли. При таком подходе роль и место музыки, рассматриваемой в ее тесной взаимосвязи с духовностью, оценивается несколько иным образом, чем при традиционном подходе и традиционном музыковедении, где взгляд на музыку основывается на безусловном признании многофункциональности и музыки.

В связи с понятием философии музыки находятся такие фундаментальные и емкие категории, как «мир», «бытие», «человек», «сознание», «добро», «зло», «красота», «гармония» и др. В сферу философии музыки входят проблемы, которые находятся либо граничат с общефилософскими проблемами и находятся в определенной связи с такими дисциплинами, как эстетика, этика, психология, педагогика и др.

Рассуждая о духовной природе и сущности музыки, необходимо иметь в виду в первую очередь субстанциональный характер музыкального бытия, которое в конечном счете есть свойство человека либо следствием и отражением данного свойства. Музыкальное бытие связано с внутренним миром человека, оно составляет его часть и возможно только в пределах человеческого бытия.

Одним из важных вопросов, неизбежно возникающих при обращении к музыкальному творчеству и искусству, является вопрос: какова роль музыки в жизни общества? В целом, она соответствует, одинакова с ролью художественной культуры, с ее различными формами и разновидностями. Взаимосвязь между музыкальным искусством и духовной жизнью общества реализуется в трех основных направлениях, аспектах. В первую очередь музыкальное искусство отражает в присущей ей специфической форме реальность. Во-вторых, в художественной форме оценивает эту реальность. И, наконец, в-третьих, реализует свою творческую функцию, определенным образом влияя и преобразуя как личную, так и общественную жизнь личности. Как и любая другая форма и разновидность искусства, музыка обогащает и облагораживает человеческую жизнь, приводит в движение, стимулирует в ней эстетическую потребность и начало. Однако она не только обогащает обыденное существование человека, она одухотворяет жизнь человека, поднимает его над обыденностью, рутинностью и тем самым создает высший слой, уровень, собственно среду духовной жизни человека и общества. Определяющим моментом в уяснении роли музыки в жизни общества, ее сущности является выявление ее особенностей, которые обусловлены в первую очередь функциями, которые музыка выполняет в жизни общества. Однако, рассуждая об этих функциях, следует указать на то, что к настоящему времени именно вопрос функций музыки разработан в музыковедении и музыкальном искусстве в незначительной степени, о чем в свое время говорил доктор искусствоведения и известный музыкальный социолог А. Н. Сохор, который утверждал, что «специаль-

ные исследования по данному вопросу единичны, причем в имеющихся пока еще не достигнуты ни последовательность, ни ясность» [1983, с. 74]. И это несмотря на то, что проблемы, связанные с функциями музыки, имеют долгую историю и начали рассматриваться, как минимум, еще в эпоху античности, начиная с Пифагора и возникновения философской мысли. Аристотель, размышляя о природе музыки, ввел своеобразную иерархию функций музыки, в которой он первое место отвел интеллектуальному удовлетворению, второе — воспитательной и очищающей функциям, а третье — физиологическому наслаждению, получаемому от прослушивания музыки. Немецкий философ XX в., соединивший в одном своем лице композитора и музыковеда, Т. Адорно среди различных функций музыки выделил такие, как потребление и эстетическое наслаждение, размышляя о музыкальной индустрии [Адорно, 1999, с. 54]. По мнению современного российского музыковеда, профессора Московской консерватории В.Н. Холоповой, существуют следующие функции музыки: коммуникативная, отражения действительности, этическая, эстетическая, каноническая (канонизирующая), эвристическая, познавательно-просветительская, общественно-преобразующая, личностно-преобразующая [Холопова, 1994, с. 6].

Несмотря на то, что среди музыковедов, как и музыкантов, по сей день не существует единого мнения не только относительно того, какие функции музыки следует считать основными, но и сколько их вообще и что именно следует считать музыкальными функциями, на их иерархию, значимость, количество и пр., очевидно, что, во-первых, их достаточно много, во-вторых, они в совокупности образуют разветвленную систему, и, в-третьих, все они в той или иной мере, тем или иным образом имеют отношение к духовной жизни общества. Все они тем или иным образом формируют личность, а через нее и общество в целом.

Посредством музыкального искусства, собственно музыки люди, воспринимая ее, часто возмещают дефицит общения и легче приходят к взаимопониманию. Следует указать на то, что музыкальная коммуникация — это контакт особого рода, основывающийся на эмоциональном взаимодействии, родстве, близости и душевное сопереживании. Слушатели, счет которым может идти на миллионы, способны получать удовольствие, эмоциональное и духовное удовлетворение от одного и того же музыкального творения, мелодии. Следует, однако, уточнить, что данное свойство музыки не дает основания приравнивать всю музыкальную культуру и музыку к массовому искусству. Подлинное искусство, в том числе, конечно, музыкальное, формирует полноценную личность, обогащает ее, в то время как суррогат, эрзац, искусства, подделка, его неполноценный, упрощенный, примитивный заменитель, напротив, не только ослабляет индивидуальные черты, но и не дает им развиваться, направляя развитие в ложном направлении. И если в первом из указанных случаев музыка выступает в качестве надежной основы для общения людей как носителей индивидуального, оригинального начала, то во втором случае формируется определенная человеческая масса, в которой человек неизбежно утрачивает личностные черты и атрибуты — волю, благоразумие и эмоции и др., подчиняя их в конечном итоге воздействию простых раздражителей и выплескивая свою энергию сумбурно, хаотично и бессмысленно, несмотря на то, что в обоих случаях средством единения выступает музыка, но разная музыка — одухотворяющая, возвышающая и, напротив, бездумная и низводящая.

Литература

1. Адорно Т. В. Избранное: Социология музыки. М.: Университетская книга, 1999. С. 54.
2. Клюев А. С. Философия музыки. СПб.: Изд-во СПбГУВК, 2004. С. 170.
3. Науменко С. И. Индивидуально-психологические особенности музыкальности // Вопросы психологии. М., 1982. № 5. С. 11–13.
4. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1997. Т. 2. С. 561.

5. Сохор А. Н. Социальные функции искусства и воспитательная роль музыки // Вопросы социологии и эстетики музыки: в 3 т. Т. 3: Статьи и исследования. Л., 1983. С. 74.
6. Степанова Е. А. Новая духовность и старые религии // Религиоведение. 2011. №1. С. 129.
7. Холопова В. Н. Музыка как вид искусства. Музыкальное произведение как феномен. М.: Моск. науч.-творч. центр «Консерватория», 1994. С. 6.
8. Шендрик А. И. Социология культуры. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 7.

УДК 394/395 (517.3)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-148-150

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТРУДА В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ

© Гомбожапов Александр Дмитриевич

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, г. Улан-Удэ
agombozh@gmail.com

Рассмотрены социальные изменения в хозяйственных практиках современных кочевников Монголии. Автор полагает, что труд как важный социальный институт выступает в качестве значимого показателя модернизационных изменений в кочевом обществе.

Ключевые слова: кочевники, общество, изменения, Монголия, труд, хозяйственные практики.

IN REFERENCE TO LABOUR CHARACTERISTICS IN THE NOMAD SOCIETY OF MODERN MONGOLIA

Alexander D. Gombozhapov

Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS
Ulan-Ude, Russia
agombozh@gmail.com

The paper studies social changes in the economic practices of modern Mongolian nomads. The author believes that labour as an important social institution acts as a significant indicator of modernization changes in a nomadic society.

Keywords: nomads, society, changes, Mongolia, labour, economic practices.

Труд как социальный институт весьма восприимчив к происходящим в сфере общественных отношений преобразованиям. Он является чувствительным индикатором экономического и социального поведения населения. В отношении кочевой Монголии, где на первый взгляд кочевой уклад воспроизводится в неизменном виде, а традиционные формы хозяйствования не имеют потенциала к динамичному развитию в современных условиях рынка, действительно имеются затруднения в оценке происходящих в нем процессов модернизации и трансформации. Преодолеть его представляется возможным в том числе и через рассмотрение института труда. Изменение в половозрастном разделении труда, гендерные предпочтения в определенных занятиях, конфликт ценностей, вытеснение традиционных институтов взаимопомощи и распространение товарно-денежных отношений между кочевниками — все это не менее важно в определении содержания и характера социальной трансформации кочевого населения.

Первое на что обращается внимание в характеристике модернизационных изменений в традиционном обществе, это половозрастное разделение труда. В среде кочевников Монголии изменения в этом естественно сложившемся гендерном разделении малозаметны. Вся трудовая деятельность в кочевом хозяйстве довольно отчетливо разграничивается на мужские и женские занятия. Однако, как неоднократно указывали исследователи, монгольские женщины в случае отсутствия мужчины выполняли все необходимые по хозяйству работы. Видимые перемены в этой сфере связаны с содержанием трудового процесса как такового. Перестают быть актуальными такие работы, как изготовление нити, веревков, предметов конской сбруи, утратили свое значение выделка шкур и кож, войлока.

Домашнее производство отходит в прошлое. И это, безусловно, способствует облегчению, в первую очередь, женского труда.

Круг мужских занятий более консервативен в силу сохраняющегося экстенсивного способа хозяйствования, и наблюдаемые процессы можно свести к техническим совершенствованиям. Шире используются транспортные средства, уже становится обыденным пастьба домашнего скота на мототранспорте, поскольку лошадь необходимо каждый раз седлать и расседлывать.

Новацией выглядит распространение в среде малоимущих кочевников огородничества и разведения домашних животных, не характерных для кочевого скотоводства: кур, гусей и т. д., хотя в целом к земледелию как источнику дополнительных средств к существованию бедные кочевники в своей истории обращались очень часто. Тем не менее это заметное явление влияет на трудовую деятельность, дополняя набор повседневных хозяйственных обязанностей кочевников.

В отношении возрастного разделения можно сказать, что остается устойчивой практика закрепления за определенным возрастом хозяйственных функций и ролей. Она воспроизводится без существенных изменений. К выполнению тех или иных хозяйственных дел привлекались дети и подростки [Жуковская, 2002]. Так, по описанию И. Майского, дети приобщаются к труду с 3–4 лет. В этом возрасте они приучаются пасти молодняк мелкого и крупного рогатого скота и овец. С 6–7 лет дети начинают пасти крупный рогатый скот будучи уже обученными верховой езде, выполняют работу по дому: собирают аргал, валежник, разжигают огонь в железной печке, помогают матери в хозяйстве. В последующем происходит разделение по гендерному признаку. «Мальчики привыкают делать конскую сбрую, чинить седла, выезжать лошадей, ходить с караваном верблюдов, девочки же приучаются шить, варить пищу, готовить молочные продукты и т. д. На этом образование монгола или монголки заканчивается (за вычетом лам...). И к 15–16 годам он или она являются уже постигшими все тайны доступной народу премудрости» [Майский, 1921, с. 55].

Претерпевают изменения и формы производственной организации и социальных взаимоотношений, возникающих из необходимости выполнения совместного труда. Собственно, основной формой производственной организации в среде кочевников выступала община. Исследователями неоднократно подчеркивалось, что причины, по которым кочевники объединяются в общину, связаны в основном с экономией труда (см., например: [Симуков, 2007; Хазанов, 2008 и др.]). Кочевая община, как подчеркивает Н. Э. Масанов [1995, с. 135], «это прежде всего функционально интегрированная организация трудящихся индивидов, социальное образование, основанное на принципах трудовой кооперации». А. М. Хазанов [2008, с. 166] указывает на то, что хотя входящие в кочевую общину домохозяйства по большей части и находятся в родственных связях, объединены они прежде всего выполнением производственной функции. Таковой являлась, к примеру, пастьба скота. Широко распространены формы совместного выпаса скота: хотон, отор, саах [Жагварал, 1974].

А. Д. Симуков выделяет кроме этого и другие стимулы, такие как обмен производственными навыками, экономическая зависимость, выражаемая в потребности в дополнительных рабочих руках в жилищных хозяйствах в обмен на продукцию животноводства, недостаток которой имеется в малоскотных хозяйствах, родственные связи и необходимость социального общения [2007, с. 127].

Наблюдаемые изменения в этой сфере заключаются в замене институтов взаимопомощи, представлявших собой коллективный безвозмездный труд, услугами наемной рабочей силы. Особенно это заметно на примере сезонных работ в кочевом хозяйстве. В среднестатистическом домохозяйстве количество постоянно занятых работников рав-

няется двум, в качестве которых выступают его глава и супруга. Дети и подростки, как правило, с началом учебных занятий переезжают в населенный пункт, хотя в удаленных районах встречается и мобильная форма школьной сети, практикующая надомное обучение.

Свидетельством все более широкого проникновения наемного труда являются многочисленные объявления о найме работников¹. В зависимости от требуемого объема работ в хозяйстве различается и характер трудовой деятельности наемного работника. В большом количестве встречаются объявления, где требуется помощник пастуха (туслах малчин), что говорит о востребованности дополнительных рабочих рук в кочевом хозяйстве. Довольно распространены объявления о найме на работу семьи. Содержание трудовой деятельности, выполняемой членами нанятой семьи, близко к такой форме, как семейный подряд. Выделяются и отдельные виды хозяйственных задач, на выполнение которых требуются работники. Это по большей части работы, связанные с доением тех или иных видов животных (саальчин), переработкой молока и т. д.

Таким образом, из кратко охарактеризованных явлений в трудовой деятельности кочевников можно заключить, что кочевое хозяйство современных монгольских скотоводов сохраняет свои консервативные черты в отношении такого важного социального института, как труд. Повседневная трудовая деятельность кочевников в большей степени остается прежней, поскольку ее основа определяется, как и раньше, экстенсивным кочевым скотоводством [Bazarov, 2005; Крадин, 2016, 2017]. Однако наблюдаемые явления, такие как существенные перемены в материальном быту, проникновение товарно-денежных отношений (замена трудового вклада денежным и т. д.), безусловно, сказываются на изменении содержания и форм хозяйственной практики современных кочевников.

Литература

1. Bazarov V. Transformation of Nomadic Society: Comparative Analysis of Social and Economic Development of Mongolian Peoples at the End of XX — Beginning of XXI Centuries. *Nomadic Studies*. 2005. № 10. P. 11–13.
2. Жагварал Н. Аратство и аратское хозяйство. Улан-Батор: Типограф. Академии наук МНР, 1974. 222 с.
3. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: учеб. пособие. М.: Восточная литература, 2002. 247 с.
4. Крадин Н. Н. Мир кочевников и скотоводов в начале миллениума: стратегии выживания в постсоциалистическом мире // XII Конгресс антропологов и этнологов России: Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы. М.; Ижевск: ИАЭ РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 24–27.
5. Крадин Н. Н. Процессы трансформаций скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 8–27.
6. Майский И. Современная Монголия (Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительных обществ «Центросоюз»). Иркутск: 1-я Государственная типография, 1921. 332 с.
7. Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 320 с.
8. Симуков А. Д. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1. Осака, 2007. 978 с.
9. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 512 с.

¹ Анализ проведен по данным интернет-ресурсов: <http://www.mbitj.mn>, <https://www.unegui.mn>, группы в социальной сети Facebook и др.

УДК 316.74
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-151-154

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ БУДДИЙСКИХ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ

© Бадмацыренов Тимур Баторович
доктор социологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
batorovitch@mail.ru

Социальные сети стали пространством активного развития буддийских онлайн-сообществ, идей и практик. В этой цифровой среде возникают новые социальные формы взаимодействия между пользователями с разными представлениями о буддизме. Многие из них часто не включены в офлайн буддийские сообщества и практики. Этот процесс можно рассматривать как развитие цифровой религии, смешения онлайн и офлайн социальных структур, практик и идей.
Ключевые слова: буддизм, цифровой буддизм, Интернет, онлайн-сообщества.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20 011 00531 «Российский буддизм и социальные медиа: цифровая трансформация буддийских сообществ».

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES IN STUDYING THE BUDDHIST ONLINE COMMUNITIES

Timur B. Badmatsyrenov
Dr. Sc. (Soc.), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
batorovitch@mail.ru

Social networks opened the space for developing the Buddhist online communities, ideas and practices. In this digital environment, new social forms of interaction are emerging between users with different understandings of Buddhism. Many of them are not involved in offline Buddhist communities and practices. This process can be seen as the development of a digital religion, a blending of online and offline social structures, practices, and ideas.
Keywords: Buddhism, Digital Buddhism, Internet, online communities.

The article was supported by RFBR grant No. 20 011 00531 "Russian Buddhism and Social Media: Digital Transformation of Buddhist Communities".

Предлагаемая статья посвящена исследованию развития подходов в изучении буддийских онлайн-сообществ и особенностей формирования буддийских идей и практик в социальных сетях, которые становятся ареной медиатизации религии — взаимовлияния офлайн- и онлайн-сообществ, столкновения и переплетения институционально оформленных религий и индивидуальных религиозных практик, в результате чего формируется цифровое религиозное «третье место» и возникают сообщества, имеющие офлайн-аналоги, и «виртуальные», таких аналогов не имеющие.

Исследования религии в Интернете стали активно развивающимся направлением современной социологии. За последние 20 лет эта область исследований развивалась от изучения «кибер-религии», как религиозных практик, появившихся в компьютерных сетях, к «виртуальной религии», в призму которой попадали различия между «реальными» и новыми «виртуальными» религиозными структурами. Американская исследовательница

ца Хайди Кэмпбелл выделяет три волны в развитии междисциплинарного исследовательского направления «цифровая религия» [Campbell, 2016, с. 1–10]. В 90-е гг. XX в. первые работы появились в рамках исследования «киберрелигии» как результата влияния информационных технологий и компьютерных сетей на религиозное поведение. В работах второй волны внимание было обращено на противоречия между реальным и виртуальным «пространствами», следствием которых виделось возникновение «виртуальной религии» и виртуальных религиозных сообществ и практик, существовавших только в «киберпространстве» и не соответствовавших «реальной» религии. Кристофер Хэлланд предложил идею о различиях между онлайн-религией и религией онлайн для отражения различающихся способов религиозного использования Интернета [Helland, 2005, с. 1–16]. Он обратил внимание на гибкость и «текучесть» онлайн-религии, в которой происходило неограниченное взаимодействие между пользователями и возникли новые формы религиозности и интерактивных религиозных онлайн-практик. Религия онлайн, по его мнению, скорее включала формы онлайн-активности традиционных религиозных организаций и направлена на информирование пользователей об их офлайн-деятельности.

Сейчас, по мнению Х. Кэмпбелл, превалирует подход к изучению смещения онлайн и офлайн религиозных пространств и возникновения на этой основе гибридных форм «цифровой религии» [Campbell, 2016, с. 3]. В таком видении в Интернете и связанной с ним офлайн-деятельности происходит формирование новых форм религии, на которые оказывают воздействие и офлайн, и онлайн, а религиозные сообщества не только оказываются перед вызовами цифровой среды, но и активно ее трансформируют.

Привычная категоризация отражает видение буддизма как мировой религии, как некое единство сообществ, идей и практик. В действительности же буддизм практически с самого начала развивался как множество школ и направлений, довольно слабо связанных друг с другом, а идея «мирового буддизма» возникает во многом как результат ориенталистского конструирования. Новые медиа становятся полем беспрецедентного пересечения различающихся буддийских институтов и практик, идей и представлений, поддерживаемых и транслируемых разными сообществами и отдельными индивидами.

С конца 1990-х гг. в зарубежных исследованиях формируется междисциплинарное направление, изучающее связь буддизма, Интернета и новых медиа [Hayes, 1999; Greider, 2002; Buddhism, the Internet, and Digital Media, 2015; Digital Humanities and Buddhism, 2019]. Как отмечает Л. Коннели, изучение буддизма в Интернете является вызовом в разработке новых теоретических рамок описания растущей связи религии и Интернета [Connely. 2015, p. 3869–3882]. В 1994 г. Гари Рэй предложил термин «киберсангха» для обозначения новых интернет-форм объединений верующих [Ray, 1994, p. 60–63]. Чарльз Пребиш в 2004 г. выделил три типа буддийских виртуальных сообществ [Prebish, 2004, p. 145]. Первый тип включает веб-сайты буддийских традиционных групп для повышения комфортности коммуникации. Второй охватывает «виртуальные храмы», создаваемые традиционными сангхами для интернет-дополнения существующих у них офлайн-программ и храмов. В третьем же представлены «чистые онлайн-сообщества», не имеющие офлайн-аналогов.

Мортен Шлуттер описывает два типа «буддийских» интернет-ресурсов: веб-сайты традиционных («доцифровых») буддийских центров, у которых есть физические места встреч, медитаций, обсуждений и т. п. Во втором типе обнаруживаются сайты интернет-сообществ «киберсангхи», члены которых лицом к лицу не встречаются [Schlutter, 2014, p. 511].

Буддийские сообщества всегда стремились использовать технические достижения для распространения своих идей и практик, что доктринально подкреплялось концептом «искусных средств» (upaṇā-kaushalya) как способов передачи учения, адаптированных под

условия места, времени и аудитории. Формирование цифрового буддизма в онлайн-пространстве началось почти сразу же с развитием интернет-коммуникаций 1.0 в виде информационных сайтов, бюллетеней и рассылок, интернет-форумов, которые позднее были потеснены социальными сетями и блогами [Актамов, Бадмацыренов, Цыремпилов, 2015, с. 126]. Монахи и буддисты-миряне стали активно использовать интернет-технологии для трансляции буддийских идей и повышения общественной, политической и экономической поддержки.

Кристофер Хэлланд приводит интересный пример с тибетскими монахами монастыря Намгьял, которые, понимая важность Интернета для поддержки тибетской диаспоры, в 1996 г. провели ритуал Калачакра-тантры для освящения «кибер-пространства» как гигантской мандалы [Helland, 2015, p. 4]. Хэлланд считает, что «официальные религиозные организации и традиционно-религиозные люди», осознавая растущее значение Интернета, пытаются его использовать и исповедовать свою религию так, как они это делали в прошлом. «Неофициальные и неформализованные религиозные группы и люди, находящиеся в религиозном поиске», начинают включаться в религиозную онлайн-деятельность совершенно иным, открытым способом [Там же, p. 8]. В этой ситуации возникают противоречия между существующими сообществами и вызовами со стороны «множественных современностей» и «сетевым индивидуализмом». На примере «виртуального Тибета» он описывает создание тибетской диаспорой буддийского «третьего места» как гибридного сообщества, позволяющего вступать не только в онлайн-сообщества, но и усиливающего сетевые связи внутри тибетцев, рассеянных по всему миру, и формирующего общую тибетскую буддийскую идентичность.

Деятельность представителей буддологической науки, часто, впрочем, связанных с собственно религиозной практикой, также способствовала расширению «буддийского» сегмента Интернета. Более того, как отмечает Грегори Грив, «романтизированные буддийские идеи с самого начала оказывали влияние на развитие современной компьютерной науки» [Grieve, Veidlinger, 2016, p. 476]. Крупнейший исследователь американского буддизма Чарльз Пребиш детально описывает историю влияния ИКТ и компьютерных сетей на буддологические исследования и развитие буддийских общин уже с начала 1980-х гг. [Prebish, 2014, p. 79–92].

В отечественной и зарубежной буддологии и социологии религии изучение буддизма в Интернете стало одним из наиболее перспективных направлений с весьма обширной тематикой, и многие монографии и сборники, посвященные изучению истории и современного состояния буддизма, включают разделы о буддизме в Интернете. Интернет и социальные сети выступают местом реконструирования традиционного поля религиозного взаимодействия, в котором монополия производства религиозных смыслов принадлежит ассоциациям профессиональных священнослужителей. В онлайн-пространстве традиционные религиозные авторитеты и каноны подвергаются новым вызовам, а иерархии оказываются неспособны удержать монопольное положение, поскольку формируются новые формы прямой публичной коммуникации.

Литература

1. Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б., Цыремпилов Н. В. Российский буддизм в интернет-измерении // Власть. 2015. № 7. С. 125–130.
2. Buddhism, the Internet, and Digital Media The Pixel in the Lotus. ed. by Gregory Price Grieve, Daniel Veidlinger. New York: Routledge, 2015. 248 p.
3. Campbell H. Surveying theoretical approaches within digital religion studies. *New Media and Society*. 2016. Vol. 19. Issue: 1. P. 1–10.

4. Connely L. *Virtual Buddhism: Online Communities, Sacred Place and Objects — The Changing World Religion Map: Sacred Places, Identities, Practices and Politics*. Springer Netherlands, 2015. P. 3869–3882.
5. *Digital Humanities and Buddhism: An Introduction*. Ed. By D. Veidlinger, De Gruyter, 2019, 234 p.
6. Greider B. *Academic Buddhology and the Cyber-Sangha: Researching and Teaching Buddhism on the Web. Teaching Buddhism in the West: From the Wheel to the Web / ed. By V.Nori, R. Hayes, J. Shields*. London. New York, 2002. P. 212–234.
7. Grieve G. P., Veidlinger D. *Buddhist Media Technologies*, in M. Jerryson (ed.) *The Oxford Handbook of Contemporary Buddhism*. P. 476. New York: Oxford University Press, 2016. P. 469–483.
8. Hayes. R. *The Internet as a Window onto American Buddhism// American Buddhism: Methods and Findings in Recent Scholarship / Williams, Duncan Ryuken and Queen, Christopher S. eds*. Richmond, Surrey, UK: Curzon Press, 1999. P. 168–179.
9. Helland C. *Online religion as lived religion methodological issues in the study of religious participation on the Internet, Online — Heidelberg Journal of Religions on the Internet*. 2005. Volume 01.1 Special Issue on Theory and Methodology. P. 1–16. [<http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/5823/1/Helland3a.pdf>, accessed 12.04.2019].
10. Helland C. *Virtual Religion: A Case Study of Virtual Tibet*. Oxford Handbooks Online. 2015 <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935420.001.0001/oxfordhb-780199935420-e-43>. P. 4.
11. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T., Khandarov F., Aktamov I. *Russian-Speaking Digital Buddhism: Neither Cyber, nor Sangha*. *Religions*. 2021. 12 (6). P. 449. <https://doi.org/10.3390/rel12060449>.
12. Prebish C. *Online Peer-Reviewed Journals in Buddhism. The Birth of the Journals of Buddhist Ethics and Global Buddhism. Buddhism, the Internet, and Digital Media: The Pixel in the Lotus*. ed. by Gregory Price Grieve, Daniel Veidlinger. — New York: Routledge, 2014. P. 79–92.
13. Prebish Ch. S. *The Cybersangha: Buddhism on the Internet*, in Dawson, L.L. and Cowan, D. E. (eds.) *Religion online: Finding faith on the Internet*. London: Routledge, 2004. P.135–147.
14. Ray G. *A Resource Roundup for the Cybersangha*, *Tricycle: The Buddhist Review*. 1994. 3(4). P. 60–63.
15. Schlutter M. (2014) *Buddhism in the Digital World*, in M. Poceski (ed.) *The Wiley Blackwell Companion to East and Inner Asian Buddhism*, P. 511, Chichester, UK: John Wiley.

УДК 94 (571.54)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-155-159

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ РАЙОНОВ СТРОИТЕЛЬСТВА БАМ (1970–1980-е гг.)

© **Байкалов Николай Сергеевич**

кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
baikalov@bsu.ru

В работе рассмотрены основные этапы развития градостроительной концепции районов строительства БАМ, нормативно-правовое обеспечение проектирования, особенности обеспечения застройщиков проектной документацией, последствия опережающей застройки населенных мест и прочие аспекты. Проектирование городов и поселков БАМ осуществлялось одновременно с процессом их возведения, что определило такие особенности, как сжатые сроки разработки проектов, отсутствие серьезного проектно-изыскательского изучения геологических, природно-климатических, экологических и прочих условий местности, неясность градообразующих перспектив развития населенных мест, кроме функций по обслуживанию железной дороги. В результате застройка городов и поселков характеризовалась отсутствием планировочной целостности, территориальной протяженностью, пространственной и ведомственной разобщенностью, однотипностью архитектурно-планировочных решений. Данные особенности обусловили трудности территориального развития населенных пунктов БАМ в постсоветское время.

Ключевые слова: Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, Всесоюзная ударная комсомольская стройка, проектирование населенных пунктов, градостроительство.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43043.

PLANNING AND DESIGNING SETTLEMENTS IN BAM REGIONS (1970s–1980s)

Nikolay S. Baikalov
Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, 670000, Ulan-Ude, Smolin St., 24a
baikalov@bsu.ru

The paper considers the main stages in the development of the urban planning concept in the BAM construction areas, regulatory and legal support for design, features of providing developers with project documentation, the consequences of advanced development of populated areas and other aspects. The design of BAM towns and settlements was carried out simultaneously with the process of their construction, which determined such features as short project development times, the absence of a serious study of geological, climatic, environmental, and other local conditions, the ambiguity of city-forming prospects for the development of populated areas, in addition to functions for maintenance of the railway. As a result, the development of cities and towns was characterised by the lack of planning integrity, territorial extent, spatial and departmental disunity, and the same type of architectural and planning solutions. These features led to the difficulties of the territorial development of BAM settlements in the post-Soviet period.

Keywords: Baikal-Amur railway mainline, All-Union Shock Komsomol construction project, design of settlements, urban planning.

Acknowledgments and funds: the research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43043.

В процессе сооружения Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974–1989) на карте Восточной Сибири и Дальнего Востока возникло несколько десятков новых населенных пунктов. Генеральная схема районной планировки зоны строительства БАМ была разработана по заданию Госстроя РСФСР Государственным институтом проектирования городов (Гипрогором) при участии 20 специализированных научно-исследовательских и проектных институтов. Она не имела аналогов в отечественном опыте составления проектов районной планировки по размерам охватываемой территории площадью в 1,6 млн км², располагавшейся в пределах шести краев, республик и областей; особо сложным природно-климатическим условиям; сжатым срокам проектирования и прочим условиям. В зоне БАМ было выделено 14 планировочных районов, где в перспективе должны были образоваться 40 промышленных узлов [Перцик, 1977, с. 183].

Схема опиралась на единые методологические методические подходы и принципы социалистического расселения. За основу принимался дифференцированный подход к организации расселения в различных климатических зонах: в наиболее освоенной южной зоне на базе существующих городов должны были располагаться опорные пункты будущей системы расселения; в промежуточной зоне размещались отдельные ее подцентры — «базовые города»; в самой северной части предполагалось устройство только временных поселков с ограниченным, периодически сменяющимся трудовым контингентом [Меерович, 2017, с. 392–396].

В качестве опорных пунктов рассматривались крупнейшие многофункциональные центры с проектной численностью более 500 тыс. человек, расположенные в освоенных районах Восточной Сибири и Дальнего Востока и лежащие южнее районов строительства (Иркутск — Улан-Удэ — Благовещенск — Хабаровск), а также Братск и Комсомольск-на-Амуре, расположенные в западном и восточном «крыльях» зоны БАМ. Базовые города планировалось разместить непосредственно в пределах зоны БАМ (Усть-Кут, Казачинск, Ново-Киренск, Чульман, Удокан, Тында, Ургал). Они должны были стать центрами горнодобывающей и лесной промышленности, а также транспортно-распределительными пунктами. Численность таких поселений планировалась в интервале от 50 до 100 тыс. человек. Третьим звеном проекта являлись города и рабочие поселки с численностью 10–15 тыс. человек, возникающие как транспортные узлы и как центры добывающей, лесозаготовительной и лесоперерабатывающей промышленности (города Холоднинский, Молодежный, Кропоткин) [Перцик, 1977, с. 192]. В более поздних разработках базовые города были сгруппированы по трем районам: западному (Усть-Кутскому), центральному (Южно-Якутскому) и восточному (Комсомольскому). Всего в них планировалось сосредоточить до 60–65 % населения зоны БАМ.

Советская градостроительная доктрина рассматривала промышленность в качестве главной причины возникновения, существования и развития населенных пунктов [Меерович, 2017, с. 389]. В то же время проектировщики отмечали, что значительная часть природных богатств зоны БАМ не выявлена и не изучена, что создавало неопределенность перспектив развития большинства населенных пунктов. Данное обстоятельство затрудняло «разработку максимально достоверных прогнозов развития структуры расселения, масштабов и функциональной роли городов и поселков в районах освоения». В проектно-планировочных работах по расселению «была поставлена задача формирования опорной сети центров расселения, стабильной при различных возможных стратегиях хозяйственного освоения зоны БАМ» [БАМ, 1984а, с. 44–61]. На практике это означало отсутствие четких представлений о месте размещения и перспективах развития того или

иногo населенного пункта, что осложняло работу проектных институтов над генпланами городов и поселков.

В научных и проектных работах по организации расселения в зоне БАМ не учитывалась уже сформировавшаяся сеть городских поселений. Даже в середине 1980-х гг. проектировщики продолжали говорить о гипотетических населенных пунктах, привязанных к наиболее перспективным месторождениям притрассовой территории [БАМ, 1984б, с. 118–119].

Для подготовки проектов конкретных поселений вышеописанные разработки не подходили. Фактически проектные институты руководствовались рядом инструкций, в т. ч. «Рекомендациями по проектированию населенных мест БАМ», разработанными Институтом ЛенНИИградостроительства при участии ЛенЗНИИЭПа и ЦНИИСа Минтрансстроя СССР. В документе содержались единые требования к архитектурно-планировочной организации населенных пунктов: максимальная компактность и плотность застройки; четкость архитектурно-планировочного построения, ясность композиции, основанная на том, что ее главными осями должны стать улицы, ведущие к железнодорожному вокзалу, производственной зоне и общественному центру; максимально кооперировать все виды обслуживания в едином торгово-общественном центре (ТОЦ) с размещением последнего в центре поселка — на главных путях движения к производственной зоне и вокзалу.

С учетом демографических особенностей зоны БАМ в СНиП «Планировка и застройка городов, поселков и сельских населенных пунктов» внесены дополнения, в которых для городов-новостроек предусматривались первоочередное строительство яслей и детских садов, поликлиник, родильных домов, детских больниц, учреждений культуры и спортивных сооружений по нормам, установленным для расчетного срока строительства. Создание единых (объединенных) инженерных сетей предусматривалось только в районах компактных групп населенных мест. Относительно изолированные поселения должны иметь локальные инженерные системы.

Для обеспечения единой градостроительной концепции в зоне БАМ при Госстрое РСФСР была создана служба главного архитектора БАМ. Своеобразие облика возводимых поселков планировалось обеспечить контрастностью высоких односекционных домов с протяженными блоксекционными домами и низкими объемами общественных зданий. Лестницы, подпорные стенки и откосы рассматривались в качестве важных конструктивных элементов в местностях с горным рельефом.

Архитектурный облик городов и поселков зоны БАМ разрабатывался на основе зрительного восприятия из перспективы наиболее посещаемых мест. Главным элементом архитектурного ансамбля каждого населенного пункта являлось здание железнодорожного вокзала, в архитектуре которого проектировщики рекомендовали отразить «традиционные формы и черты национальных архитектурно-художественных школ союзных республик, участвовавших в сооружении БАМа» [БАМ, 1984а, с. 47]. Всего проектировщиками было намечено построить на трассе 4460 зданий служебно-технического и производственного назначения, в т. ч. 69 вокзалов, из которых 28 — на 25 пассажиров, 30 — на 50 пассажиров. На 11 станциях было намечено строительство вокзалов по 14 индивидуальным проектам на 100, 200, 300 и 400 пассажиров. Типовые проекты вокзалов на 25 и 50 мест со стенами из кирпича были разработаны в блокировке с постом электрической централизации, связи и сигнализации и утверждены МПС [РГАЭ. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 2941. Л. 245–248].

В некоторых населенных пунктах БАМ проектировщикам удалось реализовать эстетически привлекательные проекты железнодорожных вокзалов по индивидуальным проектам. Например, в Северобайкальске здание вокзала со стеклянными стенами, окнами в

форме иллюминаторов и изогнутой крышей, напоминающей парус или байкальскую волну, было построено по проекту новосибирского архитектора В. П. Авксентюка. Проект железнодорожного вокзала Тынды, разработанный московскими архитекторами, символизировал развернувшуюся крыльями лебедь. Разработка стала победителем международного архитектурного конкурса в г. София в 1975 г. Благодаря сложным конструкциям и изысканному оформлению вокзалы стали важнейшим элементом архитектурного облика поселений БАМ.

Кроме здания вокзала типовой план постоянного поселка включал торгово-бытовой центр, дом культуры и жилой массив. На территории, отведенной под постоянный поселок, могли размещаться временные микрорайоны, в которых проживали транспортные строители. В таком случае по мере возведения постоянных объектов они подлежали постепенному сносу.

Архитектурная документация большинства городских населенных пунктов не соответствовала принятым нормам. В планах развития поселений отсутствовали проекты инженерного оборудования — центральных сетей канализации, водоснабжения, тепловых сетей. Например, только в 1979 г. Сибгипротранс задержал проектно-сметную документацию по стационарным поселкам Северо-Байкальского района объемом в 12 млн руб. [ГАРБ. Ф. П-8. Оп. 12. Д. 2. Л. 226]. В 1980 г. из 27 возводимых поселков западного участка стройки более трети были обеспечены проектной документацией частично, по пяти населенным пунктам проекты отсутствовали [РГАЭ. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 3825. Л. 147–148].

Работа проектных институтов не сопровождалась надежными научными изысканиями местности, что приводило к частым пересмотрам и корректировкам проектов. Например, отсутствие наблюдений за количеством снеговых осадков привело к тому, что все предусмотренные в проекте здания пос. Кунерма не выдерживали фактической снеговой нагрузки. В результате генплан Чечинггражданпроекта был возвращен на переработку [РГАЭ. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 3392. Л. 53–56].

Разработанный Ленгипрогором генплан Северобайкальска, включавший строительство крупного железнодорожного узла и поселка с населением в 25 тыс. человек, был «урезан» после обнаружения наличия вялой (высокотемпературной) вечной мерзлоты, пестрого состава отложений, наличия разломов в земной коре. Госгражданстрой и Госстрой РСФСР приняли решение максимально ограничить рост Северобайкальска, придав ему статус поселка железнодорожников. Из первоначального проекта исключили зону отдыха, пляжное хозяйство, набережную Байкала и т. д. «Усеченный» проект включал железнодорожную станцию и предприятия железнодорожного назначения, жилой поселок на 14 тыс. человек, при том что фактическая численность населения к 1980 г. в нем составляла уже 19 тыс. [Кривой, 2004, с. 57–58]. В итоге 5 ноября 1980 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок Северобайкальск был преобразован в город республиканского подчинения и застраивался с нарушением утвержденного генплана.

Внеплановая застройка по разовым отводам земельных участков приводила к некомплексности, многочисленным нарушениям санитарных, противопожарных, экологических и архитектурных норм. Строительство без необходимых технических изысканий и проектной документации приводило и к более серьезным последствиям. Так, из-за непригодности местного грунта узловую железнодорожную станцию из пос. Муякан Баунтовского (с 1990 г. — Муйского) района Бурятской АССР строители были вынуждены перенести в Таксимо, где подрядчикам пришлось вести застройку без генплана, «с чистого листа».

Таким образом, проектирование населенных пунктов в зоне строительства БАМ осуществлялось одновременно с их возведением при недостаточной степени изученности геологических, природно-климатических, экологических и прочих условий местности. В результате застройка характеризовалась отсутствием планировочной целостности, территориальной протяженностью, пространственной и ведомственной разобщенностью отдельных микрорайонов, однотипностью архитектурно-планировочных решений. Данные особенности обусловили трудности территориального развития городских поселений притрассовой зоны в постсоветское время.

Источники и литература

1. РГАЭ — Российский государственный архив экономики
2. ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия
3. БАМ: первое десятилетие / отв. ред. А. Г. Аганбегян, А. А. Кин. Новосибирск: Наука, СО, 1984а. 208 с.
4. БАМ: строительство и хозяйственное освоение / ред. А. Г. Аганбегян, А. А. Кин, В. П. Можин. М.: Экономика, 1984б. 144 с.
5. Кривой А. С. БАМ от А до Я. Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2004. 368 с.
6. Меерович М. Г. Базовые постулаты советской урбанизации // Сборник научных трудов РААСН. 2017. Т. 1. С. 388–397.
7. Перцик Е. Н. Вопросы планировки зоны БАМа // Вопросы географии. Сборник 105. Байкало-Амурская магистраль. М.: Мысль, 1977. 216 с.

УДК 34(517.3)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-160-166

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПАМЯТНИКОВ МОНГОЛЬСКОГО ПРАВА

© **Дугарова Сэржена Жигмитовна**
доктор исторических наук, заведующая кафедрой
теории и истории права и государства
dugarova_s@mail.ru

© **Верхотурова Юлия Владимировна**
магистрант 2-го курса
vjs3008@gmail.com

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ

Закономерности и особенности эволюции политико-правовых институтов номадов могут быть выявлены путем исследования памятников монгольского права. Происхождение памятников средневекового монгольского права, характер норм законодательных актов давно являются предметом научных исследований. В статье дан анализ норм Великой Ясы — законодательного акта периода Монгольской империи, а также установлений Их Цааз — памятника права эпохи монголо-ойратских союзов. С целью определения характера норм указанных актов путем сравнительно-правового анализа статей Великой Ясы, Их Цааз, изучения выводов В. А. Рязановского, Г. К. Гинса, обобщивших в середине XX в. замечания по исследованию монгольского средневекового законодательства, сделано заключение о преимущественно публично-правовом характере норм памятников монгольского права в разные периоды кочевого государства.

Ключевые слова: закон, обычное право, публичное право, монгольское право, памятники права, Великая Яса, Их Цааз, норма права, правовое регулирование.

LEGAL NATURE OF MONGOLIAN LAW MONUMENTS

Serzhena Zh. Dugarova
Dr. Sci. (Hist.), A/Professor,
Department of Theory and History of Law and State
dugarova_s@mail.ru

Yuliya S. Verkhoturova
Graduate Student
Department of Theory and History of Law and State
vjs3008@gmail.com

Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

The patterns and features of evolving the political and legal nomad institutions can be identified by studying the monuments of Mongolian law. The origin of mediaeval monuments of Mongolian law, the nature of the norms of legislative acts have been the subject of scientific research for a long time. The article analyses the norms of the Great Yassa, a legislative act of the Mongol Empire, as well as the regulations of Ikh Tsaz — a monument of the Legislation of the Mongol-Oirat Unions Epoch. In order to determine the nature of legal norms through the comparative legal analysis of the articles and the research of the conclusions by V.A. Ryazanovsky, G.K. Gins, who generalised the comments on the study of Mongolian mediaeval legislation in the middle of the 20th century the con-

clusion about the predominantly public law nature of the legal norms in the monuments of Mongolian law in different periods of the nomadic state has been made.

Keywords: law, customary law, public law, Mongolian law, the Great Yassa, the Ikh Tsaaz, legal norm, legal regulation.

Важными эмпирическими источниками изучения истории государства и права монголов являются памятники монгольского права. Вопросы происхождения, определения природы законодательных актов средневековой Монголии остаются актуальными в историко-правовой науке.

Один из первых памятников монгольского права — Великая Яса на протяжении многих лет служит предметом споров ученых (правоведов, историков). Одни считают ее сборником обычного права, другие — первым законодательным актом, свидетельством государственности кочевников. Причина этих споров не только в различном толковании постановлений современниками, но и в том, что созданная Чингиз-ханом Великая Яса не сохранилась в оригинале и нет никакой гарантии, что имеющиеся в распоряжении документальные свидетельства ее существования не подверглись искажению при переводе с монгольского на арабский или латинский, как и гарантии, что авторы средневековья не вкладывали в текст свое собственное видение предмета.

Возникновение государственной власти невозможно рассматривать, учитывая только обычное право, без законодательных основ. Ранние стадии развития государственности характеризуются смешением законов и обычаев, т. к. первые создаются для решения вопросов, которые не затрагивает обычное право либо недостаточно им регулируется. Верховная власть пока еще слишком молода и слаба для того, чтобы попирает обычаи, доказавшие свою эффективность столетиями существования. Поэтому и первые законодательные акты характеризуются тем, что воспроизводят нормы обычного права и регулируют те отношения, которые либо выходят за рамки последнего, либо недостаточно подходят под общепринятые правила. Поэтому Великая Яса была посвящена отношениям, которых обычай не знал, организации народа-войска, походного порядка в жизни орды-завоевательницы [Гинс, 1932, с. 19].

В. А. Рязановский, руководствуясь историческими работами Маркизи, Мерховенда, Ибн-Батута и Вартана выделял 36 положений Великой Ясы и 29 изречений Чингиз-хана. Правовым анализом статей Великой Ясы занимались также Г. К. Гинс, Г. В. Вернадский, Н. И. Березин и др.

По мнению Г. К. Гинса, Великая Яса представляет собой не сборник обычного права, а законодательные постановления Чингиз-хана [Там же, с. 8]. Так, Гинс отмечал, что уложения Великой Ясы дают представление о структуре государства: основанное на междуплеменной солидарности военное государство во главе с выборным вождем — Чингиз-ханом. Соблюдение принципа, согласно которому армия делится на тьмы, тысячи, сотни и десятки, позволяет в короткий срок быстро собрать солдат в единое войско под командованием опытных военачальников, являющихся главами родов, гарантирующих беспрекословное подчинение вождю.

В противоположность этому, исследователь монгольского права В. А. Рязановский утверждает, что Великая Яса является письменным кодексом, закрепляющим действовавшее обычное право монголов. Яса направлена на упорядочение отношений между монгольскими племенами, составляющими государство Чингиз-хана, путем объединения племенных обычаев в единый закон [Рязановский, 1931, с. 12].

Опровергая данное утверждение, Г. К. Гинс обращает внимание на то, что Великая Яса «заключает много постановлений, тесно связанных с законодательными задачами» [Гинс, 1932, с. 9]. Например, четко прослеживается цель создать дисциплинированное войско под управлением военачальников, лично осуществляющих организацию и кон-

троль вверенных им десятков, сотен и тысяч; предписание о создании постоянной почты, как средства коммуникации между отдаленными частями государства; определение прав женщин как управляющих делами и хозяйством в отсутствие мужа; установление налогов и повинностей в пользу правителя и многое другое. Таким образом, большая часть постановлений Ясы — не задокументированное обычное право, а законодательство вождя, направленное на укрепление государственности.

Различные мнения Гинс и Рязановский высказывали по поводу постановлений Великой Ясы, касающихся вероисповедания. Фрагменты Великой Ясы, в которых говорится об уважении всех исповеданий и снятии налогов и податей с чтецов Ал-Корана, лекарей и ученых, Рязановский предлагает рассматривать как начала веротерпимости, тогда как Гинс толкует эти нормы как мудрость завоевателя, оказывающего уважение вероисповеданиям покоренных народов с целью сохранить завоеванное.

Довольно жестоким, с точки зрения обычного права, является применение в Великой Ясе в качестве наказания смертной казни за такие мелкие проступки, как намеренная ложь, подсматривание за поведением других людей, кража или жадность в еде. Однако если рассмотреть эти постановления в условиях лагерной жизни людей (отсутствие личного пространства, простота и общность быта и т. п.), становится понятным, что они направлены на укрепление дисциплины и недопущение превращения орды в армию мародеров.

О многом говорит нам и постановление Ясы о казни за прелюбодеяние. М. Ковалевский рассматривает данное положение как правовую норму, регулирующую отношения между родами, образующими основу народа-войска. И приводит следующие доказательства. Убийство в качестве мести внутри рода не допускается, иначе это приведет к сокращению его численности. За прелюбодеяние с женой или наложницей своего соплеменника виновника, скорее всего, ждало осуждение, бесчестье или ссылка. Следовательно, причина такого сурового наказания — прелюбодеяние с женщиной другого рода. Распри между родами могут ослабить силу всего войска, поэтому независимо от положения нарушителя расплатой за дестабилизацию будет смертная казнь.

По этой же причине строго каралась кража лошади. То, что будет преступлением по отношению к сородичу, будет доблестью, если производится в ущерб чужаку. Не допустить обид и грабежей, установить мирные взаимоотношения — таковы были задачи Великой Ясы.

Вода и огонь многое значат в жизни кочевника. Запрет опускать руку в воду, есть что-либо из посуды для черпания воды, мочиться в воду и огонь, на котором готовят еду Гинс считает не суевериями или данью уважения обычаям, а первыми законодательно установленными санитарными нормами.

Безусловно, часть постановлений Великой Ясы относятся к обычному праву монгольских народов, например постановления, регулирующие семейные и имущественные отношения. Однако для понимания общего духа Великой Ясы значение этих отдельных постановлений второстепенно [Гинс, 1932, с. 9]. Формулировки «постановил» и «запретил», «узаконил» и «предписал» указывают нам на верховенство закона (установленного ханом) над обычаем. Государственная власть сосредоточена в руках авторитетного вождя, который регулирует общественные отношения посредством этого закона.

Главная задача закона — организовать орду, устранить межродовые разногласия, привить дисциплину, добросовестность и воздержанность, сохранив при этом национальные обычаи и культуру монголов.

Процесс распада монгольского государства сопровождался противоборством племен, заключавших союзы с целью объединить государство и подчинить своему влиянию. Когда-то единая Монгольская империя к XVI в. стала тремя большими враждующими ча-

стями: северной (Халха), южной (внутренняя Монголия) и западной (Джунгария). Для регулирования отношений внутри таких союзов создавались уставы — Цааджин-Бичик. Начиная с конца XIV до середины XV в. наиболее сильным оказался союз западных монголов, именуемых ойрат. Западноойратский союз оставил нам так называемый Древний Цааджин-Бичик. Со второй половины XV в. руководящая роль перешла к восточным монголам, которым удалось не только снова объединить Монголию, но и нанести ряд поражений Китаю. В первой половине XVI в. процесс завершился созданием союза западных и северных монгольских племен. По истечении 40 лет существования этого союза, Монголия снова распалась на самостоятельные аймаки и с того времени уже не объединялась. Изданный в 1640 г. последний монголо-ойратский устав известен как Новый Цааджин-Бичик.

Из древнего Цааджин-Бичика известно содержание только 8 фрагментов: о прелюбодеянии, о выделении сыновей, об оскорблении действием, о положении женщины и др.

Профессор Рязановский, изучая древний Цааджин-Бичик и сравнивая его с Великой Ясой, считает, что устав представляет собой самостоятельное произведение обычного права, появившееся в результате изменения обычаев с течением времени. Безусловно, обычаи изменяются, появляются новые, а старые претерпевают изменения или прекращают свое существование, однако следует принять во внимание, что государственность и право тоже не стоят на месте. Даже после утраты целостности империи отношения, возникающие на отдельно взятых территориях, нуждались в регулировании правовыми актами.

Как справедливо замечает Г.К. Гинс, наблюдающийся в истории права переход к наказанию штрафом в пользу чиновников, а не потерпевшего свидетельствует об укреплении государственной власти, а не о смягчении обычаев. К примеру, в Великой Ясе наказанием за прелюбодеяние была смерть, а в Цааджин-Бичик данная мера наказания отсутствует. Виновный за «обычное прелюбодеяние» выплачивал штраф судье и «носителю трубы», т. е. государственным служащим. За связь с женой князя уплачивался штраф в виде козы с козленком, а прелюбодеяние с наложницами духовных лиц по древнему Цааджин-Бичик вообще не было наказуемо.

Маловероятно, что переход от казни к штрафу представляет собой стадию эволюции права в сторону гуманизации. Если бы данное положение устава было обычаем, а не законом, то исходя из требования справедливости, штраф в первую очередь уплачивался в пользу пострадавшей от измены стороны. Однако интересы последнего не учитываются. Очень сомнительно, чтобы пеня в пользу чиновников государства устанавливалась обычаем [Гинс, 1932, с. 18].

Любопытны положения, касающиеся семейных отношений, традиционно регулируемых обычным правом. Князь содействует юноше в желании отделиться от отца и требовании выдела части стада для того, «чтобы стать непосредственно подданным князя». Признание юноши совершеннолетним, т. е. способным основать собственное хозяйство, можно рассматривать как начало эмансипации. Целью законодателя в данном случае является укрепление власти за счет создания родовых связей и увеличение числа подданных князя.

Положение женщины в патриархальной семье все еще оставляло желать лучшего, но изменения наметились в положении Цааджин-Бичик, утверждающем ее неприкосновенность в своем жилище, при условии, что она находится на положенном ей месте, т. е. справа от входа в юрту на своей хозяйской стороне. В этом случае женщина обладает правом неприкосновенности. Также женщина имеет право попросить у князя снятия небольшого или снижения крупного штрафа, и ее просьбу могут удовлетворить из уважения к ее полу. За прелюбодеяние с рабыней наказывать следует мужчину. Отдельные

правонарушения в отношении женщин по Цааджин-Бичик наказываются строже, например оскорбления, наносимые женщине. За прелюбодеяние с рабыней мужчину лишали коня, денег и всего имущества, находящегося при нем.

Таково скудное содержание древнего ойратского устава, который представляется, на основании изложенного, скорее сборником законов, выявляющих новые гуманные тенденции, чем кодификацию обычаев [Гинс, 1932, с. 19].

С конца XVI в. южные племена монголов находились в зависимости от маньчжуров. Экспансия Китая и внутренние раздоры побудили восточных и западных монголов к созданию прочного союза для защиты своих территорий. В 1640 г. князья 44 племен, охватывающих территории Северной Монголии, Джунгарии, Куку-нора, Тибета, Западной Сибири, Урала и Поволжья установили внутренний мир и утвердили Новый монголо-ойратский устав.

Каковы источники права Нового Цааджин-Бичик? Профессор Леонтович считал такими Великую Ясу Чингиз-хана и Бэлиг, древний Цааджин-Бичик, ярлыки и пайцзэ, а также племенное обычное право [Леонтович, 1879, с. 188–204]. Профессор Голстунский отрицал эту точку зрения и считал таковыми устное обычное право, обстоятельства политического и социального положения монголов в начале 17 столетия и, может быть, религиозное движение желтошапочников. Профессор Рязановский считал, что к 1640 г. Великая Яса и законодательство чингизидов были уже забыты, а древний Цааджин-Бичик и обычное право монгольских племен можно считать более действительными источниками нового устава. Совершенно противоположного мнения придерживался Г. К. Гинс. По его утверждению, источником устава 1640 г. является не только обычай, но без сомнения закон [Гинс, 1932, с. 21].

В различных переводах и изданиях Новый Цааджин-Бичик содержит от 121 до 150 статей. К основным задачам уложения относятся: регулирование межплеменных и внутриплеменных отношений, организация обороны, регулирование скотоводства и охоты. В нем отражены нормы частного, уголовного и процессуального права, ряд постановлений относится к религии и духовенству.

Изменения в общественной и культурной жизни Монголии были связаны и с распространением ламаизма, проникшего в Монголию из Тибета. Тибетский буддизм (ламаизм) оказал большое влияние на развитие государства и права. Свидетельством этого является не только присутствие духовных лиц при составлении нового Цааджин-Бичик, но и наличие положений, защищающих права представителей духовенства.

Введение в устав представляет собой религиозный гимн, начинающийся с духовной цитаты и перечисления святых. Заканчивается предисловие именами 44 князей. Эта последовательность достаточно характеризует трепетное и почтенное уважение к религии, ее влияние в обществе.

Из 10 человек один должен стать монахом, хотя и с правом откупиться. Наказание в виде штрафа предусмотрено за приглашение шамана и нарушение обета. За самовольное снятие духовного сана предусматривается лишение половины скота и имущества. В порядке обычного права наказание за шаманство и уклонение от духовного сана возникнуть не могли.

Нормы, регулирующие межплеменные отношения и организацию нападения и защиты, носят явный характер договора. Здесь запрещается князьям грабить области, входящие в союз, устанавливаются наказания за неявку по тревоге, за несообщение о появлении неприятеля, за отказ в помощи против него, предписывается сообщать отражать неприятеля [Гинс, 1932, с. 21].

Система поощрения также носит правовой характер. Награду получают на войне: убивший неприятеля получает его панцирь, а соучастник — прочее снаряжение; за осво-

бождение соплеменника, спасающегося бегством, — две лошади и панцирь, освобождение из плена — девяток скота из добычи. В быту в награду получают: до 9 скотин за тушение пожара в степи, спасение человека, животного или стада; лошадь и корову за спасение юрты с имуществом; врач, вылечивший больного, получает оговоренное вознаграждение или лошадь.

Кодекс наград — явление довольно редкое, в отличие от кодекса наказаний. Последние предусмотрены за всевозможные виды преступлений: против личности, имущества, общества и нравов, государственной безопасности, религии и духовенства.

Казуистичность положений нового Цааджин-Бичик дает нам возможность изучить быт и психологию кочевников. Естественно, охота и скотоводство были для них основным средством добычи средств существования. Скот заменял деньги и служил единицей обмена. Поэтому и соответствующие правонарушения наказываются строго: кража скота, присвоение части чужой добычи на охоте, несообщение о прибывшем к стаду чужом скоте и пр. Создан целый перечень предметов домашнего обихода, кража которых также влечет наказание: от юрты с коврами, шкурами тигров и леопардов до веревки и шила. Самый высокий штраф полагается за поджог степи.

Государственность ойратов в этот период, по мнению Гинса, держится на международной солидарности. Поэтому отказ в участии в походе, обороне или нападении карается, а действия, направленные на общее благо, вознаграждаются и поддерживаются законом. Ответственность часто носит коллективный характер. Например, не сообщивший о неприятеле изгоняется вместе со своим потомством; десятник, не сообщивший о воровстве, лишается рук, а остальные подлежат аресту; за насильственную смерть платят штраф все жители района.

Солидаризм находит отражение и в обязанности взаимопомощи. Штраф ждет того, кто отказал жаждущему в питье, еде и ночлеге. Забота о нищих и бедствующих ложится на плечи дэмчей каждых сорока кибиток под угрозой строгого наказания, в т. ч. как за убийство, а при недостатке средств следовало доложить об этом властям.

Взаимопомощь есть и в совершении брака. Четыре из 40 кибиток ежегодно должны женить своих сыновей, а десять человек должны оказывать содействие в женитьбе одного. Это объясняется тем, что полагающийся за невесту выкуп часто был не под силу одному человеку. Содействие браку здесь больше похоже на меру социального воздействия на общество в целях повышения рождаемости. Брак в интересах поддержания рода — явление само собой разумеющееся.

Неравенство полов усиливается за счет допущения поучительных побоев жены, многоженства и разводов. Если женщина ударит мужа, то ее ждет либо отрезание ушей, носа, выкалывание глаз, либо обращение в рабство. Усиление сословного неравенства также отражается в брачных отношениях. Например, за покинутую жену из знатного рода уплачивается «девятка скота с ценною вещью», тогда как за жену из низкого сословия верблюды или лошадь. Размер выкупа за невесту устанавливается в зависимости от сословия, к которому она принадлежит: самый большой выкуп за дочь князя, самый маленький — за девушку из низшего сословия. Как и в предыдущих уложениях, дочь имела право только на свое приданое, наследниками имущества могли быть только сыновья.

Новый Цааджин-Бичик запрещает свободу передвижения как отдельным лицам, так и целому аймаку.

Постановления нового Цааджин-Бичик по организации судопроизводства и отправления правосудия немногочисленны, но показывают расширение сферы ведения суда. Совершение суда перестало быть межродовым и межплеменным делом. Различные проступки, совершенные внутри рода и семьи, перешли из самоуправства в область государственного правосудия. За содействие правосудию предусмотрена награда, за отказ —

штраф («не допустивший до обыска подвергается штрафу»). Таким образом, суд становится постоянным государственным институтом.

Обзор законодательных памятников эпохи ойратских союзов показывает, что распад монгольского государства ослабил военное могущество, но не помешал укреплению политического единства, подчинению родовых интересов интересам союзов административными и законодательными средствами (в целях сохранения культурной идентичности).

Анализ норм памятников монгольского права: Великой Ясы, Их Цааз свидетельствует о преимущественно публично-правовом характере норм, имевших целью регулирования отношения власти и подчинения, упорядочивания политических вопросов в условиях феодальной раздробленности.

Литература

1. Баярсайхан Б. Методологические проблемы исследований по истории монгольского права. Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2019. № 4. С. 5–23.
2. Гинс Г. К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии // Вестник китайского права. Харбин, 1932. № 3. 56 с.
3. Дугарова С. Ж. Государство и право средневековой Монголии. Проблемы изучения. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 140 с.
4. Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса, 1879. 282 с.
5. Монголоведение в современном мире: опыт исследований, перспективы развития: материалы междунар. науч. конф. «Улымжиевские чтения — X» / науч. ред. О. Н. Полянская. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. 304 с.
6. Почекаев Р. Ю. Обычай и закон в праве кочевников Центральной Азии (после империи Чингисхана) // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М., 2006. С. 170–171.
7. Рязановский В. А. Монгольское право (преимущественно обычное). Харбин: Типогр. Чингарева Н. С., 1931. 351 с.

УДК: 34 (091) (571.5)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-167-171

**ИССЛЕДОВАТЕЛИ ССЫЛКИ И КАТОРГИ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
БЕГЛЫХ КАТОРЖАН С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ЗАБАЙКАЛЬЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII–XIX вв.**

© Хармаев Юрий Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
kharmaev@mail.ru

Рассматриваются вопросы, посвященные реализации уголовного наказания в виде ссылки и каторги в Сибири (Забайкалье), его влиянию на менталитет местного населения. Автором анализируются мнения известных исследователей XIX в. (писателей, краеведов, этнографов, правоведов и др.) о взаимоотношениях беглых каторжан с коренными жителями Сибири. Автор использует следующие методы: исторический, документальный, сравнительный, контент-анализ. В заключение отмечается, что современные деструктивные субкультуры несут в себе очень многое из того, что можем различить в зарождающейся каторжанской идеологии.

Ключевые слова: ссылка и каторга, Сибирь, побеги, инородцы, влияние, преступление.

**RESEARCHERS OF EXILE AND KATORGA ON THE RELATIONSHIPS
OF FUGITIVE CONVICTS WITH THE INDIGENOUS INHABITANTS OF TRANSBAIKALIA
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIII-XIX CENTURIES**

Yury V. Kharmaev

Cand. Sci. (Law), A/Prof., Head
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
kharmaev@mail.ru

The article deals with the issues related to implementing the criminal punishment in the form of exile and hard labour in Siberia (Transbaikalia), its impact on the mentality of the local population. The author analyzes the opinion of famous researchers of the XIX century (writers, local historians, ethnographers, lawyers, etc.) about the relationship of fugitive convicts with the indigenous inhabitants of Siberia. The author uses the following methods: historical, documentary, comparative, content analysis. In conclusion, it is noted that modern destructive subcultures carry a lot of the emerging convict ideology.

Keywords: exile and penal servitude, Siberia, shoots, foreigners, influence, crime.

Особенности криминогенной обстановки в местах реализации уголовного наказания в виде ссылки и каторги, а точнее в Сибири и в Забайкалье, можно проанализировать не только на основании редких статистических данных Главного тюремного управления (далее ГТУ) и специализированных журналов, но и по тем исследованиям, которые проводились специалистами: краеведами, писателями, правоведами того времени¹.

В предыдущих работах нами уже отмечалось, что подавляющее большинство авторов отмечало особенности негативного влияния ссылки и каторги на криминогенную ситуацию окраинных территорий России [Хармаев, 2020, с. 11, 9, 44]. Также вплоть до наших

¹ Максимов С. В., Кеннан Дж., Серошевский В., Андреоли Э., Прыжов И. Г. и др.

дней этот вид наказаний внес определенный негативный вклад в виде каторжанской субкультуры, впоследствии, в советские и постсоветские годы, адаптированной под себя преступной средой. На наш взгляд, возможно, в этом заключается разгадка приверженности отдельной категории граждан Забайкалья, в т. ч. и молодежи, к различным существующим современным криминальным субкультурам. Подчеркнем, что современные деструктивные субкультуры несут в себе очень многое из того, что представляла из себя каторжанская субкультура, и, к сожалению, не только сленг, жаргонные слова и тюремные песни.

Наиболее значимый вклад в раскрытие данной проблематики, по нашему мнению, принадлежит известному краеведу и этнографу, члену Русского географического общества С. В. Максимову, который в своем труде «Сибирь и каторга» очень точно и ярко осветил отмеченные выше вопросы. Заслуга автора заключается не только в описании ссылки и каторги как вида наказания, применявшегося тогда в Российской империи, но и подробного описания отправки преступников на каторгу «по этапу», взаимоотношения их с окружающими, побегов из мест лишения свободы. Он один из первых исследователей, кто в приложениях к своим работам подробно остановился на словаре жаргонных слов и выражений, а также скрупулезно собрал песни, баллады и стихотворения каторжан. Автор немало места уделил описанию жизни каторжан «в бегах», так называемых «бродяг» и их общению с местным сибирским населением. С. В. Максимов пишет, что «бродягам» без воровства не выжить: «что украдешь, тем и поживешь; ешь прошенное, носишь брошенное, живешь краденым». По мнению писателя, сибирское население неодинаково относилось к беглецам. Более всего боялись «бродяги» попасть к представителям казачества, как наиболее приближенного к властям, которое охотно выполняло требования по поимке беглых каторжан за вознаграждение. Как отмечается в работе, «начальство Петровского завода, где работало много каторжных, платило за каждого пойманного 10 рублей ассигнациями, а за убитого 5 рублей. В 1870-х годах почти по всей Сибири шла отчаянная ловля бродяг, так как крестьянам было объявлено от начальства, что им за каждого пойманного бродягу будут платить 3 рубля, и платили» [Максимов: эл. ресурс]. Бывали и такие ситуации, когда сибиряки пристраивали к себе бежавших каторжан, а после, когда зарождалось доверие между ними, сдавали всех без остатка, тем самым получая свою выгоду.

При этом С. В. Максимов все же отмечает, что именно сибирским крестьянам свойственна готовность принимать и обогревать ссыльных. В этом случае действует не столько чувство сострадания к голому и голодному искателю приключений, а социальная близость, ведь многие из них являются потомками таких же гонимых и угнетенных каторжан. С одной стороны, они помнят о своем происхождении, что их отец или их дедушка был сам осужденным. Что-то вроде солидарности толкает их к тому, чтобы не предавать этих несчастных сбежавших людей. Наиболее смелые их привечают и дают им ночлег; другие дают под ночлег небольшой сарай, в котором живут в полях во время сбора урожая или сева. Им порой не страшны были угрозы ответственности за укрывательство беглых, за «пристанодержательство», наоборот, во многих сибирских домах-избах имелись специальные места, куда выставлялись на ночь молоко, хлеб, соль. Указанные продукты выставлялись не столько из жалости, сколько из боязни быть ограбленными или сожженными. Как отмечает автор, «отбиваются бродяги и совершают убийства только в таком крайнем случае, когда встречаются вооруженное нападение, озлобленность и жестокость со стороны нападающих. Голод тут играет немаловажную роль, и бродяга собственно в сибирских странах — мирный путник, не решающийся никого обидеть из боязни самому быть обиженным» [Там же].

Другой исследователь, представитель североамериканских штатов, Джордж Кеннан в своей работе «Сибирь и ссылка» также затрагивает негативные нравственные стороны ссылки и каторги, которые зачастую связаны с женами и детьми, последовавшими на каторгу за преступниками-мужьями. «Учреждением института «свободных команд» правительство надеялось достигнуть нравственного улучшения каторжников, но, на мой взгляд, результаты не оправдали этой надежды: «свободная команда» способствует лишь большому развитию разврата, пьянства и других пороков. Обычай позволять женам и детям каторжников следовать в ссылку за главой семьи лишь способствует деморализации. ...В поселениях ссыльных даже те женщины и девушки, которые остались нетронутыми пороками в 200–300 переполненных этапных тюрьмах, начинают предаваться разгульной и развратной жизни». Основной вывод автора заключается в том, что институт ссылки и каторги в первую очередь негативно сказывается на нравственном состоянии местного сибирского населения [Кеннан, 1906, с. 323].

Польский этнограф-сибиревед, писатель и публицист Вацлав Серошевский в своих исследованиях также отмечает, какое негативное влияние ссыльные и каторжники оказали на инородцев (якутов), проживавших в Якутской области. Как отмечает автор, сосланные в инородческие улусы семейные поселенцы представляют опасность не только своим наглым поведением, сколько формируют у местного населения такие же вредные привычки и преступные наклонности. «Поселенец такой живет настоящим «баринном» на фоне содержащей его инородческой, вечно голодной нищеты. Он мало работает и требует себе почта от людей, за счет которых кормится. Жилище его делается обыкновенно игорным домом и притоном бродячих и местных преступных элементов. В этих притонах образуются шайки конокрадов, дорожных грабителей, держащих в ужасе иногда весь округ. Якуты боятся и ненавидят «посельщиков», сознают вредное их влияние на своих сородичей, у которых последние учатся организованному воровству и разбоям. Изредка доведенные до отчаяния инородцы жестоко мстят мучителям» [Серошевский, 1908, с. 233].

Далее автором подчеркивается, что поселенцы, сосланные поодиночке, не представляют большой угрозы, но там, где их несколько, особенно в городах и крупных поселениях, организуются шайки и отравляют своим преступным поведением окружающее население. «Ни один крупный грабеж, убийство, воровство в Сибири не обходится без переселенческой закваски. Ссыльные являются начальниками, организаторами и учителями всякого рода татей. А те поселенцы, которые приобрели оседлость или занялись ремеслом, торговлей, извозом, являются всегда почти пособниками, укрывателями, притонщиками и покупщиками краденого. Да иначе быть не может. Крепко привитая в остроге арестантская мораль обязывает их покрывать товарища, дать ему приют, помочь в беде деньгами, пищей, указаниями. Иначе ему самому угрожает опасность быть убитым и спаленным ими». Подводя итог, В. Серошевский отмечает: «Понятно, почему туземцы — инородцы и русские сибиряки — так подозрительно и враждебно относятся к попыткам ссыльных основаться, устроиться; почему препятствуют им в этом. Более удобным они для себя находят тот прием по отношению к носителям преступных наклонностей, какой практикует власть в Европейской России: возможно быстрое удаление их прочь из своей среды. Это, несомненно, способствует развитию бродяжничества».

Эмиль Андреоли в своих воспоминаниях «Из Польши в Сибирь (дневник военнопленного, 1863–1867)» также отмечает особенности взаимоотношений беглых каторжан с местным населением. Он прямо указывает: «В крае за Байкалом располагаются их наиболее жестокие враги — буряты. Они не пытаются делать это с целью оказания услуги правительству; они абсолютно не намерены просто ловить только что сбежавших людей, которые имеют с собой несколько рублей либо немного золотого песка. В любом случае

их одежда и их сапоги всегда лучше, чем животные, которых они убивают. Самая азартная охота для охоты — охота на человека» [Андреоли, 2011, с. 216].

Писатель и публицист Иван Гаврилович Прыжов в «Записках о Сибири» затрагивает вопрос об отношениях сибиряков с бродягами, носящими страдальческое имя «горбач», т. е. человек, горем и нуждой сгорбленный до земли [Эл. ресурс]. И. Г. Прыжов под псевдонимом Благовещенский печатается в «Вестнике Европы» (1882, кн. IX, с. 291–325), где отмечает: «Кровожадность сибиряков доходила до того, что иркутский губернатор Руперт велел загонять на смерть 13 таких охотников за горбачами, и не так еще давно в Ачинске судился крестьянин за 14 убийств, совершенных над бродягами. Несомненно, что с примера коренных сибиряков обычай охотиться на бродяг перешел к бурятам. Дикарь бурят не жалеет бродягу и издавна сделал его предметом охоты. Иные из бурят, подобно сибирякам, даже целью жизни своей поставляют охоту за горбачами» [Прыжов: эл. ресурс].

Справедливости ради следует отметить, что на некорректный тон не только в отношении инородцев-бурят, но и в отношении всех местных русских сибиряков обратил внимание анонимный автор в «Восточном обозрении» за 1882, № 26, 27 [Критика, 1882, № 26, с. 15–16; № 27, с. 14–16]. Он, в частности, указывал, что так писать, как писал автор «Записок», — это равносильно об известной части русского населения распространять такого рода заблуждения, которые отдадутся на шкуру этого населения и заставят подозревать в нем такие качества, каких оно не имеет». Автор критической публикации далее продолжает свою мысль, что г. Благовещенский (Прыжов И. Г.) описывает беглых каторжан как «бродяг, никому не делающих вреда, замученных голодом и нуждою, думающих только об одном, как бы добраться «домой», дорогой занимаются работой, а сибиряки режут их и грабят» [Критика, № 26, с. 16]. По мнению автора, «бродяги, за немногим исключением, невинные, хорошие люди, а сибирское население — разбойники, ... грабящие и убивающие друг друга и режущие скромных и безвредных бродяг». Как-то уж слишком выделяется данное представление и характеристика беглых каторжан, отмеченные И. Г. Прыжовым, из общего контекста описания «бродяг» другими исследователями. Известный историк, литературовед, библиограф Б. П. Козьмин по указанной И. Г. Прыжовым публикации отмечал, что данное «утверждение Прыжова весьма далеко от действительности» [Козьмин, Нечаевец, 1927, с. 176]. К слову, И. Г. Прыжов в 1871 г. за убийство студента Иванова был приговорен к лишению всех прав состояния, к 12 годам каторжных работ и вечному поселению в Сибири, в Забайкальской области, 27 июля 1885 г., одинокий, больной, озлобленный не только против врагов, но и против друзей.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Сосланные в Сибирь на вечное поселение уголовные преступники после отбытия каторжных работ в большинстве своем оказывались не готовыми к земледельческой и крестьянской работе и не пытались влиться в предписываемые им общества. Как правило, они уходили на золоторудные прииски или в более крупные населенные пункты и, имея за душой лишь криминальный опыт, уходили «в бега» и чтобы выжить, вновь совершали преступления.

2. В соответствии с нормативно-правовой базой Российской империи¹ местные сибирские и инородческие сообщества обязаны были оказывать помощь в реализации ссылки и каторги на местах: содержание караулов, сельских и волостных тюрем (за счет собираемых государством налогов), ведение делопроизводств в отношении ссыльных и др. Осуществляя указанные полномочия, местное население вынуждено было повседневно общаться с уголовно-преступным элементом.

¹ Уставом о ссыльных от 1822 г.

3. Каторжанам, находящимся в бегах (бродягам), чтобы выжить, зачастую приходилось посягать на имущество и собственность, а порой и на жизнь сибиряков и инородцев. Все это и формировало ответную реакцию со стороны местного населения, вырабатывало у них пагубные стереотипы поведения и создавало благоприятную среду для развития преступности.

4. Также следует отметить, что и местное население, в т. ч. буряты, в Прибайкальском регионе совершало преступления и они также в соответствии с правовыми нормами о ссылке приговаривались к различным видам наказаний. Жители Сибири за совершение преступлений могли быть направлены в ссылку из родных мест. Согласно статье 36 Уложения о наказаниях 1857 г., жители Прибайкальского региона могли быть отправлены на север, в Якутскую область: «Для жителей губерний Енисейской и Иркутской, области Забайкальской и градоначальства Кяхтинского, в область Якутскую» [Свод законов, 1857].

5. Отбывший наказание бывший осужденный, оставшийся на поселении в Сибирском регионе, в соответствии с приговором суда оказывается без работы, без жилья, без средств к существованию. Имея за плечами криминальное прошлое плюс отсутствие конкретного контроля и надзора со стороны уполномоченных властями органов, ссыльнопоселенец может только путем совершения преступлений обеспечить свое существование в регионе, тем самым усугубляя криминогенную обстановку на окраинных территориях Российской империи.

Литература

1. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка / пер. с англ. СПб.: Изд. В. Врублевского, 1906. 458 с.
2. Козьмин Б. П., Нечаевец И. Г. Прыжов в его письмах // Каторга и ссылка. 1927. № 14 (33). С. 176.
3. Критика и библиография // Восточное обозрение. СПб., 1882. № 26. С. 15–16.
4. Критика и библиография // Восточное обозрение. СПб., 1882. № 27. С. 14–16.
5. Максимов С.В. Сибирь и каторга. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3215-maksimov-s-v-sibir-i-katorga-v-3-h-ch-spb-1871> (дата обращения: 25.01.2022).
6. Прыжов И. Г. Записки о Сибири. URL: http://az.lib.ru/p/pryzhov_i_g/text_1882_01_zapiski_o_sibiri.shtml (дата обращения: 25.01.2022).
7. Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь: ее современное состояние и ее нужды: сб. ст. / под ред. И. С. Мельника; изд. А. Ф. Девриена. СПб., 1908. С. 201–233.
8. Хармаев Ю. В. К вопросу о совершенствовании современных уголовных наказаний в контексте дискуссий о дальнейшем использовании или отмене института ссылки и каторги в Российской империи // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2020. Вып. 2. С. 11–17.
9. Хармаев Ю. В. Уголовная ссылка как негативный фактор влияния на менталитет местного населения в Российской империи в XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2019. Вып. 1. С. 38–44.
10. Андреоли Э. Из Польши в Сибирь (дневник военнопленного, 1863–1867) / пер. с фр. А. С. Гулина. Чита: Экспресс-изд-во, 2011. 332 с.
11. Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г. Т. XV. С. 8–9.

УДК 81:008
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-172-176

**ЛЕКСИКА ШАМАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

© **Матанцева Марина Борисовна**

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
m_matantseva@mail.ru

© **Посходиев Радна Васильевич**

аспирант,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Институт народов Севера
Россия, г. Санкт-Петербург
poskhodievradna96@mail.ru

В статье представлена лексика шаманской религиозной культуры, собранная в Баргузинском и Курумканском районах Республики Бурятия. Дано лингвокультурологическое описание названий священных мест и названий религиозных обрядов, практикуемых шаманами в данной местности.

Ключевые слова: шаманизм, лексика шаманской религиозной культуры, названия священных мест, названия религиозных обрядов, лингвокультурологический аспект.

**VOCABULARY OF SHAMANIC RELIGIOUS CULTURE:
LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT**

Marina B. Matantseva

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Department of Russian Language and General Linguistics,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, 670000, Ulan-Ude
m_matantseva@mail.ru

Radna V. Poskhodiev

Postgraduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia,
Institute of the People of the North, Department of Ethnology
Russia, St. Petersburg
poskhodievradna96@mail.ru

The article presents the vocabulary of the shamanic religious culture collected in the Barguzinsky and Kurumkansky districts of the Republic of Buryatia. A lingua culturological description of the names of sacred places and the names of religious rites practised by shamans in the area is given.

Keywords: shamanism, vocabulary of shamanic religious culture, names of sacred places, names of religious rites, linguo cultural aspect.

Лексика шаманской религиозной культуры, как и лексика других религиозных конфессий, ныне востребована, поскольку шаманизм как часть традиционной культуры бурят выступает сегодня одним из ведущих факторов национальной самоидентификации и представляет собой организованное целое с устойчивым и в то же время исторически меняющимся содержанием и социальными функциями. Как показывают наблюдения, это

традиционное религиозное верование имеет как общие, так и специфические особенности у локальных групп бурят [Дарханова, 2010, с. 3].

Задачей данной статьи стало лингвокультурологическое описание лексики шаманской религиозной культуры, собранной в ходе нескольких экспедиций в Баргузинский и Курумканский районы Республики Бурятия. Один из авторов работы является уроженцем Баргузинского района, что позволяет претендовать на достоверность и полноту охвата материала. Исследование сакрального ономастикона позволяет получить богатые и разнообразные сведения о религии, истории и культуре народа, лингвокультурологически значимой является энциклопедическая информация, стоящая за именем (цит. по: [Бугаева. К вопросу ... Эл. ресурс].

В статье представлены названия священных мест и религиозных обрядов, практикуемых шаманами единственной местной шаманской организации «Бархан Уула». Предпринята попытка системного лингвокультурологического описания, а также анализа структуры и состава этой лексики.

Шаманская община «Бархан-Уула» в течение года проводит различные обряды и празднества на девяти священных местах. Перечень сакральных номинаций следующий (орфография оригинальная):

1) **Бархан (барагхан) уула** — главная местная гора, являющаяся объектом культового почитания всей Баргузинской долины. В переводе с бурятского — «гора бога, божественная гора», бурхан — «бог» [Черемисов, 1973, с. 115], уула — «гора» [Там же, с. 480].

2) **Боолон түмэр** — начало р. Баргузин. Бөөлэн түмэр — освященное шаманом (или напетое) железо, бөөлэхэ — «шаманить, камлать, редко петь» [Там же, с. 108], түмэр — «железо» [Там же, с. 444].

3) **Баян толгой, Шингальжин баабай, Хэр шошго**. Эти три места находятся рядом. **Баян толгой** в переводе с бурятского языка «богатая голова», баян — «богатый» [Там же, с. 93], толгой — «голова» [Там же, с. 425]. **Шингальжин баабай** — «Шингальжин отец» (Шингальжин — шэнэ голой эжин, дословно, новой долины хозяин, отец) — название местности перед Куйтунами, место строительства баргузинского дацана. Шэнэ — «новый» [Там же, с. 747], гол «река, долина реки» [Там же, с. 155], эжэн/эзэн — «хозяин» [Там же, с. 759], баабай — «отец» [Там же, с. 71]. **Хэр шошхо** — информанты переводят это название как «место, которого боятся». В бур. хэр II: хэр-хэр подр. глухим звукам [Там же, с. 648]; шошхо, шошохо, см. сошохо — «пугать, приводить в смятение» [Там же, с. 394].

4) **Буха-шулуун** — в переводе с бурятского «бык-камень». Большой камень, напоминающий быка. Одно из важнейших культовых мест всей долины. Как известно, в бурятской мифологии образ быка символизирует прародителя одного из четырех основных бурятских родов. Буха «бык» [Там же, с. 119], шулуун «камень» [Там же, с. 733].

5) **Ойхон баабай** — в переводе с бурятского «Ольхон-отец» (Ольхон — остров на оз. Байкал).

6) **Хэlmэн хошуун** — земля на полуострове Святой Нос, официально принадлежит организации «Бархан уула». Информанты переводят как «спинка осетра». См. hэлмэ II — «осетр» [Там же, с. 704], хушуун — «клюв» [Там же, с. 609].

7) **Дээдэ баабай — Шостин Үндэр**. Во время обряда так обращаются к горе: дословно с бурятского «верхний (верховный) отец — Шостин высокий (большой)». Информанты предполагают тибетское происхождение онима Шостин и говорят, что эта гора — место сбора богов. Дээдэ — «верхний» [Он же, 1979, с. 219], үндэр — «высокий, большой» [Там же, с. 505].

Из числа указанных названий святых мест два можно охарактеризовать как агиоантропонимы — Үндэр Шостин (нуждается в этимологизации), Бухэ-шулуун — т. е. включающие в структуру священные имена. Остальные семь относятся к агиотопонимам, т. е. географическим названиям, ставшим номинациями святых мест. Процесс трансонимизации, прошедший по схеме агиоантропоним-агиотопоним, демонстрирует название культового места Бухэ-шулуун.

Вторую группу религиозной лексики исследуемого региона составляют названия значимых для бурят шаманских религиозных обрядов. Всего выявлено более десяти таких номинаций. Следует отметить, что данные шаманские обряды неоднородны по целям и задачам.

Дарханы и шаманы

1) **Дархан тахиха** в переводе с бурятского — «совершать жертвоприношение кузнецам». Дархан — «кузнец» [Там же, с. 189], тахиха — рел. уст. «совершать жертвоприношение» [Там же, с. 418], подношение кузнецам — хранителям рода. В прошлом у бурят дарханы, как и шаманы, занимали особое социальное положение, при обращении к духам дарханов (и шаманов) рода производились жертвоприношения животными. Значимость статуса этого обряда сегодня выражается в регулярности проведения: почитание духов кузнецов проводится отдельным мероприятием не реже одного раза в год, как на природе, так и в кузнице. В обряде участвуют только мужчины. Как показывают наблюдения, с использованием кузницы связано проведение и других, более частных обрядов. Кузница может использоваться как место для подношений, например при обращении за помощью в чем-либо.

2) **Боо болохо** в переводе с бур. — «становиться шаманом». Бөө — «шаман» [Черемисов, 1973, с.107], болохо — «становиться» [Там же, с. 418]. Обряд посвящения в шаманы, обязательный для начинающего. Сложный многоступенчатый ритуал, очень популярный на данный момент. По традиции, в системе 9 рангов, однако многие шаманы не считают в данное время проведение всех этапов необходимым. Сопровождается жертвоприношением барана. У баргузинских бурят на ключевом, самом важном посвящении происходит «дэгэл умдэдхэлэн» — надевание дэгэла (традиционная зимняя верхняя одежда бурят) как символа начала пути шамана. Этот этап является частью системы ранжирования — «шанар», или в баргузинском диалекте — «манжалай», являясь первым из посвящений. На последующих посвящениях и на дальнейших обрядах шаман уже появляется в этом надетом на первом посвящении дэгэле. В число других часто проводимых этапов посвящения сегодня входит обряд с использованием коня (иногда барана), которого шаман, предварительно украсив ленточками и совершив необходимые действия, отпускает на свободу в знак дара духам.

Поклонение стихиям и очищение

3) **Уһа хүндэлхэ (Лусад)**. Бур. уһан — «вода» [Там же, с. 484], хүндэлхэ — «уважать» [Там же, с. 623]. Обряд поклонения духам воды. Второе название этого обряда — Лусад, что вполне объяснимо, поскольку слово «лусаад» в мифологии и фольклоре бурят зафиксировано в значении «водяной» [Там же, с. 288]. Формально и содержательно местный ритуал совпадает с современным буддийским обрядом Лусад: подношение проводится исключительно белыми (молочными) продуктами (молоком, творогом, сметаной и т. д.).

4) **Хада хүндэлхэ** — обряд поклонения хозяевам гор, тайги. Бур. хада — «гора» [Там же, с. 529], хүндэлхэ — «уважать». Подношение горам, деревьям, их корням проводится для предупреждения природных катаклизмов (наводнения, засухи, пожара) или, если таковые случились, с просьбой о снисхождении и милости, а также перед заготовкой древесины, расчисткой участков и пр. Предполагается, что незадобренные духи могут разгне-

ваться, начнут мстить, поэтому нужно предупредить это, остановить возможные смерти, несчастья.

5) **Гал тахиха** — обряд поклонения огню. Бур. гал — «огонь» [Там же, с. 143], тахиха рел. уст. — «совершать жертвоприношение». Сейчас не связан с жертвоприношением. Делается при заселении в дом, затем проводится ежегодно для получения покровительства хозяина дома. Интересно, что может делаться и в квартире на самой обычной электроплите. Как правило, выполняется шаманами, которые, обладая всеми полномочиями своего статуса, проживают в городе. Для семей, проживающих в пригороде, в частном доме, обряд поклонения огню выполняется в доме или на участке возле дома.

6) **Угаал хэхэ** — в переводе с бур. угааха — «мыть» [Там же, с. 461], хэхэ — «делать» [Там же, с. 653]. Обряд очищения человека. Для этого камни докрасна нагревают, дают остыть, обтирают ими человека. Обычно сопровождается жертвоприношением для рода отдельным обрядом. Существует вариант очищающего обряда в виде обертывания человека в шкуру свежезабитого барана, с выкладыванием еще теплых внутренних органов животного на тело человека в соответствии с болезнью: сердце на сердце, печень на печень и т. д. Органы животного как бы вытягивают болезнь, очищая орган человека от недуга.

Поклонение своим священным местам

7) **За всю долину**. Традиция проведения обряда **За всю долину** объединяет Курумканский и Баргузинский районы, когда к горе Бархан-уула съезжаются шаманы со всей долины. Шаманская организация проводит большое действо с крупным подношением в несколько баранов. Иногда отпускают коня или несколько коней с лентами.

8) **Родовое**. Этот обряд тесно связан с родовыми местами поклонения восьми баргузинских родов. Сопровождается соответствующими подношениями.

9) **Обоо**. Обряд поклонения духам предков отдельной деревни, проводится обычно только шаманами этой деревни в традиционных священных для жителей населенного пункта местах. Обоо — «груда, насыпь» [Там же, с. 348].

10) **Бууса** — обряд поклонения духам предков одной семьи. Бууса — «кочевье, усадьба» [Там же, с. 118]. Отдельно взятая семья делает подношение своей фамилии на священном для семьи месте. Отметим, что «бууса» — более популярный обряд в силу своей компактности. Действительно, собрать весь род (а это несколько семей), который может включать до 100 человек, непросто, поэтому желание провести обряд (хэргэ бутээхэ) объективно сводится к «буусе». Обычно подношение делают белой пищей, водкой, иногда бараном.

11) **Сэржэм** — обряд подношения белой пищи. Является частью различных ритуалов. Слово зафиксировано в бурятско-русском словаре и с уточнением «у восточных бурят» в Словаре бурятских шаманистических и дошаманистических терминов в значении «общее название различных жидкостей (молока, спиртных напитков, чая), подносимых почитаемым духам с целью их задабривания» [Манжигеев, 1978, с.68; Черемисов, 1973, с.403]. Метонимический перенос прошел по схеме «содержимое подношения → само подношение». Термин в том же значении активно функционирует в современной буддийской религиозной практике.

Помимо вышеперечисленных обрядов выделяются обряды открытия сезона (начало весны) и закрытия соответственно (до 14 октября к празднику Покрова Пресвятой Богородицы). Зимой обряды не проводятся.

Отдельно проводятся обряды по частным проблемам, с которыми обращается к шаману человек, что является скорее приметой нашего времени, поскольку исторически беспокоить шамана по пустякам было невозможно и небезопасно.

Некоторые трудности мы испытали при попытке привязать проведение практикуемых местными шаманами религиозных обрядов к указанным выше девяти священным местам Баргузинской долины. Основной проблемой здесь является то, что в местах проведения

крупных обрядов могут проводиться более частные обряды и наоборот, и отделить одно от другого не представляется возможным. Например, место Шингальжин баабай, являясь местом общерайонного поклонения, является родовым местом поклонения рода хэнгэлдэр (одного из восьми баргузинских родов) и т. п. То же можно сказать и о практике общедеревенского обоо — моления духам-хранителям местности, в которой расположен населенный пункт. Обряд проводится не во всех деревнях, но активно поддерживается шаманами, которые часто самостоятельно выполняют обряд при минимальной поддержке со стороны населения.

Тем не менее каждое из девяти зафиксированных священных мест используется для проведения различных обрядов. В зависимости от содержания обряда эти локализации выступают в исследуемом регионе в иерархически неравнозначных статусах:

- 1) общедолинные места, где проводятся самые крупные обряды (обряд за всю долину);
- 2) места восьми основных баргузинских родов, где в обрядах участвуют представители одного рода (родовое);
- 3) место одной семьи, где делает подношения одна семья или деревня (обоо, бууса).

Например, крупные совместные обряды проводятся у главной горы **Бархан уула**. Шаманы делают общий большой тайлаган (вид общебурятского обряда), в особо торжественных и важных случаях он проходит с забоем и подношением быка. Чаше это действие ограничивается отпуском лошадей в степь и жертвоприношением баранов.

Часть обрядов, выявленных в процессе изучения, не требует их выполнения в святом месте (например, **Гал тахиха**) или эти требования минимальны (обряды поклонения стихиям воды, гор, тайги). При этом такие как, например, **Дархан тахиха** могут проводиться как в сакрально отмеченных выше локусах, так и в помещении кузницы. Помимо этого, в одном месте, являющемся святым для определенного рода, могут быть проведены самые разные по назначению обряды. Например, в местности **Хэльдэн хошуун** (на полуострове Святой нос), который находится на земле шаманской организации Баргузинского района, проводят 3 обряда: **Дархан тахиха** — с подношением девяти ребер барана, **Уна хүндэлхэ (Лусад)** с отдельным подношением Байкалу в виде барана, а также обряд поклонения духам воды с подношением в виде омуля. Примечателен факт вариативности в содержании подношения в этом обряде: несколько рыбин могут заменить барана.

Таким образом, описанный в статье фрагмент лексики шаманской религиозной культуры в части топонимического и обрядового ономастикона является активным, упорядоченным, что способствует созданию единого шаманистического сакрального пространства исследуемого региона. Полное описание лексики данной тематической группы, которое может составить перспективу дальнейшей работы, поспособствует удовлетворению как практического интереса отсюда со стороны общества, так и со стороны исследователей, заполнив лакуны в знании исконной бурятской религиозной культуры.

Литература

1. Бугаева И. В. К вопросу о структуре сакрального ономастикона. URL: <https://portal-slovo.ru/philology/42536.php>
2. Дарханова А. И. Шаманизм бурят Предбайкалья в постсоветский период (социальные функции, традиции и новации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2010. 30 с.
3. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978. 125 с.
4. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск, 1987. 290 с.
5. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М., 1973. 803 с.

IV. ЭТНОПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

УДК 811.512.31

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-177-189

РАЗНОУРОВНЕВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В «АЛТАН ТОБЧИ»

© Дамбуева Полина Петровна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,

Институт языкознания РАН

Россия, г. Москва

polina-dambueva@iling-ran.ru

Введение. Категория модальности в «Алтан тобчи» представлена системой разноуровневых средств, имеющих ядерно-периферийную организацию, включающую в себя формы настоящего времени изъявительного наклонения как центр функционально-семантического поля и остальные экспликативные модальности, в которых модальная составляющая по мере отдаления от центра функционально-семантического поля слабеет: если в формах настоящего времени изъявительного наклонения наблюдается совпадение действия с моментом речи, то в отдалении от ядра реальность размывается до значений потенциальности и ирреальности. *Цель.* В статье автор выявляет морфологический, лексический, синтаксический, лексико-грамматический, фонетический уровни выражения категории модальности, особо выделяя морфологический уровень как показатель своеобразия агглютинативного языка в использовании средств выражения модальных значений. При этом заметно стремление автора показать, что конститuentы функционально-семантического поля модальности не представляют собой закрытый список: на современном этапе он пополняется за счет несобственно-модальных модификаторов и средств выражения. *Результаты.* Рассматривая архаичные формы наклонения в тексте «Алтан тобчи», автор замечает, что разговорная речь, которая из-за своей экспрессивности всегда сопряжена с модальностью, расшатывала традиции письменного монгольского языка. Так, в современных монгольских языках не обнаруживаем таких формантов индикатива как -уи, -т, -тү, -түи, түи, и исчезновение это, вероятно, объясняется тем, что, по мере того, как в языке все более развивалась способность передавать различные модальные нюансы означаемого (они все более конкретизировались), добавлялись средства для этой передачи: увеличивалось количество модальных частиц, модальных глаголов, модальных слов, особенно функционально-модальных слов, которые все чаще «перетягивали» на себя выражение модальных значений с индикативных форм.

Ключевые слова: категория, функционально-семантическая категория, модальность, экспликативные модальности, морфологический уровень, лексический уровень, синтаксический уровень, фонетический уровень.

MULTI-LEVEL MEANS OF EXPRESSING MODALITY IN «ALTAN TOBCHI»

Polina P. Dambueva

Dr. Sc. (Phil.), Leading Research Associate

Institute of Linguistics of the RAS

Moscow, Russia

polina-dambueva@iling-ran.ru

The category of modality in “Altan tobchi”@’ is represented by the system of multi-level means, that have a nuclea-periferal organisation, including the forms of the present indicative mood as the centre

of the functional-semantic field and other explicators of modality, where the modal component weakens while separating from the centre of the functional-semantic field: if in the forms of the present tense of the indicative mood there is a coincidence of the action with the moment of speech, then far from the core, reality is blurred to the values of potentiality and unreality. *Purpose.* In the article, the author reveals the morphological, lexical, syntactic, lexico-grammatical, phonetic levels of expressing the category of modality, identifying the morphological level as an indicator of the agglutinative language originality in the use of means of expressing modal meanings. At the same time the author seeks to show that the constituents of the functional-semantic field of modality are not a closed list: at the present stage it is replenished due to modal modifiers and means of expressing. *Results.* Considering the archaic mood forms in the text of Altan tobchi, the author notes that colloquial speech, which due to its expressiveness is always associated with modality, undermined the traditions of the written Mongolian language. So, in modern Mongolian languages we do not find such indicative formats as -yu, -m, -mu, -mü, -mui, -müi, and this disappearance takes place probably due to the fact that, as the ability of language to convey various modal nuances of the signified (they were becoming more specific) was increasingly enhanced, the means of this transfer were added: the number of modal particles, modal verbs, modal words, especially functional-modal words, which were «outweighing» in expressing modality from indicative forms, increased.

Keywords: category, functional-semantic category, modality, explicators of modality, morphological level, lexical level, syntactic level, lexico-grammatical level, phonetic level.

Как известно, модальность — это функционально-семантическая категория, выражающая разные отношения говорящего к содержанию своего высказывания. Содержание своего высказывания говорящий может считать реальным, соответствующим действительности (реальная модальность), о чем он может сообщить, употребив в своей речи глаголы в настоящем и прошедшем времени. При этом свою убежденность в несомненности сказанного говорящий может подчеркивать с помощью утвердительных частиц и ссылок на достоверные источники.

Высказывая предположение (ирреальная модальность), говорящий выбирает другие языковые средства — глагол в будущем времени, глагол в сослагательном наклонении, вводные слова и конструкции (*наверное, вероятно, как мне кажется*), частицы (*авось обойдется, а ты поди испугался*). Как видим, средства выражения модальности наблюдаются на разных ярусах языка, они не рядоположены, что объясняется сложной природой этого явления, выражаемого в языке не только грамматической оппозицией.

Основные значения реальной и ирреальной модальности осложняются различными оттенками значений: пожелания, опасения, сомнения, уступки и т. д. (субъективная модальность), которые в русском языке чаще выражаются частицами, а в монгольских языках — суффиксами, например: *бодог* «пусть встанет», *бодогшоб* «как бы не встал», *бододхой* «хоть бы встал», *бодолойи* «смотри не встань», *бододхуу* «дай-ка встану». В монгольских языках суффиксы являются универсальным способом экономии усилий и времени.

За глагольной формой, морфемой, звуком, частицей, союзом, интонацией скрывается внутренний мир человека говорящего: что ему представляется реальным, незыблемым, а что — ирреальным, иллюзорным, тщетным? Благодаря различным субъективным квалификациям сообщаемого мы узнаем, чего хочет говорящий, о чем мечтает, просит; что его радует, удивляет, восхищает или, наоборот, возмущает, повергает в уныние или отчаяние. Все эти настроения известны каждому человеку, что лишний раз доказывает непреходящую актуальность изучения модальности в любом тексте, когда бы он ни был создан.

«Алтан тобчи» в силу немногочисленности дошедших до нас древнемонгольских памятников письменности является особо ценным описанием жизни монгольского общества в средневековый период. Например, мы узнаем о его контактах с другими племена-

ми: *Qara Kitad-un Kür qaγan-tur oroγsan ajuqu Uyγud-un Tangγud-un γajar-a daγarin* — (Онг-хаган) жил у Кара-китайского Гур-хана, следовал по уйгурским и тангутским землям [Vietze, Lubsang, 1992, p. 1672–1673]; китайские элементы есть в именах собственных: *Онг-хаган* (Ван-хан, ван-«принц»), *Оэлун-уджин* (фуджин «госпожа»), *Алин-тайши* (тайши «наставник»); упоминаются обряды жертвоприношений, наречения отцом и сыном, братьями; в эпических вставках представлены такие жанры, как *магтаал*, *хараал*, *плач*, *обет*, *клятва верности*, содержатся образцы *ораторской речи* древних монголов. Иногда обычные на первый взгляд слова поражают глубоким, часто сакральным смыслом: *дэрэ абаху* — это речь воина, готового упокоиться в бою на телах поверженных врагов; *boγoljar ider-e* — древний обычай монголов: молодожены должны были символически съесть мясо с шеи и глотки животного, которые связаны между собой очень крепкими мышцами; *öndöd-te γaraqū* — «восходить на скалы» означало самому мужественно уйти в свой последний путь...

В «Алтан тобчи» мы видим древний облик современных форм: *yabun ami* (ср. с бур. ябанам) «я хожу» [1172], *kümün bui* хүнэб «я человек» [1172], *qamiγa-aca* хаанһаа «откуда» [1171], *tendese* тэндэһээ «оттуда» [1173], *kemekü buyu ci* хэлэбэш «как бы ты не сказал» [1173], *yaγu kiküi* юу хэхэ «что делать» [1624], *quγuracu odbai* хухаршаба «сломался (неожиданно)» [755], *yaγuci юунише* «(хотя бы) что-то», *mön kü* ср. бур. *диал.* мэнхэн «все равно» [37, 1619] и др. Язык «Алтан тобчи» отличается выразительностью, устоявшимися письменными традициями, в нем много синонимов, многозначных слов, устойчивых словосочетаний, сравнений и др. выразительных средств. Так, у слова *kelen* кроме «язык» есть еще значения «известие, новость»: *tere keleni medeged* «узнав ту новость...» [1189]; «пленник»: *kelen abuya kemen yabuγulju* «сказав возьмем языка, отправили...» [1318]. Синонимами являются *bederikü* и *erikü* «искать» [601, 602], *ayisuqu* и *irekü* «приходить, приближаться» [603], *ese dongγodba* и *dayun ese γarba* «промолчал» [179, 180], *cimarlaqu* и *buruγusiyaqu* «порицать» [868]. Много в тексте сравнений и устойчивых словосочетаний: *aci qariγulur-un* «воздать должное за благодеяния» [523], *köl kündü* «беременная» [376] — табу, оберегающее женщину и ее ребенка; *ami oroγulqu* «вдохнуть жизнь, спасти» [1379]. Описания людей отличаются образностью и натурализмом, передающими представления древних монголов о красоте человека прежде всего как о человеке здоровом: *nidüntüriyen γaltai* «глаза, полные огня» [445], *eligentür sülsütü* «с желчью в печени» [1268], *ayusgi dügüreng jürüketü* «с легкими, наполняющими сердце» [1268, 1269], *aman dügüreng aγartan* «рот, полный дыхания» [1269].

Текст содержит выразительные и яркие сравнения: прерванная жизнь сравнивается с пеплом, развеянным по ветру [1402]; Хоногчин эмэгэн, верный гений-хранитель ханского рода, воспетая позже в шаманских гимнах [Rintchen, 1959, с.113], играла видную роль в спасении Чингисхана и его семьи благодаря тому, что «слышала как колонок» и «видела как горностаи» [777]. А лесная чаща, в которой прячется Тумуджин, такая густая, что «сытая змея не может проползти» [765]. О развитии синтаксиса свидетельствуют «книжные» выражения в «Алтан тобчи»: *Tedeger üges Sayiqan Tüdüger-iyer ögülejü ilegejüki* «слова те были переданы посредством Сайхан Тудугера» [43, 1862–1863]; *ulus-iyān abtabasu* «лишится улуса» [42, 1858]; *seregdebe bida* «мы обмануты» [43, 1892]; *üges ögülegebe* «слова были сказаны» [43, 1863].

Реальная модальность

Реальная модальность в «Алтан тобчи» выражена прежде всего глаголами настоящего и прошедшего времени, которые не содержат в своем значении элемента потенциальности. Их употребление говорящим автоматически относит содержание высказывания в план действительного положения дел, т.к. глаголы настоящего и прошедшего времени

обозначают действия совершенные, совершаемые в данный момент или как регулярные, обычные рутинные действия (момент речи, как известно, может пониматься широко). Но в «Алтан тобчи» формы настоящего времени иногда могут выражать значение будущего времени — способность, которая на современном этапе в бурятском языке утрачена. На морфологическом уровне в «Алтан тобчи» модальность реальности выражается с помощью суффиксов в глаголах настоящего и прошедшего времени:

-m: *Sayıqan üge-ben ögüeldüged tarqaldum tede.* — Добрыми словами поговорив, расходятся они [9, 366].

Qoyar köbegün anu örö jirüke-ben ebedcü söni ginji baququ-yi minu suladqaju qonoɣulam bölüge. — Оба мальчика, боля за меня душой, ночью разрешали спать, ослабив шейную колодку [613–614].

-mui: *Tede irgen inu qadquldumui j-a.* — Тот народ сражается [44, 1935].

Ong qaɣan ene cirig-iyen namayı jasa kememüi andatur bi qadqulduju yadan yabu-luɣa. — Онг хаган говорит командуй этим войском, (начать) сражаться с андой мне было трудно [44, 1947–1948].

-mu: *Qonggirad-un Deyi Secen jolyaba Deyi Secen ögülerün Yisükey quad qamiɣa odumu ci.* — Встретились с хонгиратским Дзе Сэченем, он спросил: «Куда, сват Есугей, направляешься?» [10, 424–425].

Kebtegül-i cirig ker ülü ɣaryaqui kememui ta. Kebtegül altan minu amin sakimu. — «Вы спросите, почему кебтегулы не выступают в поход. Они охраняют мою золотую жизнь!» [54, 2377–2378].

-mü: *Iregsen kümüni yakin teyin kememü ci kemedged ecige-yügen ülü tayalan ginji baququyi anu susalju ɣal-tur tülejü.* — (Сыновья сказали отцу): Зачем так говоришь человеку, который пришел (за помощью), и не снятую их отцом шейную колодку (Тумуджина) разобрала и сожгла [15, 623–625].

-yu: *Sibaɣuɣan ...butan-tur qoryalabasu butabar abarayu.* Если птичка прячется в кустах, куст (ее) спасает [15, 622–623].

Aciraqu biltayur anda minu buyu. — Мой анда — жаворонок перелетный [41, 1791].

-yü: *Yakin teyin siluɣui sidurɣu aq-a degüü-yi olkin qaɣsaɣulun ögüleyü ci.* — Зачем ты, младший брат, оговариваешь своего родного старшего брата? [41, 1793–1794].

Erte tere caɣ-tur jambutyib-un kümün anu qubilju töröyü diyan-u idegen ideyu öber-ün beye-ece genel badarayu ridi qubilɣan-iyar oɣtaryui-bar yabuɣu caɣlasi ügei nasatu buyu. — «В те далекие времена люди на Земле переродились: питались пищей созерцания, тела их излучали свет, с помощью чудесных превращений ходили по небу, а их возрасту не было счета» [1: 7–10].

-nam: *1487Qourci ögüler-ün qatun köbegün cinu mendü bayinam* — Хурчи сказал: «Госпожа и сыновья твои здоровы» [49, 2142].

Bi kedüü-yi inu abqu bui ci kedüü-yi inu abunam kemebesü. — Скажи, сколько (коней) оставлю себе и сколько возьмешь ты [14, 682–683].

-ba: *Jelme öbesüben kü erijü abciraju abcu qaɣan-a uɣulyaba.* — Джэлмэ сам нашел (кумыс) и напоил своего хана [31, 1355–1356].

Mör inu bi jiyaju ögsügei kemedged oroɣ singqulayi Tümüjine unuɣulba. — «Сказав давай покажу тебе дорогу, посадил Тумуджина на Орог Шинхула» [15, 659–660].

-be: *Cinggis qaɣan sonosuyad qataricu kürcü bayuju teberildübe.* — Чингис хаган, услышав (крики), прискакал на коне и, спустившись, обнял (Хадан) [32, 1391–1392].

Tede irgen Bodancar-un qarcaɣai ɣuybasu ese ögbe. — Когда те люди стали просить у Бодончара его сокола, он не отдал [5, 206].

-bai: *Cinggis qaγan yeke cirig mön tende kü qonobai.* — Чингис хаган и большое войско — все там заночевали [32, 1394–1395].

Dayisun kümün-tür nidün qara oroju umdayan γarγaju amini minu oroγulbai. — В мгновение ока (Джелмэ) налетел на вражеский стан, нашел питье и спас мне жизнь (букв. «ввел в меня мою душу») [32, 1378–1379].

-bei: *Ögelen-Üjin eke köbegüd-i nutuγ-tur gegeju negübei* — Оставив Огэлэн-уджин и детей, перекочевали [12, 490–491].

Tatari qabsan morilaja kemen jürkeni jiryuγan edür külcejü ese kü iregdebei — «Решился потеснить татаров, шесть дней ждали джургэнов, а их все не было» [28, 1235–1236].

-luya: *Degüü minu Bodancar ene mören uruγu oduluγ-a.* — Мой младший брат Боданчар ушел вдоль этой реки [5, 209].

Ayulan degere-ese bi qarbuluγ-a. — «С горы стрелял я» [32, 1408].

-lüge: *Cegere-yin cegejin bögere-yin bögsen-tür atuγai ese kü kemelügei üü bi.* Грудина — в груди, почка в пояснице — так будет! Разве не так я говорил? [19, 798–799].

Bi urida cimadur ese kü ögülelüg-ei üü — «Разве не говорил я тебе (это) раньше?» [793–794].

-juqui: *Ong-qaγan Ilayburi Alin tayisi-tan degüü-ner-iyen bariγuljuqui* — Онг-хаган велел своим приближенным схватить его младших братьев Илагбури и Алин-тайшу [39: 1698–1699].

Ögdegsen kürgen-lüge-ben uyilaju jabuqui-e bidan-u cerig-üid jolyjuqui ere inu dutaγajuqui — Наши воины встретили (Йисуй), когда она плача шла с мужем, которому была отдана, муж скрылся (при виде врагов) [40: 1746–1748].

-jükküi: *Jamuq-a yabudaγ kele-tü bölüge jöb üü dab uu ögülen buyu kemen ese taγalaju ilegejükküi.* — «У Джамухи язык без костей, правильно сказано, неправильно — не различит» [43:1865–1866].

Coci Darmala... Ticerün niruγuni quγu qarbuju alayaγ aduγuban abuγad irejükküi — «Чжочи Дармала,...прострелив (стрелой) позвоночник Тайчару, убил его и, забрав своих коней, вернулся» [1103–1106].

Суффиксы *-juqui* и *-jükküi*, кроме реальной модальности, вносят в предложение разные значения субъективной модальности:

Belgütei ögülerün tan-I бүкү бугедеyi cigün-tür ülijü kiduγ-a kemeldübei kemejükküi. — Бэлгутэй сказал: «Вас всех решили уничтожить, сравни с чекой» [39, 1725–1726]. В этом предложении суффикс *-jükküi* вносит значение неожиданности для говорящего, а также выражает его возмущение поведением Бэлгутэя, который выдал татарам секретную информацию.

Tatar irgen ...qoor-a qoliju ögciküi jayura mayui odur-un γurban qonoγ yabuju ger-tür kürjü yekede cilegerkebe. — Татары дали (Есугей-багатуру) отравленную воду; почувствовав себя плохо в дороге, он, через три дня добравшись до дому, слег [11, 458–459]. Здесь суффикс *-ciküi* введен в знак сострадания, сопереживания с Есугей багатуром — отцом Чингисхана.

Ирреальная модальность

Действие, еще не ставшее реальностью, может передаваться с помощью императива, состоящего из основы глагола:

Ta egüni ödter öbcijü sir-a. — Снимите быстро (с козла) шкуру и зажарьте [33, 1434–1435].

Merged-dei saγan aman saγan keger qoyari bariju abcu ire. — Обуздай и приведи меркитских коней Цаган амана и Цаган хэгэра [43, 1904].

Merged-dei cayan aman cayan keger qoyari bariju uya kemegsen üges bügüde-yi ögülejü ögbei. — Чтобы привели и привязали меркитских Цаган амана и Цаган хэгэра — обо всех этих отданных приказах (Хишлиг и Бадай) рассказали (Чингисхану) [44, 1913–1914].

Edüge man-i tarqayuluyad eke degüü-ner-iyen erin od. — Иди, ищи свою мать и младших (сестер и братьев) [14, 610].

На современном этапе в монгольских языках эта усеченная форма употребляется как императив, высказанный в категоричной форме, ср. в бур.: *gar* — «выйди», *bod* — «встань», *güi* — «беги».

Язык «Алтан тобчи» отличается наличием архаичных форм повелительного наклонения, которые в современных монгольских языках не употребляются. Они образованы с помощью следующих суффиксов:

-tuyai: *Ükübesü abasu jayaγan minu medetügei kemen Onan müren uguγu odba.* — Сказав «пропаду или обрету — о том пусть хранитель мой ведает», пустился (Бодончар) вдоль Онона [5, 190–191].

-tügei: *Okin minu öcüken bui ger-tür minu odcu üjetügei kemejü ger-tür-iyen bayulyaba.* — Сказал, дочь у меня одна, зайди в мой дом и взгляни на нее, пригласил слезть с коня [11, 444–445].

-ya: *Erte edür ece ebüges eciges-i bidan-u baraysan Tatar-i edüge ene qaqaqlqa-tur qamsay-a qamtu morilay-a.* — Зажмем теперь в этом ущелье татаров, с давних пор убивавших наших отцов и дедов, выступим вместе в поход [28, 1200–1201].

-ye: *Edür bederiged tarqaju manayar bederiy-e kemeldüjü tarqaba namay-i üje-lüge kemen kümün-e büü ögüle.* — День искали, договорились, что продолжим завтра и разошлись, не поговорись никому, что я (тебя) видел [14, 608–609].

-su: *Qayasaγsan ulus-i cinu qamtydqaju ögsü kemen* — «Раздробленный твой народ объединю (для тебя)» [Там же, 797–798]. Здесь архаичная форма на *-sü* выражает побуждение к действию, обращенное говорящим к себе, и передает чувство долга по отношению к погибшему анде (побратиму). *Ene köbegün-iyen cimada ögsü.* — «Давай я отдам тебе этого своего сына» [4, 154]. *Ci ülü cigaqu bi nekesü kemebe.* — «Ты не сумеешь, давай я догоню, — сказал (Тумуджин)» [15, 653].

-sü: *Qayasaγsan ulus-i cinu qamtadqaju ögsü kemen,* — Рассеянный твой народ соберу и тебе отдам [18, 796–798].

-suyai (-sügei): *Butaraysan ulus-i cinu бүтүгөлдүжү өгсүгеи qayasaγsan ulus-i cinu qamtadqaju ögsü kemen.* — (Онг-хаган) сказал: «Раздробленный твой народ укреплю и (тебе) отдам, рассеявшийся твой народ объединю и (тебе) отдам» [18, 796–798]. *Bi orojü üldejü yarγasuyai.* — «Давай я зайду и выгоню наружу (табун)» [там же: 669–670]. По отношению к сюзерену употребленные формы на *-su/sü* выражают верноподданнические чувства подчиненного: *Oiyin görögesüni bederibesü ayudalju yarγan ögsü.* — «А я лесных коз поищу, облавой (на тебя) их выгоню» [там же: 1036].

-dkun: *Amin ügei bey-e-yi minu abcu odcu yaγu kiküi ta namay-i alar-a edüküye ödter qaridqun.* — Получив мое бездыханное тело, что вы будете с ним делать, вызволяйте меня, пока я жив! [37, 1623–1624].

Ede ekes köbegüd-i nutuγtur gegejü negüdkün büü böged abcu yabudqun kemen manayars-i edür-ece Onan mören ögede ködele-ün. — «Сказали уководим, оставив этих женщин и детей на стойбище, уедем, не забрав их с собой, и назавтра откочевали, двинувшись вдоль Онона» [11–12, 487–489].

-dkün: *Ene eyeben büü ebderedkün.* — «Этого согласия не нарушайте!» [1088]. *Edüge boyoljar ider-e ire-dkün.* — «Приезжайте теперь бахалзура отведать» [43, 1880].

-**ytun** *Nijeged mösün-i bariyulju köbegüd quqalaytun kemen ögbe.* — «По одному прутику в руки дала и сказала: «Сломайте, мальчики» [4, 167]. *Ta aq-a-nar degüü-ner amaraldun sayıqan yabuıtun.* — «Вы, братья, дружно и красиво живите» [9: 373-374].

Потенциальную модальность выражает форма будущего времени:

-**qu:** *Edüge qaıan namayı ükügüldebesü alayan-u tedüi yajar-a üküjü qocorqu soıorqabası qaıan-u emün-e...qara kürü qamıaru doıtolju ögsü.* — «Если хан велит убить меня, буду гнить в земле размером с ладонь, если пожалует мне жизнь... вдребезги разобью черные скалы» [32, 1408–1412]. *Bi datora-ki itegel-tu sedkil bölüge yakin yaıaraqu.* — «Внутренне, в душе, я в тебя верил, но зачем я буду торопиться» [32, 1400–1401]. -**kü:** *Kömöldürge ker möltörükü bölüge — tıgri minu idqan amui uu.* — «Седло как соскользнуло (при надетом нагрудном ремне и подтянутой подпруге). — Не удерживает ли меня мой тэнгри?» [13, 575].

Köbegüdiyen cirai ker üjekü. — «Как посмотрю в лицо сыновьям?!» [916].

-**qui:** *Tere üge-tür Cinggiıs qaıan dotorayan Nilq-a Senggüm-tür duur-a qosorcıqui.* [42, 1845–1846]. — «За те слова Чингис-хан в душе охладел к Нилха Сэнгуму» (имя примечательное: нилха переводится «новорожденный» — вероятно, в роду его отца, Онг-хагана, был еще Сэнгум постарше).

Edüge gölme-iyen dabsiqui-tur kenggerge-yin daıun bolıaju kökedeg Toıtaqa Buıur-a keger-e bui j-a. — «Теперь в Бугара кегере должен быть Тогтага, который пугается, когда хлопнут по чепраку, потому что ему чудится звук барабана» [19, 824–825].

-**küi:** *Eme köbegün adııun idegen-i minu ünüsü-ber keyisgeküi.* — «Семью и скот мой разводят как пепел» [32, 1402].

-**kün:** *Ker kikün bida kemeldübei* — «Что мы будем делать», — говорили (братья) [39, 1695].

-**qun:** *Ken aburaqun kemeju bölüge* — «Кто спасет?!» — говорила (Оэлун-уджин) (сыновьям)[13: 535].

Basa... jayıısan-i Begter Belgetei aq-a degüü qoyar bulibai ker aldaqun bida — Братья Бэктэр и Бэлгэтэй опять отобрали рыбку, как мы будем (с ними) жить [12, 531–532].

Агглютинативный язык очень легко меняет смыслы с помощью аффиксов, поэтому изучение морфологических средств выражения модальности — плодотворная тема, т.к. они могут передавать кроме упомянутых выше самые разные модальные коннотации. Например:

разрешение: *Söni ginji baııqu-yı minu suladqaju qonoıulam bölüge* [14, 613–614] «ночью разрешали спать, ослабив шейную колодку»;

долженствование: *Uriju ülü ögtekü mör-tei sı* [11, 486] «судьба твоя обходиться без приглашения»; *Belgetei ülü ilaydaqı bölüge* [29, 1283] «Бэлгэтэй не должен был победить»;

возможность: *arıa sayıtu* [36, 1557-1558] букв. «с хорошими возможностями», т. е. «находчивый, смекалистый»;

неизбежность: *Qara terigün-tür-yen kürtekü bolba* [21, 902] «поплатиться мне черной своей головой»;

решимость: *qabcıla sıııusu* [21, 903] «проберусь-ка я в ущелье»;

опасение: *mini tulada sı erüsdegüjei* [16, 676] «как бы ты не погиб из-за меня»;

допущение: *nököseltü kümün buyu* [32, 1415] «человек, с которым можно дружить» (ср. с бур. абахаар «вещь, которую можно или стоит купить»);

смягчение просьбы (*ödterken nekekü* [18, 755] быстренько догнать).

Модальность в «Алтан тобчи» выражена и на лексическом уровне. Реальную модальность в «чистом» виде выражает бытийный глагол *bui*, одним своим фактом употребле-

ния автоматически относя содержание любого высказывания в план реальности: то, о чем говорится в высказывании, есть в действительности. Например: *Cinu suraqui-tur adali tey-imü kümün bui*. — Такой человек, про какого ты спрашиваешь, **есть** [5, 212–213]. Через лексику выражается модальность возможности (невозможности), долженствования (уготованности, предначертанности, неизбежности), желательности (нежелательности):

Tedüi Belgetei abuyad köbcilejü **ese cidabai** tere ebügen köbcilejü Qasar-tu ögbe Qasar delijü **ese dayabai**. — «Тогда Бэлгэтэй, взяв (лук), не сумел (его) натянуть, старик, натянув, передал Хасару, Хасар тоже не смог» [27, 1175–1176].

Arya sayitu külüg Boγorci minu. — Богорчи мой, богатырь, у которого много возможности... [36, 1557–1558].

Tayiciγud bolbau taniγu **yadaba** Merged buyu medeγu **yadaba** Mongγol buyu bolγuju **yadaba**. — «Тайчигуты ли это, меркиты ли, а может, монголы — не смог разглядеть» [34, 1472–1474].

Boγorci oduγad asaγba ta yaγuci irged bui bida **yosutu** ejen tani bui. — «Богорчи, подойдя, спросил: Что вы за люди, мы законные ваши хозяева» [34, 1479–1480].

Kürgejü ülü ögtekü **mörtei** ci **ucarabasu** idekü **yosutai** ci kürtebesü idekü **yosutai** ci. — «Судьба тебе обходиться без сопровождения, есть ты должна что попадетя, есть ты должна, если досталось» [11, 486–487].

Ükübesü abasu **jayayan** minu medetügei kemen Onan müren uguγu odba. — Сказав «пропаду или обрету — о том пусть хранитель мой ведает», пустился (Бодончар) вдоль Онона [5, 190–191].

Kisiliγ jorciγu Baday-a ögüler-ün tuγar-un ögüleγci **mayad** bolba. — Кишлиг, прибежав, сказал Бадаю: «То, что мы говорили намеренно, похоже, правда» [44, 1905–1906].

Jelme ögüler-ün minu sedkil eyin buyu nicügün odor-un ker-ber barigdabasu bi tan-a oγoju irekü **duratu** bölüge. — Джэлмэ сказал: «План мой был такой: явиться раздетым, если бы схватили, сказал бы, что хотел перейти на их сторону» [31, 1366–1368].

Tere üge-tür Cinggiis qayan dotorayan Nilq-a Senggüm-tür **duur-a** qosorciqui. [42, 1845–1846]. — «За те слова Чингис-хан в душе охладел к Нилха Сэнгуму».

Qara keriy-e qalisu idekü **yosutu** bögetele γalaγun toγoγuγud-i **idesü** kemen... — «Черная ворона должна питаться корой, а я захотел гусей и журавлей» [21, 899–900].

Qokimai terigün-tür-iyen **kürtekü bolba** bi. — «Отвечать мне своей сухой головой» [21, 907].

В выражении модальности большую роль играют союзы, местоимения и частицы, которых в «Алтан тобчи» очень много. Они выражают разные субъективно-модальные значения, чаще подчеркивая наиболее важный отрезок высказывания:

qoyinaγsi-ban **γaysaqan** kilam kiju üjeküi-tür. — **только раз** оглянувшись [34, 1474];

alay day-a **metu**. — «**словно** годовалый жеребенок» [34, 1494–1495];

ejen-ü jegüdün-ü boljiγ-a **mön metu** bayinam. — «все было **именно так**, как во сне моего владыки» [34, 1474–1475];

qarsayai sibayun **metü**. — «**словно** птица-ястреб» [36, 1550–1551];

Ai jöb üü. — «Не верно **ли** (это)?» [966].

Bi urida cimadur ese kü ögülelügei üü. — «Разве не говорил я тебе (это) раньше?» [793–794]

Ese tayalaju ilegejükiü. — «**не различит**» [43, 1865–1866].

Та **yaγuci** irged bui «**что за** люди вы» [34, 1480]

Yaγun irgen «**что за** народ» [5, 208]

Yambar nayadun bui. — «**Какое (вам)** веселье» [34, 1483–1484]

Yambar sayin ner-e. — «**Какое (там)** доброе имя» [34, 1485]

Inggejü yabuju kücün-iyer öggödeg buyu. — «**Вот как** ты служишь (букв. отдаешь силы)» [34, 1494]

Üle Jandan-tu ülügcі gegün unaytai ögbe **yayu bile**. — «Отдал (Чингисхан) Улэ Данзану кобылицу с жеребенком — **ну и что?**» [37, 1603–1604].

Alabasu deki **mön kü** alagdaqu bi. — «Если убью тебя — **все равно** буду убит» [37, 1619].

Minu amini **mön kü** tede aburmuу. — «Мою жизнь они все равно спасут» [14, 616].

Eng terigün Maq-a Samadi qayan kemen aldarsibai. — «**Самым** первым Маха Самади-хан вознесся» [1, 31].

Angqanu Bodoncar-i tungqay bidayu buyu kemen qubi ese ögbe. — «**Только** Бодончару, посчитав его глупым, доли (в наследстве) не выделили» [5, 187–188].

Amaqay-e ükübe kemen Ögelen-e **kürtele** eyin kemegdekü bolba. — «Оттого, что Амагай умер, (**все**) **вплоть** до Огелен могут так (с нами) разговаривать» [11, 485–486].

Basa Toryan Sira ögülerün. — «Торган Шира **опять** сказал...» [14, 603–604].

Naqu Bayan **nigen-te** dongyoddumui **nigen-te** inigemui. — «Торган Шира (от радости) **то** вскрикивал, **то** смеялся» [16, 688–689].

Субъективная модальность в «Алтан тобчи»

В тексте «Алтан тобчи» ощущается живое участие автора хроники в описываемых им событиях, именно поэтому в нем достаточно много показателей субъективной модальности, передающей эмоциональное, внутреннее состояние говорящего. Он с горечью приводит отрывки из «Сокровенного сказания» о разобщенности и распрях, которые раздирали монгольское общество на пути к новой формации. Прославляя упорный труд Чингисхана и его сподвижников в создании сильной единой власти, призванной положить конец междоусобным войнам, он привлекает богатый фольклорный материал, оригинальные образцы средневековой поэзии, и все это, безусловно, является благодатной почвой для проявления отношения автора к повествованию, что и представляет собой суть грамматической категории модальности.

Субъективная модальность часто выражается синтаксическим способом. О Борте Уджин в знак уважения говорится во множественном числе: *Merged irejü em-e köbegüdi tayuliju odba*. — «Напали меркиты, похитили жен и детей» [18, 790–791]. Высоким слогом говорится и о ее прибытии: *gergei bayulyaqu* «принять невесту (свыше)». Восхищение создательным трудом Чингисхана, его матери выражено употреблением высокого стиля: *Qatun törögsen Üjin eke qad köbegüdiyen tejiyerün...γoua törögsen Üjin eke qutuytan törögsen köbegüdiyen tejiyerün*. — «Госпожой рожденная Уджин эке сыновей-ханулов выкормила...Прекрасной рожденная Уджин эке августейших сынов вырастила» [509–514]. *Ediü üge barilduju eyin aman aldaju yisün költü saγan tugiyar bayiyulju...Cinggis qayan nere ögsü qayan bolγabai. Möngke tngriyin köbegün Tümüjin Cinggis qayan yeke oro saγubai*. — «Так говоря (букв.: такие держа речи, такие устами говоря слова...), водружая белое девятиножное знамя, дав имя Чингис-хаган, сделали ханом...Сын вечного неба Тумуджин Чингис-хаган воссел на великий престол» [1044–1051]. *Tngry γajar-un ibegel medetügei*. — «Пусть властвуют правители неба и земли!» [42, 1817–1818].

Риторическими вопросами выражаются уверенность, возмущение, отчаяние, сомнения, досада: *Vaququtu kümün qamiya odqu* «Куда уйдет человек в деревянной колодке?» [15, 627–628]. *Tumudjin anda bida qoyar-un sübege secijü qabirγa qadqaju yakin qayasaγulba ta*. — «Зачем вы нас с братом Тумуджином разлучаете, вилы в ребра втыкая, в утробу укалывая?!» [25, 1093–1094]. *Ulus ügekün bolbasu yakiqun kemejükiü*. — «Что он может сделать без своего народа?» [42, 1858]. *Aqanar degüüner yakin teyin kildümü ta*. — «Братья, зачем вы так делаете?!» [533–534]. *Gegen saγan edüriyer kümüni aldaba qarangγui çöni ker*

olqu. — «Белым днем человека упустили, ночью как его найдете?» [604–605]. *Nökör kümünü yasiyun berke ese kü bölügei üü*. — «Не от этого ли горько и трудно человеку без товарища?» [543–544]. *Eyimü qalayuna unğasun dotora kebtegsen kümün ker dayusqu ajuqu*. — «В такой разогретой (на солнце) (куче) шерсти человеку как выдержать? « [633–634]. *Nökör bi cima aca anggida moridiyan ker abqui bölüge*. — «Без тебя, друг, как бы я вернул своих коней?» [681–682]. *Köbegüdiyen cirai ker üjekü*. — «Как посмотрю в лицо сыновьям?!» [916]. *Eligenü uruy busuyu bida*. — «Разве мы не кровные родственники?» [811]. *Eke degüüneriyen erin od ese kelegsен buyu*. — «Разве не сказал я (тебе), иди ищи свою мать и младших?» [620].

Часто попадают усиленные частицы *keb kejiye* «давным-давно, с давних пор» [1590, 1602, 2669], *qab qarangui* «очень темно» [13], *Teb Tngri* «очень божественный» [2947, 2952, 3007, 3019, 3037, 3043, 3051, 3063, 3064]; отрицательные частицы, выражающие, конечно, не отрицательную действительность, которой нет, а отношение говорящего к ней: *ülü* [142, 188, 220, 227, 342, 408 и последующие], *bütügei* [13:537, 27:1152, 46:2020, 64:2802]. Усиление производят местоимения и союзы, подчеркивая наиболее важный отрезок речи: *ori* «только» [6, 3273, 3875, 4988] *eng* «самый» [31, 71, 99, 2828, 3098, 3115 и т. д.], *angqan-u* «самый» [187, 234, 258, 287, 3229, 3230, 4101], *mönlü* «тот самый» [1879, 1885] (ср. в бур.: *мүнөөхи* «тот самый»), *ele* «этот самый» [323, 337, 338, 433, 557, 587] и т. д.

Систематизируют, вводят порядок в повествование вводные элементы: *Tedüi atala tayiciyudun Tarγutai...* — «Тем временем, тайчигутский Тархутай...» [561]. *Tedüi ayuju Ögelen Üjin eke köbegüd...oi-tur sirγulaju*. — «Таким образом (букв.: столько, так живя...), дети Өгэлэн Үджин... ускользнули (от погони) в лес» [563–564]; *cinggikü-dü*. — «тогда, вместе с тем» [1483, 1485, 1486]; *egünü qoyina*. — «после этого» [1735, 4993]; *tedüi atala*. — «тем временем» [140, 157, 184, 208, 218 и т. д.], *tere dumda*. — «между тем» [235]. *Börte Üjiniyen jolyaldyuy merged ece abuγsan yosun eyimü buyu*. — «Такова история возвращения Бортэ Үджин от меркитов» [890–891] — такое завершение эпизода в «Алтан тобчи» — со словами «такова история...», «так завершилось...», подводными итог сказанному — очень употребительно: [60, 343, 381–382, 395, 711, 950, 890–891].

Экспрессию придают «кусочку действительности» парные слова и повторы: пренебрежение выражают *gemür simür* «плохое поведение» [84: 3702], *eremdeg jemdeg* «кривой, увечный» [12: 524], *kenükei uyγan-uqai, ken-u uyγan-u* «чей, кому-чему (принадлежишь?)» [5: 207, 4: 171]; *sabcildun γubcildun* «распри» [9: 358]; *östen kisten* «мстительный» [27: 1190, 28: 1234]; *ere-yin er-e*, наоборот, выражает восхищение и переводится «достоинейший из мужей» [29:1271].

Способствуют изображению реальной картины и фонетические средства. Мягкими, сонорными звуками передаются сцены спокойного, безмятежного отдыха: *sedkil-i minu amuraldun* «успокоение моей души» [25: 1078], *engke amuyulang* «благополучный, мирный» [36: 1573]; *bulyan ölögei ögcü bölüge* «подарил соболью колыбель» [48: 2097]. А вот утреннюю тишину нарушает громкий крик верной Хоногчин-эмэгэн: «*Eke eke! Ödter türgen bos! Bos!*» «Госпожа, госпожа! Скорей вставайте! Вставайте!» [17:734], а враги уже приближаются «*šog šog*» *qataran* «скачут: цог, цог!» [36: 1560]. А перед боем под черным флагом густо рокочет барабан — *kenggerge* [824, 3929].

Шарль Бали не случайно назвал модальность «душой предложения». Исчезают века, народы, цивилизации. Но если есть письменные памятники — всегда есть возможность почувствовать, ощутить «душу» текста через его модальность, когда бы он ни был создан. Она обнаруживается на любом ярусе языка и «разлита» в тексте, как кислород в воздухе. Просто мы не замечаем ее, как не замечаем воздух, которым дышим. Именно из-

за этой ее способности присутствовать в предложении незаметно, неназойливо, прежде всего в предикатах, частицах, в значениях и тончайших оттенках слов, и кроется причина устойчивого интереса исследователей к проблеме модальности.

Таким образом, категория модальности в «Алтан тобчи» представлена системой разноуровневых средств, имеющих ядерно-периферийную организацию, включающую в себя формы наклонения в качестве центра и лексические, синтаксические, фонетические средства выражения, в которых модальная составляющая по мере отдаления от центра функционально-семантического поля слабеет. Признак «реальность» убывает по мере удаления от центра: если в начале описания наблюдается совпадение действия с моментом речи, то в отдалении от ядра реальность размывается до значений потенциальности и ирреальности.

Модальные значения реальности/ирреальности, а также потенциальности выражаются в каждом предложении «Алтан тобчи» формами наклонения. Наблюдения над этими формами свидетельствуют о том, что разговорная речь, которая из-за своей экспрессивности всегда сопряжена с модальностью, расшатывает традиции письменного монгольского языка. Так, в современных монгольских языках не обнаруживаем многих формантов индикатива: -уи: *ulus-iyān barayū* — «народ загубят» [77: 3390–3391], *qoyitu-yūyan umartayū* — «забудет свое прошлое» [77: 3393–3394], *yal-i sönögeyu* — «(если) полить огонь (водой)» [77: 3394–3395], *esege tölöge barayū* — «(козлята) мучаются и гибнут» [77: 3395–3396], *jambutyib-un kümün anu qubilju töröyü* — «люди на Земле переродились» [1: 7-10]; форм на -m, -mu/-mü, -mui/müi: *sanam* — «думаю» [4: 175], *yarju odum* — «уходит» [4: 174], *dayisun jolyam* — «встречаю врага» [33: 1439–1442], *üsüg umdayan uuju odumu* — «пьет кумыс и уходит» [5: 213–214], *yakin teyin kildümü ta* — «зачем вы так делаете» [13: 533–534], *yaγun bolumu* — «что происходит» [31: 1360], *yambar üge ögülemü* — «что ты сказал» [6: 226], *kememui ta* — «скажете вы» [54: 2377–2378], *jobalaldumui* — «будет мучаться (со всеми)» [54: 2378–2379], *asaramui* — «доставит» [54: 2378–2379], *umdayasumui bi* — я хочу пить [31: 1349], *kemegdemüi* — «говорят» [21: 915].

Объясняется это явление, вероятно, тем, что, по мере того, как в языке все более развивалась способность передавать различные модальные нюансы означаемого, порой очень тонкие, добавлялись средства для этой передачи: модальные частицы, модальные глаголы, модальные слова, которые все чаще «перетягивали» на себя выражение модальных значений с индикативных форм. Явление это иногда подмечается в литературе как «общая тенденция большинства монгольских языков выражение модальных значений переложить с глагольных форм на лексические средства» [Санжеев, 1963, с.193].

В связи с этим формы имперфектного претерита и перфектного презенса выходили из употребления, и в первую очередь, надо полагать, стали малоупотребительными формы с наиболее выраженной модальной нагрузкой (в современном бурятском языке они не употребляются): перфектный претерит на -лаа, -лээ (аффикс, оставшийся от -luγa, -lüge), обычно вносил в предложение модальное значение подчеркивания важного момента речи; иногда эта форма обозначала такое действие, «о котором как бы лишь упоминается» [Там же, 188]. Имперфектный претерит на -жээ обозначал действия необычные, неожиданные; значение «заглазости», т. е. действия, в котором говорящий не принимал участия, содержали формы на -зихüi, -зүкüi [Орловская, 1999, с. 83]. Перфектный претерит -ji вносил в предложение значение достоверности, убежденности в совершении или необходимости совершения обозначенного в глагольной основе действия. Формы на -m, -mu, mü обозначали действия, совершавшиеся обычно, постоянно, часто, повседневно: *Ödür büri mantur ireju esükcileju odumu* [5: 213–214]. — «Каждый день приходит к нам, пьет кумыс и уходит».

При сохранении общей структуры категории модальности получили дальнейшее развитие лексико-грамматические, синтаксические, лексико-синтаксические экспликатеры модальности, развиваются и собственно грамматические показатели модальности: в границах повелительно-желательного наклонения все чаще о себе заявляют значения дубитатива, конъюнктив, прохибитива, пермиссива, дебитива, которые, правда, часто зависят от контекста. С другой стороны, система наклонений обнаруживает определенное постоянство в сохранении своих маркеров: передача значения императива с помощью основы глагола, показатели оптатива на *tuɣai* (-tügei) / -hai, -hэй, -hoi; волонтиатива на -ja (-je, -jo) / -я, -е, -е; пермиссива на -su (sü)/һуу, һүү.

На современном этапе развития бурятского языка в выражении модальных значений большую роль выполняют частицы. Частиц в бурятском языке очень много. В современном бурятском нередко частицы образованы от древних глаголов. Так, утвердительную частицу *hэн* (hэн, hon) Г. Д. Санжеев возводит к причастию прошедшего времени *ауһан*, который восходит к вспомогательному глаголу *а- «быть» (Санжеев, 1963, с. 190). Глагол *бо «быть» с разветвленной сетью форм (*böläge, bökü, böküi; bögöd* и др.) дал современную частицу *бэлэй*, которая имеет модальное значение утверждения, реальности действия. К слиянию глагола *бии* с частицей *зай* возводит образование предположительной частицы *аабза* Н. Н. Поппе [1938, с. 264].

Процесс образования модальных частиц из полнозначных глаголов продолжается и в современном бурятском языке, это видно на примере образования усилительных частиц *суу сохихо* — «пробить насквозь» (*суу* ← *суулаха* «продырявить»), *таһа татаха* — «совсем оборвать» (*таһа* ← *таһалаха* «оторвать»), и таких усилительных частиц достаточно много.

Подавляющее большинство бурятских частиц имеет то или иное модальное значение (см.: [Будаева, 1989, с. 91–100], [Панов, 2016, с. 101–128]), Э. Вандуй считает, что частицы в монгольском языке служат только для придания модальных оттенков и значений отдельным словам или всему предложению [Вандуй 1966, с. 224–232] (см. также [Лувсанвандан, 1968, с. 84]).

Расширяется в монгольских языках и круг модальных глаголов, модальных слов. В «Алтан тобчи» их роль выполняется в основном глаголами *böläge, bui, buyu, ög-, ab-*. В языке сегодняшнем модальные функции вспомогательных глаголов настолько развились, что в их число попадает все больше глаголов, иногда даже самых обычных, выступающих в определенном контексте в качестве функционально-модальных глаголов: *Ерэхэе хатаг!* — «Черта с два придет!», «Да не придет он!» (*хатаха* — «сохнуть»). *Ойсоо агнажа хэбтүүжэн.* — «Пусть себе охотится в лесу» (букв.: Пускай лежит охотится в лесу). Здесь глагол *хатаха* — «сохнуть», утратив свое лексическое значение, употреблен в качестве модального оператора для выражения уверенности говорящего в высказанном им предположении. А глагол *хэбтэхэ* — «лежать» выражает субъективную модальность: чувство досады и пренебрежения к объекту высказывания. В подобной функции можно встретить глаголы *абаха* — «взять», *үгэхэ* — «дать», *орохо* — «войти», *ошохо, ябаха* — «идти», *ерэхэ* — «прийти», *орхихо* — «оставить», *хаяха* — «бросить», *һууха* — «сидеть», *алдаха* — «лишиться», *мэдэхэ* — «знать» и др.

Литература

1. Будаева Г. Д. Частицы бурятского языка как лексическое средство выражения модальности // Лексико-грамматические исследования бурятского языка. Улан-Удэ, 1989. С. 91–100.
2. Вандуй Э. Сул уг. «Орчин цагийн монгол хэлзүй». Улаанбаатар, 1966. 224–232 дахь тал.
3. Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание») / пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 438 с.

4. Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц. Монгол хэлний үг, нөхцөл хоер нь. Улан-Батор, 1968. 190 х.
5. Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». М., 1984. 234 с.
6. Орловская М. Н. Язык монгольских текстов XIII–XIV вв. М.: ИВ, 1999. 182 с.
7. Орловская М. Н. Очерки по грамматике языка древних монгольских текстов. М.: Восточная литература, 2010. 303 с.
8. Панов В. А. Бурятские заключительные частицы в ареально-типологической перспективе // УАИ. 2016. № 4. С. 101–128.
9. Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л.: АН СССР, 1938. 268 с.
10. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963. 266 с.
11. Харчевникова Р. П. Система глагольного наклонения в современном литературном калмыцком языке: автореф дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 72 с.
12. Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979. 147 с.
13. Hans-Peter Vietz, Gendeng Lubsang. Altan Tobci. Eine mongolische Chronik des XVII. Text und Index. Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa. Tokio, 1992. 278 p.
14. Rintchen B. Les materiaux pour l'étude du chamanisme Mongol, 1. Sources litteraires, Otto Harrassovitz. Wiesbaden, 1959 (Asiatische Forschungen, Bd 3). 156 p.

УДК 81'367

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-190-196

**ВОПРОСЫ ВАРЬИРОВАНИЯ ИМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ**© **Абдуллаев Сайфулла Нурмухаммедович**

доктор филологических наук, профессор, директор,
Научно-образовательный центр «Ренессанс»
Киргизия, г. Каракол
abdullaev.sayfullah@gmail.com

© **Мушаев Владимир Наранович**

доктор филологических наук, профессор, директор,
Центр методики преподавания и развития калмыцкого языка,
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Россия, г. Элиста
mushaev_vn@mail.ru

© **Абдуллаева Гюзаль Сайфуллаевна**

аспирант,
Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова
Киргизия, г. Каракол
abdullaeva.guzyalua@mail.ru

Статья посвящена сложным вопросам выделения вариантов моделей элементарного простого предложения. Авторы обсуждают теоретические вопросы варьирования моделей на материале тюркских и монгольских языков. Такие вопросы являются актуальной проблемой современной синтаксической науки в тюркологии и монголистике. Модель элементарного простого предложения интерпретируется в качестве лингвистического знака. Модели простых предложений как единицы языка имеют свои варианты, коррелирующие с формами парадигмы модели предложений. В статье намечены основные направления идентификации моделей и их вариантов. Варианты моделей не всегда легко узнаваемы. В системе простого предложения именные модели противопоставлены друг другу. Варианты выделяются в плане выражения и в плане содержания моделей. В статье описываются общие закономерности для тюркских и монгольских языков.

Ключевые слова: модель, простое предложение, именованное сказуемое, вариант, план выражения, план содержания, семантика, система, парадигма, подлежащее.

**VARIATION IN SIMPLE SENTENCE NOMINAL MODELS
IN TURKO-MONGOLIAN LANGUAGES***Saifulla N. Abdullaev*

Dr. Sci. (Phil.), Prof., Director,
Scientific and Educational Centre "Renaissance"
Kyrgyzstan, Karakol
abdullaev.sayfullah@gmail.com

Vladimir N. Mushaev

Dr. Sci. (Phil.), Prof., Director,
Centre for Methods of Teaching and Development of the Kalmyk Language
Kalmyk State University after B.B. Gorodovikova
Russia, Elista
mushaev_vn@mail.ru

Guzal S. Abdullaeva
Post-Graduate Student,
Issyk-Kul State University after K. Tynystanova
Kyrgyzstan, Karakol
abdullaeva.guzyalua@mail.ru

The article is devoted to selecting variants of elementary simple sentence models. The authors discuss theoretical issues on the basis of the Turkic and Mongolian languages. This is a relevant problem of modern syntactic science in Turkology and Mongolian studies. The model of an elementary simple sentence is interpreted as a linguistic sign. Models of simple sentences as language units have their own variants. Model variants correlate with sentence model paradigm forms. The article outlines the main directions for identifying models and their variants. Model variants are not always easy to distinguish. In the system of a simple sentence, nominal models are opposed to each other. Variants stand out in the structure and in the content of the models. The article describes the general rules for the Turkic and Mongolian languages.

Keywords: model, simple sentence, nominal predicate, variant, plan of expression, content plan, semantics, system, paradigm, subject.

Фундаментальным постулатом современного языкознания служит необходимость принципиального различия языка и речи. Это по-особенному актуально для исследований по синтаксису, т. к. к последовательному разграничению языка и речи на этом уровне системы языка в разных лингвистических традициях исследователи пришли относительно недавно.

За одной моделью предложения как единицей языка в речи может конструироваться бесконечное множество конкретных фраз-высказываний. Число моделей же конечно. Подобно другим единицам языка модель предложения имеет свою систему форм. Формы модели предложения — это видоизменения структурной схемы, выражающие различные временные и модальные значения [Абдуллаев, 1989, с. 353; Абдуллаев, Абдуллаева, 2014]. Вся совокупность таких форм называется парадигмой модели предложения [Абдуллаев, 1989, с. 353]. Такое понимание парадигмы предложения характерно для исследований по тюркским языкам, но близкую интерпретацию мы видим и в других лингвистических традициях. Так, в частности, мы позволим себе сослаться на дефиницию парадигмы предложения в русистике, которая указывает на частные модально-временные значения, передаваемые определенными видоизменениями формальной организации предложения [Серээдар и др., 1996].

В данной статье мы придерживаемся вербоцентрического подхода к осмыслению организации предложения. Говоря точнее, считаем конструктивной вершиной предложения предикат. В этом смысле будет резонно предположить, что в основном парадигма предложения коррелирует с парадигмой глагола. Что касается предложений с именным сказуемым, то в моделях именных предложений имеется в виду вспомогательный глагол-связка. Отталкиваясь от указанного посыла в сторону описания внутри- и межмодельных синтаксических процессов можно рассуждать о широком понимании парадигмы предложения [Абдуллаев и др., 2021].

Говоря о предложении как единице языка, мы вслед за представителями новосибирской синтаксической школы имеем в виду модель предложения. Основной единицей синтаксического уровня для нас является модель элементарного простого предложения (далее ЭПП). Профессор М. И. Черемисина и ее последователи в своих работах неоднократно обращались к вопросам варьирования моделей ЭПП. В результате было установлено, что модели варьируют как в плане выражения, так и в плане содержания. Так, в плане выражения необходимый предметный член предложения может выражаться формами разных падежей, а в плане содержания варьирование связано с категориально-

лексическим наполнением той или иной облигаторной позиции. Релевантным является вопрос о том, замещает ли облигаторную позицию личное имя, предметное или географическое понятие (см., например: [Доржиева, 2007, с. 7]).

Модель предложения, в данном случае предложения с именным предикатом, инкорпорирует в себе значительный синтаксический потенциал. В качестве примера можно взять модель в уйгурском языке, формулу которой представим ниже:

{NLok/Poss — NNom// — Bar/Yoq/Num Cop} — где кто/что есть/нет/ сколько

Данная модель в качестве единицы языка может и имеет определенные варианты. Мы уже отметили, что в варьировании задействованы оба плана модели как лингвистического знака.

Со стороны плана выражения сразу бросаются в глаза возможности изменений, которые мы вполне можем причислить к числу структурных вариантов обсуждаемой модели. Вот они:

{NLok — NNom — Bar Cop}

{NLok — NNom — Yoq Cop}

{NLok — NNom — Num Cop}

Например,

уйг. Қашқарда мечит бар — ‘В Кашгаре есть мечеть’.

Ериқта су йок — ‘В канале нет воды (вода отсутствует)’.

Фулжида алма бағлири көп — ‘В Кульдже много яблоневых садов’.

Тәкли маканда өсүмлүкләр аз — ‘В Таклимакане мало растительности’.

Как видно, приведенные варианты отличаются позицией предиката: это имя наличия, имя отсутствия и числительные (типа *аз* ‘мало’, *көп* ‘много’). Разнообразное лексическое наполнение не нарушает тождества данных вариантов.

Если позицию линейно первого облигаторного компонента модели замещают словоформы в генитиве, вариативная перестройка захватывает и второй компонент, который принимает лично-притяжательное оформление.

{NPoss — NNom// — Bar Cop}

{NPoss — NNom// — Yoq Cop}

{NPoss — NNom// — Num Cop}

Такое варьирование влечет за собой и варьирование семантики модели. Налицо два семантических варианта:

1) семантика местонахождения;

2) семантика обладания.

Приведем примеры на употребление реализаций варианта модели с семантикой местонахождения.

уйг. Бизниң шәһәрдә уйғур мәктәплири бар. — ‘В нашем городе есть уйгурские школы’.

тат. Өстәлдә Тукайның китабы юк. — ‘На столе отсутствует книга Тукая’.

кирг. Тоодо карагайлар бар — ‘В горах есть ели’.

Примеры из калмыцкого языка:

Хургт күн баһ — ‘На собрании мало людей’.

Тэвц деер тоорм уга — ‘На полке нет пыли’.

Селәнд баһчуд дала — ‘В селе много молодежи’.

А теперь обратимся к реализациям варианта модели с семантикой обладания:

уйг. Чоканниң чирайлиқ көйниги бар. — ‘У молодой женщины есть красивое платье’.

тат. Бабайның иске балтасы бар. — ‘У старика есть старый топор’.

кирг. Аскардын акчасы жок. — ‘У Аскара нет денег’.

калм. Эдл-аху тохмта малта. — ‘Хозяйство имеет породистый скот’.

Рассуждая далее, позволим себе отметить последующее ответвление в структурном варьировании рассматриваемой модели. Мы имеем в виду наличие или элиминацию предиката, который может формально отсутствовать, например:

уйг. *Йезиниң алдида йешил дала.* — ‘Перед селом зеленая степь’.

Ср. в турецком и калмыцком: тур. *Evin önünde bir ağaç var.* — ‘Перед домом дерево’;

Өмннь дэртэ хар толһа. — ‘Спереди потертый черный курган’.

Следующий поворот в структурном варьировании связан с наличием /отсутствием специальных номинализаторов типа *киши, адам, кун, инсан* ‘человек’. На наш взгляд, вариант с номинализаторами типа *киши, адам, инсан, кун* передает акцентированный модально-стилистический оттенок, например: уйг. *Мурат тәтур адам.* — ‘Мурат упрямый человек (это точно; я знаю)’; калм. *Кергәрни күүкн дигтә-тагта кун.* — ‘По (выполняемым) делам девушка аккуратный человек’ (срав. калм. *Бадм көдлмиштән кинән.* — ‘В работе Бадма старательный’).

Не отражаются на структуре модели разные факторы. Это и лексический материал, и парадигматические модификации формы сказуемого; ср., например: уйг. *Айга қарап беқиңлар.* — ‘Посмотрите внимательно (на) луну’. Даже перестройка предикативного узла по изафетной схеме, как показывают материалы современного уйгурского языка, не нарушает тождества модели в модальных модификациях простого предложения. Ср. уйг. *Һава райи иссиқ.* — ‘Погода жаркая’ => *Һава райиниң иссиқлигини!* — ‘Ох и жаркая же погода!’; калм. *Һазак халун* — ‘Уличная жара’ => *Эн һазак халун!* — ‘Эта жара на улице!’ (что с погодой!) [Абдуллаев, Абдуллаева, 2014; Абдуллаев, 2020]. Появление или элиминирование факультативных второстепенных и главных членов — например отсутствие подлежащего в форме 1 и 2 лица во фразах, лежит в плоскости речи. В этих случаях нет оснований говорить о варьировании модели. Эти различия касаются только реализации данной конкретной модели в речи.

Очевидно, что вопросом номер один при обращении к теме вариативности моделей является точное представление для себя критериев тождества модели, варианты которой мы видим. Речь здесь, по-видимому, должна идти прежде всего о минимуме облигаторных компонентов предложения [Абдуллаев, 1989, с. 38].

Говоря в общем, мы различаем два вида варьирования моделей предложения, которые выделяются в первом приближении.

Иллюстрацией варьирования первого типа может быть модель односоставного предложения с эмоционально-оценочным предикатом типа: тат. эссе — ‘жарко’; суык — ‘холодно’; *эйбәт* — ‘хорошо’; калм. *халун* — ‘жарко’; *киитн* — ‘холодно’; *сэн* — ‘хорошо’ и др. Эти предикаты сами по себе способны образовывать предложения, которые оцениваются как безличные. Модально-временной план таких предложений — это реальность данного момента. Говорящий выступает здесь как субъект оценки, в основе которой лежит его собственное ощущение или переживание. Если кто-то сказал «*Суык!*» — это значит, что он сам ощутил этот холод. Холод для него непосредственная эмпирическая реальность, имеющая объективный характер. Предикаты такого рода не имеют при себе позиции подлежащего, но при них есть позиция косвенного субъекта, которая может замещаться формой дательного падежа существительных или местоимений, например тат. *миңа суык* — ‘мне холодно’; уйг. *маңа көңүлсиз* — ‘мне неприятно’.

В подобных случаях описываемая ситуация индивидуализируется, предстает как переживание отдельного человека (которое может быть аналогичным переживанию, ощущению других или специфическим. В калмыцком языке подобная группа с возможной позицией косвенного субъекта выражается формами: *Һаң!* — ‘засуха!’ (человек испытывает зной и засуху); *Серүн* — ‘прохладно’ (человеку не жарко и его обдувает ветерок).

Примером варьирования другого типа может служить ситуация в случае модели предложения с прямым дополнением, которое в тюркских, как и в других алтайских, языках может выступать и в форме винительного, и в форме неопределенного, и в форме исходного падежа. Выбор падежной формы зависит от целого комплекса взаимодействующих факторов, так что выявление всех закономерностей, действующих в том или ином языке, бывает связано с серьезными трудностями. Однако несомненно, что этот выбор есть, и он связан с оттенками смысла при неизменности основной семантики.

Варьирование моделей варьирует от языка к языку. Даже в таких близкородственных тюркских языках, как уйгурский, узбекский, татарский, мы наблюдаем значительные различия в плане варьирования.

В построении парадигмы моделей предложений можно наметить два подхода: теоретический и эмпирический [Абдуллаев, Абдуллаева, 2014; Абдуллаев и др., 2021; Белощапкова, 1977; Доржиева, 2007].

Линейная структура предложения с именным сказуемым определяется способом синтаксических связей между компонентами. Это может быть управление или изафет, например уйг. *Муһаммад китапқа бай* — ‘Мухаммад богат на книги’; *Салимә бизниң кичик қизимиз* — ‘Салима наша младшая дочка’; калм. *Мана номин саң дегтрәр байн* — ‘Наша библиотека богата книгами’, *Бадма мана ик сурһулин сән гисн оютн* — ‘Бадма лучший студент нашего института’. В качестве имен отношений выступают, например, термины родства, которые обязательно требуют при себе своеобразного актанта «определителя» в родительном падеже. В отличие от существительных, прилагательные «высвечивают» какой-то определенный признак, который приписывается лицу или предмету, названному подлежащим, например уйг. *Мурат қавул* — ‘Мурат сильный’; *Диләрәм йеқимлиқ* — ‘Диляра приветливая’; *Күүкн төвшүн* — ‘Девочка спокойная’; *Баатр чаңһиширг* — ‘Богатырь выносливый’.

Локативное оформление может быть не только у пространственного локализатора как компонента модели. Оно может отмечаться и у именного предиката, например, кирг. *Балдар көчөдө* — ‘Дети на улице’; тат. *Кибет урамда* — ‘Магазин на улице’; уйг. *Анам өйдә* — ‘Мама дома’; калм. *Эк эцк хойр көдлмиштән* — ‘Родители на работе’; *Балһуд зуульчһнд* — ‘Молодежь в путешествии’.

Тюрко-монгольские языки характеризуются сходством во многих аспектах. Именные предикаты — один из таких аспектов. Это предикаты бар, йок, көп, аз, нурғун и др., например уйг. *Мәндә китап бар* — ‘У меня есть книга’. Ср.: *Мениң китавим бар* — ‘У меня есть книга (акцент на принадлежность)’. В калмыцком языке используются аффикс -та-тә и формы притяжения: *Би дегтртәв* — ‘Я имею книгу’ (ср. *Намд дегтр бәәнә* — ‘У меня книга есть’).

Именной предикат состоит из именного компонента, выраженного словами бар — ‘есть’, йок, уга-го — ‘нет’, көп, дала — ‘много’, аз, баһ — ‘мало’, именем существительным в неопределенном падеже (символ NNom), именем существительным в местном и поссессивном падежах (NLoc, NPoss), именем существительным с аффиксом -ники/-ниңки (притяжательное значение) (аффикс родительного падежа -ниң со словообразовательным аффиксом -ки), именем существительным с частицами -ла/-ле — ‘как’, ‘как будто’, -дәк — ‘как’, ‘как будто’, послелогоми типа *охшаиш* ‘как’, ‘как будто’, именем прилагательным, образованным от существительного с помощью аффикса обладания (N-лик), или числительным (Num) и связками *тур-* ‘быть’, *бол-* ‘быть’, *бар-* ‘быть’, — символ Cop (связка). Модели предложений организуются в систему через противопоставление друг другу [Мушаев, 2005, с. 39]. Формулы моделей можно представить символами, принятыми в новосибирской синтаксической школе, и конструкциями из вопросительных местоимений, например:

уйг. {NNom N дэк /охшаш (cop)} — кто как что;

калм. {NNom N та-тэ (cop)} — кто как что.

Подобно другим единицам языка, модель предложения обладает своей системой форм. Формы моделей предложения — это «совокупность видоизменений структурной схемы предложения, выражающих различные модальные и временные значения. Вся совокупность таких видоизменений называется парадигмой» [Абдуллаев, 1989, с. 353]. Парадигма предложения — малоисследованная область межъязыкового сопоставления между монгольскими и тюркскими языками.

Теоретические вопросы описания структурно-семантических моделей простого предложения были разработаны на значительном материале представителями Новосибирской синтаксической школы [Черемисина, 1998, с. 3–19]. Они могут быть с успехом применены к исследованиям по синтаксису тюркских и монгольских языков. Даже простое сопоставление двух закрытых списков моделей простых предложений с одноместными предикатами предполагает сравнительно-аналитическую исследовательскую работу по выявлению специфики двух разносистемных языков.

Тема варьирования моделей предложения выводит к понятию гипермодели. Выше мы не случайно упомянули об ЭПП. ЭПП как модели могут рассматриваться в горизонтальной перспективе. Ср. модель в уйгурском языке, приведенная в начале статьи: {NLok/Poss — NNom// — Bar/Yoq/Num Cop} — где кто/что есть/нет/ сколько.

Однако ЭПП можно рассматривать в вертикальной плоскости. Тогда можно увидеть, как с одной инвариантной моделью коррелируют модели на уровне простого и полипредикативного предложений.

Подведем итоги. Синтаксис — самый коммуникативный уровень системы языка. Именно здесь язык переходит в речь и происходит когнитивное освоение окружающего мира. Чтобы четче представить себе эти сложные процессы, исследователи естественных языков вынуждены прибегать к методу моделирования коммуникативных единиц языка. Одной из таких единиц являются простые элементарные предложения с именными предикатами. В настоящей статье мы обращаемся к вопросу о сопоставлении моделей таких предложений в монгольских и тюркских языках.

Модель простого предложения — это тот теоретический конструкт, который помогает исследователю изучать не поддающиеся непосредственному наблюдению стороны и признаки предложений. Приступая к описанию моделей, мы должны четко отдавать себе отчет, что это прежде всего лингвистические знаки, т. е. двусторонние семиотические сущности.

Формальную сторону моделей мы передаем через структурную схему. Структурная схема предложения — отвлеченный образец, по которому в реальной речи строится неограниченное количество фраз-предложений.

Таким образом, изучение моделей простого предложения в монгольских и тюркских языках является актуальной задачей синтаксиса. Ждут своего решения вопросы полной инвентаризации моделей, разграничения межмодельных процессов варьирования и синонимии. Их решение позволит реализовать задачу системного описания этого участка синтаксиса тюрко-монгольских языков.

Условные сокращения языков: кирг. — киргизский, калм. — калмыцкий, тат. — татарский, тур. — турецкий, уйг. — уйгурский.

Литература

1. Абдуллаев С. Н. Модели простого предложения в современном уйгурском языке // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 36–46.
2. Абдуллаев С. Н. Синтаксис // Строй уйгурского языка. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 344–464.

3. Абдуллаев С. Н., Абдуллаева Г. С. Парадигматика элементарных простых предложений в современном уйгурском языке // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 2(22). С. 38–40.
4. Абдуллаев С. Н. Модальные модификации как парадигматические формы моделей предложения в уйгурском языке // Иностранные языки в современном мире: сб. мат-лов I Казанского междунар. лингвист. форума. Казань, 2020. С. 18–26.
5. Абдуллаев С. Н., Мушаев В. Н., Озонова А. А. Структура и семантика оценочных полипредикативных конструкций в тюркских и монгольских языках // Модально-оценочные конструкции в монгольских и тюркских языках: кол. монография / под ред. В. Н. Мушаева и др.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. 152 с.
6. Белошапкова В. А. Современный русский язык. М., 1977.
7. Доржиева Д. С. Модели простых предложений с именным сказуемым в бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007.
8. Мушаев В. Н. Структура и семантика калмыцкого предложения. Элиста: Джангар, 2005. 382 с.
9. Серээдар Н. Ч., Скрибник Е. К., Черемисина М. И. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: НГУ, 1996. 82 с.
10. Черемисина М. И. Структура и типология именных предложений // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 4. С. 96–104.
11. Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. Опыт типологии // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 3–77.
12. Abdullayev S. Models of simple sentences in Uyghur and English languages. Karakol, 2018.

УДК 81'36=512.31
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-197-200

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КАУЗАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

© Дадуева Елена Александровна

кандидат филологических наук, докторант,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, Улан-Удэ
edadueva@yandex.ru

Данное исследование посвящено изучению одной из самых сложных и актуальных проблем современного языкознания — категории каузативности. Основной целью работы является описание особенностей выражения каузативных отношений в бурятском языке. В задачи исследования входит выделение основных средств выражения каузативных отношений, определение каузативных конструкций, особенных для бурятского языка. В результате показано, что каузативные отношения довольно значимы для бурятского языка, они репрезентируются на самых разных уровнях системы языка и осмысливаются при помощи лексического и морфологического каузатива, а также аналитического каузатива (полипредикативных конструкций). Также показано, что одной из особенностей бурятского языка являются конструкции «вины каузатора».

Ключевые слова: каузативность, каузативный глагол, каузативная конструкция, средства выражения, двойная каузация.

PECULIARITIES IN EXPRESSING CAUSATIVE RELATIONS IN THE BURYAT LANGUAGE

Elena A. Dadueva

Cand. Sc. (Phil.), Doctoral Student
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
edadueva@yandex.ru

This article is devoted to studying one of the most complex and urgent problems of modern linguistics — the category of causativity. The main purpose of the work is to describe the features of expressing causative relations in the Buryat language. The objectives of the study include identifying the main means of expressing causative relations, defining causative constructions that are special for the Buryat language. As a result, it is concluded that causative relations are quite significant for the Buryat language, they are represented at various levels of the language system and are comprehended using lexical and morphological causative, as well as analytical causative (polypredicative constructions). It has also been determined that one of the features of the Buryat language are the constructions of the «fault of the causer».

Keywords: causativity, causative verb, causative construction, means of expression, double causation.

Каузативность представляет собой языковую универсалию, понятийную категорию, которая выражает каузативные отношения между явлениями действительности в языке и указывает на связь между двумя событиями или ситуациями, при этом одно событие по цепочке вызывает появление другой ситуации. Каузативность является комплексной системой интегрированных смыслов, отражающих представление каузативных связей носителями языка. Изучение подобных универсальных категорий всегда будет актуальным, потому что каждый язык обладает своими особенностями в репрезентации понятийного значения.

Материал бурятского языка показывает, что язык обладает достаточно богатым набором средств, позволяющих выразить разнообразные смыслы и их оттенки, отражающие взаимодействия между людьми, событиями, предметами и явлениями действительности. При анализе на первый план, безусловно, выходит большая степень репрезентации каузативных отношений как на лексическом, так и на морфологическом и синтаксическом уровнях языковой системы. Лексическими средствами выражения признаются глаголы, значение которых связано с обозначением каузативных значений, например *ала-ха* 'убить кого-либо', *таби-ха* 'поставить что-либо' и т. п. Словарный состав лексических каузативов в бурятском языке довольно обширен.

Без сомнения, одним из главенствующих средств выражения каузативности в бурятском языке можно считать морфологическую репрезентацию. Морфологический способ образования каузативных глаголов представляется очень продуктивной деривацией, что естественно для языков агглютинативного типа. В изучаемом языке имеются регулярные словообразовательные аффиксы, выражающие каузативное значение. Каузативный глагол можно образовать при помощи разнообразных суффиксов от любого глагола. К ним относятся такие аффиксы, как *-уул*, *-лга*, *-га*, *-ха*, *-аа* и др. Анализ материала демонстрирует, что аффиксы имеют свои регулярные сферы употребления. К примеру, суффиксы *-уул*, *-лга* участвуют чаще всего в образовании глаголов со значением волевого воздействия. Например: *бар-юул-ха* 'заставить строить', *ха-юул-ха* 'заставить бросить', *хаа-лга-ха* 'заставить закрыть' и т. п. Остальные аффиксы способны образовывать глаголы физического и эмоционального воздействия. Ср.: *хат-аа-ха* 'сушить', *хал-аа-ха* 'нагревать', *унтар-аа-ха* 'выключить, погасить' и т. п. [Дадуева, 2019].

Для бурятского языка достаточно продуктивным словообразовательным процессом является двойная каузация, представляющая одну из главных особенностей выражения каузативных отношений. В формальном плане двойной каузатив образуется только при помощи суффиксов *-уул* и *-лга*, которые всегда присоединяются последними к уже имеющимся каузативным аффиксам. К функционально-семантическим особенностям двойной каузации в бурятском языке мы относим обозначения множественности участников каузативной ситуации, значения пермиссивной каузации, интенсивности или многократности каузативного действия и значения поэтапного каузирования, например *бусаа-лга-ха* 'добиваться возвращения' (интенсивность каузации) [Дадуева, 2019].

Очень интересным явлением представляется и тройная каузация, т. е. нанизывание сразу трех каузативных аффиксов. Интересно то, что при тройной каузации у глагола появляется совершенно новое значение: каузируемое действие направляется опосредованно на самого агенса-каузатора через третье лицо. Получается, что каузатор как бы заставляет, принуждает выполнить каузируемое действие в своих интересах, например *хал-аа-лгуул-ха* 'заставлять кого-либо нагревать что-либо для себя' и т. п.

Богатство морфологических возможностей выражения каузативных отношений в бурятском языке показывает, что прототипическая семантика каузации встроена в грамматику языка. Как известно, «встроенность» в грамматику относится к образцовому способу выражения понятийного смысла [Лакофф, 2004]. Морфологические каузативы обозначают каузативную ситуацию наилучшим для языка способом, при помощи словообразовательных средств, которые считаются образцами прототипичности и дают наибольший прототипический эффект.

Однако каузативность в бурятском языке выражается не только на лексическом и морфологическом уровнях. Между тем, кажется, что теоретически носителю бурятского языка другие средства репрезентации и не нужны. Но существование полипредикативных конструкций в бурятском языке наглядно показывает потребность носителей языка выразить каузативные отношения довольно четко, включив в нее обороты, в которых кауза-

тивное событие расщеплено на два события и обозначено разными предикатами. В центре данных конструкций стоят матричные предикаты, выражающие каузативное воздействие, например *аргадаха* 'умолять, уговаривать', *баалаха* 'заставлять', *гуйха* 'просить' и т. п. Они функционируют в составе семантико-синтаксических моделей с предикатными актантами в форме причастий будущего времени с показателями падежа и притяжения, повелительной формы глагола. Например:

1) Тэрэ гэр-һээ гара-н-гүй хэбтэ-х-ые-нь

Он-NOM дом-LOC выходить-CV-NEG лежать-PC.FUT-ACC-POSS

баала-ба

заставить-PST

'Он заставил лежать, не выходя из дома' [ЭКБЯ. Г.-Д. Дамбаев. Эжын хоер, 1982].

Особенность полипредикативных конструкций бурятского языка состоит в том, они предназначены только для обозначения интерперсонального взаимодействия, т. е. взаимодействия двух одушевленных участников каузативной ситуации. В таком случае передаваемая энергия от каузатора может привести к результату, однако этот результат остается за пределами каузативной конструкции, поэтому полипредикативные конструкции выражают иницирующую каузацию в бурятском языке.

Так, очевидно, что можно говорить о большой степени значимости каузативных отношений в языке, они находят отражение на всех уровнях языковой системы. Также обратим внимание на то, что взгляд носителей бурятского языка на каузативные отношения в языке довольно четко прослеживается в конструкциях, отражающих осмысление каузативных связей между событиями. Наиболее интересными представляются каузативные конструкции, которые показывают, что определенное событие становится возможным по «вине каузатора». На наш взгляд, именно конструкции «вины каузатора» показывают определенные социокультурные особенности бурятского видения мира. Говорящий при выборе той или иной конструкции демонстрирует свое видение каузативной ситуации. Думается, что данные каузативные конструкции представляют собой особенность бурятского языка. Называя их конструкциями «вины каузатора», мы понимаем под ними ситуацию, при которой каузатор выступает одновременно и в роли каузируемого объекта, при этом его действия приводят к негативным последствиям прежде всего для него самого. Например:

2) Гарма архи уу-гаад, ажал-һаа-нь ха-юул-ба

Гарма-NOM водка выпить-CV работа-ABL-POSS бросить-CAUS-PST

'Гарма выпил и был уволен с работы'.

Как видим, «вина каузатора» в причинно-следственной цепочке событий очевидна. Каузатор (Гарма) позволил себя уволить, допустил случившееся событие своими действиями. Последствия ситуации негативны прежде всего для самого каузатора.

Довольно часто подобные прототипические сдвиги воспринимаются как значения страдательного залога, как нейтрализация каузативной семантики. Однако такие конструкции, безусловно, отражают каузативные отношения, и мы связываем их с особым мировидением бурят, менталитетом народа. В первую очередь, это связано с конформностью, терпеливостью во взаимоотношениях, когда человек считает именно себя виноватым в случившемся. Считаем, что все это говорит об особом взгляде народа на каузативные отношения. Конструкции «вины каузатора» основываются на представлениях бурят, связанных с их терпеливостью, осторожностью в суждениях, нежеланием обидеть другого человека, стремлением видеть причину случившихся действий прежде всего в себе. Ср.:

3) Гарма нохой-до хаз-уул-ба

Гарма-NOM собака-DAT укусить-CAUS-PST

‘Гарма позволил собаке укусить себя’.

Таким образом, бурятский язык демонстрирует самые разнообразные средства репрезентации каузативной семантики, что показывает значимость и место категории в системе языка. Лингвистика давно склоняется к мысли, что тот или иной язык не случайно выбирает набор способов выражения определенного понятийного содержания. Этот выбор проходит длительный путь отбора и развития. И именно этот выбор отражает особенности менталитета.

Условные обозначения грамматических значений в глоссах

ACC — винительный падеж; CAUS — каузативный глагол; CV — деепричастие; DAT — дательный падеж; INS — инструментальный падеж; NEG — отрицание; NOM — именительный падеж; PC.PST — причастие прошедшего времени; PC.FUT — причастие будущего времени; PL — множественное число; SG — единственное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время.

Источники и литература

1. ЭКБЯ — Бурятский корпус (электронный корпус бурятского языка) [электронный ресурс] // URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 23.03.2021).
2. Дадуева Е. А. К вопросу о морфологических средствах выражения каузативных глаголов в бурятском языке // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2019. № 5(73). С. 69–76.
3. Дадуева Е. А. Семантические особенности конструкций с глаголами двойной каузации в бурятском языке. Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 4(26). С. 9–16.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

УДК 16.21.47
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-201-206

ОЙКОДОМОНИМЫ КАК ИНДИКАТОР ПОЛИЯЗЫЧИЯ В КАЗАХСТАНЕ

© **Мадиева Гульмира Баянжановна**
доктор филологических наук, профессор
gbmadiyeva.kz@gmail.com

© **Кабытаева Айым Асеткызы**
докторант 3-го курса
aiymphd@gmail.com

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Республика Казахстан, г. Алматы

Статья посвящена проявлению результатов глобализации, полиязычия и национальной идентичности в современном архитектурном феномене — жилых комплексах Алматы. Как известно, одним из важнейших показателей национальной идентификации являются имена собственные, прежде всего имена людей и географические названия. В настоящее время появляются новые тенденции и направления в изучении онимов. В контексте межкультурного общения, в контексте функционирования разных языков на территории многоязычного Казахстана онимы претерпели ряд семантических и структурных изменений. В статье основное внимание уделяется ономастической идентичности, реализуемой через названия современных жилых комплексов (ойкодомонимы), которые содержат ценную и богатую этнолингвистическую и историческую информацию, отраженную в языковом сознании народа. По этой причине ойкодомонимы квалифицируются как имена, составляющие одну из зон активной межкультурной интеграции, которые, выполняя функцию ономастической идентичности, могут быть проводниками национальной идентичности. В результате аналитического обзора выявлена необходимость особого внимания к ойкодомонимам как номинативным единицам, способствующим возрождению и сохранению национальной идентичности.

Ключевые слова: ономастика, семантика, лексикология, нация, идентичность, национальная идентичность, урбанонимы, ойкодомонимы, межкультурная коммуникация, глобализация.

OIKODOMONYMS AS MULTILINGUALISM INDICATORS IN KAZAKHSTAN

Gulmira B. Madiyeva
Dr. Sci. (Phil.), Prof.,
gbmadiyeva.kz@gmail.com

Aiyim A. Kabytayeva
Doctoral Student
aiymphd@gmail.com

Al-Farabi Kazakh National University
Republic of Kazakhstan, Almaty

The article is devoted to the process of globalisation, its manifestation, multilingualism, and national identity in the modern architectural phenomenon — residential complexes of Almaty. One of the most important national identification indicators are proper names, first, personal names and geographical names. Currently, there are new trends and directions in the study of onyms. In the context of cross-cultural communication and functioning of different languages on the territory of multilingual Kazakhstan, onyms have undergone several semantic and structural changes. The article focuses on the onomastic identity realised through the names of modern housing complexes (oikodomonyms), which

contain valuable and rich ethnolinguistic and historical information reflected in the language consciousness. For this reason, oikodomonyms are qualified as names that make up one of the zones of active intercultural integration, which, performing the function of onomastic identity, can become the conductors of national identity. The analytical review resulted in the necessity for special attention to oikodomonyms as nominative units that contribute to the revival and preservation of national identity. *Keywords:* onomastics, semantics, lexicology, nation, identity, national identity, urbanonyms, oikodomonyms, intercultural communication, globalisation.

Введение. Проблема национальной идентичности все чаще привлекает внимание лингвистов. Республики постсоветского пространства стали активнее поднимать проблему своей национальной идентичности, которая проявляется в историческом и культурном наследии, в т. ч. в языке этнической группы. Идентичность — это явление, которое проявляется только в формировании «другого» или «чужого»; таким образом, национальная идентичность формируется вместе со стремлением к сближению разных национальностей. Одним из важных показателей национальной идентификации являются именованные люди (личные имена, фамилии) и другие имена собственные. На данный момент существуют различные тенденции и направления в изучении онимов. В контексте межкультурной коммуникации, в контексте функционирования разных языков на территории многоязычного Казахстана, онимы претерпели ряд семантических и структурных изменений.

Сегодня мир переживает один из самых сложных и противоречивых периодов своей истории — период глобализации, период устойчивого развития. Он характеризуется усилением интеграционных процессов во всех сферах общественной жизни. Глобализация общественных отношений — это реальность современного мира. Межкультурная коммуникация становится все более взаимосвязанной и взаимозависимой. Противоречивый процесс глобализации включает в себя несколько взаимосвязанных аспектов: культурно-психологический, социально-политический, экономический, информационно-технологический, этнический и др.

Результатом многопоколенной (надгрупповой) деятельности людей является формирование национальных культур и национальной идентичности: языков, обычаев, символов, героев, материальных ценностей, идеалов, норм и других подобных явлений, которые строятся поверх индивидуальных (групповых) форм, индивидуальной (групповой) идентичности.

Методология. Поднимая вопрос национальной идентичности в современном Казахстане, логично обратиться к понятию «нация» для определения собственно национальной идентичности. Единых толкований в вопросах национальной идентичности не существует, равно как и однозначного определения самой категории «нация». Наиболее развитыми подходами в изучении национальности являются примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский. Согласно первому, самому раннему, национальная идентичность проистекает из естественной связи индивида со своей культурой и соответствующей социальной группой, т. е. это реальная, объективная, изначальная как кровнородственная, так и социальная данность, своего рода органическое образование, не направленное на получение каких-либо выгод [Hobsbawm, 1810, с. 20]. Действительно, невозможно понять жизнь нации, ее действия и поступки, если не принимать во внимание ее историю, культуру, язык, традиции, местное развитие и другие особенности.

Понятие идентичности — сложное и многогранное, изучению которого посвящено множество современных исследований в различных областях науки (социологических, философских, исторических, политических, культурных и т. д.). Американские ученые Джудит Н. Мартин и Томас К. Накаяма, занимающиеся вопросами межкультурной коммуникации, выделяют следующие типы и определения идентичности:

- социально-психологический;
- коммуникативный;
- критический, т. е. идентичность в историческом, экономическом, политическом и дискурсивном контекстах.

По определению Томаса К. Накаяма и Джудит Н. Мартин, «идентичность — это концепция того, кто мы есть. Характеристики идентичности могут быть поняты по-разному в зависимости от точки зрения людей. Социально-психологическая перспектива подчеркивает, что идентичность создается частично самим собой и частично в связи с членством в группе. Перспектива коммуникации подчеркивает, что идентичности создаются не только сами по себе, но и совместно посредством общения с другими. <...> Критическая точка зрения — это попытка понять формирование идентичности в контексте истории, экономики, политики и дискурса» [Thomas, 2000, p. 111]. Следовательно, идентичность человека создается языком, культурой и обществом.

Г. Ф. Ковалева отмечает: «Идентичность в широком смысле может выражаться по-разному и неоднородно. Мы можем говорить об идентичности человека, этнической идентичности, но мы также можем рассматривать временную, пространственную, моральную и этническую идентичность и т. д.» [Kovaleva, 2000, p. 100].

Современный мир находится в процессе неизбежной глобализации, в ходе которой человеческий мир превратился в единое пространство. Проблема идентичности, несмотря на то что этот термин появился относительно недавно, всегда стояла перед человечеством на протяжении всей истории его развития. Эта проблема стала особенно актуальной для стран постсоветского пространства, тогда как до распада Советского Союза вопрос национальной идентичности для каждой из этих стран был «как-то» несущественным, был нивелирован, но, как оказалось, этот вопрос был важен для того, чтобы иметь возможность сохранить идентичность в результате интеграции 15 республик. После распада СССР все постсоветское пространство, вовлеченное в процесс глобализации, было озабочено устранением кризиса национальной идентичности. Это не случайно, поскольку национальная идентичность, как известно, проявляется в организации жизни, истории и языке народа.

Понятие идентичности может быть экстраполировано и на категорию имен собственных. По нашему мнению, «имя символизирует идентичность личности, т. е. человек заявляет о своей идентичности с помощью имени. Имя часто отражает личные качества и характер человека, вызывает определенные образы, связанные с его носителем. Имя позволяет:

- подтвердить существование человека и понять его обязанности;
- дифференцировать человека, следовательно, отличать его и иметь дело с индивидом, с его потребностями и чувствами;
- показать человека частью истории сообщества, благодаря чему его деятельность будет существовать отдельно от деятельности других» [Madieva, 2006, p. 54].

Для проверки нашей гипотезы о том, являются ли имена собственные маркерами национальной идентичности и индикаторами существования полиязычия в Казахстане, в ходе исследования были использованы метод сплошной выборки, метод языковой атрибуции, лексико-семантический и структурный анализ, а также прием количественных подсчетов.

Результаты. Анализ понятия «национальная идентичность» позволяет констатировать, что одним из значимых показателей национальной идентификации даже при тоталитарных режимах оставались антропонимы (личные имена, фамилии, прозвища людей) и топонимы (географические названия).

В качестве объекта исследования нами определена ономастическая, в частности пространственная, идентичность, реализуемая через топонимы, которые содержат наиболее ценную и богатую этнолингвистическую и историческую информацию. Урбанонимы входят в число топонимов. По определению Н. В. Подольской, «урбаноним — это тип топонима; собственное название любого внутригородского объекта, в т. ч. агороним (название площади), годоним, городское захоронение, название района, микрорайона, квартала, экклезионим (название храма, монастыря, часовни и т. д.), ойкодомоним (собственное название здания)» [Podolskaya, 1988, p. 139]. Названия внутригородских объектов также включают «названия мостов, вокзалов, станций метро, кладбищ, парков, городских садов» [Shmeleva, 2014; Hobsbawm, 1810], «памятники, фонтаны, остановки общественного транспорта» [Razumov, 2014, p. 290].

Таким образом, объектное поле урбанонимов может расширяться в зависимости от появления названий новых типов городских объектов. В этой связи следует отметить, что в последние десятилетия периодически стали появляться исследования урбанонимических систем отдельных городов и населенных пунктов в разных регионах Казахстана. Однако не все категории урбанонимии в равной степени подвержены влиянию глобализации: существуют устойчивые к ней языковые единицы, например, экклезионимы, городские захоронения, названия памятников и т. д. Тем не менее существуют более мобильные категории, которые активно реагируют на изменения межкультурной интеграции в обществе. Наиболее яркие результаты глобализации наблюдаются в номинации новых типов объектов, например, к ним относятся названия новостроек, жилых комплексов. Здесь следует отметить, что сам факт наименования жилых комплексов является признаком глобализации.

Р. В. Разумов относит названия жилых комплексов к такому классу урбанонимов, как ойкодомонимы — названия зданий и сооружений [Razumov, 2015, p. 115]. Этот вид онимов начал формироваться и развиваться в нашей стране в связи с активным строительством в мегаполисах Казахстана, в первую очередь, это движение относится к таким городам, как Алматы и Нур-Султан. Таким образом, провозглашение Акмолы новой столицей Республики Казахстан в 1997 г. дало толчок обновлению ее ландшафтного облика. Столица начала «стремительно обрастать» всевозможными модернизированными зданиями, в т. ч. многофункциональными жилыми комплексами. Это был своеобразный вектор развития архитектуры для остальных регионов. Каждому из этих зданий требовался свой паспорт, свое имя. С тех пор в Казахстане наметилась тенденция присваивать названия жилым комплексам из-за их дифференциации и идентификации. В связи с этим возникает вопрос: отражена ли национальная идентичность в этих названиях и проявляется ли в названиях полиязычная ситуация, сложившаяся в Казахстане?

Обсуждение. В целях инвентаризации, классификации и лингвистической атрибуции названий жилых комплексов на территории Казахстана рассматриваются следующие источники: homsters.kz (сайт № 1 о новостройках в Казахстане), krisha.kz (специализированный сайт о недвижимости в Казахстане), basis.kz (БАЗИС-А — крупнейшая строительная организация и застройщик в Казахстане, работает на строительном рынке с 1991 г.), VI-group (первая строительная компания в Казахстане). Согласно веб-сайту homsters.kz, на территории нашей страны построено 1087 жилых комплексов, более половины из них (591) расположены в Нур-Султане, более четверти (395) находятся в Алматы, остальные жилые комплексы построены в других регионах нашей республики. Для дальнейшего анализа названий жилых комплексов выбран город Алматы как крупный мегаполис, экс-столица, культурный, экономический и политический центр Казахстана, который характеризуется многоязычием и бурным строительством жилых комплексов, не прекращающимся по настоящее время.

Определение типов названий жилых комплексов, зарегистрированных на территории города Алматы, позволило нам выявить следующую статистику:

1) 30,1% (119 единиц) жилых комплексов имеют названия, образованные на основе казахского языка, из которых 112 названий переданы на кириллице, 7 — на латинице;

2) 11,6% (46 единиц) жилых комплексов имеют названия, образованные сочетанием слов казахского языка с иностранными словами, из которых 18 названий переданы на кириллице, 28 — на латинице;

3) 35,7% (141 единица) названий жилых комплексов имеют названия, образованные на основе иноязычных слов, в этом типе выделены англоязычные названия, количество которых составило 59 единиц, и русскоязычные названия, количество которых составило 82 наименования;

4) 22,05% (87 единиц) жилых комплексов имеют названия, образованные на основе казахского, русского, английского языков, отражающие топографию объекта, 112 из них имеют названия на кириллице, 7 — на латинице;

5) 0,5% (2 единицы) наименований типов MB 52, Vostochka.kz, которые составляют особый тип названий жилых комплексов.

В результате анализа становится очевидным, что глобализация затронула и ойкодомонимы г. Алматы, поскольку большинство всех ойкодомонимов — это имена, образованные на основе иноязычных слов, — 35,7% (141 единица из 395). Тем не менее конкурирующую позицию занимают имена, характерные для проявления национальной идентичности, т. е. образованные на основе казахского языка. Они составляют 30,1% (119 единиц), что на 5,6% (22 единицы) меньше, чем иноязычные имена. Эти два типа занимают лидирующие группы по количеству названий. Третья группа по численности населения (22,02%, 87 единиц) представлена названиями, образованными на основе казахского, русского, английского языков, они отражают топографию объекта, составляют почти четверть всех названий жилых комплексов Алматы.

Четвертую группу по численности составляют названия, образованные на основе слов казахского языка в сочетании с иноязычными словами — 11,6% (46 единиц), т. е. почти в два раза меньше, чем в предыдущем типе.

Основываясь на приведенном выше предварительном анализе, можно констатировать, что ойкодомонимы обусловлены полиязычной ситуацией Казахстана, которая продиктована языковой политикой, проводимой в республике. Тем не менее, несмотря на эффективность влияния глобализации, создаются имена, являющиеся маркерами национальной идентичности.

Вывод. Риск потери идентичности формируется на фоне риска потери памяти. Такие социокультурные явления, как язык, музыка, одежда, национальная кухня, народная медицина, религия и т. д., каждая нация пытается сохранить, что позволяет выжить в современных условиях глобализации. В связи с этим важно проследить взаимодействие онимов в контексте межкультурной коммуникации. Ономастика становится отражением лингвистического ландшафта и специфики национальной идентичности. Особого внимания заслуживают урбанонимы, которые являются наиболее мобильным типом онимов, реагирующих на политические и социальные изменения, отражающих тенденции исторического развития. В отличие от других видов урбанонимов, названия жилых комплексов отражают реальный процесс изменения облика города, появления нового типа объектов в городском пространстве. Ойкодомонимы можно квалифицировать как одну из зон активной межкультурной интеграции, в которой, тем не менее, существуют названия, отражающие тенденцию сохранения национальной идентичности.

Литература

1. Kovaleva G. F. Onomastic units as an identity factor // The problem of national identity in culture and education of Russia and the West. Voronezh, 2000. P. 100.
2. Madieva G. B. Proper name and identity. Language and identity. Almaty: Kazakh University, 2006. P. 51–58.
3. Podolskaya N. V. Dictionary of Russian onomastic terminology. 2nd ed., reprint. and additional. M.: Nauka, 1988. 187 p.
4. Razumov R. V. Active processes in social and mass communication: a collective monograph. Yaroslavl: YAGPU Publishing House, 2014.
5. Razumov R. V. Oikodonyms as a variety of urban ones // Proper name in life and literature: materials of the IX International. Svyatogorsk Onomastic and IX International. Mikhailovsky literary and onomastic readings. Kiev: Publishing house of Dm. Burago, 2015.
6. Thomas K. Nakayama, Judith N. Martin. Intercultural Communication in Contexts (2nd ed.). Mayfield, Mountain View, CA, 2000.
7. Shmeleva T.V. Onomasticon of the Russian city / T.V. Shmeleva. — Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2014. P. 138.
8. Hobsbawm E. Nations and Nationalism after 1780. St. Petersburg: Aleteya, 1810.

УДК 81'23=512.31
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-207-210

**ГҮРЭН 'ГОСУДАРСТВО' И ХУУЛИ 'ЗАКОН' В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
БУРЯТ-БИЛИНГВОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

© Дырхеева Галина Александровна

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, г. Улан-Удэ
An5dag1@mail.ru

В статье рассматриваются понятия «Государство» и «Закон» в бурятской лингвокультуре с целью выявления специфики образов сознания бурят — носителей бурятского и русского языков. Анализ проводится с учетом результатов ассоциативного эксперимента и сравнения с данными в русском ассоциативном словаре. Видение «Государства» и «Закона» в языковом сознании бурят связано с базовыми представлениями о мире и обществе, они являются общими для носителей большинства лингвокультур, служат основой идентичного восприятия, обозначения и описания. Разница в реакциях на том или ином языке связана с языковыми стереотипами, закрепленными за соответствующими словами, которые в данном случае определяются национальными различиями в представлении о мире. Наиболее ярко они представлены в ассоциативном поле *закона*.

Ключевые слова: государство, закон, бурятский язык, русский язык, буряты-билингвы, языковое сознание, ассоциативный эксперимент.

GUREN «STATE» AND KHUULI «LAW»
IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN BILINGUAL BURYATS
(BASED ON THE RESULTS OF AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

Galina A. Dyrkheeva

Dr. Sci. (Phil.), Prof., Chief Scientist
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS
Ulan-Ude, Russia
an5dag1@mail.ru

The article considers the concepts of «State» and «Law» in Buryat linguistic culture to identify the specifics of the consciousness in the Buryats speaking Buryat and Russian languages. The analysis was carried out based on the results of the associative experiment and the comparison with the data of the Russian associative dictionary. The vision of the notions «State» and «Law» in language consciousness of the Buryats is associated with the basic ideas of the world and society, they are common to the speakers of most linguistic cultures, they serve as the basis for identical perception, designation and description. The difference in reactions in particular languages is related to language stereotypes assigned to the relevant words, which in this case are determined by national differences in the perception of the world. Most of them are clearly represented in the associated field of the *law*.

Keywords: state, law, Buryat language, Russian language, Buryat bilinguals, language consciousness, associative experiment.

Активными компонентами современных изысканий по выявлению уникальных языковых особенностей традиционной культуры являются понятия «национально-культурное пространство, ментальный мир, национальное (языковое) сознание». Возможны различные способы выявления специфики образов сознания носителей той или иной культуры. Одним из наиболее известных и эффективных считается анализ ассоциативно-вербальных связей на основе ассоциативного эксперимента.

Проведенный ассоциативный тест на основе 84 слов-стимулов позволил выявить типы и виды реакций, их ценностные лингвокультурологические значения. В связи с задачами проведенного эксперимента были выделены лексические сферы, категории, наиболее ярко отражающие видение мира бурят, в том числе слова, связанные с устройством страны: гүрэн 'государство', хуули 'закон'.

Содержание понятия государство в основном типично для большинства культур, оно предельно широкое. Так, на бурятском языке оно включает следующие компоненты:

1. Властные полномочия: засаг 'власть' (8), түрэ 'правление (парн. к гүрэн, засаг, улас)' (6).
2. Жители государства: арад зон 'народ' (6), арад 'народ'¹, зоной 'людей', ондоо яхатан 'другая народность' (2), улас 'народ', түрэл 'родственники', хүнэй газар 'земля людей'.
3. Синонимы: нютаг 'родина, родные места' (5), орон 'страна' (3), эхэ орон 'родина' (2), орон нютаг 'родина, родные места', гэр дотор 'внутри дома', дотор 'внутри'.
4. Личностный характер власти: президент 'президент' (11), Путин.
5. Российское государство: Росси (8), Россия (2), Россиин Федераци 'Российская Федерация', ород 'русский'.
6. Физические параметры государства: томо 'крупный, большой' (4), ехэ 'большой' (3), олон 'много' (2), туг түмэн 'бесчисленное множество'.
7. Административные единицы: аймаг 'район' (3), городууд 'города' (2), ниислэл 'столица'.
8. Документы: хуули 'закон' (5).
9. Символика государства: гимн 'гимн' (2), туг 'знамя, флаг'.
10. Государство как пейзаж: Байгал 'Байкал', мүрэн 'река', орон дэлхэй 'земля, просторы'.
11. Географическое расположение: баруун 'запад', хаарта 'карта'.
12. Государство как суть, состояние: байдал 'бытие, состояние, положение', янзалхан зоной 'организация людей'.
13. Позитивные характеристики: баян 'богатый', гое 'красивый'.
14. Административные единицы: Улан-Удэ.
15. Негативная качественная характеристика: хариин 'чужой, чуждый'.

При этом самой высокочастотной оказалась лексема президент (11).

Представления бурят о государстве на русском языке несколько отличаются. В первую очередь в нем выделяются:

1. Синонимичная группа: страна (31), родина (5), империя, отдельная страна, отчизна.
2. Российское государство: Россия (11), российское (2), РФ (2).
3. Основополагающие свойства государства: могущество (2), единое, могучее, мощь, неделимое, объединение, территориальное единство.
4. Властные полномочия: власть (7).
5. Государство как территориальное образование: территория (3), местожительство нации, остров.
6. Позитивные переживания: мир, огромное, сила.
7. Аппарат государственной власти: парламент (2), правительство.
8. Документы: закон (2), законы.
9. Жители: множество людей, народ.
10. Негативные переживания: слабое, страх.

¹ В скобках указана частота встречаемости реакции. Отсутствие цифры в скобках означает частоту 1.

11. Политическая организация: племя.
12. Личностный характер власти: Путин.
13. Государственная символика: флаг.
14. Административная единица: Москва.
15. Сфера жизни, осознаваемая как принадлежащая государству, только одна — политика.

Практически в двух образах сознания отсутствуют представления о защитных функциях государства, о государстве как экономическом образовании, как о исторически-национальной духовной общности, а также об аппарате государственной власти. На бурятском языке не представлены основополагающие свойства государства, а также группа негативных переживаний. На русском, соответственно, отсутствуют представления государства как особенного пейзажа, а также семьи как образа государства. Можно заметить, что частотное распределение компонентов понятия государства на бурятском языке ближе к распределению русских респондентов [Семенова. Концепт]. В основном же это представление о том, что обычно ближе респондентам, т. е. ближе к чему-то родному, национальному, в данном случае Российскому государству. Оно соответствует представлениям о государстве, которое отражено в лексикографических источниках и показывает отношение к государству как к чему-то очевидному, чаще позитивному.

Как известно, понятие закон также присуще любому государству и обществу, оно затрагивает практически все сферы человеческой деятельности и обозначает средство установления и поддержания порядка. В разных лингво-культурных сообществах данное понятие представлено по-разному, что во многом обусловлено их культурно-историческим развитием, соответствующими ценностными приоритетами, соответствующим его восприятием и ассоциациями, связанными с ним.

На родном языке для бурят хуули 'закон' ассоциируется с:

1) властными полномочиями или функциями: *засаг* 'власть' (22), *гүрэн түрэ* 'государственное правление', *захиргаан* 'управление', *түрэ* 'правление, парн. к *засаг*, *гүрэн*, *улас*';

2) средствами законодательного правление: *баримта* 'основание, довод, аргумент' (2), *закон* (2), *даабари* 'поручение, задание', *eho* 'общепринятое правило', *eho заншал* 'традиция', *журам* 'порядок', *заабари* 'совет, указание', *зарлиг* 'указ, приказ', *зарга* 'жалоба, иск', конституция, *ном* 'книга, м.б.свод законов', *сүүд* 'суд', суд, *тогтоол* 'постановление', *эрхэ* 'право';

3) органами, руководителями и исполнителями законодательной власти: *гүрэн* 'государство' (5), *гулваа* 'голова (рода)' (3), президент (2), прокурор (2), судья (2), дума гос., милици 'милиция';

4) качествами закона: *шанга* 'сильный' (2), *гүрэнэй* 'государственный', *дабашагүй* 'непреодолимый', *залришагүй* 'неугасимый', *президентын* 'президентский', *хатуу* 'жесткий, твердый', *шэрүүн* 'грубый, жесткий'.

Закон необходимо *баталха* 'утверждать, подтверждать', *мэдэхэ* 'знать', он может *сахиха* 'расцветать', но его можно *айха бэшэ* 'не бояться', а его нарушение может привести к суду, *сүүд* 'суд', на котором *хун* 'человек' иногда может *гэриэлхэ* 'быть свидетелем', и далее возможны *түрмэ* 'тюрьма', либо получение *тамга* 'клеймо, печать'.

Для бурят-кочевников важным оказался закон: *газар* 'земли' (3), *тала дайда* 'равнины, поля', *тоонто* 'последа, места рождения', *аймаг* 'аймака', закон о *тарьян* 'хлебе, зерне'. Он определяет *зан* 'нрав, характер, поведение' (2), *заяан* 'судьбу' (2), может определяться эхэ 'мамой' (2). Закон это *наһан* 'жизнь'.

Русскоязычный вариант эксперимента показал, что закон это:

1) его функции: порядок (20), власть (3), истина (2), послушание (2), справедливость (2), дисциплина, норма, обязанность, ответственность, политика, послушания, упорядочение, устои;

2) средства законодательного правления: право (6), кодекс (3), правила (3), канон (2), конституция (2), постановление (2), правило (2), указ (2), устав (2), акт, свод правил, табу, уголовный кодекс;

3) органы, руководители и исполнители законодательной власти: суд (2), адвокат, Белый дом, государство, орган, прокурор, судья;

4) качество закона: божий, для всех, для человека, дурдом, единый, как дышло, о земле, один, РБ, РФ, справедливый, что вышло.

Закон гласит, он не писан, его надо принимать, исполнять, уважать и не нарушать. С ним связана надежда, перед ним существует страх совершить плохое, подлость. К символике закона относятся весы.

Сравнение образов понятия «закон» на бурятском и русском языках показывает, что структура ассоциативных полей в основном совпадает и в них преимущественно дано представление о законе как общественном явлении, в основном они связаны с базовыми понятиями правовой сферы. Специфическим является то, что список функций на русском языке разнообразнее, а на бурятском языке, как и в случае с государством, отсутствуют негативные реакции, на русском это лексемы *дурдом*, *подлость*. Однако сравнение с вариантами реакций, представленными в Русском ассоциативном словаре [1996], показывает, что в нем их еще больше: недействующий, ненавижу, насмешка, не для меня, нет; в РАС также больше отрицательных действий относительно закона: нарушать, нарушен, нарушили, попить. Незначительная по объему высокочастотная зона РАС в некоторой степени является показателем разнообразия ассоциативных реакций респондентов: суров (5), Божий (4), есть закон, строгий, суровый (3), выполнять для всех, дышло, не писан, о печати, правосудие, природы, соблюдать (2) и т. д.

Таким образом, видение *государства* и *закона* у бурят связано с базовыми представлениями о мире и обществе, они являются общими для носителей большинства лингвокультур, служат основой идентичного восприятия, обозначения и описания. Разница в реакциях на том или ином языке связана с языковыми стереотипами, закрепленными за соответствующими словами, которые определяются национальными различиями в представлении о мире. Наиболее ярко они представлены в ассоциативном поле закона.

Литература

1. Русский ассоциативный словарь. Кн. 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч.П. М.: ИРЯ РАН, 1996. 212 с.
2. Семенова А. А. Концепт «государство» в красноярской культуре: результаты ассоциативного эксперимента по методике «Серия тематических ассоциаций». URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/2563>.

УДК: 821.512.317374
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-211-215

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Харанутова Дарима Шагдуурвна

доктор филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
dkharanutova@mail.ru

Статья освещает проблемы разработки словообразовательного словаря бурятского языка, построенного гнездовым способом. Поднимаются вопросы построения словарной статьи в словаре такого типа. Отмечается, что структурирование словообразовательных гнезд однокоренных слов определяется особенностями бурятского языка: доминирование горизонтального построения гнезд предполагает гнездовую структуру словообразовательного гнезда бурятского языка. Предлагается графически-формантный способ, который позволит графически выразить все элементы, при помощи которых образуются бурятские слова.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, бурятский язык, словарная статья, ступенчатый принцип, графически-формантный принцип.

STRUCTURING SINGLE-ROOT WORDS OF THE BURYAT LANGUAGE: LEXICOGRAPHICAL ASPECT

Darima Sh. Kharanutova

Dr. Sci. (Phil.), Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
dkharanutova@mail.ru

The article is devoted to the problems of developing a word-formation dictionary of the Buryat language. The paper notes that structuring the word-formation nests of single-root words is determined by word-formation features of the language. The questions of vocabulary development and dictionary construction are raised. A graphically-formant method is proposed that will allow expressing all the elements graphically with which the Buryat words are formed.

Keywords: derivational nest, Buryat language, dictionary entry, step principle, graphically-formant principle.

Современная лексикография располагает значительным по объему и разнообразию материалом, представленным в словообразовательных словарях, построенных по гнездовому принципу, когда определяется производящая основа словообразовательного гнезда, устанавливаются словообразовательные структуры дериватов (производных слов) и демонстрируются их связи с производящими. В монголоведении создание словообразовательных словарей остается важной теоретической и практической задачей, несмотря на имеющийся «Словообразовательный словарь калмыцкого языка» [Сусеева, 1997], где используется опыт составления словообразовательных словарей русского языка» А. Н. Тихонова [Тихонов, 1978; 1990а,б].

Калмыцкое словообразовательное гнездо образовано согласно ступенчатому принципу, постулируемому в словообразовательном словаре русского языка: дериваты, образованные непосредственно от вершины гнезда, находятся на первой ступени, производные от них — на второй ступени и т. д.

Оценивая значимость калмыцкого словообразовательного словаря, принимая во внимание выдвигаемые Д. А. Сусеевой принципы построения и наполнения калмыцких гнезд, выскажем некоторые соображения по поводу лексикографической подачи материала в бурятском словообразовательном словаре.

Составление словаря такого типа потребовало разработки основных принципов его построения, что оказалось невозможным без тщательного изучения проблем словообразования бурятского языка, имеющих прямое или косвенное отношение к словарю, и специального исследования ряда вопросов, связанных с созданием теоретической базы словаря [Харанутова, 2012, 2014 и др.].

Проблема лексического состава гнезд решена при помощи толковых словарей бурятского языка, в работе над словником используются все издания бурятско-русских словарей, начиная от бурят-монгольско-русского словаря (составитель К. М. Черемисов) [БРМС, 1951]. В основном лексическая база словаря базируется на бурятско-русском словаре, составленном Л. Д. Шагдаровым, К. М. Черемисовым [БРС, 2006; БРС, 2008].

В качестве вершин словообразовательных гнезд предлагается использовать наиболее употребительные бурятские слова. При выявлении таких слов мы опирались на алфавитно-частотный словарь Г. А. Дырхеевой, О. С. Ринчинова, где предложен список словоформ, составленный по произведениям классика бурятской литературы Х. Намсараева и сопровождающийся количественными характеристиками (результат морфологического анализа списка словоформ представлен на компакт-диске) [Дырхеева, Ринчинов, 2005].

Структурирование однокоренной лексики бурятского языка требует несколько иного подхода, нежели в русском языке, в первую очередь при моделировании словообразовательного гнезда необходимо учитывать, что структурирование дериватов напрямую связано с особенностями словообразовательной системы языка. Известно, что деривационная система русского языка основана на способности слова к поступенчатому разворачиванию, хотя понятно, что ступенчатость организации гнезда — понятие относительное, ведь существуют понятия чересступенчатого словообразования, непрямой и неединственной мотивации, понятие «эллиптических моделей». По мнению А. А. Аминовой [1995, с. 43], словообразовательное гнездо русского языка напоминает «ромашку», так как деривационное развитие идет и по горизонтали, и по вертикали, в связи с чем ступенчатый способ наиболее приемлем для структурирования.

При моделировании же бурятских гнезд ступенчатым способом обнаруживается вытянутость (удлиненность) по вертикали, так как бурятские словообразовательные цепи обрываются уже на третьей, реже на четвертой ступени, а кодериваты выстраиваются в обширные парадигмы. В отличие от словообразовательной системы русского языка, где вершина гнезда традиционно расположена слева от совокупности своих производных, бурятское словообразовательное гнездо, неравномерно расширяясь по вертикальным и горизонтальным осям, строится на специфических семантических основаниях, имеет гроздевую структуру — напоминает дерево с ветвями и гроздьями (*подр.*: Харанутова, 2012, с. 128–141).

Многозначительный термин «гроздь, гроздевая структура» часто применяется синтаксистами, исследующими сложноподчиненные предложения и сложные синтаксические целые, он используется в некоторых работах В.В. Виноградова. На наш взгляд, этот термин в полной мере применим к бурятскому словообразованию.

Данная особенность бурятского языка была проиллюстрирована нами на примере словообразовательного гнезда *дуун* [Там же, с. 138] (рис. 1).

В нашем случае вершина находится в центре, при моделировании гнезда «просится» поворот вокруг оси — вершины словообразовательного гнезда. И тогда все встает на свои места: результатом развития по вертикали является последовательная производ-

ность (ветви, в русском языке — цепочки), результатом развития по горизонтали является образование гроздей (веера дериватов, в русском языке — парадигмы) одного яруса.

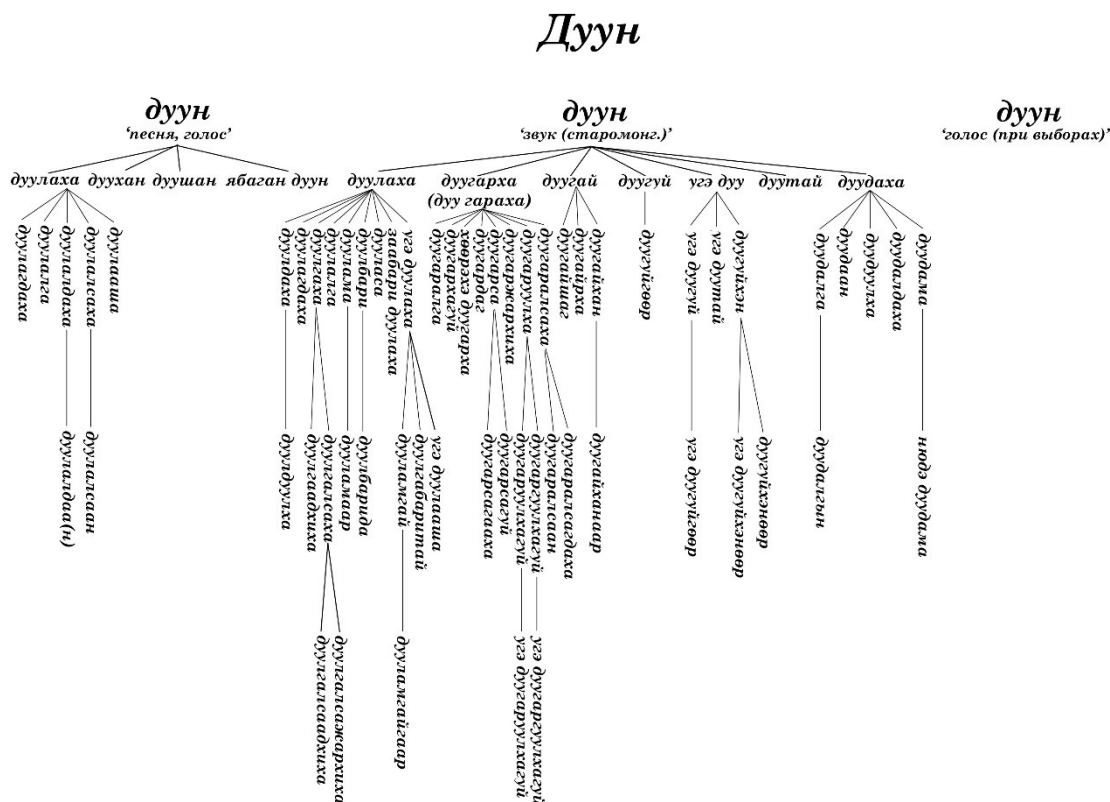

Рис. 1.

Графически бурятское словообразовательное гнездо представлено из переплетений словообразовательных гроздей и словообразовательных ветвей однокоренных слов, скрепляющим началом выступает слово, являющееся вершиной гнезда (или стволом дерева), в нашем примере — это *дуун*. При этом отметим: бурятское гнездо ведет себя больше как парадигмальное образование, где парадигматический план представлен обширными гроздьями и развитие идет как бы вширь. То есть в бурятском языке доминирует горизонтальное построение, структура гнезда имеет тенденцию к расширению (на одном ярусе оказываются дериваты из одной или нескольких гроздей), превалирует двух-, трех- или четырехъярусность. Соответственно, способ подачи словообразовательных гнезд бурятского языка будет несколько иной, чем в словаре А.Н. Тихонова. За основу берется алфавитный порядок (начально-алфавитный): словарные статьи в соответствии с вершинами словообразовательных гнезд должны располагаться строго по алфавиту.

Вершина словообразовательного гнезда (исходное слово словообразовательного гнезда) выделяется полужирным курсивом, в нашем случае — *дуун*. Следует отметить, что в бурятском словообразовательном словаре переводом на русский язык снабжается только вершинное слово.

Если вершинное слово многозначное, значения слов даются под римскими цифрами курсивом без полужирности, например:

Дуун
I. *дуун* `звук`

II. дуун `песня, голос`

III. дуун `голос (при голосовании на выборах).

Дериваты гнезда выстраиваются в столбик. Слова, образованные непосредственно от вершины гнезда, пишутся с прописной буквы и будут иметь одиночную нумерацию (1, 2, 3, 4 и т. д.), например: I.1. дуулаха, I.2. дуухан, I.3. дуушан, I.4. ябаган дуун; II.1. дуулаха, II.2. дуугарха, II.3. дуугай, II.4. дуугүй, II.5. дуутай, II.6. дуудаха, II.7. үгэ дуу.

Дериваты, образованные от слов с одиночной нумерацией, становятся обладателями дробной нумерации (1.1., 1.2, 1.3.; 4.1., 4.2., 4.3. и т. д.), при этом в деривате каждого узелка выделяется производящая основа для последующего деривата. Например:

I. дуу(н)

I.1. дуу/ла/-ха

I.1.1. дуула/гда/-ха

I.1.2. дуула/лга/

I.1.3. дуула/лда/-ха

I.1.3.1. дуулалд/аан/

I.1.4. дуула/лса/-ха

I.1.4.1. дуулалс/аан/

Или

II.2. дуугар-ха

II.2. 1. дуугар/уул/-ха

II.2. 1.1. дуугаруул-ха/гуй/.

Дериватор, при помощи которого образуется производное слово, отмечается в словообразовательной структуре слова косыми линиями «/».

В связи с агглютинативностью бурятского языка на одном деривационном шаге могут присоединяться два и более однотипных аффикса, что не характерно для русского языка. В связи с этим в словаре применяется знак «-», являющийся показателем того, что слово образовано коалицией суффиксов (на одном деривационном шаге присоединилось несколько суффиксов одновременно). Например:

I.1. дуулаха

I.1. 9. үгэ дуулаха

I.1. 9.2. (үгэ) дуул/га-бари-тай/.

В словарной статье представлен ход образования нового слова. Предлагается *графически-формантный* способ, который позволит графически выразить все элементы, при помощи которых образуются слова. Такой способ подачи позволит легко ориентироваться и запоминать особенности деривационного процесса. В словаре каждый дериватор (формант словообразования, средство, при помощи которого образовано слово) имеет свое обозначение. Приведем некоторые из них:

Аффиксальный способ — ^

Неаффиксальные способы:

+ — сложение слов, основ

// — контаминация

= — лексико-семантический.

Такой способ представления позволит легко ориентироваться и запоминать способ словообразования деривата. Например:

Дуун

I. дуу(н)

^ I.1. дуу/ла/-ха

^ I.1.1. дуула/гда/-ха

^ I.1.2. дуула/лга/

^ I.1.3. дуула/лда/-ха

- ^ I.1.3.1. дуулалд/аан/
- ^ I.1.4. дуула/лса/-ха
- ^ I.1.4.1. дуулалс/аан/
- Или
- ^ I.1. дуулаха
- + I.1. 9. үгэ дуулаха
- ^ I.1. 9.2. (үгэ) дуул/га+бари+тай/

На наш взгляд, эта система подачи словарной статьи однокоренных дериватов бурятского языка удобна, понятна для пользователя. С другой стороны, графически-формантный способ подачи словарной статьи позволит с максимальной полнотой отобразить словообразовательную активность бурятских слов, парадигмальность бурятского словообразовательного гнезда, воспроизвести деривационную выводимость вторичных образований, показать непрерывность бурятского деривационного механизма.

Литература

1. Аминова А. А. Производный глагол в сопоставительном аспекте (на материале русского и татарского языков). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. 187 с.
2. БРМС — Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.
3. БРС 2006 — Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 1: А–Н / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Респ. типография», 2006. 636 с.
4. БРС 2008 — Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 2: О–Я / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Респ. типография», 2008. 708 с.
5. Дырхеева Г. А., Ринчинов О. С. Морфологическая структура слова в бурятском языке: лингвостатистическое описание (на материале художественного текста). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 98 с.
6. Сусеева Д. А. Словообразовательный словарь монгольского и калмыцкого языков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 244 с.
7. Сусеева Д. А. Словообразовательный словарь калмыцкого языка: на калм. и рус. языках. Элиста: Калмиздат, 1997. 312 с.
8. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1: А–П. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1990а. 856 с.
9. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 2: Р–Я. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1990б. 887 с.
10. Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М.: Просвещение, 1978. 727 с.
11. Харанутова Д. Ш. Словообразование бурятского языка: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 270 с.
12. Харанутова Д. Ш., Сусеева Д. А., Ц. Өнөрбаян. Монгольское словообразование: структура и способы / отв. ред. Г. А. Дырхеева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 261 с.
13. Харанутова Д. Ш. О гроздевой структуре бурятского словообразовательного гнезда // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2014. С. 320–322.

УДК: 811.512.36
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-216-219

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БУРЯТ НА СТАРОМОНГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

© **Бадмаева Лариса Батоевна**

доктор филологических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, г. Улан-Удэ
lorabadm@mail.ru

Статья раскрывает письменное наследие бурят на монгольском письме — летописных памятниках XIX в., в которых отражена дореволюционная история Бурятии: система управления, расселение, распространение буддийской религии, образ жизни, образование, здравоохранение и т. д.

Ключевые слова: старописьменный монгольский язык, бурятские летописи, письменное наследие бурят, памятники письменной культуры бурят.

LITERARY HERITAGE OF THE BURYATS IN THE OLD MONGOLIAN SCRIPT

Larisa B. Badmaeva

Dr. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia
lorabadm@mail.ru

The article is devoted to the written heritage of the Buryats in the Mongolian script — annals of the 19th century, which reflect the pre-revolutionary history of Buryatia: the management system, resettlement, spreading the Buddhist religion, lifestyle, education, healthcare, etc.

Keywords: Old Mongolian script, buryat annals, written heritage of the Buryats, the monuments of the written culture of the Buryats.

На протяжении столетий, начиная с XVII в. (возможно, еще раньше), буряты пользовались вертикальным старомонгольским письмом. В каждом улусе были люди, владевшие монгольской письменностью, обслуживающей все сферы национальной жизни бурятского общества — публицистику, художественную литературу, государственное управление, делопроизводство, школьно-издательское дело, потребности агитации, пропаганды и просвещения. Литературное наследие на старописьменном монгольском языке — это все исторические, дидактические, медицинские, филологические, лексикографические, юридические, буддийские сочинения, дошедшие до наших дней в уникальных рукописях.

К наиболее известным и популярным хроникам следует отнести «Предание о Бальжин-хатун» (1760–1770), «Историю агинских бурят», написанную в 1863 г. главным тайшой агинских бурят Тугултуром Тобоевым [Летописи, 1935а]. В тексте летописи прослеживаются такие сюжеты: древнейший период; хори-буряты – подданные солонгутского Бубэй-Бэйлэ-хана; сказание о Бальжин-хатуне переселение хори-бурят в Забайкалье; столкновения с тунгусами и русскими казаками; обращение хоринских бурят к Петру I; установление российско-китайской границы; введение института тайшинства; начало земледелия; здравоохранение, начало оспопрививания; описание шаманских об-

рядов; распространение буддизма и первые бурятские ламы; строительство буддийских монастырей; степные думы и управление хори-бурят [Бадмаева, 2012 а, с. 23].

В «Летописях селенгинских бурят», созданных в 1868 г. главным тайшой селенгинских бурят Дамби-Джалцан Ломбоцэрэновым [Летописи, 1936], показано, в каких условиях происходило миграционное движение монгольских племен из Монголии в Забайкалье. Автор пишет о том, что в 1366 г. был изгнан из Китая последний монгольский император Тогон-Тэмур, в результате чего Монголия распалась на ряд отдельных мелких княжеств [Бадмаева, 2012а, с. 32]. Разрушительные междоусобные войны между мелкими князьками привели их к последующей зависимости от Цинской династии Китая. Переселение монгольских народов длилось в течение 100 лет. В их числе упоминаются разные монгольские племена и роды: *атаган, абаганут, абагат, абгачул, батад-хатагин, кириткэригут, онгут, орлут, харидол, загул, узон, сонгол, хорчин, хутухто-юнишин, хурлат, белые и черные тайшитары, урянхай, одонгуй, шарайт* ... [Шагдаров, Бадмаева, 2014, с. 186]. Далее летописец повествует о завоевании русскими казаками Сибири с 1620-х гг., об установлении русско-маньчжурской границы в 1727–1728 гг., о распространении буддизма, и формировании забайкальского казачьего войска, куда были включены 2400 молодых людей из 16 селенгинских родов, об образовании Селенгинской степной думы. В настоящее время это название отражено в топонимике Бурятии как ойконим Селендума.

«Летописи хоринских бурят» [1935а; 1940] написаны в 1875 г. главой цаганского рода, шуленгой Ванданом Юмсуновым. Эту летопись можно назвать самой большой по объему и наиболее обстоятельной из всех бурятских летописей. В хронике В. Юмсунова, состоящей из 12 озаглавленных разделов, прослеживается история хоринцев, начиная с ранних времен до второй половины XIX в. В летописи представлена история распространения буддизма в Монголии и Бурятии, дается детальное описание верований и обрядов шаманства, подробно говорится об административном устройстве и управлении хоринцев; приводятся данные о главных хоринских тайшах и их помощниках; о грамоте Петра I от 22 марта 1703 г. и о всех последующих указах и предписаниях русских царей, по которым за хоринскими родами были закреплены земли от Байкала до монгольских границ; сообщаются сведения о правах бурят на земли от Байкала до монгольских границ; на основании грамоты Петра I от 22 марта 1703 г., и ряда последующих указов и предписаний, о развитии хозяйства у хоринских бурят, несении службы в пользу империи, об отделении агинских бурят и т. д. [Бадмаева, 2012а, с. 24]. В летописи Вандана Юмсунова особенно широко использованы деловые и летописные документы, устные легенды и предания бурят. Все это придает летописи характер научного очерка.

В «Летописи хоринских бурят» [1935б], составленной в 1887 г. помощником главного тайши хоринских бурят, зайсаном галзутского рода Шираб-Нимбо Хобитуевым, события располагаются в хронологической последовательности. Летописец сообщает, что «знаменитая гора Бурхан-Халдун (Бурхан-Галдан), описываемая в «Сокровенном сказании монголов», является баргузинской горой Барагхан (Бархан), и будто бы у этой горы жил первопродок монгольских ханов и протобурят Буртэ-Чино.

Также интересны летописи, написанные тайшой баргузинских бурят Цэдэн-Жапом Сахаровым, — «История перекочевки в Баргузин в 1740 г. бурят с севера Байкала», «Летопись баргузинских бурят» [Востриков, Поппе, 1935]. В первой летописи описано, как в 1740 г. из урочища Анга Иркутской губернии перекочевали семь семейств во главе с Андреем Шибшеевым. Подробно описаны их столкновения с эвенками, упоминаются *абакорчины или солон-баргуты*, ушедшие во Внутреннюю Монголию Китая. В 1875 г. главным тайшой был выбран Цырен-Жаб Сахаров. Тайша Цырен-Жаб Сахаров возбудил ходатайство о строительстве нового дацана в 1876 г. Лишь в 1880 г. была получена санкция на его строительство. По летописным данным, в 1879 г. Цырен-Жаб Сахаров через переписку с Найданом Гомбоевым (мужем дочери декабриста Н. Бестужева, рожденной от

селенгинской бурятки, воспитанной купцом Д. Старцевым. — Л. Б.), который долгие годы возглавлял почтово-телеграфную контору русского посольства в Китае, приобрел для Баргузинского дацана «Данжур».

Следует заметить, что бурятские летописцы были образованнейшими людьми своего времени, незаурядными представителями дореволюционной знати. Например, Тугултур Тобоев, находившийся более 60 лет на государственной службе, остался в памяти народа как один из уважаемых и авторитетных предводителей хоринских бурят. К нему за советом и помощью обращались не только буряты, но и казаки, русские поселенцы. Дамби-Джалцан Ломбоцэрэнов и Вандан Юмсунов, будучи предводителями бурятских родов, вели широкую просветительскую и литературную деятельность. Вандан Юмсунов окончил английскую миссионерскую школу, открытую в Кудуне англичанами Сарой и Эдвардом Сталлибрасс [Bawden, 1982]. Сразу после школы он был определен писарем Хоринской степной думы, занимался литературной деятельностью. Им написаны «Воспоминания о радостном часе пребывания принца Алексея Александровича Романова, 3-го сына императора Александра II, в Забайкалье в 1873 г.» [*Tede ayui yeke ...*, рукопись].

Старомонгольская письменность в силу своего наддиалектного характера долгое время была общемонгольским литературным письмом, понятным носителям разных монгольских диалектов. А в настоящее время им активно пользуются как письменным литературным языком только во Внутренней Монголии Китая. Академик Б. Владимирцов писал о монгольских письменных наречиях [1929, с. 28]: «Распространившись среди монгольских племен, говорящих на разных наречиях и диалектах, монгольский письменный язык начал до известной степени ассимилироваться с этими говорами. Влияние народной речи стало обнаруживаться и на правописании, потому что оно стало отражать фонетические особенности диалектов, и на морфологии, тоже менявшейся под влиянием заимствований из народных говоров, и на словаре. Классические нормы, нашедшие отражение главным образом в печатных изданиях, ничего не могли поделать со стихийным движением: письменный язык, начав шире обслуживать жизненные потребности монголов, стал приближаться к живому народному языку».

После установления советской власти у бурят дважды менялась основа литературного языка, внедрялись разные алфавиты (латиница, кириллица). В 1931 г. здесь перешли на латинский алфавит, в 1939 г. — на кириллицу. До 1936 г. газеты, делопроизводство частично печатались на старописьменном монгольском языке, выполнявшем функцию книжно-письменного языка. В дальнейшем русская графическая основа бурятского языка постепенно вытеснила старомонгольскую вертикальную графику, которая в 30-е гг. XX в. объявлена «архаичной феодально-теократической», «вредной, ламской, антинародной письменностью, оружием панмонголистов». Только за хранение и чтение книг на старомонгольской письменности людей объявляли «врагами народа, панмонголистами» и бросали в застенки. Например, по воспоминаниям моей мамы Ц. Б. Бальжинмаевой, ее учитель был арестован прямо в классе только за то, что читал книгу «Хүхэ Монголой хүхэ туг» на монгольском письме.

В советскую эпоху было общепринято считать, что старописьменный монгольский язык, которым пользовались буряты до революции, был, прежде всего, «языком религиозных, буддийско-философских, исторических, грамматических сочинений и делопроизводства», т. е. всего того, что сейчас мы называем культурным наследием. Как пишет ученый-монголовед Л. Д. Шагдаров, «из-за того, что напрочь был отброшен в свое время старомонгольский язык, культурное наследие, созданное на нем бурятами и другими монгольскими народами, стало для бурятского народа «книгой за семью печатями» [Шагдаров, 1989, с. 186]. И нам представляется, что смена типов визуальной коммуникации привела к утрате доступа к уникальным памятникам письменной культуры бурят.

Литературные памятники бурят на старомонгольской письменности и их авторы в советское время были преданы забвению, отодвинуты на задний план, многие из них были варварски уничтожены. Сейчас нет точных сведений о количестве бурятских летописей и их авторах, т. к. рукописи хранятся в разных городах России, Монголии, Китая, а также в частных коллекциях. В настоящее время выявлено и изучено около 40 больших и малых бурятских летописей, из них опубликованы на современном бурятском языке 21 хроника, на русском языке — 14 летописей, на английском языке — 1 хроника, на старописьменном монгольском языке — 10 летописей. Изданные бурятские хроники составляют лишь некоторую часть летописного наследия бурят, большая их часть все еще остается в рукописях.

Культура любого народа основана на памяти. Без знания прошлого невозможно понять настоящее. Забвение исторической памяти особенно пагубно для подрастающего поколения. Полагаем, что для формирования у молодежи таких категорий, как патриотизм, национальная гордость, национальное самосознание, необходимо осознание и понимание, прежде всего, значимости собственной культуры, т. к. это способствует более глубокому восприятию культуры, истории других этносов, воспитывает чувство уважения к культуре другого народа [Бадмаева, 2007, с. 4].

Таким образом, бурятские летописи, являясь текстами оригинального жанра письменного наследия бурят, содержат мощный заряд национальной памяти о своей истории и заслуживают специального внимания историков, культурологов, филологов. Литературные памятники как феномены трансцендентной культуры обладают способностью к возрождению после долгих периодов забвения. Пребывая до поры до времени в тени, письменный памятник под веянием нового мышления вновь обретает актуальность, чтобы выполнить свою историческую миссию — быть свидетелем эпохи, социальным документом, исторической памятью народа.

Литература

1. Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова — памятник письменной культуры бурят XIX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 396 с.
2. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. М.; Л., 1929. 438 с.
3. Востриков А. И., Поппе Н. Н. Летописи баргузинских бурят. Вып. 1. Тексты и исследования. Труды Института востоковедения. Т. VIII. М.; Л., 1935. 75 с. (ЛББ).
4. Летописи селенгинских бурят. Хроника убаша Дамби Джалцан Ломбоцэрэнова (1868 г.) Текст издал Н. Н. Поппе // Труды Института востоковедения. Т. XII. М.; Л., 1936. 55 с. (ЛСБ).
5. Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова. Текст издал Н. Н. Поппе // Труды Института востоковедения. Т. IX. М.; Л., 1935а. 172 с. (ЛХБ).
6. Летописи хоринских бурят. Вып. 2. Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева. Текст издал В. А. Казакевич // Труды Института востоковедения. IX. М.; Л., 1935б. 125 с. (ЛХБ-1).
7. Летописи хоринских бурят. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова / пер. Н. Н. Поппе // Труды Института востоковедения. XXXIII. М.; Л., 1940. 108 с. (ЛХБ).
8. Шагдаров Л. Д. Г. Ц. Цыбиков об использовании старомонгольского языка в качестве литературного языка бурят // Цыбиковские чтения: тез. докл. и сообщений. Улан-Удэ, 1989. С. 183–187.
9. Шагдаров Л. Д., Бадмаева Л. Б. Язык и стиль летописи Д.-Ж. Ломбоцэрэнова (исследование, текст, транслитерация, перевод, переложение). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 216 с.
10. Bawden Charles R. English Mission Schools among the Buryats, 1822–1840 // Zentralasiatische studien. V. 16. Wiesbaden, 1982.
11. Tede ayui yeke degedü ejen imperatur edüge amuyulang-iyar ayiladuyçi qoyaduyar Aliysandari Niqulayivisi-yin yurbaduyar tayiji yeke kinaza Aliysi Aliysandaraviisi-yin Baiyial-un emüneki oblusti-yin nituy-ud-iyar jalaran gegergülegsen bayasqulang-tu çay-un uçira durasqal-un temde. Nige mingy-a nauyman jaγun dalan yurabaduyar on-a. Рукопись. Ms E 219. Инв. 1962 п* 1473. Рукописный фонд ИВР РАН (СПб).

УДК 811.512.156
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-220-222

ПРОСПЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

© **Цыбенова Чечек Сергеевна**

кандидат филологических наук,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, г. Улан-Удэ
tschechek@mail.ru

В статье на примере языковой ситуации в Республике Тыва анализируются социально-экономический и информационно-коммуникационный компоненты функционирования тувинского языка. Отмечается, что эти факторы непосредственным образом влияют на развитие языковых процессов в сегодняшней Туве. В рамках положений проспективной социолингвистики выявлено, что указанные факторы в будущем могут оказать на развитие тувинского языка как негативное, так и положительное влияние.

Ключевые слова: языковая ситуация, перспективные факторы, Республика Тыва, тувинский язык.

PROSPECTIVE FACTORS FOR LANGUAGE SITUATION IN THE REPUBLIC OF TYVA

Chechek S. Tsybenova

Cand. Sci. (Phil.),
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, RAS
Ulan-Ude, Russia
tschechek@mail.ru

The article analyses the Tuvan language functioning through its socio-economical and informational-communicational components. It's noted that these factors directly affect language processes development in today's Tuva. According to prospective sociolinguistics positions, it is revealed that these factors may have both a negative and a positive impact on the Tuvan language functioning in future.

Keywords: language situation, prospective factors, Republic of Tyva, the Tuvan language.

В контексте социально-коммуникативной ситуации РФ языковая ситуация в Республике Тыва считается относительно благополучной. Географическое положение Тувы, исторические ступени развития и становления государственного суверенитета обусловили численное преобладание титульной нации, компактное расселение основной части тувинцев на одной территории. Указанные факторы оказывали значительное влияние на сохранность состояния тувинского языка. Однако в последнее десятилетие стало очевидно, что характер языковых процессов в регионе изменился. Усилилось влияние глобализационных процессов, которые непосредственным образом обуславливают социально-экономическую ситуацию в регионе, распространение информационно-коммуникационных технологий. В статье эти факторы анализируются в контексте проспективной социолингвистики, изучающей проблемы языкового функционирования через призму языкового прогнозирования и планирования.

Социально-экономический компонент развития языка рассматривается нами как перспективный фактор, оказывающий на сегодняшний день негативное влияние на языковую ситуацию в Туве. Как известно, социальный уклад тувинского общества кардинально изменился в советские годы, когда основная часть коренного населения перешла на оседлость. Совокупность социокультурных изменений, произошедших в советский и постсоветский периоды, привела к постепенному отходу большинства тувинцев от традиционного образа жизни. Сегодня в тувинском обществе усиливается

прагматическая ценность образования как средства улучшения своего материального положения, достижения карьерного роста. Для населения все более привлекательной становится городская среда с развитой инфраструктурой, доступным сервисом и обслуживанием, разнообразием рынка услуг и товаров и пр. В этих условиях начиная с 2002 г. наблюдается рост городского населения (по данным переписи 51,5 %). В 2020 г. доля горожан составила 54,3% [Республика Тыва в цифрах ..., 2020, с. 18].

Многие параметры социально-экономического развития Тувы отстают от аналогичных среднероссийских индикаторов. Так, по среднедушевому уровню доходов населения в 2017 г. регион занимал 85-е место среди субъектов РФ и последнее место в Сибирском федеральном округе [Стратегия..., 2018, с.8]. Уровень общей безработицы Тувы в 2019 г. достиг 12,3%, а численность безработного населения составила 14,4 тыс. человек [Республика Тыва в цифрах ..., 2020, с.22]. Отмечается недостаточный уровень развития социальной инфраструктуры (школы, детские сады). В условиях социально-экономической нестабильности наблюдается миграционная убыль населения. В 2015 г. она составляла 2380 чел., в 2016 г. — 1346 чел., в 2017 г. — 1055 чел., в 2018 г. — 980 чел., в 2019 г. — 382 чел. [Там же, 2020, с. 11]. В последние годы ежегодная миграционная убыль населения Тувы немного замедлилась. Данные показывают, что межрегиональная миграция преобладает над внутрирегиональной [там же, 2020, с.19]. Трудоспособное население выезжает за пределы республики с целью заработка, поэтому распространена маятниковая миграция. Многие мигранты занимаются неквалифицированным трудом, часто выезжают работать вахтовым методом. Мужское население, имеющее воинскую обязанность, прошедшее отбор по состоянию здоровья, поступает на военную службу по контракту. Молодые специалисты с дипломами, не нашедшие после окончания вуза работу, либо находят работу по договору в другом регионе, либо меняют квалификацию. В плане языковой компетенции очевидно, что в условиях как городской, так и иноязычной среды речь на родном языке звучит реже. Зачастую в этих условиях зарождается нарушение межпоколенной передачи родного языка детям, развивается асимметричный билингвизм, с постепенным переходом на доминирующий русский язык.

Очевидно, что социально-экономические факторы дали толчок развитию рыночной экономики, появляются новые сферы, которые не характерны для традиционного тувинского общества (финансовые услуги — кассиры в кредитных организациях; профессиональные услуги — парикмахеры, визажисты, массажисты, работники салонов красоты; услуги телекоммуникаций и сотовой связи — операторы, продавцы, консультанты). В подобных интегрированных сферах наблюдается интенсивное влияние функционально сильного русского языка, в речи современных носителей тувинского языка широко встречается интеркаляция (языковые вкрапления) и другие нарушения речи. Например, лексема *эжим* — традиционное обращение к подруге, другу, близкому человеку часто молодежью используется в гибридной форме — *эжимка, эжимушка*.

Еще одним динамичным фактором, оказывающим значительное влияние на состояние и положение тувинского языка в настоящее время, следует назвать информационно-коммуникационные технологии. С развитием технологий, появлением различных средств связи (телефоны, смартфоны, планшеты и др.), развитием телевидения, распространением сети Интернет изменился характер получения информации и источники его получения. В этом контексте следует утверждать об изменении языковой среды, под которой подразумевается не только языковое сообщество, окружающее индивида, но также языковой ландшафт (объявления, вывески, реклама и пр.) и информационно-коммуникационная среда (язык телевидения, газет, радио, контент интернет-ресурсов). Доля представленности контента на тувинском языке в сети Интернет мизерная, и в новых технологичных сферах он практически не функционирует. Носители тувинского языка вынуждены переходить на функционально более мощный русский язык,

использовать более развитые русскоязычные, англоязычные контенты и ресурсы на других языках.

Сегодня основная часть населения Тувы имеет доступ к сети Интернет и активно пользуется им. По данным на 2019 г., пользуются персональными компьютерами 81,3% и сетью Интернет 93,9% населения Тувы от 15 до 74 лет [Республика Тыва в цифрах..., 2020, с. 100]. В отчете о результатах деятельности Правительства Тувы за 2020 г. указывается, что сотовой связью стандарта 4G обеспечены 78 населенных пунктов, где проживает 282726 человек, т. е. 87,3% населения [Отчет о результатах деятельности: эл. ресурс]. Наблюдается возрастающая роль телевидения в развитии детей дошкольного и младшего школьного возраста. Согласно статистическим данным 2018 г., все городское население имеет доступ к телевизионному вещанию, на селе такую возможность имеют 95,4% населения [Республика Тыва в цифрах..., 2020, с. 44].

Путем наблюдения и экспертного опроса выявлено, что многие тувинские дети увлекаются просмотром российского телеканала «Карусель». Согласно статистике, данный телеканал пользуется широкой аудиторией. Так, среди федеральных телеканалов по доле телесмотра в сегменте семейной аудитории 4–45 лет телеканал вышел на первое место — по итогам первого полугодия 2020 г. она составила 9,72 %. Средняя продолжительность просмотра составила 103 минуты, что говорит о его лидерстве по продолжительности просмотра в сегменте семейной аудитории [Телеканал «Карусель»: эл. ресурс].

В условиях нехватки мест в дошкольных учреждениях многие родители вынуждены оставлять малолетних детей дома, где, как правило, они увлекаются просмотром телевизионных передач. В силу особенностей своего возраста, когда языковые и социальные навыки еще недостаточно развиты, дети незаметно осваивают русский язык, который зачастую становится доминантным языком в их жизни. На такое речевое поведение указывают многие педагоги и воспитатели ДООУ. Эти дети не владеют родным (тувинским) языком активно, разговаривают исключительно на русском языке, который был освоен путем просмотра телевизионных передач, мультипликационных фильмов. Как правило, такое речевое поведение своего ребенка многие родители поддерживают. В связи с этим следует говорить, что сегодня информационно-коммуникационная среда способствует формированию новых этнокультурных маркеров у тувинских детей.

Исследование указанных факторов показывает, что сегодня социально-экономический компонент развития языка и информационно-коммуникационная среда оказывают значительное влияние на уровень языковой компетенции носителей тувинского языка, на их языковое поведение, мотивы и установки по отношению к родному языку. В силу этих факторов языковая ситуация в РТ ухудшается более быстрыми темпами. Поэтому мы рассматриваем их как основные факторы, результирующие состояние языковой ситуации в современной Туве. Подчеркнем, что перспективные факторы, по характеру своего воздействия могут дать толчок к развитию как положительного, так и отрицательного функционального сдвига в будущем.

Литература

1. Отчет о результатах деятельности Правительства Республики Тыва за 2020 год и о приоритетных направлениях деятельности на 2021 год. URL <https://gov.rtyva.ru/upload/iblock/2c1/vknovhxtzdzfxzuh8m5pir14907p913s/22584.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Республика Тыва в цифрах. 2019: стат. сб. / Кызыл: Красноярскстат, 2020. 151 с.
3. Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/e5d7757d02411b83d11bedda5f064078/61218rt.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).
4. Телеканал «Карусель» — лидер семейного телесмотра среди федеральных телеканалов в первом полугодии 2020 года. URL: <https://www.karusel-tv.ru/news/8448> (дата обращения: 10.02.2022).

УДК 811.512.31

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-223-226

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ КАК СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

© Даржаева Надежда Баировна

доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, г. Улан-Удэ
dnadezhda@mail.ru

Рассмотрены частицы, образованные от вопросительного глагола *яа-* ‘что делать, как поступить’ и играющие большую роль в усилении бурятского эмоционально-оценочного текста. Актуальность темы исследования определяется возрастающим значением антропоцентрической научной парадигмы и малой изученностью выражения эмоций в бурятских конструкциях. Изучаемые полифункциональные частицы своими формами повторяют почти всю инфинитную систему бурятского языка. В вопросительных и восклицательных предложениях они выступают в качестве усилителей-интенсификаторов полнозначных слов, к которым относятся. Иллюстративный материал исследования почерпнут из электронного Бурятского корпуса. В заключение автор утверждает, что некоторые из частиц образуют устойчивые эмотивные сочетания.

Ключевые слова: бурятский язык, морфология, местоимения, частицы, эмотивность, грамматикализация.

Статья подготовлена в рамках государственного задания «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности» № 121031000258-9.

INTERROGATION PRONOUNS AS A MEANS OF STRENGTHENING EMOTION IN THE BURYAT LANGUAGE

Nadezhda B. Darzhaeva

Dr. Sci. (Phil.), Senior Research Fellow,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia
dnadezhda@mail.ru

The article is devoted to particles formed from the interrogative verb *yaa-* ‘what to do, how to act’, which play an important role in strengthening the Buryat emotional-evaluative text. The relevance of the research topic is determined by the growing importance of the anthropocentric scientific paradigm and the lack of knowledge in emotion expressions in Buryat language constructions. The particles act as intensifiers of full-valued words in interrogative and exclamatory sentences. The illustrative material of the study is taken from the electronic Buryat Corpus.

Keywords: Buryat language, morphology, pronouns, particles, emotiveness, grammaticalization.

The article was prepared as part of the state order “Man's World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth” № 121031000258-9

Средства и способы выражения эмоций в бурятском языке — тема наших последних опубликованных работ [Даржаева, 2021]. В каждом языке есть свои грамматические усилители выражения эмоционального состояния человека — аффиксы, междометия, частицы, послелогии. В этой статье мы рассмотрим бурятские частицы, образованные от вопросительно-местоименного глагола *яа-* ‘что делать, как быть’. Их специфика состоит в том, что они своей формой повторяют почти всю инфинитную систему языка: *яа-ха*, *яа-һан*,

яа-даг, яа-гаа, яа-жа, яа-гаад, яа-гша, яа-тар-аа, яа-башье, яа-шагуй, яа-ха(шье). В современном бурятском языке эти вопросительные слова полифункциональны и могут выступать усилителями в эмоционально нагруженных высказываниях (чаще в вопросительных и восклицательных). В этом случае они приобретают статус частиц и утрачивают непосредственную связь с исходным глаголом и инфинитными формами. Эти частицы не имеют отношения к номинации, их функция — указание и усиление эмоциональной составляющей тех полнозначных слов, к которым они относятся. Частицы, имеющие формы причастий, обычно сопровождают имена существительные и прилагательные, а формы деепричастий — глаголы и наречия. Кроме того, чрезвычайно частотной частицей является вопросительное слово *ямар* ‘какой’, встречающееся, как правило, с прилагательными. Усилители-интенсификаторы располагаются строго перед полнозначным словом. Про подобные частицы в русском языке (*как, так, какой, такой*) лингвисты пишут, что им присуще значение эмоциональности и оценочности. «Функция этих слов заключается в эмоционально-субъективной оценке высказывания посредством акцентирования полнозначного слова, к которому относятся частицы» [Гушкова, 2014, с. 56]. «Они занимают устойчивое синтаксическое положение, как правило, в начале предложения, тем самым обращая внимание адресата на сопresentствующие с этими интенсификаторами слова, которые, в отличие от усилителей, не указывают на что-либо, а обозначают действительность» [Иванова, Исхакова, 2011, с. 181].

Объектом исследования являются конструкции из диалогической речи художественных произведений, т. к. разговорная речь, как известно, характеризуется спонтанностью, неподготовленностью, стихийностью, и поэтому эмоционально нагружена: «Наибольшее раскрытие человеческие эмоции находят в процессе общения, например, в диалогической речи» [Орлова, 2009, с. 3]. Примеры взяты из электронного Бурятского корпуса (далее БК).

Сначала рассмотрим конструкции, в которых частицы с формами причастий выступают усилителями-интенсификаторами при именах существительных и прилагательных. Так, в следующем высказывании частица в форме причастия настояще-прошедшего времени усиливает выражение эмоции удивления и восхищения:

(1)	<i>Яагаа</i>	<i>гайхалтай</i>	<i>хүүхэн бэ...</i>	
	pcl	удивительный	девушка	pcl
	‘Какая удивительная девушка...’		(БК)	

Часто в конечной позиции таких высказываний стоит полифункциональная частица *гээшэ*, грамматикализованная форма от вспомогательного глагола говорения *гэ-* ‘говорить, сказать’ с аффиксом постоянного причастия *-АашА*. Она выступает усилителем эмоциональности текста как самостоятельно, так и в сочетании с вопросительными местоимениями:

(2)	<i>Эдэ яаһан</i>	<i>гүнзэгы удха-тай</i>	<i>үгэ-нүүд</i>	<i>гээшэ-б?!.</i>
	эти pcl	глубокий смысл-сom	слово-pl	pcl-pcl
	‘С каким глубоким смыслом эти слова?!’		(БК)	

Проиллюстрируем усилительную частицу в форме многократного причастия на *-даг* в выражении эмоции возмущения:

(3)	<i>Гэр-эй-нэгэ</i>	<i>огор-то</i>	<i>хабышжа</i>	<i>хэбтэ-нхаар,</i>
	дом-gen-refl	дно-dat	плоский	лежать-cvb
	<i>баахалдай-шье</i>	<i>һаа-нь</i>	<i>бари-хаяа</i>	<i>яадаг хүм-ши!</i>
	медведь-pcl	pcl-poss3	ловить-cvb	pcl человек-2sg
	‘Чем лежать дома, хоть медведя бы поймал ты!’ (БК)			

Далее рассмотрим частицы-усилители при полнозначных словах, обозначающих действия. Так, в следующем примере усилительная частица в форме слитного деепричастия участвует в выражении удивления и возмущения:

- (4) *Айлшан хун аад, яажа бай-на-ш?!
 гость человек pcl pcl быть-prgs-2sg
 ‘Будучи гостем, как себя ведешь?!’ (БК)*

Частица в форме разделительного деепричастия усиливает эмоцию досады:

- (5) *Яагаад ойлго-но-гүй-б-ши...
 pcl понимать-prgs-neg-pcl-2sg
 ‘Как же ты не понимаешь...’ (БК)*

Частица в форме предельного деепричастия в риторическом высказывании усиливает эмоцию возмущения (5) и удивления (6):

- (6) *Яатараа намайе баһа-ха бол-оо-б!?
 pcl меня издеваться-prc.fut aux-prc.prs-pcl
 ‘До какой степени (он) будет издеваться надо мной!?’ (БК)*

- (7) *Саг жэл гээшэ яатараа хүн-эй зан абари,
 время год pcl pcl человек-gen нрав
 шэг шарай хубилга-даг юм гээшэ-б
 внешность изменять-prc.hab pcl pcl-pcl
 ‘Как же сильно меняет время нрав и внешность человека’ (БК)*

Также проиллюстрируем употребление усилительной частицы в форме уступительного деепричастия:

- (8) *Яабайше би хүн-дэ хэлэ-хэ-гүй-б!
 pcl я человек-dat говорить-prc.fut-neg-1sg
 ‘Я никому ни за что не скажу’ (БК)*

Некоторые выражения с усилительными частицами от вопросительного глагола идиоматизировались, образуя устойчивые эмотивные сочетания. Например, частица в форме однократного причастия в восклицательных предложениях в сочетании с модальной частицей *ааб* усиливает эмоцию угрозы:

- (9) *Би таанад-ые яагша ааби-б?!
 я вы-асс pcl pcl-pcl
 ‘Ну, погодите у меня! (букв. Что я с вами сделаю?!)’ (БК)*

Сочетание частицы в личной глагольной форме 3 лица ед. ч. настоящего времени *яана* и частицы *гээшэ* при оформлении причастия будущего времени в дательном падеже всегда выражает эмоции недоумения и возмущения:

- (10) *Энэ үбшэн хүл-ые-мни дайра-ха-д-аа яана гээшэ-б?!
 этот больной нога-асс-poss1sg задевать-prc.fut-dat-refl pcl pcl-pcl
 ‘Что это с ним, как ведет себя, задевая мою больную ногу’ (БК)*

В том случае, если эти частицы оформляют целевое деепричастие, то всегда выражается эмоция сожаления о невыполнении действия, обозначенного этим деепричастием:

- (11) *Тeэд Гамбал хубуу-гээ-шьe хайрла-хаяя яана гээшэ-б даа*
 но Г. сын-refl-pcl жалеть-cvb pcl pcl-pcl pcl
 ‘Вот Гамбал хотя бы сына пожалел бы’ (БК)

В случае одиночного употребления в конечной позиции высказывания частица *яана* выражает эмотивное значение, близкое к ‘будь что будет’ или ‘пусть делает, что хочет’:

- (12) *Тuu-гээд һүүлдэ эсгээ-нь яана*
 dist-cvb pstp отец-poss3 pcl
 ‘После этого его отец пусть делает, что хочет’ (БК)

В заключение отметим, что в усилении бурятского эмоционально-оценочного текста большую роль играют частицы, образованные от вопросительного глагола *яа-* ‘что делать, как поступить’, причем грамматикализуются и употребляются почти все инфинитивные формы от этого глагола. Некоторые из них образуют устойчивые эмотивные сочетания.

Глоссы:

GEN — родительный падеж	PCL — частица
ACC — винительный падеж	PSTP — послелог
DAT — дательный-местный падеж	REFL — притяжание
ABL — исходный падеж	POSS — личн. притяжание
INS — орудный падеж	CVB — деепричастие
COM — совместный падеж	PC — причастие
DIST — дальнейшее указание	FUT — будущее время
SG — ед. число	PST — прошедшее время
PL — мн. число	PRS — настоящее время

Источники и литература

1. БК — Бурятский корпус, http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru
2. Гушкова Л. В. Средства усиления экспрессивности и эмоциональности высказывания в поэзии Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2014. № 1. С. 56–60.
3. Даржаева Н. Б. Синтаксические средства выражения эмоций в бурятском языке // Культура Центральной Азии: Письменные источники. Вып. 14. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. С. 89–97.
4. Иванова С. В., Исхакова З. З. Эмотивный дейксис как неконвенциональный тип дейксиса // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Филология. 2011. № 1. Т. 7.
5. Орлова Н. Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект (на материале современной английской прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

УДК 811.512.31, 81*33
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-227-229

О РАСШИРЕНИИ КОРПУСА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

© **Бадмаева Любовь Дашинимаевна**

кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, г. Улан-Удэ
ldbadm@gmail.com

В статье описаны работы по обновлению корпуса бурятского языка в 2021 г. Важнейшими результатами проделанных работ являются: база данных текстов объемом более 400 тыс. словоупотреблений; увеличение жанрового разнообразия корпуса за счет фольклорных текстов; обновленный корпус бурятского языка на усовершенствованной платформе Цакорпус объемом 2,8 млн словоупотреблений; дополнительные интерфейсы на бурятском и английском языках; увеличение морфологической разметки словоформ корпуса до 76%.

Ключевые слова: бурятский язык, корпусная лингвистика, база данных, текст, метаразметка, морфологическая разметка.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности») № 121031000258-9 и при финансовой поддержке Минобрнауки Республики Бурятия (контракт №121-2021, договор №125-2021).

Благодарность. Сотрудники ИМБТ СО РАН Л. Д. Бадмаева, Ю. Д. Абаева, Г. Н. Чимитдоржиева, О. С. Ринчинов, выполнившие работы по контракту и договору, сердечно благодарны Т. А. Архангельскому (Университет Гамбурга, Германия) за постоянную поддержку на высоком профессиональном уровне при обновлении и функционировании бурятского корпуса; С. А. Крылову (Институт востоковедения РАН, Москва) за ценные консультации при подготовке материалов.

ON EXPANSION OF THE BURYAT LANGUAGE CORPUS

Liubov D. Badmaeva

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof., Leading Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia
ldbadm@gmail.com

The article deals with the description of works on updating the Buryat language corpus. The corpus was updated to 2.8 million word usages. The morphological word form tagging of the corpus has been increased to 76%.

Keywords: the Buryat language, corpus linguistics, database, text annotation, morphological tagging.

The work was carried out within the state order (project "The World of Man in the Mongolian Languages: Analysis of the Means of Expressing Emotivity") No. 121031000258-9 and with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Buryatia (contract No. 121-2021, contract No. 125-2021).

Gratitude. Employees of the IMBT SB RAS L. D. Badmaeva, Yu. D. Abaeva, G. N. Chimitdorzhieva, O. S. Rinchinov, who performed the work under the contract and the agreement, are sincerely grateful to T. A. Arkhangelsky (University of Hamburg, Germany) for constant support at a high professional level in the renovation and functioning of the Buryat corpus; S. A. Krylov (Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow) for valuable consultations in material preparation.

Цель работы (1) заключалась в расширении и доработке справочно-информационного онлайн ресурса по литературному бурятскому языку, который (назовем его — старый корпус) остался доступным по прежнему адресу [Бурятский корпус]. Для достижения вышеназванной цели выполнялись такие задачи, как подготовка новой текстовой базы данных со всеми сопутствующими процедурами, которые необходимы при дигитализации текстов, и их метаразметка.

В составляемом нами (2) ресурсе основные цели и задачи направлены на тексты, опубликованные в издательствах, отвечающие нормам издательской деятельности и отражающие современный бурятский язык как «объективную речевую действительность» [Богоявленская, 2016, с. 163] в соответствии с его общепринятой академической грамматикой.

Результатом подборки художественных текстов, отсутствовавших в старой версии Корпуса, являются разные художественные и фольклорные жанры: 4 романа, более 30 рассказов, 1 повесть, 2 очерка, 22 сказки. Увеличение жанрового разнообразия текстовой базы данных Корпуса способствует повышению репрезентативности и сбалансированности содержательной стороны Корпуса. В числе названных материалов 23 рассказа и очерки принадлежат перу классика бурятской литературы Х. Намсараева, написанные в период с 1928 г. до 1955 г. Язык произведений классика отражает богатство бурятского языка, что бесспорно признается бурятоведами, несмотря на обусловленность тематики, содержания его произведений беспрекословными догмами советской идеологии того периода.

Совершенно справедливо то, что «сбор текстов является наиболее времязатратным шагом при создании крупных корпусов. Составление репрезентативных корпусов требует включения в корпус разных жанров художественной литературы и публицистики разных временных периодов, а это, в свою очередь, требует гигантской работы по сканированию, оптическому распознаванию и вычитке текстов» [Архангельский, 2019, с. 530].

Для того чтобы текстовые материалы стали полезными для различных пользователей, в первую очередь для представителей научной и образовательной сфер (филологи различных специальностей и категорий — лингвисты, литературоведы, фольклористы, этнографы, историки, учащиеся, студенты), далее для тех, кто интересуется бурятским языком с сугубо практическими потребностями его использования как в профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни (журналисты, писатели, обычные граждане), требуется проведение специальных работ по конвертации текстов по различным параметрам в компьютерных программах.

С подготовленными текстами проведены такие процедуры, как автоматическая обработка текстов и морфологического анализатора. Итогом комбинированной обработки подготовленных по контракту текстовых данных и их интеграции в базу данных старого корпуса является загрузка на новом сайте дополненного и обновленного Корпуса [Корпус бурятского языка].

Важнейшими результатами проделанных работ являются: новая база данных текстов объемом более 400 тыс. словоупотреблений, включающая оригинальные бурятские и переводные произведения. Впервые в Корпус вводятся фольклорные тексты в виде сказок, являющиеся отражением богатой народной речи. Для обогащения жанрового состава Корпуса впервые включены сказки, перевод исторического романа А. Бальбурова «Поющие стрелы» (*Зэдэлээтэ зэбэнүүд*) с русского языка на бурятский, выполненный литературными переводчиками. Начало формирования бурятской литературы на литературном языке относится к середине 1-й половины XX в. До настоящего времени общий период создания бурятских литературных произведений можно обозначить приблизительно в 80 лет. За такой небольшой временной период численность произведений на бурятском языке со времени начала использования кириллической графики нельзя сравнить, например, с русской литературой, у которой начало уходит корнями в прошлые века. В связи с этим с уверенностью можно сказать, что при включении в разрабатываемый корпус наряду с

оригинальными текстами литературных переводов на современный бурятский с других языков вероятным будет объем приблизительно в 10 млн словоупотреблений. Данный объем лингвистического корпуса для языков национальных республик, таких как бурятский, рассматривается корпусными лингвистами как оптимальный, хотя это не значит, что указанным показателем следует ограничиваться. Для сравнения можно привести пример с Национальным корпусом русского языка, который насчитывает уже более 1 млрд слов [НКРЯ].

Итогом выполненной работы по контракту является расширенная и дополненная версия Корпуса на новой, усовершенствованной платформе Цакорпус (разработчик — Т. А. Архангельский) объемом 2,8 млн словоупотреблений. Дата обновления Корпуса — 14.12.2021. Также важнейшим результатом является то, что Корпус получает в опытном режиме дополнительные интерфейсы на бурятском и английском языках. В силу языковой специфики (отсутствия в бурятском языке компьютерных и иных терминов в полном объеме), некоторые из них остаются непереуведенными. Для современного бурятского языка характерны длинные, описательные, многословные переводы отдельных международных терминов. Для подобных переводов терминов на бурятский язык, иначе — длинных словосочетаний для выражения компьютерной команды в табличных поисковых формах, недостаточно места на сайте. Данное обстоятельство стало технической причиной использования для бурятского интерфейса переводов отдельных команд с русского языка в сокращенном варианте. По мере апробации новой версии Корпуса будут проводиться работы по отладке его системного устройства. Дополнение нового бурятского интерфейса предоставляет удобство его использования, кто недостаточно или совсем не владеет русским языком, например, буряты и монголы Монголии и Китая при их знании кириллической графики соответственно.

Обновление баз данных Корпуса служит расширению исследовательской тематики в бурятском языкознании на материале корпусных данных. Корпус дает огромное преимущество филологам-исследователям при сборе языковых фактов для анализа при подготовке словарей, научных статей, монографических работ, бакалаврских и магистерских выпускных квалификационных работ, диссертаций.

Корпус доступен пользователям для широкого использования без ограничений в свободном режиме, с необходимостью доступа к Интернету. Это дает возможность, например, использовать его в преподавательской работе на занятиях, лекциях, уроках, во время подготовки домашних заданий студентами, учащимися. Расширены возможности использования Корпуса в преподавании родного языка учащимся как старшего, так и младшего возраста, при изучении бурятского языка.

Корпус языка, как правило, — это долгосрочный проект, который необходимо периодически совершенствовать в соответствии с уровнем стремительно развивающихся технологий компьютерной и корпусной лингвистики.

Литература

1. Архангельский Т. А. Интернет-корпуса финно-угорских языков России // Ежегодник финно-угорских исследований / ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». 2019. Т. 13, № 3. С. 528–537.
2. Богоявленская Ю. В. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 163–166.
3. Бурятский корпус. URL: // http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 02.02.2022).
4. Корпус бурятского языка. URL://: <http://buriyat.web-corpora.net/index.html> (дата обращения: 02.02.2022).
5. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: // <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 02.02.2022).

УДК 81.36'373.21
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-230-236

ТЕЛЕСКОПИЯ КАК МОДЕЛЬ ТОПОНИМНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

© Дамбуев Игорь Александрович

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН
Россия, г. Улан-Удэ
igor_dambuev@mail.ru

Анализируются точки зрения отечественных и французских лингвистов о телескопии как способе словообразования, ее месте среди других словообразовательных средств, продуктивности, сферах употребления, типовых моделях. Приводятся примеры французских топонимов, появившихся во Франции с 2014 г. и образованных путем телескопии, выделяются их структурные типы. Отмечается рост активности телескопии в европейских и русском языках на материале как нарицательной, так и проприальной лексики. Высказывается мнение автора о перспективах телескопии как модели топонимного словообразования в русском языке.

Ключевые слова: телескопия, словообразование, топонимия, русский язык, французский язык.

BLENDING AS A MEANS OF TOPONYMIC WORD-FORMATION

Igor A. Dambuev

Cand. Sci. (Phil.), Senior Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the RAS
Russia, Ulan-Ude
igor_dambuev@mail.ru

The paper represents the analysis of Russian and French linguists' viewpoints on blending as a means of word-formation, its place among other word-forming means, productivity, spheres of use, and standard models. Examples of French toponyms that have appeared in France since 2014 and were formed by blending are given, their structural types are distinguished. There is an increase in the activity of blending in European and Russian languages, both in common and proper names. The author reviews the prospects of blending as a means of toponymic word-formation in the Russian language.

Keywords: blending, word-formation, toponymy, Russian language, French language.

Телескопию как способ словообразования в отечественной лингвистике активно начали обсуждать с середины прошлого века в основном на материале английского языка. В статье И. М. Берман [1959] отмечается значительное распространение данного способа словообразования в английском языке как в технической терминологии, так и в общеязыковой лексике, а также ставится вопрос о необходимости определения статуса данного нового лингвистического явления (*to galumph* 'радостно прыгать, скакать' = *to gallop* 'скакать галопом' + *to triumph* 'праздновать триумф'). Автор статьи дает свое определение «вставкам» — результатам данного способа словообразования, намечает их структурные типы (полные, частичные, накладки), выделяет специфические особенности, которые не позволяют отнести телескопированные слова к словосложению или аббревиации. Тем не менее, по мнению автора, «выделение телескопии в специальный тип словообразования все же не представляется целесообразным» [Там же, 1959, с. 106].

В следующей же отечественной статье на тему телескопии [Чаадаевская, 1961] зарождается дискуссия по вопросу «новизны» и «самостоятельности» этого способа словообразования, которая продолжается в лингвистической литературе до настоящего времени.

Рассматривая телескопию как разновидность словосложения, Е. И. Чаадаевская приводит примеры телескопированных слов из разных европейских языков, упоминает исследования европейских лингвистов, в которых рассматриваются такие слова, а также сравнивает телескопированные слова со скрытыми композитами, под которыми понимаются сложные слова с затемненной структурой, утратившие значения отдельных частей в результате влияния просодических явлений, народной этимологии, аналогии [Чаадаевская, 1961, с. 141].

К настоящему времени в отечественной лингвистике насчитывается большое количество публикаций, посвященных телескопии как в русском, так и в других европейских языках. В европейской лингвистике трудов по телескопии необозримое множество. Не вдаваясь в основные дискуссии по проблемам телескопии, отметим некоторые спорные моменты и достижения в изучении этого способа словообразования.

Прежде всего, в литературе сохраняется разнообразие в употреблении терминов. В русском языке для рассматриваемого явления чаще всего употребляется термин «телескопия» (от франц. *télescope*), который мы будем далее употреблять. Также встречались термины «вставочное словообразование» [Берман, 1959] и «словослияние» [Цыбова, 2008; Краснолобова, 2018]. Слова, образованные путем телескопии, называют телескопными [Эрстлинг, 2010; Дмитриева, 2017; Шишони́на, 2017; Ан, 2021], телескопическими [Астафурова, 2006; Лейчик, 2009], словами-слитками [Цыбова, 2008], телесосновами [Гарасова, 1991]. В английском языке ранее употребительное *portmanteau word* ‘слово-чемодан’ в настоящее время уступило место термину *blend* ‘сплав’. Во французском языке используются такие термины, как *mot-valise* ‘слово-чемодан’, *amalgame* ‘амальгама’, *mot-gigogne* ‘слово-матрешка’ и др. Компоненты, из которых состоят телескопные слова, также называются по-разному: осколок морфа [Гарасова, 1991; Астафурова, 2006], сегмент слова [Кузнецова, 2008; Эрстлинг, 2010; Андрианова, 2016; Шишони́на, 2017], фрагмент основы [Ярмашевич, 2015], квазиморф [Шевелева, 2003]. Во французском языке такие компоненты называются элементами амальгамы или фракто-лексемами [Renner, 2015].

Продолжаются дискуссии по вопросу статуса телескопии. Ряд исследователей рассматривают телескопию как разновидность аббревиации [Цыбова, 2008; Ярмашевич, 2015; Краснолобова, 2018]. Другие исследователи относят телескопию к словосложению [Чаадаевская, 1961; Шевелева, 2003; Кузнецова, 2008]. Третьи считают телескопию самостоятельным способом словообразования [Астафурова, 2006; Эрстлинг, 2010; Андрианова, 2016; Дмитриева, 2017; Шишони́на, 2017; Гавришина, 2019; Скоробогатова, 2019; Ан, 2021]. Разные стороны приводят разные доводы. Как отмечает А. Н. Шевелева [2003, с. 5], «с точки зрения смысловой структуры телескопические образования соответствуют сложным словам, и значения их исходных компонентов присутствуют в качестве фонового знания и учитываются при создании и декодировании телескопических слов». Доводом к сближению телескопии и аббревиации служит то, что они «представляют собой способы сжатого, емкого, однословного выражения сложных понятий, получающих первоначально расчлененное языковое обозначение» [Ярмашевич, 2015, с. 76]. Сторонники выделения телескопии в отдельный способ словообразования чаще всего отмечают такую их структурную особенность, как возможность произвольного усечения исходных слов, не связанного с морфемным делением, что отличает их от сложных и сложносокращенных слов. В. Реннер считает, что телескопия выходит за рамки классической морфологии, а значит и словосложения. В отличие от словосложения, «форма результата телескопирования абсолютно непредсказуема, о чем свидетельствует существование таких пар, как *alphameric / alphanumeric* (< *alphabetic* + *numeric*) и *tigon / tiglon* (< *tiger* + *lion*)» [Renner, 2015]. Таким образом, телескопированные слова не могут по определению подчиняться

грамматической правильности. Как отмечает автор, из лексем-источников *plum* ‘слива’ и *apricot* ‘абрикос’ могут быть получены одинаково приемлемые формы *plut*, *plot*, *pluot*, *plucot*, *plicot*, *plumcot*, *plumicot*, *plupricot*. Выбор тех или иных форм может определяться закономерностями фонотактики языка.

В настоящий момент также отсутствует общепринятое определение телескопированных слов. Разные исследователи предлагают свои определения, которые могут существенно различаться. Общепризнанным является то, что телескопированное слово представляет собой номинативную единицу, образованную слиянием сегментов двух исходных усеченных слов. При этом деление слов на сегменты произвольно и не связано с их делением на морфемы. Сегмент может представлять из себя как слог, так и звук. Телескопированное слово может состоять также из сегмента усеченного слова и полного слова [Астафурова, 2006; Цыбова, 2008; Лаврентьева, 2010]. Телескопированным словом признается и слияние двух полных слов с обязательным наложением общего звукового сочетания [Кузнецова, 2008; Шишоница, 2017]. При слиянии сегментов слов или усеченного и полного слова звуковое наложение «не является обязательным условием, но делает телескопные слова более удачными» [Эрстлинг, 2010, с. 135]. Как отмечает А. Н. Шевелева, «наложение морфов делает слово более информативным, т.к. одна и та же информация интерпретируется по-разному дважды <...> обеспечивает передачу максимума информации при минимальной протяженности слова, а также способствует скорейшей расшифровке и быстрому его запоминанию» [Шевелева, 2003, с. 15]. Телескопные слова со звуковым или графическим наложением чаще встречаются в художественной литературе, прессе и рекламе. Терминологическим же телескопным словам фонемно-графемное сходство несвойственно [Андрианова, 2016]. Важным требованием к телескопированным словам является и то, что они полностью либо частично совмещают значение всех входящих в них структурных компонентов [Астафурова, 2006; Андрианова, 2016]. С точки зрения семантических отношений между компонентами А и В и их результатом С, А. Клас выделяет два типа: 1) С есть одновременно А и В, когда возникает новое означаемое. Например, С (*stagflation* ‘экономический застой при одновременной инфляции’) есть одновременно А (*stagnation* ‘застой’) и В (*inflation* ‘инфляция’); 2) С есть результат модификации А или В. Например, С (*cubitainer* ‘кубический контейнер’) это В (*container* ‘контейнер’) в форме А (*cubique* ‘кубический’) [Clas, 1987, с. 351].

В структурном плане телескопированные слова во многих языках похожи. В связи с этим выделяемые исследователями модели аналогичны. Количество моделей у разных исследователей варьирует в зависимости от анализируемых примеров. А. Клас, учитывая то, что телескопия основана на использовании трех явлений, а именно апокопы, афрезы и синкопы, выделяет следующие теоретически возможные модели образования телескопированных слов: 1) апокопа + афреза (*stagflation* = *stagnation* + *inflation*); 2) апокопа + апокопа (*cermet* = *céramique* + *métal*); 3) афреза + афреза (*nylon* = *vinyl* + *coton*), 4) простая апокопа (*distribanque* = *distributeur* + *banque*), 5) простая афреза (*bureautique* = *bureau* + *informatique*), 6) апокопа или афреза + синкопа (*upérisation* = *ultra* + *pasteurisation*) [Clas, 1987, с. 348–350]. Исследователь отмечает наибольшую продуктивность у модели «апокопа + афреза» и наименьшую — у модели «афреза + афреза». Слова, образованные по модели «простая апокопа» и «простая афреза», известны во французском языке с XVIII в. Отечественные лингвисты выделяют такой же набор моделей, за исключением моделей «афреза + афреза», «апокопа или афреза + синкопа», являющихся очень редкими. В то же время многие добавляют модель, при которой сливаются два неусеченных слова со звуковым наложением: *laceiling* ‘вид отделки потолка’ = *lace* ‘кружева’ + *ceiling* ‘потолок’ [Астафурова, 2006, с. 184], *vélocation* ‘прокат велосипедов’ = *vélo* ‘велосипед’ + *location* ‘аренда’ [Эрстлинг, 2010, с. 135], *starchitecte* ‘всемирно известный архитектор’ =

star ‘звезда’ + *architecte* ‘архитектор’ [Андрианова, 2016, с. 37]. Таким образом, звуковое или графемное наложение оказывается обязательным атрибутом телескопированных слов, получаемых слиянием полных форм исходных слов. В противном случае эти слова будут сложными словами. У телескопированных слов, образованных по другим моделям, такое наложение факультативно.

Анализ литературы, посвященной телескопии, свидетельствует о достаточной древности данного словообразовательного средства. Вероятно, не стоит связывать начало его активного употребления с творчеством Льюиса Кэрролла. Телескопированные слова употребляются в своих произведениях Ф. Рабле, В. Гюго, Ж. Лафорг, Э. Йонеско, Л.-Ф. Селин и др. Особенно много таких слов В. М. Лейчик [2009, с. 56] отмечает в терминологии технических и общественных наук. В настоящее время продуктивность данного способа словообразования увеличивается, а источниками слов-телескопов исследователи называют средства массовой информации и рекламу, художественную литературу, разговорную речь. Телескопия, отражая тенденцию экономии языковых средств, способствует пополнению словарного запаса языка и его выразительности.

С начала XXI в. телескопия наряду с активностью в нарицательной лексике активно проникает и в сферу имен собственных. С. М. Еникеева [2017] на материале англоязычной прессы приводит многочисленные примеры телескопических слов, образованных на основе антропонимов: *Billary* < *Bill* + *Hillary*, *Brangelina* < *Brad Pitt* + *Angelina Jolie*, *Bennifer* < *Ben Affleck* + *Jennifer Lopez*, *Merkozy* < *Merkel* + *Sarkozy*, *Oberon* < *Obama* + *Cameron* и др. Перечисленные образования обозначают альянсы супружеские, творческие, политические, поэтому рассматривать их как антропонимы нельзя. Они носят окказиональный характер, поскольку их употребление зависит от экстралингвистических причин. В прессе употребляются и оттопонимные телескопизмы: *Mexifornia* < *Mexico* + *California*, *Chindia* < *China* + *India*, *Eurabia* < *Europe* + *Arabia*, *Chimérique* < *Chine* + *Amérique* и др. Такие телескопизмы не являются топонимами, поскольку «не имеют денотата в актуальной действительности» [Аксенова, 2021, с. 2541] и «создаются для образной номинации мнимых географических объектов» [Еникеева, 2017, с. 65].

Совершенно иная ситуация складывается с новыми французскими топонимами, возникшими в результате территориальной реформы во Франции по укрупнению административно-территориальных единиц, среди которых не менее 25 названий образовано путем телескопии. В процессе объединения коммун — низших единиц административно-территориального деления страны — с 2015 г. по настоящее время было образовано 820 новых коммун. Каждая из них получила официальное название. В большинстве случаев названия новым коммунам даются на основе названий прежних коммун. Например, в 2016 г. в результате слияния коммун *Annecy*, *Annecy-le-Vieux*, *Cran-Gevrier*, *Meythet* и *Seynod* была образована новая коммуна, которая получила название Аннесу по имени административного центра и главной коммуны. Сохранение названий прежних коммун часто происходит и при объединении коммун, имеющих примерно равное значение. Например, при объединении в 2018 г. коммун *Saint-Laurent-les-Bains* и *Laval-d'Aurelle* новая коммуна была названа путем сложения прежних названий: *Saint-Laurent-les-Bains-Laval-d'Aurelle*. Подобных названий, образованных путем словосложения, достаточно много в новой французской топонимии. Такой способ словообразования позволяет сохранить прежние названия, прочно вошедшие в узус и являющиеся частью нематериального культурного наследия страны. Недостатком же таких названий является неудобство в использовании длинных названий, получающихся в результате словосложения, а также трудности в образовании оттопонимных прилагательных и существительных.

Топонимы, образованные путем телескопии, позволяют, с одной стороны, получить экономное в плане языкового выражения название, а с другой — сохранить элементы

прежних названий, к которым привыкли местные жители. Например, в результате объединения коммун *Montchaude* и *Lamérac* в 2016 г. появилась новая коммуна *Montmérac*, название которой образовано по модели «апокопа + афереза». Полученное слово является типичным примером телескопированного топонима без звукового наложения. Если апокопа первого исходного компонента и совпадает с морфемой *mont* ‘гора’, то афереза второго компонента есть не более чем сегмент дестимологизированного и видоизмененного топонима *Lamérac*. Название же последнего происходит от германского имени *Lathomar* + суфф. *-acum*, т. е. ‘владение Латомара’ [Dauzat, 1989, с. 380].

Телескопированные топонимы, возникшие во Франции за последние восемь лет, разнообразны по своей структуре и намного сложнее нарицательных аналогов, поскольку могут иметь до четырех исходных компонентов. Наиболее продуктивной моделью является «апокопа + афереза»: *Bellevigny* < *Belleville* + *Saligny*, *Saintigny* < *Saint-Denis* + *Frétigny*, *Veuzain* < *Veuves* + *Onzain* и др. По этой модели образуются также топонимы от трех исходных компонентов: *Montlainsia* < *Montagna-le-Templier* + *Lains* + *Dessia*, *Alloinay* < *Alleuds* + *Loizé* + *Gournay*, *Hypercourt* < *Hyencourt* + *Pertain* + *Omiécourt* и др. и даже от четырех исходных компонентов: *Aigondigné* < *Aigonnay* + *Mougou* + *Sainte-Blandine* + *Thorigné*. В последних двух случаях модель имеет вид «апокопа + апокопа + афереза» или «апокопа + афереза + афереза + афереза». По модели «простая апокопа» образованы топонимы *Valserhône* < *Valserine* + *Rhône*, *Chantepérier* < *Chantelouve* + *Périer*, *Chanverrie* < *Chambretaud* + *La Verrie* и др. По модели «простая афереза» образованы топонимы *Évellys* < *Ével* + *Illys*, *Cherré-Au* < *Cherré* + *Cherreau*, а также топоним *Bellinghem* < *Herbelles* + *Inghem*, в котором афереза необычно стоит в препозиции. Обнаружены примеры топонимов, образованных и по другим моделям. Модель «апокопа + апокопа»: *La Drenne* < *Le Déluge* + *Ressons-l'Abbaye* + *La Neuville-d'Aumont*. Модель «афереза + афереза»: *Montillière* < *Trois-Monts* + *Goupillières*. Выявлены примеры модели «синкопа + апокопа»: *Auchay* < *Auzay* + *Chaix*, а также модели «синкопа + афереза»: *Thénouville* < *Theillement* + *Touville*. Выявлен также случай слияния неусеченных топонимов с графемным наложением: *Montholon* < *Mont* + *Tholon*. Словообразование имеет самые неожиданные результаты при наличии нескольких исходных составных компонентов. Например, в результате объединения коммун *Vimarcé*, *Saint-Martin-de-Connée* и *Saint-Pierre-sur-Orthe* новая коммуна получила название *Vimartin-sur-Orthe*, которое не вписывается в готовые предложенные модели.

В отличие от примеров телескопированных топонимов, представленных в: [Еникеева, 2017; Аксенова, 2021], рассмотренные нами примеры новых французских топонимов являются реально существующими топонимами, функционирующими во французском языке и имеющими реальные денотаты. Это доказывает универсальность телескопии как способа словообразования, который активен не только в сфере нарицательной лексики, но и в сфере имен собственных.

Говоря об активности телескопии в русском языке, исследователи отмечают ее ненормативность и окказиональный характер, преимущественное употребление в средствах массовой информации, рекламе и разговорной речи, где телескопия связана с языковой игрой и созданием коннотативных выразительных слов со сложной семантикой. В отличие от терминологических и заимствованных телескопизмов, слова типа стрекозел < стрекоза + козел, хрущоба < Хрущев + трущоба, зафиксированные в нормативных словарях [РОС, 2013; БТСРЯ, 2000], сохраняют свою стилистическую окрашенность. Большинство же подобных индивидуально-авторских неологизмов остается на страницах прессы.

Вероятность употребления телескопии в российской топонимии так, как она представлена во французской топонимии, мы находим крайне малой. Прежде всего, такой способ

топонимного словообразования никогда прежде не упоминался в российской топонимии. Выделяемые Н. В. Подольской [1990, с. 47] сложение и соположение заключаются в сложении корневых морфем и слов. Внешне похожий пример *Кузбасс* не может рассматриваться как телескопированный топоним, т. к. является именем-аббревиатурой, имеющей полный свободный аналог в языке — Кузнецкий бассейн. Если во французской топонимии большинство названий в процессе исторического развития испытали значительные фонетические и графические изменения и полностью или частично дестимологизировались, что является, как мы видим, хорошей почвой для телескопирования, то в российской топонимии, если не учитывать субстратные и заимствованные топонимы, многие названия сохраняют свою внутреннюю форму. Сегментирование морфем, сохраняющих лексическое значение, при отсутствии звукового наложения, позволяющего восстановить значение исходных компонентов, теряет всякий смысл вне рамок языковой игры, чуждой официальной топонимии. Допустим, при желании обозначить территорию Бурятии и Монголии, естественным вариантом будет сложное слово Бурят-Монголия, но никак не Бурголия. Таким образом, телескопия как модель топонимного словообразования фактически реализуется во французском языке, в русском же языке она маловероятна.

Литература

1. Аксенова М. В., Кириллов Е. А., Мерзлякова А. В. Использование окказиональных имен собственных в публицистическом французском дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 8. С. 2541–2544.
2. Ан Е. Д. Телескопия как самостоятельный способ словообразования в современном французском языке // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2021. № 11(79). С. 71–79.
3. Андрианова Н. С., Кузьмина Е. К. Структурно-словообразовательная характеристика телескопов современного французского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 1. С. 36–40.
4. Астафурова Т. Н., Сухорукова О. Н. Телескопия: новый способ словообразования? // Вестник ВолГУ. Сер. 2 «Языкознание». 2006. № 5. С. 182–185.
5. Берман И. М. О «вставочном» типе словообразования // Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 104–107.
6. БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
7. Гавришина И. Н., Яковлева Н. В. Телескопные термины во французском языке: типология моделей образования и способы перевода // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 1(17). С. 5–12.
8. Дмитриева Д. Д. Сравнительно-сопоставительный анализ словообразовательных систем французского и английского языков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 2. С. 272–275.
9. Еникеева С. М. Формирование телескопизмов на основе имен собственных: анализ лексических инноваций современного английского языка // Studia Linguistica. 2017. Вып. XXVI. С. 54–67.
10. Краснолобова К. Д., Ковалевская И. И. Словообразование в современном французском языке // Студенческая наука Подмоскovie. Орехово-Зуево: РИО ГГТУ, 2018. С. 276–280.
11. Кузнецова И. Н. Паронимическая неология во французском языке // Риторика ↔ лингвистика. Вып. 7. Т. 2. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. С. 100–108.
12. Лаврентьева Т. В. Лексикология современного французского языка. Орск: Изд-во ОГТИ, 2010. 95 с.
13. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
14. Подольская Н. В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы ономастики. 1990. № 3. С. 40–53.

15. РОС — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 896 с.
16. Скоробогатова Т. И., Суралева О. Ю. Об истории изучения телескопных образований и определении их статуса в современном французском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 100–103.
17. Тарасова Л. А. Структурно-семантические аспекты телескопии в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 22 с.
18. Цыбова И. А. Словообразование в современном французском языке: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2008. 128 с.
19. Чаадаевская Е. И. О «вставочном» словообразовании // Вопросы языкознания. 1961. № 2. С. 140–142.
20. Шевелева А. Н. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 17 с.
21. Шишоница Н. В. Словообразование во французском языке: телескопия // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГГТУ, 2017. С. 94–96.
22. Эрстлинг Л. В. Телескопные слова во французском языке // Вестник ПСТГУ. Сер. III «Филология». 2010. Вып. 4 (22). С. 132–142.
23. Ярмашевич М. А. Телескопия как модель осложненного усечения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (35). С. 71–84.
24. Clas A. Une matrice terminologique universelle: la brachygraphie gigogne. Meta, 1987. № 32(3). P. 347–355.
25. Dauzat A., Rostaing Ch. Dictionnaire étymologique des noms de lieu en France. Paris: Librairie Guénégaud, 1989. 738 p.
26. Renner V. Panorama rétro-prospectif des études amalgamatives. Neologica: revue internationale de la néologie. Paris: Garnier, 2015. № 9. P. 97–112. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01205150/document> (дата обращения: 06.02.2022).

УДК 81'119

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-237-242

**ОВНЕШНЯЕМОСТЬ МЫСЛИ В ФОРМЕ:
ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ, КОГНИТОЛОГИЧЕСКИЕ
И СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ**

© Дашинимаева Полина Пурбуевна

доктор филологических наук, профессор,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

pdash@bsu.ru

В статье поднимается фундаментальная проблема естественного семиозиса, а именно разграничения и соотношения мысли и вербального кода в плане степени овнешнения первой во втором. Целью исследования является, с одной стороны, описание сути заданной дихотомии, с другой — подтверждение неовнешняяемости мысли в знаке языка посредством приложения лингвофилософских, когнитологических и семиотических оснований. Центральная идея из труда «Мышление и речь» Л. С. Выготского взята за исходный пункт тезиса.

Ключевые слова: мысль, языковой знак, семиозис, овнешнение, философия, когнитология, семиотика, невербальный.

THOUGHT EXPLICATED IN SIGN:
LINGUO PHILOSOPHICAL, COGNITOLOGICAL AND SEMIOTIC FOUNDATIONS

Polina P. Dashinimaeva

Dr. Sci. (Phil.), Professor

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

pdash@bsu.ru

The article deals with the fundamental issue of thought in terms of its being externalized in a verbal code and the problem of their delimitation and correlation. So, the objective is to apply linguo-philosophical, cognitive and semiotic foundations to highlight the bare bones of the given dichotomy, and to confirm the thesis of the thought being not potentially explicated in a sign. The starting point of the investigation is the central idea from «Thinking and Speech» by L. S. Vygotsky.

Keywords: thought, linguistic sign, semiosis, explication, philosophy, cognitive science, semiotics, non-verbal.

Введение. В современной лингвистике есть много теорий о языке второго порядка, пригодных в онтологическом плане, но не обладающих экспланаторной силой в эпистемологическом плане для описания языка первого порядка, например в части производства и восприятия речи «на самом деле», т. е. «здесь и сейчас». Рассмотрим базовую идею первого порядка о том, что мысль не тождественна с семантикой знака, поскольку она шире и богаче внешнего каркаса, в который «одевает» ее сам субъект. Думается, из названия работы прозрачно вытекает тезис о том, что мысль невозможно выразить в полном объеме во внешней оболочке — будь то вербальный знак, семантографический поликод или язык тела. Приведем в качестве авторитетной концепцию Л. С. Выготского, признанной не только в психолингвистике, но и в когнитологии.

Напомним его известную идею о несовпадении мысли и ее вербальной экспликации: «...Мысль всегда представляет собой нечто целое, значительно большее по своему протяжению и объему, чем отдельное слово... Эта мысль содержится в его уме как целое, а отнюдь не возникает постепенно, отдельными единицами, как развивается его речь. То,

что в мысли содержится симультанно, то в речи развертывается сукцессивно. Мысль можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем слов. Поэтому переход от мысли к речи представляет собой чрезвычайно сложный процесс расчленения мысли и ее воссоздания в словах ... Так как прямой переход от мысли к слову невозможен, а всегда требует прокладки сложного пути, возникают жалобы на несовершенство слова и ламентации по поводу невыразимости мысли» [Выготский, 1999, с. 331].

Данную идею «синей блузы» великого мыслителя, последовательно и детально развернутую в рамках онтогенеза в книге «Мышление и речь», мы берем в качестве исходного положения, суть которого следует обосновать лингвофилософскими, когнитологическими и семиотическими идеями. Обобщенно цель статьи заключается в обнаружении внутренних факторов, формирующих несоответствие мысли и эксплицированной в языке ее версии.

Лингвофилософские и когнитологические обоснования невозможности соответствия мысли и слова. Конечно, идея о несовпадении мысли со своим языковым выражением отнюдь не нова. Еще Ю. Д. Апресяном [1974, с. 322–325] делается попытка разграничить значение как «денотативное тождество» и «сигнификативное различие». Оттенок значения выводится им как особенность семантики слова (денотата или сигнификата), синтактики (семантической, лексической или морфосинтаксической сочетаемости) или прагматики (модальной рамки толкования), что иллюстрируется автором преимущественно на уровне лексикографии. Далее лингвист делает неожиданный вывод о том, что в связи с отсутствием «постоянного содержания» термин оттенок значения «никакой научной ценности не представляет», поэтому «следует от него отказаться» [Там же, с. 328]. Мы же стараемся придать подобной атомарности значения статус научной значимости.

В лингвофилософии этот подход реализуется, в частности, вводом в научный оборот понятия «ноэма». По Гуссерлю [2004], это предметное содержание конкретной мысли, или наполнение интенции содержанием восприятия. Отсюда уже следует, что перманентная изменчивость ноэмы напротив стабильности формальной семантики слова является аргументом, подтверждающим слабую овнешнююемость мысли в языковой форме. Представим более детальные обоснования в виде положений.

1. Поступающая извне информация концептуализируется и, соответственно, объективируется в процессе производства речи только «в пакете», т. е. целевой ситуацией. Согласно когнитологу Л. У. Барсалу, перцептивная информация вкупе включает данные от восприятия лиц и объектов, действия интроспекцию и сопровождающую обстановку [Barsalou, 2009, с. 1283] (ср. с ситуацией синей блузы у Выготского). То же самое устами философов: 1) сознанию присущи темпоральность, субъективность и интенциональность, которые в итоге обеспечивают единство составляющих когнитивного механизма [Серль, 2002]; 2) доконцептуальная цельность «жизненного мира» проявляется в переживаниях, т.к. реальность — данность индивидуальному сознанию — фиксируется как связность вещей, людей, света, ощущений и т. д. [Гуссерль, 2004, с. 232–234]. В этом свете логично, что в психологии мыслительная целостность изучается в рамках гештальтпсихологического подхода.

2. Цельность семиозиса достигается темпоральной связкой: живая мысль пребывает в двух мирах-измерениях — в настоящем и в стремительно разбегающихся прошлом и будущем (М. Мамардашвили, Ж. Лакан, Ж. Делез, М. Полани и др.), что обеспечивает состояние хаоса сомнений, внутреннюю креативность смысла. Завершенность смысла фиксируется в вертикальном стоянии: «Сковать поток вечностью — это и означает стать вертикальным» [Мамардашвили, 2000, с. 209].

3. «Пакетность» и единичность нозматического содержания достигается через личностную природу познания, формирования знания и означивания (см.: [М. Полани. «Личностное знание», 1985]). Я — это единственное пространство и место, из которого начинается семиозис, оно «не только эпистемологически объективно, но также и онтологически объективно» [Серль, 2002, с. 107], ведь допредикативный «жизненный мир», в соответствии с Хайдеггером, всегда мой мир, мое духовное — «фактическое происхождение» (по: [Сафрански, 2002, с. 79]).

Как видно, приведенные три довода постулируют правомерность принципа всеобщих различий «salva veritate» Г. Лейбница (если две вещи абсолютно тождественны, то они представляют собою одну и ту же вещь) — основы аксиомы о несовпадении нозматического содержания и его вербальной экспликации. Популярно же отождествление означиваемого и означающего в связи с фетишизацией потенциала языка (ср. Есперсен, Сепир-Уорф: «чем больше форм, тем более очевиден «культурный прогресс» языка»), с одной стороны, и незнанием психонейрофизиологии естественного речемышления, способствующим убеждению в том, что другой вкладывает в произносимое те же смыслы, что и Я. Напротив, следует возвеличивать лишь инструментальную роль языка, реализующего функцию означивания помысленного:

- «прогресс мысли скорее более тесно связан со способностями людей, с общими условиями развития культуры и с устройством общества, чем с особенностями данного языка» [Бенвенист, 1974, с. 114],

- «единичности, которые подпадают под предикат, различаются бесконечным образом, как всегда различаются, по крайней мере, две единичности» [Дэвидсон, 1993, с. 309],

- «эта «система» (система понятий с чувственными восприятиями. — П. Д.) представляет собой свободную (т. е. любую логически возможную) игру с символами в соответствии с (логически) произвольно заданными правилами игры» [Эйнштейн, 1967, с. 252].

Обобщая данные высказывания, скажем, что участники общения придумывают различные, зачастую нестандартные, конфигурации языковой игры, поскольку, во-первых, они находятся в состоянии «поиска нужных слов», которые соответствовали бы чувствованиям и эмоциям «здесь и сейчас»; во-вторых, они подбирают слова и структуры в соответствии с критерием «свои / чужие». Если бы код естественного языка был совершенен настолько, чтобы выражать каждый нюанс меняющихся ощущений, тогда правила игры не были бы столь произвольными.

Невербальная семиотика. В связи с тем что текст, представивший обоснования заданной идеи, априори рассматривает семиотический механизм рождения и восприятия знака, в этой рубрике лишь остановимся на специфике невербального кода — параязыке (все коды кроме естественно-языкового): в общении коммуникант складывает смысл не только из слов, но и из других сенсорных каналов.

Напр., языковой код: Вы просто невозможны!

визуальный код: Вы мне оч-ч-чень нравитесь!

Существуют разные данные относительно соотношения вклада языкового и невербального кода в создание смысла речи: 36% социального значения передается вербальным способом, 64% — манерой речения [Каспранский, 1990, с. 24]; по данным А. Мейерабиана, вербальная передача происходит на 7%, просодикой — на 38%, невербаликой — на 55% (по: [Пиз, 2003, с. 5]). По Д. Мацумото, к невербальному поведению относятся не только выражение лица, жесты и движения кистей, рук и ног, поза, наклон и ориентация тела, тон и другие вокальные характеристики, но и дистанция при общении, прикосновения, взгляд и визуальное внимание. Также значимы и «неповеденческие» характеристики (использование времени, тип одежды, косметические поправки), которые важны для понимания общего характера воздействия культуры на процесс общения [Мацумото, 2003].

Далее заслуживает интереса мнение Г. Е. Крейдлина о том, что совокупность видов невербальной коммуникации формируется и реализуется в рамках внутреннего синтаксиса. Например, в сфере языка жестов данную комбинаторику составляют «особенности сочетаемости и упорядочивания жестовых элементов при образовании комплексных жестовых сочетаний» [Крейдлин, 2004, с. 127]. Как известно, внешний синтаксис описывается правилами взаимодействия невербальных «лексем» коммуникантов и взаимодействия с системой естественного языка.

И Мацумото, и Крейдлин ссылаются на труды известных специалистов мимического языка лица П. Экмана и У. В. Фризена, которые группируют жесты, исходя из внутреннего, иконического и условного типов кодирования информации в общении: 1) иллюстраторы — жесты — движения, сопровождающие высказывание (дирижирующие, указательные, ритмические, кинетографические, пиктографические, эмблематические); 2) адапторы, способствующие снятию внутреннего напряжения (самостимулирующие, направленные на другого человека, направленные на предмет); 3) эмблемы — жесты, имеющие достаточно точное значение для определенной социальной группы; 4) аффективные жесты, служащие для выражения чувств и эмоций; 5) регуляторы, используемые для контроля и координации поток речи в общении [Ekman & Friesen, 1969, 1972].

Как нам представляется, данную классификацию можно применить шире, в рамках всего невербального кода, видоизменив иерархию по критерию «самодостаточность передачи информации»: эмблемы, адапторы, регуляторы, иллюстраторы, где степень самостоятельности убывает слева направо.

Несколько слов об этномаркированности невербальной семиотики. Хотя можно допустить универсальный характер кинетического поведения, однако степень яркости передачи эмоций на языке лица варьируется от высококонтекстной культуры к низкоконтекстной. К примеру, японцы руководствуются социальными законами, диктующими скрывать негативные эмоции в присутствии лиц более высокого статуса [Мацумото, 2003]. Судя по многочисленным описаниям невербальных культур, остальные виды невербального кода также идиоэтничны. Например, степень фиксации взгляда во время общения убывает от арабов к американцам и, далее, к японцам.

Также функционально значима «силентальная» составляющая коммуникации — молчание, с которым имеем триаду «речь vs. невербальный код vs. «нулевой» код». Логично считается, что молчание является иногда самым выразительным, полноправным речевым актом, хотя мысль не объективируется во внешней форме. По нашим наблюдениям, несовершенство «игры» с языковыми символами или индивидуальную дискурстактику можно «услышать» именно в молчании. Другой причиной отказа от речи является как раз мотив «ощущения несовершенства вербального средства относительно богатства мыслимого», который реализует функцию эмоциональной замены вербального общения (вид функции из классификации С. В. Меликян [2000]). Вскрыть реальное пропозициональное содержание молчания помогает совокупная семантика соответствующих кодов невербальной семиотики и социокультурного контекста.

Таким образом, к молчанию нельзя подходить как к не-выражению чего-нибудь посредством языкового знака: оно — не субститут вербального кода, а специфическая интравертированная форма самовыражения, которую следует интерпретировать на макроуровне этномаркированности и на микроуровне конситуативности. К примеру, представители племени западные апачи США сдерживают говорение в следующих ситуациях: 1) встреча с незнакомыми людьми, 2) ухаживание, 3) проезд домой детей из школы-интерната после долгого периода учебы, 4) рефлексия на поведение, выходящее за пределы нормы и этики (гневные нападки, оскорбления и т. д.), 5) присутствие человека в низком эмоциональном настрое (в трауре, в депрессии и т. д.) [Basso, 2007, с. 80–84].

Справедливо отметить, что воздержание от внешней коммуникации часто вызывается самой природой мыслительной деятельности — ее психо- и нейрофизиологическим механизмом. Речь идет о тенденции мысли к неумной дизъюнкции — разветвлению «или ..., или ...», т. е. о стремлении мысли обеспечить себе выбор. Данный принцип сродни с бифуркационным выбором в самоорганизующейся системе: траектория, по которой движется система, разделяется на ветви [Дашинимаева, 2009]. Несомненно, мышление — самоорганизующаяся система, которая в непрерывной когнитивной деятельности — будь то обработка результатов познания, или семиозис — постоянно прибегает к дизъюнкции. Хотя и стремится дизъюнктивный синтез к овнешнению в естественном языке, но не всегда он результируется в этом стремлении, выбирая более выразительное и рациональное, но трудное для изучения и понимания средство коммуникации — язык «silentes» (термин М. Эпштейна [2008]).

Заключение. Таким образом, аксиома неполной, иногда и неправдивой, овнешняемости помысленного в телах языкового кода, обоснованная лингвофилософскими, когнитологическими и семиотическими идеями, высветила ряд когнитивных факторов, обеспечивающих и подтверждающих заданное несоответствие. К другому семантическому миру, который вполне самодостаточно, иногда и более правдиво передает мысли субъекта или способствует языковому коду осуществить трансфер мысли, по праву относится невербальный код.

Homo sapiens познает внешний мир благодаря тому, как он осознанно и неосознанно учится декодировать огромное множество семиотических кодов, среди которых естественный язык с его многоступенчатым нейро- и психофизиологическим механизмом функционирования вызывает наибольшее количество вопросов типа: *Что он этим хотел сказать? Что осталось недосказанным? Насколько правильно он меня понял? Почему я не могу выразить то, что у меня на душе?*

Получается, во все времена *Homo loquens* находится в состоянии заданной когнитивной асимметрии: в условиях постоянного видоизменения внутреннего содержания индивидуума и этнокультурных конвенций общности остаются статическими лишь тела языкового знака.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXXII. Вып. 4. М., 1974. С. 320–330.
2. Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Общая лингвистика. Гл. VIII / ред. Ю. С. Степанова; пер. с фр. Ю. Н. Караулова. М., 1974. С. 104–114.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь / общ. ред. Г. Н. Шелогуровой. Изд. 5-е, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / пер. Д. В. Складнева. СПб., 2004.
5. Дашинимаева П. П. Методологический потенциал синергетики относительно изучения языка // Мат-лы научно-практической конференции «Язык. Культура. Коммуникация». Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. С. 37–43.
6. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. М. Фуко. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
7. Дэвидсон Д. Материальное сознание // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 131–144.
8. Каспранский Р. Р. Интерпретация актов молчания в дискурсе // Язык, дискурс и личность: сб. ст. Тверь: Изд-во ТГУ, 1990. С. 36–45.
9. Крейдлин Г. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 581 с.

-
10. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 414 с.
 11. Мацумото Д. Психология и культура. 1-е изд. Гл. 13 «Культура и невербальное поведение». М., 2003. 720 с.
 12. Меликян С. В. Речевой акт молчания в структуре коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. 177 с.
 13. Пиз А. Язык телодвижений (как читать мысли окружающих по жестам). М.: Эксмо, 2003. 262 с.
 14. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. 614 с.
 15. Серль Дж. Открывая сознание заново / пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. 240 с.
 16. Эйнштейн А. Замечания о теории познания Бертрانا Рассела // Собрание научных трудов. Т. IV. М.: Наука, 1967. С. 248–252.
 17. Barsalou L. W. Simulation, situated conceptualization, and prediction // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 2009. P. 1281–1289.
 18. Basso K. «To Give Up on Words»: Silence in Western Apache Culture // *A Cultural Approach to Interpersonal Communication: Essential Readings* / J. Monaghan & J. E. Goodman (Ed.). Blackwell Publishing, 2007. P. 77–88.
 19. Ekman P., Friesen W.V. The Repertoire of Nonverbal Behavior: categories, origins, usage and coding // *Semiotica*. 1969. V. 1. P. 49–98.
 20. Ekman P., Friesen W. V. Hand movement // *Communication*. 1972. V. 22. P. 353–374.
 21. Epstein M. Semiurgy: from language analysis to language synthesis // *Russian Journal of Communication*. 2008. № 1. P. 24–41.

УДК 821.512.31
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-243-247

ОБРАЗ МАЛОЙ РОДИНЫ В ПРОЗЕ БУЛАТА МОЛОНОВА

© Бадужева Гунсэма Цыдыповна

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
badgu@mail.ru

Образ малой родины, тоонто нютаг, в книге Б. Молонова «Танец орла» складывается из следующих составляющих: степи как национально маркированного пространства, Вечного синего неба, деревни, свободно парящего орла как тотемной птицы бурятского народа. Наиболее частотный образ — образ деревни, данный в значимой в прозе Б. Молонова оппозиции деревня/город, свой/чужой, — полон бытовых подробностей и мелочей, связанных с родным домом и родными людьми. Кровная связь с родиной помогает автобиографическому герою быть обращенным к себе настоящему, к своему истоку, своей личностной сущности, духовной основе жизни.

Ключевые слова: литература Бурятии, Булат Молонов, образ малой родины, тоонто нютаг, степь, деревня, город.

IMAGE OF SMALL HOMELAND IN PROSE BY BULAT MOLONOV

Gunsema Ts. Badueva

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
badgu@mail.ru

The image of a small homeland, “toonto nyutag”, in B. Molonov's work «Dance of the Eagle» consists of the following components: the steppe as a nationally marked space, the Eternal blue sky, the village, the freely soaring eagle as the totem bird of the Buryat people. The most frequent image — the image of the village, given in the significant opposition in the B. Molonov's prose — village vs city, one's own vs someone else's — is full of everyday details and trifles associated with one's home and native people. The blood connection with the homeland helps the autobiographical character to turn to his real self, to his origin, his personal essence, the spiritual basis of life.

Keywords: literature of Buryatia, Bulat Molonov, the image of a small homeland, toonto nyutag, steppe, village, city.

Образ родины — большой и малой — является одним из архетипичных образов любой национальной литературы. В прозе Бурятии составляющими образа родины выступают степь, поле, долины, горы, реки и озера, Байкал, деревня/улус, провинциальный город. Рассмотрим данный образ в прозе молодого писателя Б. Молонова, пишущего под псевдонимом Мобу, автора книги рассказов «Танец орла» (2014), лауреата литературной премии им. Исаия Калашникова (2016). С. С. Имихелова относит дебют прозаика на страницах журнала «Байкал» к наиболее запомнившимся [Имихелова, 2020, с. 166–167].

В прозе Б. Молонова, как и в произведениях К. Балкова [Бадужева, 2013], А. Мухраева, Б. Ширибазарова, Н. Хосомоева, Д. Самбуевой-Башкуевой, образ малой родины связан с родной деревней, в случае Молонова — Кижингой. Значимыми в авторской картине мира являются также образы степи как национально маркированного пространства, Вечного синего неба (слова о Вечном Синем Небе (здесь приведено авторское написание данного

словосочетания. — Г. Б.) звучат в книге рефреном, ритмизуя прозаический текст), свободно парящего орла как тотемной птицы бурятского народа.

Эпиграфом своей книги писатель выбрал строчки стихотворения Дондока Улзытуева: «Холын холо нютагта / Хотон айлаа ханахалши, / Буурал хүгшэн эжйдээ / Бусажа хооргоо ерэхэлши...» («Вдали на чужбине / Ты вспомнишь свой дом. / К седой бабушке / Ты вернешься вновь») [Мобу, 2014, с. 5], обозначив, таким образом, главную тему и сюжетобразующий образ — образ малой родины, «тоонто нютаг» [Там же, с. 67]. Путь лирического героя книги, построенной на переплетении воспоминаний детства и юности, пришедшихся на 1980–1990-е годы, и недавних в художественном хронотопе событий жизни бурята-мигранта в Корее, — путь возвращения домой, в родное пространство бурятских степей и Вечного синего неба, сначала из провинциального города, далее из большого города, а затем из-за границы.

Композиция произведения подчинена замыслу. Задающий тональность книги первый рассказ «Хэжэнгэ» можно определить практически как оду малой родине, родному для бурята пространству степи, верному спутнику-другу кочевника-степняка — коню. В эпилоге рассказа «Стрижка», расположенного в середине книги, в воспоминании лирического героя предстает образ родины, составленный из указанных выше символических образов: «<...> степь, ровная, как поверхность стола, местами поросшая кустарником, местами болотистая, местами с густыми перелесками, на южном горизонте виден хребет Ябаган Дабаана (Яблоновый хребет — здесь и далее приводятся перевод слов и примечания из текста. — Г. Б.), на севере — Кижинга, вытянувшаяся с запада на восток. Видна Челсана, видно, как идет на стрижку отара, погоняемая чабаном на низкорослом гнедом коне, и высокое Синее Небо, где парит бүргэд (орел), высматривая добычу в богатой кижингинской долине» (Мобу, 2014, с. 107). В завершающем книгу рассказе с символическим названием «Встреча» бывшие муж и жена в большом чужом городе случайно встречаются в переходе метро, обретая надежду на воссоединение, значит, на возвращение на родину.

Художественное пространство тоонто нютаг включает сквозные образы степи, родного села Кижинга, деревенских улиц и районов, в том числе Ленинзама, речек Кижинга и Кодун, соседних деревень Ушхайта, Загустай, Хуртэй и др., а также гору Челсана (Стрижка), Яблоновый хребет (Хэжэнгэ), «бууса (родовое место; стойбище, стоянка), что в местности Шанаа, в десяти километрах от центра» (Там же, с. 69), «Степь».

Наиболее частотный в анализируемой прозе образ Кижинги, как уже отмечено выше, появляется в самом первом рассказе «Хэжэнгэ». Родина предстает не только как родная деревня, но и как родная земля, степь, противопоставленная пространству города, так и оставшегося для героя чужим и даже враждебным: «<...> Я сию в кижингинской степи [здесь и далее курсив наш. — Г. Б.], собираю мангир (дикий лук), слушаю ветер, слушаю шелест травы, вдыхаю запах родной степи. <...> Мне хорошо от того, что я вырвался из городского ритма в родную степь, сменил горячие бетонные коробки на раздолье степи. <...> В синей дымке тонет Ябаган Дабаан (Яблоновый хребет), покрытый лесом, видна Кижинга; извиваясь, несет она свои воды в Кодун. Сию я и думаю, что зашибись, что есть на этом свете родина — такое место, где ты чувствуешь себя счастливым, куда ты наконец-то приехал. Вспоминаешь ее со щемящей душу тоской, когда ты далеко от нее. Вспоминаешь, как ты скакал по степи на коне, ветер бьет в глаза, а конь несет тебя по степи, сидишь в седле, отпустив узду, раскинув руки, запрокинув голову, глядишь на проносящиеся над тобой облака, а в сердце образ той, которая заполнила собой всю твою душу, <...>, кричишь на всю степь: „Чуло-о-о-о!“ — подгоняешь коня» (с. 11–12). Патетика признания в любви малой родине снимается использованием просторечных и жаргонных слов: чертовски, зашибись. Слова: «<...> Минии түрэл нютаг! Баян уужам

Хэжэнгэ!» Моя родина! Широкая раздольная Кижинга! (с. 12) — усиливают значимость для лирического героя анализируемого образа. В рассказах «Ансан» и «Танец орла» малая родина описывается через множество бытовых деталей, приобретающих в восприятии находящегося в Корее героя-рассказчика символическое значение: «<...> вспомнилась родная Кижинга со своим лаем собак, мычанием коров, с прохладными рассветами, с ясным Вечным Синим Небом, когда летом просыпаешься по утрам от: «Ээр! Ээр! Ээр!» — это кто-то выгоняет коров на пастбище» (с. 42); «<...> вижу перед своими глазами родную Кижингу. Ее улицы, залитые дождем, вижу свой родной дом, вижу лица родных, слышу песню вольного ветра, гуляющего по кижингинской степи, чувствую запах родной улицы. Стосковался я по тоонто нютаг» (с. 67). А в рассказе «Степь» герой думает о том, как, приехав домой и оседлав коня, улетит в степь, в которой нет «ни машин, ни асфальта, ни троллейбусов, ни гаишников со свистками, ни толпы в переходах метро, да и самого метро» (с. 69), и будет «смотреть в Вечное Синее Небо, думать о вечности и моем месте в нем» (с. 69). Национально маркированное пространство степи, в отличие от пространства города с его вечной суетой и шумом, дает возможность стать частью бытия.

Очень личностный для автобиографического героя Б. Молонова образ малой родины складывается также из значимых деталей и мелочей: снег («Ностальгия»); улицы Ленинзама, где «прошло мое детство», «бегал на речку» (с. 26), и совхозный детсад («Прогиб»); солнце, которое «дома светит иначе, светит по-другому» (с. 70); («Летит монета»); «зула (лампадка) на алтаре» (с. 147); («Пылма»); эрхэе (четки), «ногоон сай» (зеленый чай), «талхатай шүлэ» (суп с лапшой); («Нагаса эжы», «Пылма»), и др.

Использование разных способов восприятия мира — сенсорных образов (звуковых, осязательных): «слушаю ветер, слушаю шелест травы, вдыхаю запах родной степи» (с. 11), «родная Кижинга со своим лаем собак, мычанием коров» (с. 42), «слышу песню вольного ветра», «чувствую запах родной улицы» (с. 67), «в печке трещат дрова» (с. 34], «вдохнуть ее запах, такой родной запах моей нагаса эжы» (с. 36), «запах санзай, дыма» (с. 148) и др. способствует достижению особой пластичности образа родины, ее слышимого и осязаемого мира.

Образ *тоонто нютаг* неразрывно связан с большой бурятской семьей. Наиболее частотным из сквозных образов: бабушки («Нагаса эжы», «Пылма»), мамы («Нагаса эжы», «Тоска»), старшего брата («Ансан», «Зимний дождь», «Ахай», «А наш брат в армию уехал»), любимой («Для тебя», «Милая моя, солнышко лесное!», «Судьба», «Вечеринка», «Пылма») — является образ бабушки. С ней связаны тепло и уют родины: «Нагаса эжы (бабушка по материнской линии) как всегда сварила мелкую картошку в мундире. Дома тепло. В печке трещат дрова. Шэрэм дээрэ (на чугунной плите печки), на краю, чайник с горячим ногоон сай (зеленый чай). Мама сидит у себя в комнате и, обложившись книгами, пишет план урока, <...>. Ахай с абгай (брат с сестрой) смотрят телевизор. А мы с нагаса эжы сидим на кухне возле жарко натопленной печки и чистим картошку в мундире. <...> потом жарит с луком. Вкусно! <...>, и она мне рассказывает про свою жизнь (в ней отразилась история страны. — Г. Б.)» (с. 34–35); «<...> очень скучаю по своей нагаса эжы. <...> Как бы хотелось сейчас сидеть рядом с ней, чистить картошку в мундире и слушать ее рассказы. Как бы хотелось слышать ее голос. Как бы хотелось, чтобы она целовала меня в щеки, взяв в теплые ладони мою голову. Как бы хотелось съесть ее талхатай шүлэ (суп с лапшой). Никто так вкусно не варит талхатай шүлэ, как моя нагаса эжы. Как бы хотелось прижаться к ее груди и вдохнуть ее запах, такой родной запах моей нагаса эжы. Не знаю даже, что это за запах, но я узнаю его из тысячи других! Любимая моя нагаса эжы!» (с. 36); «Сейчас она, наверняка, сидит спиной к жарко натопленной печке и эрхэе татажа (перебирая четки) молится, чтобы у всех у нас все было хорошо» (с. 37), «<...> с ее песнями, когда щемит душу от протяжности и чего-то такого, которое

невозможно определить, которое можно лишь почувствовать, с ее запахом, запах санзай, дыма и еще чего-то непонятного. Приятный запах нагаса эжы» (с. 147–148).

Еще один сквозной образ-символ книги Б. Молонова — образ бургэд, орла, тотемной птицы бурят, одновременно общепринятый символ свободы и вольности, является отсылкой к национальным кодам. В тексте частотны упоминания как о самой птице, так и о танце орла, исполняемом борцами после победы: «Пластика, величие силы, красота движений, все, что есть у бурят красивого, — все в этом танце» (с. 67). Не случайно в чужом пространстве Сеула он тоскует о родине. Чтобы «избавиться от этой тоски», я, <...>, вдруг начинаю танцевать танец орла <...> *Я танцую танец орла! Я, стосковавшийся по тоонто нютаг бурят. Я весь в этом танце! Я выплеснул все, что не мог сказать словами, да и некому было сказать, да и нет таких слов. В этом танце я весь без остатка. <...>, вот он я — танцую танец Орла!*» (с. 67–68).

В художественной системе книги значимую роль играет оппозиция деревня/город, свой/чужой. На наш взгляд, современный автор продолжает традиционное в литературе противостояние, ярко и публицистически остро осмысленное русской «деревенской прозой». В рассказах почти не дается названий городов. Пространство Улан-Удэ и большого условного города предстает как чужое, так и не ставшее родным. Писатель усиливает негативное отношение к городу повтором прилагательного «чужой», ощущением одиночества и ненужности, гнетущим чувством тоски по родине: «пространство, брошенное между бетонными коробами и асфальтом» [Мобу, 2014, с. 70]; «<...> *тут он один и должен драться за себя, должен решить свои проблемы сам, не надеясь ни на кого. Не верь! Не бойся! Не проси!* Вот его девиз последние несколько лет, которые он живет в чужом городе, по волчьим законам, со злыми ментами, с дорогими ресторанами, с вредными кондукторами. Он идет, смотрит себе под ноги, идет в потоке людей, один из миллиона, <...>» (с. 181), «<...>, *они встретились в переходе метро чужого города, среди сплошного потока абсолютно чужих людей*» (с. 183), «*Сидят они в кафе, в чужом городе, в тысячах километров от своей родины, встретившиеся совершенно случайно в переходе метро, среди тысяч чужих людей, <...>*» (с. 183).

Значимость родины и осознание кровной связи с ней наиболее ярко предстает в рассказах, где действие разворачивается в другом государстве. Для героя Молонова Южная Корея — это не путешествие по стране с интересной культурой и не город-мегаполис Сеул, а тяжелый труд на чужбине и маленькие города (Ансан, Сувон, Осан и др.) с грязными улицами, чаще даже предместья городов и деревушки, например, Пучонэ, куда он и земляки-буряты вынуждены ехать на заработки. Это чужое, зачастую враждебное пространство: «*Я стою на перроне в совершенно чужом городе абсолютно чужой страны, <...>*» (с. 50), где вместо дома — «душный контейнер» (с. 173). Дни заполнены однообразной неинтересной жизнью, механически выполняемым трудом, выпивкой, пустыми разговорами, компьютерными играми, гнетущим чувством тоски по родному дому и родине: «Заела Мунко эта жизнь в Корее, работа, <...>. Заело Мунко вставать каждое утро в 6:00. Он ненавидит свой будильник, <...>» (с. 173).

Герой книги Молонова, оказавшись вдали от родины, осознает ценность *тоонто нютаг*, родного дома, семьи. Это завязка нового сюжета — сюжета возвращения. Возвращение на родину осмысливается как возвращение к себе настоящему, к своему истоку, своей личностной сущности, духовной основе жизни, а также к родовому началу, являющемуся одним из способов преодоления катастрофизма жизни.

Литература

1. Бадужева Г. Ц. Реализация концепта «родная земля» в художественном пространстве прозы К. Балкова // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. «Язык. Литература. Культура». 2013. № 1. С. 135–141.

2. Жамбалова С. [О спектакле «Корея 03»] // Участник программы «Маска Плюс» фестиваля 2022: Сайт «Золотая маска» — фестиваль и премия». URL: https://goldenmask.ru/spect_2445.html
3. Имixelова С. С. Роль журнала «Байкал» в литературной жизни республики. Рассказ на страницах журнала // Имixelова С. С. Мозаика национальной жизни: о литературном процессе в Бурятии (2010-е годы): монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. С. 165–174.
4. Мобу. Танец орла. Улан-Удэ, 2014. 192 с.

УДК: 821.512.36
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-248-252

**СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
БУДДИЙСКОЙ ЛЕГЕНДЫ О ШАМБАЛЕ В РОМАНЕ «ГЭГЭЭНТЭН»
МОНГОЛЬСКОГО ПИСАТЕЛЯ Г. МЭНД-ОӨЕО**

© **Балданмаксарова Елизавета Ешиевна**

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Россия, г. Москва
liza.bur@mail.ru

Дан анализ исторического романа «Гэгээнтэн» (Святой) современного монгольского писателя Гомбожавын Мэнд-Ооео. Предпринята попытка определить авторский подход Г. Мэнд-Ооео к художественному осмыслению неоднозначно воспринимаемого в монгольской историко-культурной среде XIX в. образа буддийского религиозного деятеля, монаха-философа, просветителя и поэта, драматурга Дулдуйтын Данзанравджа. Особое внимание уделяется своеобразию художественной интерпретации известной легенды, занимающей важное место в монгольской культуре до настоящего времени, о сакральной стране Шамбала в рамках буддийского учения Калачакра, нашедшей свое выражение как в устной, так и в письменной традиции народов Центральной Азии, придерживающихся буддийской религиозно-философской системы.

Ключевые слова: монгольская литература, Г. Мэнд-Ооео, Д. Данзанравджа, легенда о Шамбале, шамбалинская война, Калачакра.

**ORIGINAL CHARACTER IN ARTISTIC INTERPRETATION
OF BUDDHIAN LEGEND ABOUT SHAMBALE IN THE NOVEL
«GEGEENTEN» BY MONGOLIAN WRITER G. MEND-OOYO**

Elizaveta E. Baldanmaksarova

Dr. Sci. (Phil.), A/Prof.,
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Russia, Moscow
liza.bur@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the historical novel «Gegeenten» (Saint) by the modern Mongolian writer Gombozhavyn Mend-Ooyoo. An attempt is made to determine the author's approach of G. Mand-Ooyoo to the artistic comprehension of the ambiguously perceived in the Mongolian historical and cultural environment of the 19th century. the image of a Buddhist religious figure, monk-philosopher, educator and poet, playwright Dulduityn Danzanravja. Particular attention is paid to the original character of the artistic interpretation of the well-known legend, which occupies an important place in Mongolian culture to this day, about the sacred country of Shambhala in the framework of the Buddhist teachings of Kalachakra, which has found its expression both in the oral and written traditions of the peoples of Central Asia, adhering to the Buddhist religious and philosophical systems.

Keywords: Mongolian literature, G. Mend-Ooyoo, D. Danzanravja, the legend of Shambhala, Shambhala war, Kalachakra.

Монгольская литература стала развиваться в первой половине XIII в. Неоценимый вклад в развитие литературного процесса XIII–XX вв. внесла индо-тибетская переводная литература и культурные взаимосвязи, а также буддизм, который стал государственной религией монголов, начиная с Юаньской династии правления в Китае. Наиболее широкое распространение в Монголии получает буддийская религиозно-философская литература начиная с XVII в. Для нее характерны шастры, сутры и тантры, с помощью которых осу-

ществлялась передача базовых буддийских духовных ценностей. В числе классического индо-тибетского философского наследия особое место занимает буддийская легенда о священной стране Шамбала, вошедшая в учение о Калачакре (XI в.). Уже тысячи лет легенда о Шамбале занимает одно из важных мест как в письменной, так и в устной традиции народов Центральной Азии.

Исторический роман «Гэгээнтэн» (Мэнд-Оойо, 2012) современного монгольского писателя Гомбожавын Мэнд-Ооео (род. в 1952 г.) посвящен жизни и творчеству Дулдуйтын Данзанравджа (1803–1856) — буддийского религиозного деятеля¹, просветителя, известного монгольского поэта, философа и драматурга XIX в. Именно с его именем связаны в Монголии легенда о Шамбале и особые энергетические места в гобийских песках, которые связывают с северным входом в сакральную страну Шамбала.

Несколько слов об авторе романа. Г. Мэнд-Ооео свою творческую деятельность начал как поэт. Он известен как автор более 50 художественных книг: стихов, эссе, очерков, романов, которые довольно активно переводятся на другие языки. Сфера деятельности Г. Мэнд-Ооео на сегодняшний день весьма обширна, он увлекается монгольской каллиграфией и с 2006 г. организует ежегодную выставку. Как инициатор и один из руководителей комплекса «Миджид Ченрезиг», он внес огромный вклад в восстановление, сохранение и изучение историко-культурного наследия монголов. Выход романа «Гэгээнтэн» (2012) стал событием в культурной жизни Монголии, автору присуждена престижная литературная премия «Золотое перо» (2012). Сейчас его имя известно далеко за пределами Монголии. За поэтическое творчество ему присуждена премия «Золотая корона» Всемирного конгресса поэтов (Венгрия, 2009), он удостоен Гран-при Международной академии им. Михая Эминеску (Румыния, 2014) и мн. др. Первым из поэтов и писателей он получил высшую награду Монголии — орден Чингисхана (2015). В настоящее время Г. Мэнд-Ооео — видный общественный деятель, президент Монгольской академии культуры и поэзии, постоянный член Всемирной академии искусств и культуры и избранный вице-президент Всемирного конгресса поэтов.

Композиционно роман состоит из двух параллельных частей, тесно связанных между собой и активно дополняющих друг друга. Действие одной части происходит в XIX в., второй — в XX в. Сразу отмечу: автору исторического романа, посвященного монгольскому святому-перерожденцу², йогину XIX в. Д. Равджа, удалось, насколько это возможно, вникнуть и художественно изобразить многогранную деятельность буддийского монаха-красношапочника³, квалифицированного тантриста, посвященного в эзотерические знания и реально практикующего со своими учениками.

Роман начинается со слов, известных каждому монголу, что пустыня Гоби — это своего рода вселенная, хранящая много нераскрытых и неизведанных тайн. К одной из таких тайн оказался причастным восьмидесятилетний старик Тудэв — тахильч, то есть хранитель памяти Пятого докшин нойон-хутагты Данзанравджа. В 1937 г., когда ему исполнилось 25 лет, он тайно принял на себя обязанности хранителя (тахильч), при этом дав клятву верности. Первым хранителем Равджа-хутагты после его ухода в новое перерождение стал его ученик, лама Бальчинчойджо, один из предков старика. Тудэв, получивший буддийское образование, стал *тахильч* в пятом поколении. Избежать обязанностей

¹ Д. Равджа известен как пятый святой перерожденец, «Докшин Ноен Хутукта».

² В связи с распространением буддизма в Монголии (конец XVI — нач. XVII в.) как часть религиозной системы начал складываться институт перерожденцев. Первыми представителями являются Богдо-гэгэн Дзанабазар, Шаханзын-гэгэн, Гобийский пятый докшин ноен-хутагта Д. Данзанравджа и др.

³ В тибетском буддизме традиционно сложилась четыре направления (или школы): Ньингма, Сакья, Кагья (или красношапочники), Гелукпа (или желтошапочники).

хранителя нельзя было никому из их рода, ибо у всех у них на спине проявлялось родимое пятно в виде луны — символический знак, отправленный, как считает Тудэв, Равджахутакой из священной страны Шамбалы, где он переродился. Именно бывшему ламе Тудэву с 30-х по 80-е гг. прошлого столетия, когда все связанное с буддизмом нещадно уничтожалось в монгольских степях, пришлось тяжелее всех нести это бремя по защите и сохранению интеллектуального, духовного и материального наследия Равджахутакты. Однако он достойно справился со своей задачей и сумел передать своему внуку Алтангэрэлу — тахильч в шестом поколении, во-первых, великую веру в святость личности Равджды, который сумел, по их мнению, достичь райской страны Шамбалы. А во-вторых, сохранить и передать в музей в начале 2000-х гг. хранившееся в пещерах гор и под землей, оставшееся ценное наследие — книги, личные принадлежности, буддийские религиозные атрибуты, уникальные театральные костюмы, декорации и др.¹ великого поэта, драматурга, живописца, буддийского гуру и религиозного деятеля.

Г. Мэнд-Ооео был лично знаком и дружил с Алтангэрэлом (1960–2019), который впитал и унаследовал от своего деда буддийскую духовную культуру, народную мудрость. Писатель не раз приезжал в г. Сайшанд, посещал буддийский храм «Хамрийн хийд», медитировал в пещерах, сохранившихся со времен Равджахутакты и его учеников. В одном из интервью Мэнд-Ооео признавался, что последние главы романа написаны им именно в окрестностях «Хамрийн хийд» [Менд-Оойо: эл. ресурс].

Несомненно, Мэнд-Ооео как автор романа «Гэгээнтэн», приступая к изложению художественной биографии буддийского святого, хорошо изучил средневековую монгольскую литературу, стихотворные сочинения, написанные в жанре агиографической литературы, в чем можно убедиться при чтении романа. Основная тема произведения посвящена духовному развитию Д. Данзанравджа. Свидетельством этому являются сновидения, символические видения во время ретрита и в промежутках между медитациями, песнопения, отрывки из его стихотворных произведений, которые занимают немалую часть текста романа. Д. Равджа как продолжатель школы Кагью был прекрасно знаком с творчеством великого духовного учителя этой линии, тибетского поэта Миларепы (XI–XII вв.), который стал ярким образцом «безумного йогина». Как и Миларепа, Равджа — «докшин хутукта», то есть «безумный святой», «гневный святой». Автор романа рисует его человеком с необычным и независимым характером и своеобразным поведением. Более всего он стал известен как инициатор и организатор религиозно-просветительской школы как учебного заведения для передачи индо-тибетских буддийских ценностей и традиционного культурного наследия монголов своим ученикам.

Пятый докшин Равджахутукта — личность, ярко одаренная художественно, имел эмоциональный и живой характер. Как характерную особенность можно отметить такое его качество, как умение излагать сложные буддийские понятия, категории буддийской культуры ясно и доходчиво в духовных песнях, в устных рассказах, в передачах «из уст в уста», т. е. непосредственно от учителя к ученику. Одной из его заслуг является практическое внедрение на монгольской почве медитативного отречения в пещерах вокруг храма «Хамрийн хийд». Это место, по его духовному видению, является местом получения благословения от шамбалинских святых, а вершина горы Золотой Гавал, что в окрестностях «Хамрийн хийд», — это круг шамбалинского Колеса времени (Калачакры) на Земле, и, поднимаясь по хрустальной лестнице, можно пройти через северный вход в сакральную страну Шамбала. Равджахутукта, как описано в романе, любил обсуждать со своими уче-

¹ Считается, что из 1500 реликвий было спасено 64. В данное время они хранятся в музее Д. Данзанравджа в г. Сайншанд.

никами тему о перерождении в Шамбале, об участии в шамбалинской войне под руководством владыки шамбалы, коллективно произносились шамбалинские благопожелания.

На рубеже последних веков понятие «Шамбала» в мировом кинематографе и художественной литературе набирает обороты и, надо отметить, что нет числа различным спекуляциям на эту тему. Чаще всего Шамбала интерпретируется как тайное королевство, вход в которое затерян в Гималайских горах. Как видно из романа Мэнд-Ооео, для монголов чистая земля Шамбалы, которая реально существует в иных параллельных мирах, далека от расхожих современных интерпретаций легенды. Она воспринимается монголами как очень важная часть настоящей и будущей реальности. Согласно пророчествам, эта предстоящая реальность проявится во время Шамбалинской войны.

Зададимся вопросом, почему для буддиста важно после земной жизни переродиться в Шамбале, особенно во время решающей битвы? Почему он молится о том, чтобы переродиться хотя бы насекомым и быть раздавленным в этой битве? Эти кардинальные вопросы, связанные с кармой человека, с проблемами трансформации и нравственного совершенства, актуализируются во времена сильнейшего кризиса ценностей и смыслов жизни, когда размываются в обществе основные жизненные ориентиры и нарастает разрыв между внешним материальным благополучием и все увеличивающейся духовной опустошенностью. Связь с Шамбалой, получение оттуда знаний, особенно полного учения Калачакры (Колеса времени) необходимы для предстоящей кармической трансформации человека и человечества в целом, которая изменит в итоге саму природу реальности на Земле. Смерть в этой битве считается по легенде одним из лучших благословений для человека и дает возможность ему переродиться в «чистой земле» или обрести свободу от круговорота сансары.

Буддийская легенда о Шамбале, о скором наступлении новой эры Шамбалы — одна из самых необычайно популярных в Монголии в XIX — начале XX в. Об этом свидетельствует академик Ш. Бира: «На улицах столицы Монголии он (Н. К. Рерих. — Е. Б.) встречал отряды кавалеристов, которые пели песню о Шамбале, сочиненную бойцами Сухэ-Батора. Песня называлась «Война Северной Шамбалы» (Джан Шамбалын дайн), в которой есть такие строки: «Война Северной Шамбалы! / Умрем в войне этой, / Чтоб переродиться вновь / Как рыцари Владыки Шамбалы» [Бира, 2007, с. 226–227]. Известен особый интерес Н.К. Рериха к легенде о Шамбале во время его посещения Монголии в 1927 г. в рамках Центральноазиатской экспедиции. Он рассматривал ее как «составную часть общечеловеческого поверья в Мессию, в наступление будущей счастливой эры. В этом универсальном характере веры и надежды людей разных стран он видел общность мировой цивилизации и потенциальную возможность сближения и единения народов мира» [Там же]. Под впечатлением рассказов о Шамбале Н. К. Рерих написал картину «Великий Всадник или Владыка Шамбалы Ригден Дагба Джапо» (1927) и подарил ее Монгольскому правительству¹. Известно, что Н. К. Рерих верил в приближение совершенно новой эры и начало ее связывал с просторами Центральной Азии. На его картине Владыка Шамбалы пронесется над ней, возвещая для Азии новые времена. А внизу символически изображен Улан-Батор у подножия священной горы Богдо-уул.

Художественно исследуя жизненный и творческий путь буддийского святого ламы Д. Равджа, Г. Мэнд-Ооео, естественно, не смог обойти тему, волнующую каждого буддиста — тему об очистительной Шамбалинской войне, в которой, согласно буддийским астрологическим, а также эзотерическим текстам, будут разбиты все силы зла. Более того, нужно сказать, что она проходит красной линией через весь роман. Автором привле-

¹ Эта картина сейчас хранится в Национальном музее изобразительного искусства в Улан-Баторе.

кается чисто монгольский материал, соответственно излагается монгольская интерпретация бытования буддийской легенды о Шамбале, что придает тексту данного исторического романа особую самобытность и оригинальность в изложении этой вечно современной и животрепещущей темы.

Литература

1. Бира Ш. Н. К. Рерих как великий монголист-художник // Бира Ш. Түүвэр зохиолууд. Collection of Selected Papers. Ш. Бирагийн 80 насны ойд зориулав. Улаанбаатар: Бемби сан, 2007. С. 223–228.
2. Мэнд-Ойо Г. Гэгээнтэн. Монгол роман = Святой. Монгольский роман. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 2012. 346 с. (На монг. яз.)
3. Мэнд-Ойо Г. Намтар. Чөлөөт нэвтэрхий толь — Википедиагаас. = Биография. Свободная энциклопедия. URL: <https://mn.wikipedia.org/wiki/>; (дата обращения: 08.02. 2022). (На монг.яз.)
4. Мэнд-Ойо Г. Монгол бичгээс аялгуу сонсогдож байна гэж гаднынхан дуу алдсан // «Өнөөдөр» сонины сурвалжлагчаар Төрийн шагналт, зохиолч Ц. Бавуудорж Соелын гавьяат зүтгэлтэн, зохиолч Г. Мэнд-Ооеотой ярилцаа = Мэнд-Ойо Г. Иностранцы говорят, что монгольская речь подобна мелодичному звучанию // «Сегодня»: Диалог лауреата Государственной премии, писателя Ц. Бавуудорж и заслуженного деятеля культуры писателя Г. Менд-Ойо.
5. URL: <http://mongolnews.mn/i/53336> (дата обращения: 08.02.2022). (На монг.яз.)

УДК: 811.512.31

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-253-256

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДЕСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ
БУДДИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ)**

© Будажапова Лариса Батуевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры бурятского языка и методики преподавания,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
budlara@mail.ru

Анализируется функционирование деспециализированных единиц буддийской терминологии в бурятском языке. Деспециализация буддийских терминов происходит в результате их проникновения в общеупотребительный язык, который характеризуется сохранением основного значения. Процессы деспециализации иллюстрируются примерами из материалов региональных СМИ.

Ключевые слова: буддийские термины, деспециализированные единицы, функционирование, общеупотребительная лексика, бурятский язык.

**SPECIALIZED UNIT FUNCTIONING
IN BUDDHIST TERMINOLOGY IN THE BURYAT LANGUAGE
(BASED ON THE MATERIALS OF REGIONAL MEDIA)**

Larisa B. Budazhapova

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Department for Buryat Language and Teaching Methods,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
budlara@mail.ru

The article is devoted to the functioning of the specialised units in Buddhist terminology in the Buryat language. The stage of de-specialization of the Buddhist terms results from their penetration into the common language, which is characterised by the preservation of the basic meaning. The process of de-specialization is illustrated by examples from regional media materials.

Keywords: Buddhist terms, specialised units, functioning, common vocabulary, Buryat language.

Одним из способов обогащения словарного состава любого языка является процесс детерминологизации, когда общеупотребительные слова образуются от слов специальной лексики — терминов. В бурятском языке таким донором являются буддийские термины [Будажапова, Харанутова, 2020]. Известно, что процесс проникновения терминов в общеупотребительный язык характеризуется двухэтапностью, когда первый этап — деспециализация — представляет из себя временные выходы буддийских терминов в общеупотребительный язык в узкоспециализированном значении. Некоторые из таких деспециализированных единиц адаптируются в общеупотребительном языке и, более того, переходят в разряд общеупотребительных слов — происходит процесс детерминологизации (завершение второго этапа) [Там же].

В представленной работе рассматривается процесс деспециализации буддийских терминов, который определяется как «функционирование специальных единиц в общеупотребительном языке (в разговорной речи, публицистическом стиле и в языке художественной литературы как составляющих общелитературного языка) при сохранении ос-

новного терминологического денотата (под денотатом мы понимаем основное значение языковой единицы в отличие от ее коннотации или сопутствующих семантико-стилистических оттенков» [Макарова, 2007, с. 18].

Понятно, что использование термина в узкоспециальном значении в тексте адресовано не только специалистам, но и другим носителям языка. При этом огромная армия терминов деспециализируется, но только единичные, избранные термины проходят процесс детерминологизации, т. е. при деспециализации не всякий термин выходит за рамки своего узкоспециализированного употребления. Возникают вопросы, в чем причина такой избранности и как язык выделяет из деспециализированных единиц те термины, которые могут мигрировать в общеупотребительную лексику?

Рассмотрим на примере буддийской лексики функционирование деспециализированных единиц на материале региональных СМИ, условно разделив их на 2 группы: в первую группу входят деспециализированные буддийские термины, введенные в общеупотребительный текст без комментариев и пояснений, во вторую группу — буддийские термины с комментариями.

Функционирование первой группы, безусловно, связано с известностью буддийского термина широкой аудитории, в связи с чем не требуется его толкование: «*Бүхы зондо аша туһатай, бурханай боди сэдьхэлтэй Римбүүшын ажаябуулга тухай эрдэмтэ хөөрэжэ үгэбэ*». — «Ученый рассказал о просветительской деятельности досточтимого Римпоче» [БҮ, 2019, 24 апреля]. Буддийский центр «Римпоче Багша» является одним из самых популярных в Бурятии, и имя досточтимого Еши Лодой Римпоче известно многим людям. Поэтому в языке региональной газеты «Буряад Үнэн» (БҮ) Республики Бурятия этот термин используется без толкования на бурятском и русском языках. В буддийской терминологии *Римпоче* заимствован из тибетского языка «*rin-po-che*» — буквально означает ‘драгоценный’ — уважительный титул для именованья высших лам и перерожденцев (тулку) в тибетском буддизме и в религии Бон. Титул Римпоче прибавляется к имени ламы [<https://academic.ru/>].

Употребительность деспециализированного термина *Римпоче* характеризуют многочисленные примеры из материалов региональных СМИ: «*Үндэр түрэлтэ Далай лама Бакула Римбүүшын дасанда морило*» — «Высококочтимый Далай лама прибыл в дацан Бакула Римпоче» [БҮ, 2019, 24 апреля]. Из данного текста понятно, что дацан Бакула Римпоче находится в Монголии, так звали досточтимого буддийского деятеля Бакула Римпоче, который в последние годы жизни был послан Индия в Монголии. Следует отметить, что буддийский термин *Римпоче* стал широко известен только в последние годы, о чем свидетельствуют материалы письменного корпуса литературного бурятского языка. Нами не найдено ни одного вхождения в Бурятский корпус (БК) [<http://buriat.web-corpora.net/>]. Безусловно, термин *Римпоче* относится именно к деспециализированным единицам, для детерминологизации требуется более длительный срок употребления и адаптации.

Если все же термин *Римпоче* стал широкоупотребительным в последнее время, то такие деспециализированные термины, как *хуварак* ‘послушник, ученик, последователь’, *субарга* ‘субурган, ступа’, *гороо* ‘хождение посолонь кругом дацана, его ограды’, ведут себя как полноправные члены общеупотребительной лексики бурятского языка: «*Дамба Даржа Заяевой нэрэмжэмэ «Даши Чойнхорлин» гэнэн Будаадын ехэ хургуули мүнөө жэлдэ яһала олон хубарагуудые абаа*» — «Буддийский университет «Даши Чойнхорлин» принял в этом году достаточное количество **хувараков**» [БҮ, 2021, 17 сентября]. «*Мүнөөдэр, Дашиниматай Бальжиниматай үдэр, субаргынгаа арамнай Доодо Ивалга нутагаархид үнгэргэбэд*» — «Сегодня в день Дашинимы и Бальжинимы, жители села Нижняя Иволга провели освящение субургана» [БҮ, 2020, 14 октября]. В тексте буддийский термин *день Бальжинимы и Дашинимы* дается без каких-либо комментариев, так

как известно, что по буддийскому календарю это благоприятные дни. Еще один пример общеупотребительного деспециализированного термина без комментария: «Ганжуур ламын заабаряар хүбүүд **гороо** хэхээ ошобо» — «По наставлению Ганжур-ламы молодые люди пошли делать гороо вокруг дацана» [БҮ, 2019, 06 июля].

Частотное использование некоторых деспециализированных единиц приводит не только к их узнаваемости, мы считаем, что они готовы к переходу в детерминологизированные единицы. Наверное, именно термины без комментариев близки к переходу во вторую группу, группу детерминологизированных терминов: «*Үбэлэй һүүл һара гэжэ тоологдодог гуран һарын 30-ай һүниин тэндэ, Шулуутайн дасанда тон ехэхэн мүргэл хурал болодог һэн*» — «В последний месяц зимы, в 30-й день по лунному календарю, в Шулуутском дацане обычно проходил большой хурал» [БҮ, 2019, 24 февраля]. Термин *хурал* употреблен в прямом значении: ламское богослужение (букв. собрание монахов) [БРС, 2008, т. 2, с. 466].

Кстати, в языке региональных СМИ наблюдается употребление деспециализированных буддийских терминов без комментариев, хотя они нуждаются в толковании и разъяснении. Например: в статье «*Бурхан шажанай бүтээлнүүд*» — «Буддийские практики» [БҮ, 2020, 24 апреля] без комментариев приводится термин **бүтээлдэ**: «*Үлзы дэмбэрэлтэй энэ бүтээлдэ Улаан-Удын болон ойро шадарай бүхы зон уригдана*» — «На буддийскую практику приглашаются жители ближних районов и Улан-Удэ» (перевод автора). Считаем, что этот термин необходимо пояснять, так как в бурятском языке функционируют омонимы *бүтээл* 'I — изделие' и *бүтээл* 'II — созерцание' [БРС, 2006, с. 166].

Требуется пояснения и употребляющийся в языке СМИ буддийский термин *Хандамаа*. Ни в заглавии статьи «*Боди һайхан сэдхэлтэй Хандамаа*» — «Достоцимая *Хандамаа*»), ни в самой статье не встречается толкование данного термина [БҮ, 2020, 19 марта]. Кстати, и в бурятско-русском словаре [2008] нет толкования термина *Хандамаа* [2008], а вот в словаре заимствованных слов О. Сүхбаатара термин означает «огторгуйгаар явагч эх», — 'небесная фея'.

К сожалению, буддийские термины, нуждающиеся в комментировании, частотны в языке региональных СМИ. Думается, что такие термины, как *бүтээл* и *Хандамаа*, относятся ко второй группе деспециализированных буддийских терминов.

Вторая группа деспециализированных буддийских терминов, характеризующаяся меньшей узнаваемостью, требует комментирования и пояснения: *Буряад зон хии мориео Сагаалганай шэнын хоёрдоху үдэр хиидхэдэг заншалтай. Юундэб гэхэдэ, энэ үдэр бүхы буряад дасангуудта үглөөнһөө эхилжэ «Табан Хаан» хурал хурагдадаг, хуралай үедэ «Хий морин сан» уншагдадаг. Бэеын элүүр энхэ, үбиэн зоболонгуй, гэр бүлэдөө амгалан һайн, золтой жаргалтай, ажал хэрэгтээ урагшатай, солгеон ябахын тула хүн хии мориео хиидхүүлдэг.* — «Во второй день Нового года по лунному календарю принято вывешивать *хий морин*. Потому что в этот день во всех дацанах Бурятии с утра проводится хурал «*Табан Хаан*» — «Пять царей», во время которого начитывается и книга «*Хий морин сан*» — «Очищение коня удачи». Ритуал «*Хий морин*» — «Конь удачи», — один из самых действенных способов привлечения удачи. Сами флажки, символизирующие энергию человека, вывешиваются на ветру, и их колыхание усиливает внутреннюю энергию человека» [БҮ, 2017, 03 февраля].

Интересную статью в социальных сетях «в Контакте» с заглавием «*Аграмба* из Курumkanа» автор текста опубликовал для своих друзей-подписчиков. В ее содержании он подробно комментирует значение этого буддийского термина: «*Аграмба* — ученая степень лам по факультету агпа; означает «совершенный знаток символики»; присваивается после 17 лет пребывания в дацане, когда лама усвоил философскую сторону тантр, два сочинения Цзонхавы — «*Арим-чэмо*» — «Большая степень тантр» и «*Дэлба-шибраг*».

При функционировании за пределами своей специальной сферы термин может менять семантическую структуру.

Итак, для бурятского языка характерен процесс деспециализации буддийских терминов, который является яркой иллюстрацией развития буддизма. Деспециализированные терминологические единицы в языке СМИ и разговорном бурятском языке сохраняют свое основное значение, т. е. изменяется только сфера функционирования. Считаем, что употребление деспециализированного буддийского термина в языке СМИ должно сопровождаться комментариями, толкованием, пояснением, даже если этот термин на «слуху» и легко узнаваем.

Литература

1. Будажапова Л. Б., Харанутова Д. Ш. Детерминологизация в бурятском языке (на материале заимствованных буддийских терминов) // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 4(48). С. 54–59
2. Будажапова Л. Б. Детерминологизация в бурятском языке (на примере буддийского термина *ном*) // Вестник Бурятского государственного университета. 2020. Вып. 4. С. 104–109.
3. БРС — Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 1: А–Н / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Респ. типография», 2006. 636 с.
4. БРС — Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 2: О–Я / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Респ. типография», 2008. 708 с.
5. Макарова А. А. Детерминологизация единиц языка экономики и бизнеса в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.
6. URL: <https://academic.ru/>
7. URL: <http://buryat.web-corpora.net/>
8. Буряад Үнэн. 2015–2021. В ссылках БҮ.

V. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 37.018.523(517.3)+470
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-257-262

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ В МОНГОЛИИ И РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

© **Дагбаева Нина Жамсуевна**

доктор педагогических наук, профессор,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
ndagbaeva@mail.ru

© **Содномова Надежда Бадма-Цыреновна**

кандидат педагогических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
nadezhda_2005@mail.ru;

© **Уржинсурен Жаргал**

PhD, преподаватель,
Улан-Баторский университет
Монголия, г. Улан-Батор
urjee_73@yahoo.com

В статье раскрываются роль сельского педагога в современных условиях местного сообщества и технологии его профессионального роста. Для сельских школ обеих стран, России и Монголии, характерны схожие проблемы: нехватка педагогических кадров, их устаревание, нежелание молодых учителей оставаться на селе, сложности в повышении квалификации, большие расстояния и удаленность многих сел от центра. Схожим частично можно назвать традиционный уклад жизни в селе и единый этнический менталитет монголов и бурят. Касаясь технологий повышения профессионального роста сельского учителя, очевидно, что эти задачи должны решаться в русле компетентностного подхода, гуманистической направленности, гуманитаризации образования, вариативности образовательного процесса, самостоятельного получения знаний, перераспределения теоретического, практического, гуманитарного и естественнонаучного знания, использования достижений современных информационных и телекоммуникационных технологий. Среди технологий развития профессионального роста учителя мы выделяем несколько эффективных форм работы, таких как «обучение на рабочем месте», использование интерактивных форм на курсах повышения учителей начальных классов, а также использование онлайн-форм обучения в период эпидемии.

Ключевые слова: образование, обучение, сельский учитель, профессиональное развитие, технологии профессионального роста, компетенции, профессиональные умения.

CONTEMPORARY CHALLENGES OF RURAL TEACHERS IN MONGOLIA AND RUSSIA: PROFESSIONAL DEVELOPMENT PROSPECTS

Nina Zh. Dagbaeva

Dr. Sci. (Ped.), Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude

ndagbaeva@mail.ru
Nadezda B.-C. Sodnomova
Cand. Sci. (Ped.)
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
nadezhda_2005@mail.ru;

Urjensuren Jargal
PhD in Education Science, Lecturer,
Ulaanbaatar University
Mongolia, Ulaanbaatar
urjee_73@yahoo.com

The article reveals the role of a rural teacher in the current conditions of the local community and the technology of their professional growth. Rural schools in both countries, Russia and Mongolia, are characterised by similar problems: lack of teaching staff, obsolescence of personnel, and unwillingness of young teachers to stay in the countryside, difficulties in raising their qualifications, long distances and remoteness of many villages from the centre. One can note the similar traditional lifestyle in the village, and ethnic mentality of the Mongols and Buryats. Regarding the technologies for increasing the professional growth of a rural teacher, it is obvious that these tasks should be solved in line with the competence-based approach, humanistic orientation, humanization of education, the variability of the educational process, self-acquisition of knowledge, redistribution of theoretical, practical, humanitarian and natural science knowledge, use of the achievements of modern information and telecommunication technologies. Among the technologies for the development of teacher professional growth, we highlight several effective forms of work such as «on-the-job training», the use of interactive forms in advanced training courses for primary school teachers, as well as the use of online forms of education during the epidemic.

Keywords: education, training, rural teacher, professional development, technologies of professional growth, competencies, professional skills.

Введение. В любом государстве, на каком бы этапе развития оно ни находилось, человеческий ресурс играет важную роль, и речь не просто о рабочей силе. Это в особой степени касается роли учителя, особенно сельского. Сельская школа как в Монголии, так и в России — это не просто образовательное учреждение, это центральная составляющая самого уклада жизни, духовный центр окружающего социального пространства, обеспечивающий сохранение и трансляцию культуры, исторических традиций народа. Она является мощным фактором развития всего деревенского социума. В отличие от города, главным фактором в образовании и сохранении сельского населенного пункта является не наличие в нем конкретного предприятия и даже не количество рабочих мест, а прежде всего наличие в нем школы. В практике известны многие случаи, когда сохранение школы обеспечивало спасение угасающей жизни деревни. Есть хорошая школа — будет хорошее село, а значит, будет регион, будет страна, будет само общество. Поэтому без преувеличения можно говорить о том, что сельские школы составляют важный стратегический резерв государства.

В Республике Бурятия, в восточном регионе России, это в полной мере относится к сельским школам, которые являются системообразующими для местного социума. Кадровая ситуация в сельских районах достаточно проблемная — это неполная укомплектованность общеобразовательных учреждений, расположенных в сельской местности, недостаточный уровень квалификации учителей, старение кадров.

Так, в одном из сельских районов Бурятии, на родине Доржи Банзарова в Джидинском районе, 28 муниципальных образований, общее количество учителей во всех МО составляет за последние два года порядка 640 человек. Большая часть учителей — это педагоги

со стажем более 20 лет, а пополнение молодыми людьми составляет только около 6%. Количество молодых учителей со стажем до 5 лет составляет всего 15,2% в 2020 г. и 13,1% в 2021 г. Это касается в большей степени таких школ, как Дырестуйская, Зарубинская, Цаган-Усунская, Верхне-Торейская, Белозерская, где за последние два года прибыло по одному-два молодых учителя. Если мы возьмем даже близлежащие к городу районы, например Заиграевский, общая картина с кадровым потенциалом будет аналогичной. Так, в Заиграевской районной школе за последние 3 года из молодых учителей прибыл только один учитель биологии, а количество учителей со стажем до пяти лет составляет 5%.

К сожалению, эти данные свидетельствуют о затянувшемся и нарастающем кризисе кадрового состава сельских общеобразовательных учреждений, связанном, в первую очередь, со «старением» педагогического корпуса и непривлекательностью для выпускников педагогических вузов и колледжей учительской профессии, особенно для мужчин. В этой связи важное значение приобретает стимулирование работающих учителей и повышение их профессионального уровня.

Методология и методы исследования. Говоря о необходимости повышения профессиональной компетентности учителя, мы опирались на работы российских ученых В. А. Адольфа, Т. Г. Браже, И. А. Зимней, Н. В. Кузьминой, М. И. Лукьяновой, А. К. Марковой, А. М. Новикова, Г. С. Трофимовой, Г. Бернгард, В. Блума, Х. Маркуса, Р. Стернера, акмеологические исследования А. А. Бодалева, А. А. Деркач, Э. Ф. Зеера, Н. В. Кузьминой, А. К. Марковой, И. Т. Селезневой и др. У монгольских авторов мы обращались к исследованиям, посвященным профессиональному развитию учителей, Б. Бурмаа, Ц. Лувсандорж, Ч. Лхагважав, Н. Нэргүй; Б. Жадамба, Ц. Батсуурь, Б. Пүрэв-Очир, Пүрэвдорж, Ц. Сумья занимались вопросами перспектив развития педагогического образования, выявления потребностей в педагогическом образовании и их внедрения в образовательную практику [Баярмаа, 2001]. Проблемы профессиональной компетентности, которые имеют отношение и к учителю сельской школы, исследовали в своих работах А. К. Маркова, Н. С. Пряжников, Н. В. Кузьмина, Е. А. Климов, В. А. Адольф, В. Ю. Кричевский, Л. М. Митина, Ю. П. Поваренков и другие [Девятова, 2016].

В диссертационном исследовании Ж. Уржинсурен изучены разные подходы к формированию профессионального потенциала учителя. Автор определяет данное понятие с точки зрения интегрального личностного образования, в котором основополагающими являются ценностное отношение учителя к своему труду, его высокая мотивация, стремление к инновациям и ярко выраженные профессиональные качества личности, иными словами, наличие педагогических умений как совокупности профессиональных компетенций (Уржинсурен, 2021). Автор указывает на ближайшие тенденции в развитии профессиональной деятельности учителей, на необходимость управления образовательной средой для повышения квалификации преподавателей в высших учебных заведениях [Баярмаа, 2001].

Результаты исследования. Приступая к исследованию проблемы развития профессионального развития учителя, мы исходили из положения, что структура профессиональной компетентности учителя может быть раскрыта через его педагогические умения. Модель профессиональной компетентности учителя выступает как единство его теоретической и практической готовности. Педагогические умения могут быть объединены в четыре группы.

- Умение «переводить» содержание объективного процесса воспитания в конкретные педагогические задачи: изучение личности и коллектива для определения уровня их подготовленности к активному овладению новыми знаниями и проектирование на этой основе развития коллектива и отдельных учащихся; выделение комплекса образовательных,

воспитательных и развивающих задач, их конкретизация и определение доминирующей задачи.

- Умение построить и привести в движение логически завершенную педагогическую систему: комплексное планирование образовательно-воспитательных задач; обоснованный отбор содержания образовательного процесса; оптимальный выбор форм, методов и средств его организации.

- Умение выделять и устанавливать взаимосвязи между компонентами и факторами воспитания, приводить их в действие.

- Умение учета и оценки результатов педагогической деятельности: самоанализ и анализ образовательного процесса и результатов деятельности учителя; определение нового комплекса доминирующих и подчиненных педагогических задач [Уржинсурен, 2021].

Одной из эффективных технологий развития профессионального потенциала сельского учителя, с нашей точки зрения, является обучение на рабочем месте. В пользу данной технологии можно привести следующие аргументы:

1. У учителя имеется возможность пройти краткосрочные курсы повышения квалификации без отрыва от производства.

2. Возможность проведения супервизии с целью выявления индивидуальных потребностей педагога, изучения опыта профессиональной деятельности и дальнейшей разработки плана профессионального развития педагога.

3. Содержание обучения на рабочем месте соответствует быстро меняющимся профессиональным требованиям; оно адаптивно и гибко.

4. Овладение «сквозными навыками», т. е. ключевыми компетенциями, в большей мере гибкими навыками.

Обучение на рабочем месте организовывали преподаватели вузов. В монгольских сельских школах педагоги проходили первичное собеседование с целью выявления профессиональных потребностей, сильных и слабых сторон, а также для составления дальнейшей программы обучения. В российском варианте был несколько иной подход к организации обучения на рабочем месте. Мы исходили из запросов самих учителей, администрации школы. Следует отметить, что и монгольские, и российские педагоги предпочитают, в первую очередь, такие формы повышения на рабочем месте, как мастер-классы, практико-ориентированные семинары, стажировочные площадки, наставничество. В практике монгольских сельских школ обучение на рабочем месте было построено по модульному принципу. В программе обучения 4 модуля продолжительностью 2–3 недели. На этот период были запланированы 2 учебные сессии, а также 160 часов самостоятельной работы.

Таким образом, использование технологии «обучение на рабочем месте» в ходе модульного обучения в сельских школах Монголии позволило добиться индивидуального подхода в развитии профессионального потенциала учителя и, что самое немаловажное, перевода этого подхода учителями на свою деятельность с учениками.

В опыте сельских школ Бурятии можно отметить, что обучение на рабочем месте носит междисциплинарный характер. К примеру, в рамках одного из проектов, поддержанных фондом президентских грантов, была проведена онлайн-школа, в которой участвовали учителя пяти пилотных школ проекта: МБОУ «Кижингинская СОШ им. Хоца Намсараева», МБОУ «Кижингинский лицей им В. С. Мункина», МБОУ «Кяхтинская СОШ №2», МБОУ «Новозаганская СОШ» и МБОУ «Тэгдинская СОШ». Дистанционные занятия на платформе ZOOM в биологической и гидрохимической лабораториях проводились в период ковидных ограничений.

Семинар для учителей включал две составляющие. «Теоретическая часть была представлена основами технологии развития критического мышления через чтение и письмо: характеристика составляющих ее структурных компонентов, методические приемы развития творческой деятельности обучающихся и формирования универсальных учебных действий. Затем педагогам, объединенным в 4 группы, предлагалось разработать задания практико-ориентированного характера в рамках рассматриваемой темы: составление туристической карты, создание электронного комикс-журнала о приключениях Капельки, решение проектной задачи «Чистая речка».

Результаты коллективной деятельности учителя показали во второй части семинара в форме электронных продуктов. Их содержательность, логика изложения, инфографичность подтверждают высокую заинтересованность учителей в повышении эффективности образовательного процесса на основе использования развивающего ресурса учебного пособия «Байкальский сундучок», актуальность избранной тематики семинара для обогащения методического опыта его участников.

В условиях ковидных ограничений переход на дистанционное обучение позволил создать единую образовательную среду педагогического сообщества. С целью восполнения дефицита педагогических кадров в Республике Бурятия Педагогическим институтом БГУ с 2018 г. реализуется целевая дополнительная образовательная программа профессиональной переподготовки «Учитель начальных классов». За данный период новый вид деятельности освоили более 150 педагогов сельских и городских школ.

В рамках нашей работы с учителями мы попытались развернуть стажировочные площадки на базе отдельных образовательных учреждений, основной целью которых является распространение имеющегося опыта путем соответствующего повышения квалификации в условиях сопровождаемой тьютором практико-ориентированной деятельности. Предполагается, что использование стажировочных площадок стало одним из средств выполнения Федеральной целевой программы развития образования (ФЦПРО) в России, направленной на обеспечение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного социально ориентированного развития в Российской Федерации. Стажировочные площадки в монгольских школах рассматриваются в данном контексте как центры роста и дальнейшего распространения позитивного инновационного образовательного опыта. В такой трактовке роли стажировочной площадки просматривается сходство с функционалом ресурсных центров, уже получивших распространение в Российской Федерации. Подготовка или переподготовка в форме стажировки носит практико-ориентированный характер и предусматривает оперативную трансляцию новых образовательных моделей.

Выводы. Таким образом, для повышения профессионального роста учителей использовался целый комплекс различных форм обучения: мастер-классы, открытые занятия, рефлексия собственной практики, презентации педагогического опыта, организация групповой, индивидуальной работы. Организация самостоятельной работы по разработке проектов, внеклассных занятий, разработки индивидуального маршрута профессионального роста учащихся — все эти виды стали входить в арсенал педагогической деятельности для многих учителей.

Одной из важных технологий является развитие сети стажировочных площадок, обучение на рабочем месте, которые дают высокие инновационные результаты деятельности, готовят учителей к диссеминации своего опыта. Эти технологии дают возможность развития социально-личностных компетенций учителя: умения работать в команде, сотрудничества, гибкого и быстрого реагирования на меняющиеся условия, критического рассмотрения того или иного аспекта развития общества.

Литература

1. Баярмаа Б. К вопросу реформы структуры образования Монголии, основанной на международных классификациях и стандартах. Улаанбаатар, 2001.
2. Девятова И. Е. Развитие педагогического потенциала учителя в системе корпоративного обучения // Гипотезы, дискуссии, размышления: научно-теоретический журнал. 2016. № 3(28). С. 138–146.
3. Жаргал Уржинсурен. Развитие профессионального потенциала учителей сельских школ Монголии в процессе их образовательной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Улан-Батор, 2021.
4. Дагбаева Н. Ж., Уржинсурэн Ж., Содномова Н. Б. Акмеологические аспекты профессиональной деятельности сельского учителя Монголии // Евразийский союз ученых. 2018. № 9(54). С. 28–31.
5. Зейнелова А. Е., Акишева А. К. Профессиональное развитие сельского учителя в условиях модернизации // Современные инновации. 2018. № 6(28).
6. Зимняя И. А. Ключевые компетенции: новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42.
7. Румянцева Л. Ю. Развитие профессиональной компетентности педагога как фактор повышения качества образования в условиях введения ФГОС второго поколения. URL: / eduportal44.ru
8. Birgit Aschemann. Workplace Learning ist mehr als Lernen am Arbeitsplatz. 2016 // Erwachsenenbildung. URL: <https://erwachsenenbildung.at/aktuell/nachrichten/10076-workplace-learning-ist-mehr-als-lernen-am-arbeitsplatz.php> (дата обращения: 10.02. 2022).

УДК 93/94 + 378,4
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-263-267

**УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: ВЗГЛЯД В. И. ВЕРНАДСКОГО**

© **Огоновская Изабелла Станиславовна**
кандидат исторических наук, доцент,
Уральский федеральный университет
Россия, г. Екатеринбург
izabella-irro@mail.ru

Статья посвящена проблемам университетского образования в России на рубеже XIX–XX вв. Источниковой базой исследования являются публицистические статьи В. И. Вернадского, посвященные проблемам высшей школы. Рассматриваются взгляды ученого на происходившие в университетском образовании изменения, характеризуются негативные и позитивные последствия этих изменений.

Ключевые слова: В. И. Вернадский, автономия университетов, наука, министерство народного просвещения, образование, университет.

UNIVERSITY EDUCATION IN RUSSIA AT THE TURN
OF THE 19TH — 20TH CENTURIES: THE VIEW OF V.I. VERNADSKY

Isabella S. Ogonovskaya
Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
Specialised Educational and Scientific Centre,
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia
izabella-irro@mail.ru

The article is devoted to the problems of university education in Russia at the turn of the 19th — 20th centuries. The sources for the study are publicistic articles by V.I. Vernadsky devoted to the problems of higher education. The views of the scientist on the changes taking place in university education are considered, the negative and positive consequences of these changes are characterised.

Keywords: V. I. Vernadsky, university autonomy, the science, Ministry of Public Education, education, university.

Университетское образование в России (без учета Финляндии) было представлено на рубеже XIX–XX вв. девятью высшими учебными заведениями (петербургским, московским, юрьевским, киевским, новороссийским, харьковским, варшавским, томским и казанским университетами) [Россия..., 1991, с. 391]. Кадры преподавателей вузов готовились путем оставления способных выпускников для подготовки к профессорскому званию и защиты диссертаций. Одним из таких выпускников был Владимир Иванович Вернадский (1863–1945), в дальнейшем — выдающийся российский ученый-естествоиспытатель, историк науки, общественный деятель, академик Петербургской академии наук (1912), Российской академии наук (1917), Академии наук СССР (1925), лауреат Государственной премии СССР (1943) [Большой энциклопедический словарь, 2001, с. 194; Педагогический энциклопедический словарь, 2002, с. 344]. Наряду с научными трудами В. И. Вернадский оставил более 30 статей, касающихся проблем образования в России, на основании которых можно сделать ряд выводов относительно университетского образования рубежа XIX–XX вв.

О проблемах высшего образования в России В. И. Вернадский знал не понаслышке, т. к. значительная часть его жизни была связана с российскими университетами: 1881–1886 гг. — обучение на естественном отделении Петербургского университета; 1886–1898 гг. — научная работа в этом же университете; 1898–1911 гг. — заведование кафедрой минералогии и кристаллографии в Московском университете; в 1905 г. он стал одним из основателей и членом Московского бюро Академического союза, объединившего ученый персонал высших учебных заведений, был выбран ректором Московских высших женских курсов, помощником ректора Московского университета; 1911–1913 гг. — научная работа в Петербургском университете; 1917 г. — ординарный профессор Московского университета [Великие ученые, 2001, с. 77; Политические партии России, 1996, с. 108].

В. И. Вернадский окончил Петербургскую гимназию и физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Именно там ему посчастливилось слушать лекции самых известных в то время российских ученых: ботаника А.Н. Бекетова, географа и геолога В.В. Докучаева, физиолога И.М. Сеченова, химиков А.М. Бутлерова и Д.И. Менделеева. Вспоминая лекции последнего, будущий ученый писал: «Ярко и красиво, образно и сильно рисовал он перед нами бесконечную область точного знания, его значение в жизни и в развитии человечества» [Вернадский. Отрывки ..., 1988, с. 329].

В студенческие годы В. И. Вернадского в России действовал консервативный университетский устав 1884 г., ликвидировавший выборность ректоров и усиливший власть учебно-окружной администрации и министерства народного просвещения. По этому Уставу запрещалась всякая студенческая самодеятельность, вводилась инспекция, призванная «оказывать нравственное и умственное влияние на студентов», был отменен университетский суд [Морозов, 2002, с. 30]. Обращаясь к этой странице университетского образования, уже будучи преподавателем, Вернадский высказывал негативное отношение к ограничению университетской автономии, усилению надзора за студентами и преподавателями, введению жестких наказаний для студентов — участников демонстраций, а также отмечал слабую материальную базу высших учебных заведений, мизерность денежных средств на академические исследования, недостаточную поддержку русских ученых со стороны государства, отсутствие в России научно-исследовательских институтов.

Вместе с тем в качестве положительной черты университетской жизни В.И. Вернадский отмечал предусмотренное уставом 1884 г. создание института приват-доцентов, позволившего сформировать коллегия младших преподавателей, что высоко подняло в России научное преподавание. Одновременно с этим он позитивно оценивал освобождение профессоров от забот об университетском управлении, что увеличило возможности для научной работы, способствовало организации научных семинаров, лабораторий, институтов и позволило русской профессуре перенести тяжелые годы безвременья и воспитать молодежь в духе углубленного интереса к науке, ибо «научная работа развивает личность и формирует свободного человека» [Вернадский, 1912, с. 17].

В 1899 г. по стране прокатилась волна студенческих волнений, после чего обострилась дискуссия об университетском образовании. В. И. Вернадский принял в ней активное участие. В своей брошюре «Об основаниях университетской реформы» он предлагал полную независимость совета университета от министерства народного просвещения, ограничение власти попечителя учебного округа, ликвидацию инспекции и разрешение студенческих организаций. Задачу необходимых преобразований ученый видел в том, чтобы дать университетам условия для продолжения непрерывной интенсивной научной работы, важной не только для образования новых научных кадров, но и для формирования сознательной личности каждого студента [Щетинина, 1995, с. 160].

В 1904 г. Вернадский пишет: «... по своему уровню и по сути вещей профессора должны быть хозяевами в том учреждении, в котором они являются ныне бесправными, поднадзорными работниками ... Если профессор не вошел в состав бюрократической машины, не присоединился к тем силам, которые активно поддерживают полицейский бюрократизм, губящий нашу страну, вся его жизнь может пройти в душевных тисках специального полицейского надзора; он не может быть уверен, что по произволу администрации и по неизвестным ему причинам он в один прекрасный день не будет устранен от дорогой ему деятельности» [Вернадский. О профессорском съезде, 1995, с. 28].

Спустя 4 года в статье «Перед грозой» [1995, с. 169, 171] он делает вывод: «... Россия жестоко расплатилась и расплачивается за архаичность своего управления, за то, что в XX веке власть находится в руках людей полуобразованных или необразованных, чуждых научной мысли и работы современного человечества. Эти люди, ничего не понимая, вели русский народ к поражениям, унижениям и страданиям, они давили свободную научную мысль и свободную научную работу русского общества». Тогда же, в 1908 г., Министерство народного просвещения представило проект нового университетского устава, и В. И. Вернадский был резок в своей оценке. Он писал, что этот документ напоминает французское революционное законодательство времен Конвента и Директории, погубившее старинные французские университеты, возродившиеся только через несколько столетий, и горячо защищал идею первого выборного ректора Московского университета С.Н. Трубецкого, исповедовавшего принцип «университет — для науки, а не для политики» [Вернадский. Наука и проект, 1995, с. 172, 175].

Следствием студенческого движения рубежа 1910–1911 гг. стало Постановление Совета министров от 11 января 1911 г., в соответствии с которым временно запрещались публичные и частные собрания в учреждениях высшей школы, а градоначальники получили право восстанавливать порядок с помощью полиции. Министр просвещения Л. А. Кассо предпринял меры «для оздоровления высшей школы» (ректорат и совет Московского университета были поставлены под контроль градоначальника Москвы), во многих университетах были уволены «неблагонадежные» преподаватели. В ответ на такие действия властей в отставку подали ректор Московского университета, его помощник, проректор, многие приват-доценты и профессора, в т. ч. В. И. Вернадский [Лейкина-Свирская, 1981, с. 115].

Последовавшие действия правительства еще больше усложнили обстановку в университетах: 19 января 1912 г. Совет министров утвердил проект, согласно которому утверждалось предложение готовить профессорских кандидатов в вузах Германии и Франции. Возмущенный такими действиями властей В. И. Вернадский опубликовал несколько статей, в которых писал, что министр народного просвещения «при поддержке части общества, считающей себя русской, выдвигает законопроект нового обучения азов «у немцев», основанный на отрицании и незнании вековой научной работы России, принимает ряд мер, невозможных ни в одной стране, дорожающей национальным достоинством» [Вернадский. Общественное..., 1988, с. 62], что «высшая школа ... может расти и расцветать лишь при наличии автономии и свободы преподавания ... не может терпеть авторитета каких бы то ни было сторонних ей государственных учреждений» [Вернадский. Разгром, 1995, с. 179–180, 182], что «изгнание отдельных профессоров для терроризации оставшихся было поставлено целью практической политики П. А. Столыпина» [Вернадский, 1912, с. 3–5, 17].

В 1913 г. проблема автономии университетов сохраняла свою актуальность. В. И. Вернадский в статье «Высшая школа и научные организации» утверждал, что власть «канцелярий» разлагающим бременем лежит на высшей школе: вредит преподаванию, студенческой жизни, профессорскому сообществу, самой атмосфере университет-

ской жизни и, несомненно, научной работе. Особенно расстраивало ученого бесконтрольное вмешательство министерства народного просвещения в дела высшей школы, выделение и поощрение профессоров не за достижения в научной деятельности, а за политическую благонадежность и послушание начальству, огромный разрыв в жалованье профессоров, младших преподавателей и чиновников соответствующих рангов. С болью писал он о препятствиях, чинимых чиновниками в деле увеличения университетских факультетов в Томске и Саратове, открытии университетов в Самаре, Воронеже, Омске, Екатеринбурге и других городах. Рассматривая проблему дефицита кадров, В. И. Вернадский отмечал, что одной из причин этого являются усложненные требования: «Тех требований — магистерского экзамена и двух печатных серьезных научных диссертаций, которые предъявляются к русским профессорам, — нет нигде, ни в одной стране мира. Эти требования совершенно не отвечают условиям времени, быстрому расширению высшего образования» [Вернадский. О науке, 2002, с. 219–241].

В 1916 г. академик В. И. Вернадский вошел в комиссию по разработке нового университетского устава. В 1917 г. он был избран ординарным профессором Московского университета, назначен председателем Комиссии по учебным учреждениям и научным предприятиям Министерства народного просвещения, в августе 1917 г. занял пост товарища министра народного просвещения во Временном правительстве и возглавил отдел высшей школы и государственной организации научных исследований [Политические партии, 1996, с. 108]. По его инициативе осенью 1917 г. должен был состояться профессорский съезд с целью обсуждения и принятия новой реформы высшего образования, однако в октябре 1917 г. к власти пришли большевики и начался новый период российской истории.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что публицистические статьи В. И. Вернадского в полной мере отражают противоречия в развитии системы университетского образования в России на рубеже XIX–XX вв. между:

- потребностью государства в высокопрофессиональных специалистах и отсутствием необходимых условий для подготовки таковых;
- востребованностью научных изысканий университетской профессуры и стремлением государства экономить на финансировании научных проектов;
- предназначением науки и преподавания для усовершенствования общества и зависимостью их от политического строя, отношения чиновников от образования к конкретным людям, занимающимся наукой и университетским преподаванием;
- функциональной обязанностью Министерства народного просвещения содействовать развитию науки и образования в стране и его «узкополицейской» разрушительной работой, направленной на уничтожение автономии университетов и свободы преподавания, без которых невозможен расцвет высшей школы и образования в целом;
- потребностью университетов в свободно мыслящих преподавателях, воспитывающих молодежь в духе демократических традиций и российских ценностей, и стремлением власти избавиться от таковых;
- сложившимися традициями отечественной науки и попытками государства заменить российских ученых иностранными специалистами;
- вкладом профессорско-педагогического состава в обогащение отечественной науки и педагогической практики и унизительной оплатой труда университетских работников.

Некоторые из названных противоречий требуют своего разрешения и в настоящее время, спустя более 100 лет после того, как о них писал выдающийся русский ученый В. И. Вернадский.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб: Норинт, 2001. 1456 с.
2. Великие ученые XX века / авт.-сост. Г. А. Булыка, Е. В. Лисовская, Г. А. Яхонтова. М.: Мартин, 2001. 463 с.
3. Вернадский В. И. Наука и проект университетского устава А. Н. Шварца // Вернадский В. И. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 172–175.
4. Вернадский В. И. Общественное значение Ломоносовского дня // Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 58–62.
5. Вернадский В. И. О профессорском съезде // Вернадский В. И. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 26–31.
6. Вернадский В. И. Отрывки из воспоминаний о А. Н. Краснове // Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 323–332.
7. Вернадский В. И. Перед грозой // Вернадский В. И. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 168–171.
8. Вернадский В. И. Разгром // Вернадский В. И. Публицистические статьи / сост. В. П. Волков. М.: Наука, 1995. С. 179–182.
9. Вернадский В. И. 1911 год в истории русской умственной культуры // Ежегодник газеты «Речь». СПб.: Тип. СПб. тов-ва печати и изд. дела «Труд», 1912. 21 с.
10. Вернадский В. И. О науке. Т. II. Научная деятельность. Научное образование. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 219–241.
11. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М.: Мысль, 1981. 285 с.
12. Морозов А. Г. Проекты реформ университетов в России в начале XX в. // Известия Саратовского университета. Т. 11. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. 2001. С. 30–34.
13. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад; Редкол.: М. М. Безруких, В. А. Болотов, Л. С. Глебова и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 528 с.
14. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 872 с.
15. Россия: Энциклопедический словарь. 1898 / изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (Санкт-Петербург). Л.: Лениздат, 1991. 922 с.
16. Щетинина Г. И. Идейная жизнь русской интеллигенции: конец XIX — начало XX в. М.: Наука, 1995. 236 с.

УДК 378:93/94
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-268-270

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПО ОТЧЕТАМ О РАБОТЕ**

© **Дроботушенко Евгений Викторович**
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
Россия, г. Чита
DRZZ@yandex.ru

В статье на основе архивных документов, отчетов о работе в отдельные годы периода Великой Отечественной войны дается характеристика особенностей организации деятельности единственного на территории Восточного Забайкалья высшего учебного заведения Читинского государственного педагогического института (ЧГПИ).

Ключевые слова: образование, Читинский государственный педагогический институт, факультет, кафедра.

**ORGANIZATION OF THE ACTIVITIES
AT CHITA STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: ACCORDING TO WORK REPORTS**

Evgeny V. Drobotushenko
Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
Transbaikal State University,
Chita, Russia
DRZZ@yandex.ru

The article, based on archival documents, reports on the work during the Great Patriotic War period. It describes the features of organisational activities done by the only higher educational institution in the territory of Eastern Transbaikalia, the Chita State Pedagogical Institute (ChSPI).

Keywords: education, Chita State Pedagogical Institute, faculty, department.

Читинский государственный педагогический институт стал первым после относительно долгого перерыва высшим учебным заведением в Восточном Забайкалье. Он был открыт в 1938 г., через год после образования самостоятельной административно-территориальной единицы в регионе — Читинской области [Государственный архив Российской Федерации — далее ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 3. Д. 527. Л. 49], и на долгие годы стал единственным учебным заведением, готовящим специалистов с высшим образованием. В 1963 г. институту присвоено имя Н. Г. Чернышевского. Данный факт не имеет отношения к настоящему исследованию, но важен для правильного восприятия информации, поскольку в имеющихся публикациях он зачастую приводится с именем.

Несмотря на наличие определенного количества публикаций по проблематике исследования, утверждать, что на сегодня история Читинского государственного педагогического института воссоздана полностью хотя бы относительно каких-то небольших хронологических отрезков, нельзя. Сказанное предопределяет необходимость обращения к источникам. Это документы Государственного архива Российской Федерации, относимые к фонду Р8080 «Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ) при Совете Народных Комиссаров СССР. 1936–1946». Фонд интересен тем, что его третья опись полностью посвящена уставам высших учебных заведений СССР того времени. Дела, к ней от-

носящиеся, содержат переписку по вопросу принятия уставных документов того или иного высшего учебного заведения. Среди них встречаем и относящуюся к ЧГПИ [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 3. Д. 527].

Первая, пятая и шестая описи фонда содержат самые разные документы касательно высшей школы в Советском Союзе. Нас интересуют, прежде всего, отчеты по деятельности высших учебных заведений. По Читинскому институту — это дела первой описи названного фонда [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 1. Д. 1693, 1728].

Устав ЧГПИ был утвержден приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР 7 сентября 1939 г. Отметим, что был он типовым, содержал общие положения по структуре и основам работы института [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 3. Д. 527. Л. 1–13].

Очевидно, что первые годы работы нового учебного заведения были сложными по двум причинам. Первая — это сложности, связанные со становлением любой только что созданной организации. Вторая, несомненно, это Великая Отечественная война.

Архивные хранилища дают нам возможность ознакомиться (относительно военных лет), с отчетами о работе ЧГПИ за 1942/1943 и 1943/1944 учебные годы [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 1. Д. 1693, 1728].

Следует сказать, что отчеты отправлялись в две инстанции — во Всесоюзный комитет по делам высшей школы и в отдел военной подготовки названного комитета.

Всего было три вида отчетов: общий — о работе института за учебный год; о работе заочного института ЧГПИ; о работе Государственной экзаменационной комиссии. Отчеты сопровождалась пояснительными записками. Причем если сами отчеты были отпечатаны на машинке, то записки написаны от руки. И отчеты, и сопроводительные письма подписывались директором института и секретарем.

По-своему интересной была структура ЧГПИ в первые годы. Она была двойной: сам институт из трех факультетов — исторического, «языка и литературы» (в таком виде основан в 1938 г.) и физико-математического — и учительский институт [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 1. Д. 1693. Л. 49].

Таким образом, несмотря на присутствие в названии учебного заведения слова «педагогический», изначально вуз был шире по охвату направлений подготовки. При этом учительский институт появился и получил развитие несколько позднее, чем ЧГПИ в составе трех факультетов. Изначально учительский институт состоял из физико-математического факультета и только с 1943/1944 уч. г. начал работать исторический факультет [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 1. Д. 1693. Л. 49].

В рамках ЧГПИ работали 4 кафедры: марксизма-ленинизма, истории, русского языка и литературы, физики и математики [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 1. Д. 1693. Л. 53].

Главная сложность в организации работы ЧГПИ в годы Великой Отечественной войны заключалась в отсутствии помещений. В связи с потребностями в площадях в центре города, предопределенными нуждами военного времени, у института забрали здание, в котором он располагался. В выданном взамен было всего 4 непригодных учебных аудитории и одна комната, которая выполняла функции физического кабинета, лаборатории и учебного помещения. Занятия велись в две смены, но и это не спасало ситуацию [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 1. Д. 1693. Л. 49].

Отступления на фронте на начальном этапе Великой Отечественной войны заставили в кратчайшие сроки добавить в учебный процесс военную составляющую. Был организован военный кабинет, который был оборудован, по сравнению с иными помещениями, достаточно неплохо. В 1942/43 уч. г. в ЧГПИ организован кабинет радиотелефонии и телеграфии [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 1. Д. 1693. Л. 49].

В рамках аудиторного фонда присутствовала библиотека с небольшим читальным залом [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 1. Д. 1693. Л. 50].

Вторая значительная проблема, существовавшая при организации работы ЧГПИ, заключалась в нехватке кадров: к началу 1943/43 уч. г. отмечено 7 вакантных должностей профессорско-преподавательского состава [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 1. Д. 1693. Л. 50].

Немаловажным для стабильной работы вуза было наличие обучающихся. Набор студентов и в педагогический институт в целом, и на первый курс учительского института в его составе в частности в рассматриваемое время руководством ЧГПИ оценивался как удовлетворительный, однако в начале учебного года многие просто не вышли на учебу. К этому добавился «отсев» студентов в течение года и в итоге картина выглядела не лучшим образом [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 1. Д. 1693. Л. 50].

Сам учебный процесс характеризуется как стабильный, без сбоев. Свой отпечаток наложило военное время. Как дополнительная дисциплина в объеме 50 часов на всех курсах прочитано уже в 1943/43 учеб. г. автодело. На историческом факультете введена дисциплина «методика проведения политпросветработы в частях рабоче-крестьянской Красной Армии». Там же на 3-м курсе прочитаны лекции о военном прошлом русского народа. На факультете языка и литературы введена «методика использования художественной литературы в политпросветработе» [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 1. Д. 1693. Л. 51]. Кроме введения новых курсов, связанных с потребностями времени, серьезных изменений в общей программе обучения не было. Даже сложные реалии работы в тылу в военные годы не отменили проведение практик: так, читаем, что педагогическая практика проводилась «в лучших школах г. Чита» [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 1. Д. 1693. Л. 52].

Все усилия первых военных лет в ЧГПИ были направлены на организацию образовательного процесса в новых условиях. В связи с этим в 1941–1942 гг. внеучебной деятельности у студентов не было. В вузе не работал ни один кружок. Ситуация изменится в начале 1943 г., когда будет организован ряд кружков: при кафедре русского языка и литературы — фольклорный и детский, при кафедре физики и математики — физический кружок, при кафедре истории — по истории СССР [ГА РФ. Ф. Р8080. Оп. 1. Д. 1693. Л. 54].

Важнейшим, на наш взгляд, выводом исследования станет замечание о том, что, несмотря на сложности первых лет организации работы Читинского государственного педагогического института, тяготы военного времени, связанные с отсутствием необходимых помещений, средств, наглядных пособий, лабораторного оборудования и студентов (несуществующие курсы, в связи с уходом на фронт), ЧГПИ «не стоял на месте», не находился в состоянии стагнации и уж тем более не прекращал работу. Учебное заведение развивалось.

Потребность в квалифицированных учительских кадрах привела к активной деятельности по развитию учительского института при ЧГПИ. Важно также то, что это понимали власти и шли навстречу руководству вуза.

Очевидно, что военные годы для ЧГПИ, как и для иных организаций г. Читы, Читинской области да и всей страны были тяжелыми. Работа велась в сложных обстоятельствах отсутствия самого необходимого. В то же время преподаватели и сотрудники вуза выполняли возложенные на них функции в полной мере. Архивные источники не дают нам на сегодня возможности говорить о каких-либо недочетах в работе ЧГПИ в военные годы. Документов с нареканиями в адрес руководства учебного заведения не встречено.

Следует отметить, что имеющиеся на сегодня исследования по истории Читинского государственного педагогического института посвящены предвоенному и военному времени. Практически не изучена она относительно послевоенного советского периода. Очевидна необходимость работы с источниками для ее более полного воссоздания.

УДК 378.096

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-271-274

ВОСТОКОВЕДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БУРЯТСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

© **Актамов Иннокентий Галималаевич**

кандидат педагогических наук, заведующий лабораторией

Центр переводов с восточных языков,

Институт монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН

Россия, г. Улан-Удэ

aktamov13@gmail.com

В статье дан краткий обзор становления и развития востоковедного образования в Бурятском госуниверситете с момента создания восточного факультета в 1996 г. История реализации востоковедных программ берет начало еще в БГПИ, но самостоятельный факультет был создан сразу после образования Бурятского государственного университета. В статье дана краткая характеристика развития востоковедного образования, выделены основные узловые моменты, повлиявшие на развитие восточного факультета, а затем института в составе БГУ.

Ключевые слова: востоковедение, образование, восточный факультет, восточный институт, Бурятский госуниверситет.

ORIENTAL STUDIES AT BURYAT UNIVERSITY

Innokentii G. Aktamov

Cand. Sci. (Ped.), Head of «Oriental languages translation Centre» Laboratory,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies,

Siberian branch of the Russian Academy of Sciences

Ulan-Ude, Russia

aktamov13@gmail.com

The article is devoted to a brief review of developing education in the field of Oriental studies at the Buryat State University since the establishment of the Oriental Faculty in 1996. The history of oriental studies programs dates back to the Buryat State Pedagogical Institute, but the faculty itself was founded as Buryat State University was established. The article gives a brief description of the development of oriental studies, highlights the main key points that influenced the development of the Faculty of Oriental studies, and then the Institute of Oriental studies as part of the Buryat State University.

Keywords: oriental studies, education, Oriental faculty, Institute of Oriental studies, Buryat State University.

Востоковедное образование в Бурятском государственном университете берет начало с Бурятского филиала Новосибирского университета, который находился в Улан-Удэ. Основы были заложены еще в БГПИ — в 1993 г. заведующим кафедрой всеобщей истории стал Н. В. Абаев, крупный ученый-востоковед, занимавшийся исследованиями в области истории буддизма. По совместительству он выполнял обязанности декана гуманитарного факультета БФ НГУ, а впоследствии стал одним из организаторов восточного факультета в рамках Бурятского государственного университета. Факультет на начальном этапе своего развития объективно столкнулся с различными трудностями. Главной проблемой являлась нехватка квалифицированных кадров, которые могли бы обеспечивать не только образовательный процесс, но и вести научные исследования со студентами. Эти вопросы легли на плечи первого декана, доктора философских наук, профессора Л. Е. Янгутова. Совместно с ним работу по организации и развитию востоковедного образования, научных исследований по разным направлениям вели крупные ученые, основоположники научных школ в университете. Заведующий кафедрой восточной филоло-

гии БГПИ с 1992 г., а затем кафедрой филологии стран Дальнего Востока ВФ БГУ доктор филологических наук, профессор Г. Б. Дагданов занимался вопросами истории культуры и литературы средневекового Китая. Кафедру истории, археологии и этнографии возглавлял доктор исторических наук, профессор П. Б. Коновалов. Вопросы монголоведения и алтаистики исследовались на кафедре филологии Центральной Азии под руководством доктора филологических наук профессора В. И. Рассадина. Образовательные программы в 1996 г. реализовывались по двум классическим востоковедным направлениям — истории и филологии.

В 1997 г. была получена лицензия по специальности «философия». Следует отметить, что это была первая и на тот момент единственная в России философская специальность, реализуемая по востоковедному направлению [Янгутов, 2020, с. 223].

Востоковедное образование в конце 1990-х гг. обрело широкую популярность у абитуриентов и их родителей, которые видели перспективы трудоустройства в изменившихся социально-экономических условиях. Внешнеэкономическая деятельность государственных и частных компаний, как резидентов, так и нерезидентов, была сопряжена с поиском специалистов, не только владеющих китайским, корейским, монгольским, японским или турецким языками, но и обладающих целостным представлением о специфике культуры, истории, экономики иностранных партнеров. Все это позволяло не только устанавливать прочные связи, но и развивать и расширять их. Вместе с тем, классическое востоковедное образование, которое реализовывалось в стенах БГУ, призвано было готовить кадры для академической сферы. Данная задача, несмотря на все перипетии, связанные с реформами в системе образования, изменением стандартов, переходом на болонскую систему и т. д., была в определенной степени решена. По скромным подсчетам, выпускниками восточного факультета (института) защищено свыше 30 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и как минимум 6 диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по различным специальностям.

Усилиями научных сотрудников — выпускников восточного факультета, введены в научный оборот и впервые выполнены переводы буддийских текстов с китайского, тибетского, монгольского языков на русский [Янгутов, 2020, с. 223].

Трудоустройство выпускников, их дальнейший профессиональный и карьерный рост были бы невозможны без сильного корпуса преподавателей, обеспечивающих образовательный процесс. Так сложилось, что профессорско-преподавательский состав восточного факультета БГУ представлял собой органичный синтез выпускников трех традиционных востоковедных центров России (Советского Союза) — Москвы, Ленинграда и Владивостока. Постепенно в педагогический коллектив вливались доморожденные специалисты, которые в настоящее время успешно продолжают востоковедные традиции, заложенные их учителями.

Принципиально важным периодом в развитии востоковедного образования в университете является 2013 год, который был ознаменован масштабными изменениями как структурного, так и содержательного характера. 1 октября 2013 г. приказом ректора на базе восточного факультета и национально-гуманитарного института был создан Восточный институт. Первым директором вновь созданной структуры был назначен профессор Д. И. Бураев, доктор исторических наук.

Современный Восточный институт сочетает в себе два отделения — отделение востоковедения и Высшую школу бурятского языка и литературы. В рамках последней ведется подготовка специалистов по эвенкийскому языку.

В 2013 г. данная реорганизация вызвала скепсис и не совсем была принята коллективом как восточного факультета, так и национально-гуманитарного института. Сложный этап синхронизации ментальных, технологических, организационно-управленческих

процессов, протекавших с момента реорганизации, в целом завершился. В настоящее время Восточный институт является одним из самых динамично развивающихся структурных подразделений университета. Высшая школа бурятского языка и литературы является единственным центром подготовки кадров в области бурятской филологии и педагогического образования в области бурятского языка и литературы в России. То же самое касается специалистов в области подготовки кадров по направлению «туризм» — выпускники по профилю «технология и организация экскурсионных услуг» — единственные специалисты, владеющие китайским и монгольским языками. Особо следует отметить реализацию образовательной программы «Востоковедение и африканистика», где в качестве основного восточного языка заложен бурятский язык, вторым восточным языком был китайский или корейский, в зависимости от года набора. Сочетание востоковедных стандартов с другими направлениями подготовки не принесло бы ожидаемых результатов без уникального кадрового состава, который во многих случаях вопреки тем нормам и инструкциям, которыми перегружено современное российское образование, реализует свою профессиональную деятельность. Данный опыт уже сейчас можно считать уникальным и эффективным, это особый путь, который на начальном этапе отнюдь не сулил быстрого достижения плановых показателей.

Одним из главных преимуществ, которым обладает Восточный институт, является преемственность традиций, системный подход к кадровой политике, создание особой атмосферы сотрудничества и доверия между студентами и преподавателями, наряду с так называемой «восточной деспотией», которая конструируется профессорско-преподавательским составом с большой долей юмора. Вступая в ряды студентов Восточного института БГУ, абитуриенты проникаются особым отношением к своей учебной деятельности, которая сочетается с культурно-творческими и спортивными мероприятиями. Абсолютно справедливо звучит девиз, который был сформулирован еще более полутора десятков лет назад — «Восточный — самый моЧный!». В этом девизе сочетаются потенциальные возможности настоящего и перспективы «отдаленного» будущего.

Баланс, который обеспечивается в институте между нормативными требованиями со стороны Министерства образования и науки и педагогическими реалиями, зачастую требующими более гибкого и оперативного подхода со стороны руководства института и профессорско-преподавательского состава, позволяет своевременно реагировать на меняющиеся условия. Большое значение для развития востоковедного образования имел приказ Министерства образования и науки РФ от 03.10.2017 г. № 995, согласно которому направление «востоковедение и африканистика» было выделено в отдельную группу специальностей и направлений подготовки. Это позволило развиваться востоковедному образованию с учетом своей специфики, которая практически не учитывалась в составе УГСН «Политические науки и регионоведение». Была проведена большая работа, которая в итоге увенчалась успехом. Это было бы невозможным без консолидации усилий всех востоковедных центров, в т. ч. и Бурятского госуниверситета. В настоящее время в составе ФУМО по «востоковедению и африканистике» уже два представителя от университета — директор ВИ, д-р полит. наук В. А. Родионов и доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии канд. полит. наук И. Г. Актамов.

Конкурентным преимуществом Восточного института БГУ, даже по сравнению с ведущими российскими востоковедными центрами, являются традиционные тесные связи с зарубежными партнерами в Китае, Монголии, Корею, Японии, Индии и до недавнего времени в Турции. Это позволяет обеспечить нашим студентам языковую стажировку в стране изучаемого языка в течение семестра, а при возможности это может быть годичная учеба. Погружение в языковую среду, возможность получить образование в вузе-партнере, непосредственное знакомство с культурой и обществом страны предоставляет

хорошие стартовые возможности молодым востоковедам. Примечательно, что даже в условиях пандемии COVID-19 наши студенты получают возможность повышать свою коммуникативную компетентность с помощью современных информационных технологий.

Восточный институт Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова как центр подготовки востоковедных кадров вносит большой вклад в развитие связей на уровне как бизнес-структур, так и государственных органов России, Монголии, Китая, Республики Корея, Японии. В настоящее время здесь обучаются студенты из более чем сорока регионов России, студенты из Китая, Монголии, Кореи, Турции, Королевства Камбоджа, Казахстана, Азербайджана, Армении и других стран. Данный факт является наиболее весомым доказательством высокого качества подготовки кадров — выпускники Восточного института востребованы на рынке труда.

Одной из важных целей, которую я пытался решить в бытность руководителем ВИ (2015–2019), — это создание собственной методической школы по преподаванию восточных языков. В рамках обозначенного направления деятельности мы направили наших молодых преподавателей китайского и корейского языков для обучения в аспирантуре при БГУ по педагогическим наукам. Несмотря на то что искомый результат в виде кандидатских диссертаций и степеней еще пока не получен, есть уверенность, что и для института, и для наших молодых преподавателей это стало хорошей основой для дальнейшего роста в научно-педагогической сфере.

В последние годы складывается достаточно противоречивая ситуация: с одной стороны, высокое качество образования привлекает абитуриентов из других регионов России, стран СНГ, соседних государств. С другой стороны, молодежь, получив хорошее образование, стремится реализовать себя и уезжает в крупные экономические центры. Получается, что качественное образование стимулирует миграционный отток молодежи, в т. ч. и молодых перспективных преподавателей. Несмотря на указанные объективные противоречия, современный Восточный институт развивается, расширяет связи, создает новые условия для студентов, формирует компетенции, которые позволяют им конкурировать на всероссийском и международном уровне.

Литература

1. Актамов И. Г., Мархакшинова Н. В. Структурно-содержательные особенности и педагогический потенциал культурно-образовательной среды Восточного института // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2015. № 1. С. 43–47.
2. Актамов И. Г. Культурно-образовательная среда Восточного института: идеологема и система // Педагогика городского пространства: теория, методология, практика: сб. трудов по материалам всерос. науч.-практ. конф. Самара: Изд-во АСГАРД, 2015. С. 178–185.
3. Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б. Образовательные стратегии студентов регионального вуза (на материалах Восточного института Бурятского государственного университета) // Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности?: сб. науч. ст. по итогам всерос. науч.-практ. семинара. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2019. С. 128–137.
4. Дашинимаева П. П. Об опыте административной работы. Послесловие к психологии коллектива // Университет Байкальской Азии: статьи, очерки, воспоминания. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 332–340.
5. Цыденова Д. С. Корейский язык — моя жизнь // Университет Байкальской Азии: статьи, размышления, воспоминания. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 256–260.
6. Шохоев Э. К. Восточный в сердце моем... // Университет Байкальской Азии: статьи, размышления, воспоминания. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 261–270.
7. Янгутов Л. Е. Восточный факультет БГУ // Университет Байкальской Азии: статьи, очерки, воспоминания. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 220–228.

УДК 371.31

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-275-278

**ДИСТАНЦИОННАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
МОНГОЛЬСКИХ УЧИТЕЛЕЙ-РУСИСТОВ В РАМКАХ ПРОЕКТА
«РОССИЙСКИЙ УЧИТЕЛЬ ЗА РУБЕЖОМ»**

© Леонтьев Эдуард Петрович

кандидат филологических наук, преподаватель, доцент
ФГБОУ МЦО «Интердом» им. Е. Д. Стасовой

Россия, г. Иваново

Томский государственный педагогический университет

Россия, г. Томск

ernestleontyev@mail.ru

Статья посвящена проблемам дистанционного образования как средства повышения профессиональной языковой компетенции монгольских учителей-русистов Увурхангайского аймака. Дистанционное обучение стало необходимым в силу развития эпидемического процесса COVID-19 и проявлением возможности получения качественного дополнительного языкового образования монгольскими учителями русского языка. Рассмотрены положительные и отрицательные стороны дистанционного обучения русскому языку учителей в Увурхангайском аймаке.

Ключевые слова: дистанционное обучение, русский язык, языковое образование.

**DISTANCE LEARNING IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE
TO TEACHERS OF RUSSIAN FROM MONGOLIA
WITHIN THE FRAMEWORK OF THE PROJECT «RUSSIAN TEACHER ABROAD»**

Eduard P. Leontyev

Cand. Sci. (Philol.), Teacher, A/Prof.,

International Centre of Education «Interdom» named after E. D. Stasova

Ivanovo, Russia

Tomsk State Pedagogical University

Tomsk, Russia

The article is devoted to the problems of distance education as a means of improving the professional language competence of Mongolian teachers-Russianists of the Uvurkhangai aimag. Distance learning has become necessary due to the development of the COVID-19 epidemic process and the manifestation of the possibility of obtaining high-quality additional language education by Mongolian teachers of the Russian language. The positive and negative aspects of distance learning of the Russian language of teachers in the Uvurkhangai aimag are considered.

Keywords: distance learning, Russian language, language education.

Точкой отсчета реализации культурно-просветительского проекта «Российский учитель за рубежом» стала официальная встреча министра просвещения РФ О.Ю. Васильевой и министра образования, культуры, науки и спорта Монголии Е. Баатарбилэга, на которой были определены потенциальные возможности расширения партнерских отношений России и Монголии в образовательной сфере (от общего до высшего образования) — изучение русского языка в Монголии в рамках проекта «Российский учитель за рубежом», т. е. «направление и обеспечение работы российских преподавателей в образовательных организациях общего образования Монголии» [Минпросвещения...]. Реализация проекта «Российский учитель за рубежом» дает возможность усовершенствовать владение русским языком, а также определенную инвестицию в распространение русского языка в Монголии через экспорт российских интеллектуальных и образовательных про-

грамм и услуг, внедрение программ мобильности преподавателей, через продвижение русского языка и культуры с использованием русскоязычных преподавателей, организации курсов изучения русского языка, а также налаживание партнерских контактов между школами России и образовательными учреждениями Монголии.

Уже с 1 сентября 2020 г. российские учителя начали свою работу в монгольских школах в Баянхонгорском, Дорнодском, Увурхангайском, Селенгийском и Хэнтийском аймаках в онлайн-формате в связи с COVID-19 и введением карантинных мероприятий. Четыре педагога осуществляют свою деятельность в образовательных организациях, где учебный предмет «русский язык» носит характер обязательного для изучения в школе обучающимися с 7-го по 9-й класс, и 2 педагога непосредственно работают с группой монгольских учителей русского языка Увурхангайского и Баянхонгорского аймаков.

Преподавание курса русского языка для монгольских учителей имеет первостепенное значение и является для них средством повышения профессиональной языковой компетенции, т.к. Монголии нужны учителя русского языка нового поколения. С уверенностью можно говорить, что у монгольских учителей-русистов есть большое желание владеть русским языком на уровне не только профессиональной деятельности как учителя-предметника, но и на уровне профессионального общения, как учителя-исследователя, учителя-специалиста. Можно отметить, что «русский язык стал для учителей Монголии средством свободного профессионального общения, реализации собственной профессиональной компетенции» [Леонтьев, 2020, с. 112].

Курсовое обучение русскому языку монгольских русистов предполагает повышение их профессиональной языковой компетенции через профессионально-ориентированный контекст, сочетая личностно-ориентированный подход по отношению к монгольским педагогам, через приобщение к традиционной русской культуре и национальным культурам народов России, а также через пополнение таких навыков, которые построены на профессиональных и лингвистических знаниях. В этом случае русский язык выступает основным инструментом повышения профессиональной компетентности и личностно-профессионального развития монгольских учителей русского языка, что впоследствии даст возможность для успешной профессиональной деятельности педагога [Леонтьев, 2021].

Серьезные изменения в реализации проекта и, в частности, очного обучения монгольских учителей внесло мировое развитие эпидемического процесса COVID-19, вследствие чего проект был вынужден продолжить свою деятельность в дистанционной форме обучения, которая основывается «на использовании широкого спектра традиционных и новых информационных технологий и их технических средств, которые применяются для доставки учебного материала, его самостоятельного изучения, диалогового обмена между преподавателем и обучающимся» [Андреев]. При такой форме обучения важную роль играет преподаватель, который направляет процесс обучения с целью его эффективности. Можно говорить, что такая форма обучения формирует новое профессиональное взаимодействие, правила дистанционного формата, что позволяет проводить занятия по русскому языку с использованием различных платформ в качестве возможного основного средства учебного взаимодействия.

Переход на дистанционное обучение монгольских учителей изменил не только контент обучения со всеми особенностями онлайн-обучения, но и ключевые подходы. В настоящее время преподавателями проекта используется проприетарная программа Zoom для организации видеоконференций, разработанная американской компанией ZVC, а также модерация закрытой группы в социальной сети Facebook (группа «Учителя русского языка Увурхангайского аймака»). Несмотря на дистанционную форму обучения, основной целью которого является повышение языковой профессиональной компетентно-

сти монгольских учителей-русистов, «цель обучения остается неизменной вне зависимости от формы организации учебного процесса» [Ускова, Ипполитова, 2017, с. 44].

Исходя из цели изучения русского языка и повышения языковой профессиональной компетентности, были определены положительные и отрицательные стороны дистанционной формы обучения:

– положительные — гибкость времени и местоположения (большинство монгольских учителей проживает не только в административном центре аймака Арвайхээре, но и в сомонах — Хархорин, Нарийнтгээл, Баян-Ундур, Уянга, Баянгол, Бат-Улзы, Есунзуйл, Улзийт, Тугруг, Баруунбаян-Улаан, Сант, Тарагт);

– отрицательные — отсутствие навыка использования технологии организации времени и повышения эффективности его использования, так называемого тайм-менеджмента; несовершенство интернет-связи в отдаленных сомонах.

За период работы дистанционных курсов с монгольскими учителями-русистами нами определены следующие проблемы дистанционной формы обучения:

1. Техническое оснащение. Не все монгольские учителя хорошо разбираются в компьютерах и технологиях (например, в первое время только подключение к занятию занимало у них достаточно большое время).

2. Отсутствие языковой среды. Отдаленность центра аймака и сомонов от столицы (430 км) не способствует использованию русского языка.

3. Дистанционная форма обучения только частично помогает в развитии устных навыков и социальных взаимодействий.

4. Медленная обратная связь с монгольскими учителями-русистами, по сравнению с традиционными занятиями. Отсюда увеличение затрат времени преподавателя для понимания эффективности обучения.

Появились проблемы и недостатки такого обучения и у монгольских учителей:

1. Увеличение объема домашней и самостоятельной работы для отработки и закрепления пройденного на занятии материала (одновременно с этим подготовка к своим урокам, ведение домашнего хозяйства и быта, воспитание и обучение собственных детей).

2. Проявление так называемого феномена «цифрового разрыва» (плохое качество связи в отдаленных сомонах).

3. Снижение мотивации к обучению и развитию самостоятельного мышления (отсутствие прямого взаимодействия между преподавателем и монгольскими обучающимися не дает возможности мотивировать некоторых монгольских учителей, отсутствие самомотивации и сосредоточенности при обучении на дистанционных курсах приводит к нарушению академической культуры с их стороны).

5. Трудности в освоении видов речевой деятельности (письмо, аудирование).

6. Психологические трудности общения в сети как особого вида коммуникации (большинство монгольских учителей подключаются к занятию в домашних условиях, где рядом могут находиться дети, которые играют, разговаривают, кричат, плачут и т. д.; готовят пищу для близких, занимаются уборкой и т. п.).

7. Появление проблем со здоровьем и в первую очередь со зрением.

Также нами определены и основные проблемы преподавателей:

1. Существенная переработка всех учебных материалов, презентаций, видео- и аудиоматериалов для занятий.

2. Увеличение затрат времени на подготовку к занятиям.

3. Результаты проверочных работ не дает полной уверенности в самостоятельности выполнения.

4. Отсутствие возможности контролировать письменные работы (обучать письму, а также формировать каллиграфическое письмо).

5. Появление проблем со здоровьем и в первую очередь со зрением.

Также необходимо остановиться на ключевых особенностях преподавания русского языка в дистанционной форме:

1. Профессиональное развитие преподавателя в контексте новых условий (умение использовать достижения современных компьютерных технологий).

2. Умение преподавателя сформировать и развивать навыки самостоятельной работы и самоконтроля монгольских учителей-русистов.

3. Обязательным условием при проведении занятий является включенная веб-камера (в силу условий, отраженных проблем и недостатков в п. 6, не всегда возможно).

4. Видеозапись занятий для их повторного просмотра (все видеозаписи выкладываются в группе «Учителя русского языка Увурхангайского аймака» социальной сети Facebook).

5. Возможность использования и применения новых методов и приемов обучения [Леонтьев, 2020/2021; Леонтьев, 2022].

В заключение отметим, что из-за пандемии COVID-19 появилась необходимость в использовании эффективных методов и форм работы для организации дистанционного взаимодействия с монгольскими учителями-русистами, несмотря на большое количество преимуществ и недостатков как для курсистов, так и для преподавателя, а шире — для качества самого языкового образования. В то же время использование различных современных мультимедийных инструментов, технологий и программного обеспечения для взаимодействия может повысить качество онлайн-обучения. Необходимо отметить и ключевой фактор успеха как самомотивацию курсистов, которая позволит успешно закончить дистанционное обучение.

Литература

1. Андреев А. А. К вопросу об определении понятия «дистанционное обучение». URL: http://www.e-joe.ru/sod/97/4_97/st096.html (дата обращения: 08.02.2022).

2. Леонтьев Э. П. Перспективы русского языка в современной Монголии // Terra Scimus: сб. ст. по итогам алтаеведческой научной ассамблеи «Алтай: Terra scimus», посвящ. рассмотрению проблемы «Культуры Алтая и алтайские языки: языковой менеджмент, маркетинговые стратегии, региональная идентичность» (21 октября 2020, г. Барнаул) / под ред. Н. В. Халиной и С. А. Манскова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 111–116.

3. Леонтьев Э. П., Баяртогтох Ж. «Клуб русского языка» как средство развития коммуникативной инициативы монгольских учащихся // Детская инициатива как условие личностного развития детей дошкольного и младшего школьного возраста: мат-лы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (10 декабря 2021 г.) / науч. ред. Г. Х. Вахитова; ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет». Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2022. С. 34–37.

4. Леонтьев Э. П., Баяртогтох Ж., Раднаева Б. Р. Изучение русского языка монгольскими педагогами в рамках проекта «Российский учитель за рубежом» как повышение профессиональной языковой компетенции // Векторы развития филологии в контексте модернизации современного филологического образования: мат-лы регион. науч.-практ. конф. «XXVIII Кудрявцевские педагогические чтения» (Иркутск, 27 марта 2021 г.) / отв. ред. Л. Н. Роженцова. Вып. 3. Иркутск: Аспринт, 2021. С. 111–114.

5. Леонтьев Э. П., Раднаева Б. Р. Приемы работы с видеотекстами на уроках РКИ в монгольской школе (на примере мультипликационных фильмов) // Yearbook of Eastern European Studies. 2020/21. № 9. С. 73–83.

6. Минпросвещения открывает набор учителей для участия в гуманитарном проекте. URL: <https://edu.gov.ru/press/2680/minprosvescheniya-otkryvaet-nabor-uchiteley-dlya-uchastiya-v-gumanitarnom-proekte/> (дата обращения: 08.02.2022).

7. Ускова О. А., Ипполитова Л. В. Дистанционная форма обучения русскому языку как иностранному: проблемы и перспективы // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2017. Вып. 5(782). С. 42–50.

УДК 37
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-279-283

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДМЕТНОЙ
И МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГОВ:
ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

© Жданко Татьяна Александровна

кандидат педагогических наук, доцент,
Центр оценки профессионального мастерства, квалификации педагогов
и мониторинга качества образования
Россия, г. Иркутск
tatiana-zhdanko@mail.ru

В статье актуализируется проблема устойчивого развития компетенций, проводится анализ сущности понятий «устойчивое развитие», «компетенция», «предметная компетенция», «методическая компетенция». Анализируются интерпретации данных понятий разными исследователями, определяется их проблемное поле. На основе анализа научной литературы дается авторское определение понятия «устойчивое развитие компетенций», а также определяется смысловое поле понятий «компетенция», «предметная компетенция», «методическая компетенция».

Ключевые слова: устойчивое развитие, устойчивое развитие компетенций, компетенция, предметная компетенция, методическая компетенция.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT SUBJECT
AND METHODOLOGICAL COMPETENCIES IN TEACHERS:
CHALLENGES AND INTERPRETATION

Tatiana A. Zhdanko

Cand. Sci. (Ped.), A/Prof.,
Centre for Assessment of Professional Skills, Qualifications
of Teachers and Monitoring of the Quality of Education
Irkutsk, Russia
tatiana-zhdanko@mail.ru

The article actualizes the problem of sustainable development of competencies, analyses the essence of the concepts of «sustainable development», «competence», «subject competence», «methodological competence». The interpretations of these concepts by different researchers are analysed, their problem field is determined. Based on the analysis of scientific literature, the author's definition of the concept of «sustainable development of competencies» is given, and the semantic field of the concepts of «competence», «subject competence», «methodological competence» is also determined.

Keywords: sustainable development, sustainable development of competencies, competence, subject competence, methodological competence.

В последнее десятилетие система образования в России постоянно сталкивается с экономическими и социальными вызовами. Изменение структуры общего образования (дошкольное образование — часть общего образования), введение профессионального стандарта педагога, создание национальной системы учительского роста и независимой оценки компетенций педагогов — все это влечет обновление содержания, методов, форм организации педагогического процесса, приведение их в соответствие с требованиями ФГОС, социальным заказом и интересами государства. Одним из стратегических векторов развития образования является необходимость формирования у специалистов профессиональных компетенций. Профессиональные компетенции педагогов в современных

условиях должны соответствовать международным требованиям и основным трендам устойчивого развития образования в РФ и регионе. «Именно поэтому современному специалисту недостаточно просто знать и уметь, необходимо знать и уметь, как действовать, а также быть уверенным в своих знаниях и возможностях их реализации» [Образование: эл. ресурс]. В связи с этим возникла необходимость определить сущность понятия «устойчивое развитие компетенций» педагогических работников. Сегодня устойчивое развитие рассматривается как «развитие, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений осуществляется без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои потребности» [Орлова-Горская, 2022]. Необходимость создания условий для устойчивого развития во всех сферах жизнедеятельности человека, в т. ч. и в образовании, актуализируется в нормативных актах и документах разного уровня, а также в научных исследованиях.

В указе Президента Российской Федерации № 440 от 01.04.1996 г. «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» говорится о том, что «переход к устойчивому развитию потребует скоординированных действий во всех сферах жизни общества, адекватной переориентации социальных, экономических и экологических институтов государства, регулирующая роль которого в таких преобразованиях является основополагающей», причем устойчивое развитие РФ будет обеспечиваться устойчивым развитием всех ее регионов [Указ, 1996].

В документе «Ключевые направления развития российского образования для достижения целей и задач устойчивого развития в системе образования до 2035 года» представлены факторы устойчивого развития современного образования в России. Определено влияние внутренних и внешних факторов на происходящие изменения в образовании, в структуре внутренних факторов выделен драйвер приобретения гибких навыков (soft skills), а это возможно только в тесной взаимосвязи с совершенствованием жестких навыков (hard skills), к которым относятся предметные и методические компетенции педагогов. В частности, одна из задач цели устойчивого развития (ЦУР 4с.) — «к 2030 году существенно увеличить обеспеченность квалифицированными учителями...» [Ключевые: эл. ресурс].

Как отмечает Е. А. Штакк [2019], «концепция устойчивого развития — это не только современная модель науки и общества, но и всеобщая система мировоззрения». Сегодня устойчивое развитие рассматривается как совокупность физического, природного и человеческого капитала и как процесс управления этими видами капитала, направленный на сохранение и расширение возможностей человека, в т. ч. и в плане развития и совершенствования компетенций.

Обратимся к интерпретации термина «компетенция» в научных исследованиях. Под «компетенцией» понимается «отчужденное, заранее заданное социальное требование (норма) к образовательной подготовке ученика, необходимой для его эффективной продуктивной деятельности в определенной сфере» [Краевский, Хуторской, 2008, с. 135]. Компетенция определяется как совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним. А. В. Хуторской рассматривает компетенцию как «круг полномочий, предоставляемых законом, уставом или иным актом конкретному органу или должностному лицу; круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом». Компетенция выражается в подготовленности будущего специалиста к решению задач с опорой на знания, умения и навыки, позволяющие осуществлять процесс целенаправленного, и выступает в качестве мотивированной способности и готовности к действию [Хуторской, 2003, с. 58–64].

По мнению И. А. Зимней, «компетенции — это некоторые внутренние, потенциальные, скрытые психологические новообразования (знания, представления, алгоритмы действий, системы ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлениях, автор обозначает круг этих компетенций, имея в виду их дальнейшие проявления как компетентностей» [Зимняя, 2004, с. 32–37].

Э. Г. Азимов и А. Н. Щукин [2009, с. 107] рассматривают компетенцию как «совокупность знаний, навыков, умений, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплины, а также способность к выполнению какой-либо деятельности на основе приобретенных знаний, умений, навыков».

С. Б. Серякова определяет компетентность как сложное личностное образование, основанное на профессионально-личностных ценностях, которые обеспечивают профессионально-личностное развитие специалиста и трансляцию им опыта профессионально ориентированной деятельности [Серякова, 2011, с. 123].

В научной литературе понятие «компетенция» трактуется неоднозначно, прослеживаются два направления в трактовке: с одной стороны, исследователи представляют ее как совокупность знаний, умений, навыков и их применение в деятельности, с другой — как интегративную характеристику, качество, свойство, образование личности, позволяющее осуществлять профессиональную деятельность продуктивно и качественно.

Компетенция в нашем исследовании понимается как способность и готовность личности, позволяющие осуществлять определенные успешные действия в профессиональной деятельности, базирующиеся на знаниях и умениях, позволяющие решать профессиональные задачи. Устойчивое развитие компетенций будет рассматриваться нами как процесс сохранения и расширения возможностей/человеческого капитала личности, а также управление процессом решения профессиональных задач в профессиональной деятельности на основе приобретенных знаний и освоенных умений.

А. В. Хуторской предлагает трехуровневую иерархию компетенций. К первому уровню он причисляет ключевые компетенции, которые относятся к общему (метапредметному) содержанию образования. Второй уровень определяют общепредметные (общепрофессиональные) компетенции, которые относятся к определенному кругу учебных предметов или образовательных областей. Предметные компетенции, которые являются составными по отношению к двум предыдущим уровням компетенций (имеют конкретное описание и возможность формирования при изучении определенных учебных предметов), ученый относит к третьему уровню [Хуторской, 2007, с. 387–390].

А. С. Киндяшова понимает под предметной компетенцией «интегральное свойство личности, выражающееся в наличии глубоких и прочных знаний по учебному предмету, в умении решать профессиональные задачи, возникающие в конкретной ситуации педагогической деятельности, в способности использовать полученные знания для достижения значимых результатов и включающее личностное отношение к предмету деятельности». Автор включает в структуру предметных компетенций совокупность когнитивного, операционного и мотивационного компонентов; а уровни формирования предметных компетенций представлены ознакомительным, репродуктивным и продуктивным; показатели сформированности предметных компетенций включают: на первом (ознакомительном) уровне — готовность к решению профессиональных типовых задач-упражнений элементарного уровня; на втором (репродуктивном) — готовность к решению компетентностных задач-упражнений репродуктивного уровня сложности; на третьем (продуктивном) — готовность к решению проблемных задач продуктивного уровня, обеспечивающих поисковую, познавательную деятельность студентов, направленных на форми-

рование самостоятельности действий в нетипичных ситуациях, в том числе к принятию нестандартных решений» [Киндяшова, 2016, с. 24].

Э.А. Ислямова рассматривает предметные компетенции как «особого рода предметные знания, умения, навыки, способы мышления, определенные способности, необходимые для результативного выполнения обусловленного действия в конкретной предметной области и включающие узкоспециальный запас знаний». Автор подчеркивает, что «предметная компетенция является ведущей при определении качества учебной деятельности обучающегося. Способность самостоятельно приобретать новые знания, умения по специальности, способность к решению проблем, способность к планированию. Предметные компетенции опираются на специфические атрибуты образования. Процесс их формирования напрямую связан с компетентностным обучением соответствующей дисциплине, что и определяет предметный аспект компетентности специалиста» [Ислямова, 2014, с. 38].

По мнению исследователей, сущность понятия «предметные компетенции» также неоднозначна. Предметные компетенции представляют собой совокупность предметных знаний, умений, навыков, овладение ими; свойство личности, включающее знания профессиональной деятельности и умения решать профессиональные задачи, а также такие компетенции, которые помогут достичь значимых результатов благодаря личностному отношению к предмету деятельности.

В смысловом поле интерпретаций определение «предметной компетенции», данное А. С. Киндяшовой, представляется нам наиболее полным в отношении профессиональной деятельности педагога. Предметная компетенция как интегральное свойство личности позволяет решать профессиональные задачи на основе глубоких знаний по преподаваемому предмету.

Обратимся к трактовке понятия «методическая компетенция». У Т. Б. Руденко [2004, с. 32] это «система знаний, умений, навыков и оптимальных сочетаний методов оперирования с педагогическими объектами, необходимая для профессиональной деятельности учителя и позволяющая выделить данную компетентность как частный вид профессиональной компетентности, органически входящий в нее».

Л. А. Гладун [2014, с. 48] отмечает, что «методические компетенции характеризуют способность педагога выполнять методическую деятельность и включают сочетание характеристик (качеств), являющихся результатом образования (самообразования), которые представляют собой знание, понимание и оценку собственных действий в методических (учебно-методических) условиях и умение качественно осуществить их в различных профессиональных ситуациях». Автором выделены содержание, структура методических компетенций специального педагога, предложены их классификация и методика исследования на основе компетентностного и деятельностного подходов к образованию.

И. В. Усольцева [2016, с. 11–12] под методической компетенцией педагога общеобразовательной организации понимает «интегративное качество личности, характеризующее профессиональную готовность педагогического работника к социально-психологической, коммуникативной и информационной деятельности, способность его к рефлексии и применению методических приемов и технологий для проектирования образовательного процесса в инновационной образовательной среде, нацеленное на развитие личности школьника через формирование универсальных учебных действий».

Анализируя позиции исследователей, мы пришли к выводу, что методическая компетенция — это качество личности/способность/готовность педагога, обладающего комплексом методических знаний и умений в определенной области познания, владение методами, приемами и технологиями, позволяющими ему качественно осуществлять профессиональную деятельность.

Анализ научной литературы показал неоднозначность в интерпретации терминов «устойчивое развитие компетенций», «компетенция», «предметная компетенция», «методическая компетенция». Семантическое поле данных понятий требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Гладун Л. А. Теоретическое исследование понятий педагогической и методической компетентности, компетенций // Science Time. 2014. № 11. С. 46–62.
3. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 39 с.
4. Ислямова Э. А. Теоретический анализ научных источников по формированию предметной и практической компетенций у будущих инженеров-педагогов // Актуальні проблеми державного управління, педагогіки та психології. 2014. № 2(11). С. 37–40.
5. Киндяшова А. С. Проектирование и реализация предметных компетенций будущих педагогов средствами задачной технологии (на примере учителей права) // Гуманизация образования. 2016. № 5. С. 23–28.
6. Ключевые направления развития российского образования для достижения целей и задач устойчивого развития в системе образования до 2035 г. URL: http://edu2035.fionir.ru/index.php/stati-opublikovannye-uchastnikami-soobshchestva/86-klyuchevye-napravleniya-2035#_Toc32484562 (дата обращения: 25.01.2022).
7. Краевский В. В., Хуторской А. В. Основы обучения. Дидактика и методика: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 352 с.
8. Образование в интересах устойчивого развития. URL: <https://ru.unesco.org/themes/obrazovanie-v-interesah-ustoychivogo-razvitiya-0> (дата обращения: 25.01.2022).
9. Орлова-Горская О. Устойчивое развитие и тренд на экологичность. URL: <https://tsqconsulting.ru/blog/sustainability#1> (дата обращения: 25.01.2022).
10. Руденко Т. Б. Особенности дидактико-методической компетентности учителя начальных классов // Начальная школа: Плюс до и после. 2004. № 12 С. 31–33.
11. Серякова С. Б. Компетентностный подход в образовании: от теории к практике // Информация и образование: границы коммуникаций. Горно-Алтайск. 2011. № 3(11). С. 121–125.
12. Указ Президента Российской Федерации № 440 от 01.04.1996 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120> (дата обращения: 25.01.2022).
13. Усольцева И. В. Совершенствование методической компетенции педагогов общеобразовательных организаций в период введения новых стандартов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Сургут, 2016. 24 с.
14. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.
15. Хуторской А. В. Современная дидактика: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М.: Высшая школа, 2007. 639 с.
16. Штакк Е. А. Компетенции в области устойчивого развития: контекст и стратегии формирования инновационной деятельности вуза // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29145> (дата обращения: 11.01.2022).

УДК 378.016:004.7
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-284-287

КАК ГОТОВИТЬ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ К ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УРОКА?

© Рулиене Любовь Нимажаповна

доктор педагогических наук, профессор,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
ruliene@bsu.ru

Обсуждается проблема готовности будущих учителей к выполнению действий в условиях дистанционного онлайн-обучения. Опираясь на субъективный педагогический опыт, автор выделяет признаки неготовности будущих учителей к цифровой трансформации урока — «виртуальную пассивность» и недостаточный уровень стандартных цифровых навыков. Приводятся примеры успешного опыта развития универсальных и профессиональных компетенций будущих педагогов в России и за рубежом. Обращается внимание на необходимость опережающей практико-ориентированной подготовки будущих учителей. Обсуждается опыт педагогического колледжа федерального университета в Дубае и колледжа городского университета Нью-Йорка. Выводы автора представляют собой рекомендации по совершенствованию педагогической практики студентов — будущих учителей: ускоренную подготовку будущих учителей к профессионально-педагогической деятельности в условиях цифровизации образования; непрерывный и очно-дистанционный формат педагогической практики; формирование готовности будущих учителей к цифровой трансформации урока; развитие цифровых компетенций будущих учителей во время онлайн-занятий.

Ключевые слова: студенты, педагогическая практика, онлайн-урок.

HOW TO PREPARE FUTURE TEACHERS FOR THE DIGITAL TRANSFORMATION IN CLASS?

Lyubov N. Ruliene

Dr. Sci. (Ped.), Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
ruliene@bsu.ru

The paper discusses the future teachers' readiness to perform roles and actions under the conditions of online distance learning. Based on subjective pedagogical experience, the author identified the signs of unpreparedness of future teachers for digital transformation of the lesson: «virtual passivity» and insufficient level of standard digital skills. Examples of successful experience in the development of universal and professional competencies of future teachers in Russia and abroad are given. Special attention is paid to the necessity of the advanced practice-oriented preparation of the future teachers. The experience of the Federal University Teachers College in Dubai and the City University College in New York City is discussed. The author's conclusions present recommendations for improving the pedagogical practice of student teachers: accelerated preparation of future teachers for professional and pedagogical activities under the conditions of digitalization of education; continuous and full-time distance format of pedagogical practice; formation of future teachers' readiness for digital transformation of the lesson; development of digital competencies of future teachers during online classes.

Keywords: students, pedagogical practice, online lesson.

Вынужденный дистант, вызванный COVID-19, заставил более серьезно задуматься о роли педагогов в современном обществе. Ведущие российские и зарубежные ученые, эксперты, преподаватели соберутся 17–18 марта 2022 г. на I Всероссийский форум «Пе-

дагогическое образование в российском классическом университете», чтобы обсудить проблему опережающей подготовки педагогических кадров.

Одним из важных компонентов процесса реализации образовательной программы «Педагогическое образование», обеспечивающим интеграцию теоретической подготовки студентов с практической педагогической деятельностью, является педагогическая практика. Компетенции студентов к профессионально-педагогической деятельности отражают их готовность к выполнению необходимых для работы в школе ролей, действий, а также способность эффективно применять имеющиеся знания, опыт в складывающихся и меняющихся условиях, ситуациях [Махова, 2014].

Пандемия ускорила цифровизацию образования и заставила школы перейти к дистанционному онлайн-обучению, организовать урочную и внеурочную деятельность с использованием платформы для онлайн-обучения. Например, в школе № 65 г. Магнитогорска смогли интегрировать отечественную онлайн-платформу «CORE» с ZOOM [Папкина, 2021], учителя школы № 5 г. Челябинска успешно апробировали онлайн-уроки, тестовые работы в системах Academtest.ru и Google-forms. Опрос, проведенный среди педагогов г. Нижнего Новгорода, выявил, что образовательные онлайн-платформы активно используют учителя в возрасте с 23 до 30 лет, а 30% педагогов (чаще всего старшего возраста) не обращаются за помощью к различным образовательным ресурсам.

Опыт преподавания педагогических дисциплин и рефлексивный анализ процесса подготовки будущих учителей в университете позволяет утверждать, что пандемия-2020 вскрыла одну из проблем педагогического образования — отсутствие готовности студентов — будущих учителей к цифровой трансформации урока. Исследование этой проблемы требует анализа образовательных программ и отчетов по педагогической практике. Но из-за отсутствия открытого доступа к аналитической информации об организации педагогической практики мы не сможем подготовить объективный ответ на этот вопрос. Опираясь на субъективный педагогический опыт, мы можем сказать, в чем выражается неготовность будущих учителей к цифровой трансформации урока. Процесс проведения онлайн-занятий на облачной платформе ZOOM показал, что у студентов — будущих учителей не сформирован минимум компетенций, необходимых для проведения онлайн-урока. Во-первых, поведение студентов во время онлайн-занятия можно назвать «виртуальной пассивностью»: большинство студентов предпочитают участвовать в ZOOM-конференции, не включая видео, потому что не видят в этом смысла, чувствуют себя некомфортно, стесняются или имеют нестабильное интернет-соединение. При включенной камере студентам необходимо быть у компьютера на протяжении всей лекции или семинара, а домашняя обстановка расслабляет.

Во-вторых, у будущих учителей недостаточно развиты стандартные цифровые навыки, необходимые для участия в видеоконференции: не все студенты умеют делиться экраном во время ZOOM-конференции, лаконично и эстетично оформлять слайды в соответствии с эргономическими и стилистическими требованиями к мультимедийной презентации; многие студенты не могут быстро переключаться в сессионные залы, дистанционно управлять экраном и т. д. Возможно, эти примеры свидетельствуют о том, что онлайн-занятия, в которых участвуют студенты, не позволяют им приобретать необходимые цифровые компетенции. Преподаватели ответственны за качество дистанционного онлайн-обучения, поэтому должны создавать условия, в которых студенты — будущие учителя будут практиковать навыки работы на онлайн-платформах, с сервисами для коллективной работы, проведения онлайн-опросов и др.

Анализ научных статей, размещенных в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» [Лашкова, 2022], показал, что в российских педагогических университетах внедряются методы неформального образования (мастер-классы, тренинги, деловые игры,

круглые столы) для развития универсальных и профессиональных компетенций будущих педагогов. Коллеги отмечают, что педагогическая практика часто сводится к простому копированию методов и приемов работы учителей школ и классных руководителей, поэтому предлагают организовывать непрерывную педагогическую практику как способ минимизации тревожности, неловкости, растерянности студентов-практикантов [Эдиева, 2018]. Нам представляется, что такой подход к организации педпрактики позволит формировать у студентов устойчивый интерес к педагогической деятельности в школе и реализовать опережающую практико-ориентированную подготовку будущих учителей.

Для студентов педагогического колледжа федерального университета в Дубае была организована виртуальная педагогическая практика [Mohebi, Meda, 2021], во время которой они в качестве учителей-стажеров приобрели бесценный опыт дистанционного обучения, научились удовлетворять разнообразные потребности детей в онлайн-классах, управлять временем, формулировать четкие инструкции для заданий, применять обучающее видео, онлайн-конкурсы и онлайн-игры.

Педагогическая практика студентов колледжа городского университета Нью-Йорка включала 2 этапа: 1-й — просмотр и обсуждение видеозаписи занятий в дошкольных учреждениях, 2-й — подготовка к проведению онлайн-уроков [Kim, 2020]. Был разработан онлайн-курс для студенческой практики, в рамках которого студенты-практиканты учились работать в системах Zoom, Google Hangouts, Blackboard Collaborate, практиковали различные опции видеоконференции (совместное использование экранов, рисование на доске, чат). Затем была создана группа детей дошкольного и детского сада из разных штатов США, родители которых дали согласие на участие их детей в экспериментальном виртуальном классе. После подготовительных мероприятий (онлайн-интервью с родителями, неформальные онлайн-беседы с детьми) были созданы проектные группы, в которых студенты готовили и репетировали онлайн-уроки. Студенты — онлайн-учителя проводили уроки на платформе ZOOM одновременно, в сессионных залах. Затем студенты объединились в общем зале, чтобы поделиться своими впечатлениями.

Как видим, преподавателям важно перестроить учебный процесс по отдельно взятой педагогической дисциплине, не дожидаясь «команды сверху» от административно-учебного аппарата. Так, во время онлайн-лекций в рамках курса «Педагогика» в 2020/21 уч. г. были изучены темы «Педагогическая деятельность школьного учителя в период пандемии», «Цифровые технологии как инструмент эффективного дистанционного обучения», «Методика проведения онлайн-урока» и др. Во время онлайн-занятий студенты-физики еженедельно проводили 10-минутные фрагменты онлайн-урока, учились объяснять сущность физических процессов и возможности цифровых технологий. В соответствии с дифференцированным онлайн-экзаменом те студенты, которые претендовали на «отлично», разработали и защитили онлайн-урок.

Выводы. 1. Эффективность педагогического образования требует решения проблемы опережающей подготовки педагогических кадров, одним из аспектов которой является ускоренная подготовка будущих учителей к профессионально-педагогической деятельности в условиях цифровизации образования.

2. Ускоренная подготовка студентов — будущих учителей требует трансформации педагогической практики: она должна быть непрерывной и очно-дистанционной.

3. Ключевой компетенцией студентов — будущих учителей на пути к школе является их готовность к цифровой трансформации урока.

4. Показателями неготовности студентов к цифровой трансформации урока являются «виртуальная пассивность» и недостаточно развитые стандартные цифровые навыки.

5. Онлайн-занятия по всем учебным дисциплинам должны стать полигоном для формирования цифровых компетенций будущих учителей, освоения методики проведения онлайн-уроков (в т. ч. и после пандемии).

6. Для развития компетенций будущих педагогов необходимо использовать методы неформального образования.

Литература

1. Лашкова Л. Л., Чуйкова И. В., Шанц Е. А. Неформальное образование в педагогическом вузе // Концепт. 2022. № 1. С. 15–27.
2. Махова О. В. От готовности к компетенции // Вестник Костромского государственного университета. 2014. Вып. 20, № 7. С. 186–188.
3. Папкина Н. В. Внедрение в школе урочной и внеурочной деятельности через работу на платформе для онлайн-обучения // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2021. № 3 (14). С. 63–66.
4. Эдиева Ж. Х. Непрерывная педагогическая практика в условиях педагогического вуза // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 110–112.
5. Kim J. Learning and Teaching Online During Covid-19: Experiences of Student Teachers in an Early Childhood Education Practicum. *IJEC* 52. 145–158 (2020). <https://doi.org/10.1007/s13158-020-00272-6>
6. Mohebi L., Meda L. Trainee Teachers' Perceptions of Online Teaching During Field Experience with Young Children. *Early Childhood Educ. J* 49. 1189–1198 (2021). <https://doi.org/10.1007/s10643-021-01235-9>

УДК 377

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-288-292

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО УРОКА
В КОНТЕКСТЕ ОБНОВЛЕННЫХ ФГОС**© **Фомицкая Галина Николаевна**

доктор педагогических наук, профессор,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

galinaf1961@mail.ru

Статья посвящена актуальной педагогической проблеме — разработке современного урока с учетом требований обновленных ФГОС общего образования. Данная проблема рассматривается на основе анализа изменений в стандарте, учет которых необходим при отборе содержания, методов, технологий и средств обучения в процессе подготовки урока. Отражены подходы к определению понятия «современный урок» и его места в дидактической системе. Определены роль и значение факторов, влияющих на отбор содержания урока.

Ключевые слова: стандарты третьего поколения, требования, изменения, современный урок, особенности.

**MODERN LESSON ORGANISATION IN THE CONTEXT OF THE UPDATED FEDERAL
STATE EDUCATIONAL STANDARDS***Galina N. Fomitskaya*

Dr. Sci. (Ped.), Prof.

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

galinaf1961@mail.ru

The article is devoted to an urgent pedagogical problem — the development of a modern lesson taking into account the requirements of the updated Federal State Educational Standards of general education. The problem is considered on the basis of changes in the standard, its review is necessary in the selection of content, methods, technologies and teaching tools in lesson preparation. The approaches to the definition of the concept of «modern lesson» and its place in the didactic system are reflected. The role and significance of the factors influencing the lesson content selection are determined.

Keywords: third generation standards, requirements, changes, modern lessons, features.

Мы живем в эпоху глобальных проблем, которые ставят под угрозу выживание человечества. Разработка и реализация стратегий по борьбе с ними требуют новых способов мышления, представляющих собой готовность делать выбор из множества альтернатив. Стремительное развитие компьютерных, информационных и телекоммуникационных технологий расширяет поле и возможности информационного пространства в предоставлении альтернатив выбора. Неограниченный поток информации и неограниченное количество способов ее «добывания» актуализируют проблему формирования умения находить информацию, критически ее перерабатывать, использовать для решения актуальных проблем.

Необходимо отметить, что технологический цикл потока информации имеет более сжатые сроки по сравнению с образовательным циклом. В этой связи меняются требования к организации образовательного процесса, актуализируется необходимость активного включения в этот процесс новых педагогических технологий, принципиально новых, нестандартных подходов к формированию информационной компетенции, самостоятельности в овладении новой информацией и новыми знаниями, оценке этих знаний. Любой

урок содержит в себе огромный потенциал для решения поставленных задач. Но одним из главных требований к современному уроку выступает его нацеленность на формирование самостоятельности ребенка в овладении знаниями. Однако установка на самостоятельность для отечественной дидактики не нова. Еще в свое время К. Д. Ушинский акцентировал внимание на самостоятельность в овладении знаниями из разных источников информации: «Следует передавать ученику не только те или иные познания, но и развивать в нем желание и способность самостоятельно, без учителя, приобретать новые познания... не только из книг, но и из предметов, его окружающих, из жизненных событий, из истории собственной души» [Ушинский, 1948–1952]. Такая установка, по сути, указывает на сущность современного урока и особенности его организации в контексте изменений, отраженных во ФГОС третьего поколения. Для рассмотрения особенностей данных изменений, необходимо, на наш взгляд, определить, какой в настоящее время вкладывается смысл в понятие «современный урок». В первом приближении к рассмотрению понятия мы придерживаемся устоявшегося мнения, что современный урок всегда имеет такое содержание, которое вызывает удивление, изумление, желание самостоятельно найти подтверждение интересному факту, неожиданному открытию.

Анализ исследований по данной проблематике указывает на различные подходы авторов к определению данного понятия. Из всего многообразия определений мы остановились на трех, которые, на наш взгляд, отражают характеристики урока, соответствующие современной образовательной практике.

Так, М. И. Махмутов, один из основоположников проблемного обучения, рассматривает современность урока через его динамичность и вариативность: «Урок — это динамичная и вариативная форма организации процесса целенаправленного взаимодействия (деятельностей и общения) определенного состава учителей (преподавателей) и учащихся, включающая содержание, формы, методы и средства обучения и систематически применяемая (в одинаковые отрезки времени) для решения задач образования, развития и воспитания в процессе обучения» [Махмутов, 1985].

Н. Е. Щуркова [1977], напротив, акцентирует внимание на сотрудничестве и атмосфере доброжелательности: «Современный урок — свободный урок, урок, освобожденный от страха: никто никого не пугает и никто никого не боится».

Нам близка позиция Ю. А. Конаржевского [2000], который при определении понятия концентрирует внимание на развитии личности обучающегося: «Современный урок — это, прежде всего урок, на котором учитель умело использует все возможности для развития личности ученика, ее активного умственного роста, глубокого и осмысленного усвоения знаний, для формирования ее нравственных основ».

С учетом вышеизложенного, а также на основе анализа имеющихся нормативных документов и практики общеобразовательной школы мы выделили следующие признаки, характерные для современного урока:

1. Единство обучения, воспитания и развития, нацеленных на результат.
2. Деятельностная основа обучения, ориентация на самостоятельность.
3. Динамичность и вариативность в организации урока.
4. Использование современных педагогических и информационных технологий.
5. Создание ситуации успеха, развитие внутренних стимулов (познавательный интерес, креативное мышление, потребность в качественном образовании).
6. Учет психологических, физиологических и возрастных особенностей каждого ребенка.

Указанные признаки современного урока находят подтверждение в дидактических требованиях к современному уроку, заложенных в самом образовательном стандарте. Дидактические требования предусматривают соблюдение взаимосвязи образовательной,

развивающей и воспитательной задач урока с учетом требований к организации процесса обучения, условиям его проведения и результатам освоения основной образовательной программы. Рассмотрим более подробно каждое из вышеуказанных требований через призму ФГОС основного общего образования третьего поколения [Приказ, 2021].

Важным, на наш взгляд, нововведением является функциональный подход к отбору содержания учебного предмета, ориентированный на установление единого содержания учебного предмета на всей территории страны, независимо от того, каким учебником пользуется тот или иной преподаватель. Главным ориентиром в этом процессе становится не учебник, а перечень учебных тем и примерные программы, размещенные на сайте Росреестра. То есть если для освоения материала в соответствии с перечнем учебных тем учителю необходимо отступить от материала учебника, он может это сделать самостоятельно, добавив в свою рабочую программу дополнительную тему.

В обновленных ФГОС подробно учтены психолого-педагогические и возрастные особенности школьников. В стандарте отсутствуют жесткие ограничения сроков освоения образовательной программы разного уровня для детей, обучающихся по индивидуальным учебным планам. Это означает, что у учителя при планировании урока появляется возможность отбора содержания учебного материала на основе дифференцированного подхода с учетом индивидуальной подготовленности ребенка. К примеру, для детей с выраженными способностями в обычном классе можно ориентироваться на индивидуальную скорость прохождения программы и предоставить ребенку возможность за один учебный год освоить программу двух лет обучения. Возможен и другой вариант, предполагающий увеличение объема учебного материала, а не темпа его усвоения. Так, учитель имеет возможность содержание учебного материала направить на расширение изучаемой области знаний, что позволит ребенку не продвигаться быстрее в освоении предмета, а развивать нелинейное мышление, креативность, умение работать самостоятельно.

Особую проблему для учителя при разработке урока представляет отбор содержания учебного материала для учащихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Обновленными ФГОС учтены и эти особенности через вариации предметов, индивидуальных видов учебной деятельности, определение критериев сдачи аттестационных работ. Например, для глухих и слабослышащих детей уроки музыки могут быть исключены из программы, а вместо обычной физкультуры предоставляется возможность проведения адаптивной физкультуры. Вариаций в этом направлении уже разработано множество. Так, некоторыми учителями предлагается для детей-инвалидов-колясочников заменить обычные упражнения дартсом, который развивает координацию движений, глазомер, меткость и точность броска, эмоционально-волевую сферу.

Еще одна особенность, отраженная в стандарте, заключается в том, что учителю предоставляется право выбора формы проведения урока, и эти формы четко обозначены документом:

- очная с применением дистанционных образовательных технологий;
- очно-заочная с применением дистанционных образовательных технологий;
- заочная с применением дистанционных образовательных технологий. При этом рекомендуется отдавать предпочтение очной и очно-заочной формам. Данная рекомендация, по сути, определяет формат работы с учащимися на уроке по каждой учебной дисциплине, поскольку для реализации триединых задач урока важны деятельностные формы обучения, применение технологий, ориентированных на практику.

Особое внимание в рассматриваемом документе акцентировано на определение путей интенсификации освоения учебного материала на уроке. Речь идет об умелом выборе учителем и применении на уроке информационных образовательных технологий. Активное внедрение в образовательный процесс школы электронной образовательной среды

актуализирует проблему выбора методов, технологий и средств, способствующих повышению интенсивности урока. Безусловно, использование на уроке электронных образовательных ресурсов позволяет учителю индивидуализировать процесс обучения, эффективно организовать групповую и самостоятельную работу на уроке, активизировать познавательную деятельность учащихся. Цифровые ресурсы осовременивают урок, делают его более интересным, создают атмосферу взаимопонимания и сотрудничества, мотивируют обучающихся к самостоятельной работе и в конечном итоге влияют на качество образовательных результатов. ФГОС определяет, какие конкретно электронные образовательные ресурсы могут быть задействованы на уроке: мультимедийные программы, виртуальные лаборатории, электронные учебники и задачки, коллекции цифровых образовательных ресурсов, содержание которых соответствует законодательству об образовании и способствует повышению качества усвоения материала и образовательных результатов.

Что касается результатов, то документ устанавливает конкретные результаты по каждому предмету, представленные списком навыков и знаний, которые ученик должен освоить за определенный период обучения. Анализ содержания этого списка показывает, что представленные в нем результаты имеют ярковыраженную практическую направленность. Это обстоятельство определяет приоритет деятельности учителя при организации современного урока: важно на уроке использовать разные педагогические технологии, способствующие активному и качественному формированию знаний и умений, обеспечивающие практический результат, а не просто озвучить в классе некоторое количество учебной информации.

Такая установка не случайна, она соответствует одному из направлений государственной политики в области образования. Так, В. В. Путиным перед системой образования поставлена суперзадача — войти к 2025 г. в 10 лучших стран в мировом рейтинге по качеству общего образования. Этот рейтинг составляется на основе результатов международных исследований образовательных достижений школьников разного возраста. В основном в рейтинге учитываются результаты трех обследований: PIRLS (читательская грамотность в 4 классах), TIMSS (математическая и естественно-научная грамотность в 4–8 классах) и PISA (математическая, естественно-научная и читательская грамотность 15-летних школьников).

Исследование PIRLS проводилось в 2016 и 2021 гг. Результаты 2021 г. будут известны в декабре 2022 г., а вот по результатам 2016 г. наши четвероклассники стали первыми в мире по читательской грамотности.

Исследование TIMSS проводилось в 2019 г. по математической грамотности и 4-е и 8-е классы заняли 6-е место среди 67 стран-участников исследования; по естественно-научной грамотности — 3-е и 5-е места соответственно.

По результатам исследования PISA в 2019 г. среди 79 стран-участниц, по читательской грамотности заняли 31-е место, по математической грамотности — 30-е, по естественно-научной грамотности — 33-е место. Результаты PISA указывают на необходимость формирования *Soft skills* — гибких навыков школьников, позволяющих ориентироваться в нестандартных ситуациях и находить практическое решение возникающих задач.

Результаты данного исследования актуализировали проблему формирования функциональной грамотности у подростков, что нашло отражение во ФГОС третьего поколения. В стандарте такие результаты представлены и подробно описаны в части метапредметных результатов, состоящих из трех блоков:

1-й блок — овладение универсальными учебными действиями (исследовательские, базовые логические и работа с информацией);

2-й блок — овладение универсальными коммуникативными действиями (общение и командная деятельность);

3-й блок — овладение универсальными регулятивными действиями (самоорганизация и самоконтроль).

Метапредметные результаты — это основа современного урока, их формирование предусматривает активное применение метапредметных технологий, формирующих надпредметные компетенции и способствующих овладению общими приемами, техниками, образцами работы, которые «лежат над предметами и воспроизводятся при работе с любым предметным материалом» [Хуторской, 2019].

Качество образовательных результатов по отдельно взятому предмету во многом определяется содержательностью, уровнем методической подготовки и эффективностью проведения урока. В связи с этим мы можем сделать вывод о том, что современный урок — урок действенный, технологичный, содержательный, соответствующий интересам ребенка, его родителей, общества, государства. Современный урок — это, прежде всего, современный учитель, деятельность которого в значительной мере сосредотачивается на уроке.

Таким образом, особенности, представленные в обновленном ФГОС основного общего образования, определяют критерии современного урока, соответствие которым указывает на уровень профессиональной компетентности учителя.

Учитель, стремящийся к постоянному развитию своего потенциала, к самореализации и самосовершенствованию, способен обеспечить условия для развития своих учеников, тем самым добиться результатов, соответствующих образовательному стандарту и личным ожиданиям учащихся.

Литература

1. Конаржевский Ю. А. Анализ урока. М.: Педагогический поиск, 2000. 126 с.
2. Махмутов М. И. Современный урок: монография. М.: Педагогика, 1985. 183 с.
3. Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/>.
4. Ушинский К. Д. Собрание сочинений: в 11 т. / под ред. А. М. Егорова. М.; Л., 1948–1952. Т. 10. С. 407.
5. Хуторской А. В., Громыко Ю. В. Сравнение метапредметных подходов. ФГОС // А. В. Хуторской. Персональный сайт — Хроника бытия; 06.01.2019 г. URL: <http://khutorskoy.ru/be/2019/0106>.
6. Щуркова Н. Е. Культура современного урока. Смоленск: Смол. обл. ин-т усовершенствования учителей, 1997. 114 с.

УДК 378 (091) (571.54)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-293-295

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ ГЕОГРАФИИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

© **Бабиков Владимир Александрович**
кандидат географических наук, доцент
mien_bsu@mail.ru

© **Гончиков Цыбен Дашицыренович**
кандидат географических наук, доцент
ek-geo@bsu.ru

© **Маладаева Ольга Климентьевна**
кандидат географических наук, доцент
maladaeva@bk.ru

© **Хальбаева Сэсэг Ринчиновна**
старший преподаватель
sesegmama@mail.ru

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ

В статье отражены основные моменты истории организации и развития высшего географического образования в Республике Бурятия. Основным результатом деятельности научно-педагогического коллектива отделения «География» является подготовка более 1000 профессиональных специалистов-географов, и 66 из них — это кадры высшей квалификации. Выпускники кафедры работают не только в образовательных учреждениях Республики Бурятия, но и в БНЦ СО РАН, в вузах, в министерствах и ведомствах, бизнесе и т. д.

Ключевые слова: география, кафедра географии, выпускники, учитель географии, диссертационный совет, наука, кандидаты наук.

GEOGRAPHICAL EDUCATION DEVELOPMENT AND GEOGRAPHY TEACHER TRAINING IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

Vladimir A. Babikov
Cand. Sci. (Geography), A/Prof.
mien_bsu@mail.ru

Tsyben D. Gonchikov
Cand. Sci. (Geography), A/Prof.
ek-geo@bsu.ru

Olga K. Maladaeva
Cand. Sci. (Geography), A/Prof.
maladaeva@bk.ru

Seseg R. Khalbaeva
Senior Lecturer
sesegmama@mail.ru

Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

The article reflects the main points in the history of the organisation and development of higher geographical education in the Republic of Buryatia. The role of the scientific and pedagogical staff of the Geography department at BSU is great, the department has trained more than 1,000 professional geographers, 66 of them are highly qualified personnel. Department graduates work not only in republican secondary educational institutions, but also in the BSC SB RAS, universities, ministries and departments, business, etc.

Keywords: geography, Department of Geography, graduates, geography teacher, dissertation council, science, candidates of sciences.

Географическое отделение в Республике Бурятия было открыто 1 сентября 1988 г. Идея его открытия была связана с нарастающей востребованностью в подготовке профессиональных географов, способных принимать активное участие в решении двух основных проблем — обеспечении учителями географии средних общеобразовательных школ (на тот период времени дефицит составлял 66%) и кадрами различных отраслей хозяйства республики в условиях Байкальского региона. Для организации географического отделения и кафедры географии ректоратом БГПИ им. Д. Банзарова были приглашены к.г.н., доцент Ц. Д. Гончиков и ст. преп. В. Х. Гончикова, работавшие в Читинском государственном педагогическом институте им. Н. Г. Чернышевского. За короткий срок была проведена большая работа по организации учебного процесса и созданию материальной базы отделения. Через год, т. е. 7 октября 1989 г., была открыта кафедра географии. Состав первой кафедры географии: Ц. Д. Гончиков — заведующий кафедрой, к.г.н., доцент; Ц. Ц. Цырендоржиев — к.г.-м.н., доцент; С. С. Бахрунова — к.п.н., ст. преподаватель; В. Х. Гончикова — ст. преподаватель; С. Е. Кутейников — ассистент; М. В. Мантурова — лаборант. В дальнейшем на кафедру были приглашены Э. Ц. Дамбиев, к.г.-м.н., ст. научн. сотрудник Т. Т. Тайсаев, Л. В. Хышектеуева и Г. Б. Батомункуева.

30 апреля 1989 г. на базе кафедры географии были образованы 2 кафедры — кафедра экономической и социальной географии (заведующий д.г.н., профессор Б. Л. Раднаев) и кафедра физической географии (заведующий д.г.н., профессор К. Ш. Шагжиев).

В последующем на географических кафедрах работали известные доктора наук, профессора: К. Ш. Шагжиев, В. Е. Викулов, Т. Т. Тайсаев, А. Б. Иметхенов, Б. Л. Раднаев, Д. Д. Мангатаева, Э. Ц. Дамбиев, А. К. Тулохонов, А. Н. Бешенцев, Л. Л. Убугунов, Г. Д. Чимитдоржиева. В настоящее время на кафедре 2 доктора географических наук — Е. Ж. Гармаев и Б. О. Гомбоев.

В августе 2015 г. в результате слияния двух кафедр была образована кафедра географии и геоэкологии и заведующим стал д-р г. н., профессор Б. О. Гомбоев.

Географическое отделение выпустило свыше 1000 профессиональных географов. Они работают во всех сферах деятельности: в образовательных учреждениях, высших учебных заведениях, научных учреждениях, государственном управлении, бизнесе и т. д. [Гончиков, 2018, с. 10].

При организации географического отделения уделялось особое внимание на три основополагающих положения:

- поставить на должный уровень учебно-методическую работу как основной залог дальнейшего продвижения в образовательном пространстве;
- в учебном процессе помимо общих и региональных географических закономерностей особо выделять эколого-географические аспекты в соответствии с экологической ситуацией оз. Байкал и Байкальского региона, а также, с потребностями Республики Бурятия в географических кадрах;
- установить тесные контакты с фундаментальной географической наукой (БНЦ СО РАН) и научно-практическими организациями для повышения уровня научной подготовки студентов и приобретения ими системы практических навыков.

В 1998 г. на базе географического отделения БГУ был создан диссертационный совет по географическим специальностям. С 1998 по 2012 г. на совете защитились 57 соискателей. 9 выпускников БГУ защитились на других диссертационных советах [Гончиков, 2013, с. 9].

С 2019 г. на кафедре технологического образования и профессионального обучения Педагогического института БГУ осуществляется набор по направлению подготовки «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки — «технология и география». В текущем 2022 году завершает учебу 29-й выпуск. Контингент студентов значительно расширился: к нам поступают выпускники из различных регионов Сибири и Дальнего Востока.

Кафедра географии и геоэкологии факультета биологии, географии и землепользования и педагогический институт на данный момент являются крупными учебно-научными подразделениями БГУ, которые готовы к дальнейшему активному участию в исследованиях проблем устойчивого развития региона и в подготовке географических кадров.

Таким образом, в Республике Бурятия сложилась устойчивая система высшего географического образования науки и практики, которая требует своего дальнейшего развития. Вызовы сегодняшнего времени различного содержания определяют настоятельную необходимость участия в их разрешении специалистов высшего географического образования [Гончиков, 2015, с. 167].

Литература

1. Гончиков Ц. Д. К 25-летию высшего географического образования в Республике Бурятия // Актуальные эколого-географические и социально-экономические проблемы Байкальского региона и сопредельных территорий: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 28–29 мая 2013 г.) / под науч. ред. Ц. Д. Гончикова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. 246 с. С. 4–11.
2. Гончиков Ц. Д., Гомбоев Б. О. Географические науки и образование // Исследования природных феноменов и социально-экономических процессов в Азиатской России и Монголии: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 9–10 октября 2015 г.) / под науч. ред. Ц. З. Доржиева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. 204 с. С. 162–167.
3. Гончиков Ц. Д. К 30-летию высшего географического образования в Республике Бурятия // Устойчивое развитие в Восточной Азии: актуальные эколого-географические и социально-экономические проблемы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 18–19 мая 2018 г.) / под науч. ред. Ц. Д. Гончикова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. 476 с. С. 6–11.

УДК 159.922.7
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-296-301

**РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОИЗВОЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ:
ВОЗРАСТНОЙ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

© **Гармаева Татьяна Владимировна**

кандидат психологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
gtv_2004@rambler.ru

© **Гребенникова Ольга Владимировна**

кандидат психологических наук, доцент,
Психологический институт Российской академии образования
Россия, г. Москва
grebennikova577@mail.ru

В статье представлены материалы изучения научных подходов к пониманию ведущей роли произвольности и произвольного поведения детей в развитии их личности. Авторами проанализированы факторы развития произвольного поведения в дошкольном детстве. Приведены результаты эмпирического исследования произвольного поведения старших дошкольников в период 2006 года (n=149) в контексте межличностного общения со сверстниками и произвольного кодирования эмоций. Обобщены результаты исследования современного состояния развития произвольного поведения детей в контексте психологической готовности к обучению в школе за период с 2014 по 2021 г. (n=173). А также дан сравнительный анализ особенностей развития произвольного поведения русских детей и детей-бурят в контексте общей социализации современных дошкольников.

Ключевые слова: произвольность, волевые качества, произвольное поведение, старшие дошкольники, работоспособность, воля, сверстниковое общение, детская субкультура.

REALITIES AND PROSPECTS FOR
CHILDREN'S RANDOM BEHAVIOUR:
AGE, SOCIO-CULTURAL AND ETHNIC ASPECTS

Tatiana V. Garmaeva

Cand. Sci. (Psych.), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
gtv_2004@rambler.ru

Olga V. Grebennikova

Cand. Sci. (Psych.), A/Prof.,
Psychological Institute of Russian Academy of Education
Moscow, Russia
grebennikova577@mail.ru

The article presents materials for studying scientific approaches to understanding the leading role of arbitrariness and voluntary behaviour in children in their personal development. The authors analysed the factors of developing voluntary behaviour in preschool childhood. The results of an empirical study of the voluntary behaviour in older preschoolers in the period of 2006 (n=149) in the context of interpersonal communication with peers and arbitrary coding of emotions are presented. The results of studying the development of voluntary behaviour in children in the context of psychological readiness

for schooling for the period from 2014 to 2021 (n=173) have been summarised, as well as the comparative analysis of voluntary behaviour in Russian and Buryat children in the context of the general socialization of modern preschoolers.

Keywords: arbitrariness, volitional qualities, voluntary behaviour, older preschoolers, working capacity, will, peer communication, children's subculture.

Введение. Традиционно формирование произвольности и произвольного поведения рассматривается в контексте общей социализации детей, коммуникации со сверстниками и взрослыми, эмоционального развития, готовности к обучению в школе и школьной зрелости. Понимание произвольности как способности владеть своим поведением и психическими процессами, обуславливает ее значимость и в работе с детьми с проблемами развития различного спектра по причине ее взаимосвязи со всеми сферами психического развития.

На сегодня произвольность рассматривается в контексте игровой деятельности и общения ребенка со взрослыми (Д. Б. Эльконин, Н. Я. Михайленко, М. И. Лисина, Е. О. Смирнова и др.). Наличие исследований роли сверстников в ее развитии в детстве (З. В. Мануйленко, Е. В. Субботский, Б. Коутс, К. Ален, Б. Харт и др.) оставляет открытым вопрос о характере данного влияния, так как речь идет о взаимодействии в самых разнообразных ситуациях, форматах и условиях (в дошкольных образовательных организациях, семейного общения и т. д.).

Развитие и социализация детей осуществляется в границах социума, подвергаясь воздействию различных экономических, демографических, социокультурных, этнокультурных факторов и т. д. На сегодня сверстниковое общение современных детей сопровождается наличием у них различных гаджетов и владением интернет-технологиями, что отражается на их психическом развитии в целом и на разворачивании элементов эмоционально-волевой сферы в частности. Рассматривая контекст формирования произвольного поведения детей, мы уже можем говорить о необходимости дифференциации их общения и взаимодействия на непосредственное и опосредованное информационно-коммуникативными технологиями. Необходимо обратить внимание и на меняющийся контекст общей социализации современных детей, имея в виду значение детской субкультуры и ее трансформаций, а также роль национально-регионального компонента в образовании, развитии и коммуникации в целом. Изучение особенностей и возможных факторов развития произвольного поведения детей не утрачивает своей актуальности и практической значимости в силу важности в выстраивании взаимодействия с людьми, при этом не только в мотивационном плане, но и в эмоциональной его составляющей (эмоциональная саморегуляция, произвольное кодирование эмоций).

Методология и методы. Формирование произвольности признано в отечественной психологии в качестве ведущей линии развития личности ребенка еще Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым, Л. И. Божович. О формировании личностного поведения как возникновения произвольных действий и поступков писал Д. Б. Эльконин. Однако несмотря на отмечаемую значимость проблемы формирования произвольного поведения детей, в образовательной, психологической практике наблюдаются периоды снижения интереса к ее изучению [Гребенникова, 2009].

В целом проблема произвольности поведения человека рассматривается либо в контексте сознания (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, Д. Б. Эльконин и др.), либо мотивационной сферы (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Л. И. Божович, В. А. Иванников и др.). Для анализа в нашем исследовании важным является общепринятое в отечественной психологии представление Л. С. Выготского [1959] о произвольном (и волевом) поведении как опосредованном и осознанном, т. е. управляемом. Именно опосредованность открывает возможность учитывать социокультурный и этнический аспекты формирования

произвольного поведения детей. Немаловажна в этом случае и связь с мотивационной сферой, с желаниями и потребностями современных дошкольников, в т. ч. в контексте детской субкультуры и коммуникации. И в этом случае необходимо иметь в виду подход Е. О. Смирновой [1998] к пониманию воли и произвольности, а также их взаимосвязи, как становления мотивов деятельности ребенка в первом случае и осознанности своего поведения — во втором.

Е. О. Смирнова, как и многие другие психологи, признавала роль сверстников и осуществляемой совместно с ними игровой деятельности в становлении произвольности в детстве. Более того, выявлено, что просто присутствие другого ребенка уже оказывает воздействие в плане проявления самостоятельности и осознанности поведения: дети отражаются друг в друге в плане и контроля, и самоконтроля (М. И. Лисина, А. Г. Рузская, Л. Н. Галигузова и др.). Так присутствие и участие сверстников облегчает осознание своего поведения и самоконтроль: оно, с одной стороны, усиливает мотивацию к деятельности, с другой — способствует осознанию своего поведения. При этом многое зависит от возраста детей и характера отношений к сверстникам. В этом же направлении рассматривают роль сверстника в поведении детей представители школы социального научения, отмечая значение механизма подражания и подкрепления, когда сверстник выступает в роли «модели» (У. Хартап, Б. Коутс, М. Вулф, К. Рубин и др.).

Актуальным также остается вопрос роли детских игр как элемента детской субкультуры. Значимые для развития произвольности игры с правилами, подвижные, экспрессивные и коммуникативные могут быть представлены и в национальном варианте. На сегодня они активно используются в дошкольных образовательных организациях Республики Бурятия в контексте реализации национально-регионального компонента дошкольного образования или инновационной деятельности с целью сохранения национального наследия бурятского народа. Национальные подвижные или настольные игры формируют у дошкольников наряду с этническим самосознанием и навыки самоконтроля, регуляции своего поведения и эмоций. На сегодня появляется и новый контекст их использования и вовлечения в них детей — это интерактивные варианты игр с национальным уклоном или со знанием национальных традиций.

Многое в детской субкультуре создается и передается самими детьми наряду с элементами, создаваемыми и транслируемыми взрослыми (печатная продукция, видеоматериалы, игры и др.). Она представляет собой совокупность ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, осуществляемых в детских сообществах в конкретно-исторической социальной ситуации развития. А это также во многом определяется образцами взрослого поведения и нередко работает на уровне подражания. Что ребенок видит в непосредственном и опосредованном гаджетами общении взрослого, какие его поведенческие реакции (мотивационный и эмоциональный их аспект), тому он и подражает. Наряду с этим компьютерные или телефонные игры, видеоролики в интернете серьезно и надолго притягивают его и в мотивационном плане. «Технический прогресс отражается не только на средствах информации и коммуникации, но и на психологии» [Смирнова, 2015, с. 26]. И в этом случае также речь идет о произвольности поведения детей, обращающей на себя внимание и родителей, и педагогов в такие моменты по причине непослушания и ярких отрицательных эмоциональных реакций при попытке оторвать детей от экранов телевизоров и гаджетов и т. п.

Все вышеотмеченное обуславливает необходимость анализа возможных изменений в развитии произвольного поведения детей. Для сравнительного анализа были взяты эмпирические данные диссертационных исследований произвольного поведения дошкольников в контексте межличностных отношений и произвольного кодирования эмоций, проведенных О. В. Гребенниковой и Т. В. Гармаевой в 2006 г. с детьми Москвы (29 чел.) и

Улан-Удэ (120 чел.). Также были проанализированы данные последующих диагностических исследований произвольного поведения 173 детей г. Улан-Удэ в рамках психологической готовности к школе (2014–2021).

Исходя из определений произвольности, нами были учтены такие аспекты в выборе критериев диагностики, как способность опосредствовать свои действия правилом; направленность на достижение цели и устойчивость к посторонним раздражителям и помехам; а также такие критерии волевой готовности детей к школе как работоспособность, усидчивость, волевые качества и стеничность. В связи с этим диагностическим инструментарием выступили такие методики, как игра с правилом «Хитрая лиса» (опосредованность в данном случае была связана с выполнением правила), экспериментальные ситуации «Донеси постройку» (модификация методики В. К. Котырло «Изучение целенаправленности деятельности»). С целью изучения устойчивости детей к помехам были использованы экспериментальные ситуации: рисование черточек в условиях возникающих помех и в процессе реализации методики «Не подглядывай» (Е. О. Смирновой). Кроме того, учитывались данные наблюдений в продуктивных видах деятельности детей и опросе педагогов.

При определении экспериментальных показателей важно было учитывать не только правильность выполнения задания, но и мотивационный аспект, который выражается в эмоциональном отношении к заданию и его результатам. В этой связи были выделены следующие показатели анализа произвольного поведения детей: степень эмоциональной вовлеченности в действие (желание, интерес); опосредованность и сосредоточенность (удержание средства); точность выполнения действия; эмоциональное реагирование на результат своих действий. Первый и последний показатели отражают мотивационно-волевой аспект действия, а второй и третий — операционально-технический. Также нами параллельно была проанализирована эмоциональная саморегуляция у детей-бурят.

Результаты и их обсуждение. Актуальность проблемы формирования волевой сферы современных дошкольников доказывают полученные результаты исследования динамики выбранных ее критериев (табл. 1), проведенная статистическая проверка показала значимые различия в уровнях сформированности у детей работоспособности ($U_{эмп}=622$) и стеничности ($U_{эмп}=579$). Эти данные свидетельствуют об ухудшении результатов старших дошкольников в сравнении с показателями разных периодов (2014 и 2021). Как видно из данных таблицы, разница в средних показателях присутствует и в развитии волевых качеств, и эмоциональной регуляции. Однако статистически значимой разницы по ним обнаружено не было.

Таблица 1

Средние значения компонентов волевой готовности детей к школе

Критерии	2014 N=44	2015 N=23	2016 N=26	2019 N=39	2021 N=41
Работоспособность	2.6	2.5	2.5	2.5	2.0
Волевые качества	2.6	2.3	2.5	2.6	2.2
Стеничность	2.5	2.3	2.4	2.6	2.0
Эмоциональная регуляция	2.6	2.4	2.4	2.5	2.2
Средний балл	2.58	2.38	2.45	2.55	2.1

Одной из возможных причин подобного снижения показателей в 2021 г., на наш взгляд, может выступать ситуация обучения в дистанционном формате, когда дети были лишены непосредственного общения и взаимодействия, так как именно в нем дошкольник не только узнает новое и интересное, но и с большим успехом социализируется. При этом социализация понимается не только в контексте расширения репертура социальных ролей и т. д., но и

усвоения норм социокультурного взаимодействия, сопряженного с необходимостью соблюдения определенных правил, формирования волевых качеств и уровня притязаний, а также получения информации для самооценивания и т. д. [Гармаева, 2021].

Однако данное предположение противоречит полученным в 2006 г. результатам более тщательного исследования произвольности детей в разных ситуациях: при выполнении заданий индивидуально, со сверстниками или со взрослым (табл. 2). Данные свидетельствуют о том, что в ситуации присутствия сверстников в экспериментальных условиях при выполнении заданий дети чаще всего отвлекались, отказывались от выполнения в пользу привлекательной деятельности, более эмоционально реагировали (1,5 балла) и т. д., тогда как произвольность поведения была более высокая при индивидуальном выполнении заданий или в присутствии взрослых. Так, старшие дошкольники либо вовсе не отвлекаясь доводили начатое дело до завершения, либо отвлекались на помехи, но, посмотрев на взрослого, возвращались к его выполнению. Иными словами, присутствие сверстников положительно влияет на психоэмоциональное состояние ребенка, однако при этом снижает уровень его произвольного поведения, что носит в определенной мере оттенок возрастной специфики дошкольного детства.

Таблица 2
Показатели произвольного поведения детей в коммуникативных ситуациях

2006 год (N=29) Москва	Индивид-но	Со взрослым	Со сверстниками	Общее
Эмоц. вовлеченность	1,3	1,5	0,9	1,23
Сосредоточенность	1,2	1,8	0,5	1,16
Точность	1,1	1,7	0,6	1,13
Эмоц. реагирование	0,5	1,2	1,5	1,06
Общий средний балл	1,03	1,55	0,88	1,15

Социокультурный и этнический аспекты развития у старших дошкольников произвольности поведения как умения управлять своими поступками, стремлением и настроением мы посчитали возможным отследить по результатам русских детей и детей-бурят. Следует отметить, что несмотря на разные периоды проведения обследования детей и некоторые отличия в средних значениях, статистически достоверных различий в результатах обнаружено не было, о чем свидетельствуют данные таблиц 3 и 4.

Доказательством несколько более высокого уровня регламентации поведения у детей-бурят выступало то, что многие из них, выполняя задание, очень четко следовали инструкции и представленным способам работы, тогда как русские дети нередко проявляли творчество и инициативу в отношении продукта творческой деятельности или в ситуации дополнительных помех [Гармаева, 2006]. Не имело в этом случае значения и место проживания русских детей: в таблице 3 отражены данные детей из Москвы, а в таблице 4 — из Улан-Удэ, т. е. социализирующиеся в одинаковых социокультурных условиях. Дети обеих выборок достаточно быстро возвращались к выполнению задания и получению результата своей работы, демонстрируя при этом сформированность самоконтроля и саморегуляции. На сегодня это, возможно, обусловлено всеобщим пронизывающим жизнь воздействием информации различных средств телекоммуникации и общения, а также транслируемыми ими стереотипами поведения, взаимодействия и самоощущения, нередко в ущерб национальным ценностям.

Таблица 3

Средние показатели произвольности русских детей и детей-бурят

Критерии (2006 г.)	Буряты (N=50)	Русские (N=70)
Реакция на помехи	2.1	2.3
Реакции в продуктивной деятельности	2.3	2.4
Средний балл	2.2	2.1

Таблица 4

Сравнительные данные средних показателей сформированности критериев волевой готовности детей к обучению в школе

Критерии (2014–2021 гг.)	Буряты (N=78)	Русские (N=96)
Работоспособность	2.42	2.36
Волевые качества	2.37	2.45
Стеничность	2.35	2.31
Эмоциональная регуляция	2.57	2.34
Средний балл	2.43	2.37

Выводы. Для развития произвольности поведения детей значимыми являются как взрослые, так и сверстники, выступающие образцом для подражания. Более высокие показатели ее развития старшие дошкольники показывают в ситуации присутствия взрослого, тогда как в присутствии сверстников детям сложнее демонстрировать устойчивость интереса к заданиям, сосредоточенность, самоконтроль и управление поведением в силу более выраженных эмоциональных реакций.

Характер влияния сверстника на произвольное поведение ребенка определяется не только отношением к нему, но и мерой их включенности в детскую субкультуру, имеющей двойное значение. С одной стороны, она в определенной мере обуславливает мотивацию на общение и самоконтроль детей, с другой — отдельные ее элементы вызывают эмоциональную зависимость, отрицательно сказываясь на таких критериях произвольного поведения, как переключение и сосредоточение.

Специфика современной детской субкультуры и социальные факторы ее трансформации способствуют сглаживанию этнокультурных различий в развитии произвольного поведения, выдвигая на первый план роль психофизиологических аспектов.

Литература

1. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1959. 519 с.
2. Гармаева Т. В. Психолого-педагогические аспекты подготовки детей к школе и адаптации к школьному обучению в контексте дистанционного взаимодействия // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2021. № 2. С. 46–53.
3. Гармаева Т. В. Сравнительный анализ развития эмоций у русских и бурятских детей старшего дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 28 с.
4. Гребенникова О. В. Психолого-педагогические условия развития произвольного поведения дошкольников // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 1(3). URL: <http://psystudy.ru>
5. Смирнова Е. О. Развитие воли и произвольности в раннем и дошкольном возрастах. М.: Изд-во Института практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. 256 с.
6. Смирнова Е. О. Современная детская субкультура // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 4(88). С. 25–35.

УДК 378:78(571.54)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-302-305

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ (СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)**

© Гончикова Мэдэгма Цыдендамбаевна
кандидат исторических наук, доцент
medegmag@mail.ru

© Ламаева Баярма Васильевна
старший преподаватель
lamaeva@mail.ru

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ

Сегодня система музыкального образования — в поиске новых путей развития, творческого обновления, дальнейшего совершенствования научно-исследовательской и учебно-методической деятельности, пополнения кадрового потенциала молодыми квалифицированными специалистами. В связи с этим в данной статье нами рассмотрен исторический опыт организации высшего профессионального музыкального образования в Бурятии.

Ключевые слова: культура, музыка, история музыкального образования, система музыкального образования, вуз, подготовка кадров.

**HIGHER PROFESSIONAL MUSIC EDUCATION HISTORY
IN THE REPUBLIC OF BURYATIA (SOVIET PERIOD)**

Medegma Ts. Gonchikova
Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
medegmag@mail.ru

Bayarma V. Lamaeva
Senior Lecturer
lamaeva@mail.ru

Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

Today, the music education system is searching for new ways of development, creative renewal, further improvement of research and teaching activities, replenishment of human resources by young qualified specialists. In this regard, the article has reviewed the historical experience of the organisation of higher professional music education in Buryatia.

Keywords: culture, music, history of music education, music education system, university, personnel training.

Одной из значимых заслуг советской модели системы музыкального образования является то, что она позволяла реализовать принцип непрерывности и преемственности в решении кадрового вопроса. Кардинальные изменения, произошедшие в социально-политической, экономической и культурной жизни страны в 1990-х гг., коснулись всех звеньев (школа, училище, вуз) устоявшейся системы музыкального образования. Так, детские образовательные учреждения (школы искусств и детские музыкальные школы) были отнесены к системе дополнительного образования; средние специальные учебные

заведения реорганизованы в колледжи. В начале 2000-х гг. во многих отечественных вузах произошел переход на двухуровневую систему: бакалавриат — магистратура. Данные преобразования в системе образования вызвали ряд серьезных вопросов в решении проблемы подготовки кадров. В связи с этим большой интерес представляет изучение исторического опыта формирования высшего профессионального музыкального образования в Бурятии.

В контексте изученности проблемы в советский период следует назвать ряд исследований, в которых отражены различные аспекты истории музыкальной культуры и образования региона. История развития культуры Бурятии исследована в фундаментальных трудах: «История Бурят-Монгольской АССР», «Очерки истории культуры Бурятии» и др. В них отражены общие положения национальной культурной политики государства, преобразования культурных учреждений в советский период. Обобщающий характер носят труды Б. С. Санжиева, Б. В. Базарова, К. Б.-М. Митупова, З. Е. Цыреновой, В. В. Номогоевой, М. С. Антоновой, где анализируются проблемы национально-культурной политики XX в. Проблемы становления и развития профессионального музыкального образования освещены в трудах П. М. Берлинского, М. Ц. Гончиковой, Т. Б. Дугаровой, С. Б. Самбуевой и в различных сборниках статей.

К концу 1950-х гг. в республике встал вопрос о необходимости открытия вуза для решения проблемы обеспечения высококвалифицированными кадрами учреждений культуры. Подготовка национальных кадров, в основном оперных певцов, реализовывалась в рамках целевого направления в ведущих музыкальных вузах страны.

Клубные учреждения перестали быть монополистами в деле организации художественной самодеятельности: многочисленные кружки действовали на предприятиях, в цехах, учреждениях, учебных заведениях и т. д. В своей работе К. Б.-М. Митупов отмечает, что «в 1959 г. численность культпросветработников составляла 1620 человек. Этот отряд интеллигенции был наименее образованным: 64% кадрового состава — практики, доля специалистов с высшим образованием равнялась 8%» [Митупов, 1986, с. 109]. Подготовкой руководителей и специалистов для этой категории коллективов никто не занимался. В целях решения данной проблемы Постановлением Совета министров СССР от 20 сентября 1960 г. № 1008 [Государственный архив Республики Бурятия. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 2998. Л. 1.] и приказом министра культуры РСФСР от 14 октября 1960 г. № 905 [ГАРБ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3006. Л. 3.] в г. Улан-Удэ был открыт Восточно-Сибирский государственный библиотечный институт. Как отмечает М. Ц. Гончикова, «открытие явилось одним из этапов реализации государственной программы культурного строительства на территории Восточной Сибири, Дальнего Востока и Севера» [2014, с. 90].

Институт был четвертым вузом подобного профиля в стране после Московского, Ленинградского и Харьковского библиотечных институтов. В его структуру входил помимо библиотечного факультета факультет культурно-просветительной работы (КПР). На факультете имелось несколько подразделений, в т. ч. кафедра хорового дирижирования (академического) и кафедра народных инструментов и оркестрового дирижирования.

Библиотечные институты в 1960-е гг. превратились в многопрофильные вузы, в которых сосредоточилась подготовка подавляющей части специалистов для наиболее развитой и массовой сети учреждений культуры — библиотек, домов культуры, коллективов художественной самодеятельности. Со временем существующее наименование библиотечных институтов перестало соответствовать действительному содержанию их работы, требовалась внутренняя корректировка государственной образовательной программы института. Приказом Министерства высшего и среднего специального образования СССР № 121 от 3 апреля 1964 г. [ГАРБ. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 2998. Л. 6] и Министерства культуры РСФСР № 222 от 26 марта 1964 г. «О реорганизации библиотечных институтов в институты культуры» [ГАРБ. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 3006. Л. 1–3] Восточно-Сибирский государ-

ственный библиотечный институт был реорганизован в Восточно-Сибирский государственный институт культуры.

На факультете КИР реализовывались образовательные программы по следующим специальностям: театральное мастерство, хоровое дирижирование и народные инструменты. В дальнейшем с развитием факультета открывались новые специальности, среди которых были такие, как организатор-методист культурно-просветительной работы, режиссер клубных массовых представлений и т. д.

В 1995 г. в связи с введением процедуры государственной аккредитации институт переименован в Восточно-Сибирскую академию культуры и искусств. По мнению Е.Ю. Перовой и И. С. Цыремпиловой, «изменение статуса позволило открывать в массовом порядке образовательные программы по непрофильным для вузов культуры направлениям и специальностям: «Социология», «Прикладная информатика», «Менеджмент», «Экономика», «Документоведение и документационное обеспечение управления», «Связи с общественностью» и др.» [Перова, Цыремпилова, с. 110]. Переименование было обусловлено преимущественно расширением спектра образовательных программ, реализуемых в подобных вузах в основном за счет гуманитарного, социального, управленческого блоков.

В дальнейшем вуз ожидали изменения в уставе организации, касающиеся наименования. Приказом Министерства культуры Российской Федерации № 1819 от 22 июня 2015 г. академии было возвращено историческое название — институт, структура вуза сохранилась и на сегодня образовательные программы по подготовке кадров в области культуры и искусства успешно реализовываются.

Таким образом, с организацией института в 1960 г. в Бурятии началась подготовка национальных кадров в области культуры и искусства высшей квалификации. С повышением уровня образованности кадров повысился рост исполнительского мастерства и количество творческих (как профессиональных, так и самодеятельных) коллективов. Рост исполнительского мастерства позволял проведение традиционных конкурсов и фестивалей музыки в республике, а также участие студентов и выпускников в конкурсах различного уровня за ее пределами.

Вопрос об открытии специализированного музыкально-педагогического факультета в вузе Бурятии в 1960–1980-е гг. обсуждался не раз. Так, в 1963–1964 гг. рассматривался вопрос о создании музыкально-педагогического факультета на базе дирижерско-хорового отделения Восточно-Сибирского государственного института культуры отделений хорового, вокального, оркестрового, фортепианного, музыкального и теоретического и народных инструментов [ГАРБ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 629. Л. 84]. В 1968 г. на совещании Бурятского отделения Всероссийского хорового общества обсуждался вопрос о «необходимости организации в педагогическом институте факультета по подготовке квалифицированных преподавателей пения, которые также могли бы руководить хоровыми кружками в сельских клубах» [Ливашук-Полякова, 2006, с. 46].

В 1979 г. на кафедре педагогики и психологии начального обучения Бурятского государственного педагогического института имени Д. Банзарова факультета начальных классов (зав. кафедрой С. Г. Дугаров) были приглашены для ведения факультативных занятий по музыке педагоги-музыканты Н. С. Мункина, Л. А. Николайчук, З. Н. Зарипова и др. С этой поры было начато обучение студентов школьного и дошкольного отделений игре на музыкальных инструментах, методике музыкального воспитания.

В 1989 г. состоялось открытие музыкального отделения для подготовки учителей музыки, в связи с чем, на основании приказа № 24-К от 6 марта 1989 г., кафедра педагогики начального обучения была разделена на кафедру эстетического воспитания и кафедру начального обучения. На кафедре в разные годы работали: преподаватель художественных дисциплин, кандидат педагогических наук, доцент О. И. Пазников (зав. кафедрой),

преподаватели музыкальных дисциплин — Л. А. Николайчук, З. Н. Зарипова, Т. К. Солодухина, Н. С. Мункина, О. А. Хлебодарова, С. Б. Самбуева, В. И. Солодухин, Т. С. Сарайкина, С. К. Рымарев, Т. Б. Будаева, Е. Ю. Галсанова.

Выпускники 1990-х гг. получали двухпрофильную квалификацию — «учитель начальных классов» и «учитель музыки». «На протяжении всех лет своего существования музыкальное отделение Бурятского государственного педагогического института, ныне Бурятского государственного университета, готовит специалистов широкого профиля — музыкантов с высшим образованием, владеющих игрой на фортепиано, народных инструментах (русских и бурятских), имеющих навыки сольного пения и хорового дирижирования, способных организовать в школах на профессиональном уровне музыкально-воспитательную работу» [Гончикова, 2014, с. 103]. С 2000 г. успешно осуществляется подготовка кадров по специальности «Музыкальное образование», в т. ч. по заочной форме обучения.

Итак, с открытием музыкального отделения в Бурятском государственном педагогическом институте в республике реализуется образовательная программа по профессиональной подготовке музыкально-педагогических кадров для образовательных организаций (дошкольных, школьных и музыкальных).

Благодаря накопленному ценному опыту по обеспечению профессиональной подготовки квалифицированных специалистов, современная система музыкального образования Бурятии обладает высоким научным, методическим и творческим потенциалом, который реализуется в различных видах научно-исследовательской, образовательной и воспитательной деятельности, связанных с решением проблем культуры и искусства.

Несмотря на свою культурно-историческую значимость, система российского музыкального образования, в т. ч. в Бурятии, на протяжении последних двух десятилетий переживает непростой период, вызванный рядом законодательных, управленческих, кадровых, материально-технических проблем. Особого внимания требует рассмотрения вопрос о подготовке музыкально-педагогических кадров в республике, о решении проблемы нехватки высококвалифицированных музыкально-педагогических кадров в дошкольных и общеобразовательных организациях в г. Улан-Удэ, не говоря о районах. В связи с этим имеет смысл обратиться к историческому опыту прошлого для поиска путей и идей развития музыкального образования в настоящем.

Таким образом, анализ истории формирования музыкального образования в Бурятии в рассматриваемый период позволяет сделать следующие выводы:

– С организацией высшего музыкального образования в республике к началу 1990-х гг. сложилась многоступенчатая система, предусматривающая непрерывное профессиональное образование: детская школа искусств — ссуз — вуз.

– Положительной тенденцией в течение 1960–1991-х гг. явилось усовершенствование и развитие системы профессионального музыкального образования, обеспечение квалифицированными национальными кадрами учреждений культуры и образования, рост профессионального мастерства и количества творческих коллективов в Бурятии.

Литература

1. Гончикова М. Ц. Профессиональное музыкальное образование в Бурятии (1923–1991 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 140 с.
2. Ливашук-Полякова О. Н. Бурятская хоровая музыка. Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. 247 с.: ноты.
3. Митупов К. Б.-М. Становление социалистической социальной структуры Бурятии в 1938–1960 гг. Новосибирск, 1986. 135 с.
4. Перова Е. Ю., Цыремпилова И. С. Исторический опыт подготовки профессиональных кадров для сферы культуры и искусств в региональном вузе // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2018. Т. 25. С. 106–114.

УДК 377.1(091)(571.54)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-306-311

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

© **Дульчаева Ирина Львовна**

кандидат педагогических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
dil71@mail.ru

© **Корытов Геннадий Александрович**

кандидат педагогических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
korytov53@mail.ru

© **Цыдыпов Жаргал Гармаевич**

начальник отдела кадровой и организационной работы,
Министерство образования и науки Республики Бурятия
Россия, г. Улан-Удэ
zhargal0862@mail.ru

© **Энхмаа Адьяа**

доктор педагогических наук, профессор, директор
Института технологии и дизайна,
Монгольский государственный университет образования
Монголия, Улан-Батор
a.enkhmaa@yahoo.com

В статье раскрывается история открытия специальности «Общетехнические дисциплины и труд» в Бурятском государственном педагогическом институте, вклад педагогов на различных этапах в развитие от трудового обучения к технологическому образованию. Показано становление международного сотрудничества Бурятского государственного университета и Монгольского государственного университета образования в области подготовки учителей технологии. Также представлено современное состояние технологического образования и перспективы развития.

Ключевые слова: общетехнические дисциплины и труд, технологическое образование, история, перспективы.

HIGHER PROFESSIONAL TECHNOLOGICAL EDUCATION HISTORY
IN THE REPUBLIC OF BURYATIA AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Irina L. Dulchaeva

Cand. Sci. (Ped.), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
dil71@mail.ru

Gennady A. Korytov

Cand. Sci. (Ped.), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
korytov53@mail.ru

Jargal G. Tsydypov

Head of the Department of Personnel and Organizational Work,
Ministry of Education and Science of the Republic of Belarus,
Ulan-Ude, Russia
zhargal0862@mail.ru

Enkhmaa Adiya

PhD, Professor, Director of the Institute of Technology and Design,
Mongolian State University of Education
Ulaanbaatar, Mongolia
a.enkhmaa@yahoo.com

This article reveals the foundation history of the specialty «General technical disciplines and labour» at Buryat State Pedagogical Institute, the contribution of teaching staff into the development from labour training to technological education. The article shows international cooperation development between the Buryat State University and the Mongolian State University of Education in the field of technology teacher training. The current state of technological education and development prospects are also presented.

Keywords: general technical disciplines and labour, technological education, history, prospects.

Актуальность открытия новой специальности определялась необходимостью обеспечения рынка Республики Бурятия и близлежащих регионов квалифицированными педагогическими кадрами в области трудовой и профессиональной подготовки учащихся.

Отделение «Общетехнические дисциплины и труд» было открыто в Бурятском государственном педагогическом институте им. Д. Банзарова на физико-математическом факультете в 1972 г. Большой вклад в открытие новой специальности внесли ректор БГПИ И. А. Батудаев, декан физико-математического факультета В. Д. Дылгеров, преподаватели кафедры общей и теоретической физики С. Н. Дуболазов, А. В. Ратников, Г. Н. Назаров и др. Первым заведующим кафедрой общетехнических дисциплин был назначен кандидат физико-математических наук, доцент В. В. Левенко [Корытов, 2007].

В 1976 г. получили диплом о высшем профессиональном образовании первые выпускники по специальности «общетехнические дисциплины и труд». В 1978 г. на базе данного отделения был организован индустриально-педагогический факультет, первым деканом которого был назначен Родион Мунгалович Дымпилов, кандидат физико-математических наук, доцент. Первые годы своего существования факультет был представлен единственной кафедрой общетехнических дисциплин, которую со дня образования возглавлял Виталий Витальевич Левенко. О первых шагах молодого факультета в книге «Альма-матер» профессор БГУ, доктор философских наук Осинский И.И. пишет: «Деятельный, энергичный, отзывчивый он (В.В. Левенко) прилагал большие усилия в приобретении станков, оборудования, материалов. Со своим небольшим коллективом все добытое устанавливал, создавая, таким образом, столярный, слесарный, механический цеха» [Осинский, 1999].

Также в 1978 г. на факультет пришли работать кандидаты технических наук — В. Д. Анахин и Д. Д. Дондоков и ассистентами — выпускники специальности «общетехнические дисциплины и труд», имеющие педагогический стаж учителя труда Н. И. Андреев и В. И. Дарханов. Еще через два года в состав кафедры вошли два выпускника, имеющие по три года педагогического стажа в школе — один, Г. А. Корытов в сельской школе, другой, Н. П. Пешняев, приехал с Дальнего Востока (фото 1). Также в состав кафедры вошел кандидат технических наук Б. Ж. Жугдуров. В связи с этим стало возможным открытие новой кафедры, которая смогла бы взять на себя обучение студентов инженерным дисциплинам.

Фото 1. Г. А. Корытов, молодой преподаватель кафедры

В 1983 г. на факультете была создана кафедра машиноведения, которую возглавил Владимир Дмитриевич Анахин, кандидат технических наук, доцент, выпускник Иркутского государственного университета. С началом деятельности новой кафедры на индустриально-педагогическом факультете заметно упорядочилась учебно-воспитательная работа, улучшилась материальная база, были приглашены новые преподаватели: из технологического института: кандидат технических наук А. А. Очиров и кандидат технических наук Л. И. Мунхоев, из сельскохозяйственного института — кандидат технических наук С. Н. Шуханов и старший преподаватель С. В. Сандитова. В эти годы были созданы или переоборудованы автокласс, лаборатории деталей машин, электротехники, гидравлики и теплотехники. По мере развития факультета под руководством опытных наставников студенты выполняли дипломные работы, которые ставили целью — улучшение учебно-материальной базы лабораторий, аудиторий и учебных мастерских.

Развитие в России новых социально-экономических отношений обострило проблему необходимости перехода от трудового к технологическому образованию. Образовательная область «технология» была введена в базисный учебный план общеобразовательных учреждений Российской Федерации в 1993 г. Проблемам технологического образования, структуре и содержанию образовательной области «технология», отдельным аспектам методики обучения технологии в школе и вузе посвящены исследования в научных школах под руководством П. Р. Атутова, В. Д. Симоненко, В. А. Полякова, Ю. Л. Хотунцева, Н. В. Котряхова. Заведующими кафедрой технологии и предпринимательства в разные годы были: Ю. П. Атутов, к.п.н.; В. И. Дарханов, к.п.н., доцент; Б. Б. Нимаев, к.п.н.

В связи с появлением образовательной области «технология» с 1993 г. началась подготовка учителей технологии и предпринимательства. Учебные планы и вся система подготовки студентов факультета технологии и предпринимательства нацелены на то, чтобы его выпускники были конкурентоспособны, востребованы на современном рынке труда — в сфере образования, художественного и технического творчества, дизайна, в сфере обслуживания, в малом и среднем бизнесе. Выпускающие кафедры будущих учителей технологии и предпринимательства регулярно проводили семинары, конкурсы, круглые столы и конференции для учителей технологии Республики Бурятия.

В связи с переходом БГПИ в статус Бурятского государственного университета «были реорганизованы физико-математический и индустриально-педагогический факультеты, на базе которых возникли физико-технический и математический» [Осинский, 1999].

В состав физико-технического факультета вошли выпускающие кафедры специальностей «физика», «технология и предпринимательство».

Фото 2. Практикум по токарному делу в учебных мастерских

С 2003 г. мы начали развивать международное сотрудничество в области технологического образования с Монгольским государственным университетом образования, которое началось с визита делегации МГУО, в составе которой был О. Улзийхутаг, заведующий кафедрой методики обучения технологии. Далее продолжил эту работу Л. Цэрэнсодном, директор института дизайна и технологии МГУО (фото 3). Совместно были организованы и проведены международные научно-практические конференции, обмен опытом учителей и преподавателей вузов Республики Бурятия и Монголии. Делегация в составе 18 учителей из разных аймаков Монголии приезжала для обмена опытом по проведению олимпиады школьников по технологии: также наша делегация выезжала на олимпиаду по технологии в Улан-Батор. Студенты специальностей «технология и предпринимательство», «профессиональное обучение (дизайн)» дважды выезжали на практику в Монгольский государственный университет образования. Преподавателями Бурятского государственного университета и Монгольского государственного университета образования совместно изданы учебные пособия, опубликованы статьи.

Фото 3. В. М. Халтанова, декан ФТФ с Л. Цэрэнсодномом и преподавателями МГУО

С 2009 г. специальность «технология и предпринимательство» перешла в педагогический институт с выпускающей кафедрой. Заведующими кафедрой были Б. Б. Нимаев (2008–2011 гг.) и И. Г. Моргунова (2011–2020 гг.). Создана секция учителей технологии в РОО «Ассоциация педагогов-исследователей». Педагогический институт и РОО АПИ для поддержки учителей технологии регулярно проводят выставки-конкурсы и олимпиады для учащихся по предметной области «технология», семинары для учителей, круглые столы и конференции. Продолжается сотрудничество с институтом дизайна и технологии МГУО, директором которого в настоящее время является А. Энхмаа. Проводим совместные международные мероприятия: конкурсы, олимпиаду по черчению и компьютерной графике, международные научно-практические конференции. Наши преподаватели Е. П. Майорова и А. О. Кадышева приняли участие в рамках юбилейных мероприятий МГУО в международной выставке по живописи в г. Улан-Батор. В 2011, 2016, 2021 гг. проведены международные конференции «Современное технологическое образование: проблемы и перспективы», посвященные юбилею д.п.н., академика РАО Петра Родионовича Атутова (фото 4).

Фото 4. Н. Ж. Дагбаева, директор ПИ с участниками международной конференции «Современное технологическое образование: проблемы и перспективы», посвященной 90-летию П. Р. Атутова

В связи с переходом на новые федеральные государственные образовательные стандарты, подготовка будущих учителей технологии ведется по направлению Педагогическое образование (Технологическое образование). В республике в школах наблюдается нехватка учителей технологии. В районах много малокомплектных школ, в которых помимо учителей технологии необходимы и другие учителя-предметники. Для решения данной проблемы мы перешли на подготовку по направлению 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки): «технология и информатика» и «технология и география». В настоящее время, в связи с изменениями в образовательной программе, в предметной области «технология» в учебные планы введены новые дисциплины будущих учителей технологии такие как робототехника, виртуальная реальность, промышленный дизайн, 3D моделирование и прототипирование.

При кафедре ведется подготовка школьников по направлениям КЦ ДОД «Дома научной коллаборации им. М.П. Хабаева». Заключены договоры о сотрудничестве с средними общеобразовательными школами, ГАУ ДО РБ РЦХиТТ «Созвездие», республиканским реабилитационным центром и другими образовательными организациями. Студенты проходят практики в школах, где получают практический опыт по обучению детей тех-

нологии у ведущих учителей города. Совместно с ГАУ ДО РБ РЦХиТТ «Созвездие» Педагогический институт проводит республиканские соревнования по авиамоделированию, запуску воздушных змей и ракет. В перспективе планируется организация и проведение курсов по повышению квалификации учителей технологии по техническому творчеству и современным направлениям производства, организация мероприятий по данным направлениям.

За 50 лет деятельности факультетам института было подготовлено большое количество учителей трудового обучения и технологии, которые в настоящее время трудятся в сфере образования нашей республики учителями технологии, педагогами дополнительного образования, мастерами производственного обучения и преподавателями в учреждениях среднего профессионального образования. Среди наших выпускников есть успешные бизнесмены, менеджеры, директора средних школ, лицеев, работники университетов и министерства образования и науки республики.

Литература

1. Корытов Г. А. От трудового обучения к технологическому образованию. Вып. 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 6.
2. Осинский И. И. Альма-матер. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999.

VI. РОССИЙСКО (СОВЕТСКО)-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XX — НАЧАЛЕ XXI в.

УДК 94(47).065 + 94(57) + 327(51)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-312-317

РОССИЙСКО-ДЖУНГАРСКОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ В ПРИИРТЫШЬЕ: ЗНАЧЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ

© **Быков Андрей Юрьевич**
доктор исторических наук, профессор,
Сингапурская Академия корпоративного менеджмента
Россия, г. Москва
baju72@mail.ru

Рассматриваются вопросы российско-джунгарского разграничения в Прииртышье в XVII–XVIII вв., подходы сторон к их решению и влияние этого процесса на взаимоотношения с соседними странами и народами и позднейшее межгосударственное разграничение.

Ключевые слова: граница, Прииртышье, территориальный спор, строительство укреплений, российско-джунгарские отношения, российско-китайские отношения, экспедиции.

Работа выполняется в рамках программы целевого финансирования проекта BR10965282 «Казхстано-российская граница: исторический контекст и новая геополитическая реальность».

RUSSIAN-DZUNGAR SEPARATION IN THE IRTIS: SIGNIFICANCE AND CONSEQUENCES

Andrey Yu. Bykov
Dr. Sci. (Hist.), Prof.,
Singapore Academy of Corporate Management
Moscow, Russia
baju72@mail.ru

The issues of the Russian-Dzungarian demarcation in the Irtysh region in the 17th-18th centuries, the approaches of the parties to their solution and the impact of this process on relations with neighbouring countries and peoples and the later interstate delimitation are considered in the article.

Keywords: Border, Irtysh region, territorial dispute, construction of fortifications, Russian-Dzungarian relations, Russian-Chinese Relations, expeditions.

The work is carried out within the framework of the targeted funded program of the project BR10965282 "Kazakhstan-Russian border: historical context and new geopolitical reality".

После присоединения в XVI в. Сибирского ханства Московское царство включило в свой состав в том числе территорию и население части Приобья и нижнего Прииртышья. Основанные города Тобольск, Тюмень, Тара и др. постепенно становились центрами контактов с соседними странами и народами. Эти контакты далеко не всегда были регулярными и носили преимущественно торговый характер. Однако имели место также дипломатические сношения и военные столкновения. Происходил и постепенный процесс обьясачивания местного населения.

Поражение Кучума рассматривалось московским двором как автоматическое вхождение всех территорий и населения бывшего Сибирского ханства в состав России. В частности, входящими в состав государства указаны территории бассейнов рек Оби и Ирты-

ша. Об этом свидетельствует дипломатическая переписка того времени. Позднее, в 1613 г., уже при царе Михаиле Федоровиче Романове, в переписке с европейскими государствами подчеркивалось, что, несмотря на смуту, восточные царства, вошедшие в состав России в конце XVI в., остались в составе Московского государства [ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 282. Тетр. Е. Л. 32–33об.].

В период Смутного времени геополитическая ситуация в регионе существенно трансформируется. Ослабленное Русское государство не могло какое-то время оказывать серьезную централизованную поддержку колонизационным процессам. Даже несмотря на отсутствие русских поселений по Иртышу, в начале XVII в. происходили регулярные торговые контакты ойратов с русскими городами Западной Сибири. Более того, в 1607–1608 гг. в Тару, Томск и Москву прибывают посольства во главе с тайшами, в ходе которых ставились вопросы не только расширения торговли, но и подданства. Причем царствовавший в тот период Василий Шуйский отнесся к приему в подданство джунгар весьма благосклонно [Ретунских, 2002, с. 398–399].

Подданство принято не было, и даже несмотря на рост караванной торговли, в первую очередь китайскими товарами, постепенно ситуация становилась более напряженной. В 1611 г. ойраты начали предпринимать попытки обкладывать данью то же самое местное население, которое платило ясак в русскую казну. Как показал О. В. Боронин, до конца 1620-х гг. западным монголам не удавалось наладить сбор дани, но с 1630 г. часть местного населения стала платить налоги как русским, так и джунгарам, и постепенно начала складываться нетипичная для международных отношений ситуация двоеданничества и двоеподданства, иногда превращавшаяся в многоданничество и многоподданничество [Боронин, 2002, с. 46–160].

Параллельно происходили серьезные геополитические изменения в самой Центральной Азии. Созданное Батуром-хунтайджи в 1635 г. Джунгарское ханство вело активную внешнюю экспансию. Активность молодого Джунгарского государства, правители которого стремились расширить свою территорию и ресурсную базу, в т. ч. за счет новых плательщиков налогов, была направлена против соседних стран и народов: Китая, России, ряда независимых или полунезависимых княжеств, среднеазиатских государств и казахов. Несмотря на то, что основу населения Джунгарии составляли кочевники-скотоводы, это государство отличалось более высокими, по сравнению с Казахским ханством, уровнями организации и централизации управления и концентрации власти в руках верховного правителя. Причем казахско-джунгарское соперничество носило наиболее острый характер, поскольку обе стороны вели борьбу за пастбищные угодья — основу их хозяйства. Долгое время борьба шла с переменным успехом, однако в конце XVII в. джунгары смогли закрепить за собой ряд юго-восточных территорий кочевий, прежде эксплуатируемых казахами. Причинами постепенного перевеса в сторону западных монголов являлись более высокий уровень организации внутреннего управления и войсковой дисциплины, подчинение Джунгарией Уйгурских бекств, а также внутренние усобицы среди казахских владетелей [Златкин, 1964; Моисеев, 1991].

В XVII — начале XVIII в. между Россией и Джунгарией состоялся ряд взаимных дипломатических миссий и военных экспедиций, в ходе которых джунгарские правители объявляли о своем суверенитете над вновь построенными сибирскими укреплениями и поселениями по Енисею, в Хакассии, на Южном Алтае [Моисеев, 1998, с. 12–18].

Российское государство в то же время усиливало внимание к региону. В период Северной войны Петр I стремился поставить под контроль России трансконтинентальные торговые маршруты, проходившие через Центральную Азию. Кроме того, определенный интерес для казны представляли вопросы объясачивания местного населения и поиска полезных ископаемых, в первую очередь драгоценных металлов и камней. В качестве ма-

гистрального направления государем было определено движение к Индийскому субконтиненту сухопутным путем.

В 1714 г. сибирский губернатор князь М. П. Гагарин доносил государю о больших запасах месторождений самородного золота в районе Яркенда. Эти данные были подтверждены и другими свидетельствами. Петр I распорядился снарядить экспедиции вверх по Иртышу [РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Ч. 3. Л. 144–147об.]. Их численность не превышала 3 тыс. чел., первую возглавил И. Д. Бухгольц [Там же. Л. 152об.; Памятники..., 1885, с. 130–131]. Отличием иртышских экспедиций было не просто продвижение в Центральную Азию, но и закрепление за Россией новых территорий посредством строительства укрепленных пунктов. В инструкции, данной Гагариным, говорилось: «И первой город надлежит делать на помянутой реке Иртыше у Ямышева озера, и оттоль, усмотря, где надлежит, делать и иные города» [Памятники..., 1885, с. 135]. Экспедицией Бухгольца были основаны укрепления Ямышевское и Омское, однако в 1716 г. из-за противодействия со стороны джунгар она вернулась обратно, а Ямышевская крепость была частично разрушена.

В течение 1715–1720 гг. в этом же направлении был снаряжен еще ряд экспедиций, которые основали укрепления Железинское, Семипалатное и Усть-Каменогорское. Дальше всех смогла проследовать экспедиция И. М. Лихарева. Достигнуть Яркенда они так и не смогли, однако удалось закрепиться в Среднем и частично в Верхнем Прииртышье, причем здесь Россия столкнулась не только с джунгарами, но и с казаками [Памятники..., 1885, с. 126–422].

Подробно вопросы военных экспедиций и дипломатических посольств освещены в работе В. А. Моисеева [1998, с. 22–51; 79–101]. Мы остановимся лишь на некоторых аспектах, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение. При движении далее оз. Зайсан по Черному Иртышу русские столкнулись уже с китайскими пограничными знаками и выставили свои пограничные маяки [РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 220–220 об.].

В 1724 г. император Петр I удовлетворил просьбу сибирских властей об охране пограничных поселений по Ишиму, для чего было решено использовать драгунский тысячный полк, 3 ишимские роты и еще один полк переселить в остроги близ городов, т.к. «одним полком надежность охраны поселений обеспечена не будет» [Памятники..., 1885, с. 443].

В 1732 г. сибирский губернатор А. Л. Плещеев доносил императрице Анне Иоанновне, что требуется дальнейшее укрепление границ сибирских владений, в первую очередь на границе с джунгарами и китайцами. Совместно с П. И. Батуриным он сообщал, что имеющихся трех пехотных полков, неполного драгунского полка и иррегулярных войск недостаточно для надежной защиты границы. Также, по их мнению, требовалось усилить гарнизоны на границах с казаками, поскольку с лета 1731 г. «и поныне Казачья орда к границам сибирским наезжает всегда, да и с одного ж драгунского полка две роты в командировках: одна на китайской границе, другая в Сибирском Обер-Бергамте, а Якуцкой полк на китайской границе, из двух полков пехотных из Тоболского и Енисейского содержат Иртышские крепости и Сибирской Обер-Бергамт и бывают в непрестанных командировках за разными Вашего Императорского Величества делами в разных местах» [РДО, 2006, с. 62–63].

Таким образом, в отличие от большинства других районов Сибири охрану границ по Иртышу российские власти на раннем этапе освоения территории поручили преимущественно регулярным войскам. Вместе с тем их количество до середины XVIII в. было минимальным. Так, во всех верхнеиртышских крепостях в 1744 г. было лишь 1114 д.м.п. [РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 333об.]. Позднее к охране границ здесь были привлечены казаки. И лишь в XIX в. казачество стало доминирующим элементом при несении пограничной службы. Помимо первоначально созданных крепостей постепенно основы-

вались маяки, кордоны, огражденные станицы, редуты, новые полноценные крепости и неукрепленные поселения. Их плотность постепенно возрастала. К 1757 г. расстояние между укреплениями составляло от 50 до 70 верст [РГАДА. Ф. 248. 1760 г. Оп. 113. Д. 1363. Л. 1]. К 1815 г. протяженность сибирских пограничных линий оценивалась в 2360 верст, на охрану границ определялось около 3 человек на версту, а среднее расстояние между укреплениями сократилось до 21,8 версты, что позволяло преодолевать это расстояние верхом на лошади за полтора часа [Быков, 2021, с. 27].

С момента оповещения об экспедиции Бухгольца в 1714 г. джунгарские власти выражали протесты на продвижение русских экспедиций вверх по Иртышу, отмечая, что территория принадлежит им [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113/1. 1731 г. Д. 2. Л. 97; РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 32–33; Контев: эл. ресурс и др.]. Российские власти, со своей стороны, на всех переговорах подчеркивали собственный суверенитет над Прииртышьем.

Так, в 1719 г. майором Лихаревым на переговоры с правителем Цэван-Рабданом был направлен казачий голова И.Д. Чередов. Помимо прочего ему ставились задачи постараться урегулировать отношения с джунгарами, обострившиеся в результате начала строительства крепостей по Иртышу, по возможности договориться о возобновлении торговли, возможности безопасного поиска россиянами месторождений драгоценных металлов, а также донести позицию российского правительства, что Ямышевская крепость находится «на земле Российской, и Иртыш с устья до вершины российский, а города стоят не для ссоры с ним» [РДО, 2006, с. 23]. Следует обратить внимание, что принцип владения реками от устья до истока был характерен для русского внешнеполитического подхода на востоке в XVII–XVIII в целом, а не только по отношению к владениям по Иртышу.

Джунгарский правитель дал согласие на развитие торговли и поиск месторождений, но не признал законно расположенными вновь построенные россиянами крепости. Он, в частности, заявил Чередову, что Ямышевскую крепость построили «границы и засеки преступя», и «он посылал Черен-Дондука спросить о том строении и из той крепости бой учинили, и Бухолц Черен-Дондуку через толмача говорил, что границы и затесы преступя, город поставили по приказу князя Гагарина». Кроме того, Цэван-Рабдан выразил надежду, что российские власти окажут ему содействие в борьбе с китайцами, позволят собирать подати с сибирских народов, с которых джунгары собирали ясак прежде, а также не будут принимать к себе «беглых от ево калмыков» [РДО, 2006, с. 25].

Вновь вопрос о спорных территориях сибирского ведомства с джунгарами был поставлен преемником Цэван-Рабдана Галдан-Цэреном, который в 1742 г. потребовал снести российские крепости по Верхнему Иртышу, ссылаясь на договоренности прежних правителей двух стран, которые якобы «согласились те места разграничить, и тако по устью Черной Оми постановили границу и учинили во знак той границы засеку с таким договором, чтоб от того времени со обеих сторон никому в чужих местах зверей не ловить и крепостей и других жилищ не строить» [РДО, 2006, с. 77–78], т. е. потребовал снести все крепости от Омска включительно выше по Иртышу. Галдан-Цэрен направил четыре делегации с устными и письменными требованиями. Все территориальные претензии джунгарского правителя российской стороной были отвергнуты. Более того, в 1743 г. было удовлетворено предложение глав оренбургского и сибирского ведомств И. И. Неплюева и А. М. Сухарева «о зделании пограничной линии для закрытия от зюнгорцов (джунгар. — А. Б.) по Иртышу до Семиполатной крепости и оттуда до Телецкого озера» на Алтае [РДО, 2006, с. 85]. В 1744 г. Правительствующий Сенат отдал соответствующие указания генерал-майору Х. Х. Киндерману [РДО, 2006, с. 97–105; 134–140].

Джунгарский хан Цэван-Рабдан в своем обращении к сибирскому губернатору А. М. Сухареву также настаивал на срытии крепостей по Иртышу и возврате джунгарам их земель. На это последовало очередное распоряжение об усилении охраны границ с

джунгарами [РДО, 2006, с. 144–148]. В ответном письме джунгарскому хунтайджи сибирский губернатор указал: «А что вы ту землю, на которой Семиполатная и Ямышевская крепости построены, своею называете, то с вашей стороны едва ль доказано быть может, ибо известное дело есть, что как сии, так и другия приграничные крепости из давних времен на собственных российских землях, а не чужих построены» [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113/1. 1750 г. Д. 1. Л. 150–150 об.]. Джунгарский правитель даже пытался привлечь к борьбе за прииртышские территории казахов владетелей, но получил отказ [Архив СПбИИ РАН). Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 255]. Напротив, казахи пользовались прииртышскими крепостями не только для развития торговли, но и при угрозе нападения со стороны джунгар [АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 14. Л. 27].

Претензии джунгарских правителей на Прииртышье продолжали поступать до момента ликвидации Джунгарского государства. Хотя следует отметить, что имело место и обращение мятежного Амурсаны к российскому правительству с предложением о строительстве еще одного русского укрепления в районе оз. Зайсан, к охране которого и границ с китайцами могли бы быть привлечены джунгары [АВПРИ МИД РФ. Ф. 113. Оп. 113. 1757 г. Д. 6. Л. 45].

Крепости на Бухтарме и на Зайсане были построены по личному распоряжению императрицы Екатерины II через несколько лет после падения Джунгарского ханства. Их основными функциями были охрана границ и предупреждение возможности как сухопутного, так и водного (по реке) вторжения китайцев [РГАДА. Ф. 248. 1753 г. Оп. 113. Д. 482. Л. 2–3об.].

Китайские власти после разгрома Джунгарского ханства также несколько раз входили в дипломатическую переписку с российскими властями, считая Прииртышье и ряд других районов спорными, поскольку, по их мнению, эти земли должны были принадлежать Китаю, как государству-победителю. Более того, часть казахов на основании того, что те платили какое-то время дань джунгарам, также автоматически стала рассматриваться китайскими властями в качестве подданных, принявших от китайского правительства титулы и чины [РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 422об. — 423; ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47. Л. 72–74; Балкашин, 1887, с. 20]. Местные российские власти доносили, что казахи находятся в состоянии выбора и выберут подданство сильнейшего государства [Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 40]. Российские власти продолжали отстаивать позицию непризнания китайского суверенитета ни над казахами, ни над территорией Верхнего Прииртышья, заявляя, что у цинов нет никаких прав на эту территорию, а казахи являются российскими подданными уже в течение многих лет [РГАДА. Ф. 248. 1753 г. Оп. 113. Д. 482. Л. 4 об.; Ф. 248. 1758 г. Оп. 113. Д. 889. Л. 2об.]. В конечном итоге в XIX в. именно эта позиция нашла отражение в Петербургском договоре между Россией и Китаем [РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1882 г. Д. 58. Л. 4об.].

В рамках подготовки Степного положения (1891 г.) российскими властями был собран значительный материал по вопросу взаимоотношений с подвластными и соседними народами. По вопросу о принадлежности Прииртышья в первой половине XVIII в. для внутреннего пользования было констатировано следующее: «При устройстве в начале XVIII столетия крепостей по рекам Оми, Ишиму и Иртышу земли, прилегающие к этим рекам с юго-восточной стороны, входили в состав Джунгарского ханства» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 422–422об.]. На международной арене Россия продолжала отстаивать принцип принадлежности территории Иртыша от устья до истока, закрепляя его положения в международно-правовых актах.

Таким образом, российская политика в отношении территорий Енисея и юга Западной Сибири, с одной стороны, и Среднего и Верхнего Прииртышья — с другой имела существенные отличия. Если в отношении первых регионов допускалась политика двоеданны-

чества и двоеподданства в рамках международных отношений с Джунгарским ханством и Цинской империей, то в отношении вторых этот подход никогда не применялся. Россия жестко и последовательно отстаивала собственный суверенитет над Прииртышьем и не признавала де юре двое- или многоданничество части казахов, даже когда оно существовало де-факто.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ).
2. Архив Санкт-Петербургского института истории Санкт-Петербургской академии наук (Архив СПбИИ РАН).
3. Балкашин Н. Н. О киргизах и вообще подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. МВД, 1887.
4. Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX вв. Барнаул: Азбука, 2002.
5. Быков А. Ю. К вопросу о формировании русско-казахского пограничья в XVI — начале XIX вв. // Тридцать лет Независимости: итоги и перспективы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Кокшетау: КУ им. А. Мырзахметова, 2021. С. 22–30.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
8. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758 гг.). М., 1964.
9. Контев А. В. Формирование российско-джунгарской границы в первой трети XVIII в. // http://www.kunstkamera.ru/lib/gubrikator/03/03_03/978-5-88431-227-2 (Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН).
10. Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата, 1991.
11. Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998.
12. Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. 1713–1724. СПб.: Тип. МВД, 1885.
13. РДО — Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул: Азбука, 2006.
14. Ретунских Н. А. Характер и формы русско-джунгарской торговли. XVII — первая половина XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 398–403.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
16. Российский государственный исторический архив (РГИА).

УДК 070(517.3)

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-318-322

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВА С ДРУГИМИ СТРАНАМИ**© **Маулет Зулкафиль**

доктор исторических наук, профессор,
Монгольский государственный университет
Монголия, Улаанбаатар-48
Zulkaphil@yahoo.com

Статья посвящена проблемам формирования и тенденций развития современной монгольской независимой журналистики и вопросам перспективы ее сотрудничества с другими странами. Автор на примере СМИ показывает положительные и отрицательные явления, существующие в практике деятельности журналистов. Основными недостатками современной монгольской журналистики являются нарушение журналистами этических норм, узость тематического диапазона публикаций, несбалансированность информации, нарушение таких принципов журналистики, как правдивость, доступность, плюрализм мнений. Автор считает, что эти факторы оказывают отрицательное влияние на развитие демократической, независимой журналистики Монголии.

Ключевые слова: монгольская журналистика, плюрализм, свобода слова, интернет-журналистика, демократическая революция, медиарынок.

**DEVELOPMENT OF MODERN MONGOLIAN JOURNALISM
AND ITS PROSPECTS FOR COOPERATION WITH OTHER COUNTRIES***Maulet Zulkaphil*

Dr. Sci. (Hist.), Prof.,
National University of Mongolia
Ulaanbaatar-48, Mongolia
Zulkaphil@yahoo.com

The article is dedicated to revealing the problems in information and development of independent free press of modern Mongolia and issues of its prospects for cooperation with other countries. The author shows the positive and negative factors existing in free press on the example of Mass Media of Mongolia. The overwhelming shortcomings in free press of modern Mongolia are breach of ethical norms by journalists, narrowness of thematic scopes, imbalance of information and violation of such principles of free press as validity, accessibility, and pluralism in opinions. The author suspects that these factors are negatively influencing the overall development of democratic, independent free press in Mongolia.

Keywords: Mongolian journalism, pluralism, freedom of press, online journalism, democratic revolution, media market.

Первая четверть XX в. была особым периодом в истории Монголии. Это прежде всего связано с двумя крупными событиями, коренным образом изменившими политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь Монголии. Освободительное движение 1911 г., свергнувшее маньчжурское иго и восстановившее государственную независимость, явилось началом возрождения национальной культуры и образования. В результате аратской революции 1921 г. плодотворно претворилась в жизнь государственная политика по просвещению народа и Монгольская Народная Республика безвозвратно выбрала некапиталистический путь развития.

Монгольская журналистика, начало которой положил выход первой газеты «Шинэ толь хэмээх бичиг» (Новое зеркало) в Хурээ 6 марта 1913 г., является ярким свидетелем и летописью исторических событий, свершенных нашим народом, его борьбы и победы, успехов созидательного труда и духовной культуры. «Новое зеркало», положившее начало монгольской журналистике, являлось прессой, пропагандировавшей прогрессивные демократические идеи, с ярко выраженными просветительскими чертами. История монгольской журналистики — это история жизни и борьбы монгольского народа, неотделимая часть новейшей истории Монголии.

Сразу после аратской революции 1921 г., 19 июля, было основано информационное ведомство Монгольского телеграфного агентства (МонТА), ныне оно называется МОНЦАМЭ (Монголын цахилгаан мэдээ). В 1934 г. начало вещание монгольское радио, в 1941 г. вышла первая аймачная газета, в 1967 г. стало вести передачи монгольское телевидение. Таким образом, в 70-х гг. в основном сформировалась система средств массовой информации (СМИ) Монголии [Дэлэг, 1971, с. 187].

Общественно-политические и экономические преобразования в Монголии в конце 80-х и начале 90-х гг. оказали огромное влияние на систему СМИ страны. На возникновение и формирование демократической журналистики в стране кроме переходных процессов, происходящих в результате революционного преобразования общественной жизни страны, повлияли такие важные факторы, как новая Конституция Монголии, ратифицированная в 1992 г., отмена цензуры на основе ликвидации Главлита, закон «О свободе печати и информации», принятый Монгольским парламентом в 1998 г., и разрешение любому гражданину издавать средства массовой информации, утвержденное по распоряжению правительства в 1992 г.

С появлением в жизни населения Интернета в 1996 г. в стране возникла онлайн журналистика, ставшая новым явлением в развитии монгольской журналистики. Таким образом, в середине 90-х гг. в Монголии полностью сформировалась система СМИ.

Революционные преобразования, начавшиеся с 1990 г., сильно повлияли на все сферы общественной жизни, в том числе на журналистику. Среди всех общественных институтов благодаря своеобразным особенностям своей деятельности, журналистика изменилась быстро и резко. В этот переходный период монгольская журналистика одновременно решила две важные взаимосвязанные задачи: перестроить деятельность в духе требований времени и через свои выступления повлиять на ход перестройки в обществе. И можно сказать, что в начальном периоде перехода общества на демократическую систему наша журналистика успешно решила обе задачи. Почти 70 лет находившиеся в государственной собственности и подчинявшиеся приоритетам партийно-государственной системы, монгольские СМИ за короткий срок превратились в независимую, свободную журналистику. По выводу известных международных организаций: «Фридом форум», «Фридом хаус», «Репортеры без границ» Монголия является страной, где существует полусвободная пресса. И до последних лет эти мнения почти не изменились.

Новая Конституция Монголии, ратифицированная в 1992 г., провозгласила плюрализм мнений и гласность во всех сферах общественной жизни, свободу слова и информации [Монгол Улсын..., с.24], что открыло новые пути ее развития. Спонтанно начавшиеся процессы децентрализации, либерализации и приватизации в масс-медиа полностью отменили цензуру, дезинформацию в масс-медиа и оказали существенное влияние на появление плюралистических прессы, радио и телевидения. Газеты, журналы, радио и телевизионные программы маргинального профиля превратились в трибуну общественных мнений и гласности; сформировался новый медиарынок, отвечающий потребностям аудитории и требованиям времени. Журналисты получили возможность писать открыто, свободно и открыто отстаивать свою социальную позицию. Аудитория стала более

восприимчивой к проблемам общества, начала откровенно выражать собственные мнения, что стало одним из важных факторов формирования независимой журналистики. Средства массовой информации постепенно стали трибуной общественного мнения, сыграли значительную роль в восстановлении исторической правды и справедливости, развертывании критики недостатков и упущений, распространении опыта перестройки, выработке у людей умения мыслить и действовать по-новому, творчески и целеустремленно. Вместе с тем журналистика стала важнейшим инструментом демократизации всей общественной жизни и средством обеспечения гласности. Одним словом, в начале 90-х гг. монгольская журналистика резко изменилась не только количественно, но и качественно.

Особого внимания заслуживает всплеск выхода новых периодических изданий и электронных систем массовой информации. Если в середине 80-х гг. в Монголии издавалось всего 80 газет и журналов, работало около 25 радио- и телестанций [Дэлэг, 1972, с. 207], то сегодня активно работают 88 газет, 75 журналов, более 156 каналов телевидения, 48 радиостанций и более 100 информационных сайтов [Зулькафиль, 2020, с.193]. Все это является свидетельством успешного развития современной монгольской журналистики.

В процессе приватизации и коммерциализации появились новые печатные издания, которые объявили себя политически независимым. Эти независимые средства информации имеют разные типы и направления: экономические, экологические, образовательные, научно-популярные, познавательные, фантастические, рекламные, даже эротико-порнографические и др. Они быстро завоевали большую часть информационного рынка. Их содержание отвечает потребностям экономически активной части массовой аудитории. Эти газеты положили основу развития бульварных газет, или «желтой прессы», в монгольской медиасистеме.

Сегодня в развитых странах мира уже началась эпоха электронной журналистики. И в нашей стране тоже наблюдается интенсивное развитие онлайн-журналистики и значительные изменения в деятельности радио, телевидения и информационных агентств. Одной из отличительных черт современной монгольской медиасистемы является внедрение в деятельность СМИ новых технологий и их дальнейшее развитие. Сегодня Интернет-ресурсы становятся одним из самых перспективных СМИ для нашей страны.

Из года в год увеличивается количество пользователей социалмедиа. Сегодня 70% населения, т. е. 2,3 млн чел., активно используют Фейсбук. По этому показателю Монголия в Азии занимает 1-е, а в мире 10-е место. На 100 чел. приходится 165 сотовых телефонов, и по этому показателю страна занимает 5-е место после Гонконга (240), ОАЭ (204), Монтенегро (178), Саудовской Аравии (169) [Жаргалсайхан, 2016]. И это тоже является важным примером внедрения новой информационной технологии в жизнь монгольского народа.

В годы демократических преобразований как ответ на запросы времени и социальных потребностей возникли новые направления и информативно-коммуникативные формы в монгольской журналистике. Таковыми являются реклама, экологическая, экономическая, международная, гражданская или народная журналистика (civic journalism), репортирование правительства (government reporting), связь с общественностью (PR) и журналистское расследование (investigative journalism). Сегодня в развитии монгольской журналистики наблюдаются такие тенденции, как глобализация, демассовизация, конвергенция и конгломерация. Начиная с 1996 г. стали формироваться такие информационные медиагруппы («Монгол ньюс», «Женко», «Масс медиа», «Монгол Масс медиа», «Монгол медиа», «Эрхэт Монгол Медиа, «Гэрэлт медиа» и др.), которые занимают лидирующие позиции на информационном рынке страны.

Теперь несколько слов о традициях и перспективах сотрудничества монгольской журналистики с аналогичными организациями других стран. До 1990-х гг. внешние отноше-

ния и сотрудничество с журналистскими организациями ограничивались рамками стран социалистической системы, особенно СССР. Почти все новые СМИ: первая монгольская газета, телеграфное агентство, радио и телевизионные станции — были основаны с помощью СССР. Примеры: первую газету основал известный ученый, просветитель Цэвээн Жамцарано, в создании первого информационного агентства активно участвовал специалист из России Иван Григорьевич Демко, при создании первых кино- и фотостудий главную роль играли советские операторы-режиссеры С. Е. Гусев, Б. А. Лебедев, во время Второй мировой войны корреспондент газеты «Красная звезда» В. Ставский работал внештатным корреспондентом газеты «Эх орны төлөө» (За Родину), А. А. Авдеев и В. Е. Вавилина работали редакторами русского варианта газеты «Үнэн», в начале 60-х гг. доцент Киевского государственного университета И. Е. Демьянчук работал преподавателем-консультантом кафедры журналистики МонГУ и т. д. [Зулькафиль, Норовсүрэн, 2020, с. 56]. В советских вузах обучалось целое поколение монгольских журналистов и инженерно-технических кадров, многочисленные работники прессы проходили стажировку в редакциях советских СМИ. В рамках сотрудничества двух стран журналисты постоянно обменивались опытом, ездили в командировки, после которых в СМИ двух стран печатались многочисленные путевые заметки, научно-популярные статьи, очерки и репортажи, также издавались отдельные книги. Эти нити сотрудничества особенно активизировались во время проекта «Интеркосмос» и совместного полета космонавтов двух стран в 1981 г. Телевидение двух стран создало цикл совместных телепередач и организовало телемосты, журналисты выпустили совместный номер газет «Үнэн» и «Известия» [Уржинбадам, 2011, с.168], что сыграло важную роль во взаимоизучении опыта, мастерства и повышения практических знаний журналистов. С журналистами Республики Бурятия, Тывы, Калмыкии, Якутии шло сотрудничество в рамках общего договора, заключенного с Союзом журналистов и других СМИ СССР.

После демократической революции, в связи с изменением и активным проведением «многоопорной» открытой внешней политики Монголии значительно расширились и внешние отношения журналистских организаций и СМИ страны. Ныне Союз журналистов Монголии (СЖМ) активно сотрудничает с журналистскими организациями более 20 стран мира, в т. ч. стран Европы, Латинской Америки и Африки. Сегодня новое руководство Союза журналистов Монголии, избранное в феврале 2018 г., активно реализует большую программу в таких трех направлениях, как улучшение правовой среды независимой журналистики и решение социальных проблем работников СМИ, подготовка и переподготовка журналистских кадров, отвечающих требованиям современной демократической журналистики, расширение и улучшение внешних отношений СЖМ и других СМИ. Не случайно 2019 год был объявлен годом внешних отношений СЖМ.

С 2020 г. СЖМ вместе с Министерством внешних отношений и Национальным общественным радио и телевидением Монголии реализует большой проект «Медиатур», цель которого заключается в активном пропагандировании Монголии за рубежом с помощью СМИ и ознакомлении монгольских зрителей с достижениями, историей и традициями народов зарубежных стран. В рамках данного проекта группа монгольских журналистов работала в Турции, Южной Корее, КНР и Йемене. Журналисты подготовили цикл передач и путевых очерков об этих странах, которые вызвали большую заинтересованность зрителей и читателей. Также в 2020 г. в Улан-Баторе успешно стартовали Первый медиафорум монгольских и корейских журналистов, Форум журналистов Восточной Азии и Латинской Америки и очередной X форум монгольских и китайских журналистов в Пекине. В столице Южной Кореи открылся филиал-офис СЖМ и создана зарубежная первичная организация СЖМ среди монгольских граждан, работающих в Корее. Таким образом из года в год заметно расширяются внешние отношения СЖМ.

У нас есть большая возможность сотрудничать с журналистами Бурятии, Тывы, Калмыкии и Якутии в разных направлениях, включая обмен журналистами и контентом, совместную организацию разных семинаров, форумов, научно-практических конференций, деловых и творческих встреч, производства совместных передач, телемостов и т. д. Думаю, что нам работать совместно гораздо легче, чем с другими странами, ведь у нас много общего, у нас единая культура, почти единый язык, одинаков пройденный нашей журналистикой путь более 70 лет. Они развивались по коммунистической теории, много сходства и в традициях и в развитии обществ. Есть у нас такие хорошие традиции совместной работы СМИ, как организация телемостов, совместного телеконкурса «Рыбье глаза», передача «Мы поедem в Артек», «Молодой изобретатель», телепортрет «100 лучших опор монгольских народностей», реалити-шоу «Один раз в Монголии» и реализация совместных проектов в области масс-медиа. В будущем нам надо продолжать эти традиции и по возможности обогащать их.

Большие возможности сотрудничества могут быть реализованы в следующих четырех направлениях:

Во-первых, журналистским организациям вышеназванных республик заключить договор сотрудничества с СЖМ и журналистскими организациями соседних Селенгинского, Убсурского, Баян-Ульгийского, Завханского аймаков. Это поможет вам и нам сотрудничать не только на уровне СЖМ, но и на уровне соседних аймаков и приграничных регионов.

Во-вторых, в рамках вышеназванного проекта «Медиатур» готовить совместные телепередачи (цикл передач), документальные фильмы, книги путевых очерков, организовывать телемосты, реализовывать совместные проекты по насущным проблемам масс-медиа двух стран и т. д.

В-третьих, обмениваться журналистами, теле- и радиоконтентами, организовывать совместные журналистские форумы, семинары, деловые встречи, научно-практические конференции и взаимную стажировку в редакциях СМИ.

В-четвертых, есть большая возможность готовить будущих журналистов в монгольских вузах. Сегодня в Монголии журналистов, магистров и кандидатов наук по журналистике обучают в 12 вузах. Если вы хотите готовить журналистов, пишущих на родном языке, тогда вашим молодым журналистам помогут учебные программы монгольских вузов.

Литература

1. Дэлэг Г. Монголын хэвлэл. Боть I. УБ.: Улсын хэвлэх уйлдвэр // Печать Монголии. Т. 1. УБ.: Гос. издат. 1971. 480 с.
2. Дэлэг Г. Монголын хэвлэл. Боть II. УБ.: Улсын хэвлэх уйлдвэр // Печать Монголии. Т. 2. УБ.: Госиздат. 1972. 468 с.
3. Жаргалсайхан Д. Тоон технологийн товгуй унац // Мизерный вклад развития цифровой технологии // Оноодор (газета «Сегодня»). 2016. 3 февр.
4. Зулъяфил М. Орчин уеийн медиа: шинэчлэл, чиг хандлага. УБ.: Удам соел // Современные медиа: реформы и тенденции. УБ.: Удам соел, 2020. 300 с.
5. Зулъяфил М., Норовсүрэн Л. Сэтгүүл зүйн тэнхим 60 жилд // Кафедра журналистики за 60 лет. УБ., 2020. 180 с.
6. Зулъяфил М., Чойсамба Ч. Журналистика Монголии: От первой газеты до онлайн прессы. Иркутск; УБ.: Удам соел, 2014. 320 с.
7. Монгол Улсын Ундсэн хууль // Конституция Монголии. УБ.: Адмон, 1997. 80 с.
8. Норовсүрэн Л. Монголын сэтгуул зүйн туухэн тойм // Исторический обзор монгольской журналистики. Т. 1. УБ.: Адмон, 2000. 420 с.
9. Олон нийтийн санаа бодол ба чолоот хэвлэлийн толовшил (Общественные мнения и формирование независимой прессы). Итоги социологических исследований. УБ.: МонГУ, 2015. 80 с.
10. Уржинбадам Д., Сумъяа Я. Монголын сэтгуулчдийн байгууллагуудын туухэн замнал // Исторический путь монгольских журналистских организаций. УБ.: Интерпрес, 2011. 280 с.

УДК 947.083.72

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-323-328

**К ВОПРОСУ О ПРИСОЕДИНЕНИИ МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН К ХАЛХЕ
И ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1911–1915 гг.)**

© Хэрээд Жамсран Урангуа

доктор исторических наук, профессор
uranguakhereid@gmail.com

© Шарав Гэрэл

аспирантка
geyesharav9@gmail.com

Монгольский государственный университет
Монголия, г. Улан-Батор

В докладе рассматриваются исторические события борьбы за объединение всех монгольских земель в 1911–1915 гг. и политика Российской империи по отношению к этим панмонголистским устремлениям Монгольского государства.

В XX в. Монголия не раз пыталась объединить своих соплеменников-монголов. Первая попытка была предпринята в 1911–1915 гг. Внешняя Монголия успешно боролась за отделение от династии Цин и смогла провозгласить независимость Монгольского государства 29 декабря 1911 г. В последующем она выступала за идею создания Великой Монголии, которая должна была объединить всех монголов.

Установлено, что целью национально-освободительной революции 1911 г. было, прежде всего, восстановление государственной независимости, утраченной в XVII в., и тем самым сохранение традиционного уклада жизни. Во-вторых, приоритетным являлось воссоздание единого Великого Монгольского государства, объединяющего все монголоязычные народы Китая. Авторы считают, что первая из этих двух целей была достигнута: Внешняя Монголия отделилась от Цинской династии, и в результате было создано Монгольское государство, объединившее Халха-Монголию и Западную Монголию. Однако вторая цель — создание единой Великой Монголии — провалилась, и в этом докладе освещается, почему этому не было суждено осуществиться.

Ключевые слова: независимость, монгольская государственность, Россия, Китай, политика, война, соглашение.

**TO THE QUESTION OF JOINING MONGOLIAN TRIBES TO KHALKHA
AND POLITICS OF THE RUSSIAN EMPIRE (1911–1915)**

Khereid Jamsran Urangua

Dr. Sci. (Hist.), Prof.
uranguakhereid@gmail.com

Sharav Gerel

Doctorate Student
geyesharav9@gmail.com

Mongolian State University
Ulaanbaatar Mongolia

The article examines the historical events of the struggle for uniting all Mongolian lands in 1911–1915 and the policy of the Russian Empire in relation to this pan-Mongol aspiration of the Mongolian state.

In the 20th century, Mongolia repeatedly tried to unite Mongols. The first attempt was made in 1911-1915. Outer Mongolia successfully fought for secession from the Qing Dynasty and was able to declare the independence of the Mongolian state on December 29, 1911. Subsequently, it fought for the idea of creating the Great Mongolia, which was to unite all the Mongols.

It has been established that the goal of the national liberation revolution of 1911 was, first of all, the restoration of state independence, lost in the 17th century, and thereby the preservation of the traditional way of life. Secondly, the priority was the reconstruction of a single Great Mongolian state, uniting all the Mongolian-speaking peoples of China. The authors believe that the first of these two goals was achieved: Outer Mongolia separated from the Qing dynasty, and as a result, the Mongolian state was created, uniting Khalkha Mongolia and Western Mongolia. However, the second goal — the creation of a united Great Mongolia — failed, and this report highlights the question of why this was not destined to be successful.

Keywords: independence, Mongolian statehood, Russia, China, politics, war, agreement.

Пробуждение Азии началось с Монголии. К началу XX в. Монголия была окраинной, вассальной частью Цинской империи. Летом 1911 г. вспыхнуло национально-освободительное восстание, закончившееся к концу декабря 1911 г. победой национально-освободительной революции и провозглашением независимости Халха-Монголии. Эта революция была самой первой антиколониальной революцией в Азии.

В определенный период судьба национально-освободительной революционной борьбы монголов зависела от отношений между державами, установившими сферы своего влияния на Дальнем Востоке, позиции Китая на основе империи Цин и от его политики в отношении Монголии. В то самое время царская Россия заключила тайное соглашение с Японией (июль 1912 г.), поделив сферы влияния в Монголии. После заключения таких неоднократных секретных соглашений с Японией царская Россия стремилась, с одной стороны, добиться от китайского правительства признания своих интересов в Монголии и, с другой стороны, не нарушая тайных соглашений с Японией (1907, 1910, 1912 гг.), поддерживать с ограничением революционную борьбу монголов за национальное освобождение и проводить политику, которая не позволила бы Монголии объединиться с Китаем, в то же самое время не изолировала бы ее от Китая, предоставляя ей право на автономию и стремясь держать ее под своим контролем. Императорская Россия ставила прежде всего намерение укрепить свои интересы в Монголии и с этой целью первой выступила с предложением предоставить Внешней Монголии право на автономию [Жамсран, 1997, с. 67].

Национально-освободительная революция перекачивалась волнами из одной части Монголии в другую. Монгольские власти не хотели автономии, они открыто заявляли о своем намерении добиваться полной независимости всей Монголии¹ от цинов и Китая и реализации своих далеко идущих внешнеполитических планов.

Министр иностранных дел России Сазонов предложил своему правительству заключить соглашение с Монгольским правительством в большой тайне, и царь Николай II поддержал это предложение. Царская Россия намеревалась помочь Монголии сохранить в определенной степени государственный суверенитет, тем самым установить свои исключительные права в этом регионе, а также использовать страну в качестве буфера вдоль южной границы.

В апреле 1912 г. министр иностранных дел России выступил в Государственной Думе с декларацией о том, что Россия не может допустить в Халхе сильного в военном отношении государства, а посему будет стремиться к признанию за Халхой автономии, кото-

¹ Внутренняя Монголия добровольно вошла в состав Цинов в 1636 г., Халха-Монголия добровольно была присоединена к Цинской династии в 1691 г., а в 1755–1756 гг. цинами была завоевана Западная Монголия.

рая может быть обеспечена при сохранении исконного строя и управления, недопущении ввода китайских войск и запрещении китайской колонизации. Министр прибавил, что в споре между Китаем и Монголией Россия согласилась выступить посредником для восстановления дружественных отношений [Коростовец, 2009, с. 59].

В заявлении Правительства России от 19 декабря 1911 г. о политических событиях в Монголии писалось так: «Монголы объявили о своей независимости в Урге, возвели главу ламаизма Жэвзүндамба-хутагту на ханский престол и обратились к России за помощью. Правительство императора посоветовало монголам вести себя спокойно и помириться с Китаем». Далее подчеркивалось: «Хотя Россия не желает вмешиваться в борьбу в Китае и не питает замысла захватить Монголию, она не может быть не заинтересована в установлении прочного порядка на этой территории, которая граничит с Сибирью и где имеют место торговые интересы России.

Поскольку наши интересы будут затронуты в случае вооруженного столкновения между Монголией и Китаем, мы не хотим допустить этого. Прежде всего, учитывая эту ситуацию, правительство императора выражает готовность взять на себя сложную роль посредничества между Китаем и враждующей с ним Монголией. С другой стороны, так как в Монголии имеется много русских интересов, правительство императора не может игнорировать сформировавшееся правительство этой страны» [АВПРИ. Д. 228. Л. 582]. Далее в заявлении говорилось, что даже если Монголия полностью разорвет свои отношения с цинами, Россия установит деловые отношения с правительством Монголии. Это очень вдохновило монголов в их национально-освободительной борьбе и послужило сильным толчком к ее росту.

Когда монголы провозгласили свою независимость, на юге империи Цин того времени победила революция, было объявлено о создании Срединной республики, революция все больше разрасталась, а империя Цин продолжала существовать в Пекине. Поэтому правительство Монголии сообщило о мотивах приобретения своей независимости, прежде всего, главным министерствам правительства империи Цин. Для этого правительство Монголии 30 декабря первого года Всеми возведенного отправило телеграмму министерствам внутренних дел, поддержки правительству и иностранных дел. В этой телеграмме говорилось, что в последнее время политика, проводимая Цинской империей в Монголии, изменилась и привела к «искоренению монголов и уничтожению религии». Поэтому «мы все постановили возвести Богдо-хана, назвать государство Монголией и стать хозяевами своей целостной территории, забрав все земли на севере. После этого каждое государство будет соблюдать границу, ставить на первый план уважение друг к другу, и когда на юге установится мир, будет положен конец отношениям с заключением письменного договора». Таким образом, телеграмма содержала сообщение о мотивах приобретения независимости монголами и предложение об установлении добрососедских отношений, после того как положение в Китае стабилизируется.

Революционные силы в Южном Китае стали объединяться вокруг Сун Ятсена [Сун Чжуншань], вернувшегося 25 декабря 1911 г. в Шанхай из-за границы. Конференция представителей южных провинций состоялась в г. Нанжин 29 декабря, на которой Сун Ятсен был избран президентом Срединной республики, а значит Монголия и Китай объявили глав своих новых государств в один день. Но Сун Ятсен как исполняющий обязанности президента заявил в манифесте, выпущенном 2 января 1912 г.: «Основой государства является народ. Если мы превратим земли ханнов [китайцев], маньчжуров, монголов, хотонов и тибетцев в одно государство, объединим эти народности как один человек — это и будет национальное единство. После восстаний в Учане более десяти провинций получили независимость. Независимость означает, с одной стороны, освобожде-

ние от ига маньчжурской династии Цин, с другой стороны — объединение многих провинций, в том числе Монголии и Тибета» [Урангуа, с. 55].

В отношении вопроса о независимости Монголии оба правительства в Китае — республиканское правительство Нанкина и императорское правительство Пекина — придерживались одинаковой позиции, о чем ясно свидетельствовали манифест, указ, законы и постановления, выпущенные ими, телеграммы, неоднократно присылаемые Правительству Монголии, и усилия, предпринятые для подавления монгольской национально-освободительной революции против создания единого национального государства. В ответ на это правительством нового монгольского государства было принято множество мер и неоднократные напоминания Китаю о себе как независимом государстве. Китай сразу начал противиться национально-освободительной революции Монголии.

Несколько раньше начавшаяся буржуазная революция в Китае оказала влияние на расширение национально-освободительного движения Монголии. С другой стороны, монголам стал очевиден распад Цинской династии. Если прежде монгольские князья и верховные ламы оказывали сопротивление новой политике цинов под призывом «соблюдения национальных интересов», то теперь, в условиях китайской буржуазной революции, поддержки со стороны России и национально-освободительной борьбы монголов, они сформулировали новый призыв — «объединение всех монголов, завоевание независимости и возрождение Великой Монголии». Начался новый этап борьбы монголов против маньчжуро-китайского ига, вылившийся потом в национально-освободительное движение, что призывало всех монголов к объединению в борьбе за независимость.

Итак, в результате бескровного переворота в Урге 29 декабря 1911 г. была провозглашена независимость Халха Монголии. К успеху привели три фактора: 1) активная националистическая деятельность халхаской верхушки — светских и духовных нойонов; 2) поддержка царского правительства России; 3) отказ китайских солдат в Урге защищать ненавистное им господство маньчжуров [Белов, с. 49].

В Китае в результате Синьхайской революции Цинская династия перестала существовать как единое централизованное государство, и Пекин был не в состоянии контролировать ситуацию на местах. Провалилась политика цинов по колонизации и китаизации Монголии. К лету 1912 г. Западная Монголия была освобождена от цино-китайских наместников добровольно присоединилась к Халха-Монголии, Внешняя Монголия отстаивала свою государственность.

В деле освобождения Западной Монголии царская Россия оказала действенную поддержку. 4 сентября министр иностранных дел России Сазонов обратился к министру военных дел Сухомлинову со следующим предложением: «Монголы захватили Ховд. Это значительно меняет обстановку в Западной Монголии. В будущем для подавления китайского нападения пошлем армию и снабдим монголов оружием» [МОЭИ, серия 2.1900-1913, док. № 19]. Для Пекина эта территория представляла важное пространство, обеспечивающее въезд/внедрение в Монголию в западном направлении и безопасность в приграничных с Россией местах. Для царской же России Алтайский край географически и этнографически считался продолжением Семипалатинска, сверх того, в торгово-экономическом отношении этот край превратился в место внедрения в Западную Монголию и Шиньжаан. Западный край, являясь частью родины монгольской народности, был в центре внимания Правительства Монголии и поэтому стал полем соперничества Монголии, России и Китая. С другой стороны, в первом пункте договора, подписанного осенью 1912 г. между Россией и Монголией, говорилось: «Со стороны правительства российского императора будет оказана помощь Монголии в установлении автономии, принципа самоуправления, в недопущении на свою территорию китайских войск и кочующих граждан и пользовании правом создания национальной армии». Этот пункт служил пра-

вовой основой для вмешательства царской России в деле вышеупомянутого региона. Китайская сторона совсем не признавала русско-монгольский договор, заявляя, что «Монголия является частью нашей территории», и поставила в известность, что впоследствии обсуждение вопроса о Монголии невозможно без участия Китая.

Известия о благополучной борьбе северных монголов воодушевили национально-освободительное движение во Внутренней Монголии и Хөлөнбуйре. Монголы Внутренней Монголии многие годы вели борьбу против китайской колонизации, поэтому было много сторонников объединения Внешней и Внутренней Монголии.

Национально-освободительное движение Хөлөнбуйра, граничащего на востоке с Внешней Монголией, развернулось интенсивнее, чем в любом другом хошуне Внутренней Монголии. 17 хошунов Хөлөнбуйра сообща включились в восстание, освободили город Хөлөн 14 января 1914 г., 15 января изгнали даоли чиновника по имени Хуан Шифу, разослали во многие места письмо о том, что Хөлөнбуйр станет самостоятельным государством, и там же перечислялись факты о бесчинствах, учиняемых китайскими чиновниками в Монголии за последние несколько лет.

Из 49 хошунов Внутренней Монголии 38 написали официальные письма о своем желании присоединиться к Монголии и прислали своих делегатов в Нийслэл Хүрээ [Өргөдэй Тайван, с. 44].

Монгольский хан VIII Богдо Жэбзүндамба-хутагта с признательностью принял прошение о добровольном вступлении в подданство. Всего в столицу Урга прибыло около 75 тыс. человек из Внутренней Монголии и Хөлөнбуйра. Некоторые хошуны просили оружие и патроны для борьбы с китайцами на местах, а некоторые — даже ввести войска.

Осенью 1913 г. войска, которые были посланы из столицы Урги в сентябре 1912 г., полностью освободили районы Шилиин-Гол и Цахар от китайских войск, война шла успешно, но для успеха Монголии нужны были деньги. Признавая монгольское правительство, Хөлөнбуйр и ряд других провинций Внутренней Монголии начали передавать свои таможенные доходы монгольскому правительству. Из-за нехватки оружия Монголия неоднократно обращалась за помощью к России, но российское правительство настаивало на том, что оно не может предоставить деньги или оружие для помощи Внутренней Монголии. Россия считала, что Внутренняя Монголия находится на особом положении «ввиду лежащих на России политических обязательств по отношению к Японии», что означало: царское правительство не поддержит Халху, если она попытается присоединить к себе Внутреннюю Монголию.

5 ноября 1913 г. была подписана русско-китайская декларация, согласно которой Внешняя Монголия (Халха и Кобдоский округ) получила автономию в составе Китая. Внешняя Монголия не получила полной независимости, за которую вела борьбу в течение четырех лет, и не смогла присоединить к себе Внутреннюю Монголию. Петербург и Пекин потребовали вывода монгольских отрядов из Внутренней Монголии. Монгольское правительство пыталось сопротивляться, обуславливая выход своих войск уходом из Внутренней Монголии и китайских войск, но Пекин наотрез отказался [АВПРИ. Д. 757. Л. 407].

В сентябре 1914 г. было принято тройственное соглашение трех стран, которые заседали в Кяхте 9 месяцев, и 25 мая 1915 г. был заключен трехсторонний Кяхтинский договор, провозгласивший автономию Монголии.

Вывод. Победа национально-освободительной революции 1911 г. во Внешней Монголии освободила ее от маньчжурско-китайского господства и восстановила национальную государственность. Но задача создания единого независимого Монгольского государства, объединявшего все монгольские племена, не была решена под давлением двух соседних стран. Все же монголы в 1911–1914 гг. добились немалых успехов. Монгольские солдаты,

отправленные во Внутреннюю Монголию для освобождения от китайцев, успешно воевали и дошли до Великой китайской стены. Но объективные обстоятельства не дали добиться поставленной цели — присоединения ее к Внешней Монголии. Россия ни материально, ни дипломатически не оказала поддержки Монгольскому государству в этом ее военном походе. Без постоянного подкрепления с тыла монгольским войскам было трудно добиться победы над военным превосходством китайских войск. Еще немаловажным фактором была недостаточная поддержка освободительной миссии местным монгольским населением. Внутренняя Монголия к этому времени была уже в некоторых местах сильно колонизована ханьцами, на ее территории образовались китайские управления. Пекинские власти умело притягивали некоторых монгольских князей к себе, давали большие привилегии, подкупали их.

Руководители Монголии, несмотря на отчаянные усилия добиться в ходе дипломатических переговоров официального признания независимости своего нового государства, были вынуждены подписать несколько соглашений, в т. ч. русско-монгольское соглашение о дружбе от 3 ноября 1912 г., российско-китайскую декларацию «Об автономии Внешней Монголии» от 5 ноября 1913 г. и Кяхтинское русско-китайско-монгольское соглашение от 25 мая 1915 г., которые ограничили правовой статус Внешней Монголии рамками широкой автономии в составе республиканского Китая, которая шла вразрез с чаяниями монгольского народа, душила огромное желание монголов создать Великую Монголию, которая объединила бы Внутреннюю и Внешнюю Монголию. После подписания Кяхтинского договора большинство приезжавших из Внутренней Монголии дипломатов уезжали обратно на родные земли.

Кяхтинское соглашение было триумфом политики России, для Китая оно не было выгодным, так как Внешняя Монголия попадала под контроль России. Урга не смогла отстоять перед Россией свою идею создания независимой и объединенной Монголии, в которую вошли бы и Внутренняя Монголия, и Хөлөнбуйр, и Урианхайский край. Из Монголии в эти годы отпали Урианхайский край и Алтайский край, и тем самым территориальная целостность Монгольского государства не была достигнута. Велико было желание монголов создать объединенное Монгольское государство, которое не исчезало до конца 40-х гг. XX столетия.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Миссия в Пекин. Д. 4. Китайский стол. Д. 757.
2. Белов У. А. Россия и Монголия (1911–1919). М.: Институт востоковедения РАН, 1999.
3. Жамсран Л. Монгол төрийн тусгаар тогтнолын сэргэлт [Возрождение монгольской государственности]. УБ., 1997.
4. Коростовец И. Я. Монголд өнгөрүүлсэн есөн сар [Девять месяцев в Монголии]. УБ., 2009.
5. Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2.1900–1913 гг. Т. 20. Ч. 2. М., 1940.
6. Урангуа Ж. Монголын тусгаар тогтнолд Хаан Орос улсын үзүүлсэн хүчин зүйлс (1911–1917) [Российский фактор в завоевании независимости Монголии (1911–1917)]. УБ., 2010.
7. Өргөдэй Тайван. Disturbance of the year of the OX (The light and shadow of disturbance in the ear of ox) Хөх Хот, 2008.

УДК: 94(571.54/.55).084
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-329-332

ТРОИЦКОСАВСК В ДНИ НАПАДЕНИЯ БАРОНА УНГЕРНА (ИЮНЬ 1921 Г.)

© Кургузов Павел Владимирович
независимый исследователь
Россия, г. Улан-Удэ
bpnf1968@bk.ru

Рассматривается общая ситуация в г. Троицкосавске, центре одноименного уезда Дальневосточной республики (ДВР), в период первого похода барона Р. Ф. Унгерна в июне 1921 г. На основе не опубликованных ранее архивных документов показаны оценки простых партийных активистов местного комитета РКП(б) действиям местных органов власти по организации эвакуационных мероприятий в городе и обороне Троицкосавска в период боев с бригадой барона Р. Унгерна.

Ключевые слова: Дальневосточная республика (ДВР), барон Р. Унгерн, Троицкосавск, Государственная политическая охрана, уездный комитет РКП(б), уездный народно-революционный комитет.

TROITSKOSAVSK DURING BARON UNGERN ATTACK (JUNE, 1921)

Pavel V. Kurguzov
Independent Researcher
Ulan-Ude, Russia
bpnf1968@bk.ru

The general situation in the city of Troitskosavsk, the centre of the eponymous district of the Far Eastern Republic (FER) during the first campaign of Baron R. F. Ungern in June 1921, is considered in the paper. On the basis of unpublished archival documents, the assessments of ordinary party activists of the local committee of the RCP (b) on the actions of the local authorities in organising evacuation measures in the city and the defence of Troitskosavsk during the battles with the team of Baron R. Ungern are shown.

Keywords: Far Eastern Republic (FER), Baron R. Ungern, Troitskosavsk, State Political Guard, District Committee of the RCP (b), District People's Revolutionary Committee.

Начало Монгольской революции и окончательное оформление независимости Внешней Монголии от многовекового китайского владычества неразрывно связано с историей Гражданской войны в России (1918–1922 гг.).

Одним из наиболее драматических эпизодов явилась вооруженная борьба против китайских войск во Внешней Монголии ярого сторонника воссоздания белой монархической государственности в России и теократической власти в Халхе барона Р. Ф. Унгерна. Начавшиеся боевые действия против китайских гарнизонов осенью 1920 г. и успешный захват столицы Монголии Урги зимой 1921 г. парадоксальным образом предопределили совершенно новые политические, экономические и военные условия для реализации мер по установлению долгожданной независимости монголов от власти Китая. При этом захват автономной Монголии для белогвардейских сил барона Р. Унгерна стал не более чем одним из эпизодов, хотя и очень значимым в деле военного реванша над красными силами, победившими в Сибири и Забайкалье.

21 мая 1921 г. барон Р. Унгерн издал известный приказ №15, в котором он известил своих сподвижников о начале вооруженного «наступления на Русь». Азиатская дивизия, которой он командовал, располагала на тот момент почти шеститысячной группировкой

(5720 бойцов), артиллерией в составе 14 орудий, 35 пулеметов [Кузьмин, 2016, с. 156]. Разделившись на две части, первая из них, бригада заместителя барона Б. П. Резухина, выйдя из Ван-Хурэ (ныне г. Дархан), двинулась к северо-западному участку русско-монгольской границы, нарушив ее в районе нынешнего Закаменского района. После этого ускоренным маршем белогвардейцы Б. Резухина начали с боями пробиваться вдоль границы Троицкосавского уезда по р. Джиды, по направлению к Троицкосавску, надеясь соединиться с восточной группировкой барона Р. Унгерн в это время со своей частью войск, выйдя из Нислэйл-Хурэ (Урга), отправился также на Троицкосавск, пытаясь обойти и напасть на него со стороны северо-востока. Отрядам барона Р. Унгерна противостояли объединенные силы Красной Армии РСФСР, части Народно-революционной армии ДВР и революционных отрядов Монгольского временного народного правительства.

Начиная с начала июня в Троицкосавске — Кяхте начали проходить эвакуационные мероприятия учреждений ДВР находившихся в городе, вывоз документов, материальных ценностей, оружия, семей комсостава и коммунистов в слободу Усть-Кяхту, а в дальнейшем в с. Окино-Ключи. В начале мая 1921 г. Троицкосавский уездный комитет РКП(б), создал штаб территориальных войск, для противодействия надвигающегося нападения войск барона Унгерна на ДВР. Также был создан 2-й территориальный батальон 1-го Прибайкальского полка. В селах уезда начали организовываться добровольные пограничные роты, состоящие из членов РКП(б), граждан, сочувствующих власти ДВР, а также комсомольцев уезда [Кравцов, 1977, с. 177].

Гарнизон Троицкосавска на этот момент составлял всего 500 кавалеристов и 330 солдат при двух орудиях и нескольких пулеметах [Кузьмин, 2011, с. 250].

Несмотря на принятые меры, неожиданный рейд и выход 11 июня 1921 г. передовых частей белогвардейцев на окраины Троицкосавска застал местные органы власти врасплох. Созданные в условиях кровопролитной гражданской войны, молодые органы власти Дальневосточной республики получали в эти дни свой первый, в прямом смысле боевой, опыт. Узнав о приближении к городу унгерновцев, горожане испытали панику, спешно бежали из Троицкосавска и слободы Кяхты, спасая свои семьи и имущество. Особо неприглядную роль в общем неорганизованном отходе, а по сути бегстве из города сыграли руководители Троицкосавского отделения Госполитохраны ДВР (ГПО ДВР), начальник отделения К. Пехтерев и начальник агентурного отдела ГПО Н. Паньков. Первый так торопился, что не стал вывозить секретные документы и архив отделения, бросив их в помещении безо всякой охраны. Второй в это время, оставшись в городе, занялся открытым расхищением имущества арестованных местных жителей.

Документальные свидетельства о ходе эвакуации можно изучить в архивных фондах партийных комиссий РКП(б) по переаттестации членов партии летом 1921 г. Так, одна из членов Топкинской комиссии (Троицкосавского уезда), учительница по фамилии Рассохина, в своем заявлении (входящий № 16 от 25 июля 1921 г.), сообщала следующее: «Считаю своим долгом поставить в известность комиссию, как происходила эвакуация некоторых учреждений, как-то: ГПО и парткома. 5 июня 1921 г. по делу комячейки я вошла в партком, где члены комитета лихорадочно складывали канцелярию и все дела, в чем немного и мне пришлось помочь. Потом началось (более) спешное скидывание на подводы канцелярии, дел и некоторого имущества, забиралась мануфактура, ткани. При виде этого невольно возник вопрос, откуда все это? Ведь на наши неоднократные просьбы партком в свое время отказал нам в выдаче этих вещей для шитья знамен и оборудования декораций на местах. Обмундирование, принадлежащее городскому территориальному отряду и состоящее из обуви, было также кинуту на подводу и в дальнейшем в результате перекалодок утеряно. Вся канцелярия и имущество укома, поместившиеся на 6–8 возах, всецело были поручены под ответственность ГПО. Весь обоз, состоявший из

120–140 подвод, часа в 2–3 двинулся в Усть-Кяхту, чтобы пароходами направить их в Верхнеудинск. Суток двое мы пробыли в Усть-Кяхте в ожидании парохода и маршрута, последний, как видим, не был (нам) дан... Вся эвакуация носила хаотический характер, отсутствовал план... Из общего количества подвод 30 (было) занято имуществом 56 арестованных, что говорит (о том), какой запас одежды и постели они везли. Некоторые из них сидели (на подводах), тогда как во времена колчаковщины и семеновщины наших гнали босыми и голодными. (А этих) слишком большими заботами и удобствами окружили (сотрудники ГПО). Подвод 40–60, занимаемые ГПО, везли (свои) семьи, имущество сотрудников, которые вывезли из города все, начиная от сундуков, машин (видимо, швейных) и кончая балалайками. Эвакуирование одной ГПО легло тяжелым бременем на крестьян тех деревень, где они проходили. Во время пути некоторые сотрудники помимо определенной нормы, получаемой всеми, в деревнях меняли на продукты (соль, чай), (на) мануфактуру, после обмена возвращаясь с салом, молоком, сметаной, яйцами, чем среди крестьян вызвали недовольство и создали такое мнение, что ГПО везет большой запас только лично себе, для обмена» [ГАРБ. Ф. П. 55. Оп.1. Д. 22. Л. 11–13об.].

В еще одном заявлении в парткомиссию (входящий № 15 от 21 июля 1921 г.) известный активист г. Троицкосавска, член бюро укома РКП(б) Иван Чернецов сообщал: «Возвращаясь из отпуска 8 июня 1921 г. и остановившись в Усть-Кяхте на контрольном пункте, я наблюдал, как во время наступления Унгерна на г. Троицкосавск сотрудники и бойцы ГПО вместо того, чтобы в это время усиленно наблюдать и занимать установленные посты, совершенно отказывались идти на таковые. В самом помещении был шум и гоморра, вскоре там началась драка ... Короче говоря, это была не госполитохрана, а собранная кучка преступников, (которые), не признавая никакого начальства, пустили в ход самую площадную брань и все безобразия. Здесь я узнал, что начальник подотдела ГПО т. Пехтерев бежал из Троицкосавска с женой и своим имуществом. По прибытии в Троицкосавск, я увидел картину не лучше. Партийные наши товарищи, заместитель председателя парткома тов. Назимов, секретарь парткома тов. Игумнов, по словам других товарищей, повезли оружие за Чикой партизанам. Туда же уехал и председатель унарревкома тов. Батулин, а также постыдно бежал из города красиво раньше говоривший начальник военного управления тов. Семенов. Говоря короче, все верхи, все наши руководители оставили нас в трудную минуту, сопровождая бумажки учреждений, точно исполняя приказ начгара и совершенно забывая долг коммуниста. Это наши верхи. Низы же остались верны своему долгу, с винтовкой в руках, оставшейся маленькой кучкой отправились на фронт и с одной только винтовкой, без пулеметов и даже без лопаток, с открытой грудью защищать свои права. Не знаю, кем к нам был назначен комбат тов. Васенин, который ничего не смыслил в военном деле. Порвав связь с фронтом, завел нас в середину неприятельских войск и когда увидел себя окруженным, растерялся и, не зная куда нам дальше идти, что делать, и только благодаря случайности и некоторым более опытным товарищам, под градом неприятельских пуль, к вечеру (нам) удалось выбраться из окружения, но связи у нас (по-прежнему) не было, и мы болтались между небом и землей. Не одни были здесь коммунисты, здесь были и верные товарищи из обывателей города, которые не оставили нас в трудную минуту и которые неоднократно задавали (нам) вопросы, где наши передовые товарищи коммунисты. Скрепя сердцем приходилось молчать, говорить было нечего, (ведь) приказ начгара был исполнен в точности, эвакуировались за плечи других, крестьянские лошади, парочками, на мягких тележках увезли нашу коммунистическую бюрократию с молодыми женушками дальше за Чикой, где безопасно» [ГАРБ. Ф. П-55. Оп. 1. Д. 22. Л. 14–17об.].

После многочисленных обращений рядовых коммунистов и простых граждан, после разгрома группировки Р.Унгерна под Троицкосавском (13–14 июня 1921 г.) была создана

межведомственная (уком РКП(б), унарревком и представитель НРА ДВР) чрезвычайная следственная комиссия по разбору дел Троицкосавского ГПО во главе с председателем Б. Оношко. В итоге 26 июня 1921 г. был арестован начальник Троицкосавского ГПО К. С. Пехтерев по обвинению в дезертирстве и преступлениях по должности, а также сотрудники этого отделения, начальник агентурного отдела П. Н. Паньков, сотрудники ГПО С. А. Миллер и Б. С. Субочев (расхищение имущества граждан). Кроме этого, по аналогичной статье был арестован сотрудник ревизионной комиссии МВД ДВР А. А. Феликс. Одновременно с чрезвычайной комиссией в Троицкосавск была направлена партийная комиссия Прибайкальского обкома РКП(б), которая расследовала действия и поступки руководства Троицкосавского уезда во время нападения Унгерна [Оношко, 1968, с. 175–178].

Источники и литература

1. ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия.
2. Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. 659 с.
3. Кузьмин С. Л. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 496 с.
4. Кравцов В.Т. Кяхта революционная. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. 239 с.
5. Оношко В. Б. Приграничный уком. Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1968. 192 с.

УДК 327
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-333-335

ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ И СУВЕРЕНИТЕТА МОНГОЛИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ И СССР

© Ланцов Сергей Алексеевич
доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург
s_lantsov@mail.ru

В статье рассматривается отношение России и Советского Союза к проблеме признания независимости Монголии. Отмечается, что в начале XX в. Российская империя добивалась расширения автономии Монголии. Констатируется, что при активной советской поддержке была создана Монгольская Народная Республика. В годы Второй мировой войны Советский Союз добился признания независимости МНР со стороны западных государств и Китая. После Второй мировой войны СССР продолжал поддерживать процесс международного признания суверенитета Монголии, завершившийся вступлением Монгольской Народной Республики в ООН.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, независимость, суверенитет, Монголия, Россия, СССР, Китай.

INDEPENDENCE AND SOVEREIGNTY OF MONGOLIA IN FOREIGN POLICY OF RUSSIA AND THE USSR

Sergey A. Lantsov
Dr. Sci. (Pol.), Prof.,
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia
s_lantsov@mail.ru

The article deals with the attitude of Russia and the Soviet Union to the Problem of Recognizing the Independence of Mongolia. It is noted that at the beginning of the XX century the Russian Empire sought to expand the autonomy of Mongolia. It is stated that the Mongolian People's Republic was created with active Soviet Support. During the Second World War, the Soviet Union achieved the recognition of the Independence of the Mongolian People's Republic by Western States and China. After the Second World War, the USSR continued to support the process of international recognition of the sovereignty of Mongolia, which ended with the entry of the Mongolian People's Republic into the UN.

Keywords: International Relations, Foreign Policy, Independence, Sovereignty, Mongolia, Russia, USSR, China.

В XX в. во внешней политике сначала Российской империи, а затем СССР так или иначе стоял вопрос о международно-правовом и политическом статусе Монголии. Российская империя в начале XX в. проводила в Восточной Азии и на Дальнем Востоке экспансионистскую политику, характерную для «великих держав» того периода. Непросто складывались отношения между Россией и Китаем, на приграничных территориях которых на рубеже XIX–XX вв. расширялось российское присутствие. В сферу российских интересов входили и монгольские земли, бывшие в то время частью Китайской империи.

Среди монголов в начале XX в. обнаруживались намерения к возрождению собственного государства. Монгольская элита свои надежды на приобретение независимости связывала с Россией. Еще до победы Синьхайской революции в Китае представительная монгольская делегация побывала в Санкт-Петербурге, где пыталась добиться поддержки

от царского правительства в отношении своих планов по объединению Внутренней и Внешней Монголии и их отделению от Цинской империи. Русские власти полностью эти планы не поддержали, но добились для Внешней Монголии больших прав. Вскоре рухнула сама Китайская империя, что создало предпосылки для обретения Монголией независимости. В 1912–1915 гг. на территории Внешней Монголии де-факто образовалось самостоятельное феодально-теократическое государство во главе с духовным лидером монголов Богдо-гэгэном. Вновь образованное Монгольское государство пыталось обращаться к великим державам с просьбами о признании своего суверенитета, но нигде не нашло поддержки. Единственным исключением стала Российская империя. Хотя царское правительство не признало официально независимость Монголии, между Россией и Монголией в 1912 г. было подписано дружественное соглашение о признании Россией автономной Монголии [Сборник..., 1952]. Кроме того, Монголия стала получать российскую экономическую и военную помощь.

В результате усилий российской дипломатии в 1913 г. в Санкт-Петербурге была подписана совместная русско-китайская декларация, в соответствии с которой Китай официально признавал автономию Внешней Монголии [Там же]. Эта декларация по разным причинам вызывала недовольство и в Монголии, и в Китае, и в России, но в ней была отражена реальная международная ситуация. Для России было важно не обострять отношений с республиканскими властями Китая, тем более что последний в ходе начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны поддержал государства Антанты. В июне 1915 г. в пограничном городе Кяхта было подписано трехстороннее соглашение между Россией, Китаем и Монголией, подтверждавшее основные положения Петербургской декларации 1913 г. [Батсайхан, 2015]. Для Монголии это означало признание статус-кво, при котором она де-факто существовала как самостоятельное, но международно не признанное государство. Россия и Китай обязались не вводить на территорию Монголии войска, не проводить ее колонизацию, не вмешиваться во внутренние дела. Хотя Китай получил право назначать в ряд монгольских городов своих представителей, его власть над Внешней Монголией носила номинальный характер и уравнивалась российским влиянием. Россия оставалась гарантом сохранения автономных прав Внешней Монголии и ее фактической независимости.

Все изменилось после русской революции 1917 г. Воспользовавшись сложной ситуацией в России, китайские власти в 1919 г. нарушили Кяхтинское соглашение и оккупировали Внешнюю Монголию. Но укрепить свое господство в ней они не успели. Этому помешали события гражданской войны в России, в орбиту которой оказались вовлечены и монгольские земли. В октябре 1920 г. на территорию Внешней Монголии вторглись белогвардейские войска под командованием барона Унгерна. Китайские оккупанты были изгнаны и восстановлена власть Богдо-гэгэна. Пытаясь найти поддержку у монголов, Унгерн вынашивал планы воссоздания державы Чингисхана. Но жесткие действия русских белогвардейцев вызвали недовольство населения Внешней Монголии. К тому же под влиянием Октябрьской революции в России в Монголии зародилось революционное движение и появилась Монгольская народная партия.

Преследуя вторгшиеся на советскую территорию отряды Унгерна, Красная Армия в конце 1921 г. вошла на территорию Внешней Монголии. Совместными действиями красноармейцев и «красных монголов» отряды Унгерна были изгнаны с территории Монголии, где образовалось Народное правительство. Власть Богдо-гэгэна была номинально сохранена, но при активном советском присутствии и участии в Монголии начался социальный эксперимент по реализации идеи «некапиталистического пути развития к социализму». После смерти Богдо-гэгэна в ноябре 1924 г. была провозглашена Монгольская Народная Республика.

В 20–30-е гг. XX в. советское влияние полностью определяло и внутреннюю, и внешнюю политику Монголии. Помощь СССР стала важнейшим фактором модернизации монгольского общества. Советский Союз стремился строить отношения с МНР как с суверенным государством, соблюдая международно-правовые нормы. Между СССР и МНР был заключен ряд соглашений, которые касались различных вопросов двухстороннего сотрудничества. В 30-е гг. XX в. серьезную опасность для обеих стран стала представлять экспансия Японии, оккупировавшей Северо-Восточный Китай, включая земли Внутренней Монголии. В марте 1936 г. был подписан Протокол о взаимной помощи между СССР и МНР [Протокол..., 1974, с. 136–137]. В соответствии с ним на территорию Монголии были вновь введены части Красной Армии. Своевременность этих мер подтвердили события 1939 г., когда советские и монгольские войска разгромили японцев, вторгшихся на территорию МНР в районе р. Халхин-Гол.

На Крымской конференции 1945 г. СССР поставил в качестве одного из условий вступления в войну с Японией признание независимости МНР [Израэлян, 1985, с.357]. Поскольку западные союзники были весьма заинтересованы в советском участии в этой войне, они приняли это условие, которое в итоге открыло дорогу к решению «монгольского вопроса» в отношениях между Советским Союзом и Китаем. Сразу после вступления СССР в войну с Японией 14 августа 1945 г. в Москве был подписан Советско-китайский договор о дружбе и союзе. В соответствии с ним Китай признал МНР в ее границах по состоянию на 1945 г. [Китай..., 2017, с.129]. Условием такого признания китайская сторона назвала проведение плебисцита, который и состоялся 20 октября того же года. В нем приняло участие 98,4 % граждан МНР, имевших право голоса, и 100% проголосовало за независимость [История..., 2006, с. 451]. 13 февраля 1946 г. между МНР и Китаем были установлены официальные дипломатические отношения.

Однако через несколько лет «монгольский вопрос» вновь возник в советско-китайских отношениях. КПК одной из своих задач считала необходимость восстановления территориальной целостности Китая. Поэтому после победы коммунистов в гражданской войне руководство КПК поставило вопрос о вхождении МНР в состав КНР. Однако СССР занял принципиальную позицию и последовательно защищал независимость суверенной Монголии. Постепенно число государств, признавших суверенитет МНР, росло, и в 1960 г. она была принята в ООН, что означало окончательное международно-правовое признание Монголии как суверенного государства.

Литература

1. Батсайхан О. Русско-китайско-монгольский Кяхтинский договор 1915 г. // Известия Иркутского государственного университета. Т. 11. Сер. «История». 2015. С. 92–102.
2. Израэлян В. Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945). М.: Международные отношения, 1985. 480 с.
3. История Востока: в 6 т. Т. 5: Восток и новейшее время: 1914–1945 гг. / отв. ред. Р. Г. Ланда. М.: Восточная литература, 2006. 717 с.
4. Китай и вторая мировая война / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. М.: ЛЕНАНД, 2017. 264 с.
5. Протокол [о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой]. 12 марта 1936 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 19. М.: Политиздат, 1974. 823 с.
6. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. 464 с.

УДК 930 (517.3)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-336-339

ОРГАНИЗАЦИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ УРЯНХАЙСКОГО КРАЯ В НАЧАЛЕ XX в.

© **Василенко Виктория Александровна**
кандидат исторических наук, заместитель директора,
ГБОУ «СОШ № 368»
Россия, г. Санкт-Петербург
vasil-vic79@yandex.ru

В статье показана организация строительства столицы Тувы (Урянхайского края) в начале XX в. Акцент сделан на начальном этапе строительства столицы Тувы в период 1914–1917 гг. Сделано описание генерального плана города, представлена инженерно-строительная характеристика места, отведенного под постройку Белоцарска, дано описание проектных смет строительства первых административных зданий и культовых построек (православного храма). Проведен анализ политических действий чиновников Переселенческого управления в Урянхае по заселению нового центра. Выявлен комплекс факторов, оказавших негативное влияние на реализацию градостроительной политики и культового строительства в крае.

Ключевые слова: российско-монгольские отношения, Тува, Урянхайский край.

Статья подготовлена к печати в рамках гранта РФФИ 20-59-4408 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии»; гранта РФФИ 18-514-94002 «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия — Монголия — Китай: проблемы, противоречия, сценарии».

CONSTRUCTION MANAGEMENT ON THE TERRITORY OF THE URIANKHAI REGION IN THE EARLY 20TH CENTURY

Viktoria A. Vasilenko
Cand. Sci. (Hist.), Deputy Director
Secondary School No 368
St. Petersburg, Russia
vasil-vic79@yandex.ru

This article presents the analysis of the construction process of the capital of Tuva (Uriankhai region) in the early twentieth century. The emphasis is placed on the initial stage of the construction of the capital of Tuva in the period 1914-1917. The description of the general plan of the city is made, the engineering and construction characteristics of the place allocated for the construction of Belotsarsk are presented, the description of the design estimates for the construction of the first administrative buildings and religious buildings (Orthodox church) is given. The analysis of the political actions of officials of the Resettlement Administration in Uriankhai on the settlement of the new centre is carried out. The complex of factors that had a negative impact on the implementation of urban planning policy and religious construction in the region by Russian is revealed.

Keywords: Russian-Mongolian relations, Tuva, Uriankhai region.

The article was written within the framework of RFBR grant 20-59-4408 «World and Russian Mongolian Studies: national schools, concepts, personalities»; RFBR grant 18-514-94002 «National interests of Russia and Mongolia in the triangle of Russia — Mongolia — China relations: problems, contradictions, scenarios».

Важным событием в истории российско-тувинских отношений стало принятие Тувы (Урянхайского края) под российский протекторат. Перед российским правительством

стояла задача дальнейшего развития «организованной» колонизации. Одним из важных стратегических направлений было развитие торговых и промышленных центров.

Задачи по обустройству русских поселенцев в крае были возложены на заведующего устройством русского населения в крае, главу переселенческого управления. Переселенческое управление функционировало в крае до установления протектората над Тувой и было создано в 1912 г. — в период активизации российской дипломатии в решении «монгольского» и урянхайского вопросов».

Идея строительства нового города принадлежала главе переселенческого управления В. Габаеву, который считал, что краевой центр станет «отправной точкой» для развития русской колонизации в Туве. Место для строительства города было выбрано также начальником переселенческого управления в местечке Вилланы. Название города — Белоцарск — было дано в честь императора Российской империи, которого тувинцы называли Цаган хан, что означает в переводе «Белый царь» [Бондаренко, 2009].

Несмотря на возражения местной русской администрации, которая считала, что более практичным решением будет строительство города на Чаахале (Джакуле), месте сосредоточения русской торговли, город был заложен в начале 1914 г. Официальной датой основания города принято считать 6 августа 1914 г. К этой дате было завершено строительство на проспекте Кривошеина — центральной улице города. В городе планировалось открыть больницу, ветеринарный пункт, склад сельскохозяйственных орудий, русско-тувинскую школу, переселенческую лавку для торговли с тувинцами по рыночным ценам.

Генеральный план Белоцарска был составлен топографом М. Я. Крючковым. Во многом он совпадает с планом центральной части Кызыла. Согласно плану М. Я. Крюкова, в Белоцарске должно было быть построено 300 зданий.

С целью содействия администрации в строительстве города был создан специальный комитет по благоустройству. Его решения утверждались заведующим устройством русского населения в Урянхайском крае. Организация, занимающаяся устройством переселения русского населения в Урянхайский край, проявляла особенную активность, заботясь о том, чтобы как можно быстрее заселить город. В процессе застройки города было немало трудностей. И. Г. Сафьянов ярко иллюстрирует сложившуюся ситуацию: «Об этой постройке сложились целые легенды. Между прочим, рассказывают, что вырубка двухэтажного сруба в 18 комнат обошлась в 18000 рублей, а сколько стоила потом его отделка и крыша, об этом трудно сказать... Много говорили и о том, что Габаев изготовил 150 кубов круглого булыжника, собирая его по берегам Енисея, и частью доставал его из воды, и когда этот булыжник оказался ни для чего не пригодным, и над Габаевым стали смеяться, то он распорядился бросить этот камень обратно в Енисей, чтобы ничто напоминало ему об его глупости...» [Дулов, 2013, с. 407].

Организация строительства силами переселенческого управления осложнялась рядом факторов, в числе которых немалую роль играл личностный. Часто заведующий устройством переселения в Урянхайский край вступал в конфликты с заведующим по делам Урянхайского края А. Церериным. Последний фактически выполнял функции пограничного комиссара в Туве, проводил более осторожную политику во взаимоотношениях с местным населением, руководствуясь инструкциями Министерства внутренних дел. В конечном итоге произошла замена чиновников: А. Церерин был заменен на В. Григорьева, В. Габаев — на М. Шкунова [Василенко, 2017].

Приступив к исполнению своих обязанностей, В. Григорьев запросил на устройство Белоцарска и устройство русского населения в крае сумму, значительно превышающую расходы, запланированные В. Габаевым: вместо планируемых 350 тыс. руб. за 1915 г. предполагалось израсходовать 650 тыс. Возрастание расходов было обусловлено необхо-

димостью устройства оросительных сооружений (в Урянхайском крае почва была сухой. — *Авт.*), рост затрат на медицину и ветеринарию, строительство православных храмов [На перекрестке времени, 2014, с. 137]. Речь шла о расходах на устройство не только новой столицы, но и основных поселков Урянхайского края, занятых русскими, а также удовлетворении нужд местного населения. Однако вопросам устройства нового города, особенно организации школьного строительства, уделялось наибольшее внимание.

По плану комиссара по делам Урянхайского края В. Григорьева школы должны были быть открыты в Мало-Енисейском районе (пос. Бояровский), в южном Тану-ольском районе (пос. Верхне-Никольский), в районе бассейна р. Элегест (пос. Атамановка), Западном районе (пос. Джакуль) и в г. Белоцарск. По причине того что церквей и приходов в Урянхайском крае было немного, необходимость постройки новых школьных зданий была очевидной. Комиссар ходатайствовал о строительстве новых школ, включая квартиры для учительского персонала и общежитие на 30 человек [Там же, с. 142].

За полтора года в Белоцарске было выстроено 18 зданий для административных нужд и 54 частных. «Сельский вестник» сообщал: «В центре Урянхайского края, на узле дорог из России в Монголию, при слиянии Большого и Малого Енисея с весны текущего года быстро, по-американски, растет город Белоцарск, энергично устраиваемый местным деятелем Габаевым [Дулов, 2013, с. 406].

Однако в процессе строительства и заселения города было немало проблем. К их числу следует отнести нерациональное расходование денежных средств, нещадную эксплуатацию рабочих, крайне скверное содержание семей рабочих и строителей: их заселяли в каркасно-насыпные бараки, люди размещались на нарах, везде царила антисанитария и грязь. На страницах газет город нередко именовали «Блохоцарском» и «Голодоцарском». Участки под строительство частных домов разбирались неохотно, к середине 1914 г. из 325 запланированных участков земли было занято лишь 40 [Саая, 2006, с. 37].

В вопросе организации застройки края российские власти особое значение придавали строительству храмов. Приходов для удовлетворения религиозных нужд верующих не хватало, о чем сообщал заведующий устройством русского населения в крае: «Здесь же, в Урянхае, на весь огромный край есть только один священник в с. Туране, которому, конечно, при здешних расстояниях и состояниях дорог нельзя и думать выполнить даже половину духовных потребностей. Русское население края стоит в данном наисущественнейшем вопросе жизни в условиях несравненно худших, чем сойоты (урянхи. — *В. А.*), имеющие 5 хорошо оборудованных и красивых курий и избыток лам. Русское население должно обходиться без священника при заключении браков, ждать месяцами таинства крещения и т. д., все это дает прекрасную почву для успехов всевозможных сект. К началу XX в. на территории Урянхайского края жили представители ряда религиозных организаций: старообрядцев (раскольников), беспоповцев и проч. Старообрядцы составили большую часть населения в процессе начала русской колонизации Урянхайского края во второй половине XIX в. К началу рассматриваемого периода их политико-экономическое влияние в крае было значительным. Ходатайствую о командировании причта теперь же с полным оборудованием и походным храмом» [ГАРТ. Д. 59. Л. 23].

Однако в условиях военного времени вопрос о содержании имеющихся приходов и строительстве новых решался медленно, средств на содержание храмов и священнослужителей не хватало [Там же. Л. 25]. Согласно плану М. Я. Крючкова, первая церковь должна была быть заложена недалеко от берега Енисея (ул. Набережная). Рядом планировалось построить субурган (буддийский храм). По традиции, закладка православного храма должна стать первым мероприятием, ознаменовавшим начало застройки города. Однако, по всей видимости, из-за отсутствия финансовых средств торжественное служение и закладка храма в Белоцарске состоялись лишь через год, 2 августа 1915 г. До этого

момента в Белоцарске действовал разъездной причт, и помимо него функционировало два стационарных: в с. Верхне-Усинском и Туран [ГАРТ. Д. 142. Л. 36].

В будущем храмовое строительство должно было продолжаться. Так, по утвержденному плану работ на 1916 г. ассигнована сумма в 17500 руб., из них на постройку храма и причтового дома в с. Никольском Урянхайского края — 12000, на улучшение обстановки храма в Усинске и Туране — по 500 руб., в Бояровке — 1500 руб, в Белоцарске — 3000 руб. В смету на 1917 г. внесен кредит на постройку храма и причтовых домов в пос. Шагонар и на внутреннюю отделку и приобретение колоколов Белоцарского и Бояровского храмов — 8000 руб. [Ф. 115. Л. 36].

Бесхозяйственность, бесконтрольность расходования средств, нехватка финансов с началом Первой мировой войны привели к тому, что постройка Белоцарска по генеральному плану М.Я. Крючкова была реализована лишь частично.

Несмотря на ряд описанных выше проблем, Белоцарск сумел сохранить статус центрального города Тувы. После окончания гражданской войны город был переименован в Кызыл (Красный). Таким образом, часть улиц, обозначенных в первоначальном генеральном плане г. Белоцарска, была частично воссоздана при дальнейшей застройке г. Кызыла. С его постройкой началась новая страница в истории региона, связанная с дальнейшим укреплением экономических, культурных и политических связей с Россией.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Тыва. Ф. 115. Управление нойонов Танну-Урянхая — Тувы. Оп. 1. Д. 59. 142. Материалы по религиозным вопросам (перевод на русский язык).
2. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 11. Д. Л. 8–15.
3. Bawden Ch. The modern History of Mongolia. L-N-Y, 1989.
4. Бондаренко Т.А. История создания города в центре Азии: электронный ресурс // Новые исследования Тувы. № 4. 2009. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_4/914-bondarenko.html. (дата обращения 20.04.2021).
5. Василенко В. А. Пограничный комиссар в Туве в 1913 г.: назначение, проблемы, противостояние // Новые исследования Тувы. 2013. № 4. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_20/6719-vasilenko.html (дата обращения: 30.04.2021).
6. Василенко В. А. «Урянхайский вопрос» во внешней политике России начала XX в. и проблема участия в нем иностранных государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России». 2017. Т. 16. № 4. С. 641–655.
7. Дацышен В. Г., Ондар Г. А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: Республ. типография, 2003. 278 с.
8. Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы XIX — начало XX в. М.; Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2013. 499 с.
9. Корректурa генерального плана г. Кызыла. М., 1991. 19 с.
10. Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Ч. I. Урянхайский край // Урянхай. Тывадептер. Т. 4. Ч. I. М., 2007. С. 10–261.
11. Кузьмин Ю. В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России: (конец XIX — 30-е гг. XX в.) Иркутск, 1997.
12. Lattimore E. The making of modern China. N-Y, 1944.
13. На перекрестке времени. Урянхайский край. Тувинская народная республика. Тувинская автономная область. Тувинская автономная советская социалистическая республика. Сборник архивных документов и фотодокументов. Научно-документальный сборник (на русском языке). Государственный архив Республики Тыва. Новосибирск: Сиб. кн. изд-во, 2014. 480 с., с ил.
14. Саая С. В., Сат С. Ч. Геополитический статус Тувы в первой половине XX века (1911–1944 гг.). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 296 с.
15. Fritters G. M. Outer Mongolia and its international position / G. M. Ed. By E. Lattimore. Hopkins, 1949.
16. Qusted R. The expansion of Russia in East Asia 1857–1860. Singapore, 1968.

УДК: 796(517.3)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-340-342

**ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО СПОРТА
В МОНГОЛИИ В 1950-х гг.**

© Дацышен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор,
Сибирский государственный университет;
Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
Институт востоковедения РАН
Россия, Москва
dazishen@mail.ru

Статья посвящена истории становления советско-монгольского сотрудничества в сфере спорта. В центре исследования взаимодействие между Монголией и Восточной Сибирью. На основе материалов периодической печати установлено, что первыми соревнованиями между монгольскими и советскими спортсменами в Восточной Сибири был шахматный турнир в 1957 г. В 1958-1959 г. в регионе прошли соревнования по шахматам, футболу, волейболу, бегу на коньках и лыжным гонкам; тренировочные сборы провели велогонщики. Сотрудничество с Восточной Сибирью во многом обеспечило развитие современных видов спорта в Монголии.

Ключевые слова: Монголия, Восточная Сибирь, сотрудничество, спорт, 1950-е гг.

EASTERN SIBERIA AND MODERN SPORTS DEVELOPMENT IN MONGOLIA IN THE 1950S

Vladimir G. Datsyshen
Dr. Sci. (Hist.), Prof.
Siberian Federal University,
Institute for Demographic Research-Branch of the Federal Centre
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
dazishen@mail.ru

The scientific work is devoted to the history of the formation of the Soviet-Mongolian cooperation in the field of sports. The focus of the study is the interaction between Mongolia and Eastern Siberia. Based on the materials of the periodical press, it has been established that the first competition between Mongolian and Soviet athletes in Eastern Siberia was a chess tournament in 1957. In 1958-1959 chess, football, volleyball, skating competitions and cycling training took place. Cooperation with Eastern Siberia has largely ensured the development of modern sports in Mongolia.

Keywords: Mongolia, Eastern Siberia, cooperation, sports, 1950s.

Становление современного спорта в Монголии начинается в середине XX в. В 1947 г. было создано Управление по делам физкультуры и спорта при Совете министров МНР. В 1956 г. основан национальный Олимпийский комитет. В 1961 г. Управление было переименовано в Центральный совет союза физкультуры и спорта. В 1950-х гг. монгольские спортсмены стали выезжать за рубеж для участия в спортивных соревнованиях. Например, в 1955 г. команда МНР участвовала в международных соревнованиях по мотогонкам в окрестностях румынского города Сталин (Брашов).

В 1950-х гг. Монгольская Народная Республика наладила тесные связи и сотрудничество в сфере физкультуры и спорта с Советским Союзом. Например, в 1959 г. монгольские спортсмены принимали участие в международных соревнованиях по легкой и тяжелой атлетике в Москве. Особое место в этом сотрудничестве занимала Иркутская об-

ласть. В интервью корреспонденту ТАСС в 1970 г. председатель Центрального совета физкультуры и спорта МНР Ш. Магван сказал: «Сотрудничество между монгольскими и советскими спортсменами крепнет и расширяется... Особенно плодотворна и тесна связь между спортсменами Улан-Батора и Иркутска» [Восточно-Сибирская правда, 1970, 14 марта, с. 4]. На открытии традиционной встречи спортсменов МНР и Иркутской области Ш. Магван сказал: «Впервые в 1941 году монгольскими студентами был совершен лыжный пробег Иркутск — Улан-Батор, а через 16 лет начались официальные встречи между спортсменами наших двух городов. За последние 11 лет нами проведено около 30 товарищеских встреч: по лыжам, шахматам, конькам, велоспорту, теннису, стрельбе, тяжелой атлетике, волейболу и другим видам, в которых приняли участие многие наши спортсмены» [Константинов, 1970, 7 июля, с. 4].

Сотрудничество между Монголией и Иркутской областью в сфере спорта началось в 1957 г. Первым видом спорта, объединившим две страны, стали шахматы. 13–15 июня 1957 г. в Иркутске состоялся товарищеский матч между шахматистами Иркутской области и Монгольской Народной Республики. Газеты сообщали: «Сборная команда МНР выступает в следующем составе: национальный мастер Д. Цэрэндагва, кандидаты в мастера Н. Намжил и Д. Намсарай, перворазрядники Цэдэнжав, Х. Балдандорж, А. Цэрэндорж, Ц. Тойвго, второразрядник Ш. Пуревжарв; шахматистки — перворазрядница Б. Ичинхорло и второразрядница Ж. Хулгана» [Восточно-Сибирская правда, 1957, 12 июня, с. 4]. В отчете по итогам летнего спортивного сезона за 1957 г. говорилось: «В международных соревнованиях шахматистов Иркутской области и Монгольской Народной Республики иркутяне дважды одержали победу...» [Восточно-Сибирская правда, 1957, 26 октября, с. 1].

С начала 1958 г. встречи шахматистов Монголии и Советского Союза в Иркутске стали регулярными. 6 марта 1958 г. «Восточно-Сибирская правда» сообщила: «Позавчера в конференц-зале Восточно-Сибирского филиала Академии наук СССР открылся III шахматный чемпионат областного спортобщества «Буревестник». В нем принимают участие 11 человек. Среди них приглашенные для участия в турнире национальные мастера Монгольской Народной Республики Д. Цэрэндагва (чемпион республики), С. Момо и П. Тумурбатор» [Анатольев, 1958, 6 марта, с. 4]. На это мероприятие приехал и секретарь шахматной федерации Н. Намжил. В конце марта газеты сообщили: «Состоялся последний, десятый тур областного шахматного чемпионата спортобщества «Буревестник» с участием монгольских друзей... В итоге первое место в турнире занял участвующий вне конкурса мастер спорта Яков Эстри (Москва). Второе — четвертое места разделили национальный мастер Монгольской Народной Республики П. Тумурбатор (вне конкурса) и перворазрядники В. Трейбиц и В. Гайдук» [Анатольев, 1958, 25 марта, с. 4]. 20 апреля 1958 г. иркутская газета сообщила: «Вчера из Иркутска в Улан-Батор по приглашению Комитета физкультуры и шахматной федерации Монгольской Народной Республики для участия в личном первенстве республики по шахматам среди женщин вылетели представительница общества «Буревестник» Э. Павлюченкова с тренером-перворазрядником В. Карповым» [Восточно-Сибирская правда, 1958, 20 апреля, с. 4]. Осенью 1958 г. два иркутских шахматиста — перворазрядник, Е. Концкий и В. Фридман приняли участие в 10-м первенстве Монголии по шахматам. Член советской делегации написал: «Можно без преувеличения сказать, что шахматы в МНР — народная игра. Недаром в республике только количество организованных шахматистов достигает десяти тысяч человек» [Шувалов, 1958, 23 октября, с. 4].

С 1958 г. в практику сотрудничества в сфере спорта входят товарищеские матчи по футболу и волейболу. В 1950-х гг. в Монголии активно стал развиваться футбол и монгольские футболисты стали приезжать на встречи с советскими спортсменами. Летом 1958 г. турне по Советскому Союзу совершила сборная команда МНР по футболу, которая перед этим побывала на учебно-тренировочных сборах в Китае. В сборной Монголии играли Туревжав, Эрпиндо, Банзрагч и др. Сначала сборная Монголии успешно провела

матчи с командами Улан-Удэ и Городка, сведя их на ничью. Затем монгольские футболисты приехали в Иркутск, где провели два матча. Иркутская газета сообщала: «23 июня на зеленом поле центрального стадиона «Труд» монгольских друзей принимала сборная команда молодого сибирского города Ангарска» [Георгиевский, 1958, 25 июня, с. 4]. Ангарчане в этой игре победили со счетом 5:1. Сборная Монголии уступила также и в матче со сборной Иркутска со счетом 5:0. Газеты сообщали: «Проигрыши в Иркутске не обескуражили молодых футболистов Монголии. Наоборот, научили кое-чему. Можно надеяться, что предстоящие в июле встречи на своей родине с футболистами Венгрии и Китая спортсмены Монгольской Народной Республики проведут более успешно» [Восточно-Сибирская правда, 1958, 27 июня, с. 4].

В том же 1958 г. начались соревнования и между волейболистами двух стран. Летом в Улан-Батор впервые поехали спортсменки волейбольной команды иркутского «Спартака» [Восточно-Сибирская правда, 1958, 4 июля, с. 4].

С 1958 г. начинается история сотрудничества между велосипедистами Монголии и Сибири. В этом году в Иркутск впервые приехали 10 велосипедистов из Монголии для проведения совместных тренировок с сибирскими спортсменами.

В конце 1950-х гг. начинается сотрудничество между Монголией и Восточной Сибирью в зимних видах спорта. В Монголии развивается конькобежный спорт, и уже в январе 1959 г. команда МНР приехала в Улан-Удэ на товарищеские соревнования по этому виду. В 1959 г. монголы ездили в Свердловск на первенство среди женщин по конькобежному спорту, правда в качестве наблюдателей. Вскоре базой для подготовки монгольских конькобежцев к международным соревнованиям стал иркутский стадион «Труд». Газеты в 1961 г. сообщали: «Сейчас в нашем городе гостят зарубежные спортсмены, конькобежцы из Монгольской Народной Республики. Под руководством тренера национальной сборной Цэвгээйна Доржи они готовятся к предстоящему первенству мира, в котором МНР будет участвовать впервые... Тренировки монгольских спортсменов — их 10 человек — продлятся до конца января. После чего будут проведены отборочные соревнования...» [Восточно-Сибирская правда, 1961, 21 января, с. 4]. Одновременно с конькобежцами соревноваться с сибиряками начинают монгольские лыжники. В январе 1959 г. в Улан-Удэ прошли соревнования по лыжным гонкам между спортсменами Бурятии и Монголии [Советско-монгольские..., 1979, с. 472].

Начавшееся во второй половине 1950-х гг. советско-монгольское сотрудничество в сфере спорта стало важнейшим фактором становления и развития современных видов спорта в Монголии. Не случайно в начале 1960-х гг. Национальный Олимпийский комитет был зарегистрирован в МОК, и Монголия стала участвовать в Олимпийских играх. Базой для сотрудничества в современных видах спорта были регионы Восточной Сибири — Иркутская область и Бурятия. Спорт стал одним из важнейших элементов всей системы советско-монгольского взаимодействия на региональном уровне.

Литература

1. Анатольев Ю. В турнире принимают участие наши монгольские друзья // Восточно-Сибирская правда. 1958. 6 марта.
2. Анатольев Ю. Шахматный чемпионат «Буревестника» // Восточно-Сибирская правда. 1958. 25 марта.
3. Восточно-Сибирская правда, 1957; 1961; 1958; 1970.
4. Георгиевский Г. Дружеская встреча // Восточно-Сибирская правда. 1958. 25 июня.
5. Константинов Г. Будут новые встречи // Восточно-Сибирская правда. 1970. 7 июля.
6. Советско-монгольские отношения. 1921–1974 [Текст]. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2: 1941–1974. Ч. 2 / сост. сов. части В. И. Бушков и др., монг. части — Б. Балжиргарам и др.; отв. ред. И. С. Казакевич. М.: Международные отношения, 1979. 612 с.
7. Шувалов В. В гостях у монгольских друзей // Восточно-Сибирская правда, 1958.

УДК 94(517)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-343-345

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО МОНГОЛИИ В XXI в.

© Курас Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, г. Улан-Удэ
kuraslv@yandex.ru

На примере российско-монгольских отношений начала XXI в. рассматривается современное состояние феномена «мягкой силы», ее инструментов во внешней политике и возможности ее перехода к стратегическому партнерству. Это подразумевает противостояние «жесткой» или «острой силе», направленной на дестабилизацию политической ситуации как в современном мире, так и в отдельном государстве. В этой связи осуществлен сравнительно-исторический анализ особенностей стратегического партнерства Монголии и России по отношению к третьим странам.

Ключевые слова: «мягкая сила», Россия, Монголия, стратегическое партнерство, «острая сила».

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ — МинОНК (Монголия) «Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ». Проект № 19-514-44001.

STRATEGIC PARTNERSHIP OF MONGOLIA IN XXI CENTURY

Leonid V. Kuras

Dr. Sci. (Hist.), Prof., Senior Research Scientist,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russia
kuraslv@yandex.ru

Based on the example of Russian-Mongolian relationships in the beginning of XXI c. the article examines the current state of «soft power», its instruments in foreign policy and possibility of shift to strategic partnership. This means the opposition towards «sharp power», which leads to disruption of the political situation both in the modern world and in the one state. In this regard, the analysis of features of strategic partnership between Mongolia and Russia towards the third countries have been carried out.

Keywords: «soft power», Russia, Mongolia, strategic partnership, «sharp power».

The article is prepared with the support of the grant from the Russian Foundation for Basic Research — the Ministry of Education and Science (Mongolia) "Soft power" in Russian-Mongolian relations: a comparative analysis. Project No. 19-514-44001.

С середины 80-х гг. XX в. «мягкая сила» [soft power] стала инструментом внешней политики и международных отношений ведущих держав. Это понятие в научный оборот ввел американский политолог Джозеф Най [Най, 2006; Нье, 2009]. Именно он понял, что «мягкая сила» стала механизмом внешней политики мировых держав, способных добиваться желаемых результатов на основе привлекательности, в отличие от «жесткой силы», т. е. силового воздействия. Благодаря Дж. Наю «мягкая сила» превратилась в доктрину, а США стали ее оплотом. «Мягкую силу» использовал и СССР по отношению к странам Варшавского договора, СЭВ и особенно к Монголии.

В современном сообществе существуют рейтинги фактора «мягкой силы» в ведущих странах мира, что нашло отражение в современной историографии [Горлова, Бычкова,

2015; Филимонов, 2013; Соломатин, 2014; Агеева, 2016]. В них позиции России довольно скромные, а в начале 2000-х гг. Россия и вовсе лишилась этого потенциала в зоне своего прямого влияния, даже в Монголии, хотя в этой части у нее богатое прошлое во всех отраслях и особенно в экономике [Советско-монгольские..., 2019].

В последнее десятилетие понятие «мягкая сила» стало важнейшей составляющей внешнеполитической деятельности Российской Федерации, что обусловлено стремлением России вернуть былую славу великой державы на всех уровнях.

В условиях глобализации современного мира устойчивое развитие любой страны во многом зависит от эволюции идеи «мягкой силы» и реализуется за счет выбора стратегических партнеров. Поэтому некоторые исследователи воспринимают стратегическое партнерство как «долговременное сотрудничество на международном уровне по большому числу вопросов с целью получения максимальных выгод для себя и партнера» [Новиков, 2010, с. 118]. Имеются и другие трактовки этого феномена [Портняков, 2011; Жеглова, 2014]. Таким образом, в отечественной историографии нет конкретно выработанного понятия «стратегический партнер» даже на уровне экономическом и военно-политическом. Поэтому ученые допускают достаточно узкие трактовки: «Стратегический партнер в каком-либо регионе или в какой-либо отрасли» [Барковский, Шуйский, 2005, с. 21]. В этой связи представляет несомненный интерес стратегическое партнерство во внешней политике Монголии, которое, по нашему мнению, является логическим продолжением политики «мягкой силы». Это наиболее полно проявилось в 2021 г., в период празднования 100-летия Монгольской революции и установления российско-монгольских дипломатических отношений [Курас, 2021]. Что касается непосредственно стратегического партнерства Монголии, то этот вопрос получил отражение в отечественной историографии [Базаров, 2019]. Так, автор статьи выделяет и дает емкую характеристику пяти стратегическим партнерам Монголии: России, Японии, КНР, Индии и США. Это свидетельство того, что Монголия ищет новые механизмы и точки опоры для усиления своих позиций в мире. Кроме того, это в полной мере соответствует многовекторной политике Монголии в соответствии с концепцией «третьего соседа», когда Улан-Батор поддерживает отношения — «страны Запада и его союзники, традиционно маркированные как члены мирового демократического сообщества. В этой связи в политических взаимоотношениях Монголии с внерегиональными государствами идеологический фактор с самого начала играл значимую роль, а само понятие «третий сосед» приобрело статус идейно-политического концепта» [Родионов, Аюшеева, 2017, с. 126]. Такой подход не противоречит современным мировым тенденциям, в т. ч. и российским принципам развития стратегического партнерства [Кузнецов, 2014]. И в этом плане каких-либо различий в позиции России и Монголии на этот вопрос нет. Другое дело, что традиционные партнеры, такие как Россия и КНР [Новости...], имеющие общие границы и многовековую совместную историю, готовы вкладывать в понятие «стратегическое партнерство» с Монголией значительно больше смысла и политической воли, а следовательно и ресурсов, в т. ч. финансовых [Базаров, 2019, с. 307–308]. Именно поэтому хотелось бы акцентировать внимание на мнении российских экономистов на проблему стратегического партнерства, которому, на наш взгляд, как раз и следует современная Монголия: «Наша новая внешнеэкономическая политика должна строиться на примате национальных интересов и приоритетности решения внутренних проблем, подчеркнутым прагматизмом, исключая исторические симпатии и антипатии и предполагающем превалирование экономических соображений при определении стратегических партнеров». А это означает, что «стратегические партнеры не могут быть вечными» [Барковский, Шуйский, 2005, с. 28].

Говоря о стратегическом партнерстве, следует подчеркнуть, что это явление в современном мире выходит на новый уровень, что обусловлено вызовами времени, когда на

смену концепции «мягкой силы» приходит новая концепция «умной силы» как сочетание «мягкой силы» с «жесткой силой» [Морозов, 2017]. Более того, на повестке появилась *sharp power* [«острая сила»], которая «подобно ножу «вонзается» в социальный строй зарубежного государства с целью его дестабилизации» [Кузнецов, 2022, с. 146]. Это обусловлено дальнейшей поляризацией сил, при которой США будут защищать сложившийся миропорядок со своей доминирующей ролью [Морозов, 2017, с. 134].

Литература

1. Агеева В. Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 279 с.
2. Базаров В. Б. Стратегическое партнерство во внешней политике Монголии // *Власть*. 2019. № 6. С. 302–308.
3. Барковский А. Н., Шуйский В. П. Стратегические партнеры России сегодня и в долгосрочной перспективе // *Внешнеэкономический бюллетень*. 2005. № 12 (декабрь). С. 21–28.
4. Горлова И. В., Бычкова О. И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 18. С. 268–272.
5. Жеглова Ю. Г. Стратегическое партнерство как формат межгосударственных отношений // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2014. Т. 7. № 3. С. 115–122.
6. Кузнецов И. А. Развитие форм стратегического партнерства: дис. ... канд. экон. наук. М., 2014. 189 с.
7. Кузнецов Н. М. *Sharp power* и внешняя политика США: сочетание несочетаемого? // *Власть*. 2022. № 1. С. 146–151.
8. Курас Л. В. Информационные письма и программы научных конференций, посвященных 100-летию Монгольской революции 1921 г.: от «мягкой силы» к стратегическому партнерству // *Власть*. 2021. № 3. С. 85–90.
9. Морозов Ю. В. «Мягкая и жесткая» стратегия США в отношении России, Китая и других государств ШОС // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Вып. XXII: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е. И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 121–138.
10. Най Дж. *Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике* / Дж. Най. М.: Тренд, 2006. 397 с.
11. Новиков И. А. Стратегическое партнерство как феномен международной политики (анализ отношений Россия — Евросоюз) // *Вестник ВолГУ*. 2010. № 1(17). Сер. 4 «История. Регионоведение. Международные отношения». С. 117–124.
12. *Новости // Монголия сегодня*. 2022. 8 февр.
13. Портяков В. Я. Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР // *Общество и государство в Китае: XLI научная конференция*. ИВ РАН. М.: Восточная литература, 2011. С. 204–207.
14. Родионов В. А., Аюшеева И. Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 420. С. 125–130.
15. *Советско-монгольские экономические связи. 1955–1985 гг.: сборник документов* / отв. ред. А. В. Юрасов; отв. сост. Е. Р. Курапова; сост. В. С. Пушкарев, Л. Мэндсайхан. М.: Фонд «Связь Эпох», 2019. 774 с.
16. Соломатин А. Н. Коммуникативные стратегии формирования международного имиджа России: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 159 с.
17. Филимонов Г. Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2013. 421 с.
18. Nye Jr., Най Дж. С. *Soft Power: The Means To Success In World Politics* [Мягкая сила]: путь успеха в мировой политике]. *Public Affairs*, 2009. 208 p.

УДК 378(091)+378+37(4/9)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-346-348

**О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МЕЖДУ УНИВЕРСИТЕТАМИ БУРЯТИИ И МОНГОЛИИ (2019–2021 гг.)**

© **Гыргенова Байрма Сергеевна**

кандидат исторических наук, начальник отдела науки и высшей школы,
Министерство образования и науки Республики Бурятия
Россия, г. Улан-Удэ
g_bairma_s@mail.ru

Дан краткий анализ международного сотрудничества университетов Бурятии с вузами Монголии. Основной формой международного сотрудничества в области образования является подготовка кадров для всех отраслей Монголии.

Ключевые слова: подготовка кадров, договоры о сотрудничестве, научно-исследовательские работы, стажировки.

**ON COOPERATION IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION
BETWEEN UNIVERSITIES OF BURYATIA AND MONGOLIA (2019–2021)**

Bayarma S. Gyrgenova

Cand. Sci. (Hist.), Head of Science and Higher Education Department,
Ministry of Education and Science of the Republic of Buryatia
Ulan-Ude, Russia
g_bairma_s@mail.ru

The article is devoted to the brief analysis of international cooperation between universities of Buryatia and Mongolia. The main form of international cooperation between universities is the training of personnel for the industries of Mongolia.

Keywords: personnel training, cooperation agreements, research work, internships.

Россия и Монголия имеют тесные узы сотрудничества в вопросах подготовки национальных кадров. С 2003 г. действует соглашение о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии. Численность студентов из Монголии, которые обучались в вузах России в 2019 г., составила свыше 3 тыс., и это количество уступало только численности студентов из КНР, Индии и Вьетнама. Иностранцы имеют возможность получить высшее образование в вузах России как за счет средств федерального бюджета, так и на договорной основе.

90-летнее плодотворное сотрудничество в сфере образования и науки между странами было подтверждено Программой по подготовке кадров на 2018–2020 гг. между Минобрнауки России и Министерством образования, науки, культуры и спорта Монголии, подписанной в рамках визита министра образования, науки, культуры и спорта Монголии Ц. Цогзолмаа в Россию [<https://www.minobrnauki...>].

Университеты Бурятии и Монголии проявляют интерес к развитию двустороннего сотрудничества, проведению совместных образовательных и научных проектов, научно-исследовательских работ, разработке новых технологий и инноваций в различных сферах.

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет» осуществляет взаимодействие с 11 вузами Монголии, среди которых Монгольский госуниверситет, Монгольский государственный медицинский университет, Монгольский госуниверситет образования, Монгольский университет науки и технологий и др. Выражаем надежду, что междисциплинарные

научные исследования ученых двух стран в области медицины, образования, экологии, культурного наследия найдут свое отражение и применение в программе деятельности научно-образовательного центра мирового уровня «Байкал», который создается на территории Бурятии и Иркутской области в ближайшие 3 года [<https://www.bsu.ru/university...>].

ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» (далее — ВСГУТУ) также сотрудничает с рядом монгольских вузов, такими как Монгольский государственный университет науки и технологий, Монгольский национальный университет, Монгольский государственный аграрный университет и др. Монгольские студенты и преподаватели являются участниками совместных научных конференций, грантов, обучаются в аспирантуре ВСГУТУ.

В 2019 г. были заключены новые договоры о сотрудничестве с Университетом правоохранительной службы, Университетом финансов и экономики, институтом «Тэнгэр». Также ВСГУТУ в рамках проекта «Создание образовательно-инновационных центров по кожевенным технологиям (кожевенных хабов) в России и Монголии», реализуемого по программе Эразмус +, сотрудничает с Монгольской ассоциацией кожевников. [<https://esstu.ru/uportal/...>]

Партнерами ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» выступают Монгольский государственный университет культуры и искусств, Департамент культуры и искусств Монголии. В рамках подписанных соглашений организованы курсы повышения квалификации для монгольских специалистов, которые обучаются по программам переподготовки и имеют возможность проходить исследовательскую стажировку на базе вуза. Реализация научно-творческого проекта «Древо культуры: вопросы образования, мира, экологии в пространстве культуры кочевых народов» укрепляет связи с учеными, преподавателями и студентами вузов-партнеров, изучающих данную проблематику, и содействует развитию всестороннего сотрудничества творческих коллективов Бурятии и Монголии [<https://www.vsgaki.ru/international...>].

ФГБОУ ВО «Бурятская сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова» активно осуществляет международные контакты с Монгольским университетом наук о жизни в рамках реализации гранта по линии программы Эразмус +. Кроме этого, в рамках международных договоров научно-педагогические работники вуза принимают активное участие в международных научно-практических конференциях [<http://www.bgsha.ru/...>].

Необходимо отметить, что с учетом ограничений, связанных с COVID-19, академическая мобильность университетов в 2020/21 уч. г. не имела места. На 1 января 2022 г. в Бурятии обучается всего 132 студента из Монголии, из них по программам высшего образования — 78, по программам СПО — 54.

В начале февраля 2022 г. в Улан-Удэ состоялась встреча Главы Республики Бурятия А. Цыденова с руководителем Россотрудничества в Монголии А. Базархандаевым, в ходе которой были обсуждены вопросы сотрудничества Бурятии и Монголии, в т. ч. в сфере образования. По данным Россотрудничества, в последние 2 года 60–70% монгольских студентов, поступивших в центральные вузы России по квоте, бросают учебу и возвращаются домой в течение первого года. В этой связи встает вопрос: как привлечь студентов из Монголии в университеты Бурятии? Что для этого необходимо и что можно предпринять как на федеральном, так и на региональном уровне? Эти вопросы стали предметом для обсуждения на очередном заседании Совета ректоров вузов Бурятии в феврале текущего года.

В настоящее время международное сотрудничество вузов Бурятии с монгольскими университетами содействует реализации социально-культурных, научных, образовательных проектов, повышает академическую мобильность студентов и преподавателей. Со-

трудничество университетов Бурятии и Монголии в сфере образования несмотря на незначительный спад, связанный с COVID-19, будет продолжено.

Источники

1. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=22253 (дата обращения 05.02.2022).
2. URL: <https://www.bsu.ru/university/international/partners> (дата обращения: 18.02.2022).
3. URL: <https://esstu.ru/uportal/info/internationalCooperation.htm> (дата обращения: 18.02.2022г.)
4. URL: <https://www.vsgaki.ru/international-activities/foreign-partner> (дата обращения: 18.02.2022).
5. URL: <http://www.bgsha.ru/podrazdeleniya/otdel-mezhdunarodnykh-svyazej.html> (дата обращения 18.02.2022).
6. Текущий архив Министерства образования и науки Республики Бурятия за 2021 год // Международное сотрудничество вузов.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	5
І. Д. БАНЗАРОВ: БИОГРАФИЯ, НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ, ПАМЯТЬ	
<i>Тулохонов А. К., Иванова С. Н.</i> Бурят-монгольское научное общество им. Д. Банзарова и становление современной академической науки Бурятии.....	7
<i>Пан Т. А.</i> Каталог маньчжурских книг Азиатского музея, составленный Доржи Банзаровым.....	11
<i>Валеев Р. М., Валеева Р. З.</i> Доржи Банзаров и университетское востоковедение в Казани (первая половина XIX в.).....	16
<i>Раднаева Л. Д.</i> Научные интересы Доржи Банзарова в языкознании — предпосылка современных фонетических исследований.....	20
<i>Крайнова Л. Н.</i> Анализ проникновения практик шаманизма в буддийские верования монголов в работе Доржи Банзарова «Черная вера или шаманство».....	24
<i>Булгутова И. В.</i> Образ Доржи Банзарова в бурятской литературе.....	31
<i>Серебрякова З. А.</i> Формирование мировоззрения главного героя романа «Доржи, сын Банзара» Ч. Цыдендамбаева.....	35
<i>Полянская О. Н.</i> Д. Банзаров (1822–1855) и А. Бобровников (1822–1865) общность научных судеб монголоведов и соратников. К 200-летию со дня рождения ученых.....	39
<i>Мададаева Г. И.</i> Монголовед Галсан Гомбоев — современник Доржи Банзарова.....	44
ІІ. ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ: УЧЕННЫЕ, ЭКСПЕДИЦИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ	
<i>Кузьмин Ю. В.</i> Современное мировое и российское монголоведение: основные тенденции и проблемы.....	48
<i>Загребин А. Е.</i> Научный и политический дискурс в «монгольских экспедициях» Г. И. Рамштедта.....	52
<i>Носов Д. А., Яхонтова Н. С.</i> Работа монголиста В. А. Казакевича в Азиатском Музее / Институте востоковедения АН (1929–1937).....	55
<i>Бондарь Л. Д., Сизова А. А.</i> Бурятский словарный материал в путевом дневнике Д. Г. Мессершмидта.....	58
<i>Арванити И.</i> «Сибирские очерки» в творчестве любимого писателя поколения Адама Шиманского (по документам личного фонда Архива РАН).....	63
<i>Ходковская А.</i> Россия — наша любовь. Личные документы исследователей истории Сибири Виктории и Рэнэ Сливовских в Архиве РАН.....	69
<i>Иванов Д. В.</i> Дары А. А. Лушниковой, Г. М. Осокина и Н. Н. Шулынгина в собрании Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.....	74
<i>Цыбиктаров А. Д., Эрдэнэбаатаар Д.</i> Археологические источники о формировании антропологического типа монголов и бурят.....	79
<i>Карпенко Е. В.</i> «Записки о Монголии» Яо Минхуэя как источник китайских представлений эпохи Цин о Монголии.....	86
<i>Елхина Ю. И.</i> Садхана Ваджрабхайравы из коллекции Государственного Эрмитажа.....	89
<i>Носов Д. А.</i> Бурятоведческие исследования Владимира Александровича Казакевича (1896–1937).....	93
<i>Ветлужская Л. Л.</i> Иакинф Бичурин и начало преподавания китайского языка в г. Кяхта... <i>Медведева М. В.</i> Достижения Института археологической технологии в изучении коллекции Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова на выставке ГАИМК 1927 г.	96
	100

III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Соснерж К. А.</i> Управление народами Сибири в период кризиса империи: репрезентация закона и практики.....	104
<i>Оохнойн Батсайхан.</i> Из истории стремления бурят к монгольским корням: с благословения Богдохана.....	108
<i>Егодурова В. М.</i> Человек в локусе пространства озера Байкал (на материале романа К. Балкова «Байкал — море священное»).....	114
<i>Лопсонова З. Б.</i> Традиции этнокультуры детства в формировании этнической социализации детей.....	121
<i>Лыгденова В. Б.</i> Ламаизм и его влияние на развитие образования в Бурятии во второй половине XIX — начале XX века.....	125
<i>Кокоулин В. Г.</i> Сохранение культурного наследия сибирских татар в условиях глобализации.....	134
<i>Цыбенков Б. Д.</i> О роли даурских деятелей Мэрсэ и Фуминтая в создании Народно-революционной партии Внутренней Монголии.....	138
<i>Ырзаков Д. А., Тиленбаева Г. Э., Камбарова Н. Н.</i> Духовность и современная массовая музыкальная культура.....	141
<i>Гомбожапов А. Д.</i> К вопросу о характеристике труда в кочевом обществе современной Монголии.....	148
<i>Бадмацыренов Т. Б.</i> Теоретико-методологические подходы в исследовании буддийских онлайн-сообществ.....	151
<i>Байкалов Н. С.</i> Особенности проектирования населенных пунктов районов строительства БАМ (1970–1980-е гг.).....	155
<i>Дугарова С. Ж., Верхотурова Ю. В.</i> Правовая природа памятников монгольского права... ..	161
<i>Хармаев Ю. В.</i> Исследователи ссылки и каторги о взаимоотношениях беглых каторжан с местным населением Забайкалья Российской империи в XVIII–XIX вв.....	167
<i>Матанцева М. Б.</i> Лексика шаманской религиозной культуры: лингвокультурологический аспект.....	172

IV. ЭТНОПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

<i>Дамбуева П. П.</i> Разноуровневые средства выражения модальности в «Алтан тобчи».....	177
<i>Абдуллаев С. Н., Мушаев В. Н., Абдуллаева Г. С.</i> Вопросы варьирования именных моделей простого предложения в тюрко-монгольских языках.....	190
<i>Дадуева Е. А.</i> Особенности выражения каузативных отношений в бурятском языке.....	197
<i>Мадиева Г. Б., Кабытаева А. А.</i> Ойкодомонимы как индикатор полиязычия в Казахстане.....	201
<i>Дырхеева Г. А.</i> Гүрэн ‘государство’ и хуули ‘закон’ в языковом сознании бурят-билингвов (по результатам ассоциативного эксперимента).....	207
<i>Харанутова Д. Ш.</i> Проблемы структурирования однокоренных слов бурятского языка: лексикографический аспект.....	211
<i>Бадмаева Л. Б.</i> Литературное наследие бурят на старомонгольской письменности.....	216
<i>Цыбенкова Ч. С.</i> Проспективные факторы языковой ситуации в Республике Тыве.....	220
<i>Даржаева Н. Б.</i> Вопросительные местоимения как средства усиления эмоциональности в бурятском языке.....	223
<i>Бадмаева Л. Д.</i> О расширении корпуса бурятского языка.....	227
<i>Дамбуев И. А.</i> Телескопия как модель топонимного образования.....	230
<i>Дашиинимаева П. П.</i> Овнешняяемость мысли в форме: лингвофилософские, когнитологические и семиотические основания.....	237
<i>Бадурева Г. Ц.</i> Образ родины в прозе Булата Молонова.....	243
<i>Балданмаксарова Е. Е.</i> Свообразие художественной интерпретации буддийской легенды о шамбале в романе «Гэгээтэн» монгольского писателя Г. Мэнд-Ооео.....	248

<i>Будажанова Л. Б.</i> Функционирование деспециализированных единиц буддийской терминологии в бурятском языке (по материалам региональных СМИ).....	253
--	-----

V. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Дагбаева Н. Ж., Содномова Н. Б.-Ц., Жаргал Уржинсурен.</i> Современные проблемы сельского учителя в Монголии и России: перспективы профессионального развития.....	257
<i>Огоновская И. С.</i> Университетское образование в России на рубеже XIX–XX вв.: взгляд В. И. Вернадского.....	263
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Организация деятельности Читинского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны: по материалам отчетов.....	268
<i>Актамов И. Г.</i> Востоковедное образование в Бурятском университете.....	271
<i>Леонтьев Э. П.</i> Дистанционная форма обучения русскому языку монгольских учителей-русистов в рамках проекта «Российский учитель за рубежом».....	275
<i>Жданко Т. А.</i> Устойчивое развитие предметной и методической компетенций педагогов: проблемное поле, интерпретация.....	279
<i>Рулиене Л. Н.</i> Готовы ли будущие учителя к цифровой трансформации урока?	284
<i>Фомицкая Г. Н.</i> Особенности организации современного урока в контексте обновленных ФГОС	288
<i>Бабииков В. А., Гончиков Ц. Д., Маладаева О. К., Хальбаева С. Р.</i> Становление географического образования и подготовка учителей географии в Республике Бурятия... ..	293
<i>Гармаева Т. В., Гребенникова О. В.</i> Реалии и перспективы формирования произвольного поведения детей: возрастной, социокультурный и этнический аспекты.....	296
<i>Гончикова М. Ц., Ламаева Б. В.</i> История формирования системы высшего профессионального музыкального образования в Республике Бурятия (советский период)	302
<i>Дульчаева И. Л., Корытов Г. А., Цыдыпов Ж. Г., Энхмаа А.</i> История становления высшего профессионального технологического образования в Республике Бурятия и перспективы развития	306

VI. ИСТОРИЯ РОССИЙСКО(СОВЕТСКО)-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Быков А. Ю.</i> Российско-джунгарское разграничение в Прииртышье: значение и последствия.....	312
<i>Маулет З.</i> Особенности развития современной монгольской журналистики и ее перспективы сотрудничества с другими странами.....	318
<i>Урангуа Ж., Шара Г.</i> Движение присоединения всех монгольских племен к Халхе и политика Царской России (1911–1915 гг.).....	323
<i>Кургузов П. В.</i> Троицкосавск в дни нападения барона Унгерна (июнь 1921 г.).....	329
<i>Ланцов С. А.</i> Проблемы независимости и суверенитета Монголии во внешней политике России и СССР.....	333
<i>Василенко В. А.</i> Организация строительства на территории Урянхайского края в начале XX в.	336
<i>Дацышен В. Г.</i> Восточная Сибирь и развитие современного спорта в Монголии в 1950-х гг. ...	340
<i>Курас Л. В.</i> Стратегическое партнерство Монголии в XXI веке.....	343
<i>Гыргенова Б. С.</i> О сотрудничестве в сфере высшего образования между университетами Бурятии и Монголии.....	346

CONTENTS

Opening remarks	5
I. DORZHI BANZAROV: BIOGRAPHY, SCIENTIFIC HERITAGE, MEMORY	
<i>Tulokhonov A. K., Ivanova S. N.</i> Buryat-Mongolian scientific society after D. Banzarov and contemporary academic science development in Buryatia	7
<i>Pang T. A.</i> Manchu books catalogue compiled by Dorzhi Banzarov in Asiatic Museum.....	11
<i>Valeev R. M., Valeeva R. Z.</i> Dorzhi Banzarov and University Oriental Studies in Kazan (first half of the XIX century)	16
<i>Radnaeva L. D.</i> Scientific interests of Dorzhi Banzarov in linguistics — a background of modern phonetic research	20
<i>Krainova L. N.</i> Analysis of shamanism entry into Buddhist beliefs of the Mongols in the work “Dark magic or shamanism in the Mongols” by Dorzhi Banzarov.....	24
<i>Bulgutova I. V.</i> Image of Dorzhi Banzarov in Buryat literature.....	31
<i>Serebryakova Z. A.</i> Development of main character worldview in the novel «Dorzhi, Banzar's son» by Ch. Tsydendambaev.....	35
<i>Polyanskaya O. N.</i> D. Banzarov (1822–1855) and A. Bobrovnikov (1822–1865): common scientific destinies of Mongolian scholars and associates. To the 200th anniversary of the scientists.....	39
<i>Madadaeva G. I.</i> Mongol scholar Galsan Gomboev — a contemporary of Dorzhi Banzarov.....	44
II. HISTORY OF ORIENTAL STUDIES: SCIENTISTS, EXPEDITIONS, RESULTS	
<i>Kuzmin Yu. V.</i> Contemporary world and Russian Mongolistics: main trends and challenges	48
<i>Zagrebin A. E.</i> Scientific and political discourse in the Mongolian expeditions of G.I. Ramstedt ..	52
<i>Nosov D. A., Yakhontova N. S.</i> Mongolist Vladimir A. Kazakevich and his research in the Asiatic Museum / Institute of Oriental Studies of the Soviet Academy of Sciences (1929–1937).....	55
<i>Bondar L. D., Sizova A. A.</i> Buryat lexis in the travel journal of D. G. Messerschmidt	58
<i>Arvaniti J.</i> «Siberian essays» in the works of Adam Shimansky, favorite writer of the generation (according to the documents of the PAS Archive Personal Foundation)	63
<i>Chodkowska A.</i> Russia is our love. Personal documents in the PAS archive of Wictoria and Rene Śliwowski, Siberian history researchers	69
<i>Ivanov D. V. A. A.</i> Lushnikov, G. M. Osokin and N. N. Shulyngin gifts to Anthropology and Ethnography Museum Collection (Kunstkamera) RAS.....	74
<i>Tsybiktarov A. D., Erdenebaatar D.</i> Archaeological sources about forming the anthropological type of the Mongols and Buryats.....	79
<i>Karpenko E. V.</i> «Notes on Mongolia» by Yao Minhui as a source of Chinese representations of the Qing period of Mongolia	86
<i>Elikhina Yu. I.</i> Vajrabhairava Sadhana from the State Hermitage Collection.....	89
<i>Nosov D. A.</i> Buryat studies by Vladimir A. Kazakevich (1896–1937)	93
<i>Vetluzhskaya L. L.</i> Iakinf Bichurin and beginning of teaching Chinese in Kyakhta.....	96
<i>Medvedeva M. V.</i> Institute of Archaeological Technology and its achievements in studying the collection of Mongol-Tibetan expedition by P.K. Kozlov at SAHMC exhibition in 1927.....	100
III. SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN INNER ASIA: TRADITION AND MODERNITY	
<i>Dameshek L. M., Dameshek I. L., Sosnerzh K. A.</i> Governing the peoples of Siberia during the crisis of the Empire: representation of law and practice.....	104
<i>Batsaikhan Ookhnoi.</i> To the history of the Buryats striving to the Mongolian roots: with the blessing of Bogdo Khan. Bandida Khamba Lama Dashidorj congratulates Bogdo Khan.....	108

<i>Egodurova V.M.</i> Human in the space locus of Lake Baikal (based on the language of K. Balkov's novel «Baikal — the sacred sea»).....	114
<i>Lopsonova Z. B.</i> Ethnic culture of childhood: its traditions as a factor for kids ethnic socialization..	121
<i>Lygdenova V. B.</i> Lamaism and its influence on education development in Buryatia in the second half of the XIX — early XX centuries.....	125
<i>Kokoulin V. G.</i> Siberian Tatar cultural heritage preservation in the context of globalisation.	134
<i>Tsybenov B. D.</i> Role of Daur leaders Merse and Fumintai in creating the People's Revolutionary Party of Inner Mongolia.....	138
<i>Yrazakov D. A., Tilenbayeva G. E., Kambarova N. N.</i> Spirituality and modern mass musical culture.....	141
<i>Gombozhapov A. D.</i> In reference to labor characteristics in the nomad society of modern Mongolia.....	148
<i>Badmatsyrenov T. B.</i> Theoretical and methodological approaches in studying the Buddhist online communities	151
<i>Baikalov N. S.</i> Planning and designing settlements in BAM regions (1970s–1980s).....	155
<i>Dugarova S. Zh., Verkhoturova Yu. S.</i> Legal nature of Mongolian law monuments	161
<i>Kharmayev Yu. V.</i> Researchers of exile and katorga on the relationships of fugitive convicts with the indigenous inhabitants of Transbaikalia of the Russian Empire in the XVIII-XIX centuries....	167
<i>Matantseva M. B., Poskhodiev R. V.</i> Vocabulary of shamanic religious culture: linguoculturological aspect	172

IV. ETHNO SPACE OF LANGUAGE AND LITERATURE: PAST AND PRESENT

<i>Dambueva P. P.</i> Multi-level means of expressing modality in «Altan Tobchi».....	177
<i>Abdullaev S. N., Mushayev V. N., Abdullaeva G. S.</i> Variation in simple sentence nominal models in Turko-Mongolian languages.....	190
<i>Dadueva E. A.</i> Peculiarities in expressing causative relations in the Buryat language.....	197
<i>Madiyeva G. B., Kabytayeva A. A.</i> Oikodomonyms as multilingualism indicators in Kazakhstan... ..	201
<i>Dyrkheeva G. A.</i> Guren «State» and Khuuli «Law» in language consciousness in bilingual Buryats (based on the results of an associative experiment).....	207
<i>Kharanutova D. Sh.</i> Structuring single-root words of the Buryat language: lexicographical aspect.....	211
<i>Badmaeva L. B.</i> Literary heritage of the Buryats in the Old Mongolian Script.....	216
<i>Tsybenova Ch. S.</i> Prospective factors for language situation in the Republic of Tyva.....	220
<i>Darzhaeva N. B.</i> Interrogation pronouns as a means of strengthening emotion in the Buryat language.....	223
<i>Badmaeva L. D.</i> On expansion of the Buryat language corpus.....	227
<i>Dambuev I. A.</i> Blending as a means of toponymic word-formation.....	230
<i>Dashinimaeva P. P.</i> Thought explicated in sign: linguo philosophical, cognitological and semiotic foundations.....	237
<i>Badueva G. Ts.</i> Image of small homeland in prose by Bulat Molonov.....	243
<i>Baldanmaksarova E. E.</i> Original character in artistic interpretation of Buddhian legend about Shambale in the novel «Gegeenten» by Mongolian writer G. Mend-Ooyo.....	248
<i>Budazhapova L. B.</i> Specialized unit functioning in Buddhist terminology in the Buryat language (based on the materials of regional media).....	253

V. HISTORY OF EDUCATION DEVELOPMENT AND MODERN EDUCATIONAL STUDIES

<i>Dagbaeva N. Zh., Sodnomova N. B.-C., Urjensuren Jargal.</i> Contemporary challenges of rural teachers in Mongolia and Russia: professional development prospects	257
<i>Ogonovskaya I. S.</i> University education in Russia at the turn of the 19th — 20th centuries: the view of V. I. Vernadsky.....	263

<i>Drobotushenko E. V.</i> Organization of the activities at Chita State Pedagogical Institute during the Great Patriotic War: according to work reports.....	268
<i>Aktamov I. G.</i> Oriental Studies at Buryat University.....	271
<i>Leontyev E. P.</i> Distance learning in teaching the Russian language to teachers of Russian from Mongolia within the framework of the project «Russian teacher abroad».....	275
<i>Zhdanko T. A.</i> Sustainable development subject and methodological competencies in teachers: challenges and interpretation.....	279
<i>Ruliene L. N.</i> How to prepare future teachers for the digital transformation in class?.....	284
<i>Fomitskaya G. N.</i> Modern lesson organisation in the context of the updated Federal State Educational Standards.....	288
<i>Babikov V. A., Gonchikov Ts. D., Maladaeva O. K., Khalbaeva S. R.</i> Geographical education development and Geography teacher training in the Republic of Buryatia.....	293
<i>Garmaeva T. V., Grebennikova O.V.</i> Realities and prospects for children's random behaviour: age, socio-cultural and ethnic aspects	296
<i>Gonchikova M. Ts., Lamaeva B. V.</i> Higher professional music education history in the Republic of Buryatia (Soviet period).....	302
<i>Dulchaeva I. L., Korytov G. A., Tsydyпов J. G., Enkhmaa A.</i> Higher professional technological education history in the Republic of Buryatia and prospects for development.....	306

VI. RUSSIAN (SOVIET)-MONGOLIAN RELATIONS IN THE XX — EARLY XXI CENTURIES

<i>Bykov A. Yu.</i> Russian-Dzungar separation in the Irtysh: significance and consequences.....	312
<i>Maulet Z.</i> Development of modern Mongolian journalism and its prospects for cooperation with other countries.....	318
<i>Urangua J., Sharav G.</i> To the question of joining Mongolian tribes to Khalkha and politics of the Russian empire (1911–1915).....	323
<i>Kurguzov P. V.</i> Troitskosavsk during baron Ungern attack (June, 1921)	329
<i>Lantsov S. A.</i> Independence and sovereignty of Mongolia in foreign policy of Russia and the USSR.....	333
<i>Vasilenko V. A.</i> Construction management on the territory of the Uriankhai region in the early 20th century.....	336
<i>Datsyshen V. G.</i> Eastern Siberia and modern sports development in Mongolia in the 1950s.....	340
<i>Kuras L. V.</i> Strategic partnership of Mongolia in XXI century.....	343
<i>Gyrgenova B. S.</i> On cooperation in the field of higher education between universities of Buryatia and Mongolia (2019–2021).....	346

Научное издание

БАНЗАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы международной научной конференции, посвященной
200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ — БГУ
(Улан-Удэ, 30–31 марта 2022 г.)*

В ДВУХ ЧАСТЯХ

Часть 1

Редактор Е. И. Борисова

Дизайн обложки А. Б. Дашиевой

Компьютерная верстка Н. Ц. Тахинаевой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 22.03.2022. Формат 70x108 1/16.
Усл. печ. л. 30,8. Уч.-изд. л. 27,04. Тираж 150. Заказ 29.
Цена свободная

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
gio@bsu.ru

Отпечатано в типографии Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а